

ACADEMIA DE ȘTIINȚE A MOLDOVEI
INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ **vol. V** _ nr. 2

CHIȘINĂU 2010

ISSN 1857-016X

**ACADEMIA DE ȘTIINȚE A MOLDOVEI
INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE**

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Colegiul de redacție

Redactor șef: dr.hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău)
Redactor responsabil: dr.hab. **Oleg Levițki** (Chișinău)
Secretar de redacție: dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Membrii colegiului de redacție: dr. hab. **Igor Brujako** (Odesa), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Chișinău), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. **Petre Roman** (București), dr. hab. **Sergej Sanžarov** (Lugansk), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergej Skoryj** (Kiev), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), **Larisa Ciobanu** (Chișinău)

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al «Revistei Arheologice», Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural AȘM, bd. Ștefan cel Mare 1, MD-2001 Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия АНМ, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the «Archaeological Magazine», the Institute of Cultural Legacy of the Academy of Sciences of RM, bul. Ștefan cel Mare 1, MD-2001 Chisinau, the Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами
All the papers to be published are reviewed by experts

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

- VASILE CHIRICA, ILIE BORZIAS, MĂDĂLIN VĂLEANU** (*Iași, Chișinău*),
IMAGINEA FEMEII IN ARTA SI RELIGIILE PREISTORICE: *ORANTA* 5
- МАЙА КАШУБА, МАРИНА ДАРАГАН, ОЛЕГ ЛЕВИЦКИЙ** (*Кишинэу, Киев*),
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ НОВШЕСТВА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА: ПЕРСПЕКТИВЫ
ИЗУЧЕНИЯ РАННЕЙ ГОНЧАРНОЙ СЕРОГЛИНЯНОЙ КЕРАМИКИ ВОСТОЧНОГО
ПРИКАРПАТЬЯ 28
- ВЛАД ВОРНИК, ЛАРИСА ЧОВАНУ** (*Кишинэу*), ПОГРЕБЕНИЯ С ЗАПАДНО-ВОСТОЧНОЙ
ОРИЕНТИРОВКОЙ ИЗ МОГИЛЬНИКА КУЛЬТУРЫ СЫНТАНА ДЕ МУРЕШ-ЧЕРНЯХОВ У
СЕЛА БРЭВИЧЕНЬ. К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ХРИСТИАНСТВА В ГОТИИ ... 62

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

- МАРИНА ДАРАГАН, МАЙА КАШУБА, СЕРГЕЙ РАЗУМОВ** (*Киев, Кишинэу*),
ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ЧЕРНОЛЕССКОЙ ФОРТИФИКАЦИИ
(10.-9. ВВ. ДО Н.Э., ПРАВОБЕРЕЖЬЕ СРЕДНЕГО ДНЕПРА): ПОИСК
ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ 91
- VASILE HANEU** (*Chișinău*), PUNCTE DE VEDERE REFERITOARE LA AREALUL
CONSTITUIRII CULTURII TRACO-GETICE 129

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

- ILIE BORZIAS, VITALIE BURLACU** (*Chișinău*), NOI CONTRIBUȚII LA CUNOAȘTEREA
PALEOLITICULUI ÎN ZONA ORHEIULUI VECHI 143
- С.М. АГУЛЬНИКОВ, С.В. ИВАНОВА** (*Кишинэу, Одесса*), КИНЖАЛ
«КИММЕРИЙСКОГО ТИПА» ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ С. СЕВЕРИНОВКА 151
- VASILE IARMULSCHI** (*Chișinău*), OBSERVAȚII PRIVIND AȘEZĂRILE
DE TIP ROIENEȘTI-LUCAȘEUCA 158
- ION URSU** (*Chișinău*) MORMINTE CU SCHELETE DE CAI LA POPULAȚIILE
TURANICE TÂRZII DIN SPAȚIUL CARPATO-NISTREAN 169

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

- ROMAN CROITOR, THEODOR ARNĂUT** (*Chișinău*), A SHORT REPORT ON NEW
OSTEOLOGICAL AND TAPFONOMICAL RECORDS FROM THE GETIC MONUMENT
STOLNICENI 179

**RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CĂRȚI –
РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW**

Konnie L. Wescott and R. Joe Brandon (ed.), <i>Practical Applications of GIS for Archaeologists. A Predictive Modeling Toolkit</i> , Taylor&Francis, 2005, 187 pag., eBook, ISBN 0-203-26953-5 (RADU PÎRNĂU, Iași)	184
<i>Antichitatea târzie în bazinul Prutului: catalog</i> , coordonat de Ion Ioniță, Mircea Mamalaucă și Vlad Vornic, Bârlad, Editura Sfera, 2009, XX+131 p., ISBN 978-606-8056-50-0 (LUDMILA BACUMENCO-PÎRNĂU, Chișinău)	186
Т.А. Щербакова, Е.Ф. Тащи, Н.П. Тельнов, <i>Кочевнические древности Нижнего Поднепровья (по материалам раскопок кургана у г. Слободзея)</i> [Antichități nomade de pe Nistrul Inferior (pe baza materialelor din tumulul de lângă or. Slobozia)], Biblioteca de arheologie IV, Chișinău, 2008, 138 p., ISBN 978-9975-66-105-8 (SERGIU MUSTEAȚĂ, Chișinău)	189
<i>Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии: Памяти Татьяны Чуковой</i> [Iconografia creștină a Orientului și Occidentului redată pe vestigiile ale culturii materiale a Rusiei kieviene și a Bizanțului: In memoriam Tatiana Čukova], Sankt-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006, 344 p., ISBN 5-85803-322-9 (LUDMILA BACUMENCO-PÎRNĂU, Chișinău)	191
Харьковский историко-археологический ежегодник. ДРЕВНОСТИ 2006-2008 [Anuarul istorico-arheologic din Harkov. ANTICHITĂȚI 2006-2008] Harkov, 2008, 304 p. ISBN 978-966-8603-358. (ION URSU, Chișinău)	195

IN MEMORIAM

ПАМЯТИ Г.Ф. КОРОБКОВОЙ (9.03.1933 – 27.08.2007) (ОЛЬГА ЛАРИНА, Кишинэу)	198
ПАМЯТИ МАРКА БОРИСОВИЧА ЩУКИНА (14.10.1937 – 14.07.2008) (СЕРГЕЙ КУРЧАТОВ, Кишинэу)	200
К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИСААКА АЛЕКСАНДРОВИЧА РАФАЛОВИЧА (НИКОЛАЙ ТЕЛЬНОВ, Кишинэу)	202
LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION	204
INFORMAȚII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE	206
ИНФОРМАЦИЯ И УСЛОВИЯ ИЗДАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА	208
INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE	210
LISTA Instituțiilor de profil de peste hotare cu care Centrul de Arheologie al IPC AȘM întreține relații de colaborare științifică și efectuează schimb de publicații	212

IMAGINEA FEMEII ÎN ARTA SI RELIGIILE PREISTORICE: ORANTA

Vasile CHIRICA, Ilie BORZIAN, Mădălin-Cornel VĂLEANU, Iași/Chișinău

În studiu sunt abordate și discutate unele aspecte ale credințelor, riturilor și spiritualității din cadrul complexului cultural eneolitic Cucuteni-Tripolie. Sunt examinate reprezentări antropomorfe, imagini pictate pe ceramică, „tronulețe”, protome și alte piese, care în opinia autorilor exprimă nemijlocit - Oranta - poziție a statuetelor ori a imaginilor, deseori extrem de stilizate cu brațele ridicate în sus. Această imagine feminină din iconografia complexului a fost descrisă în mai multe cazuri, dar numai accidental. În articol pentru prima dată problema Orantei în iconografia complexului cultural amintit din spațiul Carpato-Nistorean este analizată special. În baza examinării unui lot de peste 30 de piese cu imagini Oranta, autorii ajung la concluzia că originea reprezentării coboară din paleoliticul superior. În culturile neo-eneolitice din bazinul danubian această imagine, posibil, simbolizează o ipostază intermediară, care leagă muritorii de rând cu o zeitate mai superioară și că această zeitate „masculină”, este reprezentată de Taur. Astfel Zeița-Mamă invocată de mai mulți cercetători ca zeitate superioară în credințele neo-eneoliticului, capătă, în viziunea autorilor, un „superior” de gen masculin. Concluziile cercetătorilor sunt argumentate prin numeroase exemple și analogii din paleoliticul superior; cât și din culturile neo-eneolitice din zonele limitrofe complexului cultural Cucuteni-Tripolie.

Образ женщины в первобытном искусстве и религии: оранта. Статья посвящена сложным проблемам раскрытия содержания древних верований в среде носителей энеолитического культурного комплекса Кукутень-Триполье. Анализируются антропоморфные статуэтки, изображения, нарисованные на керамике, протомы (личины), «креслица» (троны) и другие предметы из археологических коллекций, которые, по мнению авторов, представляют собой явные или стилизованные изображения Оранты - позиции фигур с поднятыми для молитвы руками. Позиция Оранта в иконографии указанного культурного комплекса, а также в более широком плане неоднократно рассматривалась исследователями, но специально, в данном случае - впервые. На основе изучения более 30 образцов изображений (женских статуэток, протом, креслиц, рисунков на керамике и керамических формах), авторы заключают, что образ (генезис) Оранты впервые появился еще в позднем палеолите и он, в целом, символизирует как бы промежуточное положение между простыми смертными и Высшим Божеством. Большинство исследователей определяют как одно из основных культовых проявлений в культурном комплексе Кукутень-Триполье образ «Богини-Матери». По определению авторов, в пантеоне носителей указанного культурного комплекса существовало Высшее божество. Оно было мужского пола и отождествлялось с Быком. Выводы подкрепляются многочисленными примерами и аналогиями из позднего палеолита Европы, сопредельных нео-энеолитических комплексов.

L'image de la femme dans l'art primitif et la religion: oranta. L'article est consacré aux problèmes complexes du dévoilement du contenu des anciennes croyances dans l'analyse des groupes définis des artefacts des établissements des porteurs du mégaensemble culturel énéolithique Cucuteni-Tripolie. On analyse tels groupes des artefacts, qui à l'opinion des chercheurs est présente par eux-mêmes évident ou dans un différent degré stylizée les représentations d'Oranta - les positions des figures féminines avec les mains levées pour la prière. La position d'Oranta dans l'iconographie de l'ensemble indiqué culturel, ainsi que dans un plus large plan (y compris le paléolithique tardif) était abordée plus d'une fois, mais conformément à l'ensemble donné et spécialement - ici pour la première fois. À la base de l'étude plus de 30 divers modèles (les statuettes féminines, les formes de la céramique et les représentations sur eux, „les trones”, les modèles la façade des temples „maisonne rituel”, „protomes”, etc. Les auteurs concluent que l'image d'Oranta a la genèse dans le paléolithique tardif et il faut le trouver quoi qu'intermédiaire entre le commun des mortels et la Divinité Supérieure. La plupart des investigateurs écrivant sur neo-énéolithiques les croyances, définissent l'image “De Déesse Grand Mère” en qualité d'un des cultes principaux respectés. Les auteurs arrivent à la conclusion que l'image Oranta symbolisé intermédiaire liason entre le culte de la Déesse-Grand Mère et la Divinité Supérieure. Dernière était du sexe fort et est identifié avec le Boeuf. Les conclusions se reconfortent par de nombreux exemples et les analogies du paléolithique tardif de l'Europe et d'autres cultures neo-énéolithique des recoins limitrofe.

Mots clés: Cucuteni, Tripolie, Déesse-Grand-mère; la Divinité Supérieure; Oranta; statuettes féminines

Aspecte generale

O bogată literatură de specialitate, îndeosebi occidentală, tratează aproape exhaustiv problematica reprezentărilor antropomorfe feminine în arta preistorică, paleolitică și neo-eneolitică, uneori și aspectele religioase care decurg din imagistica feminității preistorice, cu lucrări de caracter general, monografic (Abramova 1962; Leroi-Gourhan 1990; Delporte 1991; Otte 1993; 2006; Cauvin 1997; Cohen 2003), sau studii speciale (Abramova 1995, 17-27; Delporte 1995, 55-64; Duhard 1995, 65-70; Hahn 1995, 113-122; Klima 1995, 129-132; Mohen 1995, 139-148; Otte 1995, 195-214; Walter, 1995, 259-272). În literatura românească de profil, puțini specialiști s-au „aventurat” în evidențierea artei antropomorfe feminine și a valențelor spirituale ale reprezentărilor (Nițu, ms. 1980; Monah 1987, 157-165; 1992, 72-112; 1997; Chirica 2004a, 103-127; 2004b, 187-194; 2006a, 7-34; 2006b, 25-27; Chirica, Văleanu 2008). Este important de precizat faptul că în literatura consultată sau numai indicată se găsesc foarte rar informații cu privire la aspectele spirituale ale prezenței elementelor de artă antropomorfă feminină în complexe arheologice. Specialiștii s-au preocupat de ipostazele feminității în artă, au propus teme sau canoane ale artiștilor din Paleolitic și Neolitic, identificând elemente specifice ale divinității feminine la comunitățile umane preistorice, asupra cărora vom insista în paginile studiului nostru.

Descoperirea unei statuete antropomorfe feminine în Colecția Grupului Școlar Agricol „M. Kogălniceanu” din Mirosava, jud. Iași, dar provenind dintr-o stațiune de tip Cucuteni B de la Rădeni, com. Trifești, jud. Iași, readuce în discuție întreaga problematică a reprezentărilor antropomorfe feminine în arta eneolitică cucuteniană.

Materiale puse în discuție

Statueta, fragmentară din vechime, fiindu-i rupte brațele și capul (fig. 1,1.1.2) are înălțimea de 18,2 cm, lățimea la nivelul feselor de 4,7 cm și a brațelor de 6,0 cm, profilul, la nivelul feselor, de 3,3 cm, și al tălpii picioarelor de 3,2 cm; linia de demarcație a picioarelor are înălțimea de 7,9 cm în față și de 6,7 cm în spate (sub fese). Tălpile sunt destul de plate, ceea ce ar presupune că statueta era modelată pentru a fi prezentă în poziție verticală, fără sprijin (fără a fi susținută la manifestările cultice într-un suport). Întreaga statueta are culoarea galbenă a lutului, cu decor pe ambele fețe și pe profil. Astfel, partea inferioară a picioarelor este „încălțată” cu culoare șocolatie, pe întreaga circumferință; aceeași culoare este folosită pentru a trasa, pentru a evidenția și mai bine, linia de demarcație dintre picioare, atât în față, cât și în spate. Așadar, modelatorul a evidențiat demarcația dintre picioare, nu numai arhi-

tectutral, ci și pictural. În general, compozițiile decorative nu sunt foarte clare din cauza condițiilor de zăcere în sol (a compușilor chimici, care au distrus parțial pictura), poate și a unor tratamente neadecvate, la care a fost supusă statueta de către descoperitor. Continuând prezentarea decorului piesei, precizăm faptul că pe față acesteia este redat naturalist triunghiul pubian, iar pe piept, între sâni (zona sacralizată a asigurării hranei după naștere), se pot imagina două romburi, unite nu numai în punctul de îmbinare, ci și printr-o linie mediană verticală, încadrată de câte alte două linii verticale, în interiorul fiecărui romb (Chirica 2004a, 117-123). Precizăm însă că este posibil ca decorul central să nu reprezinte romburi dublu, ci o compoziție diferită, cu un dreptunghi în partea de jos (fără linia de completare a părții inferioare), și o altă creație artistică în partea de sus, căci, așa cum se păstrează în prezent, nu se observă liniile de demarcație superioară și inferioară ale triunghiurilor. În plus, la partea superioară a acestor motive decorative pare să se observe liniile oblice care se continuă până deasupra sânilor, sub brațe. Chiar și sâni par să fi fost încercuiți de câte o linie maronie-șocolatie, pentru a fi mai bine reliefăți. Pe tot corpul se mai observă încă decorul din linii oblice paralele, tot șocolatii, care se continuă, parțial, în zona fesieră. La decorul pictat rombic se adaugă modelarea sânilor în sensul de a reda feminitatea și caracteristicile sacralizate ale divinității-mamă, chiar dacă aceștia sunt normali ca dimensiuni și nu exagerat modelați, ca în alte creații antropomorfe feminine, paleolitice și neo-eneolitice. Se pare că grupele de linii oblice paralele (câte patru) se unesc în față, la nivelul genunchilor, creând impresia unei eșarfe, poate robă, care ar fi trebuit să acopere zona fesieră (a șoldurilor), dar lăsând total descoperit, deci supusă vederii, spațiul suprainghinal. Porțiuni de linii oblice paralele se mai observă în zona pectorală și a gâtului, dar și pe picioare, sub genunchi. Pe spate, decorul general pare să fie reprezentat tot din linii paralele, orizontale (în zona fesieră), oblice (în același spațiu) și verticale (pe omoplați), dar se mai observă încă și alte elemente decorative, cum ar fi linia verticală pentru demarcația picioarelor sau „saboții” din picioare. Este la fel de interesant faptul că, așa cum s-a păstrat, în profil, resturile mâinilor par să reprezinte un alt șir de sâni, puțin mai mari decât cei modelați pe piept, în zona anatomică specifică. Mai adăugăm faptul că în diferite stațiuni cucuteniene (de factură Cucuteni B) au fost descoperite numeroase alte statuete pictate cu motive care reprezintă „saboții” mai înalți sau mai scurți (Chirica, Tanasachi 1985, 526, fig. 30, 1; Monah 1997, fig. 168,1.2.4; 171.10; Sorochin, Borzic, 2001, 115-136)

Așa cum am precizat mai sus, această statueta reprezintă cea mai evidentă modelare a divinității femi-

nine în postura de *orantă*, în cadrul ceramicii și plasticii antropomorfe feminine neo-eneolitice. Dacă avem în vedere redarea, în manieră picturală, foarte stilizată, a acestui tip de reprezentare feminină pe ceramica eneolitică, vom constata că a existat un *canon* obligatoriu pentru evidențierea divinității-mamă, înscriindu-se printre *temele majore* (Chirica 2004a, 119) sau *marile teme* (Monah 1992, fig. 4,1) ale iconografiei ceramicii și plasticii Cucuteni-Tripolie. Dar, ca și tratare plastică, explicită și naturalistă, nu cunoaștem, până în prezent, nici o altă modelare a *orantei*, cu excepția unei *plăci antropomorfe* descoperită la Trușești-Botoșani, în nivel de locuire Cucuteni A (= Tripolie B1) (fig. 4,2a-b). Aceasta a fost modelată din pastă grosieră, cu multă pleavă în compoziție. A fost descoperită în perimetrul locuinței XL, care constituia, probabil, un tip de sanctuar al așezării. Piesa a intrat de mult în literatura de specialitate (Höchmann 1987, 97, fig. 9; Gimbutas 1987, 113, fig. 4; Monah 1997, 261, fig. 9,4; Petrescu-Dîmbovița ș.a. 1999, 527, fig. 372,2; Cucuteni 2009, fig. 64,150). Dan Monah scria despre această piesă: „o interesantă piesă, înaltă de 73 cm și lată de 70 cm, modelată din chirpic cu multă pleavă, a fost descoperită în locuința nr. 40, ce aparține tot nivelului Cucuteni A de pe Țuguieța. Descoperită în partea nord-vestică a construcției, placa pare să înfățișeze un personaj cu brațele ridicate, temă destul de rară în plastica antropomorfă cucuteniană, dar frecventă în civilizațiile eneolitice învecinate contemporane. Interpretarea ei ca un ansamblu cu trei capete sau reprezentând trei personaje, ni se pare mai puțin probabilă” (Monah 1997, 38). De altfel, această interpretare se bazează pe descrierea făcută de către descoperitor, care precizează că „pare mai plauzibilă semnificația de orantă, motiv binecunoscut și în arta plastică neolitică, mai ales că, în ceea ce privește așezarea din faza Cucuteni A de la Trușești, se poate stabili, între altele, o legătură și cu reprezentarea în relief a cuplurilor de pe un vas de provizii, de mari dimensiuni, din această așezare, la care, de asemenea, mâinile sunt mai mari decât capul” (Petrescu-Dîmbovița ș.a. 1999, 526).

În ultimul timp au fost descoperite și publicate mai multe imagini ale reprezentărilor antropomorfe, îndeosebi feminine, cărora noi le acordăm și interpretarea ce poate fi acceptată ca *orantă*. Astfel, dacă vom relua discuțiile în legătură cu cele două *ansambluri* precucuteniene, de la Poduri-Bacău (D. Monah, Dumitroaia, F. Monah, 2003) și, respectiv, Isaiia-Iași (Ursulescu, Tencariu 2006), vom observa că fiecare conține câte un scaunel (tron ?) cu extremitățile superioare supraînălțate (nr. 10122 la Poduri, nr. 7 la Isaiia) (fig. 2,1-2; 3,1). Precizăm că, la Poduri-Bacău, cel mai vechi nivel de locuire aparține fazei Precucuteni II, la aproximativ 5820 B.P. (4780-4619 Cal B.C.). În perimetrul con-

strucției nr. 36 (locuință-sanctuar), lângă cea de a doua vatră, s-a descoperit *ansamblul* numit Soborul Zeițelor, cu cele 21 statuete feminine, 13 tronuri și alte două mici piese neidentificabile, toate din lut ars (D. Monah, Dumitroaia, F. Monah 2003, 34, 44-46, 107-111, 143-144). Autorul descoperirilor precizează că, din totalul statuetelor, 15 erau de dimensiuni mari, dintre care 13 păstrau încă un „luxuriant decor pictat cu roșu”, alte 6 statuete fiind de dimensiuni mai mici. Cele 13 tronuri au fost confecționate special, pentru personajele care urmau să stea pe ele în cadrul ceremoniilor religioase. Dintre acestea, se remarcă, în prezentarea autorului descoperirii, faptul că „zeiții principali îi era rezervat tronul cu spătarul sub formă de coarne, simbol masculin. Un alt tron are coarne mai mici, arătând existența unei ierarhii în grupul de zeițăți. În sfârșit, al treilea tron are spătarul drept, cu o decupare semicirculară și pare să fie destinat celei de a treia zeițăți ca importanță. Celelalte tronuri sunt mai simple și de dimensiuni diferite, în funcție de importanța personajului și dimensiunea statuetei ce-l reprezintă” (*Ibidem*, 45).

Este semnificativă identitatea între numărul de tronuri și de statuete pictate (13). Se remarcă și faptul că statuetele pictate au fost modelate în postura șezândă, pentru a fi depuse pe tronuri, în cadrul ceremoniilor culturale. Referitor la interpretarea părții superioare a tronurilor, mai ales primele trei, cu spătarele supraînălțate, noi considerăm că marginile acestora ar putea fi considerate mâinile divinității feminine în poziție de orantă, deși nu excludem nici postura de protecție masculină a spătarului, cu reprezentarea foarte stilizată a coarnelor, ca simbol al divinității masculine protectoare, așa cum constatăm în reprezentarea picturală din Grotta Chauvet, Franța (datată la aproximativ 32.000-31.000 ani) (fig.10, 3).

La Isaiia, jud. Iași, o descoperire aparținând tot culturii Precucuteni (începutul fazei Precucuteni III) este identică cu cea de la Poduri, cu diferența că decorul statuetelor este incizat, sau cu împunsături, nu pictat. Au fost descoperite tot 21 de statuete și tot 13 tronuri, iar dintre acestea se remarcă unul singur (nr. 7), cu marginile spătarului supraînălțate (fig. 3,1). Acesta face parte din grupa scaunelelor de mărime mijlocie, nedecorat, din pastă roșie, cu nisip și pietricele. În descrierea autorului descoperirii, „spătarul este subțiat, terminându-se cu două brațe oblice, dintre care cel din dreapta a avut o corniță (acum ruptă) spre interior, iar cel din stânga are două cornițe (una mai ascuțită, spre interior, și alta, puțin reliefată, spre exterior). Între brațe se formează o înșeuare” (Ursulescu, Tencariu 2006, 113, fig. 29). Precizăm că la Isaiia sunt semnalate și alte scaunele (tronuri) cu spătarul terminat cu extremități supraînălțate, sub formă de „cornițe”, mai proeminente sau mai slab modelate. Tot în această stațiune au fost identifi-

cate 21 de conuri mici, reprezentând, probabil, imagini *phalice* schematizate, 21 de bile mici, parțial perforate, și 42 bile mici, complet perforate, toate din lut ars (*Ibidem*, 120-122, fig. 36-38). La aceste descoperiri se adaugă o masă-altar, care întregeste caracterul cultural al întregului complex arheologic. Se mai precizează faptul că, spre deosebire de complexul de locuire de la Poduri, unde au fost amenajate două vetre, la Isaiia a fost descoperită o singură instalație de încălzire (deși spațiul construcției era destul de larg), fapt ce demonstrează o dată în plus caracterul cultural, și nu de locuire propriu-zisă a amenajării respective, vatra însăși având un rol bine determinat în cadrul manifestărilor cultice. N. Ursulescu apreciază și faptul că „imaginea simbolurilor masculine se completează în cadrul celor două ansambluri de cult (de la Isaiia și Poduri – *s.n.*) și prin coarnele spătarelor de la scăunelele-tronuri (pl. III)” (*Ibidem*, 46). Din nou, noi apreciem că modelarea spătarelor ar putea reprezenta ridicarea mâinilor, la rugăciune, de către divinitățile feminine, în cadrul ceremoniilor culturale, către o altă divinitate, superioară, pe care o considerăm masculină. Considerăm că, dacă partea superioară a spătarelor tronurilor s-ar fi dorit a fi modelată explicit sub formă de coarne de taur, acestea ar fi fost bine evidențiate, și nu extrem de stilizate. În această aserțiune luăm în considerație tronul de la Lipcani, în Basarabia, „l'un des plus rares exemplaires de plastique religieuse néolithique” (Ambrojevici, 1933, 42-43, fig. 8) (fig. 3, 4). Piesa aparține unei locuiri Cucuteni B2, datată la 3700-3500 CAL B.C. Se apreciază că „la piece a une double interpretation: la representation de la divinité, modele comme deux statuettes féminines, presque identiques, représentant la *Deesse-Mere* (*Magna Mater*) ayant la signification de *Terre Mere*, unies par une liaison avec le symbole des cornes de consecration mais, sous forme de l'autel, recipient prévu avec des pieds anthropomorphes (Mareș 1996, 65, fig. 1) (fig. 3,2). O altă reprezentare a unei divinități antropomorfizate feminine, cu brațele ridicate, a fost descoperită în așezarea de la Nagornoe II (malul stâng a lacului Yalpug, reg. Odesa) în Ucraina (nivel de locuire ce are analogii cu complexul cultural Aldeni II) (Skakun 1996, 141-158, fig. 4) (fig. 5,7). Piesa este decorată cu perforații care reprezintă ochii sau delimitează brațul de antebraț, marchează ombilicul, alte perforații neputând fi interpretate (cea dintre sâni și cele pectorale). Tot unor locuiri eneolitice (de factură Stoicani-Aldeni) le aparțin descoperirile de la Dodești și Igești (Coman 1980, 307, fig. 97, 1-5; 312, fig. 102,4), cu precizarea că este vorba de statuete antropomorfe feminine (fig. 5,1-6). Statuetele din așezarea de la Dodești au sâni bine modelați, uneori chiar cu decor din linii incizate, care au menirea de a reliefa caracteristica feminității, iar brațele, scurte (doar ca niște cioturi – amorse, une-

ori fragmentare din vechime) sunt modelate oblic în sus sau chiar îndoite, cu antebrațele în sus, în poziția clasică a *orantei* (fig. 5,6).

Statueta din așezarea de la Igești are doar partea superioară a corpului, cu capul și brațul stâng rupte din vechime, dar brațul drept este modelat cu antebrațul vertical în sus, cu degetele (numai trei) reprezentate prin perforații alungite. Întregul corp este decorat cu șiruri de împunsături, iar sâni sunt modelați în cadrul unei frize realizată din linii adâncite, orizontale și verticale (arcuite) (fig. 5,1).

Deosebit de interesante sunt descoperirile din așezarea de la Scânteia-Iași, unde C.M. Mantu (1993, 53, fig. 8,4-5) a semnalat statuete feminine cu brațele sub formă de amorse, dar ridicate în sus, pe care le consideră „medietoare între oameni și divinități”. Încă mai interesantă ni se pare a fi singura statueta masculină cu picioarele depărtate și cu brațele-amorse modelate în sus (*Ibidem*, fig. 10,12).

În diferite stațiuni aparținând eneoliticului, au fost identificate relativ numeroase piese de artă, ce ar putea fi incluse în categoria reprezentărilor *orantei*. Ne referim mai întâi la piesele descoperite la Alba Iulia–„Lumea Nouă”, aparținând eneoliticului timpuriu (grupul cultural Foeni, datat la aproximativ 4800-4500 BC): statueta antropomorfă feminină, ce are brațele întinse și ridicate de la cot, cu sâni clar modelați; o altă statueta, unde caracteristicile feminine nu sunt reprezentate, se înscrie în categoria „cu cap mobil”, are doar brațele oblice în sus, fără alte adaosuri artistice (Ceramica 2007, 104-105, nr. 11, 13) (fig. 5,8-9). Aceste statuete sunt apreciate ca fiind influențe ale culturii Vinča C1. În acest context, semnalăm și alte creații vinčiene: statueta antropomorfă de la Chișova Veche, datată la 5000-4500 a. Chr. „cu brațele ridicate și cu ochii, reprezentați de către două orificii” (Radu 1979, 73, pl. I,1; L'Art néolithique... 2008, nr. 65); decorul de pe piept, chiar și deteriorat, ne-ar putea determina să credem că este o statueta feminină (fig. 5,11). Fazei vechi a culturii Vinča (5500-5000 av. n.e.) îi aparține și fragmentul de vas cu protomă antropomorfă feminină, descoperit la Zorlențu Mare (Drașovean, Ciubotaru 2001, 35, nr. 69) (fig. 6,2). Deși se consideră că este o reprezentare a unei dansatoare, noi vedem mâinile ridicate, ceea ce presupune că, posibil, și în acest caz avem caracteristicile *orantei*, care nu trebuie neglijate.

În cultura Gumelnița (4600-3900 a.Chr.) avem reprezentări de vase antropomorfe, unde personajele au brațele ridicate după modelul *orantei*. Unul dintre acestea, descoperit la Sultana, este „biconique, a le couvercle en forme de calote craniene; son visage est y represente par deux paires d'yeux,” realizate prin culoare albă, ca și liniile decorative orizontale, verticale sau oblice, inclusiv acelea care marchează perforațiile

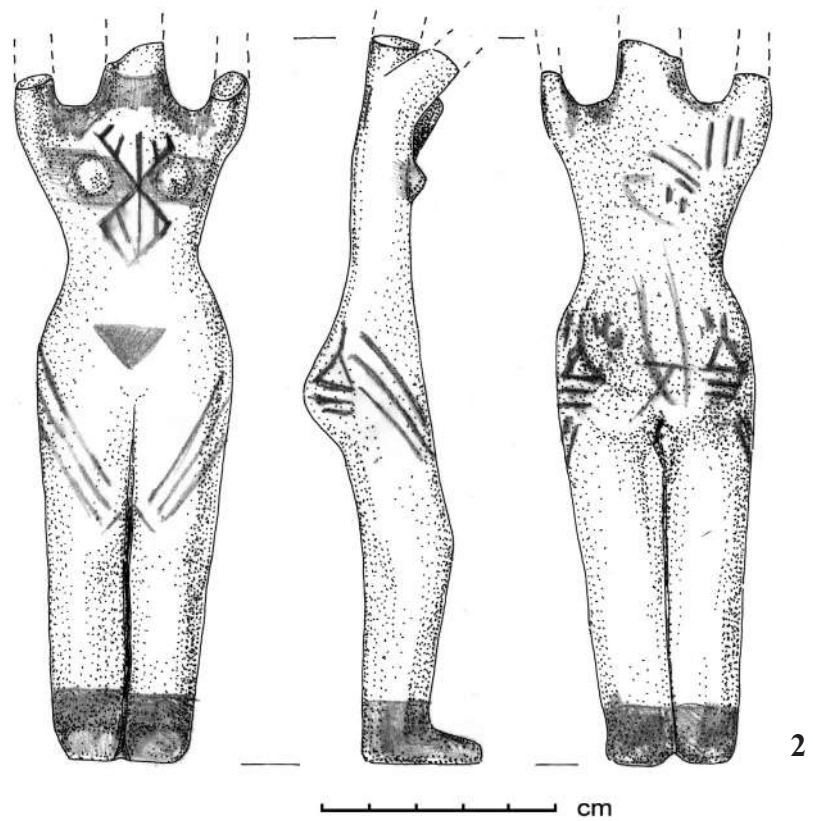
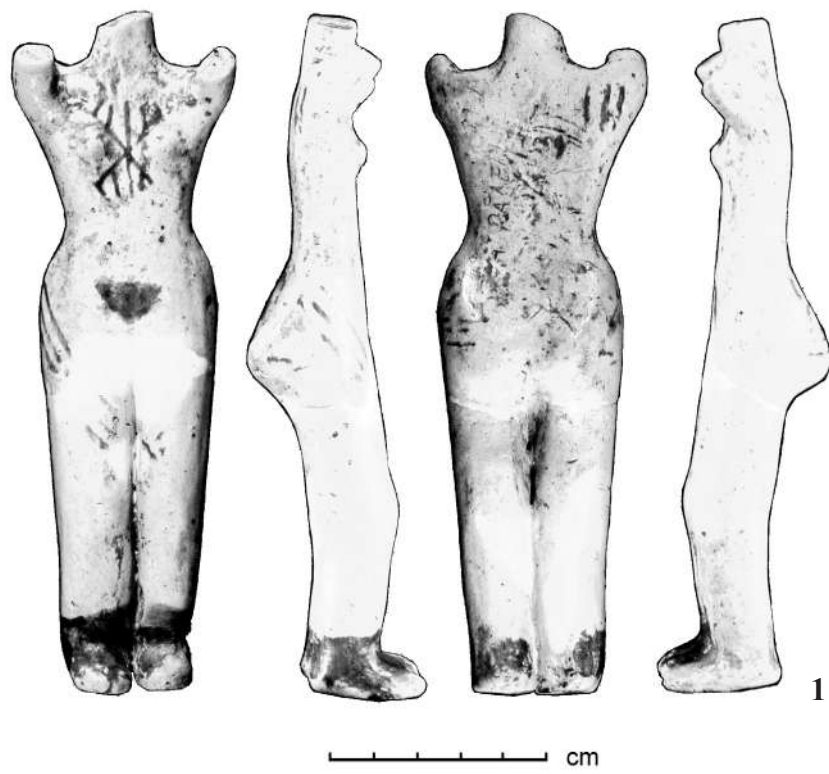

Fig. 1. Statueta de la Rădeni-Iași: 1-fotografie; 2-desen și reconstituire.

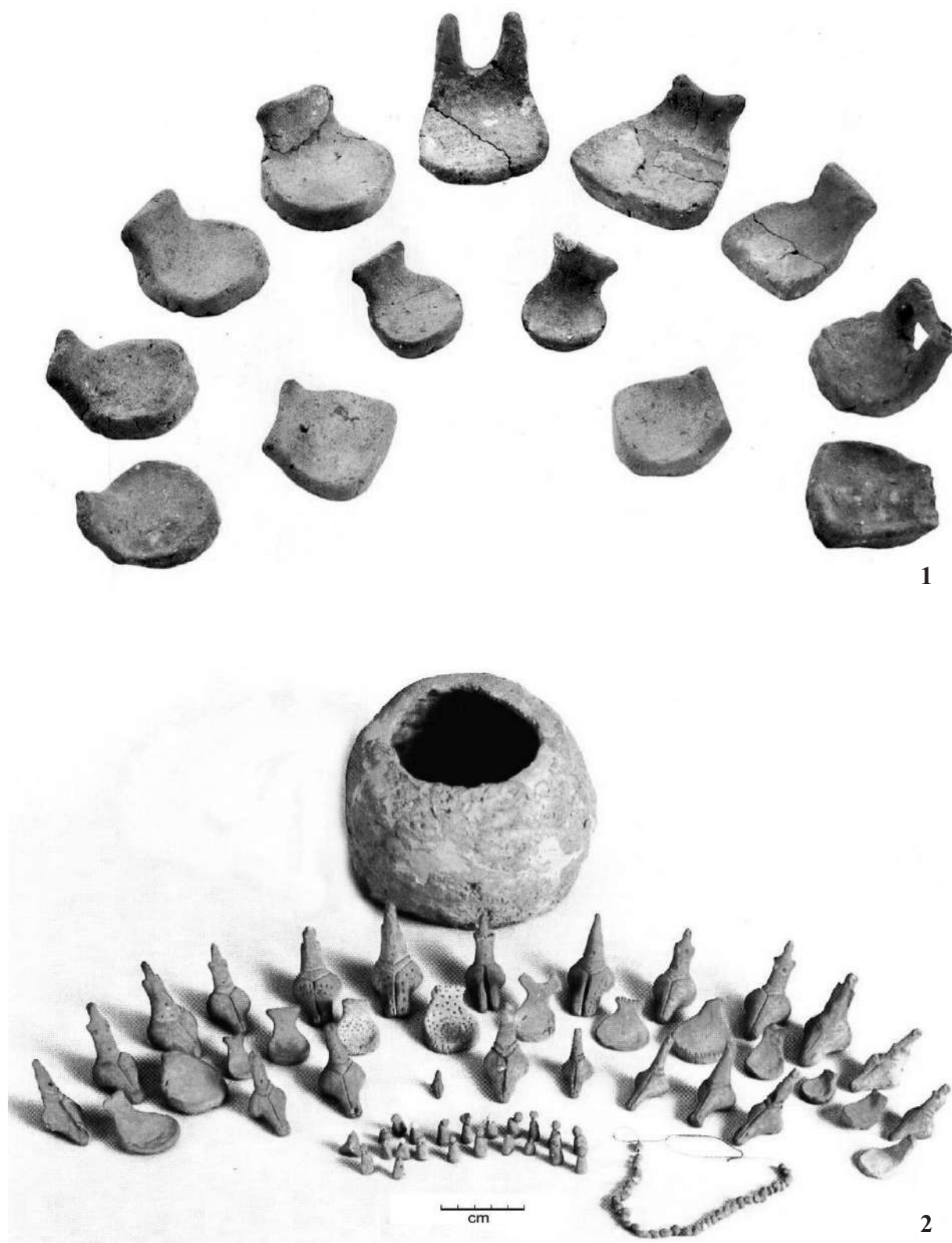

Fig. 2. Ansambluri precucuteniene de cult. 1- Poduri, Bacău (după D. Monah); 2-Isaiia-Iași (după N. Ursulescu).

gurii. Cele două brațe sunt ridicate spre nivelul urechilor decorate cu câte 5 perforații complete (Andreescu, Popa 2003, 62, fig. 6, pl. I, 2; *L'Art néolithique en Roumanie ...* 2008, nr. 108) (fig. 7, 4). Un alt vas antropomorf, provenind de la Oltenița-Măgura Gumelnița (Ionescu 1974, 115-118), a fost descoperit fără capac. Dar are „gâtul” tronconic care se termină sub forma de cap, cu ochii modelați în relief și cu urechele proeminente, verticale”, de la diametrul maxim pornesc cele două brațe, aproape vertical, terminate cu creștături care semnifică degetele (fig. 7, 5).

Vase antropomorfe, folosite uneori ca urne funerare, au fost descoperite în Ungaria. Ne referim, mai întâi, la vasul descoperit în stațiunea de la Szegvár, aparținând culturii Tisza, cu torțile înălțate sub forma mâinilor, și cu decor format din triunghiuri incizate (Kalicz, 1970, 47, fig. 45), dar și la urnele antropomorfe, descoperite în cimitirul de la Center, decorate cu toate atributele feminității, și cu amorsele brațelor ridicate (*Ibidem*, 72-73, fig. 65-68) (fig. 5, 1-3).

Revenind la sculptura cucuteniană, constatăm că în această cultura par să fie descoperite cele mai multe elemente artistice pe care noi le considerăm a fi reprezentări ale *orantei*. Astfel, de la Cucuteni-Băiceni, dintr-o etapă neprecizată a fazei Cucuteni B1, provine o statueta antropomorfă feminină fragmentară, din care s-a păstrat jumătatea superioară a corpului. Are singurul braț păstrat (stângul), modelat în sus, iar la partea inferioară a abdomenului a fost incizată imaginea triunghiului pubian (Petrescu-Dîmbovița, Văleanu 2004, fig. 214,1) (fig. 5, 10).

Din aria basarabeană (tripoliană) a culturii Cucuteni-Tripolie provin mai multe obiecte de cult cu însemnele *orantei*. Ne referim, mai întâi, la scăunelul (tron) de la Voroteț-Orhei, cu spătarul modelat antropologic. Nu rezultă cu certitudine dacă antropomorful este masculin sau feminin, dar din exemplificările de la Poduri și Isaiia (Precucuteni = Tripolie A), unde numai statuetele feminine erau modelate pentru a fi așezate pe tronuri, ne îngăduim să credem că și această creație reprezintă tot divinitatea feminină. O serie de perforații marchează sânii, verticalitatea gâtului, gura și urechile, ultima fiind plasată la nivelul frunții. Brațele, ridicate vertical, sunt tot niște cioturi (amorse) și întreaga circumferință a piesei este decorată cu mici creștături (Markevici 1985, 56, fig. 28) (fig. 3, 3a). În același context cultural, dar din localitatea Putinești-Florești, provin alte două scăunele-tronuri, pe care au fost așezate statuete feminine de stil Precucuteni. Unul dintre acestea are marginile spătarului ușor supraînălțate, cu o mică înșeuare, iar celălalt, pare să fie modelat cu cap (de bour ?) și cu coarne de mici dimensiuni (fig. 3, 3b-c) (*Ibidem*). Par a fi similare acestora și 2 tronulețe, descoperite la Alexandrovka, același raion. Așa-

dar, constatăm că, atunci când artiștii epocii au dorit și canoanele cultuale ale vremii nu le-au impus altfel, modelarea spătarului tronurilor a fost realizată explicit zoomorfic, ca la Putinești-Florești, sau antropomorfic, ca la Lipcani. Din acest punct de vedere, revenind la tronurile precucuteniene de la Poduri și Isaiia, constatăm că, fie canoanele obligatorii, fie necunoscutul sacru, au impus modelarea atât de sumară a brațelor acestora, pe care noi le considerăm ca elemente ale antropomorficului.

Tot din Republica Moldova, din aria basarabeană a culturii Gumelnița (eneolitic, aspectul cultural Aldeni II), din localitatea Taraclia, provine o statueta feminină întreagă, și care reprezintă *oranta* în deplina sa manifestare. Piesa a fost modelată pentru a fi folosită în poziția „în picioare”. Este decorată cu linii incizate pe picioare și pe abdomen; două perforații, la nivelul soldurilor, au fost realizate, probabil, pentru susținerea statuei în poziție verticală. Omilicul este proeminent, ca și sânii, iar brațele ridicate plasează divinitatea în poziția specifică, în cadrul manifestărilor cultice, ale căror detalii nu le vom cunoaște niciodată (*Ibidem*, fig. 34) (fig. 5, 12).

Un întreg ansamblu cultural a fost descoperit la Ovčarovo, Bulgaria, aparținând culturii Karanovo (mil. V a. Chr.), cu mai multe statuete feminine cu brațele scurte, dar înălțate, așezate pe tronuri, cu mai multe măsuțe-altar și cu alte piese, posibil de cult (Gimbutas 1989, fig. 32; Cohen 2003, 146-147).

În cadrul sculpturii cucuteniene am putea încadra reprezentările în relief, pe vase de cult sau folosite în practicile cultuale ale comunităților. Ne referim, mai întâi, la „le piphos decouvert a Dumești-Vaslui, á decor anthropomorphique plastique, en pate poreuse á barbotine. Sur la partie supérieure, est presentes deux silhouettes feminines en relief, en attitudes thematiques differentes” (Maxim-Alaiba 1987, 270, fig. 13). Conform autorului descoperirii „L'une des silhouettes rend la divinité féminine debout vou „de dos”, comme deesse callipigue de la beauté. L'autre silhouette rend la divinité féminine dans l'attitude „accroupie”, comme „position de naissance” de la divinité generatrice de la vie” (*Ibidem*) (fig. 6, 3). Noi vedem, în modelarea imaginilor, pe un vas de calitate mediocră, atitudinea de *orantă* a fiecărei „participante” la manifestările cultice, indiferent de natura interpretării fiecărei divinități.

La Bârlălești-Epureni (jud. Vaslui), într-o așezare Cucuteni A2, a fost descoperit un fragment de *pithos* cu o reprezentare în relief, dorsală, în picioare, cu brațele înălțate (Coman 1980, 128, fig. 103, 2), ceea ce reprezintă, după opinia lui A. Nițu (1970, 77), introducerea normei dorsale „a reprezentărilor feminine în funcția tectonică și decorativă a figurărilor antropomorfe din ornamentația plastică a ceramicii carpato-balcanice”.

Deși, de regulă, cum am observat, divinitatea este reprezentată „din față”, pe un vas de tip Precucuteni III de la Traian-Piatra Neamț (Dumitrescu ș.a. 1953, 57, fig. 12; Dumitrescu, 1957, 61, fig. 1; Nițu 1970, 77-84), divinitatea este redată „cu spatele” (fig. 6, 5), iar acest model pare să devină canon în Cucutenian, căci, au fost descoperite mai multe reprezentări, în așezările de la Ghelăiești-Neamț, Trușești-Botoșani, Scânteia-Iași, Dumești-Vaslui, considerate ca interpretare a divinității feminine acuplate (Chirica 2004 b, 190-191, fig. 5), și al cărei prototip îl găsim în arta paleoliticului superior (Laussel, Grimaldi). Aici, în aceste modelări culturale pe ceramica cucuteniană, în contextul temei noastre, nu putem să nu menționăm poziția *orantei*. Interpretarea poate fi foarte veridică în situația în care acceptăm ideea de *autoprocreere*, pe care divinitatea feminină și-a asumat-o în calitate de mare divinitate a lumii preistorice, în paleolitic și Neo-Eneolitic.

În legătură cu această *temă majoră* a religiilor preistorice, este știut faptul, demonstrat de biologi, că orice ființă vie se naște cu instinctul procreației pentru perpetuarea speciei. În acest sens, caracterul de divinitate, rezervat femeii, se manifestă prin *asocierea imaginilor*, uneori a pozițiilor de cuplare (La Magdelaine des Albis, Gabillou, etc.), cu bărbatul sau cu forța virilă, reprezentată de unele animale. După opinia noastră, în paleoliticul superior, poate mai mult decât în neolitic, *sacralitatea procreației*, reprezentată pe placa de calcar de la Laussel, unde imaginea a fost parțial deteriorată (sau scena propriu-zisă a fost intenționat nedefinit realizată pentru a sublinia sacralitatea faptului), a constituit un element important al sacrului colectiv. Interpretarea *sacrului procreației*, așa cum este redată tema în arta preistorică, impune, deci, posibila imagine a **auto-procreării**, cu care Marea Zeiță-Mamă (La Grande Déesse) a fost dotată, sau pe care si-a însușit-o ca principală divinitate a preistoriei vechi. Pe binecunoscutul *altar* de la Trușești (reprezentat în numeroase lucrări care tratează *dualitatea*, (“coincidența contrariilor”), sau pe vasele de la Dumești, Ghelăiești, Trușești, Scânteia, toate aparținând culturii Cucuteni, sunt reprezentate, cele două entități ale *cuplului antropomorf* (Monah 1992, fig. 3, 1; 4, 1; 2001, 181), ca element al comuniunii celor două principii *ying* și *yang*. Pe alte vase neo-eneolitice dualitatea pare să fie reprezentată numai de *principiul feminin* dublat, dar nu în asociere alăturată, ci prin acuplare, iar noi credem că celebra “La Carte à jouer” de la Laussel (Roussot 1995, fig. 1d) reprezintă „La Grande Déesse accouplée”. Unele explicații se cer a fi precizate: există imagini, ca cea de la Grimaldi (Mussi 1995, fig. 2), Trușești, Dumești sau Scânteia, unde una dintre reprezentări se deosebește de *dublura* ei masculină fie prin lipsa sânilor, fie prin tratarea specială a capului, în timp ce altele, absolut

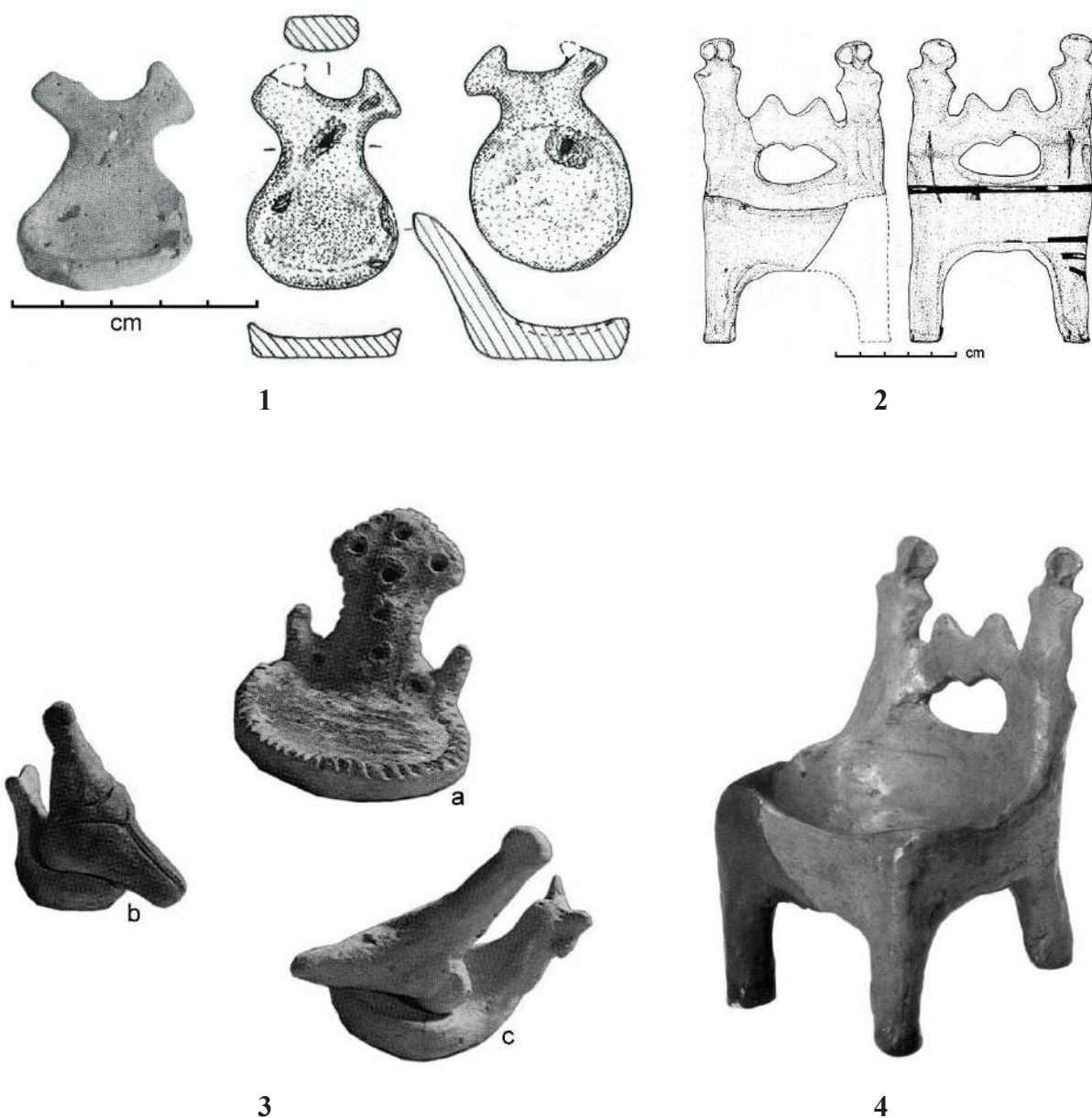
identice, nu lasă posibilități de interpretare a dualității; în această situație, rămâne de acceptat caracterul hermafrodit al zeiței feminine, în calitatea sa de *autoprocreere*, atribut Marii Zeițe-Mame.

Trecând la pictura cucuteniană, observăm, mai întâi, faptul că pe câteva fragmente ceramice de la Ruginoasa-Iași este redată, extrem de stilizat, imaginea *orantei* (Chirica, Văleanu 2008, 44-45) (fig. 8,1-3), dar aceste imagini picturale se asociază, credem noi, perfect cu recent descoperita statueta de la Rădeni.

În cadrul ceramicii pictate, credem că nu toate ornamentele, motivele decorative, indiferent de obârșia ori natura lor pot și trebuie să fie considerate ca reprezentând elemente de certă factură religioasă. Admitem faptul că prin însăși natura sa, arta picturii cucuteniene are trăsături de spiritualitate, dar încercăm să nu confundăm spiritualitatea cu religia, chiar și în preistoria epocii noi a pietrei; aceasta cu atât mai mult, cu cât majoritatea materialelor arheologice ceramice ne-a parvenit în stare fragmentară, uneori atât de accentuată, încât nu se pot distinge motivele decorative pentru a avea o imagine adecvată asupra naturii artistice a creației și compoziției acesteia. Mai adăugăm faptul că, după opinia noastră, prea adesea s-a căutat identificarea elementelor religioase, chiar de manifestare a sacrului individual și colectiv, a practicilor, riturilor și ritualurilor colective cu caracter de generalizare, *obligatorii* pentru toate comunitățile umane din imensa arie de răspândire a locuirilor celor trei faze de evoluție al extinsului complex cultural Cucuteni-Ariușd-Tripolie. După opinia noastră, *marile teme religioase* identificate de D. Monah (1992, 72-112), V. Chirica (2004a, 103-127; 2004b, 187-194), de alți exegeți (Nițu 1980, 127; Nițu, Chirica 1987, 78-84; Nițu, Mantu, 1987, 187-194; Petrescu-Dîmbovița, Văleanu 2004, 172-176 etc.) pot reprezenta doar idei generale ale religiozității comunităților umane cucuteniene, nu și manifestări cultice cu caracter individual, specifice unor anumite așezări cucuteniene, a căror existență se încearcă a fi demonstrată pe baza unor descoperiri arheologice, uneori de caracter particular.

Noi vom lua în considerație acele puține elemente identificate la Ruginoasa-Colina lui Drăghici – vase pictate, reprezentările în relief pe pereții unor vase, plastica antropomorfă și zoomorfă, alte elemente plastice (conuri) sau piese de cult (mese-altar, scaune-tro-nuri), care constituie mărturii incontestabile ale creației artistice de factură religioasă, unele dintre acestea reprezentând, după opinia lui VL. Dumitrescu (1979, 72), „sculptura cucuteniană”.

Pictura de caracter religios se referă, mai întâi, la trei fragmente, provenind de la vase diferite, cu reprezentare antropomorfizată, probabil feminină. Acestea

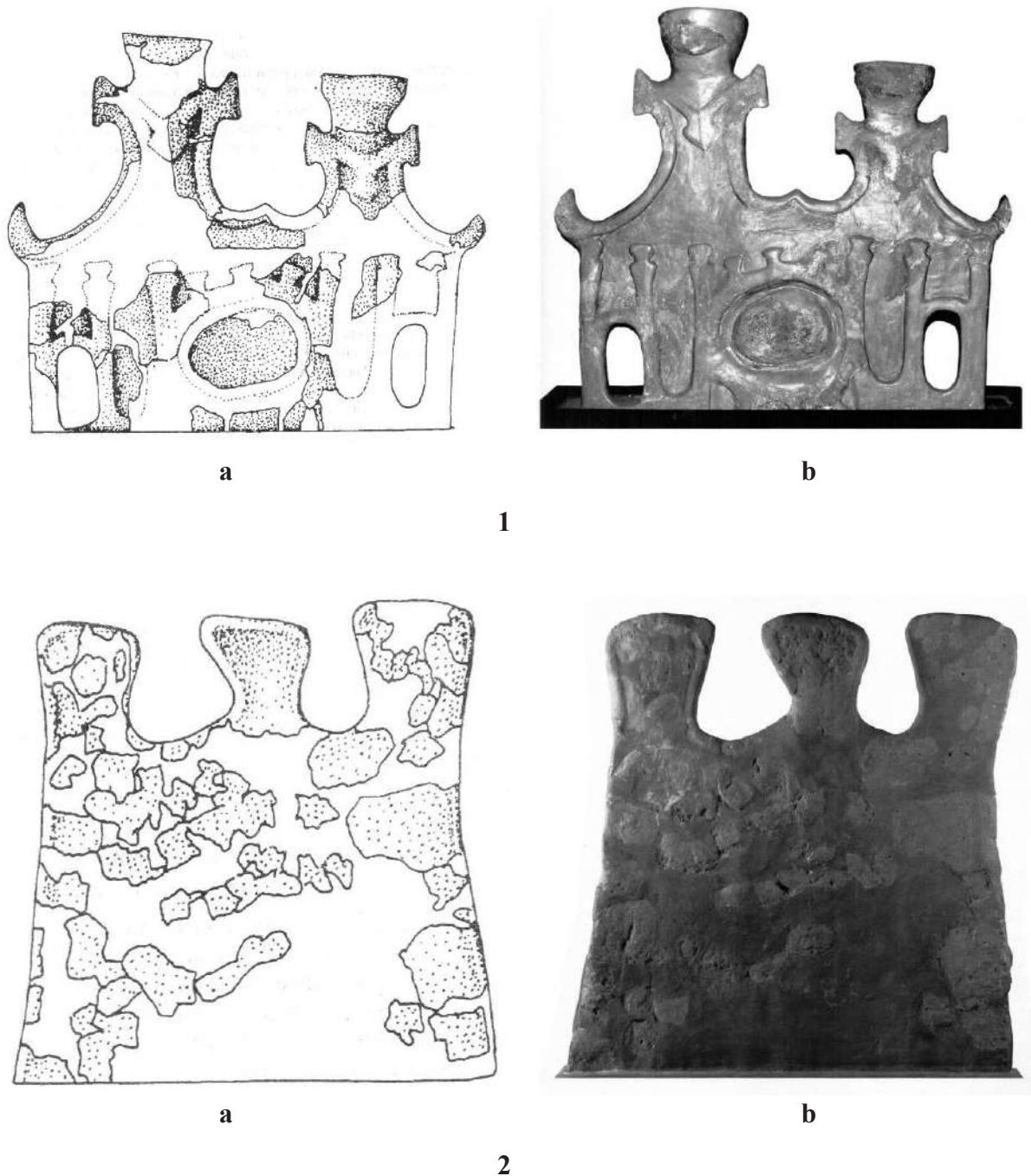

Fig. 3. Tronuri: 1 - Isaiia-Iași (după Ursulescu 2006); 2 - Lipcani-R. Moldova (după Mareș 1996); 3 a - Voroteț, R. Moldova; b, c - Putinești, R. Moldova (după Markevici 1985); 4, Lipcani, R. Moldova (după Cucuteni. The last... 1997).

semnifică *oranta*, după modelul redat în relief pe numeroase alte vase cucuteniene, descoperite în diferite stațiuni și niveluri de locuire.

Primul fragment pare să provină de la un vas de dimensiuni medii, probabil un chiup, cu exteriorul lucrat îngrijit, pregătit special pentru a fi pictat. Acesta ar putea fi încadrat în varianta V: vase cu corpul bombat, mai mult late decât înalte, ale ceramicii fazei Cucuteni A de la Cucuteni-Cetățuie (Petrescu-Dîmbovița, Văleanu 2004, 168). Suprafața exterioară a fost amenajată pentru pictură, bine lustruită, în timp ce interiorul a fost

doar netezit, fără a prezenta pregătirea specială pentru pictură, deoarece partea superioară nu era suficient de largă în sensul de a permite introducerea instrumentului de pictat și realizarea controlată a motivelor decorative; este posibil să fi avut pictat numai interiorul gurii. S-a păstrat doar o porțiune a gâtului și a umărului vasului. Pictura de pe gât s-a deteriorat aproape în întregime, dar cele două urme de culoare roșie-cărămizie, ca și altele, albe, dar foarte șterse, fac dovada că și această parte a vasului a fost pictată. Imediat sub gât, cel mai bine s-a păstrat conturul *orantei* (fig. 8, 1a-b). Dintr-un

Fig. 4. Truşeşti-Botoşani: 1 a-b – faţadă de templu; 2 a-b - orantă; a, desen; b, fotografie (1 a, 2 a, după M. Petrescu-Dîmboviţa; 1 b, 2 b, după Cucuteni. Magia 2009).

romb (care se ştie că reprezintă imaginea sacralizată a acelei părţi din corpul feminin, ce conţine viaţa de dinainte de naştere, a fertilităţii) (Chirica 2004a, 113), pornesc trei elemente verticale. Cel din centru reprezintă continuarea laturilor superioare ale rombului, pe o înălţime de 2 cm şi o grosime de numai 7-8 mm, ușor

evazat la extremităţi; partea sa superioasă se termină cu o bandă de culoare şocolatie, mai largă cu 1 mm faţă de corpul vertical, care este realizat cu culoare maronie, bordat pe margini cu şocolatiu (trebuie să remarcăm că nuanţele precizate reprezintă starea actuală a picturii, afectată de mileniile de zacere în condiţiile prezenţei

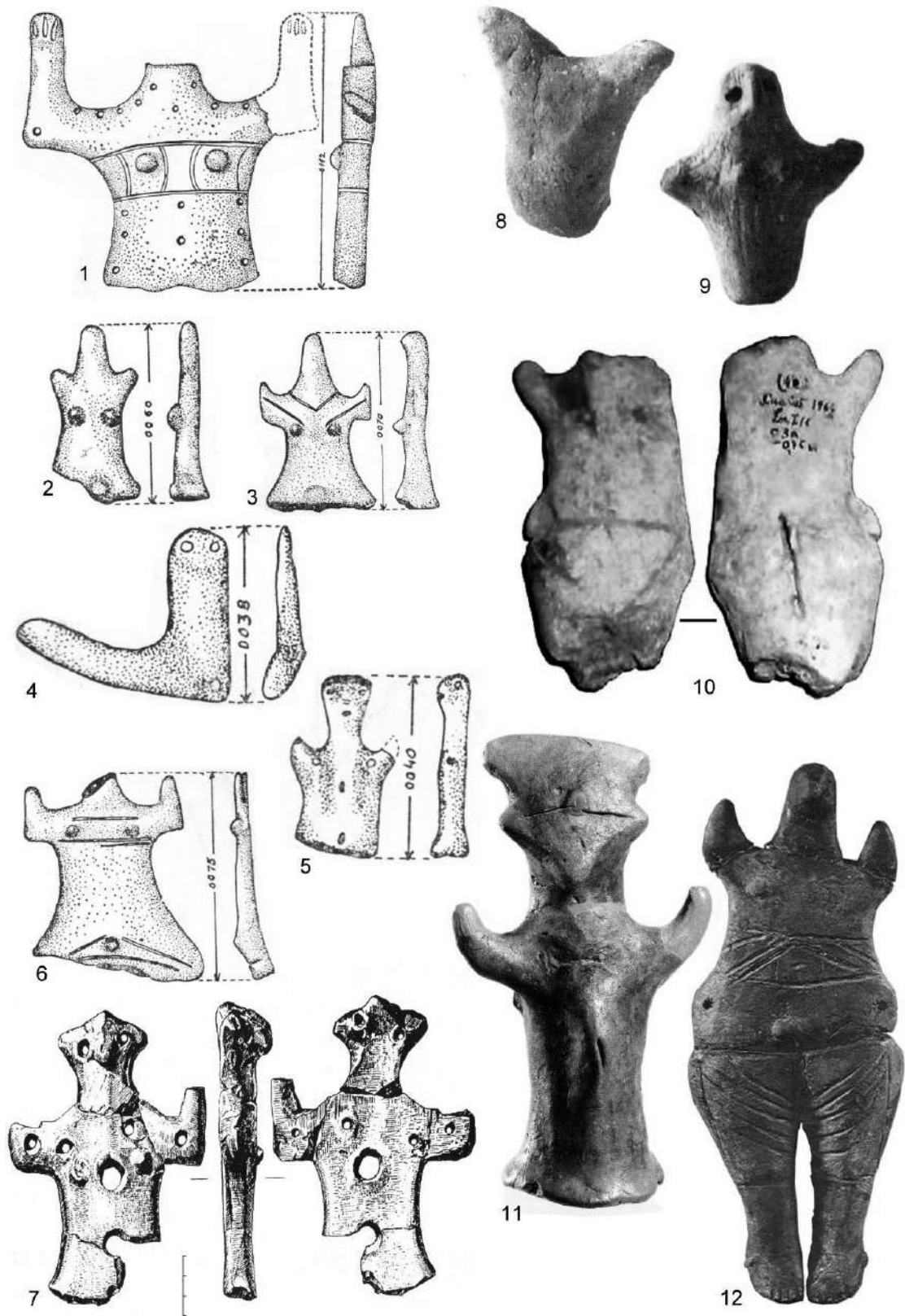
agenților chimici din sol). În interpretarea noastră, acest element pictural constituie partea superioară a antropomorficului, de la abdomen (rombul, gol la interior, însă tot de factură rombică, urmând exteriorul laturilor), dar în sus, inclusiv capul, evident extrem de stilizat. Cele două brațe pornesc din unghiurile superioare laterale, orizontale ale rombului; se prelungesc puțin (câțiva mm) în jos, oblic, pentru a reliefa coatele mâinilor, apoi se ridică aproape vertical, puțin oblic spre interior (spre capul divinității); pictura brațului stâng este mai bine păstrată, de aceeași culoare ca și „capul”, șocolatie, dar cu urme de pictură mai deschisă, ca și „gâtul”; pictura brațului drept este mai corodată, cu culoarea ștearsă, de nuanță roșcat-cărămizie, cu dungi șocolatii. Deteriorarea picturii nu poate crea certitudinea completării acestei imagini, cu prelungiri ale brațelor, vertical, dar în jos, prin două benzi late, de pictură corodată, însă cu dungi șocolatii. Chiar și rombul pare să fi avut o prelungire la partea sa inferioară, dar se mai observă numai nuanțe puțin mai închise față de fondul, probabil alb, cu care era acoperită întreaga suprafață a vasului. În partea dreaptă a antropomorficului se disting elementele altui decor, alcătuit dintr-o bandă lată, oblică, de culoare roșcat-cărămizie cu dungi șocolatii; ruptura vasului, la partea inferioară a acestei benzi, nu permite observația sigură că această bandă aparține motivului decorativ care urmează și care este format dintr-o altă bandă, tot roșcat-cărămizie, dar oblică-arcuită, cu numai două dungi șocolatii, la fel de arcuite; la partea superioară, dunga din partea stângă pare să se continue orizontal, delimitând, în felul acesta, registrul decorului de pe umărul vasului, de acela de pe gâtul acestuia. Acest motiv complex se continuă, spre dreapta, cu partea dreaptă a unei ove, cu un element pictural în centru, distrus de ruptura fragmentului ceramic. În interpretarea decorului desfășurat, realizat de noi (fig. 8,3b), aici ar fi putut să fie reprezentat un alt motiv al *orantei*, cu patru „brațe” verticale, dar nu putem avea certitudinea acestei reprezentări picturale.

Al doilea fragment are, ca decor, o altă *orantă*, ce a fost pictată pe un vas care, după grosimea pereților, pare să fi fost de dimensiuni mai mari decât precedentul (fig. 8, 2a-b). Acesta s-ar putea înscrie în categoria a III-a, vase cu corp bombat (dar svelt) din așezarea de la Cucuteni-Cetățuie (Petrescu-Dîmbovița, Văleanu 2004, 166). Pictura este, și în acest caz, deteriorată, dar se poate observa fondul alb al vasului, peste care s-au așternut motivele decorative, care acopereau în întregime corpul și umărul vasului (atât cât s-a păstrat). Elementul antropomorf are tot trei benzi verticale, pornind de la un romb (gol și sub formă de cerc, deci rotund la interior). Din laturile superioare ale rombului, ușor arcuite, pornește banda verticală, care reprezintă gâtul și capul, din bandă roșie, evazată la partea superioară,

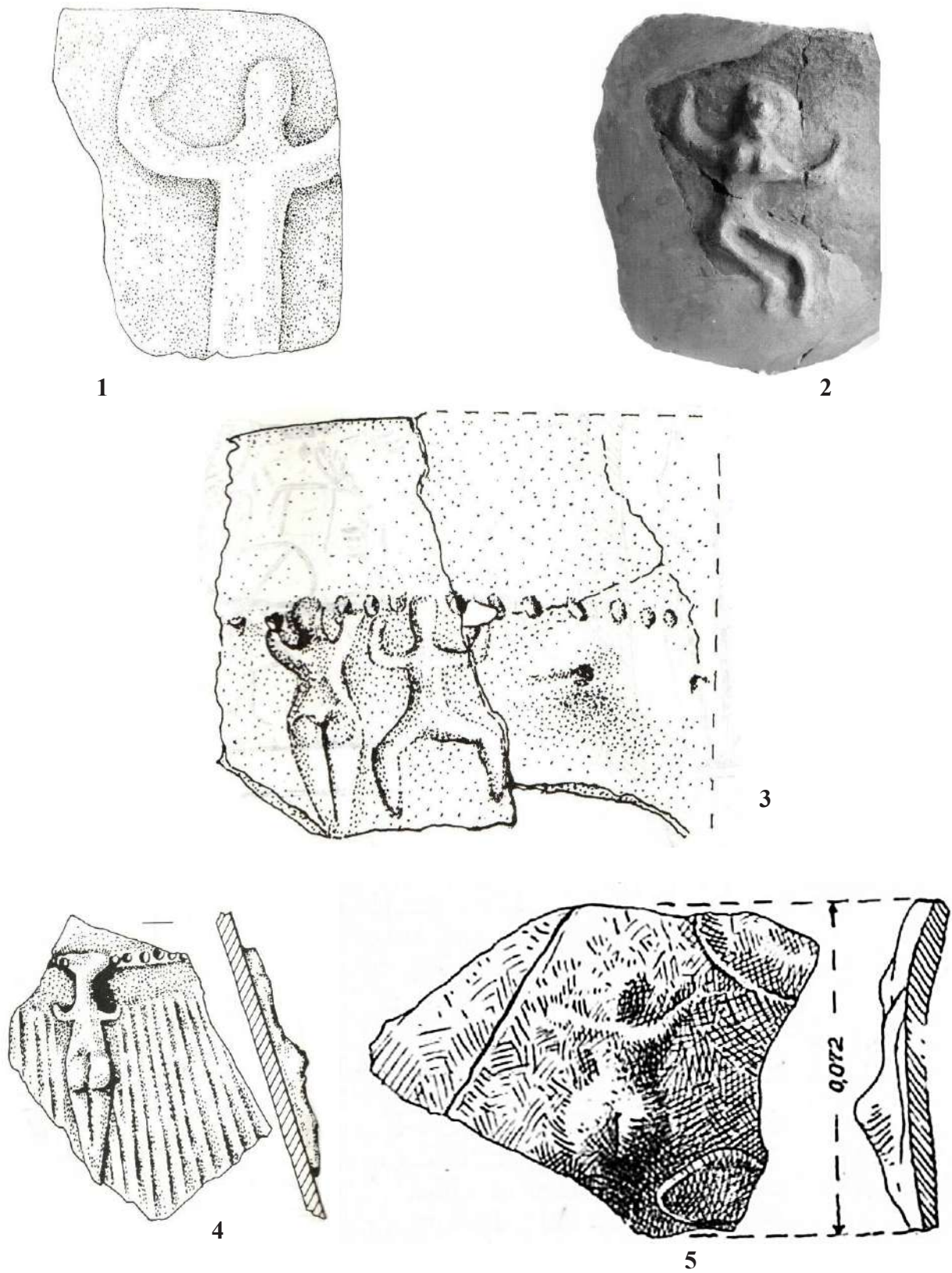
unde se termină printr-o accentuare a culorii. Și în acest caz, capul se termină în linie aproape orizontală, foarte puțin arcuită spre exterior. Stilizarea este la fel de accentuată. Brațele divinității pornesc din unirea unghiurilor laterale ale rombului cu unghiul inferior, oblice la exterior și arcuite în semicerc la interior. De la nivelul „cotului” mâinii stângi, antebrațul devine vertical, cu o foarte slabă subțiere la mijloc; ruptura vasului la nivelul „cotului” mâinii stângi face imposibilă cunoașterea exactă a formei antebrațului, dar putem avea certitudinea simetriei cu brațul stâng, astfel că, în interpretarea decorului desfășurat, realizat de noi (fig. 8, 4b), acest antropomorf se prezenta, inițial, cu ambele brațe ridicate vertical. Decorul fragmentului prezentat mai păstrează, în partea sa stângă, o bandă verticală roșie, aproape paralelă, cu trei linii, tot roșii, puțin distanțate, care au fost trasate peste albul aproape uniformizat, sub brațul mâinii stângi. Nu avem certitudinea că peste roșul benzilor au fost trasate linii sau dungi de culoare mai închisă (neagră sau șocolatie).

Al treilea fragment ceramic provine de la un vas de mari dimensiuni, rupt la nivelul liniei care delimitează gâtul. Probabil că partea superioară a vasului era foarte largă și evazată, căci pe partea interioară a gâtului se mai observă câteva benzi și dungi de culoare, roșii, respectiv negre-șocolatii. În partea stângă se păstrează, parțial, perforația realizată pentru susținerea verticală a vasului, de formă rotundă (fig. 8,3a-b). În cadrul descoperirilor efectuate de H. Dumitrescu (1933, 71, fig. 18,1.3.5), astfel de perforații sunt specifice vaselor-suport, pe care le regăsim și la Cucuteni-Cetățuie (Petrescu-Dîmbovița, Văleanu 2004, 170-172, fig. 112,8; 113,4.6; 114,3.6), ca, de altfel, în toate locuirile cucuteniene.

Atât cât s-a păstrat din decor, acesta are în partea stângă o bandă lată (2,2 cm la mijloc) și înaltă (11 cm), mai arcuită la interior decât la exterior, peste care s-au trasat, pe centru și pe margini, linii (dungi) negre-șocolatii, care urmau conturul benzii de culoare roșie-cărămizie; această bandă aparținea, fără îndoială, altui motiv decorativ, pe care nu-l putem preciza. Decorul central este reprezentat de trei benzi verticale, care par că se unesc la partea inferioară, printr-o dungă (lățimea - 8 mm) oblică: brațul stâng al acestui antropomorf pornește de la baza celui central, oblic spre stânga, apoi, la nivelul „cotului” banda devine mai lată și urcă (8 cm), cu lățimea de 2 cm la partea superioară; ea este străbătută de două linii verticale, spre margini, de culoare neagră-șocolatie, care se unesc la nivelul „cotului”; banda centrală este verticală, uniformă ca grosime, marcată tot de două linii negre-șocolatii pe margini, dar în treimea superioară are realizat un unghi, ca o *excrescență*, de la care linia se curbează ușor spre interior; culoarea părții superioare este ștearsă, dar

Fig. 5. Statuete reprezentând *oranta*. 1, Igești-Vaslui; 2-6, Dodești-Vaslui. 1-6, (după Gh. Coman, 1980); 7, Nagornoe II (după N. Skakun, 1996); 8-9, Alba Iulia-Alba (după Ceramica neolitică 2007); 10, Cucuteni-Iași (după M. Petrescu-Dîmbovița); 11, Chișoda Veche-Timiș (după L'Art néolithique 2008); 12, Taraclia-R. Moldova (după Markevici 1985).

Fig. 6. Reprezentări ale *orantei* pe ceramica neo-eneolitică. 1, 3, Dumești-Vaslui; 2, Zorlențu Mare-Caraș Severin; 4, Bârlălești-Vaslui; 5, Traian-Neamț; 1, 3-4, (după Monah 1997); 2, (după L'Art néolithique 2008); 5, (după Dumitrescu 1957).

pare oblică și mai scurtă decât banda din partea stângă; banda dreaptă are exteriorul la nivelul fragmentării vasului, astfel că putem preciza doar că, prin oblicitatea spre dreapta a întregului motiv decorativ, aceasta pare mai înaltă decât celelalte (înălțimea - 10,5 cm), dar și ea conține două linii negre-șocolatii, trasate în partea sa centrală; în plus, partea superioară a motivului decorativ pare să se găsească pe aceeași linie de oblicitate (paralelă) cu partea sa inferioară. În acest caz, doar existența celor trei benzi verticale, dintre care primele două sunt unite cu certitudine la partea inferioară, ca și simetria, specifică artei cucuteniene, ne dau temei să interpretăm acest decor ca reprezentând tot o *orantă*. Precizăm însă faptul că un decor aproape identic apare pe pieptul a trei statuete din așezarea de la Dumești, în zona centrală, înscrise ca într-o „stampilă”, fără ca acest decor să aibă caracter antropomorfizant (Maxim-Alaiba 1987, 272-274, fig. 1; 2; 3, stânga).

Discuții, constatări

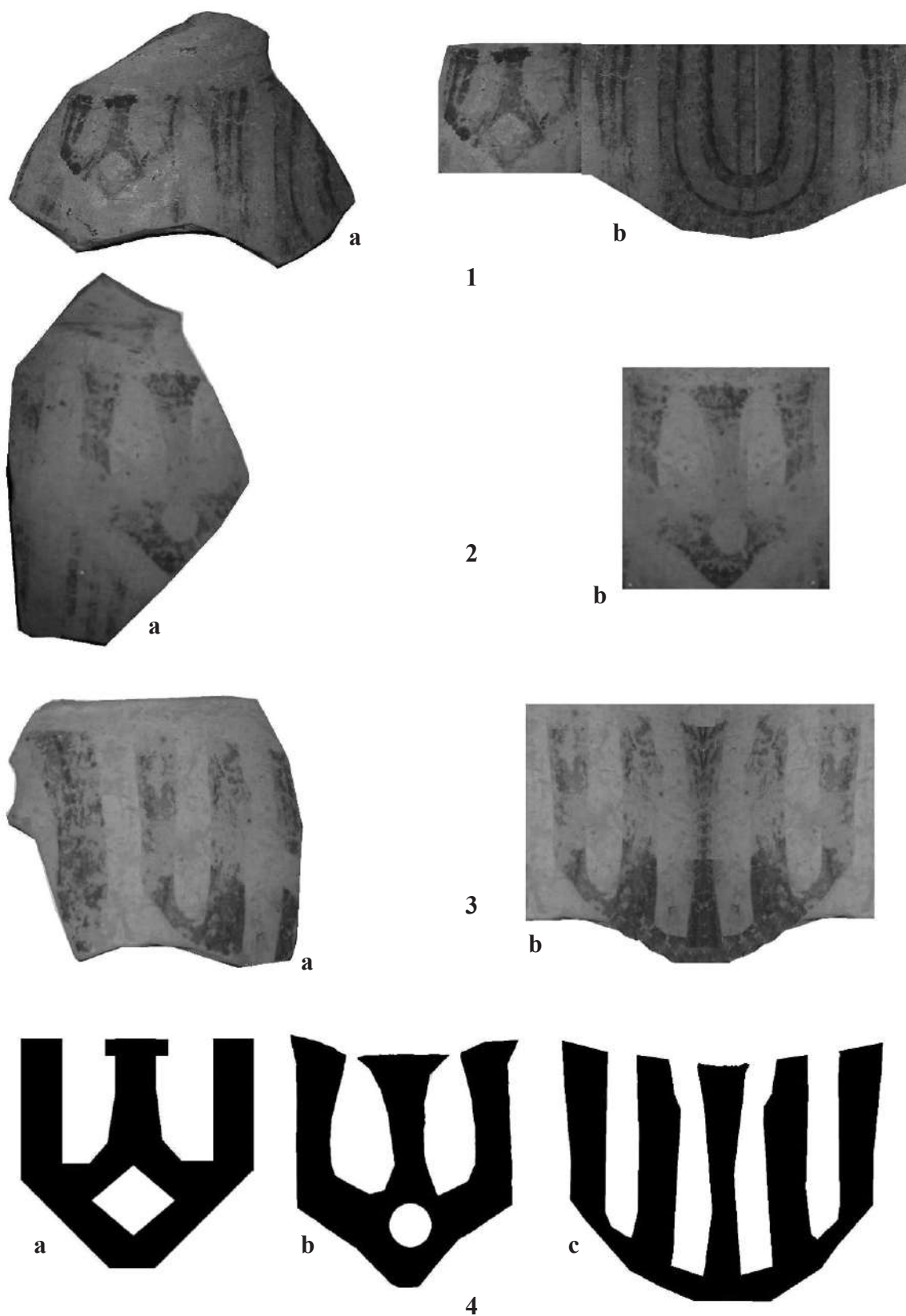
Imaginea *orantei* în arta religioasă a fost identificată, pentru prima dată, în creația artistică a paleoliticului superior. Ne referim la descoperirile de la Geissenklösterle, poate și Galgenberg (Germania) (fig. 9,3-4) (Bosinski 1990, 69) și la cea din grotă Tito Bustillo (Spania) (fig. 9,1-2) (Moure Romanillo 1995, 166, fig. 4, 1), cu precizarea că același tip de reprezentare i-ar putea aparține alte imagini din grotă menționată, sau din grotă Pendo (Spania), (*Ibidem*, 166, fig. 4,2.3). Placa din ivoriu din grotă de la Geissenklösterle aparține locuirii aurignaciene, datată între 34.000 și 29.000 ani a.Chr. Placa din ivoriu are lungimea de 38 mm și lățimea de 14 mm, fiind sculptată pe ambele fețe: pe una dintre acestea este realizată o figură antropomorfă în relief, văzută din față. Capul, scurt și oval, este încadrat de brațele ridicate, paralele, iar corpul propriu-zis și picioarele, au proporții normale, puțin depărtate, prin această poziție, ca și prin lățimea șoldurilor sugerându-se feminitatea imaginii realizate. Pe revers, decorul este reprezentat de patru aliniamente verticale din puncte ușor scobite. Prima creație artistică de la Tito Bustillo (fig. 9,1-2) este gravată pe un fragment de baghetă semirotondă, din corn de cervideu și aparține unui nivel atribuit Magdalenianului superior, datat între 13.000 și 11.500 a.Chr. Partea superioară a figurinei antropomorfe este reprezentată de corpul propriu-zis, care are, la partea superioară, brațele redată prin linii oblice, spre dreapta și spre stânga. Liniile care delimitează corpul sunt bordate cu câte un șir de puncte ce urcă până la nivelul unde brațele se despart de trunchi. Aceleași puncte, dispuse în unghi, dar în asociere cu linii verticale (în centru) sau oblice (pe partea stângă) par să indice zona genitală (vulva, redată prin incizia verticală, ce simbolizează spațiul sacralizat al sexuali-

tății (Chirica 2004a, 113); picioarele sunt figurate prin trei linii incizate, două oblice, de la nivelul abdomenului în jos, și a treia, care delimitează conturul exterior al picioarelor. A doua piesă este reprezentată de o figurină, sculptată în partea corticală a unui corn de cervideu. Conturul ondulat redă corpul și coapsele, mâinile ridicate fiind doar sugerate prin două „cioturi” care par să sugereze înălțarea umerilor (ca și la unele statuete cucuteniene) (Dumitrescu 1979, 74); dar accentuarea gâtului ar putea indica faptul că această creație reprezintă un pandantiv (Delporte 1991, fig. 85). Piesa din grotă Pendo, ce ar putea reprezenta de asemenea un pandantiv, reprezintă tot conturul ondulat al unei femei, cu brațele ridicate. Și aici zona sacralizată genitală este sugerată de o linie verticală și mai multe linii oblice, dispuse în rețea (avers), pe revers fiind realizate numai 9 linii oblice (Moure Romanillo 1995, 152, fig. 4,3). Nivelul de locuire în care a fost găsită aparține unei etape dintre Magdalenianul inferior și cel recent, datată între 15.000 și 13.000 ani BP.

Practicile magico-religioase constituiau o componentă importantă a existenței acestor populații, reprezentând o realitate a vieții spirituale a comunităților, demonstrată de mult timp și acceptată de exegeții perioadei. Au fost identificate mai multe categorii de materiale arheologice: 1, plastica antropomorfă; 2, obiecte de lut ars cu semne și simboluri, unele de caracter antropomorf sau antropomorfizat (Chirica 1995, 203-224); 3, fragmente (ceramice) cu inscripții – *semne* cu valoare de inscripții (Chirica 2004c); 4, machete de sanctuare și cuptoare; 5, ceramica, cu mai multe componente de artă și spiritualitate: reprezentări feminine, reprezentări masculine, reprezentări animaliere, păsările și oul, simboluri solare etc. Unii arheologi folosesc nu mai puțin de patru *entități* lingvistice, apropiate ca semnificație: *semne*, *simboluri*, *magie*, *religie*, ceea ce necesită, credem noi, luarea în considerație a semnificației acestora, ca elemente definitorii pentru viața spirituală a unor comunități preistorice, care își au originea în creațiile comunităților umane din paleoliticul superior; (Chirica 2004a; 2004b; Davidescu, Chirica, Cucolea 2005; Lazarovici 2006, 57-87). Din punctul nostru de vedere, toate *simbolurile* din creația artistică paleolitică și neo-eneolitică erau reprezentate, vizual, material, sub formă de *semne*, cărora creatorii lor le acordau semnificații speciale, poate specifice unor areale și culturi (civilizații) arheologice. Ne bazăm pe faptul că în spiritualitatea preistorică, fiecare *semn* creat trebuia să *semnifice*, să *simbolizeze* ceva, iar acel *ceva* era reprezentat de *semnul* creat în cadrul sacralului individual, dar cu manifestări ale întregii comunități, privind *sensurile* atribuite *semnului*. În ceea ce privește raportul *magie* – *religie*, credem că distincția dintre cele două noțiuni-elemente ale spiritualității este greu de

Fig. 7. Vase de lut ars cu atribute ale *orantei*. 1, Szegvár-Ungaria; 2-3, Center-Ungaria; 4, Sultana-Călărași; 5, Oltenița-Călărași. 1-3, (după N. Kalicz, 1970); 4-5, (după L'Art néolithique 2008).

Fig. 8. Imaginea *orantei* pe ceramica cucuteniană de la Ruginoasa-Iași. 1a, 2a, 3a, piese originale; 1b, 2b, 3b, propuneri de reconstituire a decorului; 4a, b, c, desene (după Chirica 2008).

operat în cadrul manifestărilor culturale preistorice. Din punct de vedere al preistoriei religiilor (al religiilor preistorice), credem că aceste două manifestări cultice au putut să coexiste, chiar și în cadrul acelorași comunități umane, fiecare având, probabil, semnificații și ritualuri diferite, dar care trebuiau să marcheze năzuința omului spre împlinirea unor necesități, în primul rând *materiale*, dar depinzând de factori, de elemente superioare vieții terestre, iar implorarea forțelor benefice (poate de către *orantă*, sau prin intermediul acesteia), situate în exteriorul lumii cunoscute de către manifestanți (în cadrul procesiunilor sacralului colectiv) se realiza potrivit unor *canoane* proprii fiecărei comunități, dar cu caracter general în cadrul fiecărei civilizații (= culturi) arheologice, pe toată întinderea sa, în spațiul geografic de manifestare. În fond, creatorii (artiștii) cucutenieni, ca și ai celorlalte culturi neo-eneolitice din bazinul danubian mai mult sau mai puțin contemporane lor, erau obligați să se supună *canoanelor* de realizare artistică, evident cu conotații spirituale. *Trecerea și transmiterea*, factori de cunoaștere și de manifestare cultică s-au produs la toate comunitățile umane preistorice de pe foarte largi spații geografice. În felul acesta credem că se poate explica identitatea unor elemente decorative, de factură geometrică, în gravetianul Europei de Est și Occidentale și în neoliticul aceluiași spațiu geografic, indiferent de suportul pe care este realizat (ivoriu de mamut, respectiv plastică sau ceramică din lut ars). Ne referim la decorul cu romburi sau triunghiuri (*transmiterea* fiind, posibil, identificată pe cunoscuta falangă de cal, cu decor rombic, de la Cuina Turcului-Dubova, aparținând epigravetianului din zona Porților de Fier), dar și la decorul spiralic geometrizat, cu identități în gravetianul european (Mezin, Ucraina) și pe ceramica cucuteniană din aproape întregul areal de răspândire a culturii. În ceea ce privește lipsa explicită a feței statuetelor, sau acoperirea acestora cu mască, ori cu reprezentări mascate, animaliere, aici credem că ar trebui să vedem cel puțin două elemente cultice: mai întâi, obligativitatea *imaginii interzise* a divinității, potrivit canoanelor artistic-spirituale (Besançon 1996, 36, precizează, cu exemplificări din pantheonul grec: *Corpul zeilor posedă, prin natura sa, o constantă de frumusețe și de glorie ... El poate să devină invizibil pentru oameni ... Ascunzându-se de ochii muritori, el îi protejează. Fiindcă pentru greci, ca și în Biblie, a-i vedea pe zei în față poate fi mortal*); în al doilea rând, credem că este vorba de substituirea omului prin animalul de sacrificiu, dar și a doua valență a *substituirii* forței și agilității animalului de către om (cu precădere de către bărbatul-vânător) (Chirica 2006, 25-27).

O foarte bogată categorie de manifestări cultice trebuie să fi avut comunitățile cucuteniene dacă le raportăm la numărul mare de machete de sanctuare,

măsuțe de cult (altare mobile), ori cuptoare miniaturale, cu simboluri sacre sau cu elemente arhitectonice reprezentând simboluri ale sacralității. Existența bucraniilor, descoperite îndeosebi în nivele de locuire eneolitică, poate conduce din nou la paleoliticul superior, în a cărui artă găsim destul de bogat reprezentarea bovideului, ca element al virilității, în raport direct cu elementul feminin. Ne referim mai întâi la reprezentările foarte explicite din grotă La Magdelaine (Tarn), unde bizonul este redat în poziție de „atac”, în asocieri cu cele două imagini feminine, în poziție sexuală, scenă unică în arta paleolitică (Leroi-Gourhan 1965, 289, fig. 500-502). O altă descoperire de caracter excepțional a fost făcută în grotă Chauvet. Aici, *cuplul* femeie-bizon este redat pe un planșeu calcaros; femeia este reprezentată, pictat, numai prin partea sacralizată a abdomenului, a zonei genitale și a coapselor, dar ea se află sub protecția bizonului, reprezentat numai de capul său, cu coarne bine conturate (Clottes 2005; Chirica, 2006a, 185-191). În cadrul ceramicii cucuteniene, acest ansamblu este reprezentativ realizat pe vasul din așezarea de la Târgu Ocna-Podei (fig. 10, 2) (Davidescu, Chirica, Cucolea 2005, 69, fig. 1), dar și la Bilce Zlote (fig. 10, 1) (Monah 1997, 211) sau Căscioarele (*Ibidem*, fig. 45, 7, 297).

Reprezentările antropomorfe și zoomorfe, identificate pe ceramica cucuteniană, pictate sau sculptate (modelate în relief) fac trimitere la alte manifestări cultice, ale căror cunoașteri depline nu pot fi posibile în lipsa unor elemente clar definite, așa cum au recunoscut majoritatea exegeților religiilor cucuteniene. Dar acestea au existat și, indiferent de modalitățile de practicare a riturilor și ritualurilor, a semnificațiilor lor, trebuie să acceptăm existența divinității, reprezentată, uneori, chiar și prin semnificația formelor ceramice (vasele antropomorfe sau cu tub de scurgere, de exemplu). Asocierea divinității feminine cu altele, tot feminine, dar de proporții mai mici, cu elementul masculin, dar și cu cel zoomorf, cu pești, șerpi, păsări, ori vegetale (*pomul vieții* pe amforeta din așezarea de la Cărnăceni), sau numai reprezentarea acestor realități ale lumii vii, completează în mod fericit întreaga gamă de valorizări ale *Marii Divinități*, indiferent dacă elementele *complementare* divinității feminine aparțin vieții cerești, acvatice sau terestre. Schematizarea excesivă (uneori) a reprezentării feminine, ori elementele de natură vegetală cu care sunt redată erbivorele (cu coada *în spic*), redarea doar a *romburilor* și a *triunghiurilor*, a căror semnificație sacralizantă este bine cunoscută, dar și prezența efectivă a elementelor de decor, din lumea vegetală simbolizează, după opinia noastră, calitatea *Marii Divinități* de creare a lumii vii, de protecție, de legătură a acesteia cu *lumea de sus*, arborele vieții, cu valențe cosmice având tocmai acest rol de legătură.

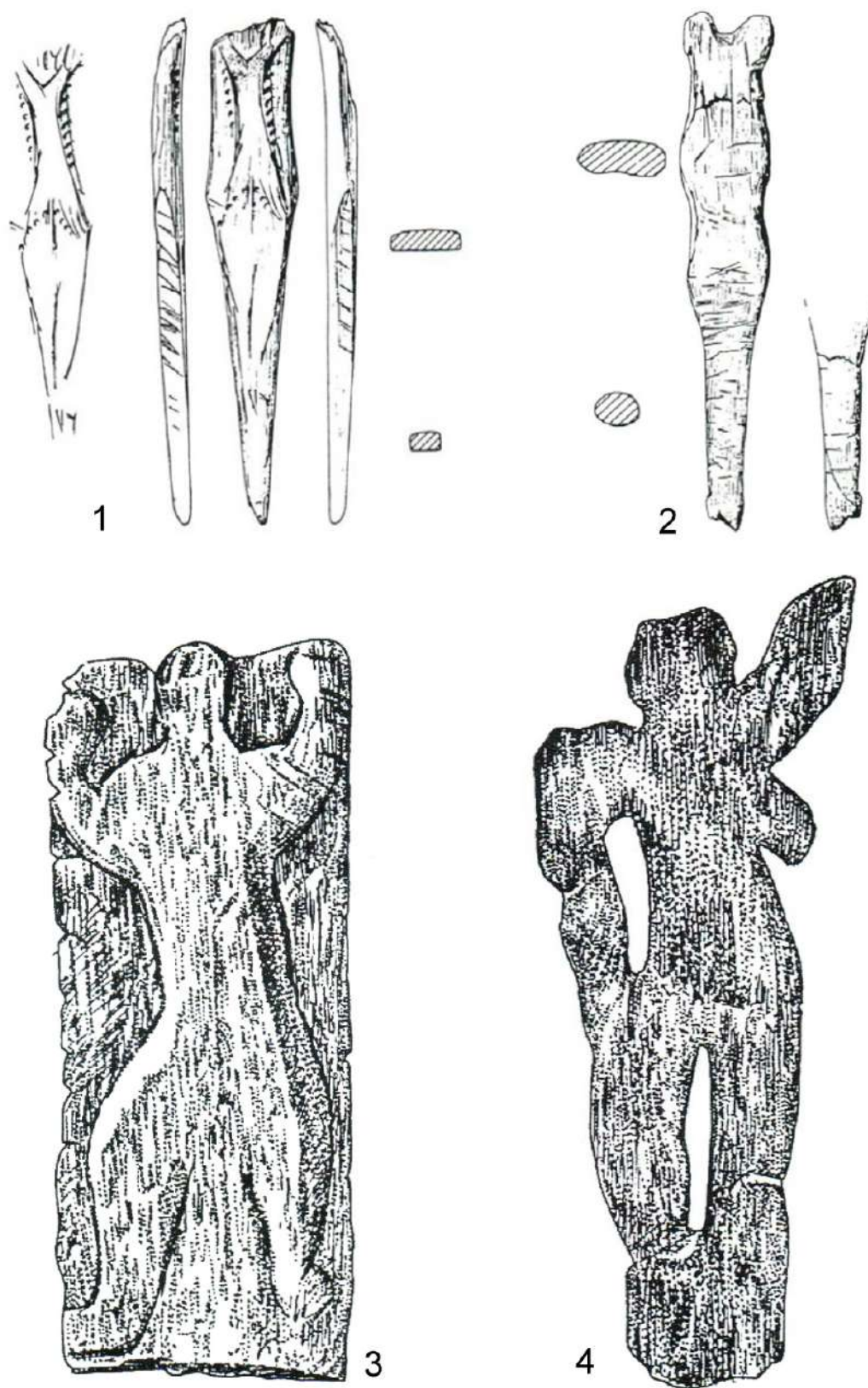
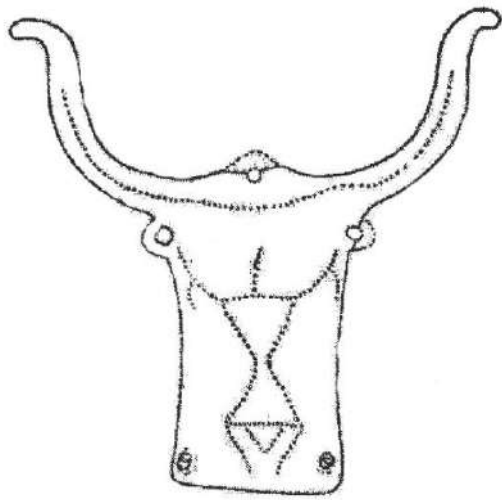

Fig. 9. Arhetipul paleolitic al *orantei*. 1-2, grotta Tito Bustillo-Spania (după A. Moure Romanillo 1995); 3, Geissenklösterle-Germania; 4, Galgenberg-Germania (după Bosinski 1990).

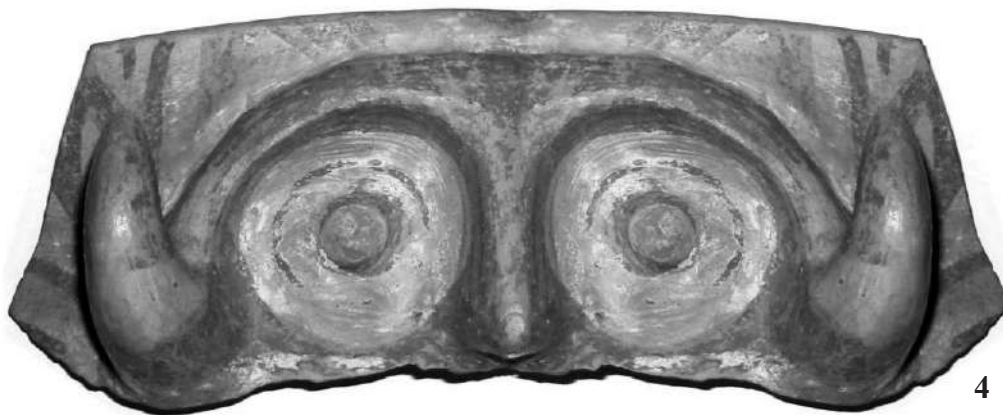
1

2

3

4

Fig. 10. Htonian-uranean în arta și religiile preistorice. 1, Bilcze Złote-Ucraina (după Monah, 1997); 2, Tg. Ocna-Bacău (după Dumitroaia 2005); 3, grotă Chauvet-Franța (după J. Clottes 2001); 4, Ruginoasa-Iași (după Chirica, Văleanu 2008).

O alta temă ce apare ca element de creație artistică religioasă o constituie reprezentarea mâinii pe ceramica precucuteniană și cucuteniană, îndeosebi cu referire la *orantă*. Precizăm că și aceste imagini-simbol își au originea tot în arta și spiritualitatea paleoliticului superior. Mai mult încă, putem constata o bogăție numerică și calitativă impresionantă a pictării mâinii în aproape toate grottele-sanctuar ale paleoliticului superior european, dar și din Caucaz, interpretat (Chirica 2006, 25-26) ca reprezentând mâna care crează (alăturată altor realizări artistice, cu simbol al creației divine), care protejează (pictată în asociere cu erbivore – cai etc.), care poate stăpâni animalele feroce (grotta Chauvet), care se sacrifică în cursul unor activități dăunătoare omului, mâna, ca element considerat ca având puteri supranaturale, când este redată cu deformații patologice – degete mutilate sau lipsă (grottele Arcy, Gargas). Interpretarea simbolisticii mâinii este asigurată de cele peste 500 de *semne* ale acesteia, la Chauvet, peste 250, la Gargas (dar numai 10 întregi și fără deformații), prin care ni se transmite un mesaj religios, limbaj cu anumite specificități (Bosinski 1990, 127; Leroi-Gourhan 1990, 127), ale comunităților umane respective, intrând în cadrul creației artistice cu valoare de sacru colectiv. Precizăm că redarea mâinii protectoare sau de sacrificiu a trecut și în iconografia creștină (Chirica, 2006, 26) poate tot prin acele elemente de *trecere și transmitere*. Interpretarea mâinilor cu cinci degete desfăcute, în sus, semnificând *oranta*, redată pe ceramica de tip Precucuteni-Tripolie, este deosebit de interesantă și aduce noi valențe în ceea ce privește semnificațiile spirituale ale posibilelor manifestări cultice, cu caracter religios, obligându-ne să revenim din nou la scrierile lui M. Eliade (1992, *passim*).

Revenind la imaginea *orantei* în arta preistorică, vom constata că, prin această realizare *canonică*, artiștii epocii au marcat, ca și în cadrul erminiilor din iconografia creștină, locul divinității feminine în ierarhia divinităților lumii contemporane, neo-eneolitice. În interpretarea acestei realizări artistice, trebuie să luăm în considerație cel puțin trei aspecte, care se integrează în *natura* spiritualității preistorice eneolitice: existența *orantei* ca element al ceremoniilor cultice la comunitățile de agricultori și crescători de vite; situația ierarhică a divinității feminine în pantheonul religiilor neo-eneolitice, îndeosebi cucuteniene; relația htonic-uranic în religiile și manifestările cultice ale comunităților preistorice.

Studiile de specialitate precizează existența reprezentărilor feminine sub forma *orantei*, a divinității feminine în picioare și cu brațele înălțate, care are ca prototip creațiile artistice ale paleoliticului superior (fig. 9, 1-3) (Delporte 1991, fig. 231, 1-3), iar în neolitic, începând cu culturile carpato-balcanice Starčevo-Criș, Vinča-Turdaș și Bandlineară (Roubanè), ca figuri

în relief pe unele produse ceramice (Nițu 1970, 82). Excepții de la aceste norme canonice, unde divinitatea feminină este redată „din față”, pot fi considerate, pe ceramica precucuteniană, modelările din așezarea de la Traian (fig. 6, 5) și Bârlălești (fig. 6,4). Eneoliticul, mai ales cel de factură cucuteniană, dar și gumelnițeană, a impus alte canoane artistice și religioase, mai edificatoare, iar printre creațiile cele mai reprezentative le amintim pe acelea de la Ruginoasa-Iași, în pictură (fig. 8), Rădeni-Iași (fig. 1) și Taraclia-R. Moldova (fig. 5, 12) în sculptură. Existența figurinelor de tip *orantă*, considerate a fi mediatore între oameni și divinități (Mantu 1993, 67) a fost atestată în creația artistică de la Scânteia-Iași, și din alte stațiuni cucuteniene. C.-M. Lazarovici (2006, 68) mai apreciază că brațele ridicate semnifică gesturi de implorare, poate chiar o invocare dinspre cer spre pământ, semnificând solicitarea ploii sau a altor favoruri cerești. Este evident faptul că însuși prezența *orantei* în arta neo-eneolitică este considerată ca reprezentarea relației htonic-uranic, dar poate și a unei relații speciale, uranic-uranic, dacă vom considera modelarea *orantei* ca *divinitate*, nu simplă *preoteasă*, după modelele religiilor antice, îndeosebi din Orientul Apropiat și Mijlociu.

În ceea ce privește ierarhia divinităților, studiile de specialitate sunt întrutotul de acord că divinitatea feminină reprezenta, în credințele comunităților preistorice neo-eneolitice, *Marea Mamă*, divinitate supremă, cu toate denumirile ce i-au fost atribuite: *Marea Zeiță*, *Terra Mater*, apreciindu-se că în cultura Cucuteni-Tripolie se poate admite că ar fi existat „religia mamei” din accepțiunea lui Mircea Eliade (Monah 1997, 203 și urm.), cu precizarea că zeitatea masculină pare să fi avut puțină importanță în religia cucuteniană (*Ibidem*, 208), elementul masculin fiind subordonat „Marii Zeițe”, dar (se mai precizează faptul, foarte important, că nu întotdeauna poziția de „acolit” *paredre* (a bărbatului) este evidentă (*Ibidem*, 214). Din acest punct de vedere, apreciem faptul că, aproape în unanimitate, specialiștii folosesc sintagma „zeița mamă și acolitul ei masculin”, cu precizarea poziției subalterne a acolitului (Dumitrescu 1979, 79; Petrescu-Dîmbovița ș.a. 1999, 529; Laboutin 1990, 103). Din acest punct de vedere, constatăm că, aproape în totalitate, specialiștii acordă divinității feminine atributele esențiale ale vieții și morții. Astfel, referindu-se la urnele cu caractere antropomorfe feminine, N. Kalicz (1970, 73) apreciază că acestea „representent la déesse, source de vie et de mort, souveraine de tous les vivants et defuncts, et qui accueille, les bras ouverts, tous ceux qui arrivent dans l'autre monde”. La rindul său, Cl. Cohen (2003, 122) se întreaba retoric: „A fost oare Dumnezeu din preistorie o femeie? ”, argumentând că „ideea existenței unui cult al Marii Zeițe, care era venerată de către

civilizațiile preistorice este sugerată de faptul, că peste tot a existat o abundență de imagini feminine, pictate ori gravate, de figurine din os, piatră, fildeș de mamut, argilă modelată și arsă etc. Ele se depistează de la țărmul Atlanticului și până la Câmpia Est-Europeană, în Orientul Mijlociu, Anatolia, în zona mediteraniană ... în siturile neo-eneolitice din valea Dunării, la Vinča și Cucuteni... Fiind prezente foarte îndelungat în timp și spațiu, reprezentând o bogată variație tematică și stilistică, aceste imagini imortabile reprezintă invariabil o viziune religioasă bazată pe cultul unei sau a mai multor divinități feminine (*Ibidem*, 122-124). Ideea unei divinități feminine cu caracteristici unice apare și în alte lucrări, unde se precizează faptul că „La Grande Mère incarnée probablement le principe de la primordialité” (Drașovean, Popovici 2008, 39-40).

Ideea unui cult al fertilității și al fecundității, atribuit tuturor reprezentărilor antropomorfe feminine din arta și religiile preistorice este prezentă, practic, în toată literatura de specialitate; doar A. Leroi-Gourhan (1990, 127) apreciază că „Ce qui a été dit des déesses de la Fécondité est strictement banal et n'explique rien: considérer la décondité comme un phénomène souhaitable est de toutes les religions ou presque et faire de la femme son symbole n'a rien de particulièrement original”. Așadar, chiar dacă se acceptă ideea că Marea Divinitate avea toate atributele vieții și ale morții, care dă naștere vieții și face pământul să rodească, reprezentarea sa ca *orantă* o situează pe un plan secund în ierarhia divinităților preistorice: ea se roagă, ea imploră, ea invocă bunăvoința unei alte divinități, aflată pe un plan superior; așadar, fără a generaliza, noi considerăm că, măcar în comuniutățile umane ai căror artiști au imortalizat-o sub atributele *orantei* (cum ar fi la Ruginoasa, Cucuteni și Rădeni-Iași, Igești, Bârlălești, Dumești și Dodești-Vaslui, Trușești-Botoșani, Chișova Veche-Timiș, Zorlențu Mare-Caraș Severin, Taraclia-Republica Moldova, Nagornoe II-Ucraina etc., poate chiar și la Poduri-Bacău și Isaiia-Iași), în manifestările cultice ale

comunităților umane s-a produs o schimbare, în sensul că *Marea Divinitate* nu mai este feminină, ci masculină. Așadar, din acest punct de vedere, și dacă suntem de acord că pentru preistorie nu se poate accepta o uniformizare a religiilor și a manifestărilor cultice, *religia mamei*, deci a divinității feminine a coexistat cu *religia tatălui creator*, deci a divinității masculine.

Relația htonic-uranic, sau, mai bine zis uranic-uranic (dacă acceptăm că statuetele feminine reprezentau divinitatea, nu o simplă preoteasă), este reprezentată, în arta și religiile paleolitice și neo-eneolitice de asocierea dualității feminin-masculin. De altfel, J. Cauvin (1997, 51) consideră că „fără îndoială, imaginea femeii în preistorie reflecta o zeitate.

Noi înclinăm să credem că, mai ales în paleolitic, dar și la unele comunități umane neo-eneolitice, elementul feminin este de natură htonică, reprezentat de femeie cu toate atributele feminității (chiar dacă modelarea - pictarea capului este supusă altor canoane artistice și religioase); elementul masculin este, întotdeauna, de natură uranică, reprezentat, de cele mai multe ori, de taur, ca forță generatoare sau regenatoare de viață. Sunt cunoscute asocierile imaginilor femeie-taur din arta paleoliticului superior din grotele franceze (La Madelaine des Albis, Gabillou, Chauvet etc.) (Chirica 2004a, 115-117) (fig. 10,3), și din Neo-Eneoliticul carpat-balcanic (Bilce Zlote-Ucraina, Târgu Ocna-Podei, Neamț) (fig. 10, 1, 2). După opinia noastră, umanizarea elementului uranic – taurul, s-a făcut pentru prima dată în cadrul artistic și religios al comunității din așezarea de la Ruginoasa-Iași, prin *umanizarea taurului celest*, așa cum a fost pictat pe vasele cu reprezentări tipice (fig. 10,4) (Chirica, Văleanu 2008). Așadar, așa cum apreciază și J. Cauvin (1997, 48), „au existat două figuri simbolice dominante, a Femeii și a Taurului, care au dominat îndelungat, în neolitic și epoca bronzului din Orient, inclusiv și în zona mediteraniană de est din perioada preelinică”. Dar, după opinia noastră, și acest arhetip aparține tot paleoliticului superior.

Bibliografie

- Abramova 1995: Z. Abramova, Sur certaines particularités stylistiques des statuettes féminines paléolithiques en Sibérie. În: A. Delporte (dir.), La Dame de Brassempouy, Actes du Colloque de Brassempouy, juillet 1994. ERAUL 74, 1995, 17-27.
- Ambrojevici 1933: C. Ambrojevici, L'époque néolithique de la Bessarabie du Nord-Ouest. Dacia III-IV, 1927-1932, 24-45.
- Andreescu, Popa 2003: R.R. Andreescu, T. Popa, Sultana-Malu Roșu. Catalog selectiv. Cercetări Arheologice XII (București 2003), 6.
- Besançon 1996: Al. Besançon, Imaginea interzisă. Istoria intelectuală a iconoclasmului de la Platon la Kandinsky (București 1996).
- Borziac, Chirica, Văleanu 2006: I. Borziac, V. Chirica, M-C. Văleanu, Culture et société pendant le Paléolithique supérieur à travers l'espace Carpat-Dnestrien (Iași 2006).
- Bosinski 1990: G. Bosinski, Homo sapiens. Histoire des chasseurs du Paléolithique supérieur en Europe (40 000 – 10 000 avant J.-C.) (Paris 1990).
- Cauvin 1997: J. Cauvin, Naissance des divinités. Naissance de l'agriculture. La Révolution des symboles au Néolithique (Paris 1997).
- Ceramica neolitică. O lecție de istorie. Catalog (Alba Iulia 2007).
- Chirica 1995: V. Chirica, Les vases anthropomorphes du Néolithique-Énéolithique de la Roumanie. PE 7, 1995, 203-224.
- Chirica 2004a: V. Chirica, Teme ale reprezentării “Marii Zeite” în arta paleolitică și neolitică. MA XXIII, 2004, 103-127.
- Chirica 2004b: V. Chirica, La Grande Déesse et son interprétation dans l'art paléolithique. În: M. Otte (éd.), La Spiritualité. Ac-

- tes du colloque de la commission 8 de l'UISPP (Paléolithique supérieur). Liège, 10-12 décembre 2003. ERAUL 106, 2004, 187-194.
- Chirica 2004c: V. Chirica (ed.), Elemente de spiritualitate în spațiul carpato-nistean. În: Preistorie. Simpozion internațional 2004. Rezumatele comunicărilor (Iași 2004), 6-8.
- Chirica 2006a: V. Chirica, Artă și religii preistorice. Sanctuarele paleoliticului superior european, PA, vol. V, nr. 5, 2006, 7-34.
- Chirica 2006b: V. Chirica, Opinions concernant l'art et les religions paléolithiques sur la base d'une grande découverte. AM XXIX, 2006, 25-27.
- Chirica, Tanasachi 1985: V. Chirica, M. Tanasachi, Repertoriul arheologic al județului Iași, vol. II (Iași 1985).
- Chirica, Văleanu 2008: V. Chirica, M.-C. Văleanu, Umanizarea taurului celest. Mărturii ale spiritualității comunităților cucuteniene de la Ruginoasa-Iași (Iași 2008).
- Clottes 2005: J. Clottes, Spiritualité et religion au Paléolithique: les signes d'une émergence progressive. Religion & Histoire, 2, 2005, 39-49.
- Cohen 2003: Cl. Cohen, La femme des origines. Images de la femme dans la préhistoire occidentale (Berlin 2003).
- Coman 1980: G. Coman, Statornicie, continuitate. Repertoriul arheologic al județului Vaslui (București 1980).
- Cucuteni 1997: Cucuteni. The last great chalcolithic civilization of Europe (Thessaloniki 1997).
- Cucuteni 2009: Cucuteni. Magia ceramicii. Catalog (Iași 2009).
- Davidescu, Chirica, Cuculea 2005: G. Davidescu, V. Chirica, M. Cuculea, Istorie și viață spirituală în zona montană și submontană a Neamțului (Iași 2005).
- Drașovean, Ciubotaru 2001: F. Drașovean, D. Ciubotaru, The Neolithic Art in Banat (Timișoara 2001).
- Delporte 1991: A. Delporte, L'image de la femme dans l'Art Préhistorique (Paris 1991).
- Delporte 1995: A. Delporte, Brassempouy et la Dame de Brassempouy. ERAUL 74, 1995, 55-64.
- Dumitrescu 1933: H. Dumitrescu, La station préhistorique de Ruginoasa. Dacia III-IV (București 1933), 57.
- Dumitrescu ș.a. 1953: H. Dumitrescu și al., Șantierul Traian. SCIV, 4, 1-2, 1955, 45-68.
- Dumitrescu 1957: H. Dumitrescu, Contribuții la problema originii culturii Precucuteni. SCIV, 8, 1-4, 1957, 53-73.
- Dumitrescu 1979: Vl. Dumitrescu, Arta culturii Cucuteni (București 1979).
- Durhard 1995: J-P. Durhard, La réalisme de la figuration féminine paléolithique. ERAUL 74, 1995, 65-70.
- Eliade 1992: M. Eliade, Tratat de istoria religiilor (București 1992).
- Gimbutas 1987: M. Gimbutas, Old European Deities. With emphasis on images from the Cucuteni culture. În: La civilisation de Cucuteni en contexte européen. Session scientifique Iași-Piatra Neamț 1984 (Iași 1987), 113.
- Gimbutas 1989: M. Gimbutas, Civilizație și cultură. Vestigii preistorice în sud-estul european (București 1989).
- Höchmann 1987: O. Hochmann, Gemeinsamkeiten in der Plastik der Linearkeramik und der Cucuteni-Kultur. În: La civilisation de Cucuteni en contexte européen. Session scientifique Iași-Piatra Neamț 1984 (Iași 1987), 97.
- Ionescu 1974: B. Ionescu, Obiecte de cult descoperite la Gumelnița. SCIV, 25, 3, 1974, 115-118.
- Hahn 1995: J. Hahn, Les représentations féminines en Allemagne du Sud dans leur contexte spatial et fonctionnel. ERAUL 74, 1995, 113-122.
- Kalicz 1970: N. Kalicz, Dieux d'argile. L'âge de la pierre et du cuivre en Hongrie (Budapest 1970).
- Klima 1995: B. Klima, Les figurations paléolithiques féminines en Moravie. ERAUL 74, 1995, 129-132.
- Laboutin 1990: A. Laboutin, Au Néolithique. Les premiers paysans du monde (Evreux 1990), 103.
- Lazarovici 2000: C.-M. Lazarovici, Semne și simboluri în cultura Cucuteni-Tripolie. În: N. Ursulescu, C.-M. Lazarovici (coord.), Cucuteni 120 – Valori universale. Lucrările Simpozionului național Iași, 30 sept. 2004 (Iași 2006), 68.
- L'Art néolithique en Roumanie (Roma 2008).
- Leroi-Gourhan 1965: A. Leroi-Gourhan, L'Art religieux mobilier și Le sanctuaire. În: Préhistoire de l'Art Occidental (Paris 1965).
- Leroi-Gourhan 1990: A. Leroi-Gourhan, Les religions de la Préhistoire. Paléolithique (Paris 1990).
- Mantu 1993: Plastica antropomorfă a așezării Cucuteni A de la Scânteia (jud. Iași). AM XVI, 1993, 53.
- Mareș 1996: I. Mareș, Quelques considérations concernant le trône de Lipcani. In: Gh. Dumitroaia, D. Monah (eds.), Cucuteni aujourd'hui (Piatra Neamț 1996), 65.
- Markevici 1985: V.I. Markevici, Mărturii ale trecutului (These remote Near Ages) (Chișinău 1985).
- Maxim-Alaiba 1987: R. Maxim-Alaiba, Le complexe de culte de la phase Cucuteni A3 de Dumești (dép. de Vaslui). In: La civilisation de Cucuteni en contexte européen. Session scientifique Iași-Piatra Neamț 1984 (Iași 1987), 269-286.
- Mohen 1995: J-P. Mohen, La diversité des divinités féminines à l'époque Néolithique. ERAUL 74, 1995, 139-148.
- Monah 1987: D. Monah, „Grand-mère”- la persistance d'un arhétipe. In: La genèse et l'évolution des cultures paléolithiques sur le territoire de la Roumanie (Iași 1987), 157-165.
- Monah 1997: D. Monah, Plastica antropomorfă a culturii Cucuteni-Tripolie (Piatra Neamț 1997).
- Monah 1992: D. Monah, Grands thèmes religieux reflétés dans la plastique anthropomorphe Cucuteni-Tripolie. MA XVIII, 1992, 72-112.
- Monah 2001: D. Monah, Organizarea socială, religia și arta în epoca neo-eneolitică. În: Istoria Românilor, vol. I, Moștenirea timpurilor îndepărtate (coord. M. Petrescu-Dîmbovița, Al. Vulpe) (București 2001), 169-197.
- Monah, Dumitroaia, Monah 2003: D. Monah, Gh. Dumitroaia, F. Monah, Poduri-Dealul Ghindaru. O Troie în Subcarpații Moldovei (Piatra Neamț 2003).
- Moure Romanillo 1995: A. Moure Romanillo, Les représentations humaines dans l'art paléolithique de l'Espagne cantabrique. În: H. Delporte (éd.), La Dame de Brassempouy, Actes du Colloque de Brassempouy (juillet 1994), ERAUL 74, 1995, 166.

- Mussi 1995: M. Mussi, Les statuettes italiennes de pierre tendre de Savignano et Grimaldi. ERAUL 74, 1995, 169-185.
- Neugebauer-Maresch 1995: Gh. Neugebauer-Maresch, La statuette du Galgenberg (entre Stratzing et Krems-Rehberg) et les figurines féminines d'Autriche. ERAUL 74, 1995, 187-194.
- Nițu 1970: A. Nițu, Reprezentările feminine dorsale pe ceramica neo-eneolitică carpato-balcanică. MA II, 1970, 75-99.
- Nițu 1980: A. Nițu, L'Art anthropomorphe féminin de la culture Cucuteni-Tripolie (Iași 1980).
- Nițu, Chirica 1987: A. Nițu, V. Chirica, Deux vases cucuteniens aux caractères anthropomorphes récemment découverts dans le dép. de Iași. In: BAI II (Iași 1987), 78-84.
- Nițu, Mantu 1987: A. Nițu, M. Mantu, Thèmes plastiques anthropomorphes et zoomorphes de la céramique cucutenienne de style A de Poienesti (dép. de Vaslui). In: BAI I (Iași 1987), 187-194.
- Otte 1993: M. Otte, Préhistoire des religions (Paris 1993).
- Otte 1995: M. Otte, Valeur symboliques de la représentation humaine: le cas „féminin”. ERAUL 74, 1995, 195-214.
- Otte 2006: M. Otte, Arts préhistoriques. L'articulation du langage (Bruxelles 2006).
- Petrescu-Dîmbovița ș.a. 1999: M. Petrescu-Dîmbovița, M. Florescu, A.C. Florescu și al. Trușești. Monografie arheologică (București-Iași 1999).
- Petrescu-Dîmbovița, Văleanu 2004: M. Petrescu-Dîmbovița, M.-C. Văleanu, Cucuteni-Cetățuie. Monografie arheologică (Piatra Neamț 2004).
- Radu 1979: O. Radu, Plastica neolitică de la Chișova Veche și câteva probleme ale neoliticului din nordul Banatului. Tibiscus 5 (Timișoara 1979), 73.
- Roussot 1995: A. Roussot, Connus et inconnus sur les femmes de Laussel. ERAUL 74, 1995, 221-237.
- Skakun 1996: New excavations of a eneolithic settlement in the Lower Danube region. In: Gh. Dumitroaia, D. Monah (eds.), Cucuteni aujourd'hui (Piatra Neamț 1966), 141-158.
- Sorochin, Borzic 2001: I. Borzic, V. Sorokin, Plastica antropomorfă din așezarea cucuteniană Iabloana I. MA XXII, 2001, 112-136.
- Ursulescu, Tencariu 2006: N. Ursulescu, F.-A. Tencariu, Religie și magie la est de Carpați acum 7000 de ani. Tezaurul cu obiecte de cult de la Isaiia. Archaeologia Interdisciplinaris 2 (Ed. N. Ursulescu) (Iași 2006), 113.
- Walter 1995: Ph. Walter, La peinture des femmes préhistoriques. ERAUL 74, 1995, 259-172.
- Абрамова 1962: З.А. Абрамова, Палеолитическое искусство на территории СССР (Москва-Ленинград 1962).

Vasile Chirica, doctor în istorie, Institutul de Arheologie, Filiala Iași al Academiei Române, str. L. Catargi 18, Iași, România. E-mail: ychirica@yahoo.com

Ilie Borzic, doctor habilitat în istorie, Universitatea Liberă Internațională din Moldova, str. Vlaicu-Pârcălab 52, Chișinău, R. Moldova. E-mail: ilieborzic@yahoo.com

Mădălin-Cornel Văleanu, doctor în istorie, Complexul Muzeal „Moldova”, Iași, România. E-mail: valeanu@yahoo.com

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ НОВШЕСТВА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА: ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕЙ ГОНЧАРНОЙ СЕРОГЛИНЯНОЙ КЕРАМИКИ ВОСТОЧНОГО ПРИКАРПАТЬЯ*

Майя КАШУБА, Марина ДАРАГАН, Олег ЛЕВИЦКИЙ, Кишинэу/Киев

Inovații tehnologice în epoca fierului timpuriu: perspectivele studierii ceramicii cenușii timpurii lucrate la roată din spațiul est-carpatic. În studiul de față se examinează ceramica cenușie timpurie lucrată la roată din spațiul est-carpatic, referitor la care se utilizează abrevierea CCTLR-SEC (în engleză EGWMP-ECR, germană FDSGW-OVK, rusă ПГСК-ВКП). În cadrul hinterlandului barbar din Europa, această categorie, cel mai timpuriu – pe la mijlocul sec. VII î.e.n., apare anume în spațiul est-carpatic. În total, în regiune, sunt atestate 26 (27?) de descoperiri de astfel de vase, care provin din contexte culturale diferite: grupul podolian de vest al culturii scitice arhaice (CCTLR-SEC,1 – 17(18?) puncte), grupul Trinca (CCTLR-SEC,2 – 3 puncte), grupul podolo-moldav (CCTLR-SEC,3 – 1 punct) și în siturile hallstattiene târzii din raioanele de est și sud-est (CCTLR-SEC,4 – 5 puncte). Este prezentată baza de date preventivă a CCTLR-SEC cu descrierea desfășurată a unor monumente și a contextului depistării ceramicii timpurii lucrate la roată. Se aduc argumente în favoarea datării timpurii a veselei lucrate la roată în regiune – în jurul mijlocului sec. VII î.e.n. Sunt examinate principalele probleme ce țin de studierea CCTLR-SEC și perspectivele cercetărilor viitoare. Se atrage atenția asupra resurselor de sare din regiunea est-carpatică. Este relevat rolul-cheie, de transfer, al Subcarpaților Răsăriteni în perioada hallstattiiană târzie/scitică timpurie (îndeosebi sec. VII î.e.n.) spre Carpați și Balcanii de Est. Este abordat rolul sciților în activitatea comercială și de schimbul legat de sare, precum și interesele acestora în controlul asupra resurselor de sare amplasate în Subcarpații Răsăriteni și regiunile nord-estice ale spațiului intracarpatic

В настоящей статье рассматривается ранняя гончарная сероглиняная керамика из Восточного Прикарпатья, для которой принято сокращение ПГСК-ВКП (рум. CCTLR-SCE, англ. EGWMP-ECR, нем. FDSGW-OVK). Среди варварского хинтерланда Европы именно в этом регионе она появляется наиболее рано – от середины VII в. до н.э. Всего в регионе документировано 26 (27) местонахождений такой посуды, которая найдена в различных культурных контекстах: в западнородольской группе раннескифской культуры (ПГСК-ВПК,1 – 17(18?) пунктов), в группе Тринка (ПГСК-ВПК,2 – 3 пункта), подольско-молдавской группе (ПГСК-ВПК,3 – 1 пункт) и на позднегалльитаттских памятниках восточных и юго-восточных областей (ПГСК-ВПК,4 – 5 пунктов). Представлен первичный вариант базы данных ПГСК-ВКП с расширенным описанием отдельных памятников и контекстов нахождения ранней гончарной посуды. Предложены уточнения ранних датировок гончарной посуды в регионе – около середины VII в. до н.э. Обсуждаются основные проблемы, связанные с изучением ПГСК-ВКП и перспективы дальнейших исследований. Обращено внимание на соляные ресурсы Восточно-карпатского региона. Акцентирована ключевая роль Восточного Прикарпатья в позднегалльитаттский/раннескифский период (особенно VII в. до н.э.), как трансфера на Карпаты и Восточные Балканы. Затрагивается роль ранних скифов в торгово-обменной деятельности, связанной с солью, а также их интересы и возможный контроль над соляными ресурсами Восточного Прикарпатья и северо-восточных областей Карпатской котловины.

Early Iron Age technological innovations: prospects for the study of early grey wheel-made pottery from East Carpathian foot-hill area. The present paper examines early grey wheel-made pottery known as EGWMP-ECR (CCTLR-SCE in Romanian; FDSGW-OVK in German; ПГСК-ВПК in Russian). The earliest record of this type of pottery comes from the area studied in the present paper and dates back to the mid VII century B. C. The number of findings of early grey wheel-made pottery from the area under study amounts to 26 (27). The cultural context of findings is also variable: Western Podolian group of Early Scythian culture (EGWMP-ECR,1 – 17 (18-?) sites); Trinca group (EGWMP-ECR,2 – 3 sites); Podolian-Moldavian group (EGWMP-ECR,3 – 1 sites); and Late Hallstatt monuments from Eastern and South-Eastern regions (EGWMP-ECR,4 – 5 sites). The paper presents a preliminary database EGWMP-ECR with extended description of selected monuments and cultural

* М. Кашуба и О. Левицкий выполнили исследование в рамках международного независимого проекта (по Академии наук Молдова – шифр 09.820.07.01 UIA) как составной части общего проекта «Скифо-сарматский мир и античная цивилизация», поддержанного Международной ассоциацией Академий наук (Брюссель).

contexts of early wheel-made pottery. A refinement of early dating of pottery (around mid-VII century B. C.) from the area under study is proposed. The basic problems associated with the study EGWMP-ECR and the prospects for further research are discussed. Attention is paid to the salt resources of the East-Carpathian region. An emphasis is made on crucial role of the Eastern Carpathian foot-hill area during Late Hallstatt / early Scythian period (especially in VII. B. C.), as transfer region to the Carpathians and the Balkans. The role of the early Scythians in the trade exchange activities related to salt, as well as their interests and possible control of salt resources of the Eastern Carpathians and north-eastern regions of the Carpathian Basin are also discussed in the paper.

Key words: *East-Carpathian Region, Late Hallstatt and Early Scythian Periods, early grey wheel-made pottery, research prospects, salt resources, early Scythian and salt trade*

Введение

Освоение железа как нового металла, и связанное с этим открытие стали, было первичным и основным технологическим новшеством новой эпохи – начального/раннего этапа железного века. Наряду с распространением железа велся активный технико-технологический поиск во многих других областях. Это коснулось и производства самого массового предмета быта – керамической посуды, часть которой, начиная VI-V вв. до н.э. в варварских обществах Европы стала изготавливаться на гончарном круге. Уже на начальных стадиях своего использования гончарный круг означал переход к серийному производству посуды. Однако внедрение гончарного круга происходило постепенно и неодинаково, а наиболее ранние образцы гончарной сероглиняной керамики в варварском хинтерланде, датированные от середины VII в. до н.э., зафиксированы на одной, определенной территории – в Восточно-карпатском регионе, особенно в его северо-восточной части (рис. 1).

Исследования по ранней гончарной сероглиняной керамике в Восточном Прикарпатье проводятся почти столетие, начиная еще с первой трети XX в. (Sulimirski 1936, 106.116-118). Они особенно активизировались в 60-е гг. XX в., когда были получены важные доказательства по датировке такой посуды (Ганіна 1965, 115-117; Smirnova 1965, 76 сл.; Смирнова 1968, 24-25), а также в конце прошлого столетия и 2000-е гг. – с появлением новых находок ранней гончарной керамики в достоверно датированных контекстах (Iconomu 1978-1979, 79 сл.; Moscalu 1983; Chochorowski 1996, 116 сл.; Ignat 2006, 62-65; Смирнова 1994, 185-187; она же 1999, 54-56; Бруяко 1992, 19-20; он же 2005, 119 сл.; Гуцал, Мегей 1997, 85-88; Гуцал и др. 1998, 75, рис. 2,15; Гуцал и др. 2001, 18; Гуцал и др. 2003, 91-92; Гуцал и др. 2005, 119; Гуцал и др. 2006, 158-159; Білозір, Скорий 1989, 16.17).

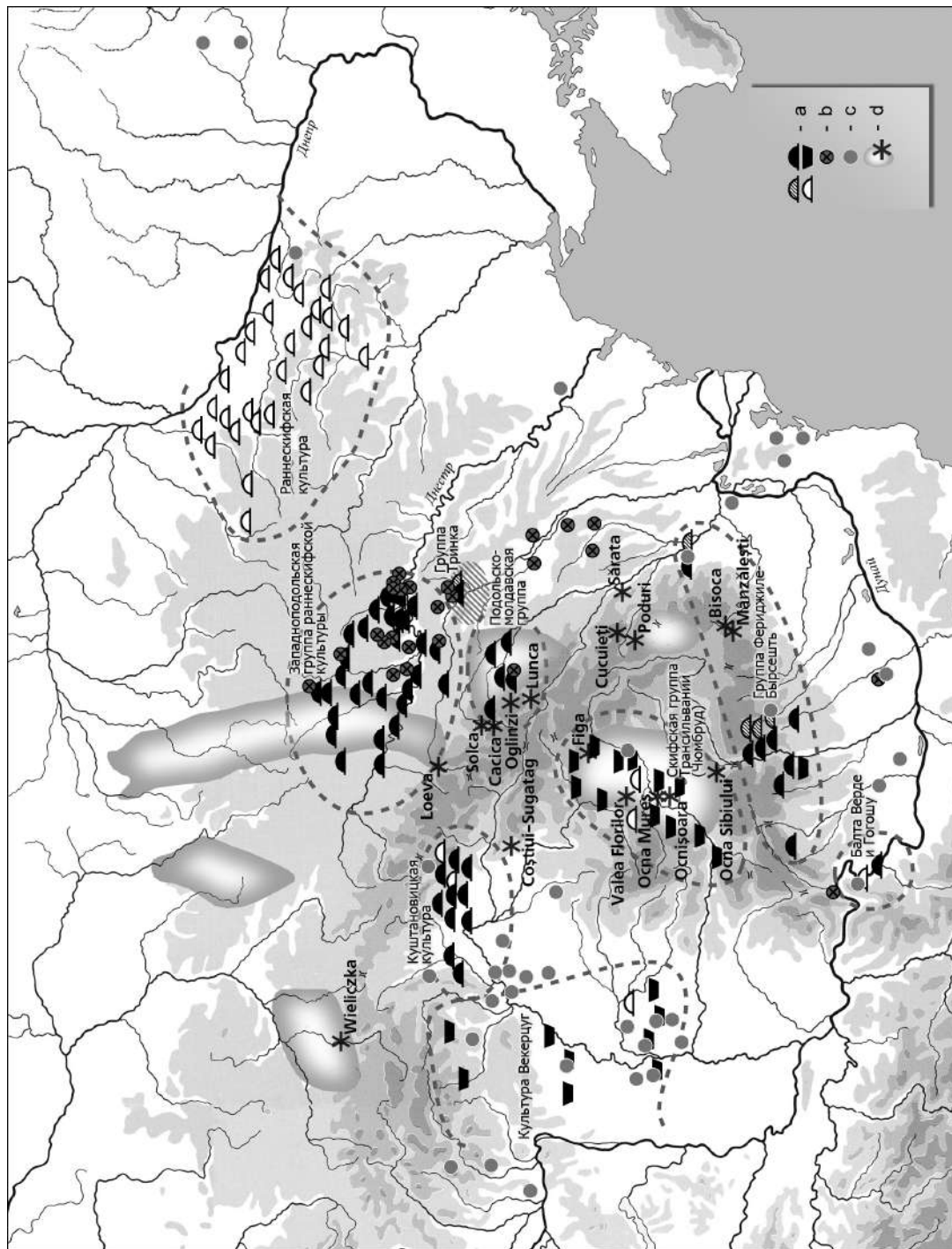
Авторы настоящей статьи также ввели в научный оборот новые находки ранней гончарной керамики из рассматриваемого региона, а часть старых материалов переопубликовали и частично привели в соответствие с принятыми для раннего железного

века современными датировками (Levički 2009a, 95 сл.; Kashuba, Daragan, Levitski 2009a, 33.49; Kashuba, Daragan, Levitski 2009b, 54-55; Levitski, Kashuba 2009; Daragan 2009; Кашуба, Левицкий 2009, 247-260; Levički et al. 2010, 142-150). К обсуждению нами были предложены несколько основных положений: 1) наличие прототипов среди местной лепной керамики, которые были скопированы в новой технике – на гончарном круге, 2) рассмотрение ранней гончарной сероглиняной керамики и в качестве малоазийского импорта, и как результата местного производства, 3) прутский и/или сиретский путь распространения гончарной керамики и технологии гончарного круга в Восточно-карпатском регионе, 4) отказ от гипотезы заимствования технологии гончарного круга от греков-колониистов и, соответственно, зависимости от греческой колонизации региона – времени основания первых греческих колоний на северном побережье Понта (Истрия и/или Березань), 5) передача технологических навыков производства серой гончарной посуды непосредственно через варварскую среду восточных Балкан, Добруджи и далее – в Восточно-карпатский регион, вплоть до более северо-восточных районов бассейна Среднего Днестра.

Здесь представлены результаты текущих исследований авторов, обозначены перспективы изучения ранней гончарной керамики, а также акцентирована роль Восточного Прикарпатья в позднегаллыштатское/раннескифское время как региона, богатого своими соляными ресурсами, и трансфера на Карпаты и Восточные Балканы (рис. 1-2; 15).

К формированию базы данных (корпус источников и обоснования ранних датировок, выборочно)

В позднегаллыштатский/раннескифский период (VII-VI вв. до н.э.) Восточно-карпатский регион занимали несколько разных этно-культурных массивов, которые сформировали специфические культурные группы, по своим характеристикам отличающиеся от соседних культурных образований (рис. 1). В его северной части (северная Бу-

Рис. 1. Прикарпатье, Карпатский бассейн и соседние территории в позднегаллыштаттское – раннескифское время. Условные обозначения: а) погребальные памятники различных культурных групп (насыпь земля–камни–земля; насыпь земля–камни; насыпь земляная; насыпь отсутствует), б) ранняя гончарная сероглиняная керамика VII-VI вв. до н.э., в) ранняя гончарная сероглиняная керамика VI(V-?) в. до н.э., д) ресурсы природной соли и соледобыча (археологические памятники с материалами периода поздней бронзы и раннего железного века) (а-с – по Бессонова, Скорый 2001; Гуцал, Мегей 1997; Гуцал и др. 1998, 2001, 2003, 2005, 2006; Кашуба, Левицкий 2009; Ковпаненко и др. 1989; Левицкий, Кашуба 2009; Смирнова 2004; Смирнова, Бернякович 1965; Шрамко 1998; Шрамко и др. 2004; Никулицэ, Фидельский 2004; Sulimirski 1936; Moscalu 1983; Marin 1987-1989; Iconomu 1978-1979, 1981-1982, 1999; Iconomu, Tănăsachi 1992; Simion 2003; Ignat 2006; Tentiuc ș.a. 2008; Levițki 2006, 2009a, 2009b; Levițki ș.a. 2010; d – по Cavric 2006; Ciugudean ș.a. 2006; Monah, Dumitroaia 2007; Monah 2007; Müller 2009).

ковина или центральная зона бассейна Среднего Днестра) находилась западноподольская группа раннескифской культуры, оставленная носителями раннескифского культурного комплекса Северного Причерноморья. Южнее засвидетельствованы группа Тринка в зоне Северо-Молдавского плато (северное Попрутье) и подольско-молдавская группа южной Буковины – носители позднегалльштатских культурных традиций, но уже с отдельными раннескифскими элементами¹. Далее к югу, в южной части Восточного Прикарпатья, имеется целый ряд памятников, в культурном слое которых также могут быть идентифицированы позднегалльштатские материалы.

Ранняя гончарная сероглиняная керамика (от середины VII – VI в. до н.э.) известна на памятниках всего региона (рис. 1-2). Ранее считалось, что только в ареале западноподольской группы раннескифской культуры бассейна Среднего Днестра (или северной Буковины) известна наиболее ранняя гончарная сероглиняная керамика (Смирнова 1999, 56 сл.). Однако начатый пересмотр датировок старых материалов из Восточного Прикарпатья показал уже целую серию местонахождений, сероглиняная керамика которых синхронна аналогичным западноподольским экземплярам (Кашуба, Левицкий 2009, 248 сл., рис. 1-2). Список памятников продолжает расширяться (рис. 1-2; табл. 1).

Табл. 1. Ранняя гончарная сероглиняная керамика из памятников Восточного Прикарпатья.

Археологические культуры/группы, отдельные памятники	Курганные погребения	Поселения	Всего
Западноподольская группа раннескифской культуры (РГСК-ВПК,1) ²	12	5 (6 ?) ³	17 (18 ?)
Группа Тринка (РГСК-ВПК,2)	1	2	3
Подольско-молдавская группа (РГСК-ВПК,3)	1		1
Позднегалльштатские памятники восточных и юго-восточных областей (РГСК-ВПК,4)		5	5
ИТОГО	14	12 (13 ?)	26 (27 ?)

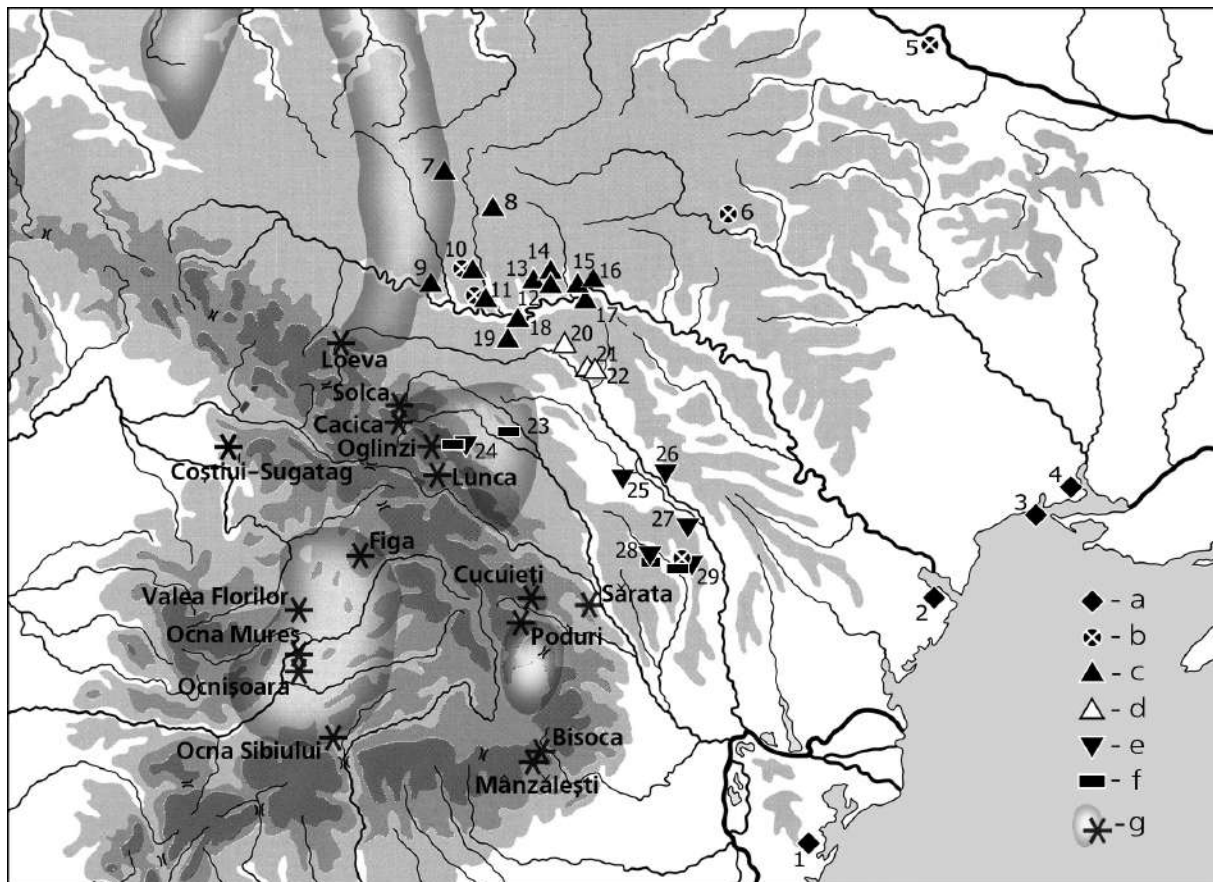
Формирование базы данных РГСК-ВПК требует непосредственной работы с материалами – не только с гончарной сероглиняной керамикой, но также со всем массивом лепной посуды, которая показывает контексты и позволяет выявлять местные прототипы. Предложенный далее корпус источников

РГСК-ВПК отражает текущее состояние исследований авторов: материалы отдельных памятников уже обработаны и подготовлены, другие – изучаются, третьи – пока только обозначены, соответственно, памятники в списке пока не сопровождаются развернутыми описаниями.

¹ Современный уровень исследований позднегалльштатского/раннескифского периода Восточно-карпатского региона показывает, что едва ли правомочно относить и группу Тринка, и подольско-молдавскую группу к западноподольской группе раннескифской культуры. В настоящей статье они разделены, однако к этому необходимы веские доказательства, которые будут предложены в отдельной работе.

² Исходя из целей и задач исследования, принято сокращение, в основе которого положена специфика и культурные контексты находок ранней гончарной сероглиняной керамики в регионе: РГСК-ВПК – ранняя гончарная сероглиняная керамика Восточного Прикарпатья; номера 1-4 соответствуют разделению материалов по культурам, культурным группами и территориально (рум. CCTLR-SEC, англ. EGWMP-ECR, нем. FDSGW-OVK). Необходимо отметить, что гончарная керамика имеет преимущественно серый цвет с более светлым или темным оттенком. Хотя известна и гончарная керамика светло-коричневого цвета, которая встречается сравнительно реже, для всего массива ранней гончарной керамики из Восточного Прикарпатья принято сокращение РГСК-ВПК.

³ Среди находок на поселениях западноподольской группы раннескифской культуры упоминается гончарная сероглиняная керамика на поселении Оселивка (Смирнова 2004, 410 сл. рис. 1,33; Никитина 1979, 271 сл.). Но на этом памятнике раннескифский слой перекрыт материалами черняховской культуры. Именно из черняховского слоя известна большая серия сероглиняных сосудов, сделанных на гончарном круге. Предположительно такая же посуда имеется и на ряде других поселений. Поэтому вопрос с материалами поселения Оселивка может быть обоснованно решен только после анализа глин гончарных сосудов с применением естественно-научных методов.

Рис. 2. Восточное Прикарпатье и соседние территории в позднегалльштатское – раннескифское время и начальный период греческой колонизации: 1 – Истрия, 2 – Тира, 3 – Березань, 4 – Ольвия, 5 – Трахтемиров, 6 – Немирово, 7 – Новосёлка-Гримайловская, 8 – Серватинцы, 9 – Лисичники, 10 – Залесье, 11 – Иване-Пусте, 12 – Текливка, 13 – Тарасивка, 14 – Шутнивыцы, 15 – Колодиевка, 16 – Козлов II, 17 – Непоротово, 18 – Долиняны, 19 – Круглик, 20 – Липкань-Ла Рабий, 21 – Тринка-Друмул Фетештило, 22 – Тринка-Изворуллуй Лука, 23 – Сату Маре; 24 – Кажвана, 25 – Коту Морий, 26 – Цуцора-Буздугань, 27 – Брэдичешть, 28 – Козмешть, 29 – Куртень. Условные обозначения: а) греческие эмпорий и колонии, б) ранний греческий импорт (выборочно), в) ранняя гончарная сероглиняная керамика западноподольской группы раннескифской культуры, д) ранняя гончарная сероглиняная керамика подольско-молдавской группы и группы Тринка, е) ранняя гончарная сероглиняная керамика других местонахождений, ф) отдельные находки ранних предметов раннескифского облика за пределами ареала раннескифской культуры, г) ресурсы природной соли и соледобыча (археологические памятники с материалами периода поздней бронзы и раннего железного века).

Корпус источников РГСК-ВПК (выборочно)

*РГСК-ВПК, 1 – западноподольская группа раннескифской культуры*⁴.

РГСК-ВПК, 1.1. *Курганные погребения.*

РГСК-ВПК, 1.1.А. **Новосёлка-Гримайловская**, кург. (В) (рис. 2,7) (Sulimirski 1936, 82-83, tab. XV,6).

РГСК: сосуд типа Круглик

Контекст: сопровождающий инвентарь – лепная посуда: миска конической формы с загнутым внутрь венчиком и нижняя часть банковидного сосуда.

РГСК-ВПК, 1.1.В. **Серватинцы**, кург. I (рис. 2,8) (Sulimirski 1936, 93-94, tab. XV,9).

⁴ К сожалению, значительная часть документации по этим памятникам отсутствует, а сами материалы находятся в различных музеях и фондах. Так, часть материалов из поселения Залесье хранится в Государственном Историческом музее Украины (г. Киев), часть в фондах Института археологии НАН Украины (г. Киев), еще часть – в Тернопольском краеведческом музее (г. Тернополь). Некоторые вещи и вовсе утрачены. То же относится и к материалам поселения Иване-Пусте. При этом значительная часть материалов не сопровождается полевыми описями. Некоторые из категорий инвентаря восстанавливаются по данным отчетов.

РГСК: сосуд типа Круглик

Контекст: сопровождающий инвентарь – бисусеченноконическая стеклянная бусина; лепная посуда – большая лощеная корчага с высоким горлом и выпуклыми боками, небольшой черпак с сильно возвышающейся ручкой с плоским выступом на перегибе в виде лопаточки, мисочка с отогнутым краем на полой конической ножке.

РГСК-ВПК,1.1.С. **Лисичники**, кург. (рис. 2,9) (Смирнова 1967, 229-230, рис. 65, 1-6; она же 2004, 423, рис. 2,6).

РГСК: нижняя часть сосуда типа Круглик

Контекст и даты: сопровождающий инвентарь – булавка с двуспиральной головкой, булавка с маленькой гвоздевидной шляпкой, 2 бронзовые височные зашнурки, несколько стеклянных бусин. Хронология изделий раннескифских типов показывает возраст в пределах конца VII-VI в. до н.э.

РГСК-ВПК,1.1.Д. **Круглик**, кург. I (рис. 2,19) (Смирнова 1968, 15, рис. 2,8; она же 1993, 101 сл.).

РГСК: небольшая корчага, выделенная в отдельный тип, так и названный – тип Круглик (рис. 14,2).

Контекст и даты: сопровождающий инвентарь – наконечники стрел, наконечник копья, нож (все изделия раннескифских типов), а также железный топор с крылышками и бронзовый котел; лепная посуда – миски, черпак, а также миска, имеющая прямые аналогии среди сосудов культуры Фериджиле Среднего Подунавья (южное Прикарпатье). Материалы неоднократно анализировались и были убедительно датированы Г.И. Смирновой второй половиной – концом VII в. до н.э. (Смирнова 1993, 109-111).

РГСК-ВПК,1.1.Е(1). **Шутнивцы**, кург. 3 (рис. 2,14) (Гуцал и др. 1998, 75, рис. 2,15).

РГСК: кружка с высокой ручкой.

Контекст и даты: сопровождающий инвентарь – несколько десятков панцирных пластин, 11 бронзовых трехлопастных и трехгранных стрел, железные удила, нож, наконечник копья, точильный брусок; лепная посуда – миска, черпак; отмечены вкрапления охры. Изделия раннескифского облика относятся к этапу РСК-3⁵.

РГСК-ВПК,1.1.Е(2). **Шутнивцы**, кург. 7 (рис. 2,14) (Гуцал и др. 2001, 18).

РГСК: кружка и глубокая миска.

РГСК-ВПК,1.1.Ф. **Тарасивка**, кург. 2 (рис. 2,13) (Гуцал, Мегей 1997, 85-88).

РГСК: фр.⁶ тонкостенного сосуда (тип Круглик ?, кружка ?).

РГСК-ВПК,1.1.Ж(1). **Текливка**, кург. 2 (рис. 2,12) (Гуцал А., Гуцал В. 2005, 18 сл.).

РГСК: фр. сосуда (тип Круглик ?), украшенный по отогнутому краю венчика волнистым орнаментом (не опубликован).

Контекст и даты: сопровождающий инвентарь – бронзовая фигурка кабанчика.

РГСК-ВПК,1.1.Ж(2). **Текливка**, кург. 3 (рис. 2,12) (Гуцал и др. 2003, 90-92, рис. 2,4; Гуцал А., Гуцал В. 2005, 18 сл.) (рис. 3,1-13).

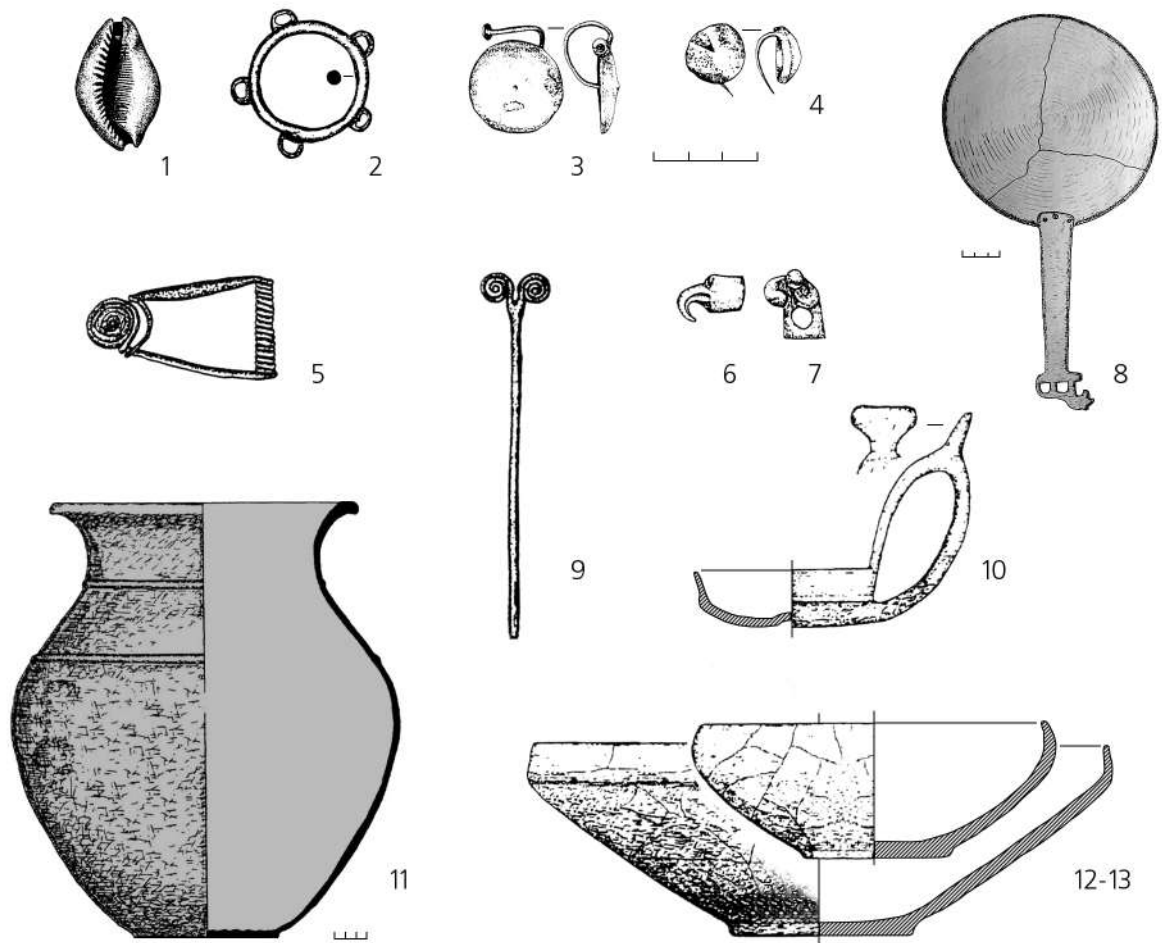
РГСК: горшковидный сосуд (тип Круглик-?) с выпуклым корпусом, утолщенным горизонтально отогнутым венчиком с небольшим выступом в виде валика на внутренней стороне. На шейке и плечиках имеются невысокие гладкие валики. Дно плоское, на нем нанесены две перпендикулярные линии, образующие фигуру в виде креста. Размеры сосуда: выс. 40 см, Дв. 27 см, Дтм. 36 см (рис. 3,11). Размерами этот сосуд превышает все остальные, найденные в курганах, но на поселениях известны большие лепные горшки.

Контекст и даты: сопровождающий инвентарь – уздечная пряжка-пронизь с изображением грифо-барана и пряжка-пронизь с изображением головы хищной птицы, бронзовое зеркало с боковой ручкой, на конце которой Т-образная подставка с фигуркой коня, 2 золотые серьги-зашнурки, бронзовая булавка с головкой в виде двух симметрично расположенных спиральных завитков в три оборота, бронзовое кольцо (диам. 4,5 см) с пятью округлыми, равномерно расположенными боковыми петлями, бронзовое кольцо, 2 железных ножа, 4 раковины каури, бусина из пасты коричневого цвета с желтыми прямыми и зигзагообразными поясками, арфовидная фибула с вогнутой дужкой, спиральной иглой и пружиной из 17 витков (рис. 3,1-9); лепная керамика – 2 чернолощенных черпака с высокой ручкой, 2 миски с загнутым внутрь краем, миска с отогнутым наружу краем и фр. венчика корчаги (рис. 3,10-13). Все категории типичны для раннескифских памятников этапа РСК-3 западно-подольской группы; арфовидная фибула – импорт из областей классического Восточного альпийского галльштатта Средней Европы (см. ниже).

РГСК-ВПК,1.1.Н(1). **Колодиевка**, кург. 4 (рис. 2,15) (Гуцал и др. 2005, 119).

⁵ В работе используется схема периодизации раннескифской культуры (РСК), предложенная в работе И.Н. Медведской (1992, 86 сл.).

⁶ Принятые сокращения: фр. – фрагмент/фрагменты, выс. – высота, диам. – диаметр, Дв. – диаметр венчика, Дтм. – диаметр тулова максимальный, Дд. – диаметр дна.

Рис. 3. Восточное Прикарпатье – ареал западноподольской группы раннескифской культуры, могильник Теклинка, курган 3 (РГСК-ВПК,1.1.Н(2)). Гончарный сосуд (11) и погребальный инвентарь, выборочно (1-10,12,13) (1-раковина, 2,5,8,9-бронза, 3,4- золото, 6,7-кость, 10-13-глина) (по Гуцал и др. 2003; Гуцал А., Гуцал В. 2005).

РГСК: фр. тонкостенного сосуда (тип Круглик ? кружка ?).

РГСК-ВПК,1.1.Н(2). **Колодиевка**, кург. 11 (рис. 2,15) (Гуцал и др. 2006, 158-159, рис. 1,2).

РГСК: небольшая корчага (тип Круглик ?).

Контекст и даты: сопровождающий инвентарь – железный нож, железный наконечник копья с восьмигранной втулкой и отверстием для крепления древка; лепная керамика – 2 миски, одна из которых с наколами по краю (материал не опубликован).

РГСК-ВПК,1.1.Н(3). **Колодиевка**, кург. 12 (рис. 2,15) (Гуцал и др. 2005, 119; Гуцал и др. 2006, 159).

РГСК: фр. стенок и донцев сосудов.

Контекст и даты: сопровождающий инвентарь – вещи этапа РСК-3 и местная лепная керамика.

РГСК-ВПК,1.2. *Поселения:*

РГСК-ВПК,1.2.А. **Иване-Пусте** (рис. 2,11) (Ганіна 1965, 109-115, рис. 1,8,9; 4,9; Daragan 2009).

РГСК: 1) сосуды типа Круглик – с отогнутым, горизонтально срезанным и утолщенным краем венчика, короткой шейкой, плавно переходящей в округлые бока, и плоским дном. На месте перехода шейки в тулово, как правило, имеется низкий неширокий валик (рис. 4,1-2,9; 5,12). Выделяются фр. сосудов, украшенные под венчиком мелкими горизонтальными каннелюрами или более широкими каннелюрами, переходящими и на горло. Имеется фр. венчика сосуда с прямыми стенками и узором из волнистых линий (рис. 4,8); 2) чашки/кружки и кубки. Чашки/кружки имеют прямой или слегка наклонный венчик, прямую удлиненную шейку, переходящую в округлое тулово. По шейке или на переходе от шейки к тулову они украшены горизонтальными каннелюрами (рис. 4,6; 5,5,9,11). Кубок с прямым венчиком, удлиненной прямой шейкой и низким туловом. Под венчиком расположены три

Рис. 4. Восточное Прикарпатье – ареал западноподольской группы раннескифской культуры, поселение Иване-Пусте (РГСК-ВПК, 1.2.А). 1-9 – ранняя гончарная сероглиняная и серо-коричневая керамика (по Ганіна 1965; Daragan 2009).

ряда горизонтальных каннелюр (рис. 4,5); 3) миски – фр. с загнутым внутрь краем и округлыми стенками (рис. 5,14-15). Цвет фр. преимущественно светло-коричневый, реже – серый с более светлым или темным оттенком.

Контекст и даты: гончарная керамика на поселении представлена совместно с античной керамикой (тарной – амфоры), вещами галльштаттских и раннескифских типов, а также местной лепной керамикой (рис. 5/А.В). В двух случаях удалось установить полный контекст обнаружения форм гончарной сероглиняной керамики в закрытых комплексах – это материалы из жилищ № 1 и № 4. В жилище № 1 в контексте местной лепной керамики (в работе не приводится) найдены бронзовый браслет галльштаттского типа (рис. 5,7), бляшка (рис. 5,6) и вещи раннескифских типов – удила, псалий, а также трехгранный наконечник стрелы (рис. 5,1-3). В жилище № 4 гончарная сероглиняная керамика (фр. мисок – рис. 5,14-15) найдена совместно с дном амфоры производства Клазомен (рис. 5,13). Античная керамика из поселения Иване-Пусте представлена горловиной амфоры производства Клазомен, аналогичной клазоменским амфорам группы II (630-600 гг. до н.э.) или группы III (635-590 гг. до н.э.), по Ю. Сезгину (Sezgin 2004, 170 сл) (рис. 6,1). К производству Клазомен могут быть отнесены и две ножки, которые по метрическим показателям соотносятся с группами, датированными в пределах второй половины VII – первой половины VI в. до н.э. (рис. 5,13). Также на поселении известны фр. ручек от амфор производства Лесбоса (рис. 6,2).

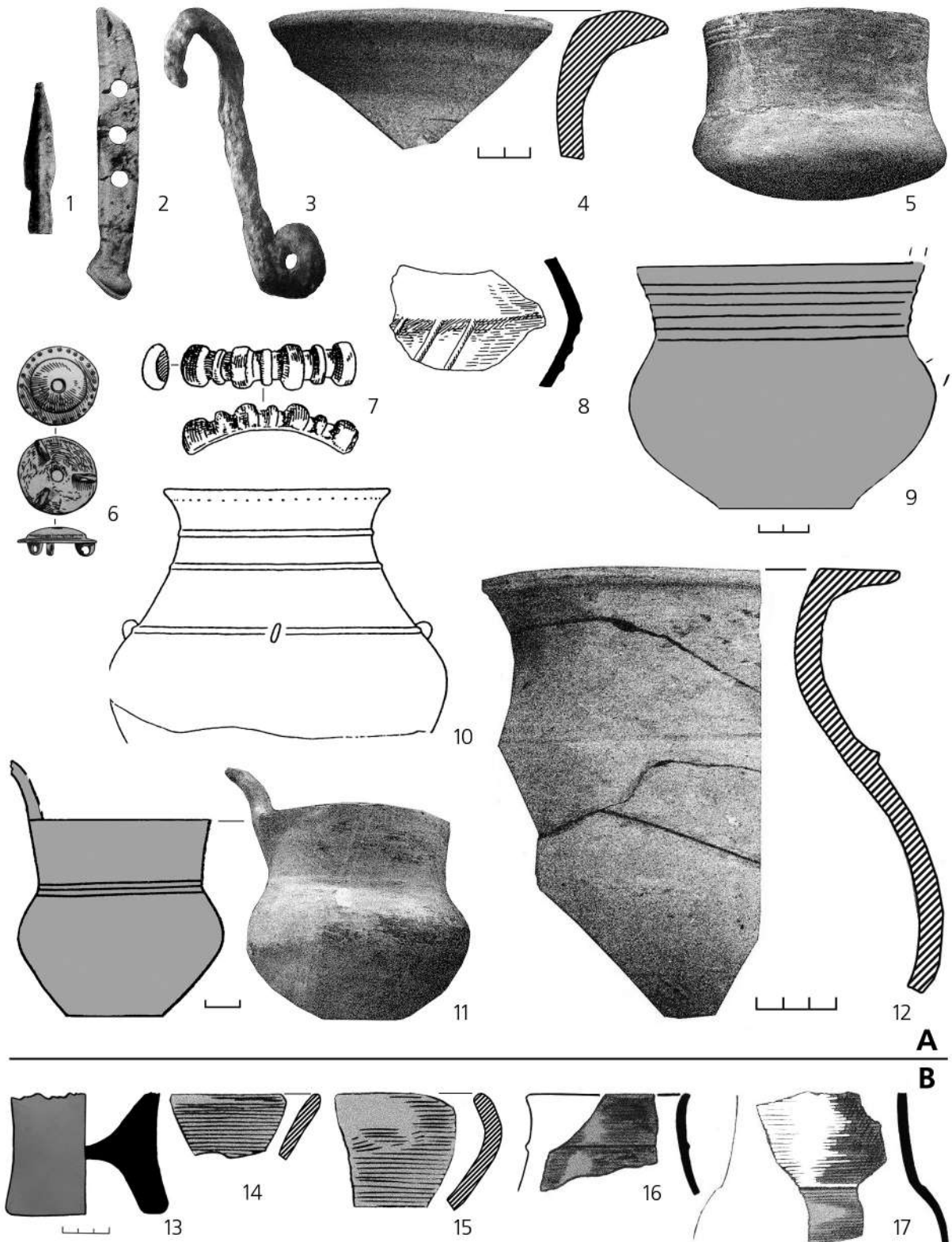
РГСК-ВПК,1.2.В. **Залесье** (рис. 2,10) (Ганіна 1984, 74, рис. 4,1.6; Dараган 2009).

РГСК: 1) сосуды типа Круглик – с отогнутым, горизонтально срезанным и утолщенным краем венчика, короткой шейкой, плавно переходящей в округлые бока, и плоским дном. На месте перехода шейки в тулово, как правило, имеется низкий неширокий валик. В отдельный вариант могут быть выделены сосуды с удлиненной шейкой, которые на месте перехода шейки в тулово имеют неглубокий каннелюр (рис. 7,3.5-8). На некоторых фр. имеется волнистый узор, иногда в сочетании с узким валиком (рис. 7,6.10). К другим вариантам относятся фр. сосудов, представленные только венчиками, имеющими различия в профиле и орнаментации. Непосредственно под венчиком, на верхней части шейки у некоторых сосудов встречаются ряды мелких каннелюр. Имеются отдельные фр. стенок от крупных сосудов с каннелюрами или высокими узкими или широкими валиками (рис. 7,8); 2)

кувшины с ручкой (рис. 7,11); 3) черпаки, кружки, кубки – фр. сосудов с плавно отогнутым венчиком, вогнутой шейкой и глубоким округлым туловом. Некоторые сосуды имели плоско-овальные в сечении высокие ручки (рис. 7,2.4.9); 4) миски – фр. с загнутым внутрь краем и округлыми стенками; 5) в керамической коллекции памятника сохранилось также большое количество донцев сосудов, среди которых выделяются фр. плоских донцев и донцев с уступом.

Контекст и даты: среди датирующих категорий предметов на поселении представлены – вещи раннескифских типов (псалий, удила и стрелы), которые датируются не позднее конца VII – начала VI в. до н.э.; фр. браслета и столовой керамики галльштаттских типов (рис. 9,1-8); а также фр. античной тарной и столовой посуды (рис. 8,1-14). Тарная посуда представлена амфорами производства Хиоса (рис. 8,6-12.14). Это сосуды с белой облицовкой и росписью в виде прямых, горизонтальных и дугообразных знаков. Они относятся к раннему типу, датируемому от середины VII в. до н.э. и до начала VI в. до н.э. (Cook, Dupont 1998, 147). К производству Клазомен относятся находки ножек (рис. 8,13), которые по метрическим показателям могут быть соотношены с группами амфор, датированными в пределах второй половины VII – первой половины VI в. до н.э. (Sezgin 2004, 170-174). Амфоры производства Лесбоса представлены фрагментами характерных ручек круглой формы, которые совокупно также могут быть отнесены ко времени второй половины VII – первой половины VI в. до н.э. Расписная посуда⁷ представлена фр. чаш, полусферических чаш и ионийских киликов (рис. 8,1-5). Вся эта группа керамики датируется в пределах второй половины VII – первой половины VI в. до н.э. (не позднее первой половины VI в. до н.э.). Чаши украшены обильными полосами из пурпура и белила (рис. 8,4), при этом обильный пурпур нанесен и по верхней части внутренней стенки, что является ранним признаком, так как во второй половине VI в. до н.э. так обильно пурпур уже не наносился. Узор из треугольников (рис. 8,2) также является признаком, в целом, архаическим, представленным на ионийской и хиосской керамике второй половины VII – первой половины VI в. до н.э. На полусферической чаше рисунок выполнен в резервной технике (рис. 8,3), что также позволяет его датировать не позднее первой половины VI в. до н.э. К этому времени можно отнести и фр. стенки сосуда с лучевым орнаментом. Более четкую дату дает фр. ионийского килика (рис. 8,1). У него

⁷ Пока вся группа расписной керамики доступна только по фотографиям из полевых отчетов.

Рис. 5. Восточное Прикарпатье – ареал западноподольской группы раннескифской культуры, поселение Иване-Пусте (РГСК-ВПК, 1.2.А). Ранняя гончарная сероглиняная керамика (5,9,11-12,14-15) и сопровождающие материалы из закрытых комплексов: А/1-12 – жилище 1; В/13-17 – жилище 4 (1,6,7-бронза; 2-кость; 3-железо; 4,5,8-17-глина) (по Ганіна 1965; Daragan 2009).

отогнутый невысокий венчик, по краю которого оставлена полоса в цвете глины. Венчик и верхняя часть тулова сплошь окрашены лаком, тогда как на уровне крепления ручек оставлена светлая полоса в цвете глины. Этот фр. может быть отнесен к типу В1, по Виллард-Валет, такие килики распространены в слоях второй половины VII – первой половины VI в. до н.э. всех античных поселений, в том числе и Березани (Рубан 1980, 110-112).

Рис. 6. Восточное Прикарпатье – ареал западнородольской группы раннескифской культуры, поселение Иване-Пусте (РГСК-ВПК, 1.2.А). 1-2 – греческий импорт, тарная керамика (по Ганіна 1965; Darağan 2009).

РГСК-ВПК, 1.2.С. Долиняны (рис. 2,18) (Смирнова 1999, 44-57, рис. 5-7).

РГСК: 1) сосуды типа Круглик; 2) чашки или высокие кружки, от которых найдены фр. ленточных ручек с продольным широким желобком с наружной стороны (рис. 14,3). Вся гончарная керамика поселения сделана из глины, содержащей мельчайшие золотистые блестки. Такие же золотистые блестки наблюдаются и в глине лепной керамики их этого поселения, что позволило предположить местное изготовление гончарной керамики⁸.

Контекст и даты: среди немногочисленных датированных вещей находки булавок и топора, которые в совокупности с местной лепной посудой позволили отнести материалы ко второй половине VII – первой половине VI в. до н.э. Античная керамика представлена отдельными маловыразительными фр. тарной посуды.

РГСК-ВПК, 1.2.Д. Козлов-II (рис. 2,16) (Білозір, Скорий 1989, 16.17; Белозор и др. 2010).

РГСК: ок. 10 фр. – стенки и венчики сосудов типа Круглик (?), венчики кружек (?), край миски.

Контекст и даты: немногочисленные датированные предметы и местная лепная посуда позволяют выделять два горизонта раннего железного века,

а находки РГСК соотносятся с раннескифскими материалами второй-третьей четверти VII в. до н.э. Античная керамика представлена несколькими маловыразительными фр. посуды.

РГСК-ВПК, 1.2.Е. Непорогово (рис. 2,17) (Крушельницька 1998, 17, рис. 6,2).

РГСК: сосуд типа Круглик (?).

Контекст и даты: гончарная посуда соотносится с материалами верхнего горизонта поселения, датирующегося раннескифским временем.

Особенности и датировки РГСК-ВПК, 1 (предварительно).

Особенности: в ассортименте гончарной сероглиняной посуды из Залесья, Иване-Пусте и Долиняны наблюдаются определенные различия. Не исключено, что обусловлено некой асинхронностью памятников: комплекс поселения Залесье выглядит несколько архаичнее и древнее поселений Иване-Пусте и Долиняны, однако на большей части хронологического диапазона они все же существовали⁹.

Хронологию памятников западнородольской группы раннескифского времени Среднего Днестра определяет, в первую очередь, раннескифский материальный комплекс, появление которого на этой территории относится к этапам РСК-2 и РСК-3, по схеме периодизации скифской архаики И.Н. Медведской (Смирнова 1993, 101 сл.; она же 2006, 66 сл.). Принципиальным также является факт появления на поселениях раннескифского времени этого региона (рис. 5,4.13; 6,1-2; 8,1-14), равно как и отдельных лесостепных памятниках Северного Причерноморья, античного импорта (рис. 2,b), наиболее ранние категории которого датируются от начала (первая половина) VII в. до н.э. (Онайко 1966; Вахтина 1996, 85-93; она же 2007, 49-51; Vachtina 2007, 23 сл.; Kerschner 2006, 237-239; и др.).

Подтверждают такие даты и галльштатские импорты, представленные фибулой из погребения Текливки, а также браслетами и бляшкой из Иване-Пусте и Залесья (рис. 3,5; 5,6.7; 9,1). Относительно арфовидных фибул, то наиболее широкое распространение они имели в Средней Европе – область их первоначального функционирования попадает на территории современной южной Германии, Нижней Австрии и Швейцарии, а также Богемии, где они бытовали в период поздней Урненфель-

⁸ Смирнова 1999, 53-54. Но в данном случае стоит отметить, что блестки появляются в тесте за счет добавления слюды или толченого кварца, и это не является принципиальной особенностью какого-то одного региона. Например, блестки есть и в тесте сероглиняной керамики Березани и Ольвии. Последний факт подтверждает необходимость анализа глин сосудов с применением естественно-научных методов.

⁹ Наблюдения носят сугубо предварительный характер и требуют дальнейших веских обоснований.

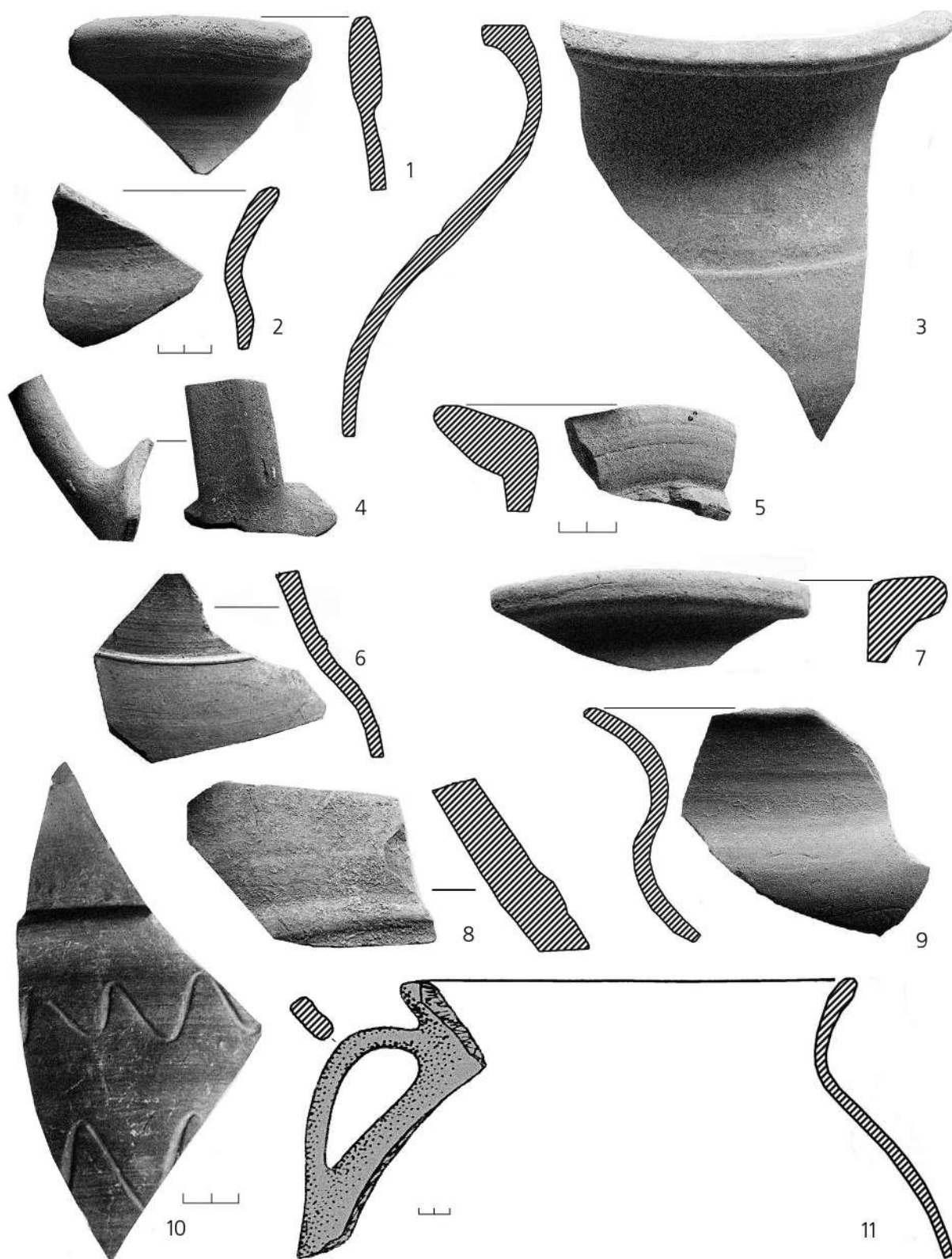
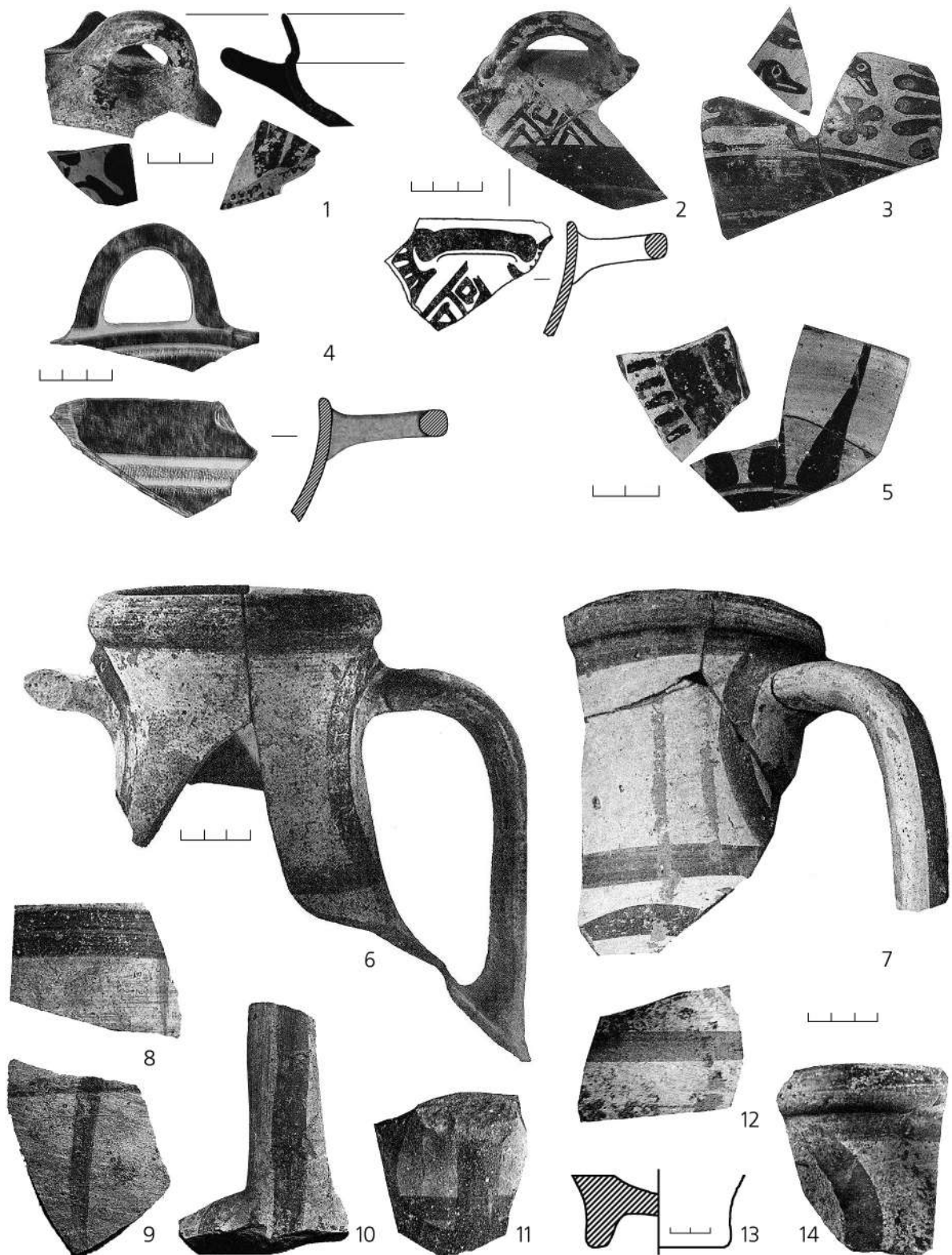

Рис. 7. Восточное Прикарпатье – ареал западноподольской группы раннескифской культуры, поселение Залесье (РГСК-ВПК, 1.2.В). Ранняя гончарная сероглиняная керамика (1-11) (по Ганіна 1984; Daragan 2009).

Рис. 8. Восточное Прикарпатье – ареал западноподольской группы раннескифской культуры, поселение Залесье (РГСК-ВПК, 1.2.В). Греческий импорт: 1-5 – расписная керамика, 6-14 – тарная (по Ганіна 1984; Daragan 2009).

деркультур (до HaB2/B3). М. Новотна исследовала арфовидные фибулы в Словакии и датировала их временем поздней Урненфельдеркультуры (Novotná 2001, №№ 39-51). Менее распространены были такие фибулы в Карпатском бассейне. П. Бетцлер также датировал эти фибулы не позднее HaC и, согласно различий в конструкции, разделил их на два типа: тип Хадерсдорф (поздняя Урненфельдеркультура) и тип Роггендорф, бытовавший до HaC1 (Betzler 1974, Taf. 18-19). На территории современной Польши арфовидные фибулы были найдены как в женских, так и в мужских погребениях, и здесь, в основной массе, они датируются также HaC. М. Гедл отмечает, что такие фибулы попадали на территорию Польши под влиянием Восточного альпийского галльштатта. Возможно, эти фибулы или мода на эти фибулы пришла сюда позже, когда на территориях своего первоначального распространения в Средней Европе они постепенно переставали пользоваться спросом, и поэтому в Польше они использовались дольше, чем в Австрии, где арфовидные фибулы в период HaC уже практически отсутствуют (Gedl 2004, Taf. 53-54). Однако в любом случае к концу этапа HaC2 такие фибулы уже выходят из употребления и на этапе HaD1 они не известны – т.е. финал HaC (HaC2) является максимально возможной верхней датой их бытования. Датировка фибулы подтверждается и датировкой браслетов из поселений Иване-Пусте и Залесья (рис. 5,7; 9,1). Браслеты также имеют прямые аналогии в памятниках Восточного альпийского галльштатта (Kilian-Dirlmeier 1972, Taf. 93, B-2.3; Wells 1978, 67, fig. 1,1; Hodson 1990, pl. 24,15; 26,7.8; 35,2; 47,4; 49,3.4; Stegmann-Rajtár 1992, 76, Abb. 11; 13.73; 22,6-7). При этом вариант из Залесья встречается только на памятниках этапа HaC2 (Stegmann-Rajtár 1992, 169), тогда как для экземпляра из Иване-Пусте диапазон более широк – HaC – начало HaD1 (Kilian-Dirlmeier 1972, 87; Hodson 1990, tabl. 8; Schmid-Sikimić 1996, 3-16, Taf. 102). Однако, это все тот же хронологический отрезок второй половины VII – начала VI в. до н.э. (Parzinger 1989, 123; Randsborn 1992, 98-99; Trachel 2004, 69-70). Не противоречит этой дате и керамика галльштатских форм из Иване-Пусте и Залесья, которая может быть сопоставлена с керамикой этапа HaC2 (вторая половина VII в. до н.э.) (рис. 5, 8.10.16-17; 9,2-8), а на синхронизацию с периодом HaC2 – рубежа HaC2/HaD1 указывают и параллели в комплексе украшений и морфологии форм столовой керамики для памятников этого хронологического среза из лесостепных областей Северного Причерноморья (Darağan 2004, 136-139; Дараган, Снытко 2008, 303-306).

РГСК-ВПК,2 – группа Тринка.

РГСК-ВПК,2.1. *Курганные погребения:*

РГСК-ВПК,2.1.А. **Тринка–Друмул Фетешти-лор**, кург. 5 (рис. 2,21) (Levițchi 2006, 32, fig. 27,7).

РГСК: фр. венчика сосуда типа Круглик.

Контекст и даты: сопровождающий инвентарь – железный нож, стеклянная бусина; лепная посуда – черпак, кубок с S-овидным профилем, коническая миска с загнутым внутрь краем. Аналогии в погребальных и поселенческих памятниках западноподольской группы РСК, датировка: вторая половина VII – начало VI в. до н.э.

РГСК-ВПК,2.2. *Поселения:*

РГСК-ВПК,2.2.А. **Тринка–Изворул луй Лука** (рис. 2,22) (Levițki 2009a, 95-116; 2009b).

РГСК: 1) сосуды типа Круглик (рис. 10,5-6; 11, 4-5; 14,1), 2) биусеченноконические кружки с выходящей ручкой с продольным желобком (рис. 14,6), 3) сосуды (кружки-?) с круглыми в сечении ручками (рис. 11,2), 4) сосуды с отогнутыми венчиками и желобками по внешнему краю (кувшин-?) (рис. 11,3.6). Круговая керамика сделана из тонкоотмученной глины, содержащей мельчайшие частицы слюды, крупнозернистый песок, белые блестящие частицы, в некоторых случаях – мелкие речные гальки, а также примеси иного происхождения (растительного – солома, семена растений и минерального – толченый известняк). Цвет фр. преимущественно серый с более светлым или темным оттенком и сравнительно реже – светло-коричневый. Поверхности сосудов после специального покрытия, нанесения ангоба, залощены или хорошо заглажены. Внутренняя поверхность большинства сосудов несет следы их изготовления на круге – углубления, оставленные пальцами гончара и расположенные, в основном, горизонтально, а на днищах имеются следы от подставки гончарного круга.

Контекст и даты: гончарная сероглиняная керамика на поселении найдена совместно с некоторыми датирующими предметами и местной лепной позднегалльштаттской керамикой. В двух случаях удалось установить полный контекст обнаружения форм гончарной сероглиняной керамики в относительно закрытых комплексах (рис. 10-11). Это материалы из наземных жилищ № 1-2 раскопа IV/1989 г. – 69 (часть 4-5 сосудов) фр. гончарной посуды (8,9%), из которых 46% находились непосредственно среди и под развалами глиняной обмазки от стен (рис. 10), а также и жилища № 1 раскопа V/1990 г. – 61 (часть от 6-7 сосудов) фр. гончарной посуды (4,8%), из которых около 70% были найдены в развале обмазки жилища, а 15% – в нижней части слоя, в котором было расположено жилище (рис.

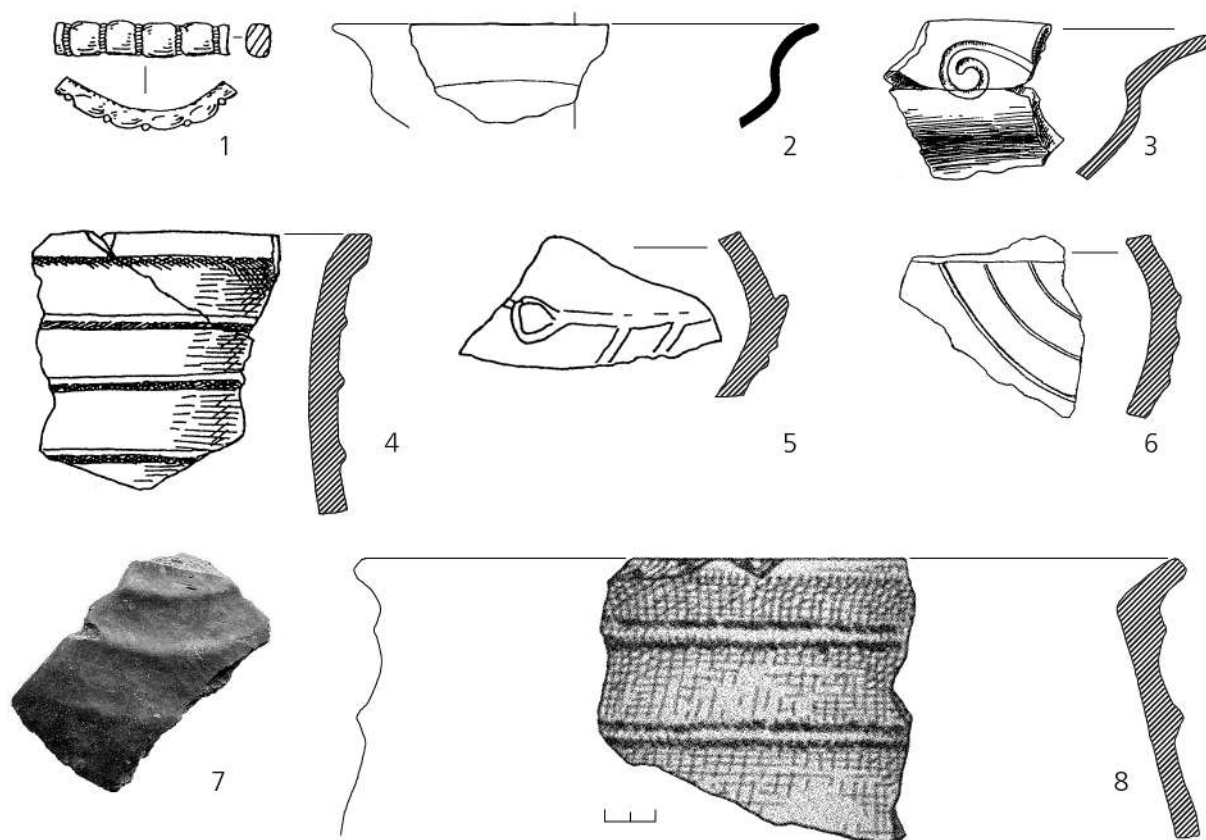

Рис. 9. Восточное Прикарпатье – ареал западнородольской группы раннескифской культуры, поселение Залесье (РГСК-ВПК,1.2.В). Браслет (1) и керамика (2-8) галльштаттских типов (1-бронза; 2-8-глина) (по Ганина 1984; Daragan 2009).

11). Технологические, морфологические и орнаментальные характеристики лепной (рис. 10,7-11; 11,7-12) и круговой (рис. 10,2-6; 11,2-6) керамики из комплексов раскопов IV и V позволяют датировать комплексы и, соответственно, гончарную посуду второй половиной VII – VI в. до н.э.

РГСК-ВПК,2.2.В. **Липкань–Ла Рабий** (рис. 2,20) (Levički ř.a. 2010, 142-150).

РГСК: несколько фр. сосудов (типа Круглик ?, кружки ?).

Контекст и даты: подъемный материал из многослойного памятника, на котором идентифицируется горизонт периода позднего галльштатта, выделенный по выразительным морфологическим типам и орнаментальным мотивам лепной керамики, датированной второй половиной VII – VI в. до н.э.

Особенности и датировки РГСК-ВПК,2 (предварительно).

Всего три памятника в зоне Северо-Молдавского плато с материалами, имеющими аналогии в западнородольской группе раннескифской культуры и подольско-молдавской позднегалльштаттской группе.

РГСК-ВПК,3 – подольско-молдавская группа.

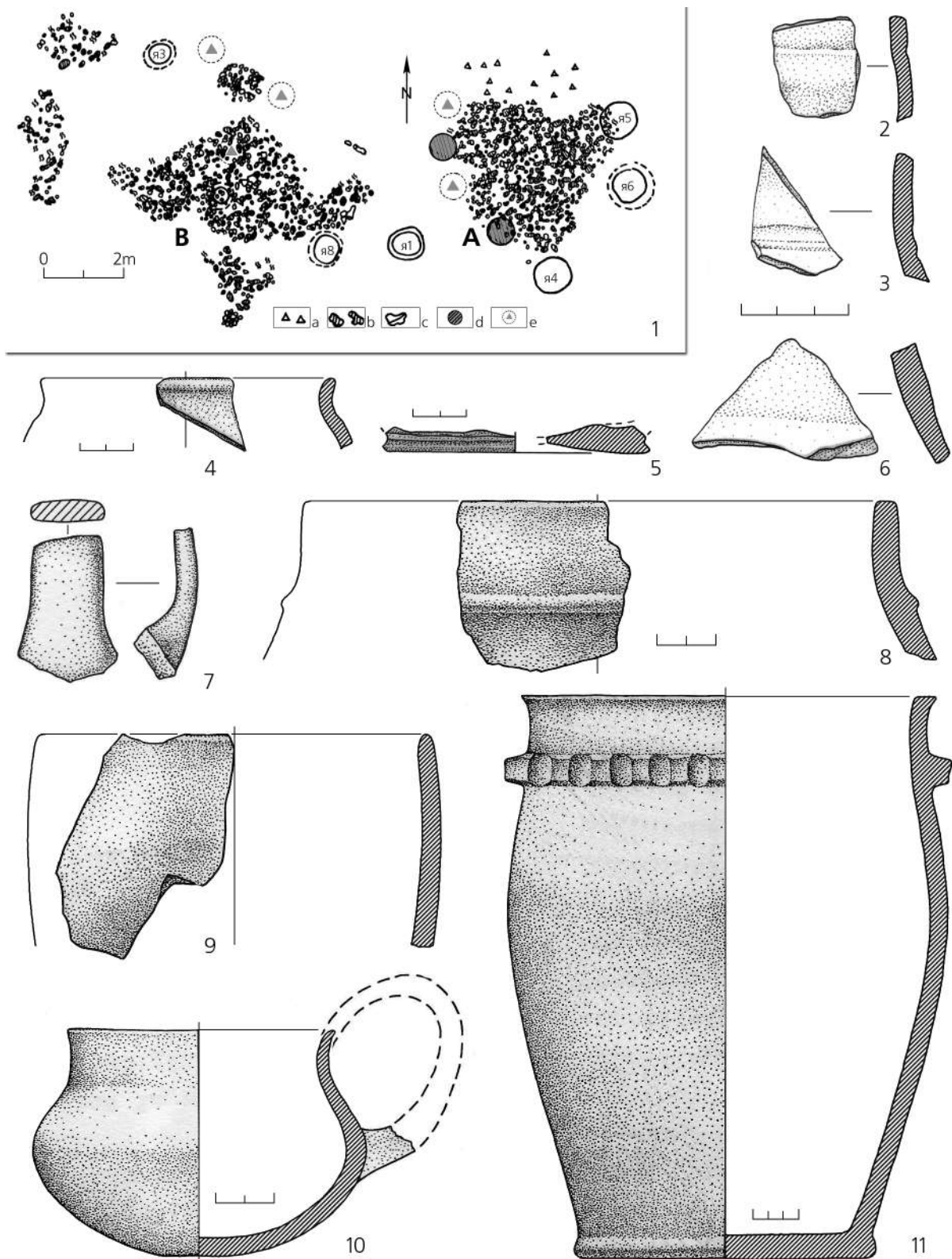
РГСК-ВПК,3.1. *Курганные погребения:*

РГСК-ВПК,3.1.А. **Кажвана-Кодру**, кург. 6 (рис. 2,24) (Ignat 2006, 26-28, pl. XIV,4).

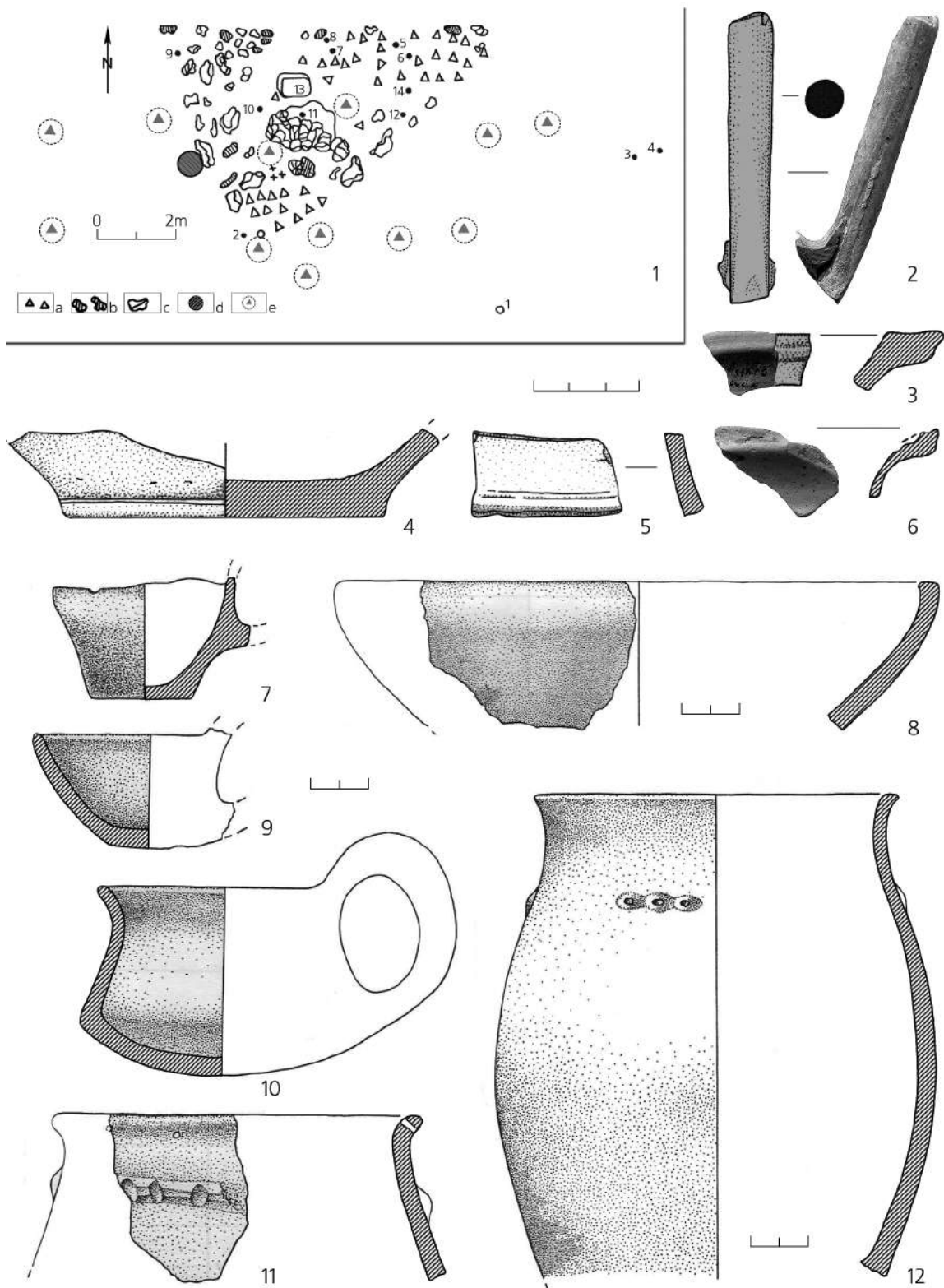
РГСК: биконическая кружка с отогнутым венчиком и высокой ленточной ручкой с продольным желобком (рис. 12,9).

Контекст и даты: сопровождающий инвентарь – обломки железных предметов, бронзовое зеркало с центральной ручкой, 2 бронзовые гвоздевидные булавки, бронзовый браслет; золотые нашивные накладки; стеклянные бусы, черпак с обломанной ручкой и миска (рис. 12, 1-8.10-16). Датировка: конец VII – начало VI вв. до н.э. Курган 6, учитывая состав погребального инвентаря, в могильнике является самым богатым. Количество и репертуар, а также ценность погребального инвентаря из этого кургана, сооружение насыпи только для одного захоронения позволяют предположить совершение различных ритуалов и подношений, свидетельствующих об особом социальном статусе погребенного (возможно, женщины).

Особенности РГСК-ВПК,3 (предварительно).

Рис. 10. Восточное Прикарпатье – ареал группы Тринка, поселение Тринка-Изворул луй Лука (РГСК-ВПК,2.2.А). Ранняя гончарная керамика (2-6) и контекст ее нахождения (1,7-11). 1 – планы жилищ 1-2 раскопа IV/1989, 7-11 – типы местной лепной посуды (1, условные обозначения: а) фр. лепной керамики, б) фр. глиняной обмазки, с) камни, d) археологически целые гончарные сосуды, е) фр. гончарной керамики) (по Levićki 2009a, 2009b).

Рис. 11. Восточное Прикарпатье – ареал группы Тринка, поселение Тринка-Изворул луй Лука (РГСК-ВПК,2.2.А). Ранняя гончарная керамика (2-6) и контекст ее нахождения (1,7-12). 1 – план жилища 1 раскопа V/1990, 7-12 – типы местной лепной посуды (1, условные обозначения: а) фр. лепной керамики, б) фр. глиняной обмазки, с) камни, d) археологически целые гончарные сосуды, е) фр. гончарной керамики) (по Levićki 2009a, 2000b).

Важно отметить, что в позднегалльштатских могильниках этого региона (Рэдэуцкой низменности) – Воловэц, Сату Маре, Кажвана и Виковул де Сус – аналогичные по богатству инвентаря погребения практически отсутствуют, за исключением кургана 7 могильника Воловэц, сооруженного только для одного захоронения (2 бронзовых браслета, бронзовое височное кольцо, бусы и 4 керамических сосуда). Немногочисленны также и захоронения воинов – по одному в Виковул де Сус, Сату Маре (курган 1) и два захоронения в Кажвана (курган 3 и курган 7), инвентарь которых включает акинаки, боевые топоры, наконечники стрел или копья.

РГСК-ВПК,4 – позднегалльштатские памятники восточных и юго-восточных областей.

РГСК-ВПК,4.2. *Поселения:*

РГСК-ВПК,4.2.А. **Коту Морий–Толоакэ** (рис. 2,25) (Iconomu, Tănăsachi 1992, 23-44).

РГСК: 1) фр. кружек, 2) фр. крышки, 3) миниатюрный кубок (-?), 4) фр. других сосудов.

Контекст и даты: круговая керамика из заполнения углубленного жилища (прямоугольное, 3,8x2 м, гл. 0,95 м) и культурного слоя многослойного памятника (культура Ноуа, грунтовый кремационный могильник раннегалльштатской культуры Кишинэу-Корлэтенъ, позднегалльштатские и раннелатенские древности). Гончарная посуда найдена совместно с отдельными вещами раннескифских типов (двух- и трехлопастные бронзовые наконечники стрел середины VII – середины VI в. до н.э.), с некоторыми предметами (2 железных ножа и железный рыболовный крючок), а также греческой тарной и столовой посудой. Местная лепная представлена прямостенными банковидными сосудами с расчлененными налепными валиками и горизонтальными ручками-упорами орнаментированные ниже края венчика, широко открытыми коническими мисками с загнутым внутрь краем, одна из которых с пояском из широких косых каннелюр в верхней части и на невысоком поддоне. Среди греческой посуды фр. аттического чернолакового кубка на ножке, датированного 520-480 гг. до н.э., и фр. венчика греческой амфоры. Автор раскопок не выделял отдельный позднегалльштатский горизонт на памятнике, а материалы суммарно датировал

концом VI-V в. до н.э. (Iconomu 1992, 42), что на современном уровне исследований не соответствует действительности.

РГСК-ВПК,4.2.В. **Цуцора-Буздугань** (рис. 2,26) (Tentiuc ș.a. 2008, 36-37; Tentiuc ș.a. 2009, 23).

РГСК: несколько фр. сосудов.

Контекст и даты: по характерным формам и орнаментации местной лепной керамики, найденной в том числе в закрытых комплексах, на многослойном поселении выделяется позднегалльштатский горизонт VII-VI вв. до н.э., с материалами которого может быть соотнесена гончарная сероглиняная керамика.

РГСК-ВПК,4.2.С. **Брэдичешть–Деалул Бескией** (рис. 2,27) (Iconomu 1999, 49-66).

РГСК: 1) кувшин с высокой вертикальной шейкой и слегка отогнутым краем венчика, выпуклым туловом, украшенный по шейке вертикальными, а по тулову горизонтальными пролощенными линиями; 2) биконическая кружка с сильно отогнутым краем венчика и вогнутой шейкой, имеющая на плечиках две горизонтальные неглубокие линии; 3) 2 фр. мисок с загнутым краем, 4) 2 фр. днищ, одно из которых на невысоком поддоне, а второе – на ровно срезанном поддоне.

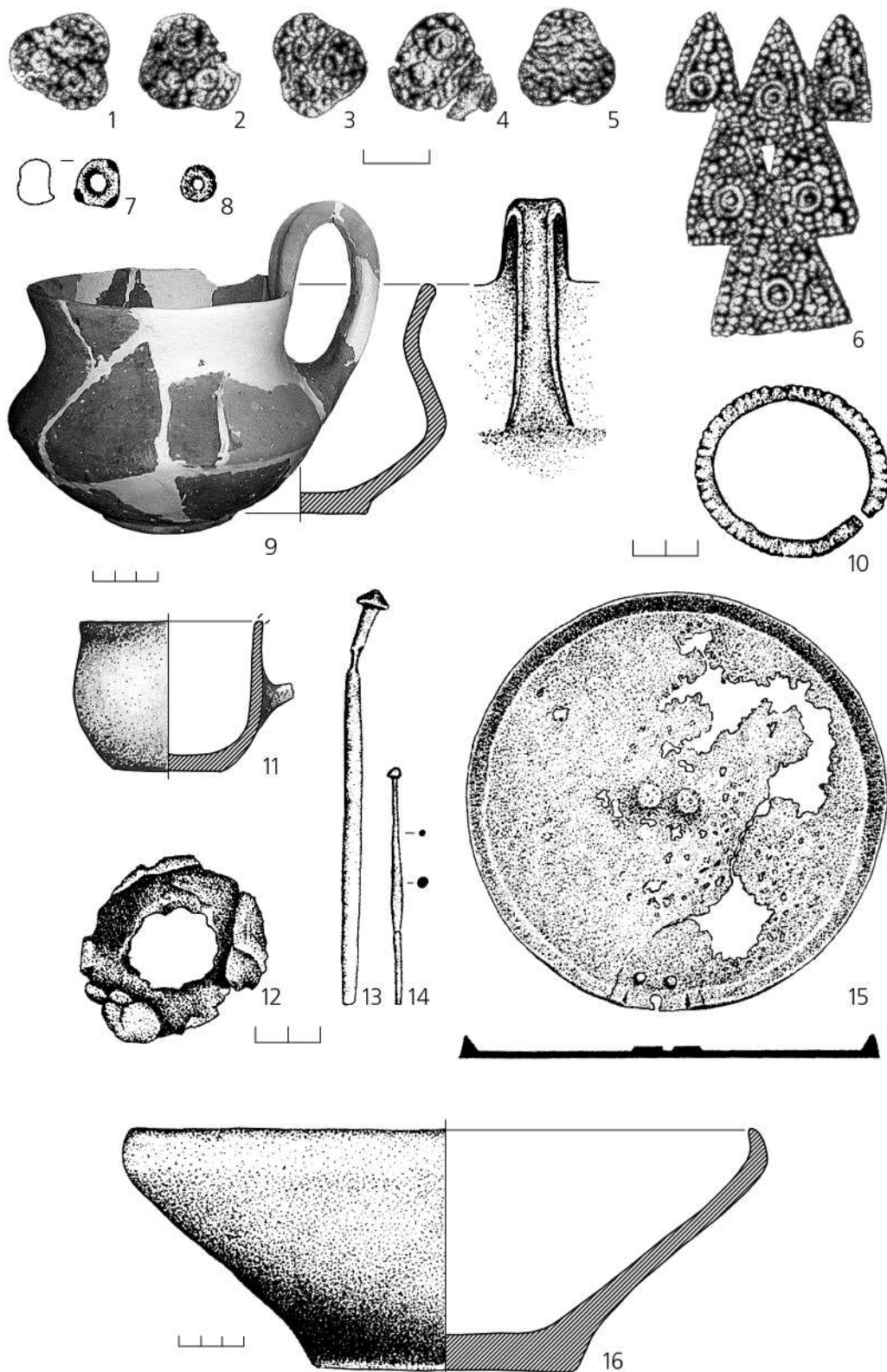
Контекст и даты: гончарная сероглиняная керамика (6 фр.) была найдена в заполнении углубленного жилища (прямоугольное, 3,3x2,2 м, гл. 0,4-0,45 м) совместно с лепной керамикой и несколькими фр. амфор производства Хиоса (V-IV вв. до н.э.). Автор раскопок суммарно датировал материалы от середины VI – первой четверти V в. до н.э. и до середины V – IV вв. до н.э., что на современном уровне исследований не соответствует действительности.

РГСК-ВПК,4.2.Д. **Козмешть**¹⁰ (рис. 2,28) (Marin 1987-1989, 33-43).

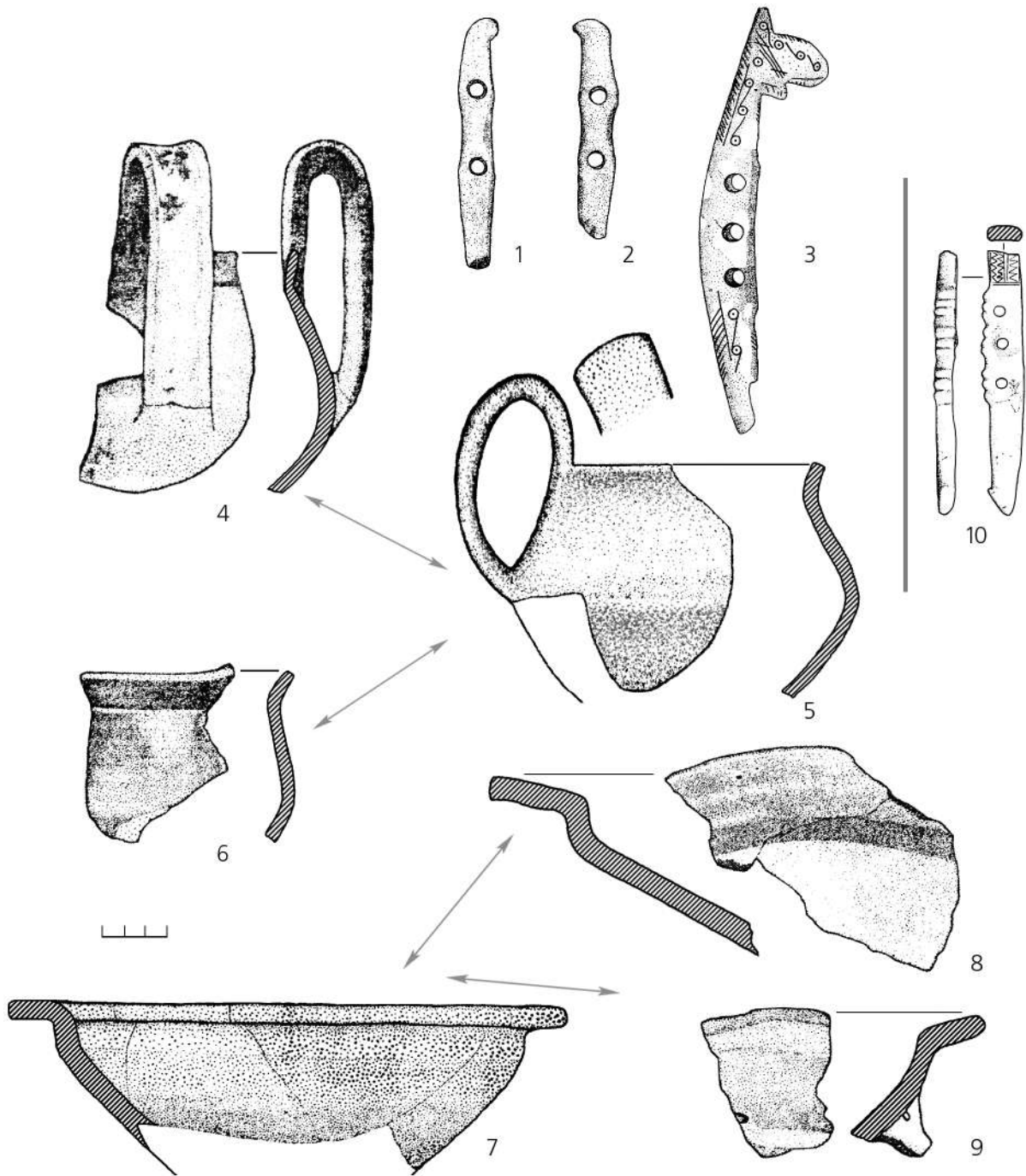
РГСК: фр. сосудов.

Контекст и даты: гончарная керамика происходит, в основном, из закрытых комплексов, где находилась совместно с некоторыми ранними изделиями – бронзовым раннескифским (-?) наконечником стрелы, большим оселком и костяным псалием раннескифского типа (рис. 13,10 – РСК-2-3, середина – конец VII в. до н.э., см. Ильинская 1975, 110-111, рис. 8, табл. II; III,1-5; X,2-19; XII,1-

¹⁰ Относительно локализации поселения Козмешть, считаем необходимым сделать одну поправку, так как на карте, опубликованной в одной из предыдущих статей (Кашуба, Левицкий 2009, рис. 1), оно ошибочно было помещено в нижнее течение р. Сирет (жуд. Галац), где также имеется населенный пункт с аналогичным названием. На самом деле поселение Козмешть располагается в верховьях р. Бырлад (ком. Делешть, жуд. Васлуй – Marin 1987-1989, 33 сл.). Кстати, похожая ситуация с локализацией поселения Козмешть наблюдается и в монографии М. Игната, где на одной карте поселение расположено в нижнем течении р. Сирет (Ignat 2006, fig. 9), но на другой карте (Ignat 2006, fig. 17) этот памятник локализован уже правильно – в верховьях р. Бырлад (ком. Делешть, жуд. Васлуй).

Рис. 12. Восточное Прикарпатье – ареал подольско-молдавской группы, могильник Кажвана, курган 6 (РГСК-ВПК, 3.1.А). Гончарная сероглиняная кружка (9) и погребальный инвентарь (1-8, 10-16) (1-6-золото; 7-8-стекло; 9, 11, 16-глина; 10, 13-15-бронза; 12-железо) (по Ignat 2006).

Рис. 13. Восточное Прикарпатье – позднегаллыштатские памятники восточных юго-восточных областей, поселения Куртень (РГСК-ВПК,4.2.Е – 1-9) и Козмешть (РГСК-ВПК,4.2.Д – 10). 1-3,10 – псалии; 4,6-7 – ранняя гончарная сероглиняная керамика; 5,8-9 – лепная керамика (1-3,10-кость; 4-9-глина) (1-9 – по Isonomu, 1978-1979; 1979; 10 – по Marin, 1987-1989).

10; Медведская 1992, 89, табл.,92), а также с лепной керамикой. Технологические, морфологические и стилистические параметры лепной керамики (прямостенные банковидные сосуды, орнаментирован-

ные расчлененными валиками и ручками-упорами, которые расположены в основном в верхней части, под краем), в целом, свидетельствуют о ее более раннем (позднегаллыштатском) возрасте. Мате-

риалы поселения Козмешть были первоначально продатированы автором раскопок V-IV вв. до н.э., что на современном уровне исследований не соответствует действительности.

РГСК-ВПК, 4.2.Е. **Куртень** (рис. 2,29) (Isonotu 1978-1979, 178-236; он же 1981-1982, 127-152).

РГСК: 1) низкие корчаги (-?), 2) биусеченноконические кружки с возвышающейся ручкой (часть имеет продольный желобок) (рис. 13,4.6; 14,4-5), 3) глубокие миски с отогнутым наружу краем (рис. 13,7; 14,7).

Контекст и даты: гончарная сероглиняная керамика была найдена, в основном, в заполнении круглой землянки совместно с различными предметами из глины, камня, кости и рога, бронзы, а также лепной посудой (рис. 13,5.8-9; 14,11-13) и фр. греческой тарной и расписной посуды. Амфоры и расписная греческая керамика дают даты: середина VI – первая четверть V в. до н.э. Но четкий хронологический диапазон показывают и три раннескифских псалы (рис. 13,1-3), относящихся к двум разным типам времени РСК-2-3 и перехода от РСК-3 к ССК, с максимально поздней датировкой – до первой трети VI в. до н.э. (Медведская 1992, 87.92-93; Смирнова 1993, 116-117). Среди других предметов выделяется бронзовый браслет с заходящими концами и плоско-выпуклым сечением, который относится к изделиям, бытовавшим еще с эпохи бронзы и далее представленным в среднегалльштатском могильнике Стойкань и нескольких позднегалльштатских памятниках (Фериджиле, Балта Верде, Гогошу). Морфологически и по мотивам орнамента лепная керамика имеет близкие аналогии среди материалов позднегалльштатских памятников Бырешть, Фериджиле, Чюмбруд и др. Краткий обзор материалов показывает наличие на поселении Куртень, по меньшей мере, двух горизонтов обитания в позднегалльштатский период. Автор раскопок предложил суммарную датировку памятника в пределах середины VI – первой четверти V в. до н.э., основанную на датах греческих амфор и расписной керамики, а также приведенных аналогий для гончарной сероглиняной керамики. Однако на современном уровне исследований это не соответствует действительности.

Особенности и датировки РГСК-ВПК, 4 (предварительно).

Принятые современные датировки позднегалльштатских материалов и уточнение контекстов обнаружения гончарной сероглиняной керамики на памятниках восточной и юго-восточной областей Восточного Прикарпатья также подтверждают ранние даты появления гончарной посуды – от середины VII в. до н.э.

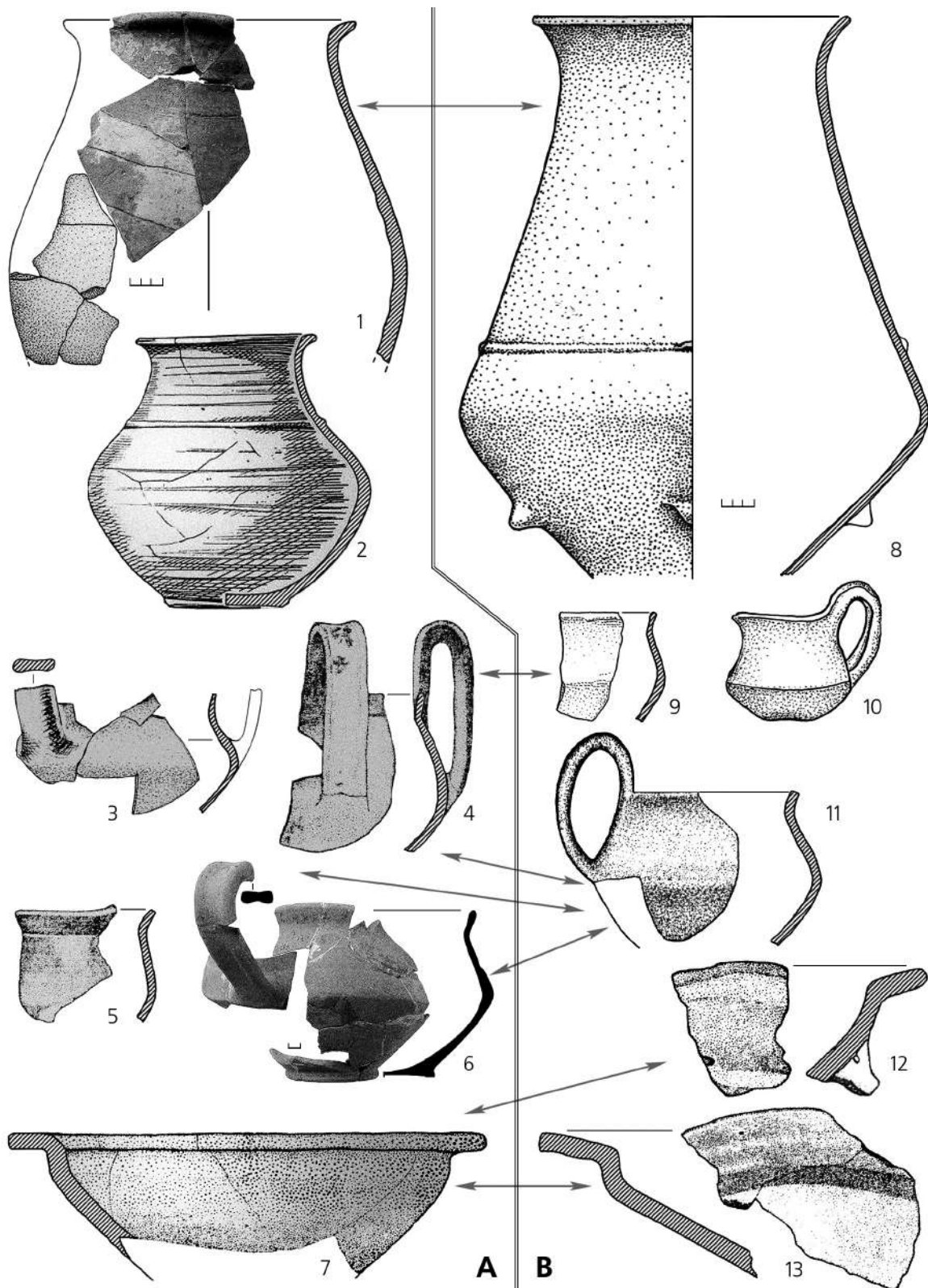
Перспективы изучения ранней гончарной сероглиняной керамики Восточного Прикарпатья

Изучение ранней гончарной керамики в варварской среде Восточного Прикарпатья включает в себя несколько исследовательских направлений:

1) гончарная керамика как отдельная категория посуды. Здесь необходимы новая классификация с акцентом на морфологию сосудов (закраины, ручки, донца), детальная типология и сопоставление образцов из Восточного Прикарпатья с находками из других областей варварского хинтерланда Добруджи и Восточных Балкан. Термин «сосуд типа Круглик» (рис. 14,2) остается как обозначение специфических образцов наиболее ранней гончарной керамики. Сосуды типа Круглик морфологически сопоставимы с лепными корчагами (например – рис. 14,1.8), однако эти наблюдения требуют дальнейшей разработки. Без сомнения, этот термин имеет расширительное значение, и за ним реально скрывается несколько типов сосудов, различающихся между собой даже внутри Восточно-карпатского региона. Но важным является факт их локализации именно в этих областях как одного из наиболее ранних типов гончарной керамики в варварской среде;

2) хронология ранней гончарной керамики. Именно на памятниках западноподольской группы раннескифской культуры Среднего Днестра, как было уже отмечено, контексты нахождения сероглиняной керамики (вещи раннескифских типов, античная тарная и расписная посуда, арфовидная фибула, керамика галльштатских типов) показывают, что гончарная посуда бытовала здесь уже как минимум во второй половине VII в. до н.э. Но, безусловно, не исключается датировка некоторых категорий этой керамики и временем около середины VII в. до н.э., также как и началом VI в. до н.э. Но ранние ее образцы известны в пределах указанного хронологического диапазона. В этом ключе важно привести дополнительные надежные аргументы по датировкам (в пределах второй половины VII в. до н.э.) ранней гончарной керамики во всем регионе Восточного Прикарпатья;

3) хронологическая эволюция основных типов и вариантов ранней гончарной посуды. Предстоит выявить и отделить наиболее ранние ее образцы от гончарных изделий третьей четверти – конца VI в. до н.э., когда началась деятельность мастерских по производству простой столовой круговой керамики в Березани и Ольвии (Крапивина 2007, 98; Буйских 2006, 32; см. ниже), что и привело впоследствии к распространению этой посуды в варварской среде Побужья, Поднепровья и Среднего Поднестровья.

Рис. 14. Основные типы ранней гончарной сероглиняной керамики Восточного Прикарпатья (А, 1-7) и возможные прототипы среди местной лепной посуды (В, 8-13). 1,6,8 – пос. Тринка-Изворуллуй Лука, раскоп IV/1989, жилище 1 (1,8) и раскоп V/1990, жилище 1 (6); 2 – курган Круглик; 3,9 – пос. Доляняны; 4,5,7,11-13 – пос. Куртень; 10 – мог. Стойкань (по Смирнова 1968, 1981; Petrescu-Dîmbovița, 1953; Iconomu, 1978-1979, 1979; Levițki 2009a, 2009b).

Обращает внимание ситуация с гончарной керамикой из местонахождений бассейна Среднего Днестра (РГСК-ВПК, 1). Опубликованные фрагменты сероглиняной керамики из Березани, равно как и неопубликованные просмотренные материалы не могут быть уверенно датированы VII в. до н.э. и даже первой половиной VI в. до н.э. Например, с Березани практически не известны комплексы, надежно датированные еще VII в. до н.э., но известны комплексы VI в. до н.э. Там имеются только слои VII в. до н.э., с которыми соотносятся определенные группы расписной и тарной посуды. К сожалению, ничего не известно о том, была ли гончарная сероглиняная керамика на поселении Ягорлык, где также имеется слой второй половины VII в. до н.э. Но настораживает тот факт, что гончарная сероглиняная керамика не выделяется на Таганрогском поселении. Немаловажным является и то обстоятельство, что и в Ольвии комплексы, уверенно датированные первой половиной VI в. до н.э., пока также отсутствуют. То есть фактически гончарная посуда из варварского хинтерланда Северного Причерноморья всегда сравнивалась с античными материалами, которые датируются от середины VI в. до н.э. и позднее. Тем самым можно сделать вывод, что с керамикой VI в. до н.э. античных центров Северного Причерноморья гончарная сероглиняная керамика из Среднего Днестра напрямую не может быть сопоставлена. На данном этапе исследований Т.Гошко (Институт археологии НАН Украины) провела экспресс-анализ химического состава нескольких черепков (гончарная и лепная посуда) из Залесья и Березани¹¹. Полученные, пусть и предварительные, данные показали значительную разницу в химическом составе глин сравниваемых фрагментов. Но при этом наблюдается значительная близость между сероглиняной керамикой, сделанной на гончарном круге, и лепной керамикой из Залесья. То есть уже с определенной долей объективности можно предположить факт местного изготовления такого рода керамики. Этот факт подтверждается выявленными прототипами из числа лепной посуды для отдельных форм ранней гончарной посуды в варварском хинтерланде Восточного Прикарпатья (рис. 14).

Как справедливо отмечает С.Б. Буйских (2007, 31), сероглиняная керамика из памятников Нижнего Побужья, несмотря на сравнительно большой накопленный материал, изучена недостаточно. Но знакомство с материалами Ольвии и Березани, а также консультации со специалистами все же позво-

ляют сделать предварительный вывод о различном происхождении сероглиняной керамики из Ольвии, Березани и памятников западнодоляской группы раннескифской культуры Среднего Днестра. Это показывает и ситуация с появлением сероглиняной керамики в античных центрах. В.В. Крапивина предполагает, что производство серой керамики было местным и наладилось сразу же после основания Ольвии (Крапивина 1987, 71-72; она же 2007, 98-99). Напротив, С.Б. Буйских (2006, 32-33; он же 2007, 31 сл., 38) считает, что на ранних этапах колонизации, в том числе и на протяжении всего VI в. до н.э., сероглиняная керамика в Ольвии не производилась. Предполагается, что она импортировалась из Малой Азии или завозилась из Малой Азии самими греческими колонистами в составе бытовой утвари. При этом ее массовость и распространенность позволяют считать ее одним из характерных и устойчивых элементов бытовой культуры ионийских переселенцев. Если версия С.Б. Буйских верна, то тем более можно полностью исключить гипотезу о заимствовании или импорте в варварский хинтерланд сероглиняной керамики из античных центров, поскольку типологически они различны. И принятие версии С.Б. Буйских об отсутствии гончарного производства в новых колониях на ранних этапах колонизации исключает гипотезу о заимствовании гончарного круга от греков;

4) происхождение ранней гончарной керамики: малоазийское, местное или малоазийские импорты в сочетании с производством отдельных образцов гончарной посуды на месте. Безусловно, предстоит провести детальный сопоставительный и типологический, а также химико-петрографический анализ сероглиняной посуды из разных памятников, для чего необходимы значительные объемы стратифицированных материалов сероглиняной керамики из античных центров Северного Причерноморья. Любопытен подтвержденный (по анализам глин) факт наличия в архаический период керамики малоазийского происхождения (анатолийской или фригийской) среди сероглиняной керамики из Березани (Dupont et al. 2009, 22-27).

Собственно независимое малоазийское происхождение сероглиняной керамики мы не можем исключать и для самых отдаленных территорий Среднего Днестра (Западная Подолия – РГСК-ВПК, 1). Стоит учитывать не только длительную традицию производства такой керамики в малоазийском регионе, но также определенное совпадение в формах и орнаментации гончарной серой керамики

¹¹ Данные носят предварительный характер. К сожалению, пока нет возможности сделать анализ значительной выборки. К тому же для корректного анализа нужны анализы из месторождений глин рассматриваемых регионов.

в малоазийском регионе и на далекой периферии – на Среднем Днестре. Например, показательным является факт наличия волновой орнаментации на малоазийской посуде VII в. до н.э., каннелюры под венчиками и на горлышке кружек и пр., совпадает и профилировка некоторых форм (Bayne 2000, fig. 34,5; 46,4). Но малоазийская версия происхождения такой керамики напрямую связано и с т.н. «фракийской версией» – как видно из подготовленных карт (рис. 1-2), гончарная сероглиняная керамика представлена в материалах многих позднегалльштаттских памятников из областей расселения северофракийского населения¹². Хронология ранней гончарной сероглиняной керамики, безусловно, еще нуждается в уточнении, но факт ее функционирования в южных областях Восточного Прикарпатья в VII в. до н.э. исключить уже нельзя.

Другие смежные территории также показывают, что гончарная серая керамика имеется практически на всей территории севернее и восточнее Балкан (Bayne 2000; Бонев 2003, 134). И остается пока открытым вопрос ее хронологии, учитывая, что одним из основных объектов для сравнительного анализа являются гончарные сероглиняные сосуды из групп Альфельд и Векерцуг (Chochorowski 1996, 115 сл.). Но очевидно, что еще VII в. до н.э. может датироваться гончарная керамика из погребений «скифского типа» восточной Венгрии – так, на памятниках группы Алшотелекеш-Долинка погребения с черпаками и мисками, выполненными на гончарном круге, относятся к концу VII – началу VI в. до н.э. (Patay, Kiss 2001-2002, 140). Однако не решенным продолжает оставаться вопрос ее появления и в этом регионе. Фактически не освещен в литературе район восточных Балкан, хотя именно с этой территории известно значительное число комплексов и поселенческих, и погребальных, где имеется гончарная сероглиняная керамика (Мирчев 1962, 97-164; Мирчев 1965, 33-70; Велков 1934, 1-17; Николов 1973, 53-68; и др.). Именно с материалами этой территории наблюдаются существенные параллели и в комплексе лепной керамики (кружки фракийского типа, кухонные горшки с прямыми стенками и др.). Прослеживаются контакты с этим регионом и в предшествующее время: - погребения раннескифского времени в Ендже, Белоградец, Польско Косово; - золотые фибулы VIII в. до н.э. из Михалкова, стилистически связанные с кавказскими образами, но вышедшие из восточно-балканских мастерских (Metzner-Nebelsick 2003, 56 сл.; она же 2004; Teržan 2009, 190 сл.) и, наконец, распространение

в X-IX вв. до н.э. эгейских и восточнобалканских элементов одежды (ранние дуговидные узелковые фибулы (Kašuba 2006, 229-233. Abb. 2; 13). Поэтому, несмотря на ограниченное количество прямых аналогий, предложенная версия о передаче технологии гончарной сероглиняной посуды непосредственно через варварскую среду – через восточные Балканы, Добруджу в Восточно-карпатский регион (до его северо-восточной части – областей среднего течения Днестра) – может быть признана как наиболее вероятная;

5) передача и адаптация новых технологий в локальных сообществах. Распространение ранней гончарной керамики является одним из проявлений передачи/адаптации новых технологий от одних сообществ к другим, что широко обсуждается и в археологии раннего железного века (из последних специализированных конференций см. Technologieentwicklung 2009). Однако речь должна идти не только о передаче новых технологий, но также об утере и отказе от них. Так, если во второй половине VII – начале VI вв. до н.э. новая технология производства сероглиняной посуды на гончарном круге, возможно, была внедрена (и как-то адаптирована) в варварской среде Восточного Прикарпатья, то в последующее время, с конца VI в. до н.э., местные гончары не перешли на гончарный круг, по крайней мере, в западноподольской группе раннескифской культуры Среднего Днестра. В итоге, в VI-V вв. до н.э. сама технология в варварской среде не получила широкого признания, а поставщиками гончарной посуды в варварский хинтерланд Северного Причерноморья с конца VI в. до н.э. стали открывшиеся в Ольвии и других греческих городах-колониях специализированные мастерские. Безусловно, такое развитие событий находит много объяснений, среди которых немаловажное значение имеет фактор экономического, соотношение спроса-потребления, а также престижный характер самых ранних образцов гончарной сероглиняной керамики в варварской среде и многое другое.

Значение Восточного Прикарпатья в позднегалльштаттское/раннескифское время: стратегическое сырье соль

Предложенный экскурс в проблематику изучения ранней гончарной сероглиняной керамики также показал важность поисков ответа на вопрос: почему круговая керамика в Восточном Прикарпатья появляется уже в середине VII в. до н.э.? В чем мог состоять особый статус Восточно-карпатского ре-

¹² Материалы из Восточных Балкан – областей расселения южнофракийского населения – в настоящей работе не рассматривались.

гиона в позднегалльштатское/раннескифское время (особенно VII в. до н.э.) среди всех соседних территорий варварского хинтерланда? Одно из возможных объяснений находится в больших природных запасах соли, которыми еще с древности был неизменно привлечателен этот регион (рис. 1/d; 2/d; 15/d).

Соль

Как известно, доступные для эксплуатации древними сообществами соляные ресурсы (каменная соль на поверхности или на небольшой глубине, источники, озера и ручьи с соленой водой) находятся не повсеместно. Наиболее мощные проявления соли сосредоточены на территории современной Румынии, а самые насыщенные соляные ресурсы сконцентрированы в Трансильвании, Марамуреше, Мунтении и Олтении, а также в Прикарпатье (румынской) Молдовы. В этих зонах соль имеется как в твердом (каменная соль), так и в жидком состоянии (источники, озера, ручьи с соленой водой). В Мунтении самыми знаменитыми залежами соли являются Лопэтарь и Бисока (Бузэу) и Слэник Прахова (Прахова); в Олтении – Окнеле Марь близ Рымнику Вылча, а в молдавском Прикарпатье – это Качика (Сучава), Оглинзь (Неамц), Тыргу Окна (Бакэу) и гора из соли у Меделик (Вранча) (рис. 1/d; 2/d; 15/d). Вместе с тем, некоторые зоны Румынии предельно бедны с точки зрения ресурсов соли, или проявления соли там совсем отсутствуют, например, южная и юго-восточная Трансильвания, Кришана, Банат, большая часть Румынской Равнины, Добруджа и Молдова к востоку от р. Сирет. Очень бедными по соляным ресурсам являются почти все соседние с Румынией территории современных Венгрии, Сербии, Болгарии и весь юго-запад Украины (Cavruc 2006, 34; Monah, Dumitroaia 2007, fig. 1).

Начиная с энеолита, соль становится одним из наиболее ценных предметов межплеменного обмена (дары, натуральный обмен и пр.), а впоследствии – и торговли. Сообщества, занимавшие зоны с соляными ресурсами, особенно находившиеся по соседству с территориями, где таковые отсутствовали, начиная с энеолита и особенно в эпоху бронзы, старались утвердить это свое преимущество путем установления определенных форм эксклюзивного владения соляными проявлениями, а также и контроля над ведущими к ним дорогами, т.е. установления определенной монополии. С другой стороны, необходимость соли заставляла население зон, бедных с точки зрения ресурсов соли, искать пути доступа к этим соляным источникам как мирными (экономический или дружественный обмен), так и насильственными (нашествие, захват, при-

нуждение к выплате дани) способами. Такого рода заинтересованности стимулировали технический и социально-экономический прогресс в развитии как средств производства, транспорта и военного дела, так и социальной организации и создании институтов власти (Cavruc 2006, 35; Cavruc, Dumitroaia 2006, 37 сл.; Cavruc ș.a. 2006a, 41 сл.; и др.).

Весьма важные наблюдения были сделаны в связи с публикацией клада Дипша. Так, было подчеркнуто, что в местах наиболее интенсивной соледобычи в Трансильвании также сконцентрировано наибольшее число кладов, что открывает возможность нового подхода на экономический контекст эксплуатации природных ресурсов в период поздней бронзы (Ciugudean ș.a. 2006, 49-52, fig. 11).

Проанализированная М. Алексиану небольшая серия греческих и римских текстов свидетельствует о том, что разные народы воевали с целью получения контроля над соляными ресурсами, расположенными на границе между ними. Также и письменные источники подтверждают, что приграничные, богатые солью зоны континентальной Европы каждой из соседствующих сторон считались зонами большого экономического значения, и каждая из них старалась получить контроль над богатыми солью зонами. Эти племена развязывали войны до победы одной из сторон, иногда заключались мирные договоры, впоследствии нарушенные (Alexianu 2004, 97-99).

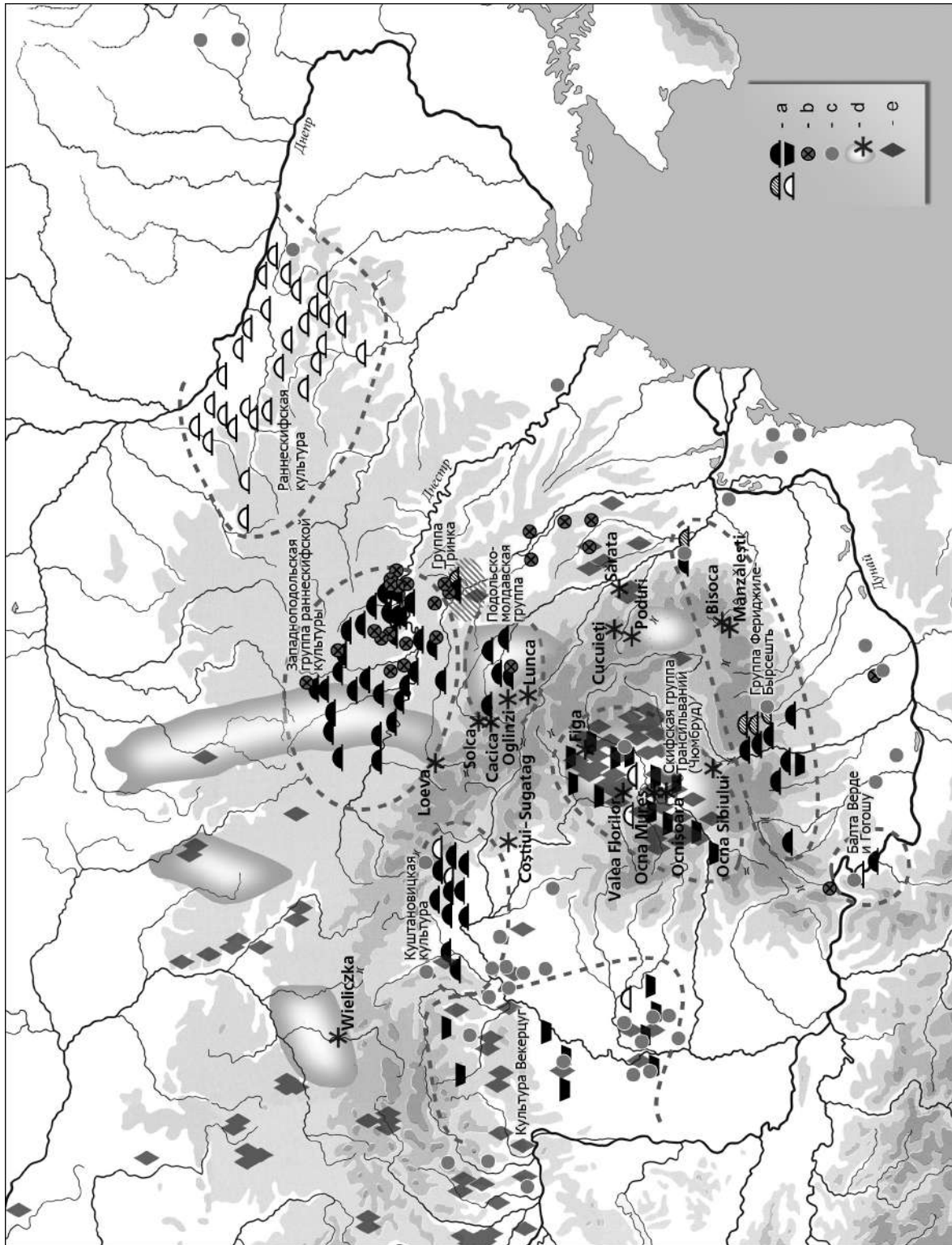
Добыча соли в Восточном Прикарпатье

Археологические данные эксплуатации соли в Восточном Прикарпатье засвидетельствованы с глубокой древности – еще с верхнего палеолита (Остра, долина верховий р. Остра) и нео-энеолита: Лунка, Оглинзь-Четате и Цоличь, жуд. Нямц (культура Старчево-Криш), а также Солка и Качика (жуд. Сучава), Лунка и Оглинзь (жуд. Нямц), Кукуець (жуд. Бакэу) – культуры Старчево-Криш и Кукутень (Cavruc, Dumitroaia 2006, 37-40; Andronic 2004, 110-111).

Многие месторождения соли продолжали разрабатываться и далее – не только в течение всей эпохи бронзы (Лунка и Кукуець) и в железном веке (Маржиня, жуд. Сучава: галльштаттский период), но также в средние века (например, Войтинел-Гэлэнешть, жуд. Сучава: культура Старчево-Криш, культура Кукутень В, культура Ноуа, галльштаттский и латенский периоды, дофеодальный период, XIII-XIV вв.) и вплоть до настоящего времени (Cavruc ș.a. 2006a, 41-49; Andronic 2004, 110-111).

1. Археологические памятники со следами разработки соли в северной части молдавского (румынского) Прикарпатья (рис. 1/d; 2/d; 15/d):

1) *Качика* (жуд. Сучава), одно из самых древних

Рис. 15. Прикарпатье, Карпатский бассейн и соседние территории в позднегаллыштатское – раннескифское время: а) погребальные памятники различных культурных групп, б) ранняя гончарная керамика VII-VI вв. до н.э., в) ранняя гончарная сероглиная керамика VI(V-?) в. до н.э., д) ресурсы природной соли и соледобыча (археологические памятники с материалами периода поздней бронзы и раннего железного века), е) находки раннескифских наконечников стрел VII-VI вв. до н.э. в Карпатском бассейне, северном Прикарпатье и Малых Карпатах (d – по Căvric 2006; Ciugudean ș.a. 2006; Monah, Dumitroaia 2007; Monah 2007; Müller 2009; e – по Hellmuth 2006).

мест добычи соли в Румынии – энеолит, культура Кукутень (Andronic 2006, 60-62);

2) *Кукуець–Слатина Веке* (жуд. Бакэу) – энеолит (культура Кукутень, средний период эпохи бронзы, эпоха раннего железа (аспект Канлия), современный период. В настоящее время вода колодца Слатина Веке используется населением сел Пэдуэрэнь, Сэрата и Кукуець (Munteanu 2006a, 62-64; Munteanu et al. 2007, 56-70; Savruc ş.a. 2006a, 41-49; V. Savruc ş.a. 2006b, 50-51);

3) *Лунка–Пояна Слатиней* (жуд. Нямц) – неолит (культура Криш, Прекукутень, энеолит (эпизодически, культура Кукутень), эпоха бронзы (Костиша-Комаров, Ноуа), эпоха раннего железа (культура Корлэтенъ и Канлия) и эпизодически раннее средневековье, X-XII вв. (Munteanu 2006b, 64-66; Dumitroaia ş.a. 2004, 95-97);

4) *Оглинзь* (жуд. Нямц), несколько местонахождений: *Оглинзь–Четэцуя* (Кукутень А, эпоха бронзы, спорадически культура Старчево-Криш), *Оглинзь–Бэй-1* (Прекукутень II), *Оглинзь–Бэй-2* (культура Старчево-Криш) (Monah, Dumitroaia 2007, 20-21);

5) *Солка–Слатина Маре* (жуд. Сучава) – энеолит (культура Кукутень), спорадически эпоха бронзы, XVIII в.. В настоящее время вода колодца Слатина Маре используется населением сел Солка, Арборе, Кажвана, Отошана (Munteanu 2006c, 72-73; Nicola ş.a. 2007, 35-56);

6) *Прохозеитъ–Силиште* (жуд. Бакэу) – поздний период культуры Кукутень (наличие кремневых пластин из высококачественного Балканского кремня – включение этого поселения в систему межрегионального обмена (Charpan, Monah 2007, 71-88).

Согласно этнографическим наблюдениям, наиболее выгодными путями традиционной транспортировки соли являются реки, по которым перевозились соль или лес (дрова) из горных и предгорных областей в равнинные местности. Транспортировка соли осуществлялась на плотах по так называемым «водным путям» («дороги соли»). В средневековой (румынской) Молдове плоты с солью шли из Тыргул Окна по р. Тротуш и вниз по р. Сирет вплоть до Дуная. По сведениям этнографа И. Влэдуцу, по молдавской р. Бистрица на плотах часто спускались на равнину люди, иногда перевозят скот, камень, ... соль и другое (Marc 2006, 152-157, harta – трасы плотов XVIII-XIX вв. по р. Молдова, Бистрица и Тротуш).

2. Археологические памятники со следами разработки соли в северо-восточном (украинском) Прикарпатье¹³:

1) *Лоева* (Надвирнянский район, Ивано-Франковская область) – энеолит (трипольская культура), эпоха бронзы (ранний период, средний – комаровская культура, поздний – культура Ноуа и культура Гава-Голиграды (Крушельницька 1985, 45-49; она же 1993, 59);

2) *Текуча* (Косивский район, Ивано-Франковская область) – пять поселений (I-V) культуры Гава-Голиграды (ранний горизонт), население которых занималось разработкой соли (Крушельницька 1985, 45-49; она же 1993, 68);

3) *Назаренкове* (Городенковский район, Ивано-Франковская область) – культура Гава-Голиграды, ранний горизонт (Крушельницька 1993, 93).

По мнению Л.И. Крушельницкой, наличие поселений раннегалльштаттской культуры Гава-Голиграды со следами разработки соли (Лоева, Текуча) позволяет предположить, что между населением, проживавшим на южных и северных склонах Карпат, существовали тесные экономические связи. Возможно именно соль, представляющая в поздний период эпохи бронзы одну из наиболее важных единиц обменной торговли, и являлась причиной проникновения в северные Карпаты и Прикарпатье первых носителей раннегалльштаттской культуры Гава-Голиграды (Крушельницька 1985, 49).

Предполагается, что возникновение оборонительных укреплений в Карпато-Подунавье, в среде культур Гава, Киятице и др., связано не с внешней экспансией, а с внутренними проблемами. Например, одной из таких внутренних причин, спровоцировавших возникновение городищ в Прикарпатье, является добыча соли населением культуры Гава-Голиграды и охрана ими торгово-обменных путей, по которым транспортировали этот продукт в соседние регионы. В этом ключе, упадок городищ рассматривается как следствие кризиса бронзолитейной индустрии, в обмен на изделия которой и доставляли соль на другую сторону Карпат (Бандрівський и др. 2002, 97-98).

Не исключено, что появление и расцвет в последующее время в Западной Подолии носителей раннескифского материального комплекса (западно-подольская группа раннескифской культуры) связано с прикрытием границы соляных промыслов Прикарпатья. Характерно, что один из наиболее известных и, вероятно, наиболее древних торговых путей, который из Прикарпатья в Венгрию и далее в Европу проходил через «Русские ворота» (так в средневековье именовали Карпаты) и по которому шли караваны с «белым золотом средневековья»,

¹³ Данные носят выборочный характер, однако прикарпатская соледобыча существовала с неолита – бронзы (например, Коломыйщина, Дрогобычский район, Львовская область – Грабовецький 1982, 35 сл.; Свешников, Козак 1977, 370).

назывался Соляной (Аулих 1986, 291 сл.; Исаевич 1961, 108 сл.).

***Соль в позднегалльштаттский/
раннескифский период, соль и носители
раннескифского комплекса (ранние скифы)***

Сравнительно малочисленные свидетельства разработок соли в позднегалльштаттский/раннескифский период в северных районах Восточного Прикарпатья (Савгус *ş.a.* 2006b, 50-51) не являются явными доказательствами отсутствия добычи соли и связанных с ней обменно-торговых операций. Так, хороший пример показывает пункт разработки соли сезонного характера Лунка (Alexianu *ş.a.* 1992, 159-167; Alexianu *ş.a.* 2007, 11). Исследованиями были зафиксированы значительные культурные отложения нео-энеолита (культура Криш, Прекукутень, Кукутень) и IV-III вв. до н.э., а также обнаружены спорадические следы добычи соли: культура линейно-ленточной керамики, переходного периода от энеолита к эпохи бронзы, раннегалльштаттской культуры Корлэтеень, II-III вв. н.э., IV в., V-VII вв., X-XII вв., XVI-XVII вв. и XIX в. Авторы исследований отмечают, что в неолите-энеолите рекристаллизация соли производилась на месте, а для культур, представленных небольшим количеством фрагментов керамики, предполагается только наполнение емкостей соленой водой, а имеющиеся черепки есть следствие случайно разбитых сосудов (Alexianu *ş.a.* 1992, 163). Полное отсутствие археологических находок еще не означает, что в определенном периоде соль не разрабатывалась, вполне возможно, что в этих целях использовалась деревянная посуда. В целом, для Лунки, чем глубже в древности, тем насыщеннее археологические отложения. По всей вероятности, с появлением и развитием колесного транспорта произошли и изменения в способах эксплуатации соляных источников в том смысле, что деятельность по рекристаллизации соли непосредственно рядом с источником считалась не рентабельной. Широкомасштабные разработки соли в нео-энеолите, как в Лунке, по мнению авторов исследований, подразумевает наличие специализированной в рекристаллизации соли группы населения, ровно как и группы, занимающейся ее транспортировкой, как в твердом, так и в жидком состоянии: солёную воду, по-видимому, перевозили в деревянных емкостях, а с появлением колесного транспорта – и на большие расстояния (Alexianu *ş.a.* 1992, 165).

Согласно этнографическим данным из общего количества рекристаллизованной соли значительная ее часть предназначалась для употребления на месте, другая – для обеспечения близ расположенных поселений и лишь отстающая часть шла для макрозонального обмена. Возвращаясь к преистории, конечно, трудно определить между местным потреблением, обеспечением какого-то территориального образования или ареалом обмена, как такого. Не исключено, что в древности существовала и практика перераспределения на уровне поселения, занимающего центральное положение в экономике определенной археологической культуры, что предполагает обеспечение складирования, контроля, охрану и, возможно, определенный учет. Общеизвестно, что появление перераспределения влечет за собой импорт «экзотических» предметов престижного характера, которыми могли владеть лишь лица, имеющие высокий статус в обществе. На основе тех же этнографических наблюдений авторы предполагают, что в древности также существовало определенное давление спроса, которое, в свою очередь, предполагало установление определенных правил в отношении снабжения, вплоть до обеспечения вооруженной охраны соляных ресурсов. Особая нужда в этом была в случаях проникновения в зоны соляных ресурсов каких-то пришлых групп населения, для которых значение контроля над этими ресурсами вполне понятно (Alexianu *ş.a.* 1992, 164 сл.).

Учитывая эти наблюдения, можно считать, что в позднегалльштаттский период рекристаллизация соли производилась вдали от источников, и на значительные расстояния она в жидком состоянии транспортировалась в различных деревянных емкостях (факт наличия развитой деревообработки и бондарства в этот период показывают материалы поселения Тэтэрэука Ноуэ XV на Среднем Днестре – Ларина, Кашуба 2005, 212 сл.)¹⁴.

Возвращаясь к рассматриваемой в настоящей статье гончарной сероглиняной керамике (частью, видимо, импортной малоазиатской, частью все-таки произведенной на месте на гончарном круге), отметим, что и импорты, и возможная передача технологии гончарного круга являются подтверждением достаточно активной торгово-обменной деятельности. Здесь проявились интересы и активность населения восточных и юго-восточных Балкан и более южных территорий (Троя ? малоазиатское побережье ?) в северном направлении – в направ-

¹⁴ В этой связи любопытны находки миниатюрных сосудиков на поселениях, повторяющих формы лощеной (столовой) посуды. Общеизвестно, что они имели культовое значение. Однако их также можно относить к солонкам, принимая во внимание особое сакральное значение соли в ритуальной практике многих народов.

лении Восточного Прикарпатья вплоть до более отдаленных областей Среднего Поднестровья. И эквивалентом со стороны «северных территорий» такой (торгово-обменной) активности могла быть соль. Соль – которая практически полностью отсутствует на Балканах.

Обращает на себя внимание ареал ранней гончарной керамики, местоположение соляных ресурсов, а также находки предметов раннескифских типов в Восточном Прикарпатья (рис. 15) – можно наблюдать большей частью совпадающие области их распространения. Особенно показательны ареалы скифских памятников Трансильвании (группа Чюмбруд) и подольско-молдавской группы – например, могильник Кажвана, где найдены ранняя гончарная кружка и предметы раннескифских типов, а рядом расположен соляной источник Солка–Слатина Маре, откуда жители окрестных современных сел, в том числе Кажвана, до сих пор добывают соль (рис. 15). Можно полагать, что с появлением в конце VIII в. до н.э. в Северном Причерноморье ранних скифов (носителей раннескифского комплекса; Архаическая Скифия), рацион питания которых был построен на мясной пище, а в быту широко использовались изделия из кожи, многократно выросло значение соли, которая и в предшествующий поздний период эпохи бронзы была основной единицей обменно-торговых операций. И местные сообщества Восточного Прикарпатья могли привлекать скифские воинские отряды для охраны соляных торговых путей. Так, могильник Тринка является кладбищем местного населения, представленного преимущественно женскими могилами, в том числе женщиной – местным лидером (курган VI). Мужские погребения этого могильника, среди которых имеется одно воинское со стрелами и деталями колчана (курган I), позволяют предполагать наличие смешанных браков и значительную инкорпорированность номадов в местную среду (Левицкий, Кашуба 2009, 220 сл.).

С другой стороны, скифы со своей тактикой дальнего боя имели новый и очень мощный инструмент принудительного воздействия на соседей, занимавшихся земледелием, металлопроизводством и солеторговлей. Они могли взять под свой контроль (-?) торговлю солью, обеспечивая безопасность торговых путей. Сейчас становится все более очевидным, что базирование какой-то части ранних скифов (носителей раннескифского комплекса) в Западной Подолии (западноподольская группа раннескифской культуры) могло быть вы-

звано необходимостью прикрытия соляных «приисков» с востока. Своим широким использованием верхового коня и конно-стрелковой военной тактикой они способствовали безопасности и интенсификации торговли в южном направлении – в направлении восточных Балкан: активизируется путь на восточные Балканы, который начал использоваться в обоих направлениях: на север доходила гончарная керамика, на юг – соль, которую сопровожали скифские воинские отряды.

Активизация торгово-обменной деятельности и торговых путей произошла именно с появлением скифов (носителей раннескифского комплекса) в Восточном Прикарпатья. Регион становится ключевым для своего времени – времени VII в. до н.э. (позднегалльштатский/раннескифский период) – именно через Восточное Прикарпатья осуществлялись как трансфер на Карпаты, так и выход на Балканы.

Учитывая «фактор соли», ясно вырисовывается иная объяснительная модель скифского присутствия в Карпатском бассейне, а также походов ранних скифов по северному пути в обход Карпат (например, распространение раннескифских наконечников стрел в Прикарпатья и Карпатском бассейне – рис. 15/e). Наряду с общепризнанной военной составляющей (завоевательные походы с целью военной добычи), можно предполагать со стороны скифов, по меньшей мере, охрану и сопровождение грузов по торговым путям. Не исключено, что ранние скифы могли контролировать(-?) торговлю солью в северо-восточной части Карпатского бассейна, северных областях Прикарпатья и Восточном Прикарпатья, сопровождая поставки ее на юг (восточные Балканы) и восток (Северное Причерноморье). Однако, уже ко второй половине – концу VI в. до н.э. ситуация в регионе Восточного Прикарпатья меняется: наблюдается упадок прежней местной культуры, которая утрачивает свои яркие черты и частично консервируется. Среди местного населения Северного Причерноморья все большей популярностью начинают пользоваться греческие товары, заселившие Карпатскую котловину и центральную часть Днестровского бассейна северные фракийцы берут под свой контроль торговлю солью и последующие поставки ее скифам¹⁵, а появившиеся в конце VI – на рубеже VI-V вв. до н.э. скифско-кочевники (Геродотова Скифия) устанавливают геополитический контроль в Северопонтийском регионе и ориентируются на торговлю с греческими городами-колониями.

¹⁵ Здесь следует упомянуть явления кристаллизации соли в соленых лагунах Северного Причерноморья, в том числе локализацию этого процесса в северной части полуострова Кирбурнская Коса – как это видно из нового прочтения и интерпретации греческого оригинала «Истории» Геродота (Mircea 2003, 236 сл. 244, fig. 1-2; tab.1-2). В русском переводе: «В устье Борисфена само собой оседает несметное количество соли» [Hdt. IV, 53].

Бібліографія

- Аулих 1986: В.В. Аулих, Галич. В сб.: Археология Украинской ССР, т. 3 (Киев 1986), 286-295.
- Бандрівський и др. 2002: М. Бандрівський, О. Корчинський, Л. Крушельницька, Оборонні укріплення доби раннього заліза у верхній Наддністрянщині. В сб.: Військово-історичний альманах, вып. 2, 2002, 4–21.
- Білозір, Скорий 1989: В.П. Білозір, С.А. Скорий, Поселення скіфського часу біля села Козлова на Вінничині. В сб.: Тези доповідей сьомої Вінницької обласної краєзнавчої конференції (Вінниця 1989), 16–17.
- Белозор и др. 2010: В. Белозор, А. Могилов, С. Скорый, Комплексы раннего железного века у с. Козлов на Среднем Днестре. *Tyragetia*, SN, vol. IV(XIX), nr. 1 (Chişinău 2010) (в печати).
- Бессонова, Скорый 2001: С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Мотронинское городище скифской эпохи (Киев-Краков 2001).
- Бонев 2003: А. Бонев, Ранна Тракия. Формироване на тракийската култура – края на второто-началото на първото хилядолетие пр. Хр. Розкопки и проучвания. Книга XXXI (София 2003).
- Бруяко 1992: И.В. Бруяко, Причерноморье и Прикарпатье в раннескифскую эпоху (К проблеме взаимных контактов на примере серой гончарной керамики). В сб.: Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов Междунар. научн. конф., посвящ. памяти А.И. Тереножкина (Мелитополь 1992), 19–20.
- Бруяко 2005: И.В. Бруяко, Ранние кочевники в Европе (X-V вв. до н.э.) (Кишинёв 2005).
- Буйских 2006: С.Б. Буйских, Серая керамика как этнопоказатель греческого населения Нижнего Побужья в VI-I вв. до н.э. В сб.: Боспорские исследования, вып. XI (Симферополь-Керчь 2006), 29–57.
- Буйских 2007: С.Б. Буйских, Серая гончарная керамика Ольвии и ее хоры VI-I вв. до н.э. (историографический аспект). В сб.: ΣΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928-2004) (Санкт-Петербург 2007), 28–44.
- Вахтина 1996: М.Ю. Вахтина, Греческая расписная керамика из раскопок Немировского городища. *Археология* 4, 1996, 85–93.
- Вахтина 2007: М.Ю. Вахтина, Греческая архаическая керамика из раскопок Немировского городища в Побужье. В сб.: С.А. Скорый (від.ред.), Ранній залізний вік Євразії: до 100-річчя від дня народження Олексія Івановича Тереножкина. Матеріали Міжнародної наукової конференції (16 – 19 травня 2007 р.) (Київ-Чигирин 2007), 49–51.
- Велков 1934: И. Велков, Могилни гробни находки от Брезово. *ИАИ* VIII, 1934, 1-17.
- Ганіна 1965: О.Д. Ганіна, Поселення скіфського часу у селі Іване-Пусте. *Археологія* XIX, 1965, 106–117.
- Ганіна 1984: О.Д. Ганіна, Поселення ранньоскіфської доби поблизу Залісся. *Археологія* 47, 1984, 68–79.
- Грабовецький 1982: Б.В. Грабовецький, Солеварні промисли Прикарпаття в період Київської Русі. В сб.: Київська Русь: культура, традиції (Київ 1982).
- Гуцал А., Гуцал В. 2005: А.Ф. Гуцал, В.А. Гуцал, Теклівські кургани епохи скіфської архаїки. В сб.: Хмельниччина: Дивокрай (Хмельницький 2005), 18–24.
- Гуцал, Мегей 1997: А.Ф. Гуцал, В.П. Мегей, Дослідження курганів скіфського часу біля с. Тарасівка. В сб.: Кам'янецьчина в контексті історії Поділля. Науковий збірник, том 1 (Кам'янець-Подільський 1997), 85–87.
- Гуцал и др. 1998: А.Ф. Гуцал, В.А. Гуцал, В.П. Мегей, Дослідження курганів скіфського часу у Середньому Подністров'ї. В сб.: АБУ 1997-1998 рр. (Київ 1998), 74–75.
- Гуцал и др. 2001: А.Ф. Гуцал, В.А. Гуцал, В.П. Мегей, Розкопки курганів скіфського часу на Кам'яничині. В сб.: АБУ 1999-2000 рр. (Київ 2001), 18–19.
- Гуцал и др. 2003: А.Ф. Гуцал, В.А. Гуцал, В.П. Мегей, О.Д. Могилов, Результати досліджень курганів скіфського часу біля с. Теклівка на Поділлі. В сб.: АБУ 2001-2002 рр. (Київ 2003), 90–92.
- Гуцал и др. 2005: А.Ф. Гуцал, В.А. Гуцал, В.П. Мегей, О.Д. Могилов, Кургани ранньоскіфської доби біля села Колодівка на Середньому Дністрі. В сб.: АДУ 2003-2004 рр. Вып. 7 (Запоріжжя 2005), 118–119.
- Гуцал и др. 2006: А.Ф. Гуцал, В.А. Гуцал, В.П. Мегей, О.Д. Могилов, Розкопки курганів ранньоскіфської доби біля села Колодівка у Середньому Подністров'ї. В сб.: АДУ 2004-2005 рр. Вып. 8 (Київ-Запоріжжя 2006), 158–159.
- Дараган, Снытко 2008: М.Н. Дараган, Н.И. Снытко, Восточно-альпийской гальштат и раннескифские (РСК-3) памятники Среднего Поднепровья: поиск хронологических реперов. В сб.: История и практика археологических исследований. Материалы международной научной конференции, посвященной 150-летию проф. А.А. Спицына. Санкт-Петербург, 26-29 ноября 2008 г. (Санкт-Петербург 2008), 303–306.
- Ісаєвич 1961: Я.Д. Ісаєвич, Солеварна промисловість Підкарпаття в епоху феодалізму. В сб.: Нариси з історії техніки, вип. 7 (Київ 1961), 99–112.
- Кашуба, Левицкий 2009: М. Кашуба, О. Левицкий, По следам ранней сероглиняной гончарной керамики Восточно-карпатского региона [Folgend für die ältesten scheibengedrehten Grauware von östlichen Vorkarpaten]. В сб.: П.П. Толочко (гол. ред.), Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Т. XV. Матеріали конференції „Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я (до 110-річчя з дня народження Б.М. Гракова) (Запоріжжя 2009), 247–260.
- Ковпаненко и др. 1989: Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион) (Киев 1989).
- Крапивина 1987: В.В. Крапивина, Простая столовая керамика. В сб.: Культура населения Ольвии и её округи в архаическое время (Киев 1987), 71–79.
- Крапивіна 2007: В.В. Крапивіна, Сіроглиняна кераміка Ольвії VI-V ст. до н.е. *Археологія* 1, 2007, 98–106.
- Крушельницька 1985: Л.І. Крушельницька, Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи (рубіж бронзи і заліза) (Київ 1985).

- Крушельницька 1993: Л.І. Крушельницька, Нові пам'ятки культури Гава-Голігради. В сб.: Пам'ятки гальштатського періоду в межиріччі Вісли, Дністра і Прип'яті (Київ 1993), 56–122.
- Крушельницька 1998: Л.І. Крушельницька, Чорноліська культура Середнього Подністров'я (за матеріалами непоротівської групи пам'яток) (Львів 1998).
- Ларина, Кашуба 2005: О.В. Ларина, М.Т. Кашуба, Позднейшие позднеролюссские материалы поселения Тэтэрэука Ноуэ XV в Среднем Поднестровье. RA, SN, vol. I, nr. 1 (Chişinău 2005), 212–239.
- Левицкий, Кашуба 2009: О. Левицкий, М. Кашуба, О культурных традициях в погребальной обрядности населения, проживавшего на западных рубежах Архаической Скифии (источники, проблематика). В сб.: Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С.А.Скорого. Серия «Археология и древняя история Украины» (Киев-Полтава 2009), 220–237.
- Медведская 1992: И.Н. Медведская, Периодизация скифской архаики и Древний Восток. РА 3, 1992, 86–107.
- Мирчев 1962: М. Мирчев, Раннотракийский могилен некропол при с. Равна. ИАИ, XXV, (София 1962), 97–162.
- Мирчев 1965: М. Мирчев, Тракийски могилен некропол при с. Добрина. ИНМВ, I (XVI), 1965, 33–70.
- Никитина 1979: Г.Ф. Никитина, Землянка скифского времени у с. Оселивка Черновицкой области. СА 3, 1979, 241–249.
- Николов 1973: Б. Николов, Тракийски гробни находки от Врачанско. Археология 3, 1973, 53–68.
- Никулицэ, Фидельский 2004: И.Т. Никулицэ, С.А. Фидельский, Чобручи – многослойное поселение на Днестре. В сб.: Thracians and Circumpontic World II. Proceedings of Ninth International Congress of Thracology. Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 septembrie 2004 (Chişinău 2004), 190–216.
- Онайко 1966: Н.А. Онайко, Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII-V вв. до н.э. САИ, вып. Д1-27 (Москва 1966).
- Рубан 1980: В.В. Рубан, О датировке Ягорлыцкого поселения. В сб.: В.А. Анохин (отв.ред.), Исследования по античной археологии Северного Причерноморья (Киев 1980), 104–114.
- Свешников, Козак 1977: И.К. Свешников, В.И. Козак, Раскопки курганов возле Дрогобыча. В сб.: АО 1976 года (Москва 1977). 370.
- Смирнова 1967: Г.И. Смирнова, Некоторые вопросы раннескифского периода на Среднем Днестре (по поводу статьи М. Душека). AR. T. 19, 2 (Praha 1967), 223–235.
- Смирнова 1968: Г.И. Смирнова, Раскопки курганов у сел Круглик и Долиняны на Буковине. АСГЭ 10, 1968, 14–27.
- Смирнова 1981: Г.И. Смирнова, Новые данные о поселении у с. Долиняны (по материалам раскопок 1977–1978 гг.). В сб.: АСГЭ, вып. 22 (Ленинград 1981), 40–61.
- Смирнова 1993: Г.И. Смирнова, Памятники Среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры. РА 2, 1993, 101–118.
- Смирнова 1994: Г.И. Смирнова, Кружальная сероглиняная керамика из раннескифских памятников Среднего Поднестровья: время и пути попадания. В сб.: Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.) (Тирасполь 1994), 185–187.
- Смирнова 1999: Г.И. Смирнова, Еще раз о серой кружальной керамике из раннескифских памятников Среднего Поднестровья. АСГЭ 34, 1999, 44–57.
- Смирнова 2004: Г.И. Смирнова, Состояние изучения Западно-Подольской группы памятников раннескифского времени в Лесостепной Скифии в конце XX века. В сб.: *Kimmerowie. Scytowie. Sarmaci. Księga poświęcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskiego* (Kraków 2004), 405–429.
- Смирнова 2006: Г.И. Смирнова, Западно-Подольская группа раннескифских памятников в свете исследований к концу XX столетия. В сб.: Древности скифской эпохи (Москва 2006), 66–92.
- Смирнова, Бернякович 1965: Г.И. Смирнова, К.Ф. Бернякович, Происхождение и хронология памятников Куштановицкого типа Закарпатья. АСГЭ, вып. 7 (Ленинград 1965), 89–115.
- Рубан 1980: В.В. Рубан, О датировке Ягорлыцкого поселения. В сб.: Исследования по античной археологии Северного Причерноморья (Киев 1980), 104–114.
- Шрамко 1998: Б.А. Шрамко, Люботинское городище. В сб.: Люботинское городище (Харьков 1998), 9–131.
- Шрамко и др. 2004: Б.А. Шрамко, С.А. Задников, А.О. Зоря, Селище скифского времени у с. Червоносово. В сб.: Древности (Харьков 2004), 27–32.
- Alexianu 2004: M. Alexianu, Sel et conflits aux frontalières: des textes anciens aux interprétations archéologiques. In: *Arheologia pre- și protoistorică a sării. Rezumatele comunicărilor colocviilor internaționale*, Muzeul de istorie și arheologie Piatra-Neamț, 21-24 octombrie 2004 (Piatra-Neamț 2004), 97–99.
- Alexianu ș.a. 1992: M. Alexianu, Gh. Dumitroaia, D. Monah, Exploatarea surselor de apă sărată din Moldova: o abordare etnoarheologică. *Thraco-Dacica XIII*, nr. 1-2, 1992, 159–167.
- Alexianu ș.a. 2007: M. Alexianu, O. Weller, R. Brigand, Izvoarele de apă sărată din Moldova subcarpatică. Cercetări etnoarheologice. In: *Sesiunea științifică a Muzeului Național de Arheologie și Istorie a Moldovei* (ediția a XVII-a), 18-19 octombrie 2007. *Rezumatele comunicărilor* (Chişinău 2007), 11.
- Andronic 2004: M. Andronic, L'exploitation du sel a l'est des Carpates Orientales dans la Prehistoire et dans la Protohistoire. In: *Arheologia pre- și protoistorică a sării. Rezumatele comunicărilor colocviilor internaționale*. Muzeul de istorie și arheologie Piatra-Neamț, 21-24 octombrie 2004 (Piatra-Neamț 2004), 110–111.
- Andronic 2006: M. Andronic, Cacica (jud. Suceava). In: *Sarea, Timpul și Omul* (Sfintu Gheorghe 2006), 60–62.
- Bayne 2000: N. Bayne, The Gray Wares of North-West Anatolia: in the Middle and the Late Bronze Age and the Early Iron Age

- and their Relation to the Early Greek Settlements. *Asia Minor Studien*, Bd. 37 (Bonn 2000).
- Betzler 1974: P. Betzler, Die Fibeln in Süddeutschland, Österreich und der Schweiz I (Urnenfelderzeitliche Typen). PBF XIV, Bd. 3 (München 1974).
- Buzdugan 1968: C. Buzdugan, Necropola getică de la Slobozia. *Carpica I*, 1968, 77–94.
- Cavric 2006: V. Cavruc, Sarea în societățile arhaice. Considerații generale. In: Sarea, Timpul și Omul (Sfintu Gheorghe 2006), 33–36.
- Cavruc, Dumitroaia 2006: V. Cavruc, Gh. Dumitroaia, Vestigii arheologice privind exploatarea sării pe teritoriul României în perioada neo-eneolitică. In: Sarea, Timpul și Omul (Sfintu Gheorghe 2006), 37–40.
- Cavruc ș.a. 2006a: V. Cavruc, H. Ciugudean, A. F. Harding, Vestigii arheologice privind exploatarea sării pe teritoriul României în epoca bronzului. In: Sarea, Timpul și Omul (Sfintu Gheorghe 2006), 41–49.
- Cavruc ș.a. 2006b: V. Cavruc, R. Munteanu, H. Ciugudean, Vestigii arheologice privind exploatarea sării pe teritoriul României în epoca timpurie a fierului. In: Sarea, Timpul și Omul (Sfintu Gheorghe 2006), 50–51.
- Chapman, Monah 2007: J. Chapman, D. Monah, A seasonal Cucuteni occupation at Siliște-Prohozești, Romania. In: L'exploitation du sel a travers le temps (Piatra-Neamț 2007), 71–88.
- Chochorowski 1996: J. Chochorowski, Problem recepcji elementów kultury antycznej (greckiej) w Kotlinie Karpackiej w VI w. p.n.e. Na marginesie dyskusji o genezie tzw. Szarej ceramiki toczonej. In: Problemy epoki brązu I wczesnej epoki żelaza w Europie Środkowej (Kraków 1996), 116–147.
- Ciugudean ș.a. 2006: H. Ciugudean, S.A. Luca, A. Georgescu, Depozitul de bronzuri de la Dipșa [The Bronze Hoard from Dipșa]. Cu o contribuție/with a contribution T. Kienliu și E. Pernicka. *Bibl. Brukenthal V* (Sibiu-Alba Iulia 2006).
- Cook, Dupont 1998: R.M. Cook, P. Dupont, East Greek pottery (London, New York 1998).
- Daragan 2004: M.N. Daragan, Periodisierung und Chronologie der Siedlung Žabotin. *Eurasia Antiqua* 10, 2004, 55–146.
- Daragan 2009: M. Daragan, Grey pottery from monuments Early Scythian time of the Middle Dnjestr (Western Podolian group of monuments). *Pontica* (Constanța 2009) (in print).
- Dumitroaia ș.a. 2004: Gh. Dumitroaia, R. Munteanu, D. Nicola, C. Preoteasa, O. Weller, Lunca – „Poiana Slatinei”, le plus ancien point d'exploitation du sel de l'Europe. In: Arheologia pre- și protoistorică a sării. Rezumatele comunicărilor colocviilor internaționale. Muzeul de istorie și arheologie Piatra-Neamț, 21-24 octombrie 2004 (Piatra-Neamț 2004), 95–97.
- Dupont et al. 2009: P. Dupont, V. Lungu, S. Solovyov, Ceramiques anatoliennes du Pont-Euxin archaïque [Анатолийская керамика на берегах Понта Эвксинского в архаический период]. In: В.П. Копылов (отв.ред.), Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Сборник статей по материалам XII международной научной конференции (Ростов-на-Дону 2009), 22–27.
- Florescu, Florescu 2005: A. Florescu, M. Florescu, Cetățile traco-getice din secolele VI-III a.Chr. de la Stâncești (Târgoviște 2005).
- Gedl 2004: M. Gedl, Die Fibeln in Polen. PBF XIV, Bd. 10 (Stuttgart 2004).
- Hellmuth 2006: A. Hellmuth, Untersuchungen zu den sogenannten skythischen Pfeilspitzen aus der befestigten Höhensiedlung von Smolence-Molpir. In: Pfeilspitzen. UPA 128 (Bonn 2006); 13–169.
- Hodson 1990: F.R. Hodson, Hallstatt the Ramsauer Graves. *RGZ*, Bd. 16 (Bonn 1990).
- Iconomu 1978-1979: C. Iconomu, Cercetări arheologice din locuirea hallstattiană târzie de la Curteni-Vaslui. *CI IX-X* (Iași 1978-1979), 178–236.
- Iconomu 1981-1982: C. Iconomu, Cercetările arheologice de la Curteni – Dealul Viei și Dealul Pietrăriei (jud. Vaslui). *CI XII-XIII* (Iași 1981-1982), 127–152.
- Iconomu 1999: C. Iconomu, Noi descoperiri arheologice în așezarea din epoca fierului de la Brădicești – Iași (II). *AM XXII*, 1999, 49–66.
- Iconomu, Tănăsachi 1992: C. Iconomu, M. Tănăsachi, Descoperiri arheologice din necropola hallstattiană timpurie de la Cotu Morii – Iași. *AM XV*, 1992, 23–44.
- Ignat 2006: M. Ignat, Necropolele tumulare din zona Rădăuți în cadrul lumii traco-getice (sec. VII-V a.Chr.) (Târgoviște 2006).
- Kašuba 2006: M. Kašuba, Fibeln mit Bügelkugeln in der Moldau und Anmerkungen zum ägäischen Einfluss im 10. – 9. Jh. v.Chr. *PZ*, Bd. 81, H. 2 (Berlin-New York 2006), 213–235.
- Kashuba, Daragan, Levitski 2009a: M. Kashuba, M. Daragan, O. Levitski, Early grey wheel-made pottery (mid. VII-VI cent.s BC) in the barbarian milieu of East-Carpathian region – sources and ways of penetration. In: Technologieentwicklung und –transfer in der Eisenzeit. *AG Eisenzeit und Naturhistorisches Museum Wien, Prähistorische Abteilung* (10.-13. September 2009) (Hallstatt, Österreich 2009), 33, 49.
- Kashuba, Daragan, Levitski 2009b: M. Kashuba, M. Daragan, O. Levitski, Local Expressions through the Interregional Approach: Early Grey Wheel-made Pottery (mid. VII-VI cent. BC) from East-Carpathian Region. In: *Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000-500 v. Chr.): Globale Entwicklung versus Lokalgeschehen*. Humboldt-Kolleg in Chișinău, Republica Moldova (4.-8. Oktober 2009). *Programm* (Chișinău 2009), 54–55.
- Kerschner 2006: M. Kerschner, Zum Beginn und zu den Phasen der griechischen Kolonisation am Schwarzen Meer. Die Evidenz der ostgriechischen Keramik. *Eurasia Antiqua* 12, 2006, 227–250.
- Kilian-Dirlmeier 1972: I. Kilian-Dirlmeier, Die hallstattzeitlichen Gürtelbleche und Blechgürtel Mitteleuropas. PBF, XII, Bd. 1 (München 1972).
- Levițchi 2006: O. Levițchi, Necropola tumulară hallstattiană târzie Trinca „Drumul Feteștilor” (Iași 2006).
- Levițchi 2009a: O. Levițchi, Considerații asupra ceramicii lucrate la roata olarului din așezarea Trinca „Izvorul lui Luca”. In: A. Zanoci et al. (eds.), *Studia archeologiae et historiae antiquae: Doctissimo viro Scientiarum Archeologiae et Historiae Ion*

- Niculiță, anno septuagesimo aetatis suae, dedicatur (Chișinău 2009), 95–116.
- Levițki 2009b: O. Levițki, Complexe hallstattiene târzii cu ceramică lucrată la roata olarului din așezarea Trinca „Izvorul lui Luca”. AM, 2009 (sub tipar).
- Levitski, Kashuba 2009: O. Levitski, M. Kashuba, About Early Grey Wares of the East-Carpatian Region (on the Finds from the Settlement Trinca-Izvorul lui Luca). Pontica (Constanța 2009) (in print).
- Levițki ș.a. 2010: O. Levițki, Gh. Sirbu, A. Babii, Lipcani „La Rabii”- un nou sit arheologic cu nivel de locuire hallstattian târziu în zona Podișului Moldovei de Nord. RA, vol. V, nr. 1 (Chișinău 2010), 142-150.
- László 1989: A. László, Les groupes régionaux anciens du Hallstatt à l'est des Carpathes. La Moldavie aux XII–VII siècles av. n.è. In: La civilisation de Hallstatt. ERAUL 36, 1989, 111–129.
- Marc 2006: D. Marc, Sisteme de transport și de comercializare tradițională a sării. In: Sarea, Timpul și Omul (Sfintu Gheorghe 2006), 152–157.
- Marin 1987-1989: T. Marin, Așezarea geto-dacică din secolele VI-V î.e.n. de la Cozmești, județul Vaslui. AMM, IX-XI, 1987-1989, 33–43.
- Metzner-Nebelsick 2003: C. Metzner-Nebelsick, Der Schatz von Michalków in Galizien. Ein Beitrag zu seiner Deutung und Struktur. Anz. Germ. Nationalmus (Nürnberg 2003), 56–67.
- Metzner-Nebelsick 2004: C. Metzner-Nebelsick, Zur bronze- und früheisenzeitlichen Herrschaftssymbolik zwischen Skandinavien, Karpatenbecken, Kaukasus und Steppen Eurasiens am Beispiel des Stilkreises von Michalków. Habilitationsschrift, Freie Universität Berlin (Berlin 2004).
- Mircea 2003: M. Mircea, O enigmă la gura fluviului Borysthènes – cristalizarea naturală a sării „în grămezi uriașe de bulgări” (Hdt. IV, 53, 10). In: E. Sava (red.șef), Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic (Chișinău 2003), 236–251.
- Monah 2007: D. Monah, Sarea în preistoria României. AM XXX, 2007, 87–116.
- Monah, Dumitroaia 2007: D. Monah, Gh. Dumitroaia, Recherches sur l'exploitation préhistorique du sel en Roumanie. In: L'exploitation du sel a travers le temps (Piatra-Neamț 2007), 13–34.
- Moscalu 1983: E. Moscalu, Ceramica traco-getică (București 1983).
- Müller 2009: R. Müller, Eisen – das neue Metall prägt die Epoche. In: S. von Schnurbein (Hrsg.), Atlas der Vorgeschichte. Europa von den ersten Menschen bis Christi Geburt (Stuttgart 2009), 152–159.
- Munteanu 2006a: R. Munteanu, Cucueți, Slatina Veche (jud. Bacău). In: Sarea, Timpul și Omul (Sfintu Gheorghe 2006), 62–64.
- Munteanu 2006b: R. Munteanu, Lunca, (jud. Neamț). In: Sarea, Timpul și Omul (Sfintu Gheorghe 2006), 64–66.
- Munteanu 2006c: R. Munteanu, Solca – Slatina Mare (jud. Suceava). In: Sarea, Timpul și Omul (Sfintu Gheorghe 2006), 72–73.
- Munteanu et al. 2007: R. Munteanu, D. Garvăn, D. Nicola, C. Preoteasa, Gh. Dumitroaia, Cucueți – Slatina Veche (Romania). Prehistoric exploitation of a salt resource. In: L'exploitation du sel a travers le temps (Piatra-Neamț 2007), 56–70.
- Nicola ș.a. 2007: D. Nicola, R. Munteanu, D. Garvăn, C. Preoteasa et Gh. Dumitroaia, Solca – Slatina Mare (Roumanie). Preuves archéologiques de l'exploitation du sel en préhistoire. In: L'exploitation du sel a travers le temps (Piatra-Neamț 2007), 35–56.
- Novotná 2001: M. Novotná, Die Fibeln in der Slowakei. PBF XIV, Bd. 11 (Stuttgart 2001).
- Patay, Kiss 2001-2002: P. Patay, Z.B. Kiss, Az Alsótekes-Dolinkai szkitakori temető közöletlen sirjai (az 1962. és 1964. évi feltárás eredményei) [Die unpublizierten Gräber des skythenzeitlichen Gräberfeldes von Alsótekes-Dolinka (Die Ergebnisse der Freilegungen der Jahre 1962 und 1964)]. FA XLIX-L (Budapest 2001-2002), 79–141.
- Parzinger 1989: H. Parzinger, Chronologie der Späthallstatt- und Frühlatène-Zeit. Studien zu Fundgruppen zwischen Mosel u. Sava (VCH, Acta Humaniora 1989).
- Petrescu-Dîmbovița 1953: M. Petrescu-Dîmbovița, Cimitirul hallstattian de la Stoicani. In: MA privind IV a RPR, vol. I (București 1953), 157–213.
- Randsborn 1992: K. Randsborn, Historical implication. Chronological Studies in European Archeology c. 2000-500 BC. AA, vol. 62, (Kobenhavn, Munkscaard 1992), 89–109.
- Schmid-Sikimić 1996: B. Schmid-Sikimić, Der Arm- und Beinschmuck der Hallstattzeit in der Schweiz. PBF X, Bd. 5 (Stuttgart 1996).
- Sezgin 2004: Yu. Sezgin, Clazomenian Transport Amphorae of the Seventh and Sixth Centuries. In: A. Monstaka et al. (eds.), Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony. Proceedings of the International Symposium held at the Archaeological Museum of Abdera. Abdera, 20-21 October 2001 (Thessaloniki 2004), 169–183.
- Simion 2003: G. Simion, Așezarea hallstattiană de la Beidaud – Tulcea. In: G. Simion, Culturi antice în zona gurilor Dunării. Volumul I, Preistorie și protoistorie (Tulcea 2003), 79–98.
- Smirnova 1965: G. Smirnova, K otázce trácké na kruhu robené keramiky ve středním Podněstří (podle výzkumů r. 1963). AR, t. XVII-1 (Praha 1965), 76–90.
- Stegmann-Rajtár 1992: S. Stegmann-Rajtár, Spätbronze- und früheisenzeitliche Fundgruppen des mittleren Donaugebietes. BerRGK 73, 1992, 29–179.
- Sulimirski 1936: T. Sulimirski, Scytowie na zachodniem Podolu (Lwów 1936).
- Technologieentwicklung 2009: Technologieentwicklung und –transfer in der Eisenzeit. AG Eisenzeit und Naturhistorisches Museum Wien, Prähistorische Abteilung (10.-13. September 2009) (Hallstatt, Österreich 2009).
- Tentiuc ș.a. 2008: I. Tentiuc, A. Levinschi, V. Iucal, V. Pâslaru, Unele considerații despre săpăturile arheologice de la Țuțora din stânga Prutului în anul 2008. In: Sesiunea științifică a Muzeului Național de Arheologie și Istorie a Moldovei (dedicată aniversării a 25-a de la fondarea muzeului), 16-17 octombrie 2008. Program. Rezumatele comunicărilor (Chișinău 2008), 36–38.

Tentiuc ș.a. 2009: I. Tentiuc, A. Levinschi, V. Iucal, V. Pâslaru, Investigațiile arheologice de la Țuțora în anul 2009. Considerații preliminare. In: Sesiunea științifică a Muzeului Național de Arheologie și Istorie a Moldovei (ediția a XIX-a), 15-16 octombrie 2009. Program. Rezumatele comunicărilor (Chișinău 2009), 22–25.

Teržan 2009: B. Teržan, Kaukasisches Symbolgut in Südosteuropa – Bemerkungen zu Goldfibeln von Michalków – Fokoru – Dalj. In: J. Apakidze, B. Govedarica, B. Hänsel (Hrsg.), Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000–500 v.Chr.). Kommunikationsebenen zwischen Kaukasien und Karpaten. Internationale Fachtagung von Humboldtianern für Humboldtianer im Humboldt-Kollektiv in Tiflis/Georgien (17.-20. Mai 2007). PAS, Bd. 25 (Rahden/Westf. 2009), 190–216.

Trachsel 2004: M. Trachsel, Untersuchungen zur relativen und absoluten Chronologie der Hallstattzeit, Teile 1–2. UPA 104 (Bonn 2004).

Vachtina 2007: M.Ju.Vachtina, Greek Archaic Orientalising Pottery from the Barbarian Sites of the Forest-steppe Zone of the Northern Black Sea Coastal Region. In: Black Sea Studies, vol. 6 (Aarhus 2007), 23–37.

Wells 1978: P. Wells, Twenty-Six Graves from Hallstatt Excavated by the Duchess of Mecklenburg. Germania 56, 1978, 66–93.

Майя Каиуба, доктор истории, Центр археологии, Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы, бул. Штефан чел Маре 1, МД-2001, Кишинэу, Республика Молдова

Марина Дареган, канд. ист. наук, Институт археологии, Национальная Академия наук Украины, пр. Героев Сталинграда 11, 04210, Киев, Украина

Олег Левицкий, доктор хабилитат истории, Центр археологии, Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы, бул. Штефан чел Маре 1, МД-2001, Кишинэу, Республика Молдова

ПОГРЕБЕНИЯ С ЗАПАДНО-ВОСТОЧНОЙ ОРИЕНТИРОВКОЙ ИЗ МОГИЛЬНИКА КУЛЬТУРЫ СЫНТАНА ДЕ МУРЕШ-ЧЕРНЯХОВ У СЕЛА БРЭВИЧЕНЬ*. К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ХРИСТИАНСТВА В ГОТИИ

Влад ВОРНИК, Лариса ЧОБАНУ, Кишинэу

Morminte orientate Vest–Est din necropola de tip Sântana de Mureș-Černjachov de la Brăviceni. Contribuții la problema răspândirii creștinismului în Gothia. Comparativ cu cele mai multe necropole aparținând culturii Sântana de Mureș-Černjachov, în care predomină fie înmormântările de incinerare, fie cele de înhumare orientate N-S, în cimitirul de la Brăviceni prevalează mormintele de înhumare dispuse V–E. Astfel, din cele 181(?) complexe funerare descoperite până în prezent, s-a dovedit că 89 erau orientate pe direcția V–E, ceea ce constituie 49% din total sau 55,5% din numărul de morminte cu orientarea precizată (160). Majoritatea înmormântărilor dispuse V–E sunt de tipul în groapă simplă, de formă cvasirectangulară ori ovală. Un număr de 33 de complexe erau prevăzute cu praguri din pământ cruțat, iar unul cu o nișă laterală. Poziția predominantă a defuncțiilor era întins pe spate, cu brațele așezate de-a lungul corpului. La un număr de cel puțin 36 de morminte orientate V–E s-a constatat că scheletele au fost distruse complet ori parțial potrivit unui anumit obicei magico-ritual, practicat și în alte cimitire de tip Sântana de Mureș-Černjachov. O trăsătură esențială a înmormântărilor dispuse V–E este lipsa generală din cuprinsul lor a inventarului, în special a ofrandelor alimentare. Puținele obiecte descoperite în unele morminte constau din podoabe, accesorii vestimentare și recipiente pentru băuturi. Pe baza caracteristicilor principale (orientare, poziția scheletelor, lipsa inventarului) și a unor analogii din lumea romano-bizantină, mormintele orientate V–E de la Brăviceni și din celelalte necropole ale culturii Sântana de Mureș-Černjachov se atribuie sub aspect religios unor creștini. În sprijinul ipotezei despre caracterul creștin al mormintelor dispuse V–E din cuprinsul Gothiei carpato-danubiene și nord-pontice vin și datele transmise de izvoarele scrise, care se dovedesc a fi destul de concludente în acest sens.

В сравнении с большинством некрополей культуры Сынтана де Муреш-Черняхов, в которых преобладают либо трупосожжения, либо трупоположения с ориентировкой север-юг, в могильнике из Брэвичень преобладают захоронения с трупоположением, расположенных по оси запад-восток, головой на запад. Таким образом, из 181(?) открытых погребальных комплексов, 89 захоронений ориентированы З-В, что составляет 49% от общего количества или 55,5% от числа всех захоронений с установленной ориентировкой (160). Большинство этих погребений относятся к типу захоронений в простой яме, подпрямоугольной или овальной формы. С уступами предусмотрены 33 комплекса, а одно погребение – с боковым подбоем. Преобладают трупоположения на спине, с вытянутыми вдоль тела руками. Было выяснено, что в 36 захоронениях, ориентированных широтно, в целом или частично останки усопших были разрушены в результате ритуального обряда, практиковавшегося и в других некрополях типа Сынтана де Муреш-Черняхов. Важной отличительной чертой захоронений с западной ориентировкой является, как правило, полное отсутствие инвентаря и особенно сакральной пищи. Незначительное количество найденных в захоронениях предметов состояли из украшений, деталей убранства, сосудов для напитков. На основании характера захоронений (ориентировка, позиция скелета, отсутствие инвентаря) и некоторых аналогий из римско-византийского мира, можно утверждать что захоронения, расположенные по линии запад-восток из Брэвичень и других могильников культуры Сынтана де Муреш-Черняхов, принадлежат христианам. В поддержку гипотезы о христианском характере расположенных широтно погребений из Восточно-Карпатской и Северо-Понтийской Готии выступают и данные письменных источников, которые оказываются достаточно убедительными.

West-East oriented burials from the necropolis of Sântana Mureș-Černjachov type from Brăviceni village. On propagation of Christianity in Gothia. Unlike the majority of necropolises of the Culture Sântana Mureș-Černjachov with incinerations and inhumation of North-South orientation, the necropolis from Brăviceni is dominated by burials with West-East orientation. 89 of 181 (?) recorded burials are of West-East orientation, attaining 49% of the whole recorded amount of burials, or 55.5% of the burials with identified orientation (160 burials). The majority of burials under consideration belong to the simple burial

* Благодарим автора раскопок, др. В.И. Гросу за разрешение использовать в настоящей работе научные данные, добытые при исследовании памятника.

pit type with rectangular or elliptic shape. 33 burials are supplemented with steps, and one burial is with a lateral niche. The dominating posture of human remains is the position on the back with hands extended along the body. Human remains from 36 burials of West-East orientation are partially damaged or totally destroyed as a result of specific burial ritual, which was also reported from some other necropolises of the Sântana Mureș-Černjachov type. An important peculiarity of the West-East oriented burials is, as a rule, the complete lack of implements and remains of sacred food. The insignificant number of objects discovered in the burials was represented by adornments, furniture details, and receptacles for beverages. The observed peculiarities of burials (orientation, position of human remains, missing implements) and some analogues from the Roman-Byzantine world give grounds for conclusion that the burials with West-East orientation from Brăviceni and other burial complexes of the Sântana Mureș-Černjachov Culture belong to Christians. This hypothesis is supported by the historical written documents on Northern Danube Gothia.

Key words: *Sântana de Mureș-Černjachov Culture, Gothia, Brăviceni village, Christians, necropolis, inhumation, burials with West-East orientation.*

Многочисленные археологические открытия ясно показывают, что создатели и носители культуры Сынтана де Муреш-Черняхов одинаково использовали оба погребальных обряда, хороня своих сородичей как путем трупосожжения, так и трупоположения. Согласно результатам скрупулезных научных исследований последних десятилетий, в противоположность общепринятым до этого взглядам, что погребальные традиции одних и тех же племен числятся среди наиболее консервативных и менее подверженных изменениям, факты свидетельствуют, что они поддавались глубоким и достаточно быстротечным трансформациям (Ioniță 1986; 1989; 1995, 259-261; 2001, 622-625).

Таким образом, было убедительно доказано, что в ранней фазе развития культуры Сынтана де Муреш-Черняхов ее носители чаще, – а некоторые общности даже исключительно – хоронили своих усопших по обряду трупосожжения. Погребения, находящиеся в наиболее ранних секторах могильников, были преимущественно «урновыми с крышками» или «безурновыми», когда кальцинированные кости уложены прямо в яме (там же; Șovan 2005, tab. 1; Vornic 2006, 239; Щукин, Щербакова 1986, 204, рис. 6; Шаров 1992, табл. III). Затем следует фаза когда, наверное, благодаря импульсам из римского мира, начинается быстрый процесс модификации погребального обряда, происходит переход от трупосожжений к трупоположениям. Характерные для средней фазы культуры трупоположения, доминирующие в большинстве могильников типа Сынтана де Муреш-Черняхов, ориентированы головой на север, скелеты обычно расположены вытянуто, на спине; их инвентарь часто содержит жертвоприношения сосудов с пищей и питьем (представленных горшками, мисками, кувшинами, кубками и амфорами), в т.ч. мяса животных. Также на уровне этого этапа и наверное тоже вследствие некоторых римских влияний появляются и первые погребения, содержащие уложенные вытянуто на спине скелеты, ориентированные головой на за-

пад, в основном безынвентарные; количество этих погребальных комплексов значительно возрастает к концу существования культуры (Ioniță 1995, 260-261; Șovan 2005, 186-188; Vornic 2006, 241; Сымонович 1955, 308-310; Сымонович 1963, 51-54; 1983, 19.40). В соответствии с подсчетами некоторых ученых, последняя группа захоронений все же достаточно малочисленна и представляет менее 20% из общего количества трупоположений, известных до сих пор в разных регионах внушительного культурного круга Сынтана де Муреш-Черняхов (Maczynska 1996, 338; Ioniță 2001, 622; Сымонович 1983, 15; Никитина 1985, 33.37; Магомедов 2001, 21). Нужно уточнить что в некоторых некрополях, относящихся к поздним фазам культуры, процент захоронений ориентированных запад-восток выше, иногда составляет даже основной тип захоронений (там же, 201.202).

Ввиду особой значимости проблематики, вытекающей из этой категории погребальных комплексов, мы ставим задачу рассмотреть в данном исследовании захоронения с западной ориентировкой из Брэвиченского могильника, относящегося также к позднему периоду культуры Сынтана де Муреш-Черняхов. Могильник у села Брэвичень Орхейского района был открыт случайно зимой 1977 года, в ходе строительных работ, при которых было разрушено восемь ингумаций. Археологические раскопки проводились в 1977, 1980 и 1981 гг. под руководством В.И. Гросу. В результате полевых исследований, проведенных на протяжении трех археологических сезонов, была раскопана большая часть памятника, площадью в 4588 кв.м. В периметре могильника было исследовано 181(?) захоронение, из которых только одно трупосожжение (остальные трупоположения), и 53 ямы культового значения.

В абсолютном большинстве могил с трупоположениями Брэвиченского могильника, так же как и в других некрополях культуры Сынтана де Муреш-Черняхов, костяки расположены по двум основным направлениям: запад-восток и соответственно

север-юг, с определенными сезонными отклонениями. Соотношение этих двух категорий могил свидетельствует достаточно ясно в пользу ориентированных в западно-восточном направлении. Таким образом, было установлено, что из общего числа в 160 погребальных комплексов с уточненной ориентировкой 89, т.е. 55,6%, имели западное направление, а 56, которые составляют 35%, были расположены по оси север-юг. К ним нужно добавить еще шесть захоронений с северо-восточной – юго-западной ориентацией, четыре северо-западной – юго-восточной, два юго-западной – северо-восточной, два восток-запад и одно юг-север.

Единственное трупосоожжение (П.96) из Брэвиченского могильника представляло собой кальцинированные человеческие кости, которые были уложены в гончарный шероховатый сосуд (горшок), расположенный устьем вниз. Следует отметить, что это погребение находилось на восточной окраине могильника, в зоне, которую невозможно было исследовать полностью (рис. 1).

Подчеркиваем в этом контексте, что представленными элементами погребального обряда памятник у с. Брэвичень во многом аналогичен синхронному могильнику Журавка, расположенному в бассейне Среднего Днестра, в котором исследовано одно трупосоожжение, а также 71 трупоположение, ориентированное по направлению запад-восток, 52 ориентированных север-юг и одно восток-запад (Сымонович 1983, 65). Но интересно в то же время отметить, что в отличие от некрополя Журавка, где расположенные по оси запад-восток захоронения находятся в его западной части (там же, 134, табл. 8), в Брэвичень они разбросаны по всей площади, так же как и ориентированные по направлению север-юг (рис. 1).

В Пруто-Днестровском междуречье известны еще два могильника культуры Сынтана де Муреш-Черняхов, в которых больше погребений с западной ориентировкой чем захоронений расположенных по направлению север-юг: это Холмское (Гудкова, Фокеев 1984, 73) и Слобозия-Кишкэрень (Лазо) (Levinschi 1997, 117-130; Левинский 1999, 156). Следует однако подчеркнуть, что оба эти небольшие памятники моноритуальны и содержали только ингумации. Относительно многочисленны ориентированные запад-восток захоронения (37), которые были обнаружены в известном могильнике у с. Будешть. Они были сконцентрированы на юго-восточной окраине и частично в центральной части некрополя (Vornic 2006, 168.169, fig. 152,2). Но в процентном отношении эта категория погребений

из Будешть достаточно малозначна, представляя примерно одну пятую часть общего количества ингумаций с определенной ориентировкой (там же).

Думаем, необходимо отметить, что захоронения с западной ориентацией из Брэвичень, как и из других могильников культуры Сынтана де Муреш-Черняхов, имеют достаточно близкие аналогии среди погребальных комплексов первой половины V века из Ботошань-Дялул Кэрэмидэрией, отнесенных авторами раскопок и научных публикаций к древностям остроготов, которые находились под властью гуннов (Zaharia, Zaharia 1969; 1975). Следует напомнить, что небольшими раскопками 1960-1963 гг. в двух пунктах на восточной окраине города Ботошань выявлены 23 безынвентарных или со скудным инвентарем захоронения, из которых 20 были расположены по линии запад-восток, а три – север-юг (там же).

Глубина погребений имеющих западно-восточную ориентировку из Брэвиченского некрополя очень разная, от 0,4 до 2,7 м от современной поверхности. Группа из 14 могил имела глубину залегания скелетов от 0,4 до 1 м, 38 могил – от 1 до 1,5 м, 28 – 1,5-2 м и восемь – 2-2,7 м. Сравнивая среднюю глубину захоронений с западно-восточной и северо-южной ориентацией скелетов анализируемого памятника, видно что она больше у первой категории, хотя и не так явно как в других синхронных родственных могильниках (Ioniță 1971, 27-28; Bloșiu 1975, 208; Сымонович 1983, 16). Интересно отметить, что большей глубиной ям характеризуются захоронения с западной ориентацией из могильников гуннской эпохи из Ботошань-Дялул Кэрэмидэрией (Zaharia, Zaharia 1969, 170.171; 1975, 215).

С точки зрения форм погребальных сооружений, анализируемые захоронения из Брэвичень подразделяются в три отдельные группы.

Самые многочисленные, но в то же время и самые характерные для большинства могильников культуры Сынтана де Муреш-Черняхов, являются погребения в простой яме (рис. 2,1; 3,1.3; 4,1.4; 7; 8,1; 9,1.4; 11,2). Этот тип могил представляет собой простую яму подпрямоугольной формы с закругленными углами или, реже, овальной либо трапециевидной формы, чьи размеры соответствуют обычно параметрам скелетов, принадлежащих умершим разных возрастов¹.

Вторую группу погребальных сооружений представляют ямы с заплечиками-уступами (рис. 2,3; 3,4; 5; 6,1.2; 9,2.5; 10,1; 11,3). Всего, в Брэвичень было 52 захоронения с такими устройствами,

¹ К сожалению, антропологический анализ скелетов из Брэвичень не был сделан.

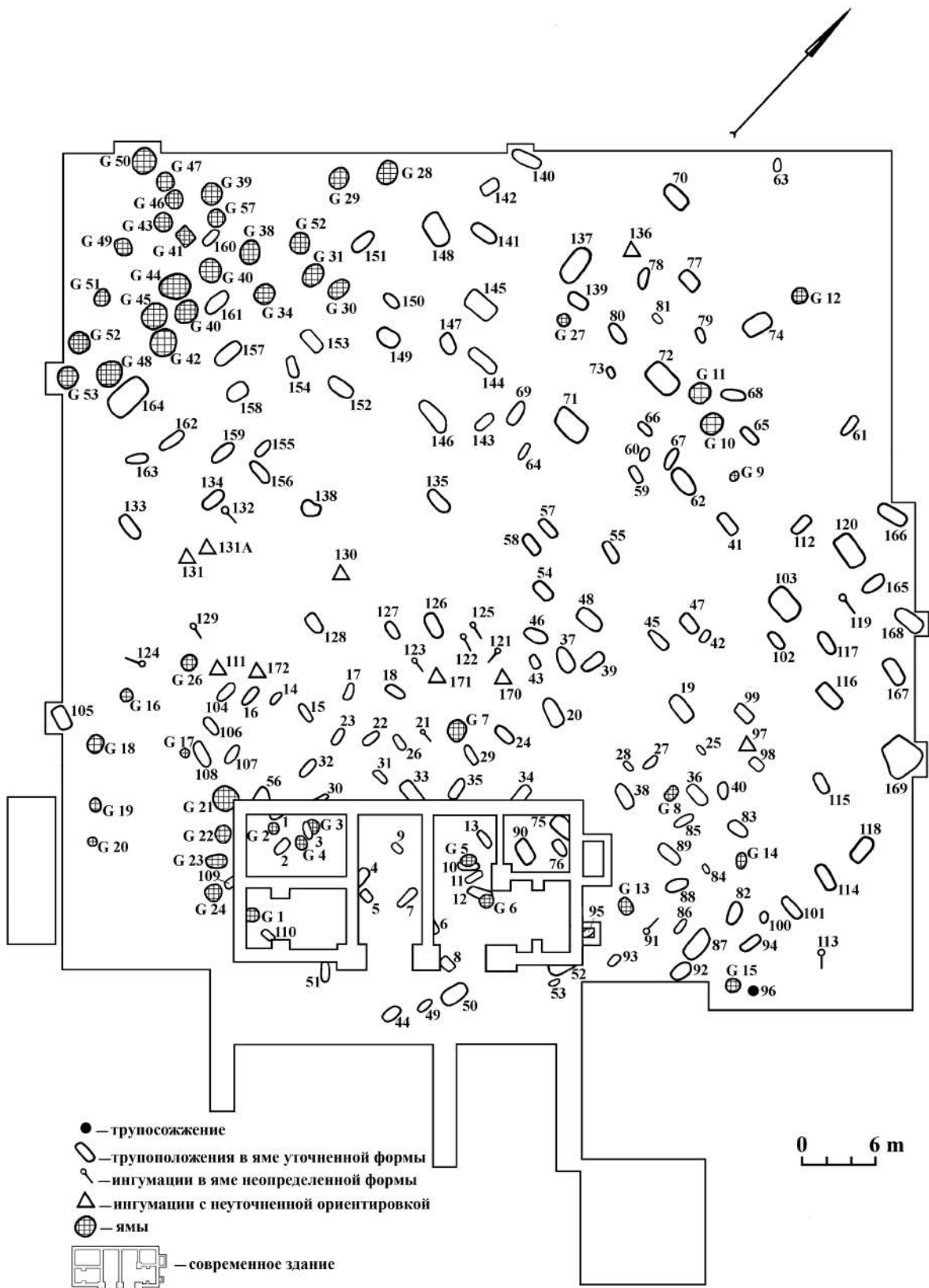

Рис. 1. Брэвичень. Общий план могильника.

из них 33 располагались по направлению запад-восток, 16 север-юг и по одной восток-запад, северо-восток – юго-запад и северо-запад – юго-восток. Имея разную высоту и ширину, уступы обычно устраивались по длинным сторонам ям, или по всему их периметру. Иногда они зафиксированы на одной или трех стенках ям. В отдельных могилах встречаются и по два-три заплечика на одной стороне погребальной ямы. Следует обратить внимание на то, что в некоторых случаях, возможно, их с самого начала не было, а появились они лишь в результате ритуальных действий, таких как разрушения данных ингумаций.

Интересно отметить тот факт, что в некрополе из Брэвичень количество и соотношение могил с заплечиками, ориентированных запад-восток, больше чем расположенных по направлению север-юг. С этой точки зрения аналогичная ситуация представлена в могильниках Холмское (Гудкова, Фокеев 1984, 74.75), Ранжевое (Сымонович 1979) и Слобозия-Кишкэрень, где могилы со ступеньками преобладают (Левинский 1999, 158.159). Но, как известно, в ареале культуры Сынтана де Муреш-Черняхов есть и такие памятники, где заплечики встречаются чаще у могил, расположенных по оси север-юг. К ним относятся известные биритуальные могильники Бырлад-Валя Сякэ (Palade 2004, 111-148.154), Михэлэшень (Şovan 2005, 14-144.194), Будешть (Vornic 2006, 72-139.170) и Дэнчень (Рафалович 1986, 28-116).

Относительно предназначения заплечиков погребений из Брэвиченского могильника, думаем что чаще всего, независимо от их ориентировки (широтной или меридиональной), они служили подставкой для своего рода перекрытий или крыш из деревянных досок или прутьев, так как это было установлено достаточно определенно при исследовании некрополей Гавриловка (Сымонович 1955, 309), Лецкань (Bloşiu 1975, 208), Холмское (Гудкова, Фокеев 1984, 74.75), Чалык (Щербакова 1990, 160) и Слобозия-Кишкэрень (Левинский 1999, 158.159). В некоторых могильниках культуры Сынтана де Муреш-Черняхов из Северного Причерноморья, таких как Ранжевое (Сымонович 1979), Коблево (там же), Каменка-Анчекрак (Магомедов 2004) и др., для перекрытия останков усопших использовали преимущественно каменные плитки. Нужно подчеркнуть что в Брэвичень камней не было ни в одном комплексе. Зато остатки истлевшего дерева (досок?), употребленных наверное в качестве перекрытия, были найдены в трех могилах с уступами, из которых две были ориентированы по линии запад-восток (П.20 и П.152), а одно север-юг (П.74). По поводу следов дерева, обнаруженных в несколь-

ких погребениях без заплечиков, ориентированных запад-восток (П.5, П.26) или север-юг (П.32, П.36), которые находились около или под скелетами, можно предположить, что они могли произойти от гробов или «надгробных досок».

В отношении предназначения заплечиков еще нужно отметить то, что в некоторых некрополях, таких как Тыргшор (Diaconu 1965, 50), Дэнчень (Рафалович 1986, 52), Бырлад-Валя Сякэ (Palade 2004, fig. 161; 182; 188; 193; 199; 256) и Михэлэшень (Şovan 2005, 194), в могилах с северной ориентировкой они были использованы в качестве полок для жертвоприношений, в частности керамических сосудов. В Брэвичень таких ситуаций не установлено, у местной общности этот обычай не практиковался.

Третий тип погребальных сооружений документирован только одним захоронением в анализируемом могильнике – П.147 (рис. 6,4). Представляет собой расположенную по направлению запад-восток подпрямоугольную яму, в северной стенке которой сделан подбой-ниша овально-удлиненной формы, углубленный на 0,25 м, где лежал скелет взрослого человека. В зоне распространения культуры Сынтана де Муреш-Черняхов погребения с продольным подбоем встречаются довольно редко, и они обычно ориентированы по оси север-юг (Mitrea, Preda 1966, 101.102.122; Palade 2004, 112.123.130.131-133.142.154; Constantinescu 2007, 60; Сымонович 1983, 26; Никитина 1985, 49; Магомедов 1987, 33.36).

Насколько нам известно, самый высокий процент захоронений в подбое из всего ареала этого культурного комплекса был зафиксирован в могильниках Фурмановка и Беленькое, оба географически расположенных на юге Пруто-Днестровского междуречья (Сымонович 1988; Магомедов 2001, 202). К примеру, в биритуальном могильнике Фурмановка, о котором опубликована детальная информация, из общего числа в 25 исследованных захоронений, восемь (что составляет 32%) были с подбоем. Интересно заметить, что из этих восьми, семь было ориентировано по направлению север-юг и только одно погребение, содержащее костяк взрослой женщины, имело расположение запад-восток (Сымонович 1988, 154.163). Захоронения в могилах западной ориентировки с продольным подбоем были отмечены и в некрополе Холмское, находящимся так же на юге Буджакской степи (Гудкова, Фокеев 1984, 68.69.75). В отличие от ситуации в Брэвичень, все три могилы с подбоем из Холмского были детскими (там же).

В связи с этим отметим, что одно безынвентарное захоронение взрослого человека в могиле

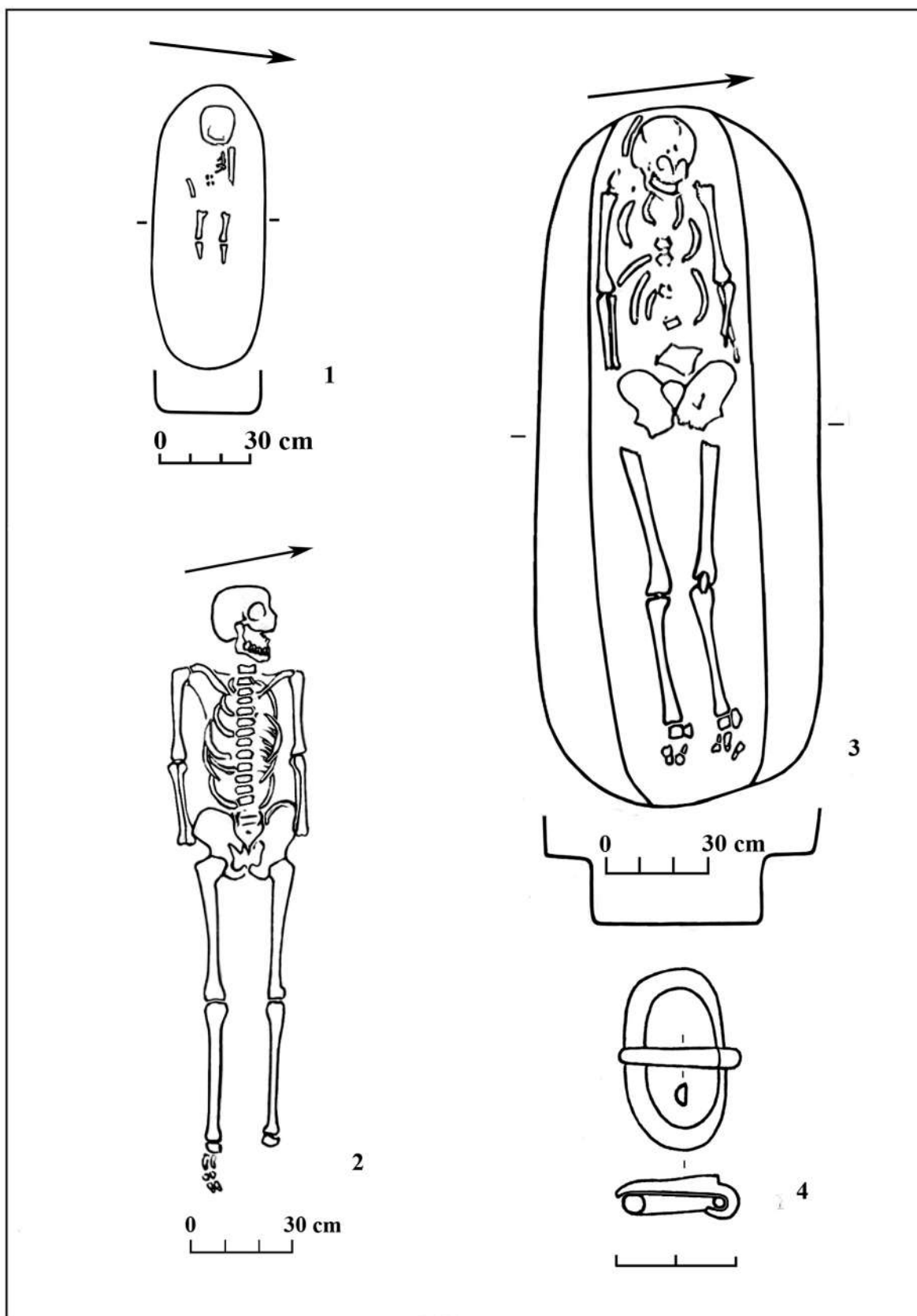

Рис. 2. Брэвичень. План и инвентарь погребений 9 (1), 21 (2) и 36 (3, 4).

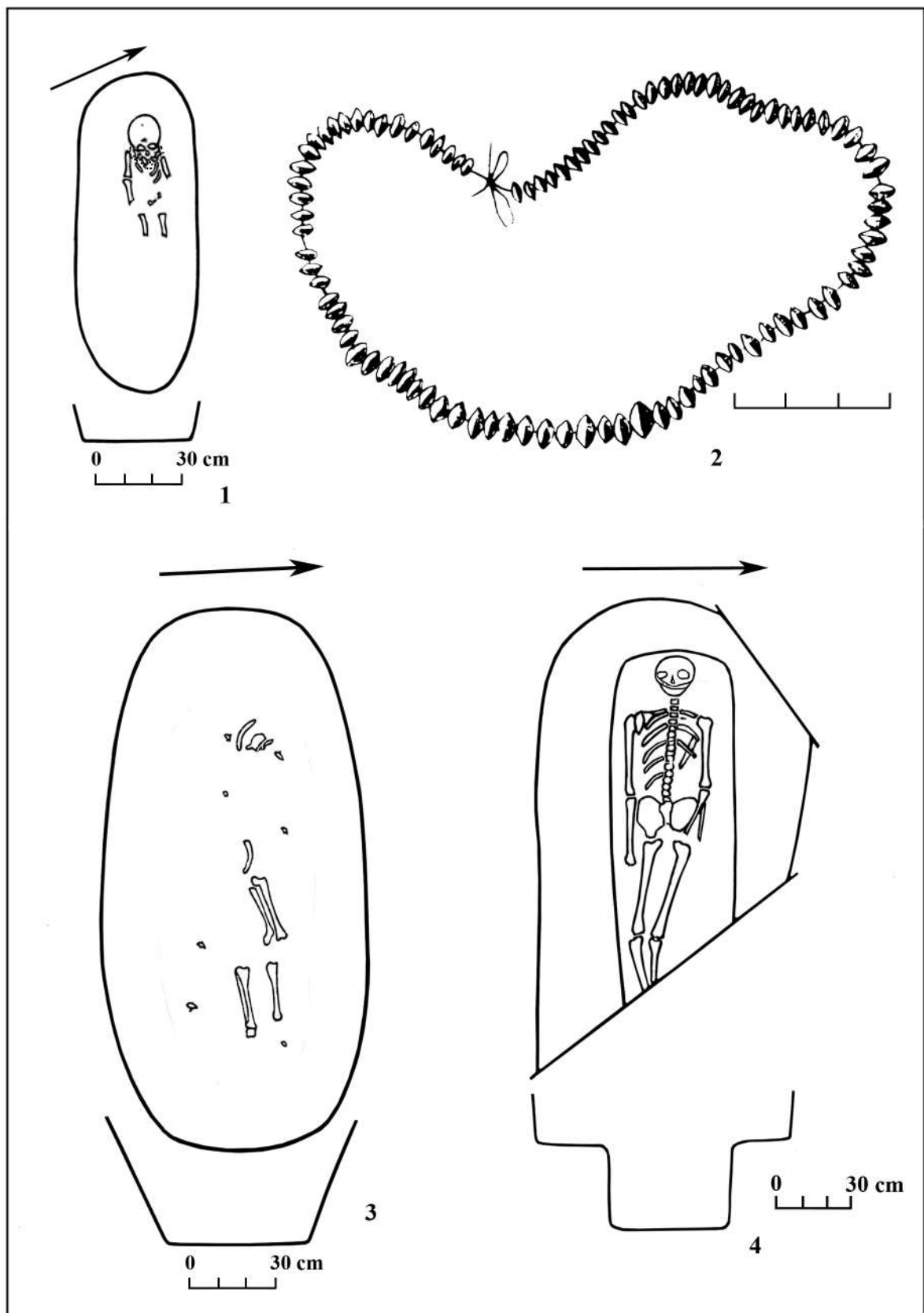

Рис. 3. Брэвичень. План и инвентарь погребений 40 (1, 2), 41 (3) и 75 (4).

с продольным подбоем исследовано в раннехристианском могильнике IV-VI вв. н.э. из античного западно-понтийского полиса *Каллатис* (современный город Мангалия в Румынии) (Preda 1980, 21.86). Другое погребение с подбоем, ориентированное в направлении запад-восток, исследовано в руинах римского каструма *Potaissa* из Трансильвании (находящегося на окраине современного города Турда). Автор публикации считает его сармато-аланским и датирует второй половиной IV или началом V в. (Bărbulescu 1994, 181).

Среди 180 ингумаций Брэвиченского могильника констатируется и наличие четырех захоронений, содержащих по два скелета. Отмечаем, что все они расположены по направлению запад-восток. В одном из этих погребений (П.90) находились остатки от скелетов двух взрослых людей, а в трех остальных (П.18, П.115 и П.168) были идентифицированы по одному взрослому и другому детскому скелету. Все четыре погребальных комплекса были частично или полностью разрушены в древности. Двойные захоронения – довольно редкий феномен для культуры Сынтана де Муреш-Черняхов. В большинстве могильников – небольших и средних размеров – они отсутствуют. В Пруто-Днестровском междуречье двойные погребения обнаружены в могильниках Дэнчень (Рафалович 1986, 32) и Будешть (Vornic 2006, 93), но они имели северо-южную ориентировку. Четыре двойных захоронения, из которых одно расположено в направлении запад-восток, а остальные три север-юг или с неуточненной ориентировкой, зафиксированы в могильнике Миэхэлэшень (Şovan 2005, 20.50.128.195).

Относительно позиции скелетов в погребальной камере, можно констатировать, что она была точно определена лишь для части захоронений из Брэвичень, содержащих костяки взрослых людей, которые не были разрушены в древности. В большинстве случаев усопшие были уложены на спине, с вытянутыми вдоль тела руками и прямыми ногами. Касательно погребений с западной ориентировкой, нужно отметить, что небольшое число скелетов находилось в позиции вытянуто на спине, при этом одна рука была вытянута – левая (П.19, П.26, П.62 и П.133) или правая (П.13, П.44, П.59, П.123 и П.145), а другая была согнута в локте и уложена кистью на животе. У двух костяков, уложенных вытянуто на спине, обе руки находились на костях таза (П.57 и П.166). В другом случае погребенный лежал на спине с вытянутой правой рукой, кисть левой находилась в области живота, а ноги скрещивались в области берцовых костей (П.55). Детский скелетик, кости которого сохранились лишь частично, имел согнутые в коленях ноги с левым уклоном (П.76).

В отношении позиции погребенных культурной общности Сынтана де Муреш-Черняхов в могилах с ориентировкой запад-восток, в литературе было высказано мнение, что для этой специфической категории захоронений характерно положение рук на животе или на груди (Ioniță 1995, 260; 2001, 622.691). Однако, как доказывают исследования, основная и характерная позиция костяков с западной ориентировкой (равно как и уложенных по оси север-юг) – вытянуто на спине, с прямыми руками и ногами; положение рук на груди, животе или кости таза встречается реже. С этой точки зрения, Брэвиченский могильник не представляет существенных отличий в сравнении с остальными синхронными родственными некрополями, сведениями о которых мы располагаем.

Отметим в этом контексте, что та же позиция – на спине, с вытянутыми вдоль тела руками и прямыми ногами, доминирующая в могильниках культуры Сынтана де Муреш-Черняхов, характерна и для погребений гуннской эпохи из Ботшань-Дялул Кэрэмидэрией (Zaharia, Zaharia 1969, 171; 1975, 215). Зато, с другой стороны, в большом раннехристианском некрополе *Каллатиса*, преобладающее положение костяков – на спине, с вытянутыми прямо ногами, руками согнутыми в локтях и покоящимися на груди или животе (Preda 1980, 24.84-114).

В Брэвичень, как и в других могильниках ареала культуры Сынтана де Муреш-Черняхов, установлено, что часть ингумаций была разрушена. Но, в отличие от многих некрополей этого типа, где количество и соответственно процент разрушенных захоронений с ориентировкой на запад намного ниже чем ориентированных на север (Сымонович 1978, 110; 1983, 40; Petrauskas 2003, 233.234.269.270), в анализируемом нами могильнике ситуация представляется по-другому. Так, констатируется что из общего числа в 89 могил с западной ориентировкой, не менее 36 были разрушены в древности (40%). При этом подчеркиваем, что мы не учли 17 детских (разных возрастов) погребений, когда не могла быть точно установлена причина отсутствия многих костей – воздействие гумусированных кислот или ритуальное вторичное вскрытие захоронений, – и другие пять могил, ориентированные по направлению запад-восток, в которых не было обнаружено никакого следа скелета. Для сравнения отметим, что из 56 погребений с общей северной ориентировкой, 26, что составляет около 46%, разрушены в древности. Это количественное соотношение, даже если оно немного больше, чем для разрушенных комплексов ориентированных на запад-восток, все-та-

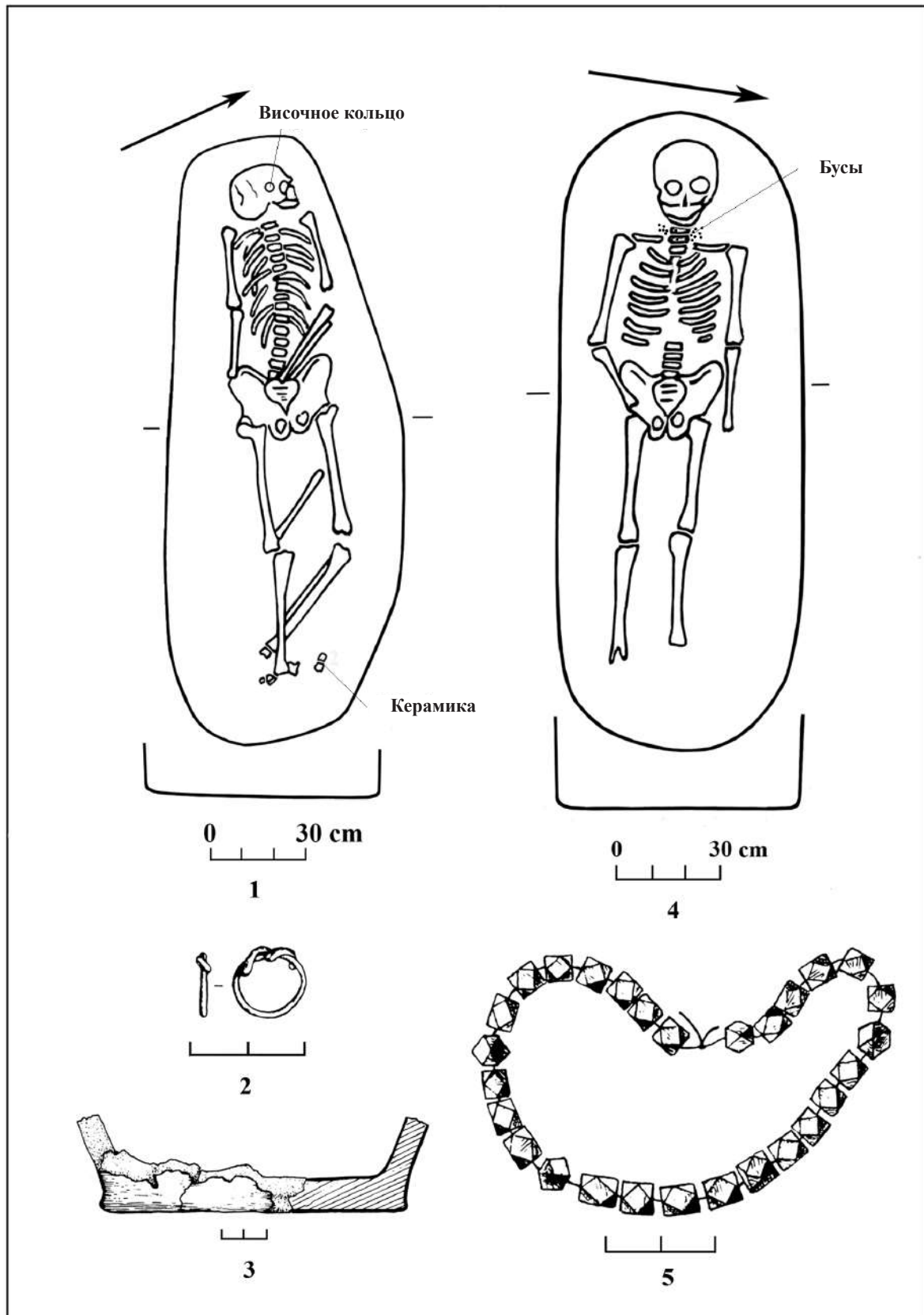

Рис. 4. Брэвичень. План и инвентарь погребений 55 (1, 2, 3) и 59 (4, 5).

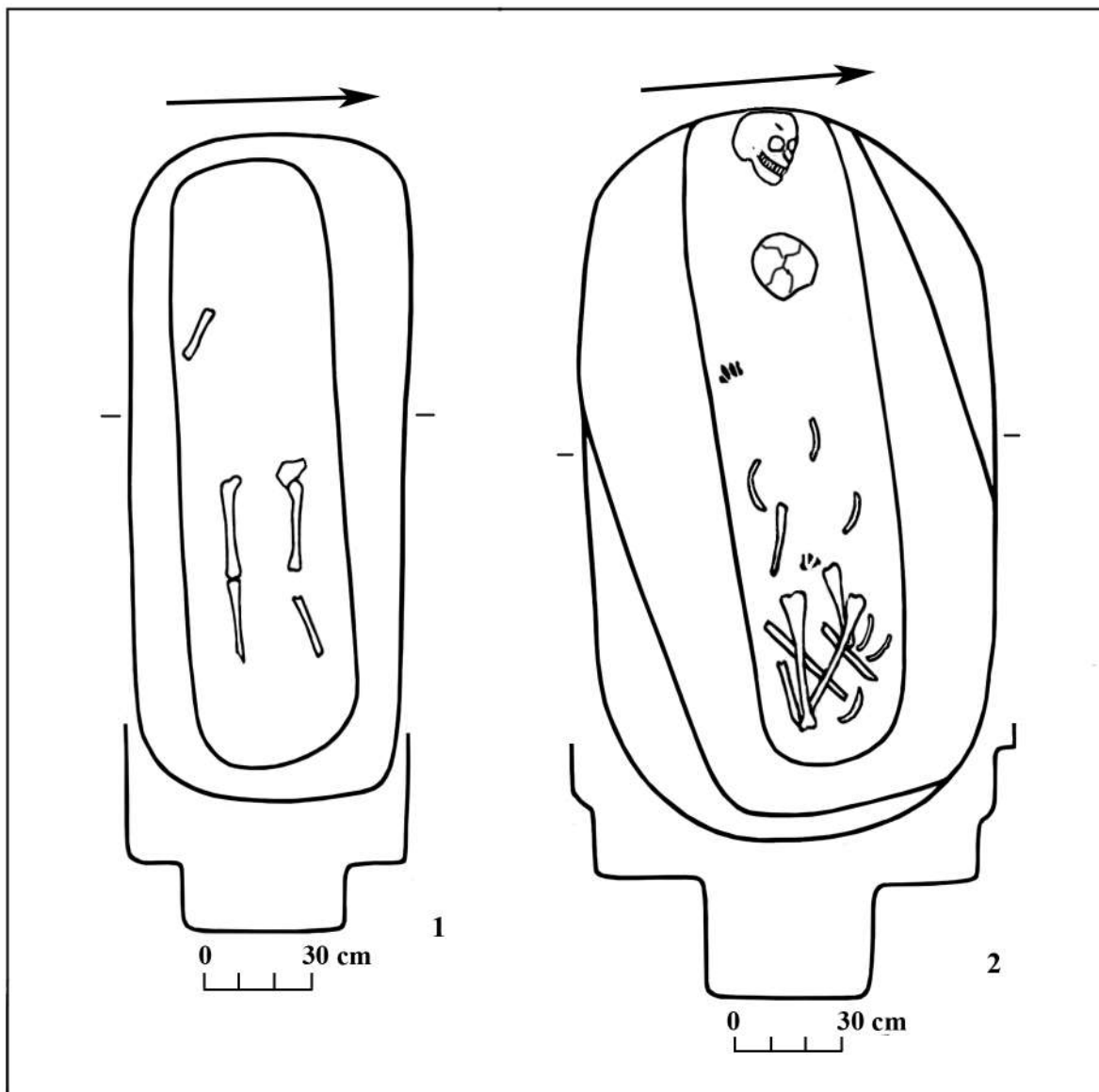

Рис. 5. Брэвичень. Погребения 89 (1) и 90 (2).

ки, намного меньше установленной, к примеру, в черняховских могильниках Гавриловка, Журавка и Косаново, где разрушенные захоронения с расположением север-юг составляют более 50%, а ориентированные запад-восток менее 15% из общего числа ингумаций (Сымонович 1983, 65.69; Petrauskas 2003, 233.234.269.270).

В связи с этим отмечаем, что относительно высокий процент разрушенных в древности могил выявлен в небольших могильниках Ботошань-Дялул Кэрэмидэрией (Zaharia, Zaharia 1969, 171; 1975, 215). Так, из 23 вскрытых до сих пор погребений, шесть (что составляет около 26%) были разрушены (там же).

Относительно потревоженных захоронений культуры Сынтана де Муреш-Черняхов, нужно подчеркнуть, что некоторые скелеты были разрушены полностью, а некоторые частично, когда кости разбросаны или наоборот, собраны в кучку на дне ямы. Иногда часть скелета сохранена в изначальной позиции, а другая часть разбросана. Интересно отметить что в некоторых некрополях, например Бырлад-Валя Сяжэ и Будешть, больше разрушенных полностью или почти полностью погребений (Palade 2004, 111-142; Vornic 2006, 173), а в других – как Михэлэшень – доминируют частично разрушенные, преимущественно в области грудной клетки (Şovan 2005, 200).

В Брэвичень выявлена интересная ситуация, которая может иметь какое-то религиозное значение, трудно объяснимое на данном этапе исследования: если в случае захоронений западно-восточной ориентировки больше частично разрушенных (21), то из расположенных в направлении север-юг преобладают разрушенные полностью (15).

Было замечено, что у большинства частично разрушенных погребений из Брэвичень, также как и на других схожих кладбищах, повреждена верхняя часть скелета, преимущественно грудная клетка, иногда были затронуты руки, череп, кости таза и берцовые кости. В некоторых случаях, остатки костяка находились в погребальной яме, в других кости не перезахоронили. Относительно полностью разрушенных захоронений установлено, что иногда обратно в могилу клали все кости скелета, а иногда лишь их часть.

Выделяются погребальные комплексы без следов скелета. Их всего девять, из которых пять ориентированы по линии запад-восток (П.43, П.45, П.73, П.98 и П.99), три север-юг (П.63, П.64, П.100) и один северо-запад – юго-восток (П.56). Некоторые погребения (П.43, П.63, П.73, П.98 и П.100), судя по маленьким размерам ям, могут быть захоронениями детей, чьи скелеты полностью истлели. Остальные же могут представлять собой или разрушенные совсем ингумации, кости из которых так и не были перезахоронены, или, скорее всего, кенотафы. Подобные комплексы, в которых скелеты отсутствуют полностью, инвентарные или безынвентарные, интерпретированные чаще как кенотафы, обнаружены и в других могильниках культуры Сынтана де Муреш-Черняхов: Спанцов (Mitrea, Preda 1966, 124.128), Бырлад-Валя Сякэ (Palade 2004, 156), Михэлзень (Şovan 2005, 195), Герэсень (Constantinescu 2007, 60), Фурмановка (Сымонович 1988, 154.157) и др.

Археологические исследования ясно доказывают, что характерной особенностью захоронений с западной ориентировкой из некрополей культуры Сынтана де Муреш-Черняхов является отсутствие, в общем, инвентаря, в частности, жертвенной пищи. В отношении ситуации в Брэвичень, нужно отметить что из точно установленных 89 западных ингумаций, безынвентарны не менее 65, что составляет около 71%. В действительности соотношение даже больше, потому что в этом расчете не учтено П.21, в котором обнаружено только несколько зубов лошади(?), а также другие пять, в которых найдены только невыразительные фрагменты керамики (П.18, П.128, П.156 и П.166) или бесформенный кусочек бронзы (П.12). Остальные захоронения, ориентированные по оси запад-восток, содержали,

как правило, бедный инвентарь, состоящий преимущественно из предметов-украшений и деталей одежды.

Восемь захоронений (П.19, П.25, П.40, П.59, П.65, П.81, П.116 и П.148) содержали в качестве инвентаря исключительно ожерелья из бус или по одной бусине. В составе одного разрушенного в древности погребения (П.145), помимо стеклянной бусины, обнаружены еще несколько невыразительных фрагментов керамики. В другом, частично разрушенном погребении 135 (рис. 8), кроме ожерелья из многочисленных коралловых(?) и изготовленных из цветного стекла бус, найдены восемь (неопределенного назначения - игральные фишки?) маленьких костей животных. По одной нитке стеклянных или сердоликовых бус обнаружено также в П.71 и П.114, которые оказались относительно богаче: П.71 содержало еще серебряную пряжку, две бронзовые фибулы и железный нож, а П.114 – бронзовый пинцет и глиняный кувшин, расположенный на уровне пятки правой ноги (рис. 10, 1).

Два захоронения, расположенных по направлению запад-восток (П.103 и П.152), из которых одно разрушено в древности, в качестве инвентаря имели по одной бронзовой фибуле, а нетронутое погребение 36 – бронзовую пряжку и два фрагмента керамического сосуда, находящихся на тазовых костях.

Интересный случай представляет детское погребение 42, которое содержало бронзовое височное кольцо и две просверленные серебряные монеты, положенные одна на лбу, другая во рту усопшего. Отверстия монет указывают на их употребление в качестве украшений. С другой стороны, факт нахождения монет на лбу и во рту погребенного напоминает про «обол Харона», древний обычай греко-римской традиции, заимствованный и некоторыми «варварскими» народностями в процессе романизации.

Кроме погребения 114, о котором мы уже упоминали, по одному сосуду для питья, а именно стеклянные кубки, находились и в погребении 70 и погребении 108. Оба эти захоронения были разрушены в древности, первое полностью, а второе частично, *in situ* сохранились в нем только кости ног и стеклянный тонкостенный конический кубок, положенный в юго-западный угол погребальной ямы.

В двух погребальных комплексах западно-восточной ориентировки из Брэвичень (П.3 и П.55) отмечен обычай помещения возле умершего жертвенной пищи. В заполнении погребения 3, которое не было потревожено в древности, над скелетом, находились кость животного, оставшегося от жертвенного мяса, и два фрагмента глиняных сосудов.

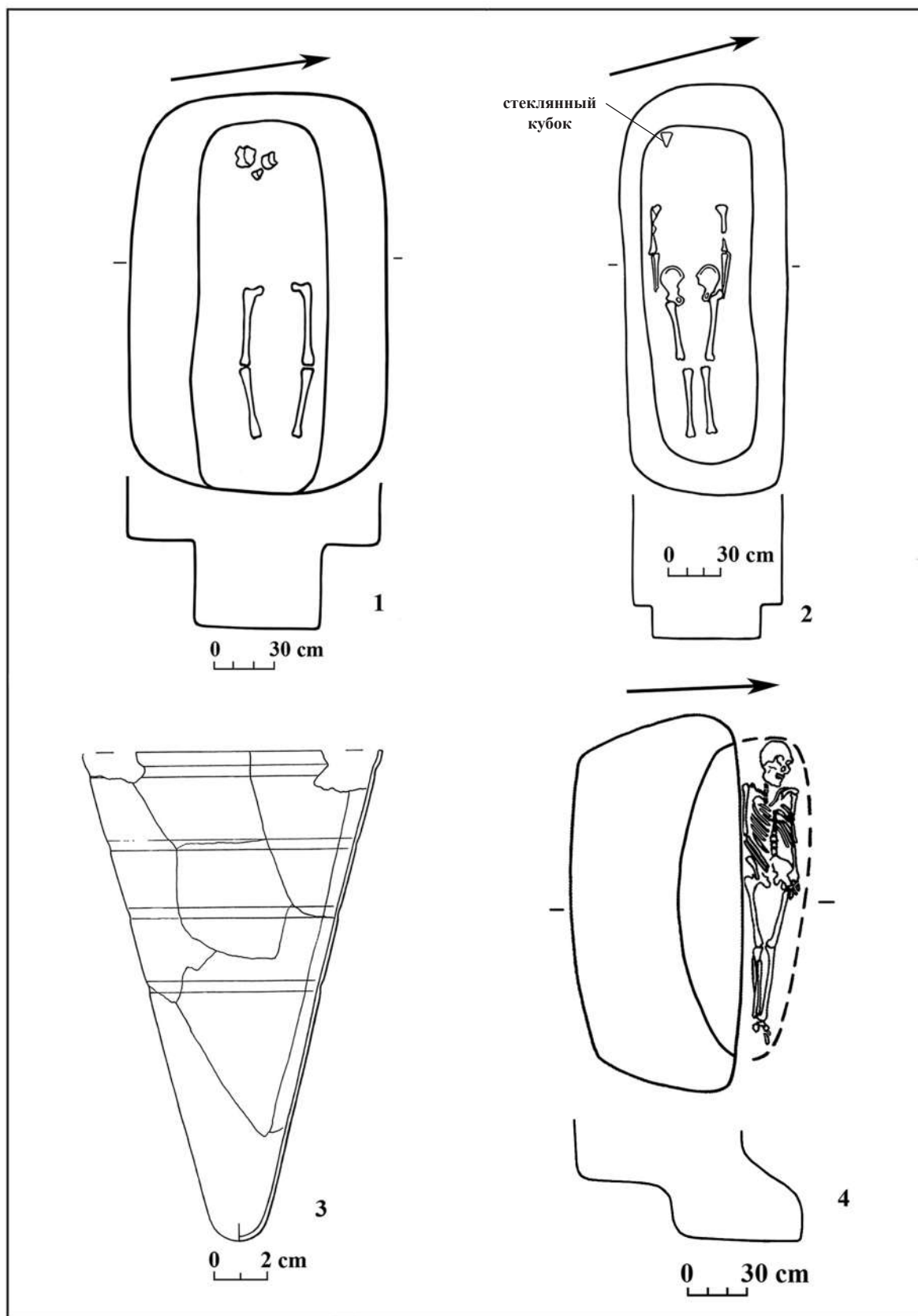

Рис. 6. Брэвичень. План и инвентарь погребений 105 (1), 108 (2, 3) и 147 (4).

Один фрагмент представлял обломок краснолаковой миски; другой – осколок лепного горшка. Оба этих сосуда наверное были ритуально разбиты во время похорон. О наличии жертвенной пищи в погребении 55 может свидетельствовать фрагментированный, изготовленный из грубого теста лепной горшок, который был положен у ног усопшего. Обращаем внимание на наличие среди предметов инвентаря этого захоронения и височного кольца, из бронзовой проволоочки, находящегося на правом виске погребенного.

В связи с вышеизложенным, отмечаем следующее: если сосуды для питья (кубки, кувшины, кружки или амфоры) встречаются иногда в захоронениях с западно-восточной ориентировкой культуры Сынтана де Муреш-Черняхов, то жертвенное мясо животных и сосуды для жертвенной пищи появляются в них исключительно редко. К некрополям западного ареала этой культуры, в которых встречается обычай возложения стеклянных кубков или глиняных кувшинов и амфор возле усопшего, ориентированного головой на запад, относятся такие могильники как Холмское, П.51 (Гудкова, Фокеев 1984, 70.71), Слобозия-Кишкэрень, П.10 и П.36 (Левинский 1999, 126.149), Будешть, П.166 (Vornic 2006, 125), Индепенденца, П.20 (Mitrea, Preda 1966, 53), Боанка, П.9 (Munteanu, Rădulescu 1992, 127), Кэлэрашь, П.1 (там же, 132), Бырлад-Валя Сякэ, П.112 (Palade 2004, 116) и Михэлэшень, П.405, П.426 и П.466 (Şovan 2005, 122.127.134.228). Обычай помещения в могилах жертвенного мяса животных и сосудов для пищи достоверно засвидетельствован в таких могильниках, как Дэнчень, П.145 (Рафалович 1986, 58), Бырлад-Валя Сякэ, П.310 (Palade 2004, 116) и Михэлэшень. В последнем некрополе фрагменты костей животных идентифицированы в пяти захоронениях с западной ориентацией, а сосуды для жертвенной пищи – в одном таком захоронении (Şovan 2005, 228).

Интересно будет, думаем, подчеркнуть тот факт, что по сравнению с ориентированными на запад погребениями из черняховских могильников, в большом раннехристианском некрополе из Мангалии (*Каллатиса*) сосуды для питья, стеклянные или глиняные, встречаются чаще, в то время как кости животных отсутствуют вообще (Preda 1980, 25-34.84-114). Другая картина вырисовывается для могильников V в. н.э. из Ботошань-Дялул Кэрэмидэрией, где в захоронениях нет совсем ни сосудов – стеклянных или глиняных, – ни костных остатков мяса животных (Zaharia, Zaharia 1969; 1975).

Возвращаясь к анализу разных ритуально-обрядовых элементов, выявленных у ориентированных на запад погребений из Брэвичень, отметим что в

некоторых случаях в заполнении могильных ям обнаружены остатки огня, точнее, древесные угольки, наличие которых можно связывать с верованием об очищении огнем «навечного жилища» и усопшего. Нужно отметить еще, что из четырех расположенных по оси запад-восток захоронений, в которых документирована эта практика, три (П.12, П.38 и П.41) были разрушены в древности, и угольки (в разном количестве) найдены в заполнении могильных ям. В единственном нетронутым таком погребении (П.156), где скелет лежал на спине с вытянутыми вдоль корпуса руками и прямыми ногами, угли находились около черепа, точнее с его правой стороны. Для того, чтобы как можно правильнее представить себе место и роль древесного угля в погребальных комплексах Брэвиченского могильника, нужно уточнить, что его наличие отмечено и в семи захоронениях, ориентированных по линии север-юг (П.1, П.2, П.17, П.27, П.137, П.160 и П.161), в одном северо-запад – юго-восток (П.154), а также в одном с неуточненной ориентировкой. Но с этой точки зрения, древнее кладбище Рэутской долины не представляет исключения от правил по сравнению с другими однотипными, потому что, как доказывают исследования, следы огня в форме угольков больше отмечались в могилах, расположенных по оси север-юг (Никитина 1985, 55).

В этом контексте подчеркнем, что фрагменты древесного угля были найдены и над тремя скелетами с западно-восточной ориентировкой из могильников гуннской эпохи из Ботошань-Дялул Кэрэмидэрией (Zaharia, Zaharia 1975, 208-210). Отметим, что в одном из этих погребений, П.12, угли были положены и в рот усопшему. Значение этого ритуального действия сложно выяснить (там же). Гипотезу о том, что захоронения с уголками из Ботошань-Дялул Кэрэмидэрией оставлены дако-романцами, принявшими христианство, а ранее хоронившие сородичей путем трупосожжения (Madgearu 2001, 72), считаем маловероятной, так как она не основывается на археологических и антропологических данных. Хотя, что касается религии, захоронения с западной ориентировкой, содержащие древесные угольки, принадлежали, наверняка, христианам. С точки зрения этно-культурной принадлежности, думаем что погребенные в этих некрополях были, скорее всего, остроготы или аланы, находящиеся под властью гуннов.

Наконец, в связи с ингумациями западной ориентировки из Брэвичень, нужно добавить еще, что в двух случаях, в погребении 46 и погребении 48, были отмечены следы в виде белых меловых пятен и даже кусочки мела, минерала с такой же символической функцией очищения, по всей видимости,

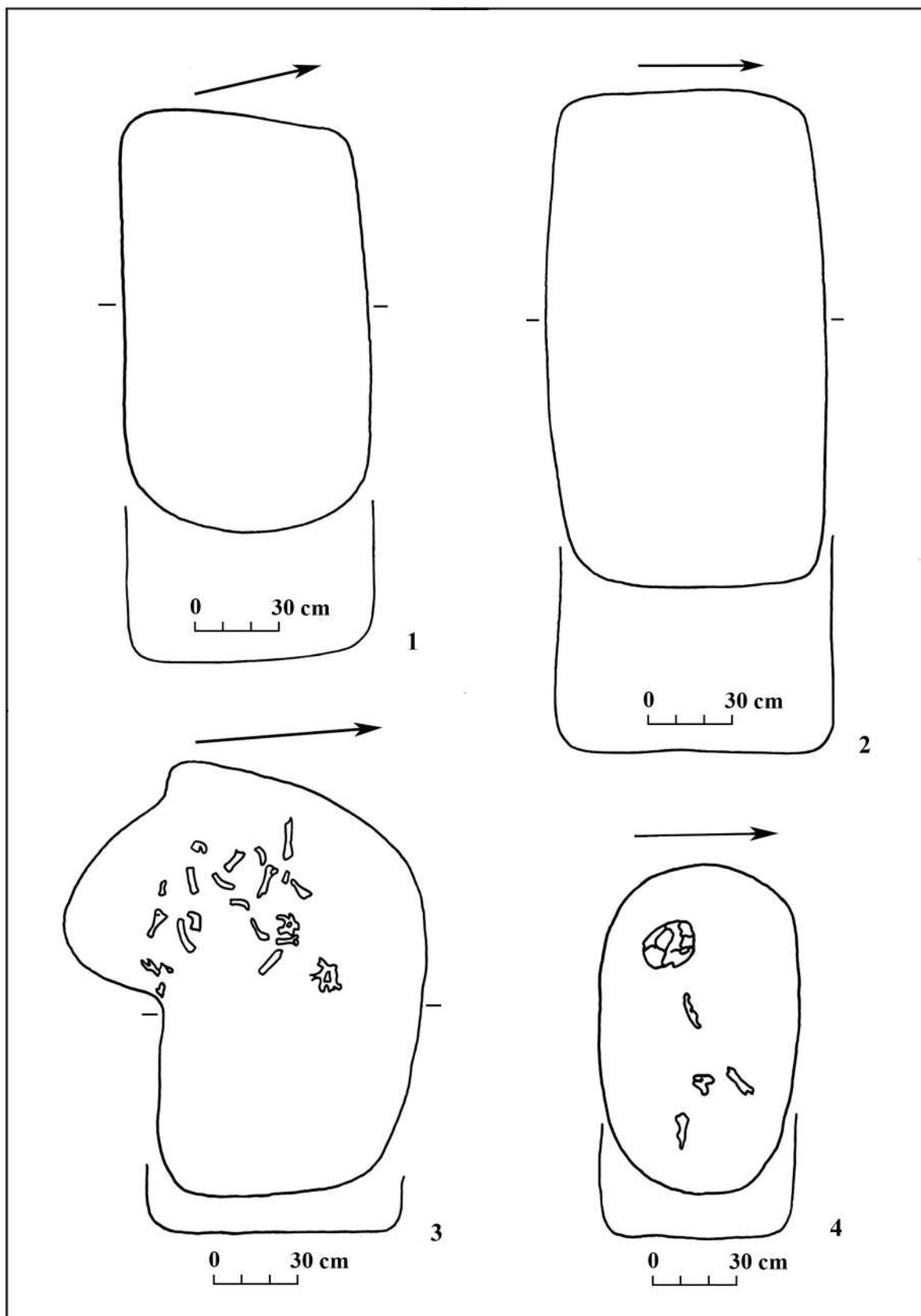

Рис. 7. Брэвичень. Погребения 127 (1), 128 (2), 138 (3) и 139 (4).

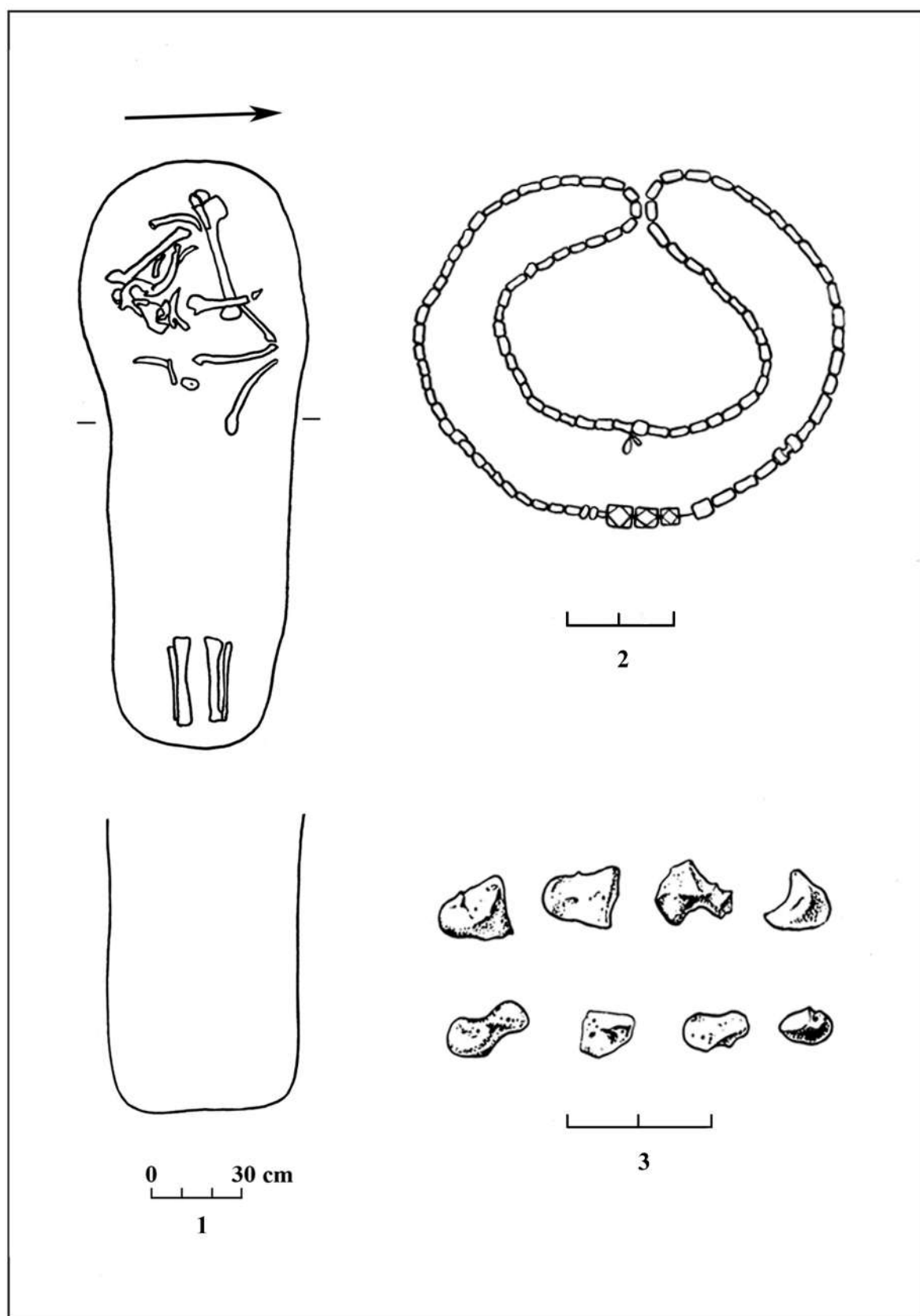

Рис. 8. Брэвичень. План и инвентарь погребения 135.

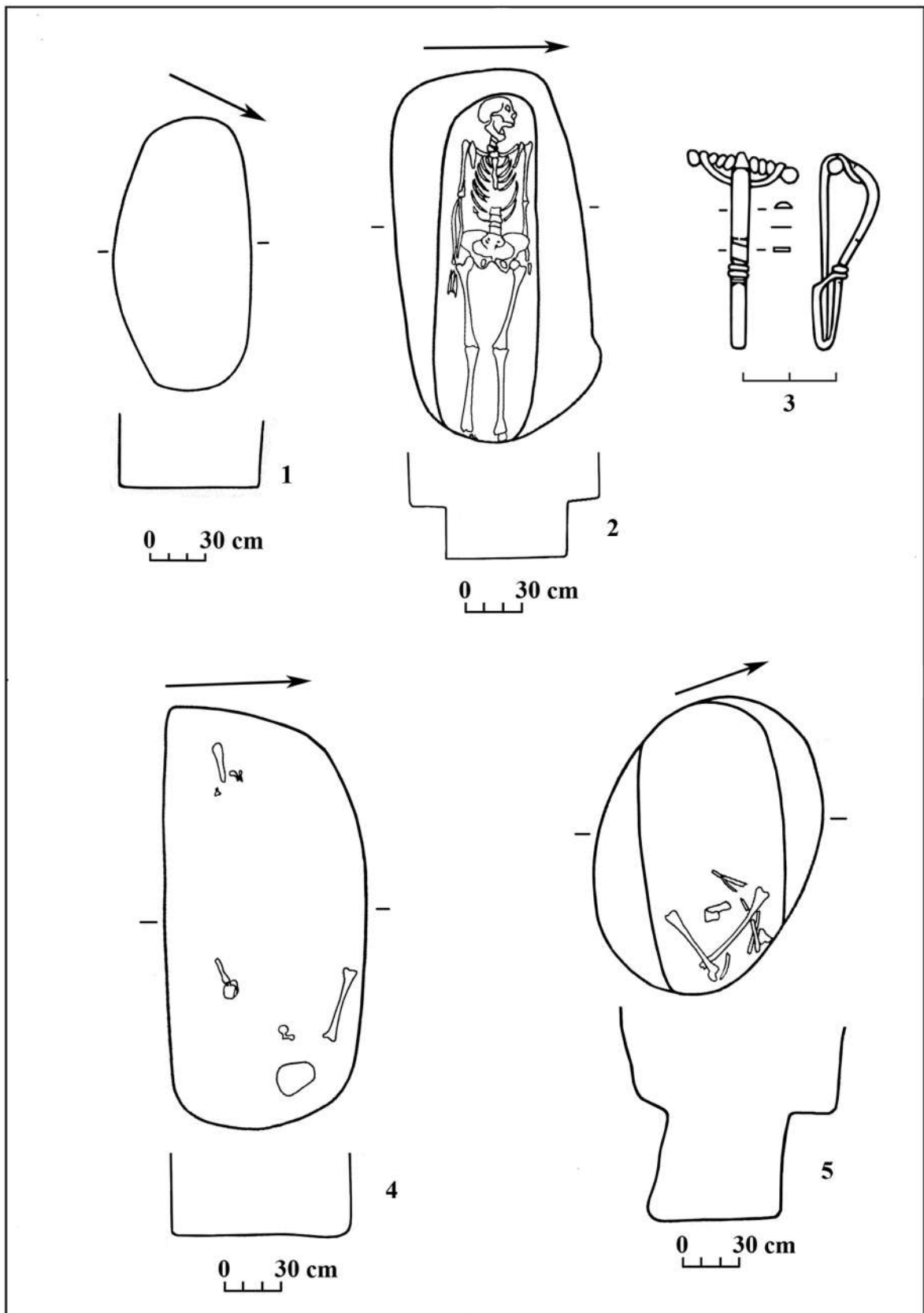

Рис. 9. Брэвичень. План и инвентарь погребений 150 (1), 152 (2, 3), 153 (4) и 154 (5).

как и огонь. А культ огня был знаком черняховской общности из Брэвичень, как доказывает и трупосожжение из этого могильника. Насколько мы знаем, обычай подсыпки мела не был отмечен в захоронениях из других могильников культуры Сынтана де Муреш-Черняхов, зато относительно часто практиковался сарматскими племенами в предыдущие века (Vâgșă 2006, 54).

Как мы уже отметили в самом начале настоящей работы, проблематика черняховских захоронений, расположенных по оси запад-восток, представляет огромное значение для познания реальностей духовного плана, происходящих на протяжении IV в. н.э. и в начале следующего в среде этих многочисленных общностей, которые, в этническом аспекте, были, наверное, в большей степени неоднородными. Конечно, имеем в виду, в первую очередь, феномен появления и распространения христианства в среде носителей культуры Сынтана де Муреш-Черняхов, потому что большинство специалистов связывают появление погребальных комплексов западной ориентировки именно с этим феноменом.

Как известно, ориентированные на запад захоронения, безынвентарные или с бедным инвентарем, были открыты уже в первых могильниках эпонимной культуры, соответственно в Сынтана де Муреш и Черняхов, а также Ромашки (Kovács 1912, 345-349; Ioniță 1966, 223-226; Брайчевский 1960, 108.109; Петров 1964; Сымонович 1967). Но эти захоронения были выделены и рассмотрены как отдельная группа погребальных комплексов только в 50-е годы прошлого века, когда Э.А. Сымонович произвел археологические раскопки и опубликовал результаты исследования могильников Данилова Балка и Гавриловка (Сымонович 1952; 1955). Несмотря на то, что количество ориентированных по оси запад-восток погребений не было так велико, тогда уже стало ясно, что они представляют ряд характерных особенностей, которые выделяют их в определенной мере от ориентированных по линии север-юг. Основная особенность ориентированных на запад захоронений, во-первых – полное отсутствие или бедность инвентаря. Затем следуют большая глубина погребальных ям; довольно часто отмечено наличие заплечиков-уступов (продольные или по всему периметру могилы); древесные остатки от досок – гроба или перекрытия, а также сохранение скелетов этих погребений *in situ* (как правило), в то время как большинство костяков из могил с северной ориентировкой разрушены в древности. По поводу хронологии захоронений, расположенных по направлению запад-восток, на основании некоторых стратиграфических данных и элементов инвентаря, было доказано, что они дати-

руются в пределах поздних фаз существования могильников, отнесенных Э.А. Сымоновичем к концу IV – V в. (там же).

Относительно религиозной принадлежности захороненных головой на запад усопших из исследованных некрополей культуры Сынтана де Муреш-Черняхов, учитывая, с одной стороны, ориентировку, отсутствие как правило инвентаря, в т.ч. жертвенной пищи, и другие характерные особенности, а с другой стороны, сообщения древних письменных источников об евангелизации «варварских» племен на востоке Европы, процитированный археолог выдвинул гипотезу, что данные захоронения отражают процесс принятия христианства некоторой частью носителей черняховской культуры (Сымонович 1955, 309.310). Этой точки зрения придерживался Э.А. Сымонович и потом в ряде работ, в которых затрагивалась анализируемая категория комплексов (Сымонович 1963, 59.60; 1970, 116-118), а в специальном исследовании, посвященном проблеме распространения христианства среди носителей культуры Сынтана де Муреш-Черняхов, опубликованном в 1978 году, он приводит новые аргументы в поддержку своей гипотезы. Из них заслуживают особого внимания несколько известий древних авторов и некоторые близкие аналогии западным захоронениям из «варварской» среды юго-восточного региона на римских раннехристианских кладбищах Сагвар (Ságvár) и Пеш (Pécs), из которых выделяется во-первых наличие в некоторых христианских захоронениях украшений, аксессуаров одежды и сосудов для питья: кубки, кружки, кувшины, амфоретки из стекла или глины (Сымонович 1978).

Мнение, что ориентированные на запад захоронения из могильников культуры Сынтана де Муреш-Черняхов принадлежали христианам, недавно принявшим эту веру, разделяют и другие исследователи, такие как Ю. Кухаренко (Кухаренко 1958, 68), Г. Федоров (Федоров 1958, 236; 1960, 89.90), Э. Рикман (Рикман 1975, 251.252), Б. Митря, К. Преда (Mitrea, Preda 1966, 160.161), И. Ионицэ (Ioniță 1971, 59.60; 1982, 107-110; 1995; 2001, 690-692), И. Хика-Кымпяну (Hica-Câmpeanu 1979, 164), К. Хоредт (Horedt 1982, 195.196), Д. Теодор (Teodor 1991, 80), А. Левинский (Левинский 1999, 165), Е.М. КонстантINESКУ (Constantinescu 1999, 105.110.111) и О.Л. Шован (Șovan 2005, 228-230).

Отдельные специалисты, однако, не разделяют эту точку зрения, связывая западные погребения анализируемой культуры либо с развитием некоторых семейных и локальных традиций (Maczup-ska 1996, 341), с верованиями в солнечные культы языческого населения, не принявшего еще христианства (Zugravu 1997, 328.410), либо с некоторыми

племенами и общностями скифо-сарматов (Седов 1979, 97), славян (Седов 1994, 273) или поздних скифов (Магомедов 2001, 38.39). В то же время нужно отметить, что есть археологи, такие как Г. Диакону, К. Опряну, В. Бирбрауер и М. Щукин, которые выразили свои сомнения в отношении христианской принадлежности этих захоронений, не предлагая при этом никаких объяснений по поводу их появления (Diaconu 1970, 39; Orgeanu 1995, 237; Bierbrauer 1999, 223; Щукин 1999, 96).

Своеобразная точка зрения у А. Маджеару по поводу данной проблематики. Он считает христианскими лишь те из ориентированных на запад погребений, которые безынвентарны и совершены в простой яме, а произведенных в ямах с уступами-заплечиками относит к сарматам, не принявшим христианство (Madgearu 1994, 489; 2001, 62-66). Нужно отметить, однако, что хотя захоронения в яме с заплечиками и характерны для некоторых сарматских племен, они датируются периодом до сложения культуры Сынтана де Муреш-Черняхов, а их ориентация не запад-восток, как ошибочно думает А. Маджеару (Madgearu 1994, 489; 2001, 48.62-66). Погребальные комплексы с такой ориентировкой из Тисской Долины, на которые он ссылается, датируются преимущественно гуннским временем (Parducs 1959, 381-384) и связываются частью специалистов также с распространением христианства (Sâmpetru 1992, 140.141; Zugravu 1997, 411).

Относительно захоронений в ямах с уступами из некрополей культуры Сынтана де Муреш-Черняхов, атрибутированных почти всеми специалистами к сарматским элементам, интегрированным в этой культуре, Б. Магомедов отметил, что уступы-заплечики встречаются и в античных центрах Северного Причерноморья, служа часто для устройства перекрытий из досок или каменных плит (Магомедов 1987, 41; 2001, 35.36). Они также выявлены и в некоторых некрополях из регионов, контролируемых готскими племенами. Следовательно, ориентированные по оси запад-восток комплексы с такими устройствами из «варварской» среды могут происходить не от сарматских традиций, как обычно считается, а скорее всего от влияний, полученных из греко-римской среды.

В отношении культурно-религиозной интерпретации ориентированных на запад погребений из могильников культуры Сынтана де Муреш-Черняхов, считаем что гипотеза, по которой они в большей степени или даже все принадлежат христианам, самая вероятная, несмотря на то, что веских археологических аргументов в ее пользу пока нет. Конечно, имеем в виду отсутствие в них христианских предметов или символов, так как это было

отмечено, к примеру, в некоторых расположенных по направлению запад-восток могилах из поздне-римских или римско-византийских некрополей из Мангалии (*Каллатуса*) (Preda 1980, 81.82), Сагвар (Burger 1966, 99-234) и Ново-Отрадное (Сымонович 1978, 108).

В действительности, во всем ареале культуры Сынтана де Муреш-Черняхов до настоящего времени известен лишь один достоверно христианский предмет – это стеклянный медальон с изображением Пророка Даниила в яме со львами, найденный в погребении 123 могильника Михэлэшень (Şovan 1987, 229.230, fig. 2,9.13; 2005, 47.48.228, pl. 68,30; Ioniță 1995, 261; Zugravu 1997, 337; Madgearu 2001, 67). Но этот погребальный комплекс был ориентирован по направлению север-юг и содержал очень богатый инвентарь, в т.ч. несколько сосудов для пищи и костные остатки от жертвенного мяса, из-за чего не может считаться христианским, как необоснованно думают некоторые специалисты (Teodor 1991, 80). Все же, нужно отметить что погребение 123 находилось в зоне, где преобладающими были безынвентарные западные комплексы, принадлежащие христианам, и по мнению исследователя этого ценного археологического комплекса, данное обстоятельство свидетельствует о сосуществовании языческих верований и обычаев с ранним христианством и о широкой религиозной толерантности того времени (Şovan 1987, 233; 2005, 228). Судя по расположению могил с западной ориентировкой и в остальных некрополях культуры Сынтана де Муреш-Черняхов (в т.ч. в Брэвичень, где они находятся среди захоронений с северным направлением), наверное действительно у этих общностей была большая религиозная толерантность, независимо от принадлежности к христианству или к древним языческим верованиям усопших, также как полагают и другие исследователи (Ioniță 1995, 260).

В связи с проникновением христианства в Карпато-Дунайскую и Северо-Причерноморскую Готию ставились некоторыми исследователями и крестообразные знаки, изображенные на ряде глиняных сосудов, обнаруженных на нескольких памятниках культуры Сынтана де Муреш-Черняхов, таких как: Кырлиж, Яшь-Николина, Бэрбоаса, Дэнчень, Тэкута, Ромашки и Лепесовка (Teodor 1991, 78.79.121, fig. 3; Ioniță 1999, 101; fig. 10; Сымонович 1978, 111; Щукин 1999, 95.96, рис. 13). Отмечаем, что такое же религиозное значение было присвоено некоторыми специалистами и крестообразному знаку, нанесенному на глиняном светильнике (имитация римского) из поселения Собарь (Pora 1997, 126, Abb. 8,2; Niculiță, Pora 2000, 69-120, fig. 32). Если в случае простого крестообразного знака мы не исклю-

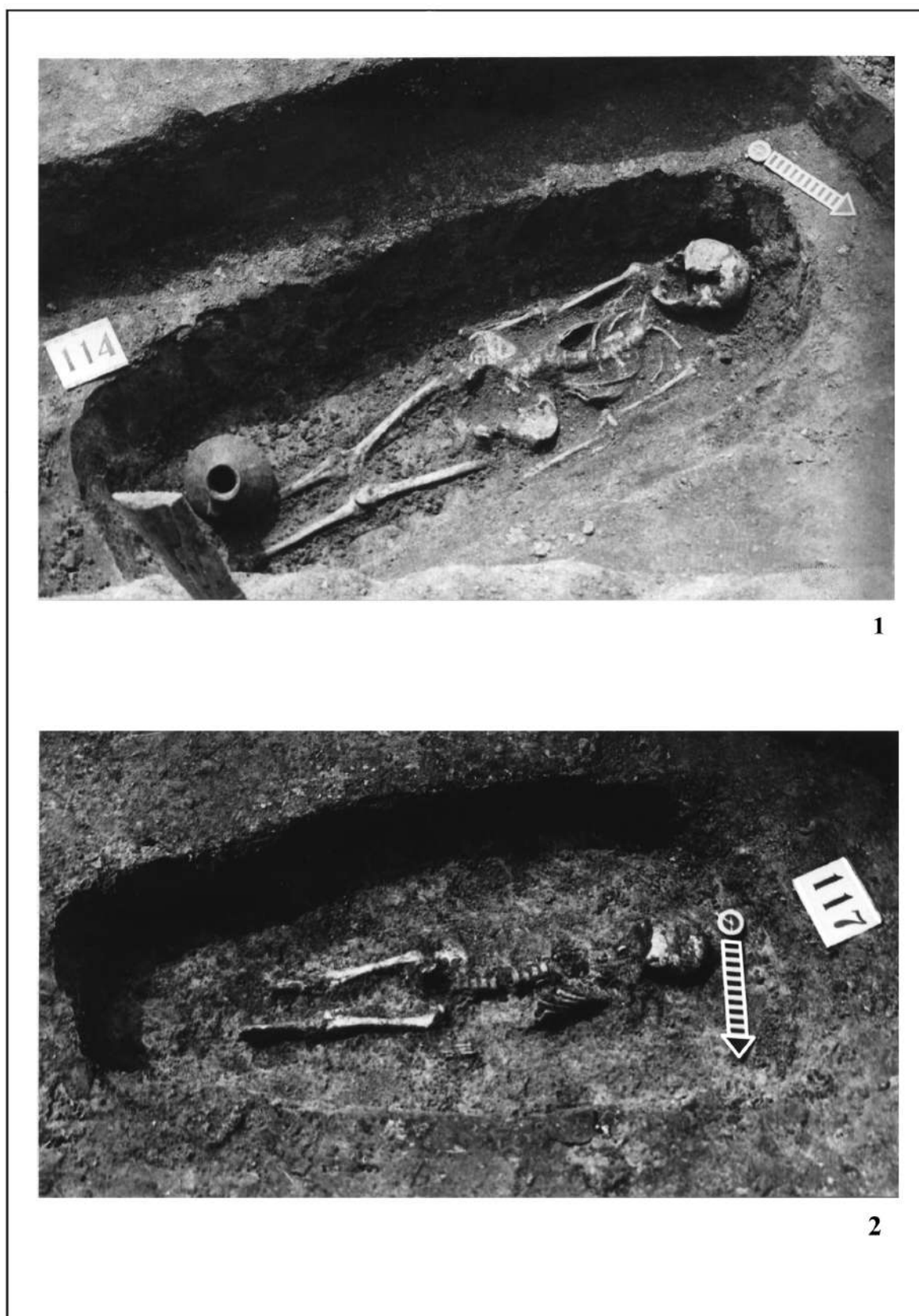

Рис. 10. Брэвичень. Погребения 114 (1) и 117 (2) *in situ*.

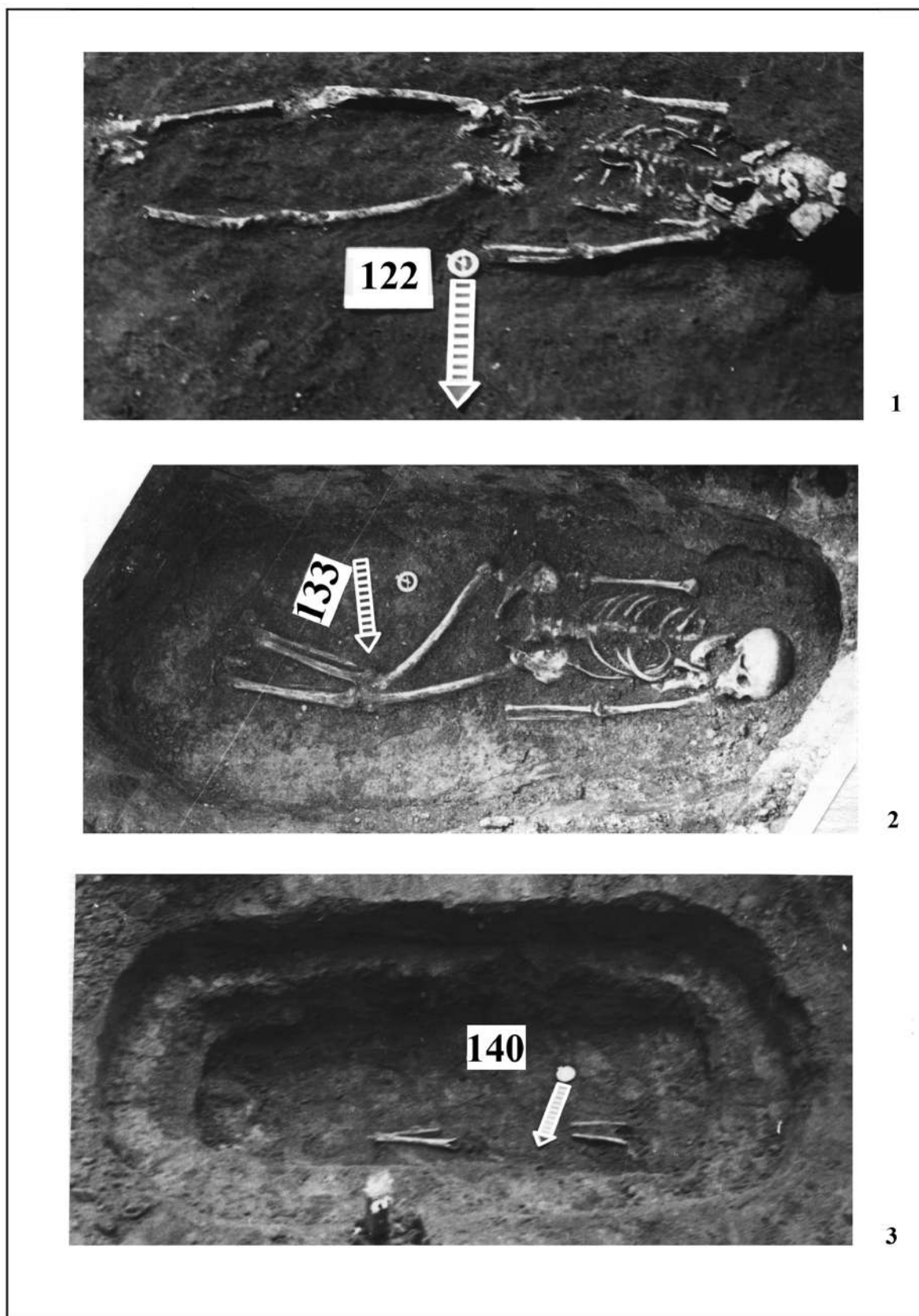

Рис. 11. Брэвичень. Погребения 122 (1), 133 (2) и 140 (3) *in situ*.

чаем его связи с христианством, представляя *crucis religiosi*, то свастики, как было убедительно доказано, изображают солнечные символы, связанные с древними верованиями и религией германских племен (готов и вандалов), основных создателей культурного комплекса Сынтана де Муреш-Черняхов (Ioniță 1999, 104).

С процессом распространения христианства среди носителей культуры Сынтана де Муреш-Черняхов из региона к востоку от Карпат связывали некоторые исследователи и находку в известном поселении Трушешть римской амфоры IV века с надписью красной краской *Makarios*, придавая надписи религиозный смысл (Zugravu, Alexianu 1996-1997). Но, как подчеркивали уже другие специалисты (Madgearu 2001, 67), амфора, как сосуд для транспортировки вина или оливкового масла, во-первых, попала в земли севернее Дуная именно в этом качестве. Поэтому маловероятно, что надпись, нанесенная в технике *tituli picti* на горле данного сосуда, имела какой-то религиозный смысл (вернее, христианское значение) для жителей «варварского» поселения из бассейна Прута, такое, какое она представляла, несомненно, для жителя из Римской империи того времени.

Относительно двух керамических поделок из Алчедара (Федоров 1960, 262.280-283, табл. 65,3) и Пэлатки (Nica-Câmpreanu 1976, 27.30, Abb. 7,2; 9,2.3), которых считали печатями для просфор (Horedt 1982, 116.164.165, Abb. 46,8; Teodor 1991, 80.155, fig. 3,1; Zugravu 1997, 290.337; Protase 2001, 395.398, fig. 84,1), как уже было отмечено в специальной литературе, их датировка IV в. малоубедительна, скорее они датируются ранним средневековьем (VI или VI-VII вв.) (Madgearu 2001, 42.119.122.170).

Думаем, тут подходящее место подчеркнуть, что в отношении находок раннехристианских вещей, ситуация в Восточно-Карпатской и Северо-Понтийской Готии существенно отличается от ситуации в зоне бывшей римской провинции Дакия, где найдены около 15 достоверных христианских предметов и приблизительно столько же с сомнительным христианским характером, датирующихся IV и первой половиной V в. (Madgearu 2001, 115-119). Отмечаем также, что в нескольких некрополях некоторых бывших римских городов из региона внутри Карпатских гор (Трансильвании), таких как *Апулум* (современный город Алба Юлия в Румынии), *Напока* (современный город Клуж в Румынии) и *Потауса*, было вскрыто относительно большое число безынвентарных могил или с очень бедным инвентарем, состоящим преимущественно из деталей одежды и украшений (Protase 1971, 125-

135; Madgearu 2001, 46). Эти захоронения, хоть и считаются большинством исследователей христианскими, как и погребенные головой на запад усопшие из ареала культуры Сынтана де Муреш-Черняхов, не содержали ни одной вещи христианского типа или предметов с характерными для ранних христиан знаками в качестве инвентаря, так как это было зафиксировано в некоторых раннехристианских могильниках *intra Imperii*.

Остановившись подробнее на аргументах в пользу атрибуции христианам этой группы захоронений из Готии и бывшей провинции Дакия, подчеркиваем, во-первых, их ориентировку по оси запад-восток и отсутствие как правило инвентаря, в частности пищевых жертвоприношений. Как было убедительно доказано специалистами в области раннехристианской археологии, начиная с IV в., могилы христиан почти исключительно ориентированы в западном направлении, но лицом умершие были обращены на восток, который в христианской доктрине символизирует источник света и вечной жизни. Одновременно было показано, что другая характерная особенность этих погребений греко-римской среды позднеримского периода – отсутствие инвентаря, и, особенно, жертвенной пищи.

По поводу жертвоприношений напитков, можно заметить, что они – или, точнее, определенные типы сосудов для напитков и питья (кубки, кружки, кувшины, амфоры) – встречаются еще иногда в раннехристианских могилах на территории Римской империи. Это обстоятельство доказывает, что христианская Церковь какой-то период времени относилась с терпимостью к языческой практике помещать определенные напитки в *domus aeterna* умершего. Как было показано выше, сосуды для напитков и питья появляются и в некоторых захоронениях с западной ориентировкой из могильников культуры Сынтана де Муреш-Черняхов, и этот факт представляет собой другое веское доказательство в поддержку гипотезы, что обсуждаемые в данной работе погребальные комплексы принадлежат христианам.

Достаточно солидным аргументом в пользу христианской атрибуции погребений, расположенных по линии запад-восток из некрополей культуры Сынтана де Муреш-Черняхов, является и их датировка. Еще в 50-е годы прошлого века, на основании данных, полученных в результате исследований могильников Данилова Балка и Гавриловка, Э. Сымонович отнес захоронения с западной ориентировкой к поздней фазе их функционирования (Сымонович 1952, 66-70; 1955, 309). Впоследствии, эта поздняя датировка была полностью подтверждена корреляционным методом анализа находок

из того же памятника Гавриловка (Petrauskas 2003, 270), а также из Индепенденца (Ioniță 1971, 43-60), Косаново (Petrauskas 2003, 234), Михэлэшень (Șovan 2005, 186-188) и Будешть (Vornic 2006, 241).

По некоторым оценкам И. Ионицэ, первые расположенные головой на запад погребения из кладбищ культуры Сынтана де Муреш-Черняхов появляются приблизительно где-то в середине IV в., а в следующие десятилетия, особенно к концу этого столетия и в начале следующего, они стали все более частыми (Ioniță 1995, 261). Несмотря на то, что проблема хронологии культуры Сынтана де Муреш-Черняхов еще не полностью решена, считаем, что датирование ориентированных по оси запад-восток захоронений преимущественно второй половиной IV и V в. достаточно обосновано. Важно отметить в этом контексте, что, с хронологической точки зрения, самые ранние христианские погребения с ориентировкой на запад из провинциально-римских некрополей Сагвар, Мангалия (*Каллатис*) и Пятра Фрекэцей (*Берое*) датируются, возможно, первыми десятилетиями IV в. или, скорее всего, второй четвертью этого столетия, хотя большинство могил все же относятся ко второй половине IV и к следующим векам (Burger 1966; Preda 1980; Petre 1987). Следовательно, в отношении датировки широко ориентированных захоронений, ситуация в Готии в определенной степени соотносится с ситуацией в Римской империи, где христианизация охватила большинство населения провинций только лишь после Эдикта из Медиоланума (совр. г. Милано) 313 года, который дал христианской религии полную свободу.

Другим серьезным аргументом в пользу отнесения расположенных по направлению запад-восток погребений из Восточно-Европейского Барбарикума к первым христианам могло бы послужить и отсутствие среди их инвентаря подвесок-амулетов, которые, как известно, имели и определенную религиозно-языческую значимость². Например, в Брэвичень такие изделия, изготовленные из различных материалов, были обнаружены в семи захоронениях, но все они без исключения были ориентированы по оси север-юг. В то же время, интересно подчеркнуть, что другая категория приблизительно аналогичного инвентаря (бусы, которые имели

лишь роль украшений), выявлена преимущественно в могилах с западной ориентацией.

С другой стороны, некоторые археологические данные, добытые при исследовании расположенных в широтном направлении захоронений ареала культуры Сынтана де Муреш-Черняхов, могут быть использованы в качестве доказательства против нашей интерпретации, т.е. в пользу атрибуции этих комплексов язычникам. Среди них – вытянуто уложенные вдоль тела руки усопших и факт разрушения в древности части погребений, по определенному нехристианскому обычаю³. Но подчеркиваем, при этом, что ни один из этих двух аргументов недостаточно убедителен.

Относительно позиции рук погребенных отмечаем, что хотя для христиан и характерно их уложение на грудь, в IV – V вв. эта традиция не была еще общепринятой даже в римско-византийской среде, как показывают, например, исследования раннехристианского некрополя *Каллатиса*, где у довольно большого количества скелетов руки вытянуты вдоль тела (Preda 1980, 24.84.117), также как это зафиксировано и в большинстве захоронений с широтной ориентировкой из могильников культуры Сынтана де Муреш-Черняхов.

В отношении магико-ритуального обычая вскрытия могил и перезахоронения погребенного, доказано что он относится больше к могилам с меридиональной ориентировкой, а в некоторых некрополях расположенные по линии запад-восток захоронения остались совсем непо потревоженными, *in situ*. Это обстоятельство и позволило Э. Сымоновичу выдвинуть гипотезу, что разрушение могил является следствием идеологического конфликта поколений, между молодыми людьми, принявшими христианство, и их родителями или старшими близкими родственниками, оставшимися верными старым верованиям (Сымонович 1963, 59-60; 1978). Все же, последующие исследования на некоторых могильниках культуры Сынтана де Муреш-Черняхов, таких как Лецкань (Bloșiu 1975, 209.210.237), Бырлад-Валя Сякэ, Богдэнешть-Фэлчиу (Palade 2004, 178) и, особенно, Брэвичень, которые выявили внушительное количество захоронений с западной ориентировкой, не подтверждают этого мнения названного археолога.

² Руководство христианской Церкви постоянно отвергало языческий обычай ношения амулетов и филактерий (Zugrăvescu 1997, 253.279, сноска 314). Но несмотря на это, традиция помещения подвесок-амулетов в «вечном жилье» умерших сохраняется (правда, очень редко) и в некоторых раннехристианских римско-византийских некрополях (там же, 253.279, сноска 315; Preda 1980, 60).

³ Гипотеза, согласно которой потревоженные захоронения культуры Сынтана де Муреш-Черняхов – результат действия грабителей (Mitrea, Preda 1966, 125; Bloșiu 1975, 210; Harhoiu 1996, 288; Никитина 1988, 40) неприемлема, поскольку не подтверждается археологическими данными (Palade 1982, 181-191; 2004, 174-179; Șovan 2005, 200-202; Vornic 2006, 173.174; Vornic 2010; Сымонович 1963, 49-60; Елпашев 1997, 194-199).

Такой же неоправданной оказывается и точка зрения В. Паладе, в соответствии с которой главную причину обычая разрушения ингумаций нужно искать в смешении народов и в синкретизме различных верований, произошедшим в этом периоде; сарматы были первыми, кто начали практиковать, а гето-даки – население, которое преимущественно использовало этот ритуал (Palade 2004, 178.179).

Археологические изыскания ясно показывают, что обычай вскрытия могил и перезахоронения костяков зафиксирован не только в западной части культуры Сынтана де Муреш-Черняхов, где свободные даки и дако-романцы представляли основной этнический элемент в первые века от Рождества Христова, но во всем ее ареале, до левобережья Днестра, на территории, никогда не заселенной даками. Поэтому, появление и генезис анализируемого погребального ритуала может быть объяснен не дако-сарматским «симбиозом», а, скорее всего, присутствием господствующих готских племен, которые контролировали и жили на всей этой огромной территории Восточной Европы.

Что касается причин и значения обычая разрушения и перезахоронения ингумаций в начальном периоде Великого переселения народов, на нынешнем этапе научных знаний их трудно, или даже невозможно точно определить. Нужно отметить все же, что согласно имеющимся данным, этот языческий погребальный ритуал был особенно распространен у многих общностей на ранних и средних этапах эволюции культуры Сынтана де Муреш-Черняхов, а в последующие века широко практиковался и другими мигрирующими народами из разных регионов Европы и Азии. В связи с этой проблемой важно подчеркнуть тот факт, что, хотя разрушения могил и перезахоронения не соответствовали христианским нормам, они встречаются иногда и в раннехристианских некрополях из греко-римской среды (Zugravu 1997, 251.252), продолжая встречаться у румын и у разных других христианских европейских народов (правда, намного реже) вплоть до настоящего времени (Palade 1982, 187, сноска 35; Şovan 2005, 201; Сымонович 1963, 55; Рикман 1975, 280, сноска 38).

Помимо археологических доказательств и аргументов, которые, повторяем, все-таки не бесспорны, в поддержку гипотезы о христианском характере расположенных широтно погребений из Восточно-Карпатской и Северо-Понтийской Готии выступают и данные письменных источников, которые оказываются достаточно убедительными. Поскольку известия древних авторов о принятии христианства готами из регионов к северу от Дуная и с северного побережья Черного моря были

детально проанализированы во многих работах различными румынскими или зарубежными историками и археологами, среди которых В. Пырван (Pârvan 1992), Д. Цайлер (Zeiller 1918), Е. Томпсон (Thompson 1966), Х. Вольфрам (Wolfram 1979), Эм. Попеску (Popescu 1983; 1994), Д. Теодор (Teodor 1991), Н. Зуграву (Zugravu 1997) и др., мы кратко остановимся лишь на нескольких из них, самых представительных в этом смысле.

По некоторым свидетельствам литературных источников, готы и остальные племена, которые господствовали или только жили на обширной восточно-европейской территории в III-IV вв., ознакомились с основами христианской религии еще в середине III в. Таким образом, римский поэт Коммодианус, живший приблизительно во второй половине III в., в 809-820 строках своего *Carmen Apologeticum* пишет, что впоследствии неких набегов около 250-253 гг. в римские провинции, готы набрали много пленных, среди которых и христиан, активно занимающихся миссионерской деятельностью (*apud* Popescu 1983, 261; Teodor 1991, 52).

С еще большей твердостью подчеркнута роль пленных христиан в принятии новой христианской религии готами церковным историком Филосторгиусом, который жил между 368-425 гг. и написал церковную историю, которая сохранилась, к сожалению, только в некоторых поздних выписках. Этот древний автор, который был арианцем, пишет, что во время императора Валериана (253-260) и его сына Галлиена (260-268) готы «перешли на земли римлян и опустошили, своими набегами, значительную территорию Европы. Затем, переходя в Азию, напали на Галлату и Каппадокию, взяли много пленных, среди них и клириков. Эти пленные и верующие люди, живя вместе с варварами, притянули к истинной вере многих из них и убедили принять христианство вместо языческих верований. Из числа этих пленных были и предки Ульфины (Вульфилы), из каппадокийцев, родом из села Садаголтина, близ города Парассоса» (FHDR II, 200.201). Эта литературная информация особенно важна для истории раннего христианства у готов, которые в ту пору уже жили в регионах северо- и северо-западного Причерноморья, но и потому что показывает каппадокийские корни Ульфины, знатного епископа и апостола готов.

На основании этой информации, переданной Филосторгиусом, и известного факта что в этот период времени христианские (включая и монашеские) общины Галлаты и Каппадокии были достаточно сильными, некоторые исследователи предположили даже что часть тех клириков, которые были взяты в плен готами и переселены в регионы к северо-

ру от Дуная, вырубил или перестроил некоторые пещеры в Карпатах и по течению рек Днестр и Рэут в христианские кельи и храмы (Tentiuc, Pora 1999, 35). Это мнение мы не разделяем из-за отсутствия археологических доказательств.

После Эдикта из Медиоланума 313 г., когда новая религия была официально признана в Римской Империи, известных письменных источников, относящихся к распространению христианства *extra fines*, в т.ч. в Готии, становится больше. Факт успешного распространения христианства уже в первые десятилетия IV в. среди готов (как и в среде местного населения, над которым эти германские племена господствовали), подтверждается присутствием на первом Никейском Вселенском Соборе в 325 г. епископа Теофила Готского (*Theophilus Gothae*), который, судя по имени, был греком, хотя источники по этому вопросу очень скудны (Zugravu 1997, 334.351, сноска 188). Несмотря на то, что в специальной литературе продолжают еще активные дискуссии относительно зоны, в которой проповедовал этот прелат христианской Церкви, некоторые ученые считают что он крымского происхождения (Zeiller 1918, 409, сноска 2; Thompson 1966; Coman 1979, 300; Wolfram 1979, 88), а другие отводят ему ранг епископа вестготов из региона восточнее Карпат (Popescu 1983, 264.265; 1994, 178-186; Teodor 1991, 54; Ioniță 2001, 692). Для науки важен установленный факт определенного развития христианских общин Готии, которые были организованы в епископаты. Нужно в то же время уточнить, что этот прогресс христианства в Карпато-Дунайских и Северо-Причерноморских регионах, контролируемых готами, отмеченный письменными источниками, не отражается так же ясно и археологическими данными, добытыми до сих пор. Не исключено, однако, что изменения в погребальном обряде, зафиксированные в первой половине IV в. у носителей культуры Синтана де Муреш-Черняхов, точнее переход от трупосожжения к трупоположению, произошли, между прочим, и благодаря проникновению в эту культурную среду христианства, хотя обычаи, по которым стали хоронить тогда умерших, не были свойственны новой религии.

Согласно сведениям, переданным рядом римско-византийских авторов, в территориях к северу от Дуная, контролируемых готами, миссионерская деятельность особенно активизируется в период после заключения мира между Константином Великим и Ариарихом, вождем визиготов, в 332 г. Несмотря на то, что текст этого мирного договора не сохранился полностью в античных источниках, по предпринятым попыткам его воссоздания некоторыми современными исследователями, одно из

условий римского императора визиготскому «королю» предусматривало свободу вероисповедания для христиан (Crysos 1973). В действительности, как было отражено в историографии, промежуток времени от заключения *foedus*-а 332 г. и до гуннского нашествия 375-376 гг. был периодом относительного спокойствия и экономического роста, когда готские племена и местное население региона севернее Дуная и Черного моря имели возможность воспользоваться в полной мере материальными, техническими и духовными ценностями римской цивилизации. Без сомнения, особую роль в культурализации «варваров» играли христианские клирики, переброшенные или пришедшие из балканских либо азиатских провинций Империи.

Среди многочисленных проповедников нового христианского вероисповедания в северо-дунайской Готии в IV в. особое место занимает знаменитый арианский епископ Ульфила, о выдающейся миссионерской и культурной деятельности которого находим сведения у многих античных авторов, в особенности в известной *Vita Ulfilae* латинского церковного писателя Ауксентия из Дуросторума.

Названный и «апостолом готов», будущий епископ и переводчик Библии на готский язык Ульфила родился в дунайских краях около 311 г., в семье готского аристократа и христианки (дочери христиан из Каппадокии, взятых в плен в пятом-шестом десятилетиях III в., во время морской атаки на Малую Азию). Будучи хорошим знатоком готского, греческого и латинского языков, поступил на службу готской аристократии в качестве переводчика. Оказавшись, в составе дипломатической миссии готов, при дворе Константина II (337-361), Ульфила остается в столице Империи. В 341 г. он рукоположен в сан епископа для христиан из «страны готов» арианским патриархом Евсевием из Никомедии.

Ауксентий из Дуросторума, в своей *Vita Ulfilae*, сообщает следующее об исключительно богатой религиозной и литературной деятельности великого готского епископа: «Проповедуя таким образом и через Христа благодаря с любовью Бога отца, совершая это и другое похожее и блистая славой в течение 40 лет в епископате, он проповедовал через апостольский дар, непрерывно, на греческом, латинском и готском языках, в единой и единственной церкви Христовой... Оставил еще после себя, на этих трех языках, несколько трактатов и большое число комментариев, чтобы полезны были для тех, кто захочет использовать их и для духовного роста, а для себя вечной памятью и расплатой» (*apud Pârvan* 1992, 249 и сноска 698).

Из этих 40 лет епископского служения семь Ульфила провел в Северо-Дунайской Готии, где он

еще до посвящения в епископы несколько лет был дьяком (там же, 250 и сноска 699). Около 347-348 гг., когда «король» визиготов Аорих, отец Атанарика, начинает суровое преследование христиан из своего «королевства», Ульфила, пользуясь поддержкой римского императора, перевел большое число верующих христиан готского происхождения через Дунай, в Нижнюю Мезию, обосновавшись в зоне города Никополиса Истрийского (*Nikopolis ad Istrum*). К югу от Дуная Ульфила проводил после этого, в течение 33 лет, благотворительную деятельность не только среди готов, но и среди остальных жителей провинции. Особой заслугой того, кто мог гордиться званием «апостола готов», было составление новой письменности, состоящей из латинского и греческого алфавита и рунического письма готов, а также перевод Священного Писания на готский язык (там же, 250 и сноски 700-704; Rămureanu ș.a. 1987, 289; Wolfram 1990, 83-97; Zugravu 1997, 335.336).

Напомним, что некоторые археологи связывают с миссионерской деятельностью Ульфила в Северо-Дунайской Готии уникальное каменное сооружение с колоннами из поселения культуры Сынтана де Муреш-Черняхов у с. Собарь, интерпретированное ими как раннехристианская базилика типа без абсиды (Pora 1997, 130.131; 2001, 79-83.139-141.157.158; Tentiuc, Pora 1999, 36; Niculiță, Pora 2000, 53-60.66-69; Tentiuc, Pora 2009, 351). Мы не поддерживаем эту точку зрения, поскольку она недостаточно обоснована археологическими данными, которыми мы располагаем до настоящего времени. Подчеркиваем, что против этой гипотезы свидетельствует, во-первых, хронология каменного здания из поселения Собарь, которое датируется, на основе стратиграфических данных и археологического материала⁴, второй половиной IV или даже последней его четвертью – началом V в., т.е. временем после тех десятилетий, когда Ульфила жил и проповедовал в Готии. Любопытно, что таким же поздним периодом культуры Сынтана де Муреш-Черняхов датировали каменное здание с перистилем из поселения Собарь и авторы гипотезы, согласно которой это строение могло бы представлять собой храм, в котором проповедовал великий апостол готов (там же), без того чтобы учесть период времени, когда Ульфила находился на территории севернее Дуная

в качестве лектора и епископа. С другой стороны, само назначение каменного сооружения о котором идет речь еще до конца не определено (Ioniță 2001, 619.692), некоторые исследователи, из-за отсутствия убедительных доказательств, отвергают даже интерпретацию этого здания как церковь без абсид (Madgearu 2001, 68).

Из разных письменных свидетельств относительно распространения христианства в Готии достойны внимания и сообщения известного епископа Саламинского из Кипра Епифаниоса (320-403), в которых содержатся некоторые интересные детали о деятельности секты аудиоситов. Епифаниос пишет, что епископ Аудиос (Авдий), который был уроженцем Месопотамии, из-за своих еретических взглядов был сослан императором Констанцием II в провинцию Малая Скифия. «Отсюда он проник глубоко внутрь страны готов, учил многих из них в отношении веры. Аудиос основал также в готских землях и монастыри, в которых расцвели аскетические правила, привычка жить в девственности и в особенно строгом воздержании» (FHRD II, 172.173). После смерти Аудиоса, к его ученикам присоединился ряд священников и епископов, среди которых был и Ураниус из Месопотамии. Этот, в свою очередь, посвятил в епископы многих христиан из страны, находящейся под властью готов, среди них и некоего Сильвануса (там же, 174.175), чье имя позволило некоторым исследователям полагать, что идет речь не о каком-то готе или римлянине из империи, а о местном романизованном даке (Barnea 1989, 166; Teodor 1991, 56; Constantinescu 1999, 101).

Относительно зоны из страны готов, в которой проповедовали Аудиос и его соратники, в историографии были высказаны различные мнения. Некоторые ученые полагали, что речь идет о регионе Карпат около г. Бузэу (Popescu 1983, 267; Constantinescu 1983, 321-340; 1999, 99.100), другие поддерживали точку зрения, что это территория к востоку от Карпат (Teodor 1991, 56 и сноска 40; Tentiuc, Pora 1999, 37; Tentiuc, Pora 2009, 351-352; Postică 2007, 193), а М. Русу думает, что это может быть даже Трансильвания (Rusu 1984, 43). Нужно подчеркнуть все-таки, что, к сожалению, в результате археологических раскопок до сих пор не обнаружено никаких достоверных следов монас-

⁴ В этом контексте уточняем, что амфора типа Опаиц С-1 (Рикман 1975, рис. 27,8), которая представляет собой очень важный элемент датировки, происходит не из каменного сооружения с колоннами, как ошибочно считают И. Никулицэ и А. Попа (Niculiță, Pora 2000, 59; Pora 2003, 83), а из наземного жилища №2 (Рикман 1970, 186-188, рис. 6,1; 1972, 88.90, рис. 1,8). Ценные сведения для определения датировки каменного здания представлены прежде всего фрагментом тонкостенного стеклянного кубка конической формы и пластинами от седла, которые датируются преимущественно гуннским временем (Vornic 2006, 212; Засецкая 1994, 46-54).

тырей позднеримского времени в Карпато-Дунайских землях, которые подтвердили бы информацию Епифаниоса. Что касается келий и скальных святилищ, известных в Карпатах или в долинах рек Рэут и Днестр, приведенные факты малоубедительны для их уверенного датирования IV веком. Лишь систематические и скрупулезные археологические исследования могут предоставить более основательные аргументы в данном отношении.

В историографии часто подчеркивалось, что помимо данных о существовании в Готии церковных структур христиан-арианцев и сектантов-аудиоситов, некоторые письменные источники содержат ясную информацию и о функционировании в крае к северу от Дуная в IV в. православной церкви. Кстати, сам Теофилус, готский епископ, который участвовал в первом Вселенском Никейском Соборе 325 г., был православным, а некоторые румынские исследователи считают даже, что и великий готский апостол Ульфилла сначала придерживался православия, и лишь впоследствии стал последователем Ария (Popescu 1983, 20), но это мнение маловероятно (Zugravu 1997, 336).

Особенно ценный документ, который подтверждает безоговорочно и точно присутствие православных христиан в регионе левобережья Нижнего Дуная в третьей четверти IV в. – это *Мученичество Святого Саввы Готского* (FHDR, II, 710-715). Акт был составлен на основании сведений из письма, адресованного *Божьей Церковью из Готии Божьей Церкви из Каппадокии и ко всем приходам святой православной церкви из этого места*, где описаны деяния, православная вера и мученичество Саввы, утопленного в водах реки Мусайос (современная речка Бузэу) в день 12 апреля 372 г. визиготскими воинами под руководством Атариды, сына Родестея. К этим данным присоединена также некоторая информация, добытая Василием Великим, архиепископом Кесарии Каппадокийской, от своих соотечественников Юниуса Сорануса, губернатора Малой Скифии, и Ветраниона (Бетраниона/Бретаниона), епископа *Томиса* (современный город Констанца в Румынии). Текст *Мученичество Святого Саввы Готского* хранится в двух поздних копиях, датированных X в.: одна в Библиотеке Ватикана из Рима и другая в Библиотеке Сан Марко из Венеции (Năsturel 1969, 175-185; Păcurariu 1994, 45-47; Constantinescu 1999, 102.103).

Согласно сведениям из *Мученичества Святого Саввы Готского*, в зоне реки Мусайос у изгиба Карпат находились церкви в «селах» и в «городах», где служили такие священники, как Сансалас и, соответственно, Гутикас (FHDR, II, 713). Число христиан в тех поселениях было достаточно большим,

если они могли настоять на принятии общиной таких решений, которые были в состоянии их охранять: «... местные из села, в котором находился Савва, посчитали что христиане, которые жили с ними, должны есть нежертвенное мясо... блаженный Савва... становясь посередине, запротестовал против всех... и не допустил чтобы все попались в сети дьявола» (там же, 710.711), а в другой раз «односельчане спрятали своих и поклялись, что в селе нет других христиан, кроме одного» (там же, 712.713). Одновременно, из этих данных следует, что жители этих поселений, частью христиане, частью язычники, относились с большой толерантностью друг к другу, так как было уже отмечено (Popescu 1983, 273; Ioniță 1995, 260).

Во многих документах времен правления римских императоров Валентиниана I (364-375), Валента (364-378) и Грациана (375-383) сохранились сведения о суровых преследованиях христиан готскими «королями» Атанариком, Вингурихом и Ингурихом. К этому периоду относятся мученичества хорошо известного Саввы, других христиан (таких как Ницетас, Инна, Рема, Пина и те 26 мучеников, среди которых и православный монах Арпила), а также сектантов-аудиоситов (Popescu 1983, 273.274; Wolfram 1990, 88-97; Teodor 1991, 56.57; Pârvan 1992, 254.255; Păcurariu 1994, 44-47; Zugravu 1997, 334-337; Constantinescu 1999, 101-103). Описанные в источниках события ясно показывают, что Церковь в Готии вовсе не расформировалась после ухода Ульфиллы и его последователей в Нижней Мезии, а наоборот, что христианство в землях к северу от Нижнего Дуная, находящихся под властью готов, в третьей четверти IV в. переживало даже определенный подъем.

Хоть и в малом числе, сохранились несколько письменных свидетельств о миссионерской деятельности христиан среди «варваров» с левобережья Нижнего Дуная и в период после гуннского нашествия 375-376 гг. Так, церковный историк Созоменос, в своей Церковной Истории, составленной между 439-450 гг., сообщает что епископ *Томиса* Теотимус, выдающаяся личность того времени в сфере теологии и близкий друг Святого Иоанна Хризостома, добился большого признания среди гуннов, которые называли его «Богом римлян» (FHDR, II, 229), а другой античный автор, Иероним, пишет: «гунны изучают Псалтырь, холодный климат Скифии греется от горячей веры, рыже- и беловолосая армия готов (готов) окружает палатки церквей» (там же, 187). Эти сообщения являются доказательством того, что христианское миссионерство было успешно продолжено в регионах к северу от Дуная и

в конце IV – начале V в. С другой стороны, определенные сведения о христианской жизни, переданные некоторыми Отцами Церкви, такими как Теодоретос Цирский и Иоанн Хризостом, показывают, что связи северных готов-христиан с греческим Востоком продолжают и после IV в. (*apud Pârvan* 1992, 256 и сноска 733).

Таким образом, в свете письменных свидетельств о распространении христианства в Готии,

коротко представленных выше, думаем что отношение захоронений с западной ориентировкой из Брэвиченского и остальных могильников культуры Сынтана де Муреш-Черняхов христианам выглядит вполне обоснованным, несмотря на то что некоторые аспекты, связанные с этими погребальными комплексами (среди которых особенно важны их этническая интерпретация и хронология), предстоит еще уточнить последующими исследованиями.

Библиография

- Брайчевский 1960: М.Ю. Брайчевский, Ромашки. МИА 82, 1960, 100-147.
- Гудкова, Фокеев 1984: А.В. Гудкова, М.М. Фокеев, Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв. н.э. (Киев 1984).
- Засецкая 1994: И. П. Засецкая, Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.) (Санкт-Петербург 1994).
- Елпашев 1997: С.В.Елпашев, Разрушенные погребения Черняховской культуры. *Stratum plus* 4, 1997, 194-199.
- Левинский 1999: А.Н. Левинский, Лазо – могильник финальной фазы черняховской культуры в Молдавии. *Stratum plus* 4, 1999, 121-166.
- Магомедов 1987: Б.В. Магомедов, Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья (Киев 1987).
- Магомедов 2001: Б.В. Магомедов, Черняховская культура. Проблема этноса (Люблин 2001).
- Магомедов 2004: Б.В. Магомедов, Могильник Черняховской культуры Каменка-Анчекрак. В сб.: Археология давних славян (Киев 2004), 131-164.
- Кухаренко 1958: Ю.В. Кухаренко, Экономический строй и быт восточных славян в первой половине I тысячелетия. В сб.: Очерки истории СССР, III-IX вв. (Москва 1958), 65-74.
- Никитина 1985: Г.Ф. Никитина, Систематика погребального обряда племен Черняховской культуры (Москва 1985).
- Петров 1964: В.П. Петров, Черняховский могильник (по материалам раскопок В.В. Хвойки в 1900-1901). МИА 116, 1964, 118-167.
- Рафалович 1986: И.А. Рафалович, Данчены. Могильник черняховской культуры III-IV вв. н.э. (Кишинев 1986).
- Рикман 1970: Э.А. Рикман, Поселение первых столетий нашей эры Собарь в Молдавии (о связях черняховцев с античным миром). СА 2, 1970, 180-197.
- Рикман 1972: Э.А. Рикман, Вопрос датировки импортных вещей в памятниках племен Черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья. СА 3, 1972, 84-101.
- Рикман 1975: Э.А. Рикман, Этническая история населения Поднепровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры (Москва 1975).
- Седов 1979: В.В. Седов, Происхождение и ранняя история славян (Москва 1979).
- Седов 1994: В.В. Седов, Славяне в древности (Москва 1994).
- Сымонович 1952: Э.А. Сымонович, Погребения V-VI вв. н.э. у с. Данилова Балка. КСИИМК XLVIII, 1952, 62-70.
- Сымонович 1955: Э.А. Сымонович, Памятники Черняховской культуры Степного Поднепровья. СА XXIV, 1955, 282-316.
- Сымонович 1963: Э.А. Сымонович, Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху. СА 1, 1963, 49-60.
- Сымонович 1967: Э.А. Сымонович, Новые работы в селе Черняхов. МИА 139, 1967, 5-27.
- Сымонович 1970: Э.А. Сымонович, Христианство і черняхівська культура. В сб.: Матеріали третьої подільської історико-краєзнавчої конференції (Львів 1970), 116-118.
- Сымонович 1978: Э.А. Сымонович, О культурных представлениях населения юго-западных областей СССР в позднеантичный период. СА 2, 1978, 105-116.
- Сымонович 1979: Э.А. Сымонович, Коблевский и Ранжевский могильники около г. Одессы. В сб.: Могильники черняховской культуры (Москва 1979), 63-111.
- Сымонович 1983: Э.А. Сымонович, Погребения с труположениями на черняховских памятниках. В сб.: Э.А. Сымонович, Н.М. Кравченко, Погребальные обряды племен черняховской культуры. САИ, вып. Д1-22 (Москва 1983), 12-40.
- Сымонович 1988: Э.А. Сымонович, Придунайский могильник Фурмановка. В сб.: Могильники черняховской культуры (Москва 1988), 143-163.
- Федоров 1958: Г.Б. Федоров, О двух обрядах погребения в черняховской культуре (по материалам Молдавии). СА 3, 1958, 1-10.
- Федоров 1960: Г.Б. Федоров, Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. МИА 89 (Москва 1960).
- Шаров 1992: О. Шаров, Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки Черняховской культуры. В сб.: Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени (Санкт Петербург 1992), 157-207.
- Щербакова 1990: Т.А. Щербакова, Могильник черняховской культуры у с.Чалык. АИМ в 1985 г. (Кишинев 1990), 141-162.
- Щукин 1999: М.Б. Щукин, Феномен черняховской культуры эпохи Константина – Констанция, или что такое черняховская культура? *Stratum plus* 4, 1999, 66-101.
- Щукин, Щербакова 1986: М.Б. Щукин, Т.А Щербакова, К хронологии могильника Данчены. В: И.А. Рафалович, Дан-

- ченy. Могильник черняховской культуры III–IV вв. н.э. (Кишинев 1986), 177-212.
- Barnea 1989: I. Barnea, Începuturile și evoluția creștinismului la populația daco-romană de la est de Carpați. TD X, 1989, 165-171.
- Bărcă 2006: V. Bărcă, Istorie și civilizație. Sarmatii în spațiul est-carpatic (sec. I a.Chr. – începutul sec. II p.Chr.) (Cluj-Napoca 2006).
- Bărbulescu 1994: M. Bărbulescu, Potaissa. Studiu monografic (Turda 1994).
- Bierbrauer 1999: V. Bierbrauer, Die ethnische Interpretation der Sântana de Mureș-Černjachov-Kultur. In: Die Sântana de Mureș-Černjachov-Kultur (Bonn 1999), 211-237.
- Bloșiu 1975: C. Bloșiu, Necropola din secolul al IV-lea e.n. de la Lețcani (jud. Iași). AM VIII, 1975, 203-280.
- Burger 1966: A. Burger, The late roman cemetery at Ságvár. AAH XVIII, 1966, 99-234.
- Constantinescu 1983: H. Constantinescu, Schituri sau sihăstrie rupestre buzoiene, mărturie ale vechimii creștinismului și continuității noastre pe aceste meleaguri. In: Spiritualitate și istorie la Întorsura Carpaților. Vol. I (Buzău 1983), 321-340.
- Constantinescu 1999: E.M. Constantinescu, Memoria pământului dintre Carpați și Dunăre. Nord-estul Munteniei și sud-vestul Moldovei în veacurile IV-X d.Hr. (București 1999).
- Constantinescu 2007: E.M. Constantinescu, Amenajări funerare în necropolele Sântana de Mureș din NE Munteniei. AMT II, 2007, 5-62.
- Cryos 1973: E. Cryos, Gothia Romana. Zur Rechtslage des Föderatenlandes der Westgoten im 4 Jh. Dacoromania, Jahrbuch für östliche Latinität 1, 1973, 52-64.
- Diaconu 1965: Gh. Diaconu, Târgșor. Necropola din secolele II-IV e.n. (București 1965).
- Diaconu 1970: Gh. Diaconu, Mogoșani. Necropola din secolul IV e.n. (Târgoviște 1970).
- FHDR II: Fontes Historiae Daco-Romanae, vol. II (București 1970).
- Ioniță 1966: I. Ioniță, Contribuții cu privire la cultura Sântana de Mureș-Cerneahov pe teritoriul Republicii Socialiste România. AM IV, 1966, 189-259.
- Ioniță 1971: I. Ioniță, Das Gräberfeld von Independența (Walachei). Zur relativen Chronologie und zu den Bestattungs-, Beigaben- und Trachtsitten eines Gräberfeldes der Černjachov-Sântana de Mureș-Kultur (Bonn 1971).
- Ioniță 1982: I. Ioniță, Din istoria și civilizația dacilor liberi. Dacia din spațiul est-carpatic în secolele II-IV e.n. (Iași 1982).
- Ioniță 1986: I. Ioniță, Chronologie der Sântana de Mureș-Černjachov Kultur. Peregrinatio Gothica (AB VII), 1986, 295-351.
- Ioniță 1989: I. Ioniță, Veränderungen der Bestattungssiten im Gräberfeld von Târgșor. Peregrinatio Gothica (AB VIII), 1989, 159-183.
- Ioniță, 1995: I. Ioniță, Elemente creștine în practica riturilor de înmormântare din Moldova din secolele IV-V e.n. In: Din istoria Europei romane (Oradea 1995), 253-262.
- Ioniță 1999: I. Ioniță, Sondajul arheologic de la Tăcuta (jud. Vaslui). AM XX, 1999, 89-106.
- Ioniță 2001: I. Ioniță, Capitolele: Populația locală în secolul al IV-lea în regiunile extracarpatic; Goții. In: Istoria Românilor. Vol. II. Daco-romani, romanici, alogeni (red. D. Protase, A. Suceveanu) (București 2001), 617-637; 678-693.
- Harhoiu 1996: R. Harhoiu, Jefuire de morminte. In: Enciclopedia arheologiei și istoriei vechi a României. Vol. II (București 1996), 288.
- Hica-Câmpeanu 1976: I. Hica-Câmpeanu, Das Grabfeld aus dem 4 Jh.u.Z. von Pălatca (Kr. Cluj). Dacia N.S. XX, 1976, 23-36.
- Hica-Câmpeanu 1979: I. Hica-Câmpeanu, Riturile funerare în Transilvania de la sfârșitul secolului al III-lea e.n. până în secolul al IV-lea e.n. AMN 16, 1979, 157-169.
- Horedt 1982: K. Horedt, Siebenbürgen in spätrömischen Zeit (București 1982).
- Maczynska 1996: M. Maczynska, West-Ost orientierte Körpergräber der Černjachov-Kultur. МАИЭТ 5, 1996, 338-342.
- Levinschi 1997: A. Levinschi, Despre un grup de necropole ale culturii Sântana de Mureș-Čenjachov din interfluvial Nistru-Prut. Tyragetia IV-V, 1997, 117-130.
- Madgearu 1994: Al. Madgearu, Romanizare și creștinare la nordul Dunării în secolele IV-VII. AIIAI XXXI, 1994, 479-502.
- Madgearu 2001: Al. Madgearu, Rolul creștinismului în formarea poporului român (București 2001).
- Mitrea, Preda 1966: B. Mitrea, C. Preda, Necropole din secolul al IV-lea în Muntenia (București 1966).
- Munteanu, Rădulescu 1992: M. Munteanu, F. Rădulescu, Două necropole din secolul IV e.n. recent descoperite în sud-estul Munteniei. TD XIII, nr. 1-2, 1992, 125-133.
- Năsturel 1969: P. Năsturel, Les actes de Saint Sabas le Goth (BHG3 1607). Histoire et archeologie. Revue des etudes sud-est europeennes VII, 1, 1969, 175-185.
- Niculiță, Popa 2000: I. Niculiță, Al. Popa, Prezența romană în zona nord-vest pontică (Chișinău 2000).
- Kovács 1912: I. Kovács, A marosszentannai népvándorláéskori temető. DolgCluj III, 2, 1912, 250-342.
- Opreanu 1995: C. Opreanu, Creștinismul și neamurile germanice în secolele IV-V în Transilvania. EN V, 1995, 227-254.
- Palade 1982: V. Palade, Un obicei magico-ritual în necropola din secolul al IV-lea de la Bârlad-Valea Seacă. TD III, 1982, 181-191.
- Palade 2004: V. Palade, Așezarea și necropola de la Bârlad-Valea Seacă (sfârșitul sec. al III-lea – a doua jumătate a sec. al V-lea) (București 2004).
- Parducz 1959: M. Parducz, Archeologische Böeitrage zur Geschichte der Hunnenzeit in Ungarn. AAH XI, 1959, 309-398.
- Păcurariu 1994: M. Păcurariu, Sfinți daco-romani și români (Iași 1994).
- Pârvan 1992: V. Pârvan, Contribuții epigrafice la istoria creștinismului daco-roman. In: V. Pârvan, Studii de istoria culturii antice (București 1992), 142-285.
- Petrauskas 2003: O. Petrauskas, Die Gräberfelder der Černjachov-Kultur von Kosanovo und Gavrilovka – eine vergleichende

- Studie zu Chronologie, Bestattungssitten und ethnokulturellen Besonderheiten. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 84 (Frankfurt am Main 2003).
- Petre 1987: A. Petre, La romanité en Scythie Mineure (IIe-VIIe siècles de notre ère). Recherches archéologiques. Bulletin de l'Association Internationale d'Études Sud-Est Européen, 17-18 (Bucarest 1987)
- Popa 1997: Al. Popa, Die Siedlung Sobari, Kr. Soroca (Republik Moldau). Germania 75, 1, 1997, 119-131.
- Popa 2001: A. Popa, Romains ou barbares? Architecture en pierre dans le barbaricum à l' époque romaine tardive (sur le matériel archéologique du Nord-Ouest du Pont Euxin) (Chişinău 2001).
- Popescu 1983: Em. Popescu, Creştinismul în Eparhia Buzăului până în secolul al VII-lea. In: Spiritualitate şi istorie la Întorsura Carpaţilor. Vol. I (Buzău 1983), 259-277.
- Popescu 1994: Em. Popescu, Christianitas Daco-Romana. Florilegium studiorum (Bucureşti 1994).
- Postică 2007: Gh. Postică, Civilizaţia medievală timpurie din spaţiul pruto-nistean (secolele V-XIII) (Bucureşti 2007).
- Preda 1980: C. Preda, Callatis. Necropola romano-bizantină (Bucureşti 1980).
- Protase 1971: D. Protase, Riturile funerare la daci şi daco-romani (Bucureşti 1971).
- Protase 2001: D. Protase, Creştinarea daco-romanilor. In: Istoria românilor. Vol. II. Daco-romani, romanici, alogeni (red. D. Protase, A. Suceveanu) (Bucureşti 2001), 587-600.
- Rămureanu ş.a. 1987: I. Rămureanu, M. Şesan, T. Bodogae, Istoria bisericească universală. Vol. I (1-1054) (Bucureşti 1987).
- Rusu 1984: M. Rusu, Paleocreştinismul nord-dunărean şi etnogeneza românilor. AIIAC 26, 1984, 35-84.
- Sâmpetru 1992: M. Sâmpetru, Vestul României în secolele IV-X e.n. TD XIII, 1-2, 1992, 135-157.
- Şovan 1987: O.L. Şovan, Un mormânt cu medalioane romane de sticlă din necropola de la Mihălăşeni (judeţul Botoşani). AM XI, 1987, 227-234.
- Şovan 2005: O.L. Şovan, Necropola de tip Sântana de Mureş-Černjachov de la Mihălăşeni (judeţul Botoşani) (Târgovişte 2005).
- Teodor 1991: D. Teodor, Creştinismul la est de Carpaţi de la origini până în secolul al XIV-lea (Iaşi 1991).
- Tentiuc, Popa 1999: I. Tentiuc, Al. Popa, Unele consideraţii privind lăcaşurile rupestre din Moldova de est în secolele IV-XIII. Mousaios V, 1999, 33-51.
- Tentiuc, Popa 2009: I. Tentiuc, Al. Popa, Some considerations regarding rock-cut monasteries and spreading of the Christianity in eastern Moldova during the late roman period and middle age. In: Studia archeologiae et historiae antiquae: Doctissimo viro Scientiarum Archeologiae et Historiae Ion Niculiţă, anno septuagesimo aetatis suae, dedicatur (Chişinău 2009), 349-363.
- Thompson 1966: E. Thompson, The Visigoths in the Time of Ulfila (Oxford 1966).
- Vornic 2006: V. Vornic, Aşezarea şi necropola de tip Sântana de Mureş-Černjachov de la Budeşti (Chişinău 2006).
- Vornic 2010: V. Vornic, Morminte răvăşite din necropola de tip Sântana de Mureş-Černjachov de la Brăviceni (r-nul Orhei, Republica Moldova) AMT V, 2010 (в печать).
- Wolfram 1979: H. Wolfram, Geschichte der Goten. Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnographie (München 1979).
- Zaharia, Zaharia 1969: Em. Zaharia, N. Zaharia, Contribuţii la cunoaşterea culturii materiale din secolul al V-lea e.n. din Moldova în lumina săpăturilor de la Botoşani. AM VI, 1969, 167-178.
- Zaharia, Zaharia 1975: Em. Zaharia, N. Zaharia, Les nécropoles des IV-V siècles de Botoşani-Dealul Cărmidăriei. Dacia N.S. 19, 1975, 201-226.
- Zeiller 1918: J. Zeiller, Les origines chrétiennes dans les provinces danubiennes de l'Empire Romain (Paris 1918).
- Zugravu 1997: N. Zugravu, Geneza creştinismului popular al românilor (Bucureşti 1997).
- Zugravu, Alexianu 1996-1997: N. Zugravu, M. Alexianu, Makarios. Sur la signification d'un antroponyme attesté á Truşeşti (Culture Sântana de Mureş-Cernjakhov). Studia Antiqua et Archaeologica 3-4, 1996-1997, 173-178.

Влад Ворник, доктор истории, Центр Археологии, Институт Культурного Наследия, Академия Наук Молдовы, бульвар Штефан чел Маре 1, МД-2001 Кишинэу, Республика Молдова, vlad.vornic@yahoo.com;

Лариса Чобану, научный сотрудник, Центр Археологии, Институт Культурного Наследия, Академия Наук Молдовы, бульвар Штефан чел Маре 1, МД-2001 Кишинэу, Республика Молдова, ciobanu.lora@yahoo.com.

**ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ЧЕРНОЛЕССКОЙ ФОРТИФИКАЦИИ
(10.-9. вв. до н.э., ПРАВОБЕРЕЖЬЕ СРЕДНЕГО ДНЕПРА):
ПОИСК ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ**

Марина ДАРАГАН, Майя КАШУБА, Сергей РАЗУМОВ, Киев/Кишинэу

Analiza geoinformațională a fortificațiilor culturii Černyj Les (sec. X-IX î.e.n., regiunea din dreapta Niprului de Mijloc): prospecțiunea modelului explicativ. În articol se examinează problema apariției cetăților culturii Černyj Les în regiunea din dreapta Niprului de Mijloc. Toate fortificațiile culturii Černyj Les (circa 20), în plan au formă circulară, mai rar ovală și, de obicei, dimensiuni mici, dar elementele sistemului defensiv păstrate (valurile și șanțurile) indică asupra faptului că la construirea acestora au fost depuse eforturi de muncă considerabile. Amplasarea compactă a cetăților de același tip, în limitele interceptării vizuale a semnalelor, în regiunea din dreapta r. Tjasmin (afluent din dreapta Niprului) arată că acestea reprezintă un sistem edificat special, care apare în regiune odată cu întemeierea cetățuilor, undeva în sec. X î.e.n. Sunt analizate două concepții principale privitor la cauzele apariției fortificațiilor culturii Černyj Les: modelul pericolului extern, invazia cimerienilor (A.I. Terenožkin, S.A. Scoryj, S.V. Machortych, V.I. Kločko ș.a.) și modelul evoluției interne a culturii Černyj Les (N.P. Ševčenko, Ja.P. Gerškovič, V.I. Poltavec). Se aduc argumente în defavoarea existenței pericolului din partea cimerienilor care ar fi condiționat construirea fortificațiilor culturii Černyj Les. Sunt examinate cazuri de incendiere a așezărilor din regiune, respectiv și din zone amplasate în silvostepă, mult mai la est, atribuite sec. XI î.e.n., și în calitate de eventuală forță agresivă s-a propus de a fi considerat un oarecare grup de populație a culturii Belozerka. Investigațiile topo-geodezice și analiza geoinformațională a fortificațiilor culturii Černyj Les au demonstrat, că dacă cetățuiele ar fi fost construite în scopuri de apărare, atunci tactica militară a eventualului inamic nu prevedea utilizarea în masă a tragerii cu arcul, precum și nici existența vârfurilor de săgeată de metal. Perspectivele soluționării problemei apariției cetățuielor culturii Černyj Les țin de domeniul cercetărilor proceselor de centralizare primară sau chiar de protourbanizare, care în sec. X-IX î.e.n. au cuprins teritorii vaste în bazinul Carpaților, Europa de Sud-Est și de Est.

В настоящей статье рассматривается проблема появления городищ чернолесской культуры на Правобережье Среднего Днепра. Все известные чернолесские укрепления (около 20) имеют круглую, реже, овальную в плане форму и малые размеры, но сохранившиеся оборонительные конструкции (валы и рвы) указывают на большие объемы трудозатрат при их строительстве. Компактное расположение однотипных городищ в пределах сигнальной видимости на правобережье р. Тясмин (правый приток Днепра) указывает, что они представляют собой специально организованную систему, которая впервые появляется в регионе со времени основания городищ где-то в 10. в. до н.э. Проанализированы две основные концепции, объяснявшие причины появления чернолесской фортификации: модель внешней киммерийской угрозы (А.И. Тереножкин, С.А. Скорый, С.В. Махортых, В.И. Клочко и др.) и модель внутреннего развития чернолесской культуры (Н.П. Шевченко, Я.П. Гершкович, В.И. Полтавец). Приведены аргументы против существования военной угрозы со стороны киммерийцев, в ответ на которую могли быть построены чернолесские городища. Рассмотрены случаи сожжения поселений в регионе и более восточных областях лесостепи, датированные II. в. до н.э., и в качестве возможной нападающей стороны предложено считать какую-то группу населения белозерской культуры. Проведенные топо-геодезические исследования и геоинформационный анализ чернолесской фортификации показали, что, если городища были сооружены в оборонительных целях, то военная тактика предполагаемого противника не включала массированный обстрел из луков, а также наличия стрел с металлическими наконечниками. Перспективы решения проблемы возникновения чернолесских городищ лежат в области изучения процессов ранней централизации и даже протоурбанизации, охвативших в 10.-9. вв. до н.э. обширные территории Карпатского бассейна, Юго-Восточной и Восточной Европы.

Geoinformation Analysis of Chernolesian Fortifications (X-IX c. B. C., Right Bank of the Middle Dnepr Basin): a search of explaining model. The present paper discusses the problem of appearance of Chernoles settlement on the Right Bank of the Middle Dnepr Basin. Chernolesian fortifications known at the present moment have circular or less com-

mon oval outline and small size, however the preserved vestiges of defensive constructions (walls and moats) indicate a highly labour-extensive character of their construction. The compact localisation of similar settlements at a distance of a visual signal on the right bank of river Tyasmin (a tributary of the Dnieper) indicates that they compose a special signal system, which first appeared in the region since the founding of the settlements somewhere in the X century BC. Two basic conceptions explaining origin of Chernolesian fortifications are discussed: the model of external Cimmerian threat (A. I. Trenozhkin, S. A. Skoryi, S. V. Mahortyh, V. I. Klochko, and others), and the model of internal development of Chernolesian culture (N. P. Shevchenko, Ya. P. Gershkovich, V. I. Poltavetz). The paper quotes arguments against the supposed Cimmerian military threat, which could be a cause for Chernolesian settlements construction. The cases of burned settlements in the region under study and more eastern areas of the forest-steppe, dated back to XI century BC, were considered. Some tribes of Belozerskaya culture are regarded as a possible aggressor. The topographic-geodetic research and GIS analysis of the Chernolesian fortification showed that if the settlement were built for defensive purposes, the military tactics of the alleged enemy did not include the massive bombardment from the bows, as well as the presence of arrows with metal tips. Prospects for solving problems of Chernolesian settlements belong to the domain of study of the early processes of centralization or even protourbanisation that engulfed in X-IX centuries BC large areas of the Carpathian Basin, Southeastern and Eastern Europe.

Key words: Northern Black sea coast, Right bank of Middle Dnepr basin, Pre- and Early Scythian Period, fortifications, geoinformation analysis, modelling, discussion of existing hypotheses

Введение

Принципы организации пространства с присущими им физическими характеристиками всегда отражали в традиционных обществах мифопоэтические представления об окружающем мире и самом человеке и, тем самым, несли т.н. культурные признаки. Отсюда наблюдаются различные способы освоения пространства, бытующие у разных народов в разные времена. По-разному освоенное и организованное пространство в различные исторические эпохи позволяет рассматривать не только этапы заселения того или иного региона, но также получать данные относительно социоэкономического и духовного развития общества.

К наиболее структурированным элементам древних культурных ландшафтов относятся городища. Их появление, как правило, связывается с военными проблемами, общей нестабильной ситуацией и зачастую внешней угрозой по отношению к носителям той или иной культуры. Подразумевается, соответственно, что, чем больше масштабы фортификации, тем больше угроза. В отношении каждого эпизода таких фортификаций в рамках разных культур, разных времен и территорий существуют свои модели-объяснения: укрепления трипольской культуры – против степного населения, также против различных групп кочевников возводились «Змиевы валы», «Троянов Вал», «Великая Китайская стена» и т.д. Тем самым, валы и рвы на

поселениях рассматриваются, преимущественно, с оборонительной точки зрения, и практически всегда делается упор на оборонительный характер их появления и функционирования. Однако новые направления в изучении укреплений, в том числе геоинформационный анализ фортификаций и трехмерное компьютерное моделирование памятников, позволяют в новом свете рассматривать причины возникновения искусственных валов и рвов на поселениях.

Несмотря на давнюю историю фортификаций, именно с началом раннего железного века начинается бум в строительстве городищ, охвативший территорию лесной и лесостепной зон Евразии, который никогда еще до этого не носил столь системного и повсеместного характера. В этой связи интерес вызывает территория лесостепной части Северного Причерноморья, и, особенно, Правобережья бассейна среднего течения Днепра, которая была выбрана нами в качестве территории исследований (рис. 1,1)¹.

1. Городища раннего железного века в Среднем Поднепровье и объяснительная модель их появления

В начале раннего железного века (где-то в 10. в. до н.э.)² в Днепровской Правобережной лесостепи племена чернолесской культуры возводят целую

¹ Авторы статьи благодарят дизайнера-графика Ивана Лицука за неоценимую помощь в подготовке иллюстраций.

² Хронология чернолесской культуры, без сомнения, нуждается в новых разработках, синхронизации и согласовании с принятыми современными датами для синхронных культур как Восточной, так Юго-Западной и Средней

серию городищ, расположенных, преимущественно, на первых надпойменных террасах, вдоль р. Тясмин. На рубеже 9.-8. – начале 8 в. до н.э. все (-!) черноморские городища бассейна р. Тясмин, равно как и селища, вдруг прекращают свое существование и появляются новые поселения жаботинского типа. Позднее – около середины 7. в. до н.э. – уже на просторах всей лесостепи Правой и Левобережья среднего течения Днепра строятся городища-гиганты. Хронологический промежуток между черноморскими укреплениями и городищами-гигантами составлял около 150 лет – именно в это время существовали поселения жаботинского этапа. Они не имели видимых укреплений, но находились на водоразделах, занимая высокие изолированные участки. Наблюдается кустовое расположение жаботинских поселений (в пределах визуальной и сигнальной видимости)³, а их топография принципиально отлична от черноморской (рис. 1,2; 2-3).

О смене топографии и возникновении поселков открытого типа на жаботинском этапе писала еще Е.Ф. Покровская, выделяя Жаботин как самостоятельный и промежуточный этап между черноморскими городищами и большими городищами скифского времени (Покровская 1953; она же 1962). Она отмечала, что «где-то в середине 7.⁴ в. до н.э. жизнь на черноморских городищах и связанных с ними поселениях резко обрывается и никаких признаков существования их в последующее время нет. Лишь в значительно более позднее время (2.-1. вв. до н.э.) многие из них заселяются племенами корчеватовской культуры или используются под могильники»⁵ (Покровская 1962, 55). К середине 7. в. до н.э. жизнь

на основной массе жаботинских поселений затухает, и появляются большие городища: ближайшее из них к Жаботину – Мотронинское (рис. 3,А-В).

В специальной литературе возобладала гипотеза о развитии фортификаций в раннем железном веке в лесостепных районах Правобережья Днепра от малых черноморских к большим скифским городищам и соответствующее объяснение такой модели. Как правило, подчеркивалась прямая преемственность от черноморья к раннескифским городищам не только хронологически, но также относительно самих принципов фортификации. Историческая версия происходивших изменений рассматривалась исключительно в контексте внешней угрозы – сначала угрожали киммерийцы, именно против них были возведены небольшие черноморские городища, а затем скифы, против которых были сооружены более мощные укрепления. Но такая, казалось бы, очевидная модель никак не объясняла возникновения поселений на жаботинском этапе (в иных топографических условиях, чем черноморские городища и поселения), равно как и датировку основной массы погребений, трактуемых и как киммерийские, и как раннескифские комплексы, исключительно в пределах жаботинского этапа. Тем более версия перманентной «внешней угрозы» со стороны степи никак не объясняла появление после черноморских городищ (через значительный отрезок времени) принципиально иной, на самом деле, формы и техники фортификации – в виде больших городищ раннескифского времени (рис. 2-3).

Безусловно, любые грандиозные земляные сооружения воспринимаются, прежде всего, как фортификация, которая является ответом на военный

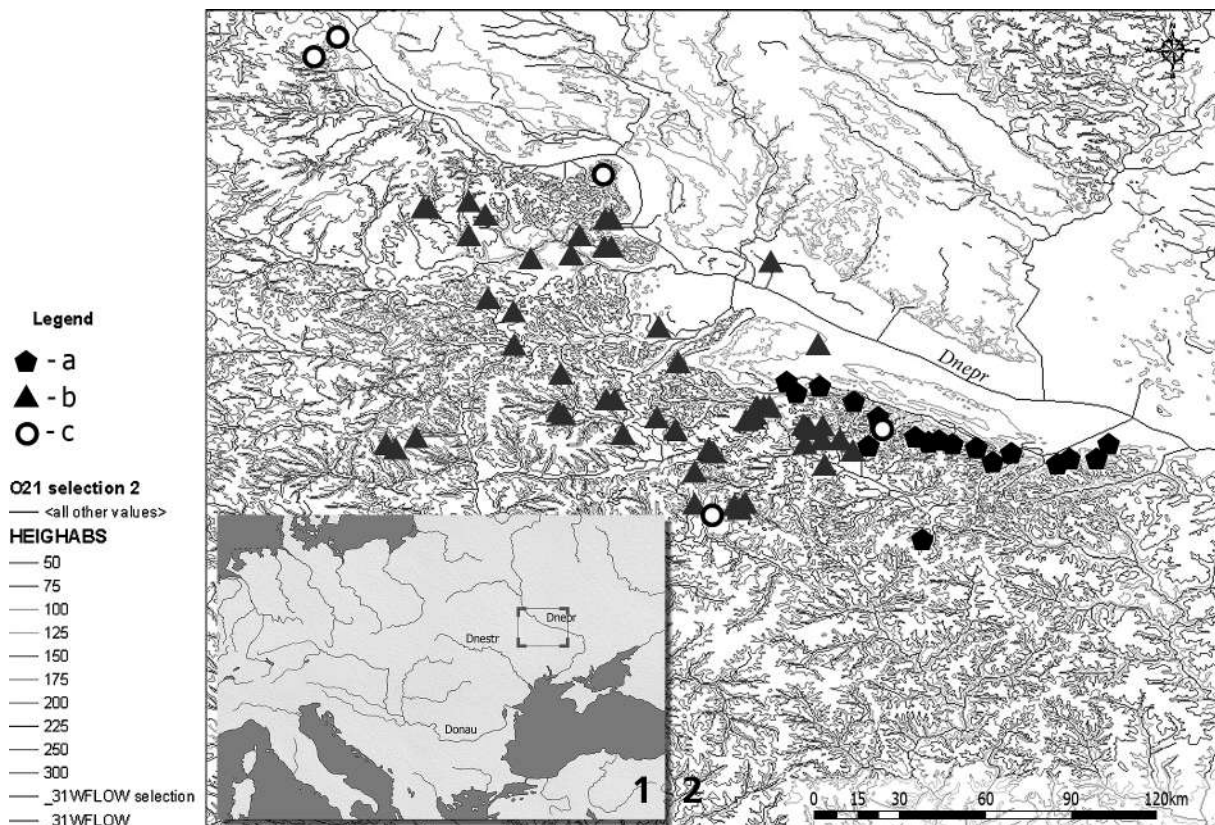

Европы. Исследования в этом направлении уже ведутся (см. ниже). Исходя из целей и задач настоящей статьи, авторы в меньшей степени касаются этого вопроса. Однако, как это можно увидеть из последующего обсуждения, строительство городищ не охватывало ранние этапы развития черноморской культуры.

³ По особенностям топографии и своим кустовым расположением поселения жаботинского времени соответствует поселениям раннегалльштатской культуры Сахарна/Козия-Сахарна из Среднеднепровского региона (Кашуба 2000, 255 сл.; Каšуба 2007, 128 сл.). Можно отметить определенное сходство ландшафтов в ареале культуры Сахарна и области распространения жаботинских памятников, но Правобережье Среднеднепровского бассейна показывает гораздо меньшую пересеченность местности.

⁴ Даты у Е.Ф. Покровской даны согласно принятой на то время хронологии черноморской культуры и жаботинского этапа. Ныне – это конец 9. в. до н.э.

⁵ Едва ли можно говорить о продолжении жизни на многих городищах – более поздние слои документированы на Калантаевском, Тясминском и, частично, на Субботовском городищах. Единственным черноморским поселением, на котором жизнь продолжилась и в раннескифское время, является Хрещатик. Однако там выделяются чистые черноморские и раннескифские комплексы: так, наличие керамики раннескифского времени в верхнем слое засыпки черноморского рва свидетельствует о наличии перерыва в жизни этого поселения (Покровская и др. 1971, 107). Следует отметить, что ни на одном из поселений жаботинского этапа не обнаружены никакие другие более поздние находки, кроме материалов раннескифского и скифского времени. По всей вероятности, это не случайно, так как высокие участки водоразделов не так часто выбирались для жизни (открытость ветрам, сравнительная удаленность от воды при явном отсутствии колодцев, пр.). Предположительно из района Жаботина известен один сарматский наконечник стрелы, а также «в окрестностях с. Жаботин выявлено одинокое погребение в урне, остатки трупосожжения, при котором была сарматская пряжка» (Максимов 1978, 51).

Рис. 1. Северное Причерноморье в начале раннего железного века: 1 – Правобережье Среднего Поднепровья как территория исследований, 2 – Правобережье Среднего Поднепровья в 10. – середине 7. в. до н.э. (а – чернолесские городища, б – жаботинские поселения, с – раннескифские городища-гиганты).

вызов эпохи. Фактор обороны, конечно, был первичен. Вопрос в другом – насколько адекватными с точки зрения затраченных усилий являются эти мощные земляные укрепления и какому военному вызову они соответствуют?

В настоящей работе обсуждается первый эпизод – дается характеристика чернолесских городищ⁶, на основе которой предпринимается попытка критического анализа существующих гипотез и объяснительных моделей.

2. Чернолесские городища и их характеристика

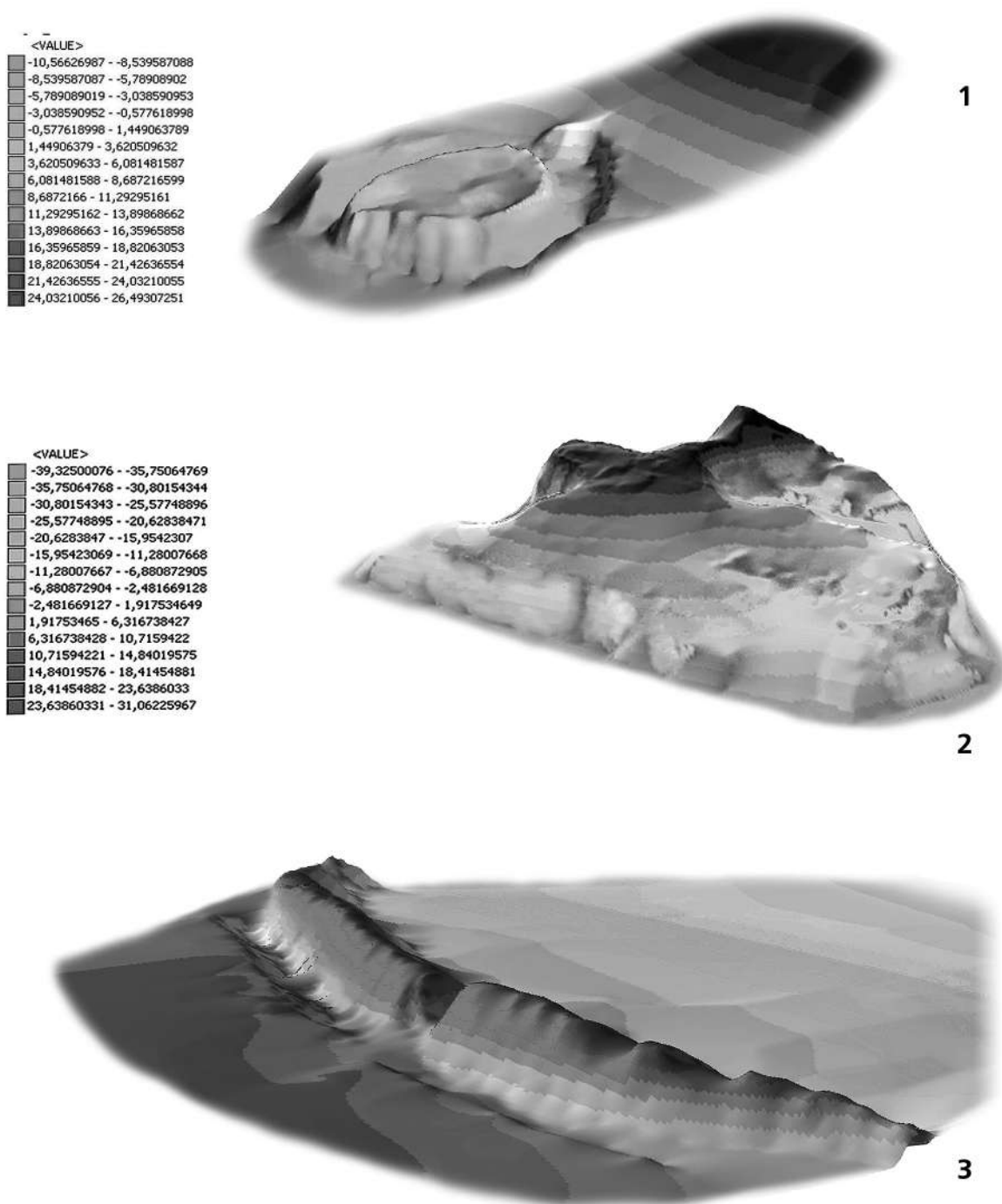
2.1. *Характеристика А.И.Тереножкина.* Алексей Иванович, открывший и впервые исследовав-

ший многие чернолесские городища⁷, отмечал: «исторически знаменательно, что в чернолесское время неукрепленные поселения на юге правобережной лесостепи сменяются городищами. Такого рода радикальные изменения в устройстве поселений происходят здесь значительно раньше, чем во всех других районах украинской лесостепи» (Тереножкин 1954, 95).

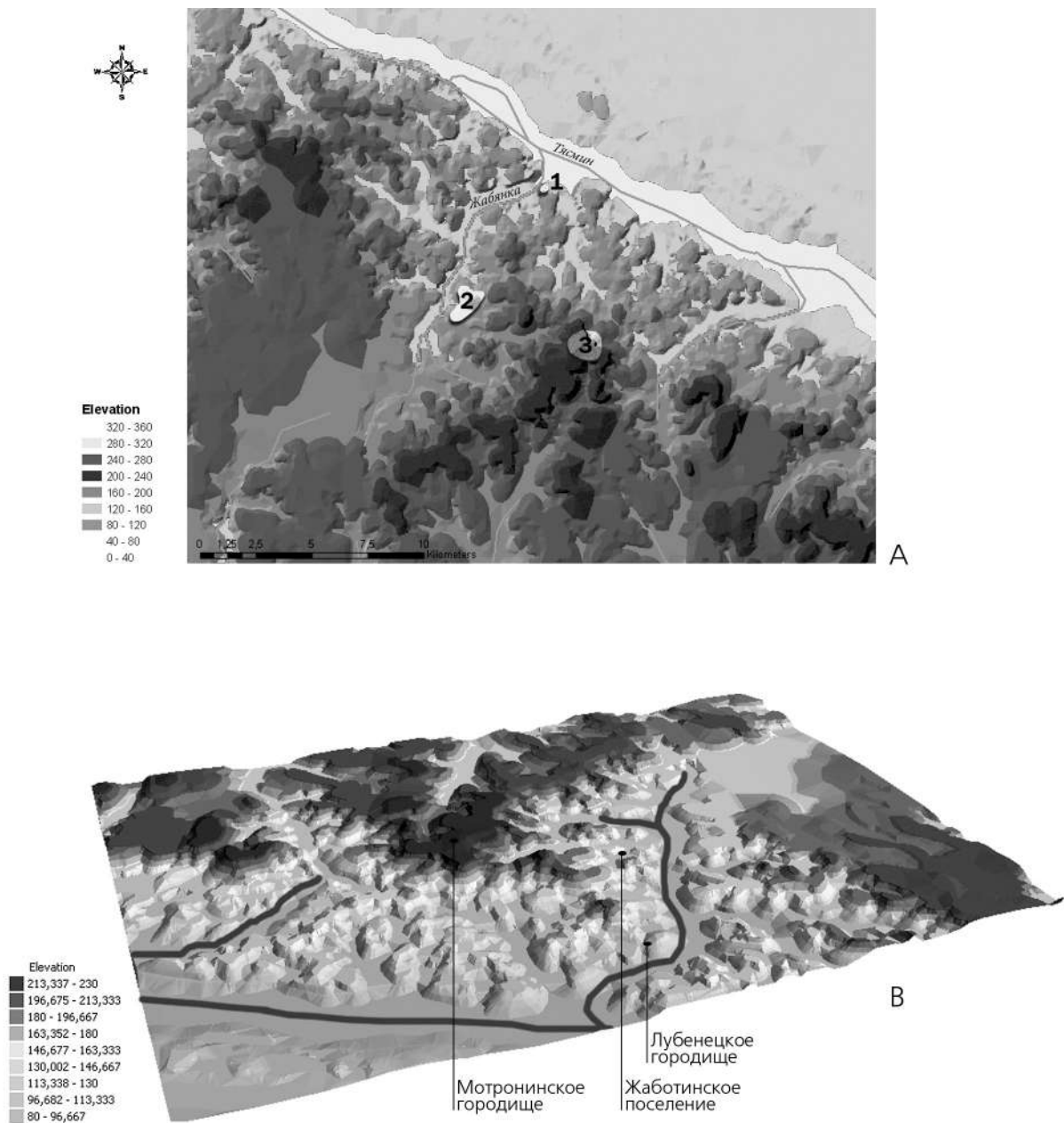
Все городища чернолесской культуры, за исключением эпонимного Чернолесского городища, расположены на Правобережье р. Тясмин – между г. Смела и г. Ново-Георгиевск. К югу от Смелы они идут в следующем порядке: Залевкинское, Лубенецкое, Полудневское, Секирное, Субботовское, Адамовское, Калантаевское, Тясминское и Мос-

⁶ Раскрытие этой темы стало следствием проводимых Жаботинской археологической экспедицией Института археологии НАН Украины (начальник М.Н. Дараган) археологических и топо-геодезических работ в Среднеднепровском регионе, в результате которых было сделано и трехмерное моделирование памятников. Авторы статьи считают своим приятным долгом выразить благодарность Д. Куштану, В. Подобеду, Д. Пецтицу, В. Панковскому, С. Лысенко, Э. Кравченко, Е. Карнауху, Ю. Полидовичу, Ю. Ляшко, С. Диденко, А. Березкину, И. Шевченко, И. Гриневу и М. Степанову за неизменную помощь в проводимых исследованиях.

⁷ Справедливости ради стоит отметить, что лавры первооткрывателя наряду с А.И. Тереножкиным также принадлежат и Е.Ф. Покровской.

Рис. 2. Трансформация пространственных структур в 10. – середине 7. в. до н.э. на Правобережье Среднего Поднепровья и Среднем Побужье: 1 – Лубенецкое городище и прилегающая территория (вид с запада), 2 – Жаботинское поселение, 3 – фрагмент вала Немировского городища (соразмерность соблюдена, масштабы разные, GRID; 3D-моделирование выполнено М. Дараган).

Рис. 3. Правобережье Среднего Поднепровья в 10. – середине 7. в. до н.э.: А-В – микрорегион Лубенцы – Жаботин – Мотронино, вертикальная зональность памятников. 1 – Лубенцы, 2 – Жаботин, 3 – Мотронино (3D-моделирование выполнено М. Дараган).

ковское, – и занимают территорию около 100 км в поперечнике (рис. 1,2).

Для строительства этих небольших городищ чаще всего использовались высокие мысы коренного берега, охваченные с боков оврагами. При выборе места особое внимание обращалось на то,

чтобы охватывающие городище овраги сходились между собой вершинами или ответвлениями, где на узком проходе легче было бы возвести оборонительные сооружения, прикрывающие площадку мыса на подступах с напольной, т.е. наиболее уязвимой стороны (рис. 4-5). По периметру некоторых

городищ (Калантаевское и Тясминское) зафиксированы дерево-земляные стены, основу которых составляли расположенные вдоль вала и связанные между собой клетки.

2.2. *Топо-геодезические исследования чернолесских городищ на примере городища Лубенцы.* Детальное топографическое положение городищ рассматривается на примере Лубенецкого городища. Выбор этот не случаен, так как оно является своего рода эталоном чернолесской фортификации и находится в непосредственной близости от памятников, ставших значимыми в этом микрорегионе в последующие периоды – на расстоянии 5,5 км южнее расположено Жаботинское поселение, и далее на расстоянии 4,5 км от Жаботинского поселения и 6,5 км непосредственно от Лубенецкого городища находится Мотронинское городище. Важно, что все три памятника (Лубенцы, Жаботин и Мотронино) также строго последовательны хронологически: чернолеская культура – жаботинский этап – раннескифское время. Несмотря на столь близкие расстояния, все три памятника находятся в принципиально различных топографических условиях и также отличаются принципиально иными фортификациями. Проведенная тахеометрическая съемка всех трех памятников и их осмотр позволяют внести ряд принципиальных уточнений в их пространственные характеристики (рис. 3, А-В).

Лубенецкое городище было открыто А.И. Тереножкиным и исследовано им в 1952 г. Им же был сделан глазомерный план памятника (рис. 4,1), и дана его общая характеристика (Тереножкин 1951, 122; он же 1961, 14-15, рис. 2).

Городище расположено на мысовидном выступе 1-й надпойменной террасы р. Жабянка (рис. 6-11)⁸. В современном виде городище представляет собой неправильный овал, размерами 100х80 м (рис. 6,5; 7-10). Для сооружения городища были использованы особенности рельефа местности, а именно, овраги с западной и частично северной стороны

мыса. Эти овраги были искусственно углублены. Головная часть оврагов просматривается до сих пор в южной части склона, примыкающего к мысу, из которого было сформировано городище. Склоны останца мыса, образовавшего оборонительную систему городища, были подрезаны, останцу была придана округлая форма. Грунт, вынутый при углублении оврагов, был использован для насыпания вала по периметру останца мыса. Таким образом и было сформировано городище (рис. 7-9).

Северный край мыса, выходящий к реке, был подрезан и эскарпирован. Крутизна склонов образовавшегося городища в результате стала составлять 60-70 градусов – даже в настоящее время (рис. 7, А-В; 8). Высота валов составляет от 5 до 10 м (рис. 7, В). Мыс, отчасти естественно, отчасти искусственно отделенный от остальной napольной части, южнее образовавшегося городища поднимается к водоразделу. И, таким образом, уже в 100 м южнее городища южный склон возвышается над современной поверхностью вала городища примерно на 15 м, в 200 м – на 25(!) м (рис. 8, 1-2; 9)⁹. Кроме того, городище и вся прилегающая к нему округа полностью просматривались с противоположной стороны (высокий водораздел) р. Жабянка (рис. 10).

Обследование ряда других поселений показывает их топографическую сопоставимость, например, Секирное (рис. 4,5), Городок (рис. 5,5). Пространственные характеристики остальных чернолесских городищ, в целом, аналогичны Лубенецкому (рис. 4-5). Исключением из правил можно было бы считать Субботовское (рис. 5,1-2) и Чернолесское городища, состоящие из нескольких укреплений. Но и в этих случаях, на самом деле, все принципиально сравнимо. Так, судя по плану (Тереножкин 1961, рис. 16), первое укрепление Чернолесского городища аналогично Лубенецкому городищу. Субботов, а именно, Малый городок по топографии и планировке полностью отвечает остальным

⁸ Для построения трехмерной модели Лубенецкого городища и окружающего его рельефа применена тахеометрия (использован тахеометр Trimble 3300DR Total Station). Принцип тахеосъемки заключается в быстром замере полярных координат пикета (точки) без вычерчивания чертежа в масштабе в полевых условиях. Тахеометрия – это съемка точек (пикетов) полярным способом, т.е. способом измерения углов и расстояний от известного направления. При известных декартовых координатах (X,Y,Z) точек, которым задается начальное направление, высчитываются координаты точек, которые измеряются. Тем самым применение тахеометрии позволяет быстро и эффективно получать планово-высотную модель снимаемой поверхности. В итоге тахеосъемки более 450 пикетов была получена цифровая модель, состоящая из точек, атрибутами которых являлись данные о порядковом номере, высоте и буквенном коде. В результате обработки данной информации была получена цифровая модель, что позволило эффективно отобразить и анализировать рельеф местности, на которой она находится.

⁹ Здесь важно подчеркнуть, насколько современные средства визуализации способны дать представление о памятнике (ср. глазомерный план Лубенецкого городища, рис. 4,1 и модели, рис. 7-10). Дело в том, что топографическая основа не всегда может быть адекватно прочитана, но зачастую также и не публикуется – в таком случае анализируется только памятник, но без окружающего ландшафта, который, собственно, и определяет местоположение самого памятника.

чернолесским городищам (рис. 5,2). Что касается Большого городка, то предполагается, что вокруг чернолесских городищ также существовали открытые поселения чернолесской культуры: вопрос заключается в функциях – как одних, так и других памятников (Лысенко 2004, 249).

2.3. *Принципы чернолесской фортификации* заключаются в расположении на мысу, наличии рва с напольной стороны, правильной круглой/овальной форме и сравнительно небольших размерах¹⁰. Среди особенностей можно отметить тотальное эскарпирование склонов оврагов и, зачастую, отсутствие фиксированного входа/въезда (рис. 4-5; 7-10).

Таким образом, чернолесские городища в регионе действительно можно рассматривать как специально организованную систему, которая впервые появляется на Правобережье Среднего Днестра со времени основания городищ, т.е. где-то в 10. в. до н.э. (рис. 1,2).

Имеющиеся данные свидетельствуют о высокой степени стандартизации этих небольших укреплений. Вполне вероятно, они были построены по заранее намеченному плану с заданным комплексом оборонительных требований и, очевидно, определенной социальной нагрузкой.

Не претендуя на полноту аналогий, можно отметить, что в целом для периода эпохи поздней бронзы – начала раннего железного века сама фортификационная схема, когда поселение на мысу с напольной стороны ограждается рвом, не является новой. Она типична для синхронных и диахронных памятников, например, известна в белозерской и бондарихинской культурах: укрепление «Дикий Сад» (рис. 11,1 – Горбенко и др. 2009) и городище у с. Веселое (рис. 11,2b – Буйнов 2005, 247, рис. 1). Новым для чернолесских городищ является их тотальное эскарпирование – по крайней мере, в рассматриваемом регионе такая техника до появления чернолесских городищ была не известна. Можно добавить, что идея круглого вала, ограждающего укрепление небольших размеров, также наблюдается в белозерской культуре, в частности, на уже упомянутом поселении «Дикий Сад» (рис. 11,1 – Горбенко и др. 2009, рис. 1-2).

В изучении чернолесской фортификации с самого начала был поставлен вопрос о ее назначении, что, безусловно, находится не только в зависимости от экономических возможностей населения, оставившего чернолесскую культуру, но также от внешних взаимоотношений с близкими и далекими соседними сообществами.

3. Причины появления чернолесских городищ – объяснительные модели

3.1. Военная угроза и враждебные действия со стороны киммерийцев.

Модель А.И. Тереножкина. Основываясь на всесторонней характеристике городищ, А.И. Тереножкин предложил яркую и широкую историческую картину. Согласно ей «чернолесские городища явились первой в истории Северного Причерноморья оборонительной линией крепостей, которые построило земледельческое население лесостепи для защиты от кочевого населения степей Причерноморья. Племенами, против которых воздвигались эти укрепления, несомненно, являлись киммерийцы» (Тереножкин 1954, 95). Укрепляя свою аргументацию, автор подчеркивал, что созданные чернолесскими племенами городища были сосредоточены исключительно в южной части правобережной лесостепи, тогда как севернее жизнь протекала на неукрепленных поселениях, так как южнее, чем северные районы, оказался под ударом воинственных степняков. Он также обратил внимание, что в большинстве случаев чернолесские городища существовали недолго, при этом Тясминское городище было разрушено огнем, следы пожара есть и на Чернолесском городище, а многие жилища нижнего яруса культурного слоя на Субботовском городище также прекратили свое существование вследствие пожара. Это привело исследователя к мнению, что основным историческим содержанием той эпохи были скифские и киммерийские войны (Тереножкин 1961, 40).

В своей работе, посвященной киммерийцам, А.И.Тереножкин также подчеркивал: «как и раньше, мы думаем, что возникновение чернолесских

¹⁰ Как отмечал еще А.И. Тереножкин, «в чернолесских укреплениях отчетливо воплотилась древняя идея круговой обороны родовым табором. Круглое укрепление, использовавшееся иногда только во время войны в качестве рефугиума, составляет основу каждого чернолесского городища... С началом скифского периода общее распространение в украинской лесостепи получили обширные городища, сооружение и защита которых могли быть осуществлены исключительно силами больших коллективов. В скифскую эпоху большие городища воздвигались, как это удачно заметил М.И. Артамонов, для защиты не только племени, но и главного его богатства – скота. Опыт первоначальной фортификации в предскифское время подсказал древним строителям, что одним из важнейших условий организации длительной и успешной обороны является также надежное обеспечение укрепления водой. В чернолесское время источники водоснабжения находились вне черты городищ. В скифское же время городища стали сооружать, главным образом, в стороне от больших рек, обычно на обособленных водораздельных возвышенностях, включая в их систему какую-нибудь небольшую речку, ручей или источник» (Тереножкин 1961, 40-41).

городищ в бассейне р. Тясмин обусловлено военными вторжениями на эту территорию степных киммерийцев. Связи начались в черноморское время, когда возникли черноморские городища» (Тереножкин 1976, 202). Как киммерийские, А.И.Тереножкин рассматривает находки костяных наконечников и костяных псалиев в слоях городищ¹¹. И далее, «в опустошенных пожарами поселениях ранней черноморской культуры в Среднем Поднепровье (Субботово, урочище Имбек около Большой Андрусовки) можно видеть свидетельства ранней агрессии степных киммерийцев. Только учащающимися походами киммерийских отрядов на север можно объяснить появление на второй ступени черноморской культуры, приблизительно в 9. в. до н.э., целой системы городищ. Подтверждением агрессивности киммерийцев служит то, что все новое, обнаруживающееся в военном деле, в составе вооружения и снаряжения верхового коня на поздней черноморской ступени, заимствовано от киммерийцев» (Тереножкин 1976, 214). Следует обратить внимание и на мнение А.И. Тереножкина о том, что «для новочерноморского времени на этой территории (Среднего Поднепровья – *М.Д. и соавторы*) известны такие могилы, которые по составу предметов вооружения и принадлежностей верхового коня не отличаются от собственно киммерийских, и мы не во всех случаях можем сказать уверенно, принадлежат ли они местным жителям, то есть черноморцам, или пришлым киммерийцам (Носачевский и Рыжановский курганы)» (Тереножкин 1976, 202).

Итак, модель по А.И. Тереножкину следующая: в степях Северного Причерноморья появились воинственные киммерийцы, которые стали ходить завоевательными походами на север, в лесостепь; начальным эпизодом степной экспансии было сожжение Андрусовского и Субботовского селищ; следствием этого процесса явилось сооружение городищ в лесостепи населением, оставившим черноморскую культуру.

Модель А.И.Тереножкина была поддержана Е.Ф. Покровской и Б.Н. Граковым, который считал эти городища городищами-убежищами, где временно поместиться только разве небольшой род. По его мнению, в связи с этим первым вторжением возникли, вероятно, довольно обширные со-

юзы черноморских племен, превратившиеся затем в мощные политические образования скифского времени, оставившие Немировское, Мотронинское и другие городища (Граков 1977, 182). Б.Н. Граков также добавлял, что «черноморские городки строились не для обитания, а для укрытия от нападения на поселок и притом от внезапного нападения. Площадь такого укрепления вполне может вместить отдельную отцовскую семью или небольшой род. По расположению городищ на Тясмине можно предполагать, что в них искало убежища племя или союз небольших племен с центром расселения из Субботова. По видимому, городища возникли после какого-то внезапного вторжения, вызвавшего пожары на Субботовском и Андрусовском селищах, и, очевидно, такая опасность не прекратилась и после первого набега»¹² (Граков 1977, 165).

Модель С.А. Скорого. Полностью поддерживая гипотезу А.И. Тереножкина о вторжениях степняков и завоевании лесостепного населения, С.А. Скорый расширяет доказательный ряд и вносит ряд существенных дополнений. Так, он отметил, что при оценке взаимоотношений степняков-номадов и автохтонного населения Лесостепи предскифского времени могут быть использованы различные археологические данные, среди которых, в первую очередь, следует назвать: 1) следы пожаров на некоторых селищах черноморской культуры и прекращение их функционирования; 2) появление укрепленных поселений-городищ в южных пределах лесостепи и гибель некоторых из них; 3) географическая локализация погребальных памятников киммерийцев относительно поселений автохтонного населения; 4) находки на отдельных поселениях киммерийских вещей и присутствие вещей местного изготовления в киммерийских могилах; 5) некоторые новации в обряде киммерийцев (Скорый 1999, 69).

Как же обосновывалась С.А. Скорым его модель завоевания? Эпизод 1 – «исследование раннечерноморских поселений убедительно показало, что ряд из них имеет следы пожаров и разрушений, положивший конец их существованию: селища у с. Субботов, урочища Имбек возле Андрусовки». Эпизод 2 – возникновение городищ рассматривается как следствие этого процесса, но С.А. Скорый (1999, 70), уточняет, что «местные племена Ле-

¹¹ Однако наконечники и псалии не являются достоверными доказательствами присутствия киммерийцев в лесостепи, а надкультурный характер этих предметов показывает кочевнические импорты и/или области интересов кочевников вне пределов собственно степной зоны. Все остальные случайные находки (кинжалы и т.д.) демонстрируют наличие контактов, в первую очередь, с Кавказом, а не степью, но не более.

¹² Следует отметить и мнение Б.Н. Гракова о том, что появление городищ на Тясмине – необязательно результат внутреннего развития общества, о чем свидетельствуют довольно многочисленные неукрепленные черноморские поселки в Западной Подолии (Поднепровье) (Граков 1977, 165).

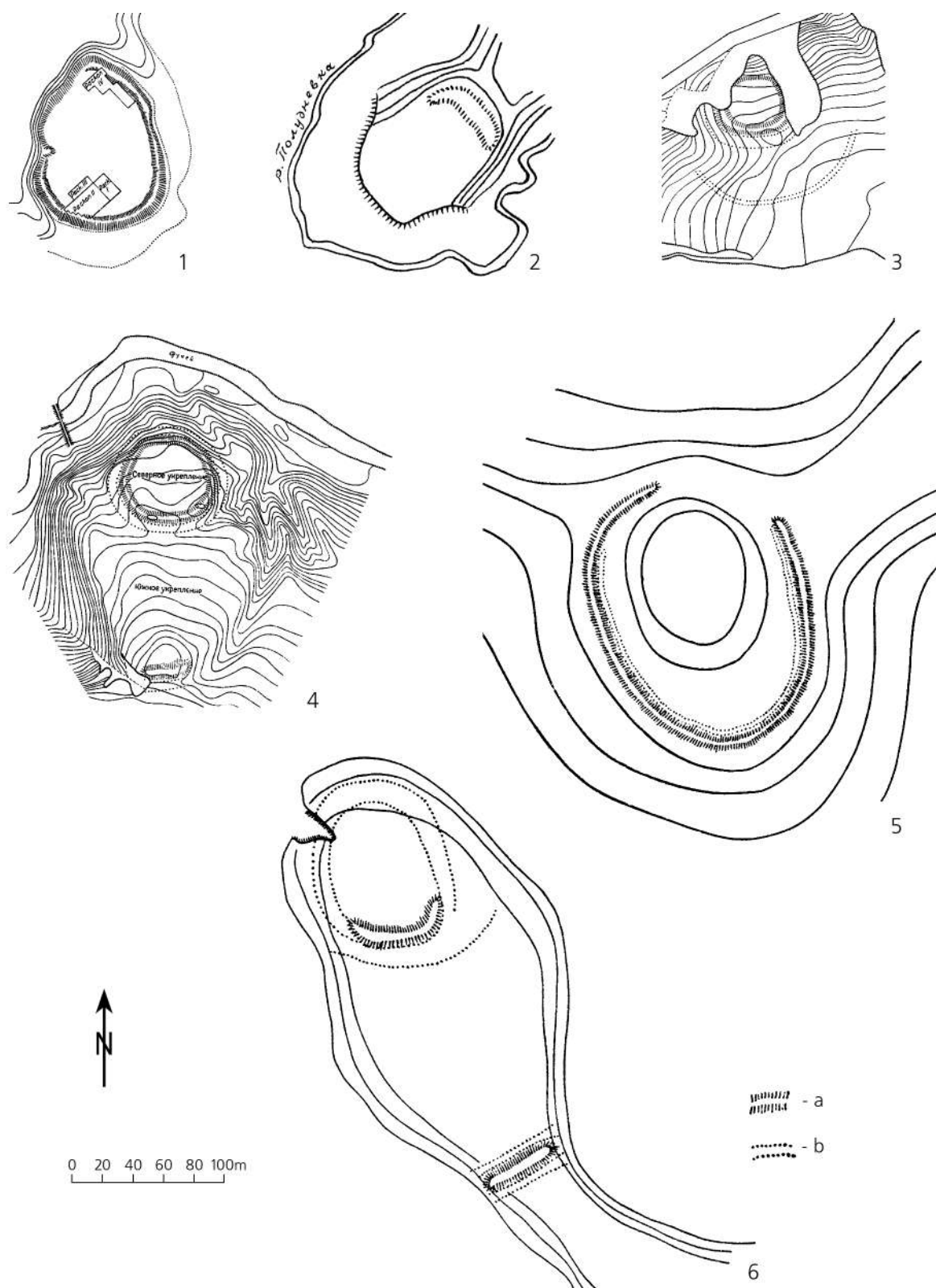

Рис. 4. Правобережье Среднего Поднепровья, планы чернолесских городищ: 1 – Лубенцы, 2 – Полуднев, 3 – Калантаев, 4 – Тясмин, 5 – Секирное, 6 – Янычев. Условные обозначения: а – вал, б – ров (по Тереножкин 1961; Покровская 1962).

состепи, создавая укрепления на поселениях и, в какой-то степени, ослабляя натиск степняков, все же не смогли противостоять их все возрастающей активности. На ряде укрепленных чернолесских поселений прослеживаются выразительные следы вторжений. В огне погибло Тясминское городище, были разрушены многие жилища Субботовского городища, следы пожарищ зафиксированы на Чернолесском городище». Эпизод 3 – новаторский, «есть все основания связывать эти события с агрессией кочевников Новочеркасской группы, т.е. исторических киммерийцев. Весьма показательно географическое взаиморасположение киммерийских погребений и чернолесских городищ в Правобережье Среднего Поднепровья. Почти все киммерийские могилы находятся севернее линии тясминских городищ, за ее пределами. Складывается впечатление, что в конце 8.-7. вв. до н.э. городища чернолесского времени не являлись скольконибудь серьезным препятствием кочевникам в их проникновении в глубины Лесостепи. Оно становится еще более убедительным, если вспомнить, что среди киммерийских захоронений Лесостепи решительно преобладают основные погребения, свидетельствующие о достаточно прочном военнополитическом положении кочевников в этом регионе» (Скорый 1999, 71). Эти погребения «не просто свидетельствуют о набегах степняков в земли автохтонного населения (носителей чернолесской и бондарихинской культур), но и маркируют пребывание номадов в лесостепном регионе в конце 8. – начале 7. в. до н.э.» (Скорый 1994, 150). А вот и причины стремления киммерийцев в лесостепь, по С.А. Скорому: «Среднеднепровский регион Лесостепи представлял собой наиболее благоприятный объект для эксплуатации со стороны кочевников, являясь источником получения металла, игравшего огромную роль в военизированном быте номадов. Высокий экономический потенциал был основной предпосылкой для освоения названной территории киммерийцами» (Скорый 1994, 151-152).

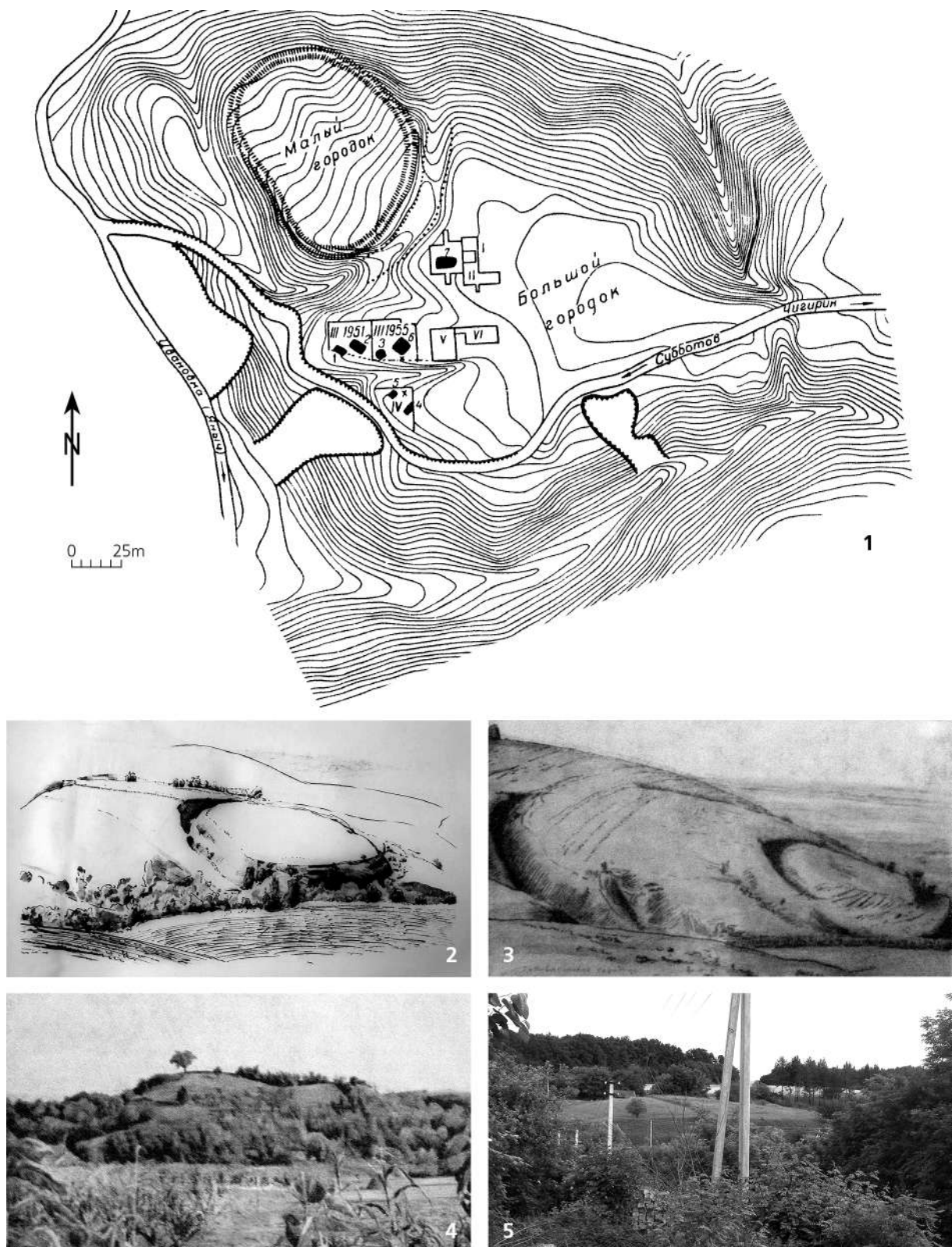
Модель С.В. Махортых. Не обошел эту тему и С.В. Махортых. В предложенной им периодизации и хронологии киммерийцев выделяются две исторические фазы развития: первая (первая половина 9. в. до н.э.) и вторая (вторая половина 9. – начало 7. в. до н.э.). Именно со вторым этапом киммерий-

ской истории С.В. Махортых связывает продвижение киммерийцев в лесостепь, причиной чему стало ухудшение природно-климатической обстановки. Свидетельства военной агрессии степных киммерийцев – это опустошенные пожарами лесостепные поселения чернолесской и бондарихинской культур Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья: Субботов, Бузовка, Залинейное (Махортых 2005, 299). И далее: «Вторжение кочевников в поисках новых пастбищ на юг лесостепной зоны, занятый местным оседлым населением, провоцировало военные столкновения. Эти конфликты и приход киммерийцев в южные районы расселения носителей чернолесской культуры, вероятно, вынудили последних отойти на восток и на запад – в бассейн Днестра и Ворсклы. Стычки с киммерийцами и интенсификация контактов с ними ... явились причиной видоизменения чернолесской культуры, что позволило исследователям выделить второй период в ее развитии... Однако военные конфликты продолжались не долго. Захватив южные регионы лесостепи под летние пастбища, киммерийцы вновь установили мирные отношения с местным населением. Об этом свидетельствуют материалы второго периода чернолесской культуры, найденные в киммерийских погребениях (Махортых 2005, 300)¹³.

Мнение В.И. Клочко. Исследователь также считает, что чернолесские городища были разрушены, а виноваты в этом черногоровцы-протоскифы – носители аржанского комплекса. Следы их военной экспансии он видит в костяных наконечниках стрел аржанского типа. При этом как одновременные и взаимосвязанные события он рассматривает прекращение жизни на Субботовском, Колонтаевском городищах в Среднем Поднепровье, а также Кобяковском и Сержень-Юртовском поселении на Кавказе (Клочко и др. 1998, 97-98; Клочко 2004, 202).

Таким образом, как А.И. Тереножкин (1961, 1976 – в одних археологических реалиях), так С.А. Скорый, С.В. Махортых, В.И. Клочко (Скорый 1999; Махортых 2005; Клочко 2004 – в принципиально других реалиях) придерживаются установленной единой модели, согласно которой чернолесские городища возникают в ответ на давление киммерийцев со стороны степи. «Нет оснований сомневаться, что кочевники, превосходя автохтонов в военном отношении – эффективное вооружение, исполь-

¹³ См. в дополнение: «Необходимо помнить, что такие факты как возникновение укреплений, пожарища на поселениях, весьма ярко отражавшие определенные события, как правило, затмевают более скромные, но не менее важные вещественные следы отношений иного рода» (Скорый 1999, 71). И продолжение темы у С.В. Махортых: «Для установления более тесных контактов и ведения успешных обменных операций кочевники могли брать жен в чернолесской среде. Это помогало приобретать родственников, которые оказывали необходимую поддержку» (Махортых 2005, 300). Но, видимо, поддержка со стороны новых родственников была слабовата, если они, согласно С.А. Скорому и С.В. Махортых, все же ходили на них с военными акциями.

Рис. 5. Правобережье Среднего Поднепровья, чернолесские городища (план, рисунки и фотографии): 1 – Субботов, план; 2 – вид на Субботов; 3 – Головятино, вид с юго-востока; 4 – Залевкинцы, вид из долины р. Тясмин; 5 – Городок (1,3,4 – по Тереножкин 1961).

зование тактики конного боя, применение боевых колесниц – поставили их в зависимость и стали осуществлять контроль над территорией Лесостепи. Иными словами – в социально-политическом отношении киммерийцы представляли господствующую группу населения» (Скорый 1999, 74). Главным оружием киммерийцев был дальнобойный лук со стрелами с бронзовыми двухлопастными металлическими наконечниками. В ближнем бою киммерийцы использовали меч (Давня історія 1998, 19.29-30). Наездники, прочно спаянные в отряды, стали основой киммерийских войск со свойственной им подвижностью и маневренностью, дававшими им особые преимущества в боях с пехотинцами. Киммерийцы были, прежде всего, конными стрелками из лука, имевшими на вооружении также отличные железные мечи и каменные боевые молотки. Главным оружием дальнего боя у киммерийцев были лук со стрелами (Махортых 2001, 26; он же 2002, 195-203). Распространение верховой езды в киммерийскую эпоху означало, что хорошо подготовленные конные отряды могли быстро перемещаться и поражать противника, преодолевая громадные расстояния (Махортых 2005, 311).

Несмотря на то, что в рамках этой завоевательной модели отсутствует общее представление о том,

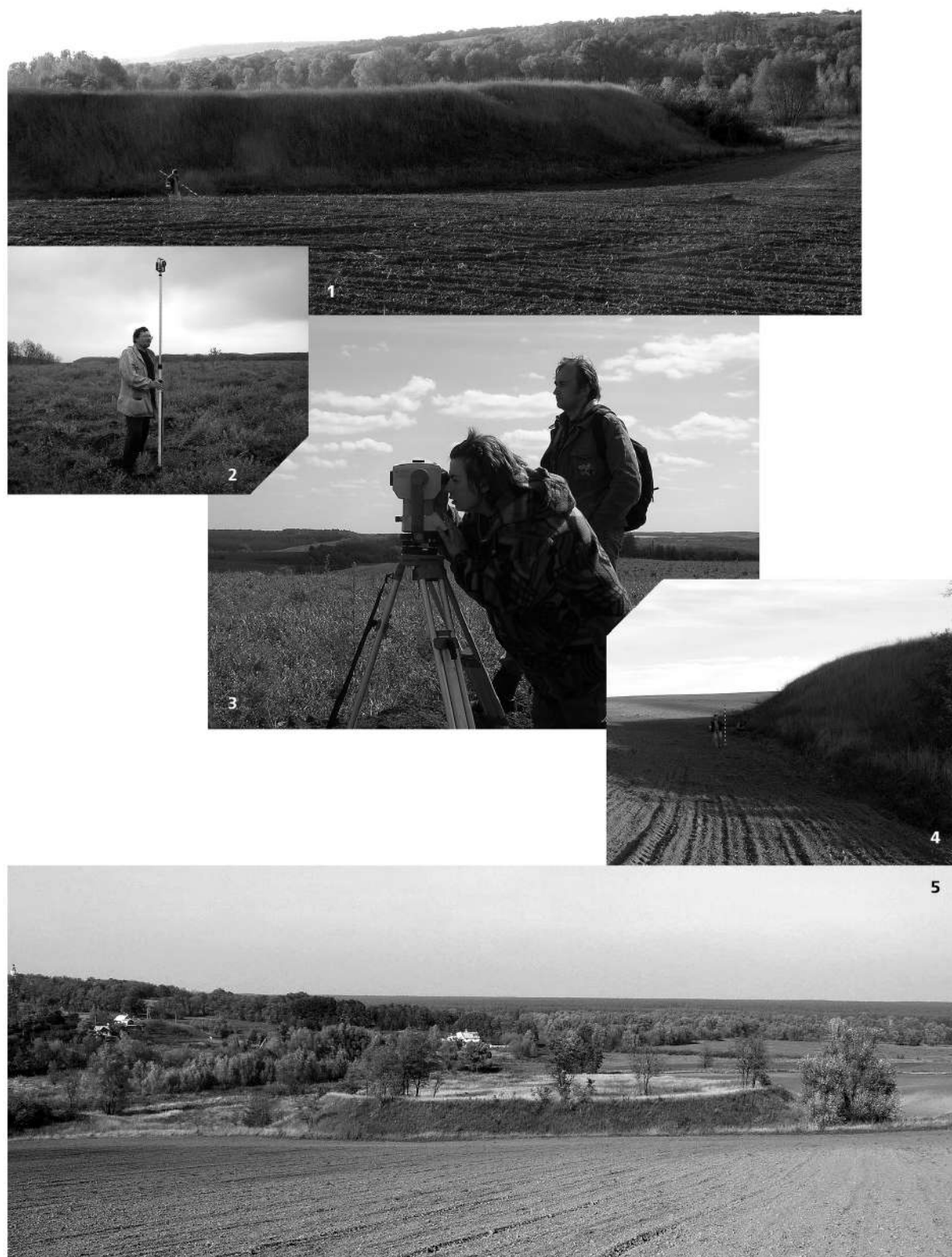
носители какой материальной культуры являются киммерийцами (для одних – это черногоровцы, для других – носители Новочеркасского комплекса, для третьих – протоскифы¹⁴), идея завоевания лесостепи и гибели черноморских городищ¹⁵ вошла также в общие издания по археологии и древней истории региона (например, Давня історія 1998, 29-30).

3.2. Внешняя угроза со стороны фракийских племен.

Модель С.С. Березанской. По ее мнению, городища сооружались на южной окраине Правобережной лесостепи для защиты не от киммерийцев, а активизировавшихся фракийских племен (Березанская 1982, 200; она же 1985, 14). Фракийскую версию поддерживает и Я.П. Гершкович. По крайней мере, со ссылкой на устное сообщение Я.П. Гершковича об этом пишут Ю.В. Болтрик и Е.Е. Фиалко: «исследователь считает, что основная опасность, а вскоре и погибель пришла со стороны фракийцев» (Фиалко, Болтрик 2003, 74-75). Впрочем, в частной беседе с нами Я.П. Гершкович не был столь категоричен. Кроме того, относительно фортификационной системы Субботовского городища Я.П. Гершкович предположил, что она либо не была достроена, либо ее назначение лежит все-таки вне сферы обороны: ни на участке рва и вала, ни на поселении

¹⁴ «Термин “киммерийская культура” был введен уже самыми первыми исследователями предскифской археологии Северного Причерноморья. В настоящее время он прочно вошел в археологическую литературу, применяясь в качестве обозначения культуры предскифского населения Северного Причерноморья. При этом, большинство археологов долгое время не осознавало, а многие не осознают и теперь, всей условности этого термина. Они не сомневаются в том, что “киммерийская культура” действительно принадлежала реальным киммерийцам исторических источников, что совершенно не очевидно и никогда не было доказано. Сомнения в корректности такого представления возникли лишь в последнее время... Вызывает неприятие безоговорочное отождествление всего населения восточноевропейских степей от Дуная до Северного Кавказа с историческими киммерийцами. Это отождествление ничем не обосновывается, и “киммерийцы” выступают здесь просто как псевдоним предскифских культур. В настоящее время такая позиция выглядит как анахронизм: можно не соглашаться с аргументацией противников этой точки зрения, но невозможно ее попросту игнорировать» (Иванчик 1999, 77 сл.). Соотнесение предскифских древностей Северного Причерноморья с историческими киммерийцами далеко не бесспорно с методологической точки зрения. Следуя версии Геродота, археологи выделили несколько аксиом: 1) киммерийцы были единственными обитателями Причерноморья в период, предшествующий появлению там скифов; 2) культура киммерийцев должна отличаться от культуры скифов. Из этого следовало, что материальная культура доскифского типа автоматически является киммерийской; 3) киммерийцы являлись исконными обитателями этой территории и истоки их материальной культуры содержатся в местных памятниках эпохи бронзы (Алексеев и др. 1993, 51). Наиболее спорным является факт абсолютного отождествления киммерийцев, которые упоминаются в древневосточных письменных источниках, как народ действующий на территории Передней Азии, с населением северопричерноморских степей. Как результат такого «отождествления» и следующие выводы: «Превосходство киммерийцев над лучшими армиями Передней Азии состояло, прежде всего, в их новой тактике, которая основывалась на создании массового легкого конного войска практически без обоза. Такое войско было необычайно подвижно, а при большой дальнобойности и пробивной силе киммерийских стрел, отличающихся высокими баллистическими качествами, могло постоянно держаться на безопасном расстоянии от противника. Стрельба велась в основном не через голову коней, а назад по ходу скачки. Кони, летящие табуном в сторону от опасности, почти не нуждались в поводьях и могли управляться одними шенкелями. Таким образом обстрел велся на скаку, когда конный отряд мчался мимо противника и в сторону от него, но при всем том был убийственным. Боевые качества древневосточной конницы и колесничного войска не отвечали требованиям ведения войны с таким чрезвычайно быстрым, маневренным противником, каким были киммерийцы» (Махортых 2002, 27-28). Конечно, куда уж лесостепным племенам противостоять такой армии, если даже переднеазиатские государства были перед ними бессильны.

¹⁵ ср. «фактически все черноморские городища погибли от пожаров вследствие враждебного нападения» (Фиалко, Болтрик 2003, 74).

Рис. 6. Правобережье Среднего Поднепровья, тахеометрическая съемка и виды чернолесского городища Лубенцы (1-5; С. Разумов, Д. Куштан и М. Дараган, 2008 г.).

следов штурма или осады, как это считалось ранее, нет (Гершкович 2007, 59).

3.3. Иные причины, не связанные с внешней/военной угрозой.

Модель Н.П. Шевченко. Исследовательница полагает, что имеющиеся данные, наоборот, свидетельствуют в пользу мирных взаимоотношений между населением черноморской культуры и степным (один из примеров: степные погребения с керамикой черноморской, а впоследствии и жаботинской культуры и поселения в степном Побужье). Н.П. Шевченко отмечает: «сомнительно, чтобы киммерийцы предоставили бы враждебному населению разрешение на проживание на своей территории». Так, прекращение функционирования городищ она видит не в завоевании черноморского населения, а связывает с отсутствием необходимости в их дальнейшем существовании, учитывая переход населения на жаботинские поселения. Также она полагает, что именно в местной среде могли зародиться или появиться некоторые новые военные достижения – следствием этого на смену тактики укрытия во время опасности за стенами неприступных укреплений приходит тактика обороны силами вооруженной конницы. Также она оспаривает тот факт, что погребения с вооружением и конским снаряжением принадлежали представителям киммерийской элиты – с таким же успехом там могла быть погребена и элита из числа местного населения, как это предполагал и А.И. Тереножкин (Шевченко 1999, 270-271).

Мнение В.И. Полтавца. В «антикиммерийской» сущности малых черноморских городищ сомневается и В.И. Полтавец. Он считает, что «черноморские городки тясминского бассейна, расположенные, преимущественно, вдоль правого берега р. Тясмин, не создавали оборонной линии, поскольку не контролируют основных сухопутных дорог, которыми могли продвигаться захватчики с юга. Каждая «крепость», в лучшем случае, могла защитить население (немногочисленное) от кратковременного набега небольшой группы воинов. Более надежными укрытиями могли быть окрестные леса и камышовые заросли в плавнях». Относительно предназначения городищ, он считает, что они могли быть культовыми типа славянских (Полтавец 2008, 36).

Таким образом, основной объяснительной модели появления черноморских городищ вследствие внешней киммерийской угрозы противостоят две концепции – или военная угроза со стороны фракийцев, или же модель внутреннего развития местной черноморской культуры.

4. Геоинформационный анализ черноморской фортификации

Не отрицая оборонительного характера городищ, проанализируем черноморские фортификации на примере Лубенецкого городища (рис. 7-10) с точки зрения вопроса: адекватным ли ответом на такую серьезную угрозу, как киммерийское завоевание, было сооружение именно этих городищ?

Для верного понимания целей сооружения городищ задача состоит в определении правильных факторов, повлиявших на мотивацию выбора места в контексте данного конкретного ландшафта, размеров, параметров, объемов и т.д. Ведь строители городища, скорее всего, неслучайно избирали именно эту, а не другую площадку (Коробейников 2006b, 59).

4.1. Процесс строительства городища. Несмотря на сравнительно маленький размер городищ, их сооружение требовало значительных трудозатрат. А поскольку практически все городища были построены по единой схеме и, скорее всего, одновременно, можно предположить, что «заказчику» строительства были известны объемы необходимых ресурсов до начала самого строительства. Откуда заказчик мог знать значение необходимых ресурсов? Из опыта предыдущихстроек. И даже если вышерассмотренное Лубенецкое городище было первым в указанной серии (или любое другое – первым), производитель работ мог и должен сообщить заказчику приблизительный объем работ, основываясь на собственном опыте, по аналогии с другими объектами (Коробейников 2005, 107-119).

Соответственно, идея или откуда-то пришла (вместе с кем-то), или же это существенный прогресс в самосознании местного населения. Все же объективная сторона строительной деятельности требовала применения совершенно конкретных знаний и навыков, причем из разных областей¹⁶.

4.2. Оборонительные характеристики городища на примере Лубенецкого (рис. 7-10).

¹⁶ Городище все же является инженерным сооружением. Поэтому должен быть заказчик работ – профессиональный руководитель обороны, вообще лицо, обладавшее навыками организации и властными полномочиями по крайней мере в области обороны. Вопрос в том, был ли это групповой заказчик в лице совета (рода, племени) или единоличный персонаж. Производитель работ – т.е. профессиональный строитель, обладавший навыками измерения углов, расстояний, площадей, способный производить арифметические вычисления и действия с геометрическими фигурами. Исполнитель работ – народ, отвечающий за копку и переноску грунта, заготовку леса и изготовление деревянных конструкций (Коробейников 2005, 119).

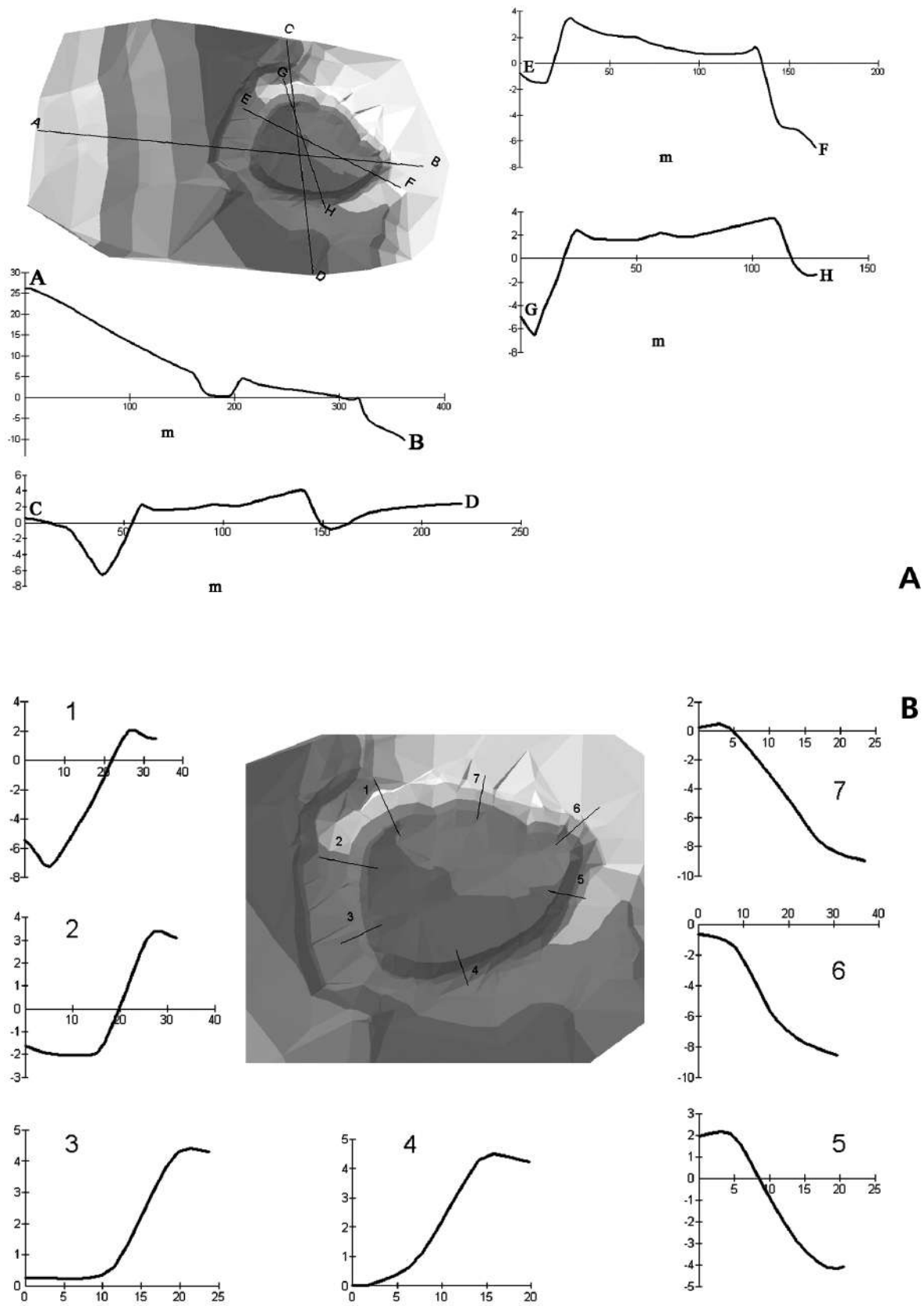

Рис. 7. Правобережье Среднего Поднепрорья, чернолесское городище Лубенцы: А-В – профили городища и склонов (3D-моделирование выполнено М. Дараган).

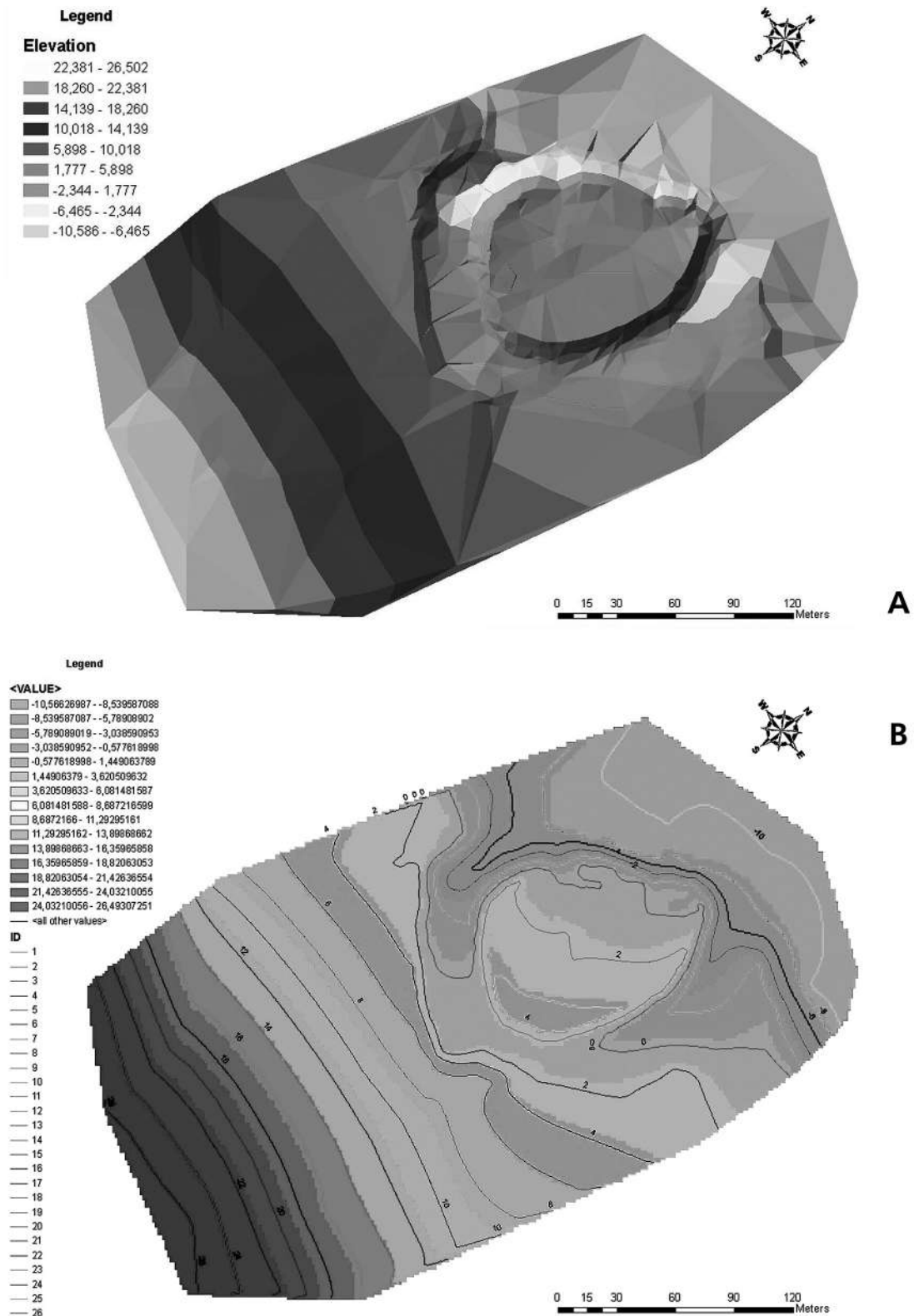
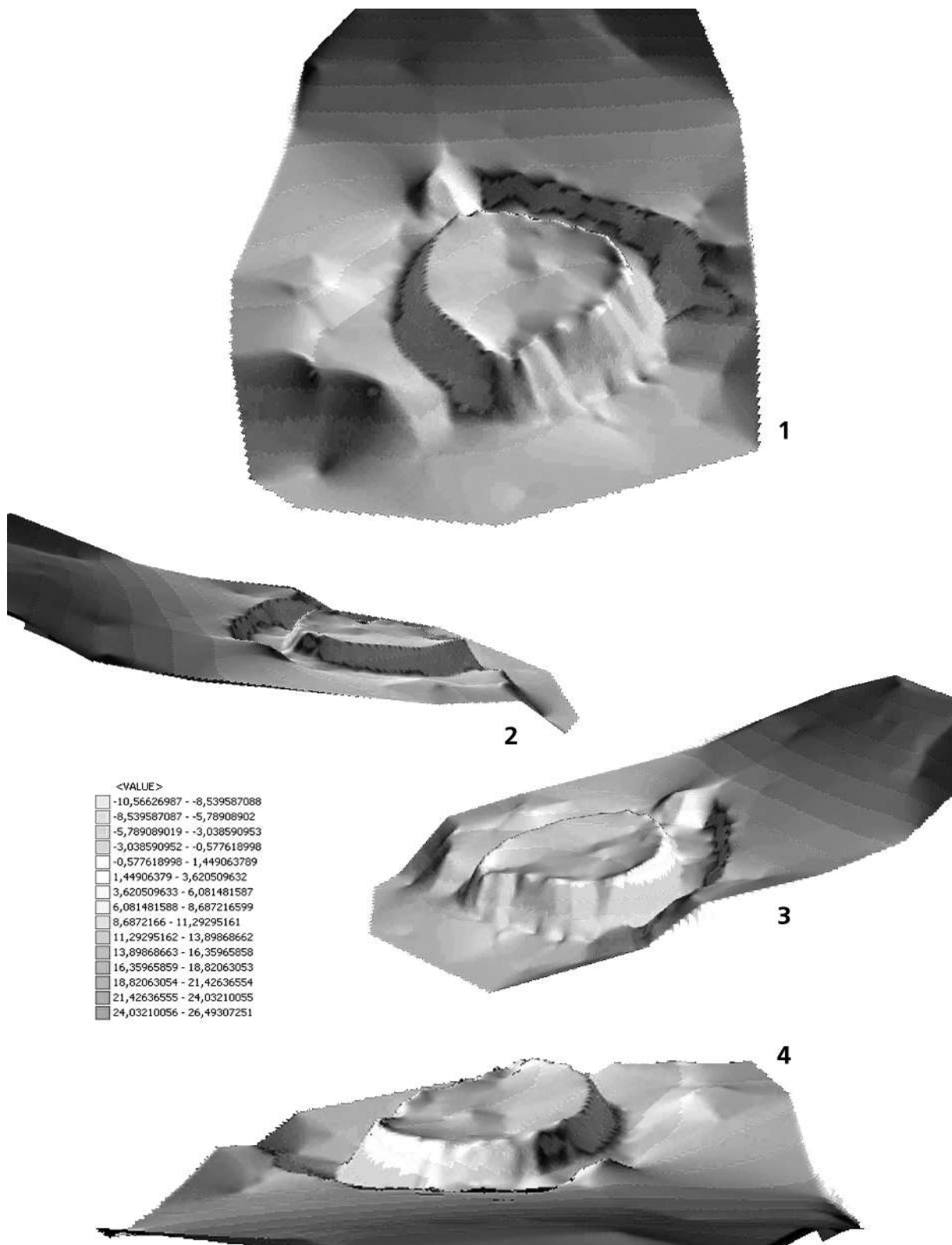

Рис. 8. Правобережье Среднего Поднепровья, планы чернолесского городища Лубенцы: А – TIN, В – GRID+isoline (3D-моделирование выполнено М. Дараган).

Рис. 9. Правобережье Среднего Поднепровья, виды на чернолесское городище Лубенцы: 1 – снизу вверх, 2 – с востока, 3 – с запада, 4 – сверху вниз (3D-моделирование выполнено М. Дараган).

Рис. 10. Правобережье Среднего Поднепровья, виды на чернолесское городище Лубенцы с водораздела (1-3).

4.2.А. *Городище оценивается с точки зрения, даст ли оно обороняющимся преимущество над противником* в момент решающей схватки, и как долго оно сохранит возможность предоставлять это преимущество в случае необходимости в нем. Характеристики и устройство, потребительские свойства оборонительных фортификаций определяются условиями их эксплуатации при действии вполне определенных поражающих факторов определенного оружия. Сооружение, с одной стороны, должно противостоять поражающим факторам оружия, которым располагает наступающий противник, а с другой стороны, усиливать поражающие факторы оружия обороняющейся стороны (Коробейников 2005, 109-110). Кроме того, актуальным является и вопрос о жизнеобеспечении таких городищ, в первую очередь, об источнике воды и т.д. Если городища были действительно местами – убежищами для какой-то части окрестного населения, которому противостояла мощная сила – то очевидно, что долго бы они там не продержались: площадь маленькая, все просматривается (рис. 9,1; 10,1-3). Поэтому, блокировать укрывшееся население, взять его измором и, в конечном итоге, заставить всех сдаться было не так сложно¹⁷. Но если была выбрана именно такая площадка для городища – это может быть прямым указанием на то, что потенциальный противник не практиковал осады.

4.2.Б. *Качественные оборонительные признаки городища.*

Показатель высоты склона (вала) городища над уровнем поймы демонстрирует уровень его естественной защиты. Естественная защита городища на холме складывается, во-первых, из степени недоступности территории для поражения прицельными выстрелами из лука, во-вторых, она пропорциональна трудности, которую откосы площадки предоставляют для скрытного доступа или штурма. Недоступность площадки для выстрелов напрямую зависит от ее высоты, точнее, от превышения ее высоты над высотой позиции стрелка. Тем самым выбор высоты вала и его профиля был обусловлен расчетом заказчика на предстоящее его применение для защиты всей территории от обстрела, а бойцов на валу – от обстрела и поражения ударным оружием. В то же время, крутизна откосов вала дает его защитникам преимущество, когда они действуют, в первую очередь, не метательным, а ударным оружием (Коробейников 2006а).

Как можно убедиться на примере Лубенецкого городища (рис. 6,1.4; 9,1), оно со стороны поймы

¹⁷ Считается, что не все из чернолесских городищ были заселены: культурный слой на большей части из них невелик. Это не совсем так. Пример Лубенецкого городища показывает, что культурный слой на нем не насыщенный, но при

(восток и запад) было защищено – высота собственно склона до 11 м, к этому добавляется вал и вероятная деревянная стена. Это все делало его, пусть и маленькой, но хорошо укрепленной крепостью. Однако мыс, на котором сооружено городище, отделен от остальной напольной части, и южнее образовавшегося городища поднимается к водоразделу (рис. 6,1; 8/А-В; 9,1.4). И, таким образом, как было уже отмечено выше, уже за 100 м южнее городища – южный склон возвышается над современной поверхностью вала городища примерно на 15 м (рис. 8,А/разрез А-В; 9). Следовательно, даже при предполагаемой большей высоте вала и наличии над ним частокола, вся площадь городища с юга была доступна для визуального наблюдения (рис. 6,4; 8,А/разрез А-В; 9,4; 10,1-3) и, как следствие – прицельной стрельбы из лука с напольной стороны¹⁸.

В то же время, нельзя не обратить внимание и на тот факт, что круглая форма городища показывает, что с его оборонительных сооружений было удобно вести фронтальную стрельбу во всех направлениях, не опасаясь, что конфигурация рельефа может создать где-либо «мертвые», непростреливаемые участки.

Важным фактором при характеристике месторасположения укрепленного поселения является наличие или отсутствие хорошего обзора с него, а также его непосредственные визуальные взаимосвязи. Тем более это важно для характеристики объекта, предположительно имеющего военное оборонное назначение. Не менее важна и непосредственная визуальная связь между укреплениями, которая позволяет проследить наличие или отсутствие возможности в случае опасности подать немедленно сигнал с одного укрепления другому (Коробейников 2006b, 58-59).

В отношении чернолесских укреплений отметим, что расположенные на открытой для просмот-

ра низменности городища сами могли являться объектом наблюдения для вражеских разведчиков, которые легко могли обнаружить этот объект с дистанции гораздо большей, чем та, на которой сами могли быть замечены наблюдателями с городища. Также они с большой дистанции могли выявить объем сосредоточенных ценностей на городище (количество домов, животных, групп людей и т.п.). Т.е. городища могли быть подвержены внезапному нападению, если предполагаемый противник был очень мобильный¹⁹.

Вывод. Чернолесские городища образуют сложную и хорошо продуманную систему (рис. 1,2), из чего следует, что она должна быть адекватной реалиям времени. Т.е. они должны были соответствовать той военной угрозе, которой они должны противостоять. Поэтому напрашивается предположение, что если городища были сооружены в оборонительных целях, то военная тактика предполагаемого противника не включала массированный обстрел из луков, точнее из сложных луков, а также наличия стрел с металлическими наконечниками²⁰. Таким образом, данные городища могли использоваться для защиты от спорадических кратковременных набегов небольших отрядов противника, не применявшего дальнобойные луки.

5. Чернолесская фортификация и «киммерийская» военная угроза: археологические данные

Рассмотрим археологические доказательства модели внешней киммерийской угрозы, как причины появления чернолесских городищ.

5.1. Факт присутствия некой кочевнической группы в любом регионе документируется: а) наличием слоев разрушений на поселениях, которые подверглись натиску со стороны кочевников, б) присутствием следов таких разрушений в виде предметов, характеризующих другую (инокультурную) группу. Но последние должны быть рассмотрены

этом встречается весь комплекс находок вплоть до обломков литейных форм (Тереножкин 1954, 74), поэтому едва ли такие категории находок можно считать случайными. Здесь можно добавить, что некоторые скифские городища, например Хотовское, тоже не отличаются сильно насыщенным культурным слоем (Дараган 2005, 256; Ивакин и др. 2005, 405). Однако такие данные, в первую очередь, могут свидетельствовать о недолговременном существовании этих памятников.

¹⁸ Максимальная боевая дальнобойность древних сложносоставных луков находилась в пределах 165-230 м, а эффективная – между 50-155 м. Но при стрельбе из лука с лошади дальность увеличивалась на 30-40%. Осада сложных фортификационных сооружений, каковыми являются городища, требовала не просто наличия на вооружении противника луков, но и обеспечения их достаточно большим количеством стрел (Братченко 2006, 165).

¹⁹ Расстояние в 10-20 км всадники, которые передвигаются переменным аллюром, т.е. походным маршем, могут преодолеть за 1,5 часа (Кубишев и др. 1987, 59). Т.е. кочевники, находясь в нескольких десятках километров от чернолесских поселений, как следует из модели С.А. Скорого, могли бы запросто на них нападать.

²⁰ В военном деле населения Северного Причерноморья использование больших мобильных отрядов лучников в качестве основных тактических единиц начинается где-то в конце 9. в. до н.э. – однако этот вопрос требует детального обоснования.

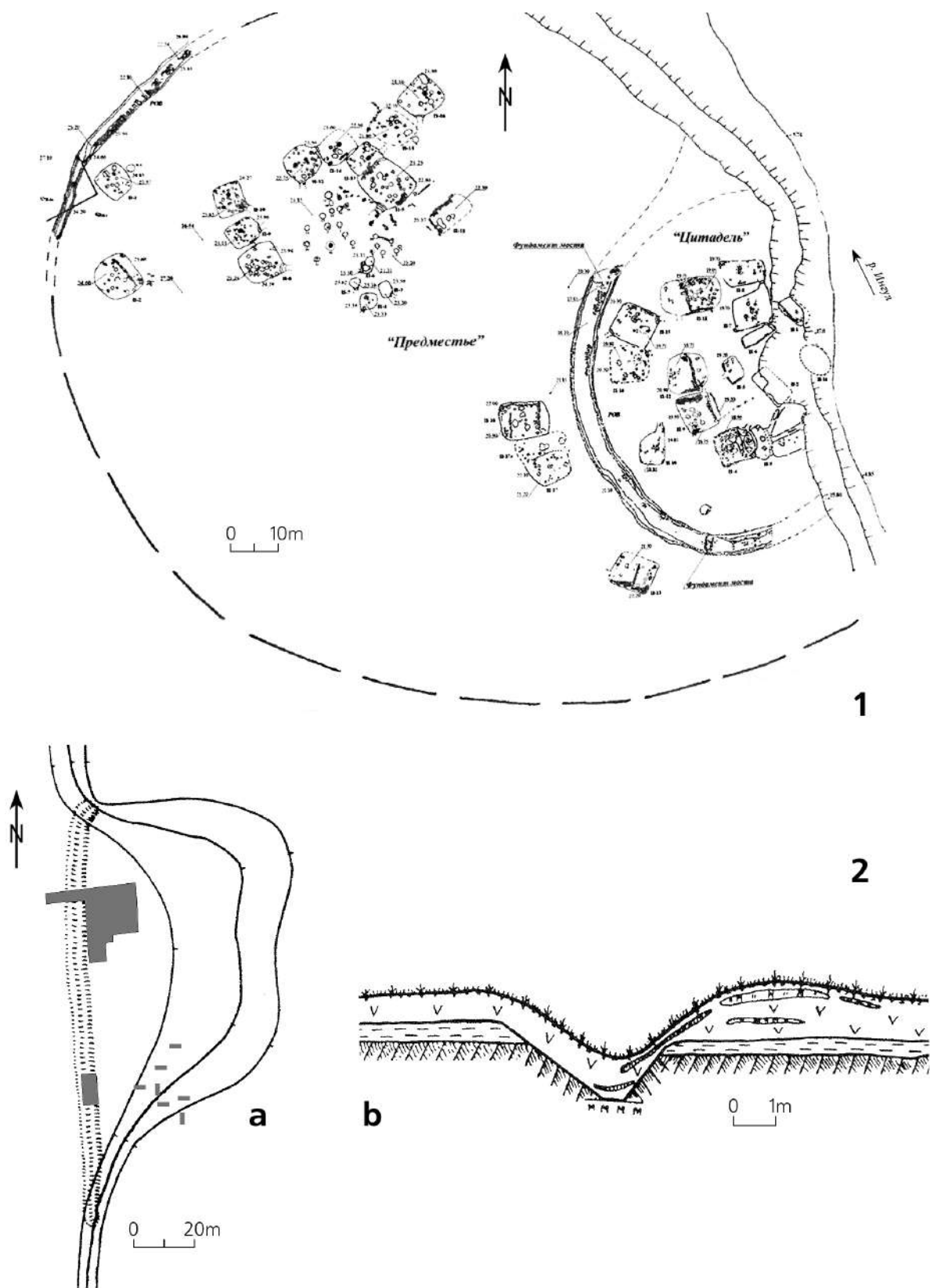
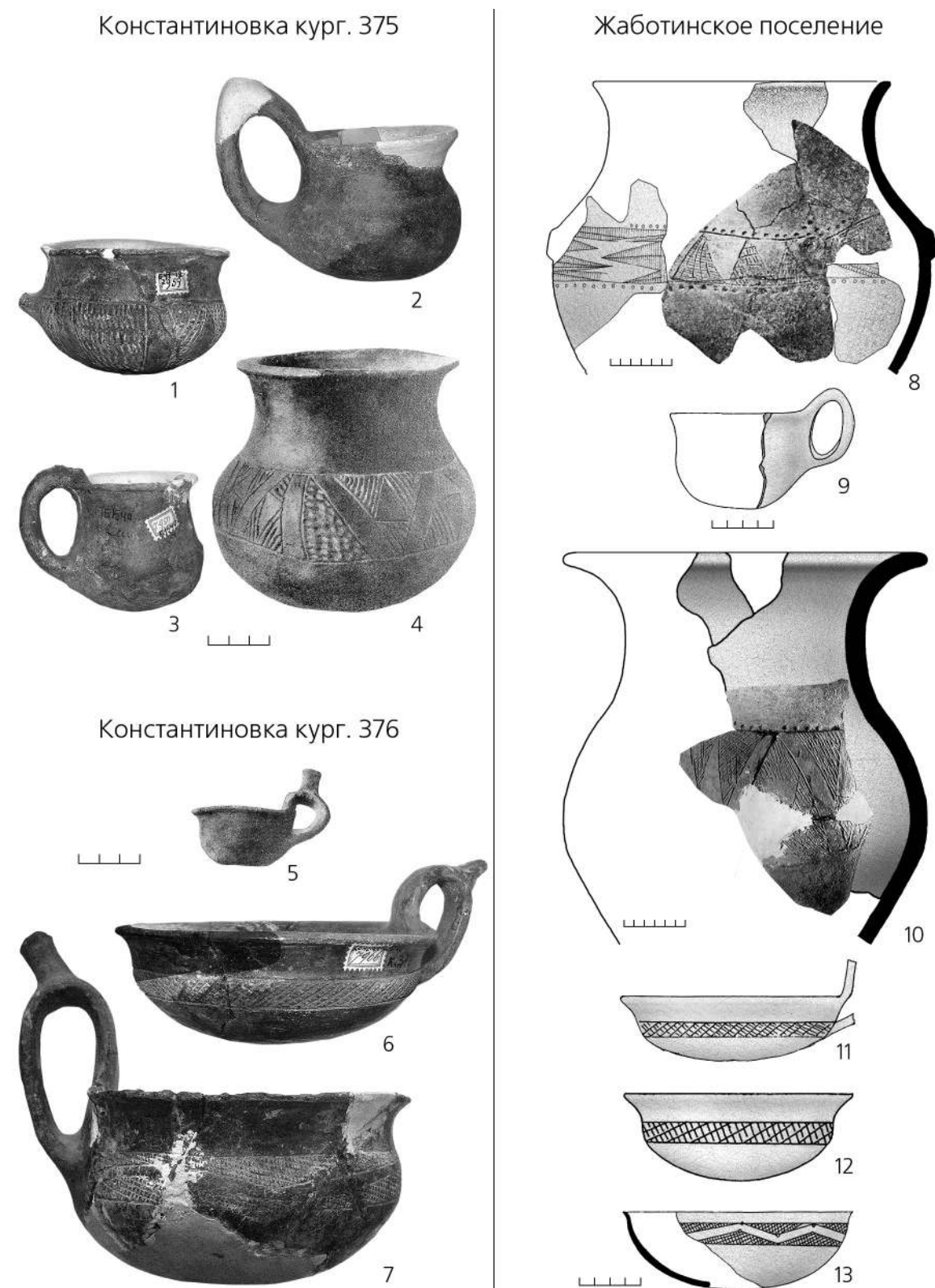
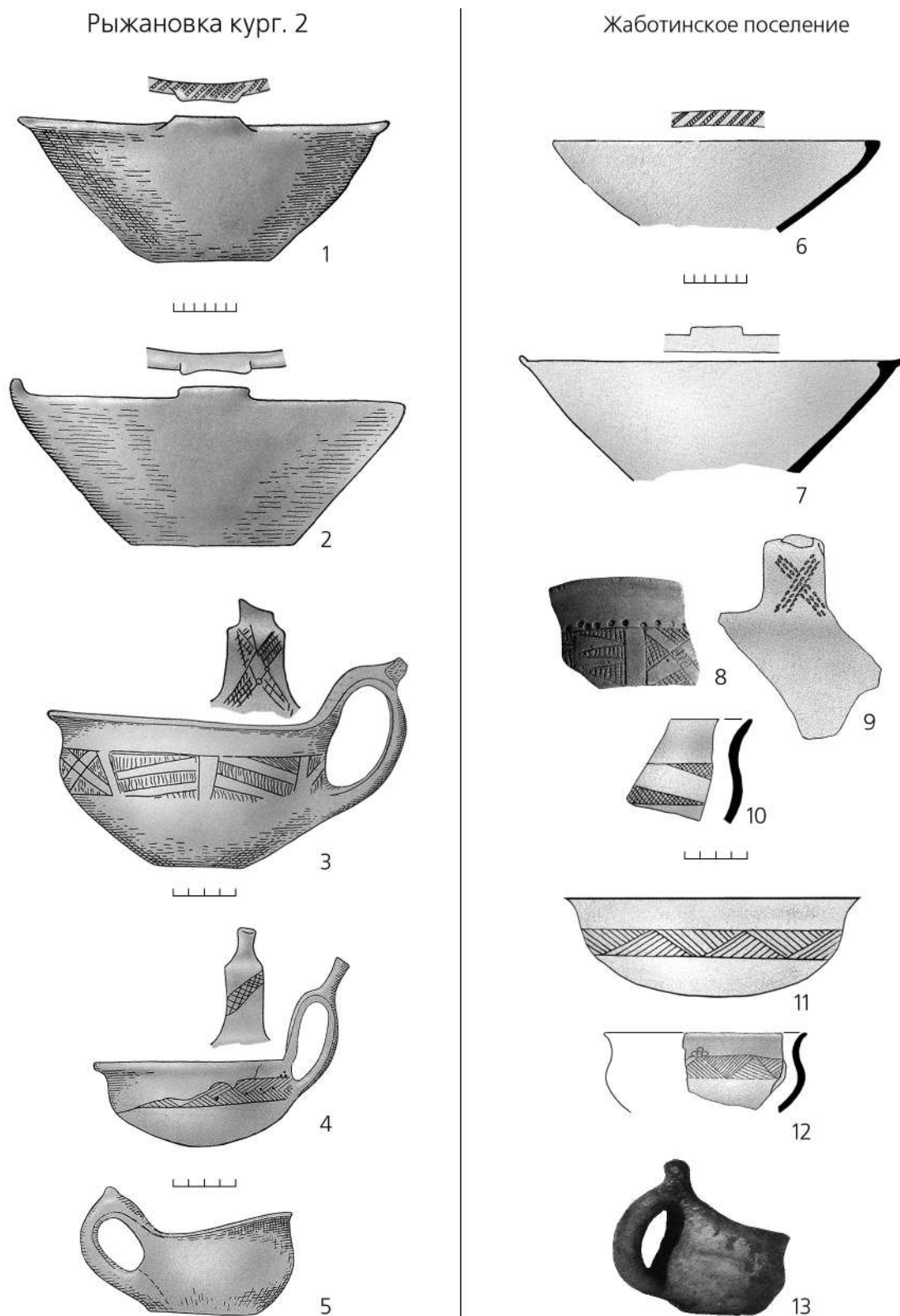

Рис. 11. Северное Причерноморье в поздний период эпохи бронзы, планы городищ: 1 – укрепление «Дикий Сад», план 2009 г.; 2 – городище у с. Веселое, план (а) и разрез вала (б) (по Горбенко и др. 2009; Буйнов 2005).

Рис. 12. Правобережье Среднего Поднепровья, сопоставление керамики из предскифских погребений и Жаботинского поселения (выборочно): 1-4 – Константиновка кург. 375; 5-7 – Константиновка кург. 376; 8-13 – Жаботинское поселение, горизонты I-II (8 – помещение, раскоп 2; 9,11-13 – землянка, раскоп 18; 10 – скопление керамики, раскоп 7) (по ИАК 1902; Ильинская 1975; Дараган 2006).

Рис. 13. Правобережье Среднего Поднепровья, сопоставление керамики из предкифских погребений и Жаботинского поселения (выборочно): 1-5 – Рыжановка кург. 2; 6-13 – Жаботинское поселение, горизонты I-II (6-7 – раскопы 1,2,7,22; 8 – вымостка, раскоп 18; 9 – раскоп 22; 10-13 – землянка, раскоп 18) (по ИАК 1902; Тереножкин 1965; Дараган 2006).

во взаимосвязи со слоями разрушений, поскольку просто наличие тех или иных отождествляемых с кочевниками вещей не может однозначно трактоваться, как физическое и, тем более, доминантное присутствие кочевников в регионе. Для случаев «простого» присутствия вещей на поселениях, а также их случайных находок, есть такие многообещающие понятия, как импорты и влияния. Равно, как и зафиксированные отдельно взятые сожжения на поселениях не совсем правомерно называть именно «слоем разрушения» – ведь причины могут быть совершенно другие²¹; в) появлением новой группы памятников, принципиально отличной от местных поселенческих и погребальных комплексов (в отношении кочевников речь идет, безусловно, о погребальных памятниках).

Каковы доказательства в случае с Чернолесьем и группой кочевников-киммерийцев?

5.2. *Эпизоды разрушений-сожжений на чернолесских поселениях и городищах* – нам предстоит уточнить: а) насколько надежно установлены разрушения на чернолесских памятниках, б) были ли эти разрушения произведены именно киммерийцами.

А.И. Тереножкин привел 4 эпизода таких сожжений: 1) сожженный ранний слой Субботовского городища, 2) сожженные жилища на Большой Андрусовке, 3) следы сожжений на Тясминском городище, 4) следы сожжений на Чернолесском городище.

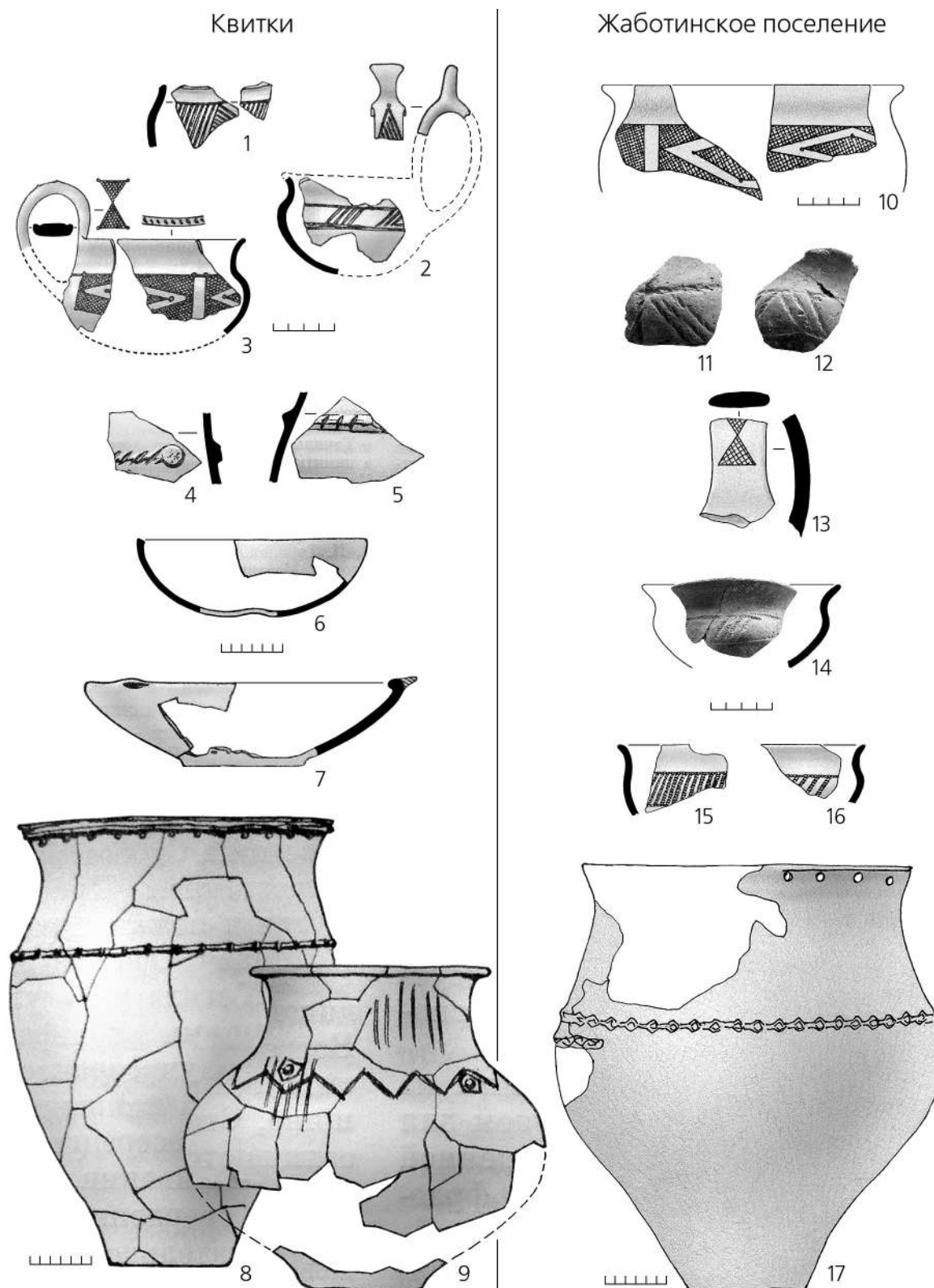
Субботов. Исследовано 10 земляночных жилищ, часть которых, как считается, погибли вследствие пожара, остальные же были оставлены жителями (Граков, Тереножкин 1958, 167-169; Тереножкин 1961, 34-37). Все эти жилища А.И.Тереножкин относил к 1-му горизонту чернолесской культуры. Согласно периодизации С.Д. Лысенко нижний ярус Субботовского городища (Субботов I) относится к белогрудовскому горизонту киево-черкасской группы тшинецкого культурного круга (Лысенко 2004, 250). В абсолютных датах, определенных методом ¹⁴C, основание городища, вероятно, относится к 1300-1200 cal. BC. Ранний период его существова-

ния датируют пробы, взятые с пола и ям жилищ 4 и 4а. Прекращение функционирования жилища 4а определяется 1120-1040 cal. BC. Эта дата средне-статистическая, полученная на основании обработки проб, взятых из костей человека, погребенного в заполнении этого жилища уже тогда, когда его не использовали как жилище. Допускается, что эта дата может означать время прекращения существования этого жилища и окончание всего раннего этапа истории Субботовского городища (Клочко и др. 1998, 96; Лысенко 2004, 249-267). По новой периодизации Я.П. Гершковича, этот горизонт Субботовского городища относится к горизонту Субботов-II и датируется 11. – началом 10. в. до н.э. Приведенные данные доказывают, что нижний горизонт Субботова относится ко времени белозерской культуры. Относительно поздних слоев Субботовского городища не менее важен факт, что ни на участке рва и вала городища, ни на поселении следов штурма или осады, как это считалось ранее, нет (Гершкович 2007, 59).

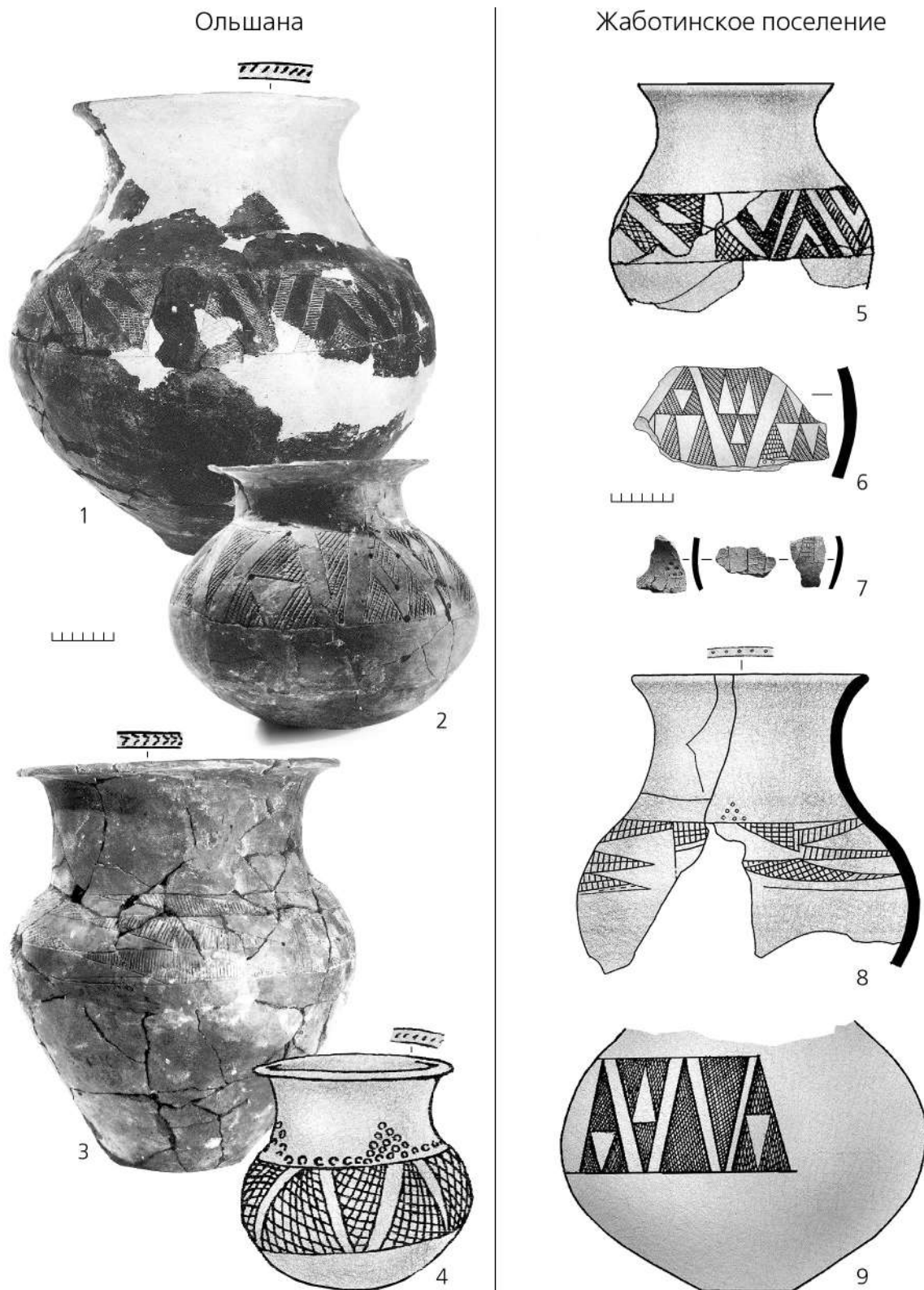
Большая Андрусовка (урочище Инбек). На этом поселении исследовано 10 жилищ – все они погибли в результате пожара (Покровська, Петровська 1961, 132-135). Согласно новым уточненным данным и проведенному анализу материалов, памятник также относится к белозерскому времени (Лысенко 2004, 251; Куштан 2007, 56).

Чернолесское городище. Малое круглое укрепление: «В шурфе, заложенном на вершине вала укрепления, получены такие данные о структуре насыпи: от поверхности на глубину 2,4 м шла перерытая лессовидная глина без культурных остатков и костей животных; с глубины 2,4 м до 3,3 м шел золистый слой, содержащий обломки обычных для слоя укрепления фрагментов керамики и костей животных; ниже (ненарушенный материк) – лессовидный суглинок с ровно срытой поверхностью. На основе этих наблюдений можно сделать вывод, что вал укрепления насыпан значительно позже поселения, и на его месте, при этом при насыпании были срыты значительные пласты золис-

²¹ Для примера, рассмотрим случаи разрушения поселения пожаром. Историческое истолкование такого разрушения в огромной степени зависит от того, припишут ли пожар небрежности кого-то из обитателей, умышленному поджогу, гражданским раздором или действиям врагов. И это весьма важно, поскольку сложно воздержаться от выбора какого-либо из этих объяснений, хотя имеющиеся данные часто не дают оснований для однозначного вывода. Так, например, для Жаботинского поселения было предложено ввести понятие «слой разрушения» на основе факта сожжения серии одновременно погибших жилищ и находок в стенах или возле стен этих построек наконечников стрел (Дараган, Подобед 2009, 22). В археологической литературе объяснение разрушений не раз делалось на основании исследований только части памятника или какого-то комплекса, случалось – одного-единственного здания. В дальнейшем, при расширении площади раскопок обнаруживалось, что полученная на первоначальном участке картина не характерна для поселения в целом. Однако двусмысленность и неясность сохраняются для многих комплексов и сейчас. Это очень ярко показали недавние предположения о том, что последовательные разрушения в Микенах и Тиринфе, которые поколения исследователей принимали за результат военных действий, на самом деле были вызваны землетрясениями.

Рис. 14. Правобережье Среднего Поднепровья, сопоставление керамики из предкифских погребений и Жаботинского поселения (выборочно): 1-9 – Квитки; 10-17 – Жаботинское поселение, горизонты I-II (10-16 – помещение, раскоп 2; 17 – раскоп 17) (по Ковпаненко, Гупало 1984; Дараган 2006).

Рис. 15. Правобережье Среднего Поднепровья, сопоставление керамики из предскифских погребений и Жаботинского поселения (выборочно): 1-4 – Ольшана; 5-9 – Жаботинское поселение, горизонты I-II (5 – землянка, раскоп 18; 6,8 – раскоп 2; 7 – фрагменты от одного сосуда, раскоп 6; 9 – раскоп 22) (по Ковпаненко, Скорый 2005; Дараган 2006).

того культурного слоя» (Тереножкин 1952, 120). Следов штурма (сожжения) на Малом укреплении нет, а сам слой на нем относится к белозерскому времени²². К чернолесскому времени относится слой из второго укрепления (Тереножкин 1961, 30). И далее: «Валы второй линии в месте пересечения большой поляны в Черном Лесу оказались сильно распаханными. В их основании виден слой прокалившейся до красного цвета глины и земли» (Тереножкин 1961, 20). И все.

Тясминское городище. На Малом круглом северном укреплении этого городища были вскрыты остатки сооружений, находившихся на вершине вала. От этих сооружений сохранились многочисленные камни, печина и обугленные плахи, лежащие под прямым углом друг к другу. Сохранность сооружений, обнаруженных неглубоко в земле (0,35-0,75 м), очень плохая, лишь в двух местах раскопа небольшие участки камней и плах находились в нарушенном состоянии. Это позволило думать, что внутренний склон вала был укреплен камнем, а вершина – системой деревянных клетей, являвшихся основанием деревянной стены. Ширина клетей около 2 м. Среди завалов камней и над клетями найдены фрагменты венчиков, стенок и днищ обычных кухонных горшков чернолесского времени. В верхних штыках раскопа 3 обнаружен большой раздавленный горшок зарубинецкого времени (Максимов, Петровская 1959, 28). А вот что пишет А.И.Тереножкин: «... под валом почти на всем его протяжении прослеживались остатки деревянных стен уничтоженного огнем укрепления. В слое пожарища встречались обуглившиеся бревна, плахи и головни. Ширина пожарища достигала 3-5 м. В западной части вала обуглившиеся бревна лежали так, что они образовывали прямоугольни-

ки, в которых можно видеть основания клетей со сторонами по 1,5 кв.м²³. Встречались обугленные основания вертикально врытых столбов» (Тереножкин 1961, 28). Из таких несколько противоречащих друг другу описаний лишь явственно следует, что вал сооружался в то время, когда чернолесское поселение уже(!) существовало. Аналогичная картина наблюдается на Калантаевском, Лубенецком и Чернолесском и Субботовском городищах.

Таким образом, имеется только два документированных случая сожжений, относящихся к явно разновременным эпизодам (белозерское время, Большая Андрусовка, и чернолесское(?) время, Тясминское городище), и неопределенная ситуация с Чернолесским городищем. Вот так – не густо. Кроме того, следы сожжений (в первую очередь, это относится к Тясминскому городищу) едва ли могут считаться слоями разрушений вследствие некой военной акции степняков-киммерийцев, поскольку никаких вещей, в той или иной степени связанных с этим слоем и вещевым комплексом киммерийцев, там не обнаружено. Равно как не обнаружены они и в основном слое поселения.

5.3. О погребениях «киммерийцев» в лесостепи. Несмотря на обширную библиографию и большую печатную дискуссию (С.А. Скорый и С.В. Махортых ↔ О.Р. Дубовская), отсутствует пока единство мнений по этому вопросу. Так, к погребениям «исторических киммерийцев» С.А. Скорый относит Квитки, Ольшану, Яснозорье кург. 8, Константиновку кург. 375 и кург. 376, Носачев и Рыжановку кург. 2. Но все эти погребения совершены по различному погребальному обряду и ритуалу, которые ни в одном случае не имеют прямых соответствий в степных погребениях, соотносимых с культурой киммерийцев (см. Махортых 2005, 52-118)²⁴.

²² Позднесрубное время – в понимании А.И. Тереножкина в 1961 г.

²³ Интересный момент – оборонительные сооружения в виде клетей на Тясминском и Калантаевском городищах. На Калантаевском городище также в вале вдоль напольной стороны сохранились остатки полуистлевших бревенчатых стен. Судя по ним, крепостная стена была срублена в виде клетей, которые сохранились на высоту одного-двух венцов. Клетки маленькие. Длина их (поперек вала) составляла 2,5 м, ширина 0,75-1 м. Вдоль внутренней стороны вала, местами сплошь, местами нерегулярно, были набросаны некрупные гранитные камни (Тереножкин 1961, 27). Впрочем, на остальных городищах следов деревянных укреплений нет. Но важен факт, что деревянные клетки в конструкции вала не часто использовались и в раннескифское время. Нам известны только остатки сгоревших «клетей» на Трахтемировском городище (Ковпаненко и др. 1989, 15).

²⁴ Нередко для обоснования факта завоевания кочевниками (киммерийцами и скифами) лесостепного населения привлекаются данные других исторических эпох. Как пример, когда речь идет о сарматском присутствии в Среднем Поднепровье на территории зарубинецкой культуры, то рассматриваются погребения, совершенные по сарматскому обычаю. Но такие комплексы имеют целый ряд четко атрибутированных признаков – это вытянутые на спине труположения, ориентированные головой, преимущественно, на С, в узких длинных ямах, с жертвенной пищей и типичным сарматским инвентарем (Кубишев и др. 1987, 60). В качестве еще одной исторической параллели также приводятся данные по черным клобукам и их расселению в Поросье. Однако в случае с черными клобуками все вообще с точностью до наоборот. Именно древнерусские князья расселяли лояльных кочевников в пограничной зоне на практически пустующих землях. Рюриковичи, планируя создание кочевого заслона от половцев, иногда даже насильственно заставляли печенегов, торков и других степняков поселяться возле своих границ. В новом

Именно поэтому О.Р. Дубовская, проанализировав эти погребения, пришла к выводу, что они могут являться погребениями элиты местного населения (Дубовская 1997, 183). Не рассматривая детально эту проблему в настоящей статье, отметим следующее. Все до единого погребения, трактуемые С.А. Скорым как «киммерийские» захоронения, синхронные чернолесским городищам, совершены уже на стадии жаботинского этапа, и в них найдены керамика сформировавшихся(!) жаботинских типов, а также вещи, известные в первом, и даже в начале второго горизонта эпонимного поселения Жаботин (рис. 12-16)²⁵. Чернолесская культура в Среднем Поднепровье существует до рубежа 9. в. до н.э. (Darağan 2004, 113; Дараган 2005, 283 сл.; Дараган, Кашуба 2008, рис. 1), а рассматриваемые здесь погребения датируются первой половиной – серединой 8. в. до н.э. Т.е. ко времени появления этих погребений в лесостепи чернолесские городища уже не функционировали. Поэтому, вопрос о том, были эти погребения погребениями местной элиты (А.И. Тереножкин, О.Р. Дубовская, Н.П. Шевченко) или же «киммерийскими» (С.А. Скорый) – это уже проблема жаботинского этапа.

Вывод. Современная исследовательская ситуация показывает, что ни один из вышеизложенных эпизодов не дает серьезных оснований рассматривать строительство чернолесских городищ в качестве ответа на военную угрозу со стороны воинственных киммерийцев, какими они представлены в моделях С.А. Скорого и С.В. Махортых.

6. Новые реалии периода финальной бронзы и начала раннего железного века в Северном Причерноморье: синхронизации и обсуждение хронологии

6.1. О чернолесской культуре. Согласно концепции А.И. Тереножкина, чернолесская культура произошла из белогрудовской культуры, но «юж-

нее Смелы памятники белогрудовской культуры не обнаружены... Заселение бассейна р. Тясмина лесостепными племенами произошло только в конце белогрудовского времени; с эпохой колонизации этой территории связаны нижний ярус культурного слоя на Субботовском городище и поселение в урочище Имбек к востоку от с. Большая Андрусовка» (Тереножкин 1961, 13). Однако, в силу накопления не только новых материалов, но также пересмотра датировки многих комплексов, а также общего изменения различных хронологических колонок, в том числе европейской галльштаттской схемы, существенно изменилось представление о хронологии чернолесской культуры и, как следствие, синхронизации ее с другими культурами. Последние данные были обобщены в диссертации Д.П. Куштана, который объединил памятники региона как относящиеся к белогрудовско-белозерскому времени, и, согласно его схеме, раннебелозерский этап относится к 1200-1050 гг. до н.э., а позднебелозерский – к 1050-900 гг. до н.э. (Куштан 2007b, 71-76). Не затрагивая здесь датировку начального этапа чернолесской культуры, можно напомнить, что ее финал приходится на конец 9. в. до н.э.

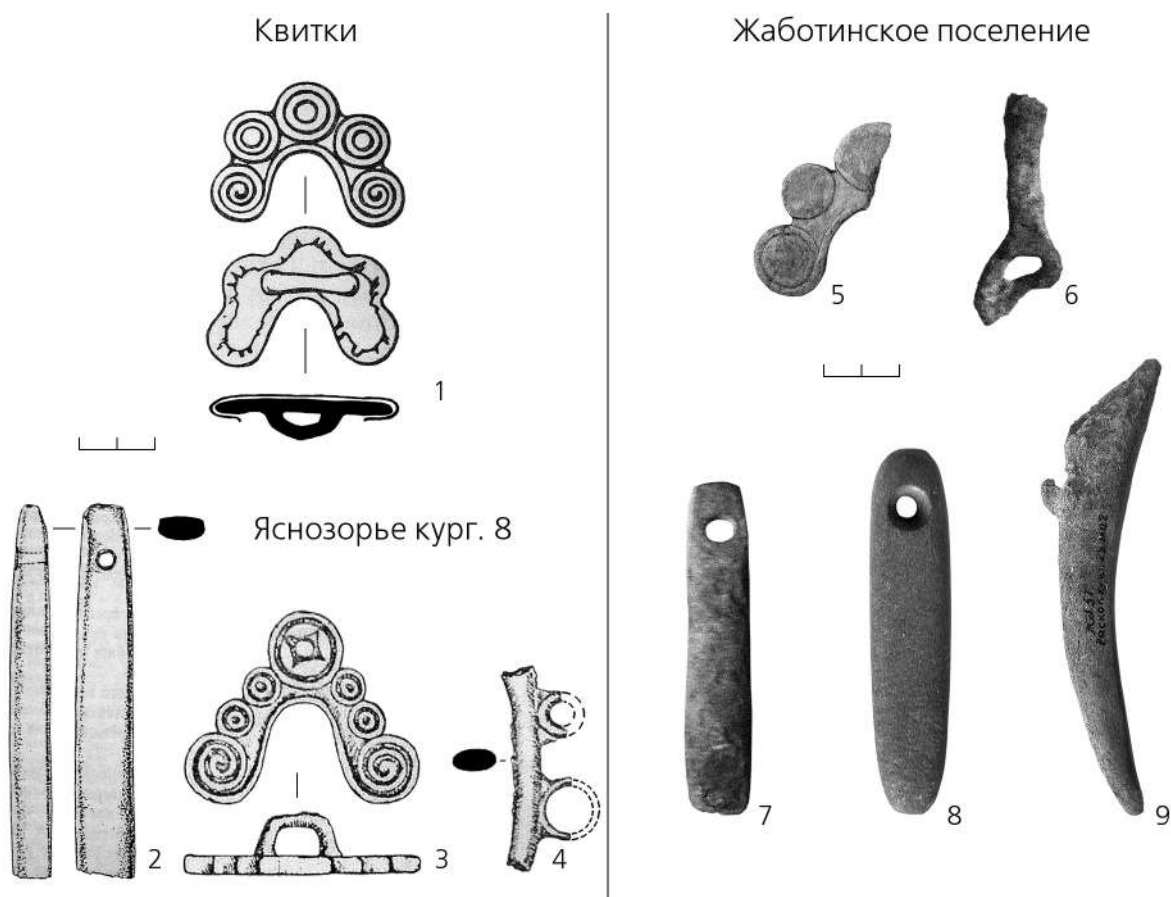
6.2. Нижний горизонт Субботова и Большая Андрусовка. Для рассматриваемой территории приходится констатировать, что памятники белогрудовского и раннечернолесского времени (или постбелогрудовские, чернолесско-белогрудовские²⁶ весьма малочисленны. На этой территории вообще немногочисленны поселения финала позднего бронзового века, которые, как правило, расположены на берегах рек первого, второго и третьего порядков и представляли собой неукрепленные или природно-укрепленные поселения. Только на одном поселении эпохи поздней бронзы (Вовковка) известны искусственные оборонительные сооружения (рвы) с напольной стороны поселения (Куштан 2007a, 6)²⁷. Самые ранние и наиболее репрезента-

союзе «Черных Клобуков» большая феодальная семья стала основным общественным звеном, заменившим собой род и племенную принадлежность. В силу этого активно стали ослабевать и растворяться также этнографические особенности, которые прослеживаются по археологическим материалам (Моця 2008, 70-71). С другой стороны, когда давление кочевников было действительно очень сильным, местное население просто покидало свои территории – так, покидали свои селения гонимые гуннами готы, взломавшие границы Римской империи и хлынувшие на Балканы (см., например, Комар 1997, 166-168), или как это было в Среднем Поднепровье в конце 10. в. (Квітницький 2006, 87) и позже – в 13. и 15. вв.

²⁵ Авторы статьи выражают искреннюю благодарность научному сотруднику С.В. Диденко (Национальный музей истории Украины, Киев) за помощь в работе с материалами из коллекций музея.

²⁶ Вопрос соотношения и разделения между Белогрудовкой и ранним Чернолесьем пока не ясен. По мнению С.Д. Лысенко, «в массовом керамическом материале, представленном, в первую очередь, кухонными сосудами, проследить резкую грань между белогрудовским и чернолесским этапом в среднеднепровском регионе невозможно» (Лысенко 2004, 252).

²⁷ Так, Д.П. Куштан отмечает, что имеются поселения и с высокой топографией (но это всего лишь вторая терраса), но для основной массы характерна низкая топография. Пропорция между численностью поселений с высокой и низкой топографией сохранялась в регионе на протяжении всего периода поздней бронзы (Куштан 2007a, 6).

Рис. 16. Правобережье Среднего Поднепровья, сопоставление отдельных категорий инвентаря из предскифских погребений и Жаботинского поселения (выборочно): 1 – Квитки; 2-4 – Яснозорье кург. 8; 5-9 – Жаботинское поселение, горизонты I-II (5,8 – землянка, раскоп 18; 6,7,9 – наземное жилище, раскоп 15) (по Ковпаненко, Гупало 1984; Ковпаненко и др. 1994; Дараган 2006).

тивные поселения региона – это нижний горизонт Субботова и Большая Андрусовка (см. выше), материалы которых синхронизируются со временем белозерской культуры.

В нижнем горизонте Субботова (горизонт I, Тереножкина, или горизонт II, Гершковича) присутствует значительное количество посуды западного раннегалльштатского производства. Я.П. Гершкович подчеркивает, что вещи из этого горизонта имеют полные аналогии в белозерских погребениях (Гершкович 2003, 37; он же 2007, 59), и этот горизонт должен рассматриваться уже как ранний этап чернолесской культуры, которую отличает сочетание белогрудовских черт, а также аналогии в среде раннегалльштатских культур с каннелиро-

ванной, резной и прочерченной керамикой (Гершкович 2007, 59)²⁸.

Эти наблюдения позволяют рассматривать разрушение памятников этого горизонта в русле взаимоотношений с белозерской культурой и/или более широко – с миром западных и юго-западных раннегалльштатских культур Карпатского бассейна, Среднего и Нижнего Подунавья. Здесь в качестве дополнительных аргументов можно привести документированные слои сожжений на более восточных поселениях Бузовка и Залинейное в Поорелье – на памятниках, синхронных Большой Андрусовке и нижнему горизонту Субботова.

6.3. Бузовка и Залинейное в Приорелье. На поселении Бузовка в сгоревшем жилище, в котором

²⁸ По мнению С.Д. Лысенко, собственно чернолесской культуре соответствует только верхний ярус Субботовского городища (Субботов II, по Тереножкину), а нижний (Субботов I, по Тереножкину) относится еще к белогрудовскому горизонту киево-черкасской группы тшинецкого культурного круга (Лысенко 2004, 249-267).

найлены материалы синхронного Белозерке ранне-го Чернолесья, найден наконечник стрелы, засевший в одном из опорных столбов жилища. Такой же наконечник был обнаружен и на поселении Лазаретный холм (Залинейное), которое расположено напротив Бузовки и синхронно ему. Оба наконечника втульчатые с треугольной головкой и опущенными вниз концами лопастей (рис. 17, А-В/1-2) и, по предположению В.А. Ромашко, отлиты в одной литейной форме (Ромашко 1982, 56-67, рис. 1, 2; он же 1995, 23.69).

Аналогичные и типологически близкие наконечники по своим морфологическим признакам относятся к центральноевропейскому (среднедунайскому) типу, и в Северном Причерноморье наиболее типичны для белозерской культуры, где получают распространение в 12.-10. вв. до н.э. (Черняков и др. 1986, 51; Ванчугов 1990, 91-92.112-114; Ванчугов, Черняков 1991, 32; Ромашко 1995, 70; Куштан 2007b, 159). В этом ряду находятся и другие наконечники, среди которых наконечник из кургана 35 Гордеевки (рис. 17, А-В/4), относящегося к позднему горизонту этого могильника и, согласно датам по ^{14}C , датирующегося 1100-1000 гг. до н.э. (Berezanskaja, Kločko 1998, Taf. 69,2). Список аналогичных и типологически близких наконечников в Северном Причерноморье²⁹ и вплоть до Северного Кавказа (например, могильник Сержень-Юрт – Козенкова 2002, 79, табл. 21,2) может быть продолжен (рис. 17, А-В), но в данном случае важно их бытование в 11. в. до н.э.

6.4. Кто мог разрушить нижний горизонт Субботова и синхронные памятники? Рассматривая слои сожжений на синхронных поселениях 11. в. до н.э., в качестве некоего внешнего врага можно усматривать носителей белозерской культуры (Куштан 2007b)³⁰. Вопрос о возможном участии каких-то групп раннегалльштатского населения (горизонт с прочерченной и пролощенной керамикой Тэмэоань-Холеркань-Балта), которое в конце 12. – 11. в. до н.э. расселилось на пограничье степи и лесостепи Северо-Западного Причерноморья, а их влияния дошли вплоть до Левобережья Днепра (Levički 1994, 219-256; он же 2003, 29-39; Nicić 2008, 127-132, fig. 132-133.146.160-167), – пока оста-

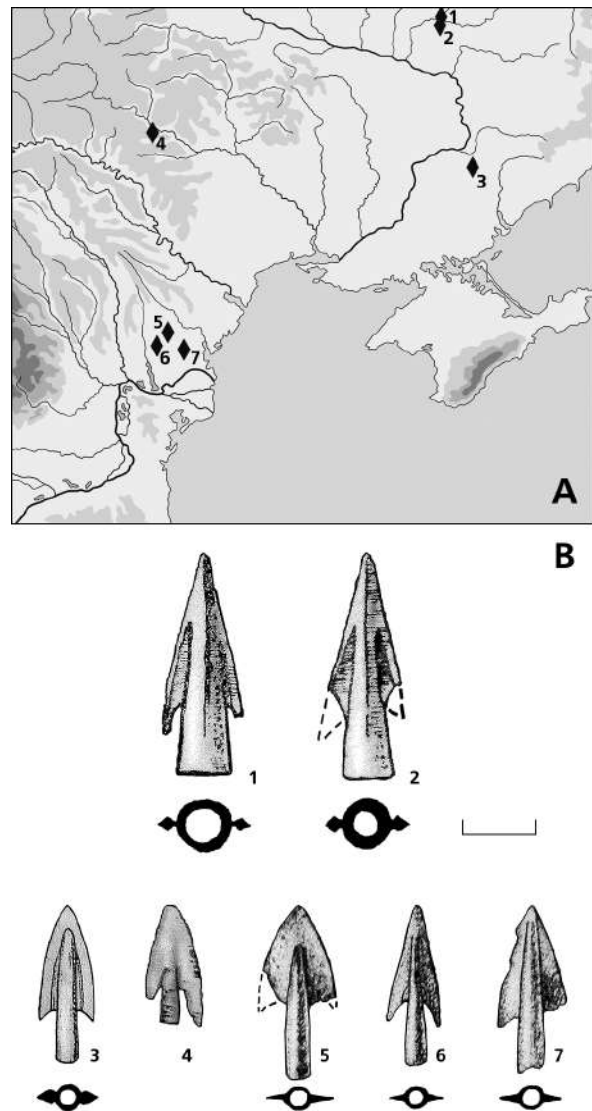

Рис. 17. Северное Причерноморье в поздний период эпохи бронзы: А – находки втульчатых наконечников стрел с треугольной головкой и опущенными вниз концами лопастей; В – отдельные наконечники. 1 – Залинейное; 2 – Бузовка; 3 – Златополь; 4 – Гордеевка кург. 35; 5 – Суворово; 6 – Васильевка кург. 3 пог. 3; 7 – Холмское кург. 3 пог. 2 (по Черняков и др. 1986; Ромашко 1982, 1995; Ванчугов 1990; Ванчугов, Черняков 1991; Куштан 2007b; Berezanskaja, Kločko 1998).

²⁹ Вероятно, к этому времени относится и наконечник, обнаруженный в раскопе жилища 3 поселения Усово Озеро. Это бронзовый втульчатый наконечник, длиной 4 см. От основания пера с одной стороны отходит шип с загнутым концом, свисавшим ниже основания втулки. Форма пера лавролистная, с наибольшим расширением (1,2 см) чуть выше втулки. Вдоль средней части пера нервюра, в результате чего в разрезе стрела имеет ромбовидную форму (Berezanskaja 1990, 69, рис. 16,15).

³⁰ Авторы статьи искренне благодарят Д.П. Куштана за любезное разрешение ознакомиться с текстом кандидатской диссертации.

ся открытым. Противоречит такому возможному «партнеру» белозерцев факт сожжения Балтского поселения, которое, как отмечал В.П. Ванчугов, погибло, вероятно, внезапно (Ванчугов 1981, 75).

Действительно, в 11. в. до н.э. белозерская культура в Северном Причерноморье вступила в период своего наивысшего расцвета, что было спровоцировано, в том числе, дальними контактами и коммуникативной ориентированностью белозерского населения на далекий запад – вплоть до северной Италии (нижнее течение р. По) и юго-восточной альпийской зоны. Такие контакты означали перемещение идей, вещей и, в конечном итоге, людей. В результате в регионе, начиная с 12. в. до н.э. (но особенно в 11. в. до н.э.), появляются итальянский костюм и отдельные украшения убранства головы (Kašuba 2008, 193 сл. 210 сл. Abb. 18-19; там же библиография). Выделившаяся к 11. в. до н.э. в среде белозерского общества социальная верхушка (Ванчугов 1997, 164; Vančugov, Subbotin 2000, 163 сл.; Otroščenko 1998, 353 сл.; Отрощенко 2001, 180 сл.; Otroshchenko 2003, 336 сл.) стала носить распашное одеяние типа плаща или накидки, которое застегивалось при помощи фибулы на левом плече (Ванчугов 2004, 59 сл.; Kašuba 2008, 214-217). Новый юговосточноевропейский импульс и дальнейшее социальное развитие белозерского общества способствовали усилению в 11. в. до н.э. военной активности населения, особенно на границах традиционных территорий проживания – в результате чего могли быть совершены отдельные военные походы в лесостепь к северу и востоку, что и привело к сожжению целого ряда поселений местных культур (нижний горизонт Субботова, Большая Андрусовка и Бузовка, Залинейное). Не исключено, что такие агрессивные устремления к востоку и северу могли поддерживаться небольшой, но достаточно активной группировкой населения, пришедшей в 11. в. до н.э. в среду населения белозерской культуры из Юго-Восточной Европы и имевшей в своем арсенале луки со стрелами с металлическими наконечниками (см. центральноевропейские (среднедунайские) наконечники стрел – рис. 17).

6.5. Возникновение чернолесских городищ – следующий, качественно новый этап. Учитывая немалое число появившихся городищ и селищ в период Чернолесья-II на фоне практически полного отсутствия таковых в предшествующее время, можно предполагать демографический взрыв или колонизацию этого региона. Этот вопрос, бесспорно, требует тщательного анализа, здесь отметим сле-

дующее. Если в керамике более раннего горизонта наряду с западными присутствует большее количество восточных, поволжско-приуральско-казахстанских и верхнедонских элементов (Гершкович 2003, 37), то в памятниках собственно чернолесской культуры (Чернолесье-II) восточные признаки уже не столь заметны, а к финальной фазе позднего Чернолесья-II западный импульс нарастает. Ведь начиная с 11. в. до н.э. и особенно в 10.-9. вв. до н.э. непосредственными соседями населения чернолесской культуры с юго-запада и запада стали племена раннегалльштатских культур, пришедшие из Среднего и Нижнего Подунавья, и проживавшие тогда в Среднем Поднестровье (горизонт Тэмэоань-Холеркань-Балта 11. в. до н.э. и, особенно, культура Сахарна/Козия-Сахарна 10.-9. вв. до н.э.). С другой стороны, северная и центральная зоны Среднего Поднестровья были заселены носителями раннегалльштатской культуры с каннелированной керамикой Гава-Голиграды, которые тоже непосредственно граничили с проживавшими там местными белогрудовско-чернолесскими(?) племенами. Отсюда происходившие, особенно в 10. в. до н.э., трансформации чернолесского общества не могут быть поняты в полном своем объеме без учета фактора присутствия в Северном Причерноморье раннегалльштатского населения с его коммуникативной ориентированностью на юго-запад и запад – на Карпатский бассейн, Среднюю и Юго-Восточную Европу (см. по ранним фибулам 11.-9. вв. до н.э. – Kašuba 2008, 214 сл. Abb. 19).

Следует отметить еще одно немаловажное обстоятельство. Исследования валов чернолесских городищ показали, что валы некоторых городищ (Чернолесское, Лубенецкое, Тясминское) были насыпаны из культурного слоя поселений – т.е. спустя какое-то время после заселения территории. Такая же ситуация и на Субботовском городище. Как отмечает В.И. Клочко, наиболее поздним объектом был вал на Малом Городке Субботовского городища, сооруженный из культурного слоя. Под валом обнаружены остатки «строительной» жертвы – скелет подростка 10-12 лет. Обработка результатов датирований девяти образцов костей этого скелета дала среднестатистическую дату – 834-807 cal. BC, а дата, полученная из трех проб древесины с вала, также – 834-807 гг. до н.э.³¹ (Клочко и др. 1998, 97). Но, в любом случае, вал представлял собой дополнительный элемент, а главным (изначальным) в фортификации чернолесских городищ был эскарп. Следовательно, на каком-то этапе вполне было до-

³¹ Обращает на себя внимание, что обе опубликованные даты являются абсолютно одинаковыми (ср. также Klochko et al. 1998, 667 сл.).

статочны эскарпированных склонов, но затем появилась необходимость в строительстве вала³². Здесь важно отметить, что аналогичная(!) ситуация со строительством вала на месте уже существующего поселения прослежена в культуре Сахарна/Козия-Сахарна в южной части Днестровского бассейна. Так, небольшое круглое укрепление в 10.(?) в. до н.э. было сооружено на месте уже существовавшего(!) открытого поселка, как это доказываются новейшими раскопками 2009 г. на городище Сахарна Маре (Niculița u.a. 2009, 41-43).

Обсуждение вышеприведенных фактов и наблюдений, а также дальнейшие исследования позволят рассматривать чернолесские городища в русле общих тенденций развития фортификации периода поздней бронзы и раннего железного века в Северном Причерноморье.

7. Чернолесские городища – дискуссия продолжается

7.1. Топо-геодезические исследования и геоинформационный анализ показали, что все чернолесские городища фактически построены по одному шаблону (т.е. имеют достаточно высокую степень стандартизации) и принципы их фортификации едины. Не исключено, что они могли быть построены по заранее намеченному плану с заданным комплексом оборонительных требований. Если рассматривать эти городища с точки зрения системы обороны, то они отвечают одним и тем же тактическим приемам осады, что также демонстрирует отсутствие организованных военных отрядов (некой армии?) у потенциального противника и его предполагаемое неумение осаждать укрепления.

7.2. Приведены данные по вероятной синхронизации культуры Чернолесье-I (раннее Чернолесье) и белозерской культуры в хронологический отрезок конца 11.-10.³³ в. до н.э. Можно полагать, что в тот период мощные луки и стрелы с металлическими наконечниками еще не были главным и ведущим оружием в Северном Причерноморье.

7.3. Анализ контекстов разрушений (сожжения) белогрудовско-раннечернолесских/раннечернолесских памятников позволяет предположить, что где-то в 11. в. до н.э. именно носителями белозерской

культуры могли быть разрушены белогрудовско-раннечернолесские/раннечернолесские поселения (например, нижний горизонт Субботова).

7.4. Как показал проведенный анализ существующих концепций, происхождение чернолесских городищ едва ли можно связывать с военной активностью и завоевательными кампаниями степных племен: «киммерийцев»-черногоровцев и, тем более, «киммерийцев»-новочеркасцев. Нельзя не отметить очень характерный и показательный момент, что ни на одном из памятников собственно чернолесской культуры не было обнаружено ни одного металлического наконечника (они не известны также в подъемном материале), которыми буквально усеяны памятники жаботинского и раннекифского времени. Широкое внедрение и распространение металлических наконечников также связано с принципиальными изменениями в технологии производства, как самих наконечников, так и, очевидно, конструкции лука. Но все это происходило, в основном, уже на стадии жаботинского этапа.

7.5. Происхождение чернолесских городищ следует рассматривать в рамках общего процесса, охватившего в начале раннего железного века широкие территории Карпатского бассейна, Балкан и Юго-Восточной Европы, – процесса, в первую очередь связанного с ранней централизацией и даже протобурбанизацией. И здесь примечательно, что чернолесские поселения в западных областях культуры (на Среднем Днестре) сосуществовали с городищами культуры Гава (например, см. Малеев 1987, 86 сл.; и др.).

7.6. Перспективно рассматривать строительство чернолесских городищ с точки зрения общих положений фортификационного искусства. Как известно, на фортификационную технику влияла общегражданская строительная техника, которая всегда давала для фортификационной техники основные положения. В конечном результате фортификация, будучи, с одной стороны, отраслью техники, а с другой – военного искусства, всегда отражала как политическое и экономическое, так и военное состояние той или иной культуры. Элементами этого военного состояния были численность армии и способы ее действия в бою, т.е. тактика войск. Од-

³² Этот период Субботовского городища и синхронных местонахождений чернолесской культуры синхронен черногоровским древностям. С самым верхним горизонтом Субботовского городища связаны находки кладов и металлических изделий (Гершкович 2007, 59). Интересно замечание С.Д. Лысенко, что «достаточно странно зарывать во время военной опасности оружие: в случае с Субботовым – это меч, боевой топорик-кельт, боевое (?) тесло, широкие боевые (?) браслеты-наручи. На наш взгляд, за субботовскими кладами стоят социально престижные, патлачевидные действия...» (Лысенко 2004, 255).

³³ В дальнейшем, без сомнения, следует аргументированно выявить временной отрезок синхронизации между ранним Чернолесьем и каким-то из этапов развития белозерской культуры.

новременно на фортификацию огромное влияние оказывали и средства поражения (Яковлев, 1995).

7.7. Для создания реальной объяснительной модели возникновения черноморских фортификаций интересно привлечь существующие концепции по городищам для синхронных и диахронных культур и регионов. Так, анализируя появление городищ в нечерноморской зоне и показывая «чередование» городищенских культур с негородищенскими, А.А. Сейбутис предположил, что сооружение городищ связано с неблагоприятными климатическими условиями, холодными годами и тем, что тогдашнее население оказывалось вынужденным прилагать больше усилий для надежной охраны своих скромных запасов и хранения на них страховых запасов зерна (Сейбутис 1988, 58). Сооружение укреплений вокруг поселений стало единственным радикальным ответом на возникновение агрессивных посягательств со стороны «голодных» соседей. Тогда как эпохи поселений на открытых селищах совпадают с более благоприятными климатическими условиями (Сейбутис 1988, 52-60).

Любопытен пример с неукрепленными и укрепленными поселками зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье. Ранние зарубинецкие памятники – это мысовые поселения, расположенные на высоких (до 100 м над уровнем долины) труднодоступных речных или овражных мысах, неудобных для неприятеля, но вместе с тем малоудобных и для них самих. При этом существенные природные препятствия, имевшиеся вокруг поселений, усиливались искусственными оборонительными сооружениями – земляными валами, рвами, эскарпами. Поздние зарубинецкие поселения, напротив, расположены в открытой местности – в пойме, надпойменной террасе или на склоне и, при этом, не имели оборонительных сооружений (Максимов 1975, 186). Одни исследователи считают, что неукрепленные поселки у зарубинцев сменили очень укрепленные на высоких горах, так как их завоевали и подчинили сарматы. Другие – придерживаются иной точки зрения. Тот факт, что все позднезарубинецкие поселения, соответствующие по времени «сарматскому завоеванию», являются открытыми селищами, очень показателен. Предполагается, что причиной смены топографии было не нашествие агрессоров, а явления экологического или демографического характера (Обломский и др. 1990, 23). На рубеже эр в климате Восточной Европы наблюдаются существенные изменения, связанные с очередной ксеротермической депрессией, что обусловило значительное потепление климата в пределах степной зоны, соответствующее иссушению (Обломский и др. 1990, 23-25; Герасименко

1997, 57). При этом обычными становятся недолго существующие поселки, которые периодически забрасываются и вновь возникают. Это рассматривается как свидетельство экстенсивных форм ведения хозяйства, использования сельскохозяйственных угодий до полного истощения, чему сопутствовали ограниченные периодические передвижения населения. (Обломский и др. 1990, 9).

8. Черноморские городища, жаботинские поселения и раннескифские городища-гиганты: трансформация пространственных структур в 10. – середине 7. в. до н.э.

Где-то в конце 9. – самом начале 8. вв. до н.э. происходят перемены в пространственных структурах Среднего Поднепровья, которые носят характер революционных изменений. Все черноморские городища, равно как и селища, вдруг прекращают свое существование, и образуются новые поселения – но в абсолютно иных топографических условиях. Это поселения т.н. жаботинского этапа – выделенные по эпонимному и эталонному поселению у с. Жаботин (рис. 1,2; 3).

Поселения Жаботинского этапа расположены на высоких холмах. По сравнению с черноморскими маленькими городищами жаботинские поселения большие – от 30 га до 100 га. Они открытые, но расположены на таких топографических участках, которые, в целом создают естественную защиту. Второй принципиальный момент, как показывают новые исследования, все жаботинские поселения расположены т.н. гнездами, и в рамках одной такой структуры все поселения просматривались. Не исключено, что речь может идти о принципе естественной обороны, когда поселения локализуются в природно-защищенных местах. Важна и неоднородная структура таких открытых поселений. Например, новейшие исследования эпонимного Жаботинского поселения показали, что через все поселение проходит ров, который делит памятник на две части – южную и северную (Дараган и др. 2010). Еще один ров отделяет холм, на котором находится поселение, от соседнего холма, с которым оно соединено перешейком.

Поиск причин такой трансформации пространственных структур в рамках одного целого микро-региона приводит к нескольким концепциям. Преобладает гипотеза об инновационном характере изменений, что связывается с приходом нового населения с новыми культурными традициями и частично новой материальной культурой. Как показывают последние исследования, речь идет о прямой миграции какой-то группы населения культурного комплекса Басарабь из региона Среднего

Подунавья напрямую в регион бассейна р. Тясмин на Правобережье Среднего Днепра. С другой стороны, в эту миграционную волну были вовлечены непосредственные западные соседи – население культуры поздняя Сахарна из южной части Среднеднестровского региона (Дараган, Кашуба 2008, 64-69). Хотя наличие миграции надо еще доказать (тут особую важность приобретают новые элементы культовой практики: жертвеники, керносы), неожиданную ноту вносят кости ослов, найденные на Жаботинском поселении – животного, которое напрочь отсутствует в Северном Причерноморье, но хорошо известно на Балканах. Это неместное животное, и само оно в Северное Причерноморье прийти не могло – ослов привели сюда, несомненно, люди³⁴.

Однако однозначное утверждение, что новое («жаботинское») население просто потеснило старое («чернолесское»), выглядит слишком односторонне. Жаботинские поселения действительно основаны на новых местах, однако на старых чернолесских памятниках жизнь тоже не продолжилась³⁵. Здесь речь, видимо, должна идти не только о миграциях, но с позиции экономической географии причина смены поселений может заключаться в ухудшении климата и упадке хозяйства³⁶. И в этом ключе, перспективным представляется рассмотреть жаботинские поселения с точки зрения их жизнеобеспечения.

Что же происходит дальше? Около середины 7. в. до н.э. жизнь на жаботинских поселениях затухает, но полностью не прекращается. И начинают сооружаться большие укрепленные городища. Ближайшее к Жаботину – около 5 км по прямой – это Мотроинское городище (рис. 3). К этому же времени на

Правобережье относятся сооружения Пастырского и Трахтемировского городищ. В других регионах – на Южном Буге возникает Немировское городище, а на Ворскле, на Левобережье Днепра – сначала появляется Западное Бельское городище, а потом уже и все остальные (рис. 1,2). С хронологией сооружения отдельных городищ, безусловно, очень много неясного, но, например, гигантская система укреплений Большого Бельского городища и Ходосовское городище возникают немного позже – не раньше 6. в. до н.э. Главное, что принцип сооружения таких городищ абсолютно инновационный – применялась принципиально иная техника фортификации и организации пространства (рис. 2).

Итак, на протяжении менее чем 200-летнего промежутка, в рассматриваемом микрорегионе наблюдается резкая смена принципов расселения и фортификации: от малых чернолесских городищ на первых надпойменных террасах – к жаботинским поселениям на высоких водораздельных участках – и далее к большим насыпным валам городищ раннескифского времени, тоже расположенным на высоких участках в труднодоступных местах (о динамике см. Дараган 2007, 124 сл.; Дараган и др. 2009, 14-16; Kašuba, Daragan 2009, 44-46). Обращает внимание, что выбирались не только абсолютно различные по топографии участки, но, главное, были применены принципиально другие технологии строительства оборонительных сооружений (разные профили валов и рвов, насыпь и/или эскарпирование вала и пр.) – что может являться показателем иных строительных навыков и предпочтений, а также свидетельствовать о различном предназначении самих объектов строительства.

³⁴ На этот западный импульс «наложился» импульс «восточный», раннескифский, проявляющийся в комплексе конского снаряжения и вооружения на этапах Жаботин II и Жаботин III (Daragan 2004, 120.129.131-133; Дараган 2005, 13), и с чем связаны следы сожжений и разрушений на Жаботинском поселении (Дараган, Подобед 2009, 22). Но жизнь после этого ни на поселении, ни в регионе не прекратилась. Еще один, не менее важный аспект – это погребальный обряд, но эта тема требует специального рассмотрения.

³⁵ Отдельная проблема – появления новых поселений именно жаботинского типа в Поворсклье. В этом случае миграция очевидна, как и то, что произошла она уже на жаботинском этапе.

³⁶ Причины смены поселений могут объясняться военным вторжением или ухудшением климата и упадком хозяйства: «признаки военного вторжения: следы вторжения в виде новых поселений и или могильников; следы пожаров на прежних поселениях, следы возведения укреплений на поселениях или локализация последних в природно-защищенных местах; следы массовых захоронений, повышенный процент смертности среди молодых мужчин. Признаки, указывающие на ухудшение климата и изменения в хозяйстве: прямые доказательства климатических изменений, сравнительная оценка мест расположения старых и новых поселений с точки зрения их пригодности для земледелия, следы возросших трудностей, связанных с пропитанием: в том числе изменение пропорций в наборах орудий труда, общий рост емкости пищевых хранилищ, увеличение размеров поселений, следы изменений в хозяйственных обрядах и ритуалах» (Колесников 2003, 21).

Библиография

- Алексеев и др. 1993: А.Ю. Алексеев, С.Р. Тохтасьев, Н.К. Качалова, Киммерийцы: этнокультурная принадлежность (Санкт-Петербург 1993).
- Березанская 1982: С.С. Березанская, Северная Украина в эпоху бронзы (Киев 1982).
- Березанская 1985: С.С. Березанская, Об этнической принадлежности племен чернолесской культуры. В сб.: Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии (Москва 1985), 14–15.
- Березанская 1990: С.С. Березанская, Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце (Киев 1990).
- Братченко 2006: С.Н. Братченко, Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века. Матеріали та дослідження з археології Східної України, вип. 6 (Луганськ 2006).
- Буйнов 2005: Ю.В. Буйнов, Бондарининская и чернолесская культуры: проблема взаимосвязей (по материалам городища у с. Веселое на Харьковщине). В сб.: Древности (Харьков 2005), 246–254.
- Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Раскопки поселения позднего бронзового века Балта в Южном Побужье. В сб.: Г.Г. Мезенцева (отв. ред.), Древности Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 71–83.
- Ванчугов 1990: В.П. Ванчугов, Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Проблема формирования белозерской культуры (Киев 1990).
- Ванчугов 1997: В.П. Ванчугов, Погребальный обряд белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья (опыт социальной реконструкции). В сб.: Археология и этнология Восточной Европы. Материалы и исследования (сборник научных работ, посвященный 60-летию В.Н. Станко) (Одесса 1997), 154–167.
- Ванчугов 2004: В.П. Ванчугов, Фибулы белозерской культуры. В сб.: Давня історія Карпато-Дунайського ареалу та суміжних регіонів. Carpathica-Carpatika, вип. 31 (Ужгород 2004), 59–77.
- Ванчугов, Черняков 1991: В.П. Ванчугов, И.Т. Черняков, Металлические наконечники стрел сабатиновской и белозерской культур. В сб.: Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур (Киев 1991), 24–37.
- Герасименко 1997: Герасименко Н.П. Природная среда обитания человека на юго-востоке Украины в позднеледниковье и голоцене (по материалам палеографического изучения археологических памятников). В сб.: Археологический альманах, № 6 (Донецк 1997), 3–64.
- Граков 1977: Б.Н. Граков, Ранний железный век (Культуры Западной и Юго-Восточной Европы) (Москва 1977).
- Граков, Тереножкин 1958: Б.Н. Граков, А.И. Тереножкин, Субботовское городище (раскопки 1955 г.). СА 2, 1958, 164–178.
- Гершкович 2003: Я.П. Гершкович, Взаємодії населення степу та лісостепу України за доби пізньої бронзи [Interrelations with Population on Steppe and Forest-Steppe zone of the Territory of Ukraine in the Late Bronze Age]. Археологія 3, 2003, 32–40.
- Гершкович 2007: Я.П. Гершкович, Субботовское городище в свете новых исследований. В сб.: С.А. Скорий (від.ред.), Ранній залізний вік Європи: до 100-річчя від дня народження Олексія Івановича Тереножкина. Матеріали Міжнародної наукової конференції (16 – 19 травня 2007 р.) (Київ-Чигирин 2007), 58–60.
- Горбенко и др. 2009: К.В. Горбенко, Ю.С. Гребенников, А.И. Смирнов, «Дикий Сад» укрепленное поселение XIII-X вв. до н.э. ровесник Трои! (Николаев 2009).
- Гуцал 2000: А.Ф. Гуцал, Рудковецьке городище і перший похід скіфів у придністровський лісостеп. In: Давня і середньовічна історія України (історико-археологічний збірник). На пошану Іона Винокура з нагоди його 70-річчя (Кам'янець-Подільський 2000), 69–79.
- Давня історія 1998: Давня історія України. Том 2 (Київ 1998).
- Дараган 2005: М.Н. Дараган, О финале культуры позднего Чернолесья в Среднем Поднепровье. В сб.: На пошану Софії Станславівни Березанської (Київ 2005), 283–296.
- Дараган 2005: М.Н. Дараган, Античная керамика из Хотовского городища скифской эпохи. В сб.: Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников (Санкт-Петербург 2005), 256–261.
- Дараган 2006: М.Н. Дараган, Жаботинский этап раннего железного века Днепровской Правобережной лесостепи (по материалам Жаботинского поселения). Диссертация на соискание учёной степени канд. ист. наук. НА ІА НАНУ, рукопись (Киев 2006).
- Дараган 2007: М.Н. Дараган, Погребальные конструкции начала раннего железного века Днепровской Правобережной Лесостепи. Типология и пространственный анализ средствами ГИС-технологий. В сб.: Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор (Москва-Киев-Запорожье 2007), 124–142.
- Дараган, Кашуба 2008: М. Дараган, М. Кашуба, Аргументы к ранней дате основания Жаботинского поселения. RA, SN, vol. IV, nr. 2 (Chişinău 2008), 40–73.
- Дараган, Подобед 2009: О датировке слоя разрушения (горизонт Жаботин II) на Жаботинском поселении начала раннего железного века. В сб.: ССПК, вип. XV (Запоріжжя 2009), 22–31.
- Дараган и др. 2009: М. Дараган, С. Разумов, М. Кашуба, Топо-геодезические работы на чернолесском городище Лубенцы (Правобережная Украина). В сб.: Sesiunea științifică a Muzeului Național de Arheologie și Istorie a Moldovei (ediția a XIX-a), 15-16 octombrie 2009. Program. Rezumatetele comunicărilor (Chişinău 2009), 14–16.
- Дараган и др. 2010: М.Н. Дараган, С.Н. Разумов, К.М. Бондарь, Исследования на Жаботинском поселении раннего железного века в Среднем Поднепровье. В сб.: АДУ в 2009 р. (Київ 2010) (в печати).
- Дубовская 1997: О.Р. Дубовская О.Р. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья. Археологический альманах, № 6 (Донецк 1997), 181–218.

- ИАК 1902: Известия Императорской Археологической Комиссии, № 4 (Санкт-Петербург 1902).
- Ивакин и др. 2005: Г.Ю. Ивакин, М.Н. Дараган, М.В. Орлюк, Э.А. Кравченко, С.А. Куприй, Геофизические и археологические исследования Хотовского городища скифской эпохи. В сб.: АДУ 2003-2004 рр. (Запоріжжя 2005), 400–405.
- Иванчик 1999: А.И. Иванчик, Современное состояние киммерийской проблемы. Итоги дискуссии. ВДИ 2, 1999, 77–98.
- Ильинская 1975: В.А. Ильинская, Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII-VI вв. до н.э) (Киев 1975).
- Кашуба 2000: М.Т. Кашуба, Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) [Early Iron in Forest-Steppe between Dniester and Siret (Cozia-Saharna culture)]. Stratum plus 3, 2000, 241–488.
- Квітницький 2006: М.В. Квітницький, Етнічні процеси на правобережжі Київської землі в XI-XIII ст. В сб.: Слов'янські обрії, вип. 1 (Київ 2006), 87–94.
- Клочко и др. 1998: В.І. Клочко, М.М. Ковалюх, І. Мотзенбеккер, Хронологія Суботівського городища. В сб.: «Музейні читання». Матеріали Міжнародної конференції (Київ 1998), 96–98.
- Клочко 2004: Клочко, «Протоскифское» оружие в Восточной Европе. В сб.: *Kimmerowie. Scytowie. Sarmaci. Księga poświęcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskiego* (Kraków 2004), 199–217.
- Ковпаненко, Гупало 1984: Г.Т. Ковпаненко, Н.Д. Гупало, Погребение воина у с. Квитки в Поросье. В сб.: Вооружение скифов и сарматов (Киев 1984), 39–58.
- Ковпаненко, Скорый 2005: Г.Т. Ковпаненко, С.А. Скорый, Ольшана: погребение предскифского времени в Днепровской Правобережной Лесостепи. Stratum plus 3 (2003-2004), 2005, 265–288.
- Ковпаненко и др. 1989: Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Памятники скифской эпохи Днепровского-лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион) (Киев 1989).
- Ковпаненко и др. 1994: Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Новые погребения раннего железного века в Поросье. В сб.: Древности скифов (Киев 1994), 41–63.
- Козенкова 2002: В.И. Козенкова, У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железного века у аула Сержень-Юрт, Чечня. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа, вып. III (Москва 2002).
- Колесников 2003: М.А. Колесников, Греческая колонизация Средиземноморья (опыт анализа миграционного механизма) (Киев 2003).
- Комар 1997: О.В. Комар, Сліди пожеж на поселеннях черняхівської культури та проблема «гунського нашествия». В сб.: V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених. Київ 22-24 квітня 1997 року (Київ 1997), 166–168.
- Коробейников 2005: А.В. Коробейников, Ментальная основа деятельности фортификатора-создателя городища Иднака. В сб.: Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: материалы Всероссийской научно-практической Интернет-конференции на сайте sib-subethnos.narod.ru с 1 марта по 1 декабря 2004 года. Вып. 1 (Красноярск 2005), 107–119.
- Коробейников 2006а: А.В. Коробейников, Создание типологии городищ на основе универсального кода существенных признаков. В сб.: Археология и геоинформатика, вып. 3 (Москва 2006), CD-ROM.
- Коробейников 2006б: А.В. Коробейников, Имитационное моделирование по данным археологии (Ижевск 2006).
- Кубишев и др. 1987: А.І. Кубишев, О.В. Покляцький, О.В. Симоненко, Про взаємовідносини сарматів з населенням зарубинецької культури. Археологія 58, 1987, 56–63.
- Куштан 2007а: Д.П. Куштан, Населення південної частини лісостепового Подніпров'я за доби пізньої бронзи. Автореферат дисс. ... канд. іст. наук (Київ 2007).
- Куштан 2007б: Д.П. Куштан, Населення південної частини лісостепового Подніпров'я за доби пізньої бронзи. Дисертація на здобуття наукового ступеню кандидата історичних наук. НА ІА НАНУ, рукопис (Київ 2007).
- Лысенко 2004: С.Д. Лысенко, Феномен Субботовского городища. В сб.: Матеріали та дослідження з археології Східної України, вип. 3 (Луганськ 2004), 249–267.
- Максимов 1975: Е.В. Максимов, К вопросу о зарубинецких городищах в Среднем Поднепровье. В сб.: Скифский мир (Киев 1975), 186–192.
- Максимов 1978: Є.В. Максимов, Взаємовідносини зарубинецьких та степових племен Подніпров'я. Археологія 28, 1978, 45–55.
- Максимов, Петровская 1959: Е.В. Максимов, Е.А. Петровская, Археологические памятники в окрестностях с. Большой Андрусовки на Тясмине. КСИА, вып. 8 (Киев 1959), 22–30.
- Малеев 1987: Ю.Н. Малеев, Гальштатские городища в Западной Подолии и Прикарпатье. В сб.: Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины (Киев 1987), 86–101.
- Махортих 2001: С.В. Махортих, Киммерийцы. В сб.: Великая Скифия (курс лекцій) (Киев-Запорожье 2001).
- Махортих 2002: С.В. Махортих, Військова справа киммерійців. В сб.: Записки наукового товариства ім. Шевченка. Т. ССXLIV (Львів 2002), 195–203.
- Махортих 2005: С.В. Махортих, Киммерийцы Северного Причерноморья (Киев 2005).
- Моця 2008: А.П. Моця, Южная «Русская земля» (Киев-Сумы 2008).
- Обломский и др. 1990: А.М. Обломский, Р.В. Терпиловский, О.В. Петраускас, Распад зарубинецкой культуры и его социально-экономические и идеологические причины (Киев 1990).

- Отрошенко 2001: В.В. Отрошенко, Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення) (Київ 2001).
- Покровская 1953: Е.Ф. К вопросу о сложении культуры земледельческих племен Правобережного Приднепровья (Бассейн р. Тясмин) в VIII-VI вв. до н.э.: Автореферат дис. ... канд. ист. наук / ИА АН УССР (Київ 1953).
- Покровская 1962: Е.Ф. Покровская, Племена скифского времени в лесостепном Правобережье УССР. НА ИА НАНУ, ф. 12, № 515.
- Покровська, Петровська 1961: Є.Ф. Покровська, Є.О. Петровська, Поселення кінця епохи бронзи біля с. Велика Андрусівка. Археологія 13, 1961, 129–144.
- Полтавець 2008: В.І. Полтавець, З історії досліджень пам'яток передскіфського і скіфського часів у басейні р. Тясмину. Археологія 4, 2008, 33–44.
- Ромашко 1982: В.А. Ромашко, Поселение финальной бронзы – раннего железного века у с. Бузовка Днепропетровской области. В сб.: Древности степного Поднепровья (III тыс. до н.э. – I тыс. до н.э.) (Днепропетровск 1982), 54–60.
- Ромашко 1995: В.А. Ромашко, Поздний бронзовый век в пограничье лесостепи и степи Левобережной Украины (XII-X вв. до н.э.) (Днепропетровск 1995).
- Сейбутис 1988: А.А. Сейбутис, Колебания годичного режима погод – показатель палеоклиматов земледельческой эпохи. В сб.: Палеоклиматы голоцена Европейской территории СССР (Москва 1988), 52–60.
- Скорый 1994: С.А. Скорый, Киммерийцы и автохтонное население лесостепи: характер контактов. В сб.: Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. междунар. конференции (Запорожье 1994), 173–175.
- Скорый 1999: С.А. Скорый, Киммерийцы в украинской Лесостепи (Київ-Полтава 1999).
- Смирнова 1983: Г.И. Смирнова, Материальная культура Григоровского городища (к вопросу о формировании чернолесско-жаботинских памятников). АСГЭ 23, 1983, 60–72.
- Тереножкин 1951: А.И. Тереножкин, Скифская Днепровская правобережная экспедиция. В сб.: КСИИМК, вып. 37 (Москва 1951), 117–124.
- Тереножкін 1952: О.І. Тереножкін, Розвідки і розкопки 1949 р. в північній частині Кіровоградської області. Археологія VII, 1952, 110–135.
- Тереножкин 1954: А.И. Тереножкин, Археологические исследования близ Смелы в 1952 г. В сб.: КСИИМК, вып. 3 (Київ 1954), 71–76.
- Тереножкин 1961: А.И. Тереножкин, Предскифский период на Днепровском Правобережье (Київ 1961).
- Тереножкин 1965: А.И. Тереножкин, Погребения раннего скифского времени у села Рыжановки. В сб.: Новое в советской археологии (Москва 1965), 211–215.
- Тереножкин 1976: А.И. Тереножкин, Киммерийцы (Київ 1976).
- Фіалко, Болтрик 2003: О.Є. Фіалко, Ю.В. Болтрик, Напад скіфів на Трахтемирівське городище (Київ 2003).
- Черняков и др. 1986: И.Т. Черняков, В.П. Ванчугов, В.Г. Кушнер, Древнейшие бронзовые наконечники стрел Северного Причерноморья [The Earliest Bronze Arrowheads in the Northern Pontic Area]. СА 2, 1986, 47–55.
- Шевченко 1999: Н.П. Шевченко, Взаємовідносини степу і лісостепу на початку жаботинського етапу передскіфського періоду. В сб.: Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (Запорожье 1999), 269–271.
- Яковлев 1995: В.В. Яковлев, История крепостей. Эволюция долговременной фортификации (Санкт-Петербург 1995).
- Berezanskaja, Kločko 1998: S.S. Berezanskaja, V.I. Kločko; Das Gräberfeld von Hordeevka. Archäologie in Eurasien 5 (Rahden/Westf. 1998).
- Daragan 2004: M.N. Daragan, Periodisierung und Chronologie der Siedlung Žabotin. Eurasia Antiqua 10, 2004, 55–146.
- Kašuba 2007: M. Kašuba, Das Siedlungswesen zu Beginn der Früheisenzeit im Mitteldneprgebiet (Nordwestpontikum) In: Peter Trebsche et al. (Hrsg.), Die unteren Zehntausend – auf der Suche nach den Unterschichten der Eisenzeit. Beiträge zur Sitzung der AG Eisenzeit während der Jahrestagung des West- und Süddeutschen Verbandes für Altertumforschung e.V. in Xanten 2006. Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas, Bd. 47 (Langenweißbach 2007), 127–138.
- Kašuba 2008: M. Kašuba, Die ältesten Fibeln im Nordpontus. Versuch einer Typologie der einfachen Violinbogenfibeln im südlichen Mittel-, Süd- und Südosteuropa. Eurasia Antiqua 14, 2008, 193–231.
- Kašuba, Daragan 2009: M. Kašuba, M. Daragan, Offener oder geschlossener Raum: die Transformation der Kulturlandschaft infolge der Entwicklung der früheisenzeitlichen Befestigungen im Nordpontikum. In: Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000-500 v. Chr.): Globale Entwicklung versus Lokalgeschehen. Humboldt-Kolleg in Chişinău, Republica Moldova (4.-8. Oktober 2009). Programm (Chişinău 2009), 44–46.
- Klochko et al. 1998: V.I. Klochko, N.N. Kovaliukh, V.V. Skripkin, I. Motzenbecker, The Chronology of the Subotiv Settlement. Radiocarbon, Vol. 40, No. 2, 1998, 667–673.
- Levițki 1994: O. Levițki, Grupul Holercani-Hansa. Aspectul pruto-nistean al complexului hallstattian timpuriu, cu ceramică incizată. In: Relations Thracο-Illiro-Helléniques. Actes du XIVe Symposium National de Thracologie (à participation internationale). Băile Herculane (14-19 septembrie 1992) (Bukarest 1992), 219-256.
- Levițki 2003: O. Levițki, Lumea tracică și masivul cultural Nord-Pontic în perioada Hallstattiană timpurie (secolele XII-X î.e.n.). B. Thr. XL (București 2003).

- Nicic 2008: A. Nicic, Interferențe cultural-cronologice în nord-vestul Pontului Euxin la finele mil. II – începutul mil. I. a.Chr. Biblioteca Tyragetia XV (Chișinău 2008).
- Niculiță u.a. 2009: I. Niculiță, A. Zanoci, M. Băț, Die frühhallstattzeitliche Befestigung von Saharna Mare (Kreis Rezina, Republik Moldova). In: Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000-500 v. Chr.): Globale Entwicklung versus Lokalgeschehen. Humboldt-Kolleg in Chișinău, Republica Moldova (4.-8. Oktober 2009). Programm (Chișinău 2009), 41–43.
- Otroščenko 1998: V. Otroščenko, Die Westbeziehungen der Belozerka-Kultur. In: B. Hänsel, J. Machnik (Hrsg.), Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeiten (4000-500 v.Chr.). Südosteuropa-Schriften, Bd. 20; PAS, Bd. 12 (Rahden/Westf. 1998), 353–360.
- Otroshchenko 2003: V.V. Otroshchenko, Radiocarbon chronology of the bilozerka culture - based on barrows near the village of Zapovitne (the “Stepnoy” cementery). In: A. Koško, V. Klochko (eds.), The Foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 4000-1000 BC. Baltic-Pontic Studies, vol. 12, 2003, 336–364.
- Vančugov, Subbotin 2000: V.P. Vančugov, L.V. Subbotin, Noi complexe ale culturii Belozerka în zona dintre Nistru și Dunăre. Thraco-Dacica, t. XXI, nr. 1-2, 2000, 163–176.

Марина Дараган, канд. ист. наук, Институт археологии, Национальная Академия наук Украины, пр. Героев Сталинграда 12, 04210, Киев, Украина; darmar@ukr.net

Майя Кашуба, доктор истории, Центр археологии, Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы, бул. Штефан чел Маре 1, МД-2001, Кишинэу, Республика Молдова; mirra-k@yandex.ru

Сергей Разумов, Институт археологии, Национальная Академия наук Украины, пр. Героев Сталинграда 12, 04210, Киев, Украина

PUNCTE DE VEDERE REFERITOARE LA AREALUL CONSTITUIRII CULTURII TRACO-GETICE

Vasile HAHEU, Chișinău

De rând cu problemele referitoare la perioada și modalitatea de constituire a oricărei culturi arheologice, la fel de importantă este și cea legată de areal. Pentru cultura traco-getică, și în prezent, problemele nominalizate sunt departe de a-și fi găsit rezolvarea. Începând cu primele studii la temă (mijl. sec. XIX) și până la cristalizarea tracologiei (mijl. sec. XX), au fost expuse și susținute două concepții diametral opuse: autohtonistă și migraționistă, situație determinată și de coroborarea datelor arheologice cu izvoarele scrise. Ulterior cercetătorii, analizând problema, sfârșesc prin a adera la o teorie sau alta privind arealul constituirii culturii, stare de lucruri valabilă și în prezent. Examinând blocurile de opinii din ambele tabere și recunoscând că o soluționare exhaustivă a problemei este deocamdată dificilă, cu toate rezervele de rigoare, ne exprimăm în favoarea unor posibilități de constituire din elemente eterogene a culturii traco-getice (sub aspect spațial), prin cunoscuta modalitate a transformărilor culturale.

К вопросу об ареале формирования фрако-гетской культуры. Наряду с проблемами времени и механизма становления любой археологической культуры, не менее важна и проблема ее ареала. Для фрако-гетской культуры, до настоящего время эти проблемы, тесно взаимосвязанные, далеки от своего решения. Начиная с первых исследований (середина XIX в.) и до кристаллизации науки о фрако-гетах (вторая половина XX в.), одновременно и параллельно обозначились два диаметральных мнения: автохтонистское и миграционистское, ситуация, определенная и сопоставлением археологических и письменных источников. В дальнейшем, исследователи, критикуя друг друга, заканчивали тем, что примыкали к той или другой теории относительно ареала и положение вещей до сих пор не изменилось. Анализируя возможные блоки мнений сторонников обеих точек зрения и сознавая что и в настоящее время полное решение проблемы вряд ли возможно с определенной долей осторожности, высказываемся в пользу возможного этерогенного возникновения фрако-гетской культуры в отношении ареала путем известного механизма культурных трансформаций.

Points of view regarding the area of thraco-getic culture formation. Alongside problems related to the period and the way of creation of any archeological culture, issues of area of distributions are equally important. Even today, the named problems for the traco-getic culture have not found their solutions. Starting with the first studies on the issue (mid XIX century) until the full development of archeological studies about gets (mid XX century), two opposed opinions have emerged (both synchronic and parallel). These opinions are: autochthon and migration, and the situation has appeared as a result of an analysis of artifacts and written sources. As a result, even in our days, scientists criticize the situation and end up adopting one theory or another regarding the cultural distribution. Analyzing the opinions of both groups, acknowledging that a comprehensive solution is still difficult, and having reservations about this issue, we express ourselves in favor of some heterogeneous possibilities of the constitution of thraco-getic culture in space, in the result of the culture transformation.

Key words: late Hallstatt, cultural area, cultural contacts, cultural transformation, thracians, getians, migration, autochthonist.

După părerea unor cercetători, cultura arheologică reprezintă expresia unei entități sociale omogene, cu granițe bine definite (Palincaș 2006, 170). În realitate însă așa ceva nu există, conceptul prezentând doar un model al modernității, care nu poate fi decât parțial verificat. În plus, adăugăm aici și factorul subiectiv, - autorul și epoca sa, și de ce nu - logica acestuia în elaborarea anumitor sisteme. Fiecare cercetător se străduie să delimiteze spațial cultura pe care o studiază și

este o mare șansă dacă aceasta se încadrează (este limitată) între structuri geomorfologice greu accesibile: munți, mare, fluvii etc. Pentru traco-geți aceste granițe, tradițional, sunt reprezentate de Munții Carpați, Marea Neagră și râurile Nistru și Dunărea.

În realitate aceste îngrădiri naturale (care *grosso modo* încadrează cultura arheologică) în nici un caz nu constituiau o piedică în mișcarea (penetrația) continuă a oamenilor (comunităților umane) în diverse direcții.

Dacă în epicentrul oricărei culturi arheologice acest fenomen este mai puțin sesizabil, atunci în zonele periferice aceste mișcări constituie un lucru obișnuit. În consecință, în centru cultura arheologică este mai omogenă decât la periferii. Fenomenul, de fapt, a fost expus și argumentat ceva mai înainte de către V. Dergaciov, în contextul analizei noțiunii de „zonă de contact” (Дергачев 1992, 26-31). Se atenționează și asupra faptului că spre periferie descrește asemănarea și scade intensitatea interacțiunii centru - periferie. În zonele de contact realitățile arheologice sunt oarecum altele, inclusiv și din cauza că sunt mai mult sau mai puțin influențate de culturile arheologice învecinate. Am abordat și noi de curând interpretarea fenomenului prin această prismă în legătură cu originile culturii traco-getice și transformările culturale (Haheu 2007, 155-160).

Abordând această problemă, N. Palincaș conchide că „...modificările în trăsăturile culturale nu sunt rezultatul inovațiilor interne, ci doar al *influenței* din partea altor culturi ca urmare a *contactelor culturale* sau, în cazul unor modificări mai ample, a migrației unor purtători ai unei alte culturi în teritoriul culturii modificate” (Palincaș 2006, 169).

În ce ne privește, ne-am exprimat mai rezervat în această privință, lăsând loc unei importante evoluții interne în calitate de condiție esențială a transformării culturale, dar care este latentă și greu sesizabilă arheologic și doar contactele (de cea mai diversă natură: pașnice-violente, schimb, import-export de tehnici și tehnologii etc.) intensifică acest proces (Haheu 2007, 155-160).

În prezent este unanim acceptat că cultura getică (=traco-getică) succede în timp culturile hallstatiene din arealul Basarabi-Șoldănești, cu care este legată și genetic. De rând cu altele, prima moștenește de la predecesori și câteva probleme, dintre care: 1. originea și patria inițială a tracilor în general și a celor septentrionali în particular; 2. aria de răspândire a tracilor de nord și în special a geto-dacilor în a doua jumătate a mileniului I a.Chr. (Niculiță 1996, 13). Nu intră în intenția studiului de față abordarea acestor probleme majore, ele fiind intens vehiculate în literatura de specialitate (Pârvan 1926; Vulpe 1970, 2001; Мелюкова 1955, 51-71; idem 1958, 8-110; idem 1969, 1-80; idem 1979; idem 1984, 224-234; idem 2001, 20-32; Лапушнян 1979; László 1989; Никулицэ 1987; idem 1992; idem 1992a; idem 2003; Moscalu 1983; Levițki 1998, 28-59; Arnăut 2003; Кашуба 2000, 241-488; Morintz 1957, 219-225; idem 1959, 355-361; idem 1959a, 231-236; idem 1961, 201-208; Смирнова 2004, 409-429 etc.), deși anumite aspecte inevitabil vor fi evocate.

Problema identificării arealului de constituire a culturii getice generează la rândul său un spectru întreg de alte probleme nu mai puțin importante: 1. corelația

culturii getice cu cele anterioare din regiune; 2. premisele, perioada și modalitatea de constituire a culturii getice; 3. teritoriul populat ulterior de către purtătorii culturii la diverse etape istorice de existență a acestora; 4. granițele culturii și relațiile cu culturile limitrofe sincronice; 5. situația etnoculturală în spațiul enunțat. 6. nișele cronologice și spațiale ocupate de către geți și de către daci, cât și corelația acestor culturi; 7. gradul de unitate a însăși masivului cultural getic etc.

Problema arealului în care s-a constituit cultura getică generează o altă chestiune, nu mai puțin importantă: este oare ea un produs al evoluției culturilor hallstatiene târzii locale, un rezultat al evoluției și transformărilor acestora, sau are un caracter alogen? Ambele variante generează la rândul lor alte două probleme: 1. dacă este un produs al evoluției locale, care a fost caracterul acesteia: *omogen* sau *eterogen*. 2. dacă are un caracter alohton, care este acea vatră inițială, unde s-a constituit această cultură.

Ultimele două probleme, în dependență de adepții sau oponenții uneia sau alteia, au cauzat apariția a două curente științifice în abordarea lor: *evoluționist-autohtonist* și *migraționist*.

Orice încercare de a determina cât de cât exact perioada de la care se poate vorbi despre geți sub aspect de etnonim va purta amprenta convenționalității, lămurirea fiind simplă: de la momentul în care aceștia sunt nominalizați documentar în izvoarele scrise, în cazul nostru prima mențiune parvenindu-ne de la Herodot, datată la sfârșitul sec. VI a.Chr.; dar aceasta nicidecum nu înseamnă că etnonimul nu exista și mai înainte. Este opinia expusă deja în literatura de specialitate și care este valabilă nu numai pentru cazul nostru (Tkaciuk 1994, 216): existența deja a culturii în lipsa etnonimului și existența încă a etnonimului deja în lipsa culturii (Haheu 2005, 94). De fapt, într-o formă mai puțin teoretizată, în baza analizei izvoarelor scrise, această situație a fost constatată ceva mai înainte (Златковская 1955, 74-75).

În cele ce urmează vom aborda problema arealului constituirii culturii getice în baza a două categorii de surse: mențiunile autorilor antici și interpretările istoriografiei moderne și contemporane, cu toate că de foarte multe ori acestea se interpătrund.

Îzvoarele scrise. Menționăm încă o dată că referitor la regiunea și epoca istorică ce ne preocupă, aceste importante surse de informație sunt puține și disparate. În general, autorii antici pomenesc despre ele mai mult accidental, în legătură cu alte evenimente majore (conflicte și războaie de amploare etc.), care le afectează. Rolul și modalitatea de utilizare a izvoarelor scrise pentru cultura getică au fost amplu analizate de către M. Tkaciuk. Autorul propune utilizarea principiului „purificațional” în abordarea tuturor surselor, - exami-

narea independentă a izvoarelor arheologice, scrise și etnolingvistice, focalizată asupra anumitor probleme înguste, și sintetizarea rezultatelor tuturor etapelor. Promovând o asemenea abordare novatoare, M. Tkaciuk atenționează totodată asupra vulnerabilității acesteia din cauza inerției „argumentării amestecate” și că deseori ultima este mai acceptabilă (Ткачук 1998, 61). Este cazul când se propune o disecare amplă a faptelor, procedură care de multe ori duce la pierderea tabloului general, a imaginii de ansamblu, cum a fost și cazul autorului nominalizat, care exact peste un an semnează studiul „Getica pe care noi am pierdut-o” (Ткачук 1999, 274-304), la care ne vom opri ceva mai jos. Mai persistă aici, întâmplător sau de multe ori intenționat, elementul *subiectiv* al cercetătorului, când anumite pasaje sunt rupte din anumite contexte sau interpretate tendențios în motivarea anumitor postulate sau invocate unilateral în argumentarea unor supoziții conjuncturale.

Cu toate acestea, anume izvoarelor scrise datorăm însăși nominalizarea și imortalizarea etnonimului celor mai îndepărtați strămoși ai neamului nostru și originea lor.

Primele știri fragmentare și oarecum incerte le întâlnim la Hecateu, care pomenește în scrierea sa „Europa” despre anumite neamuri, getice (*în înțelegerea colectivului de alcătuitori și traducători ai culegerii „Izvoare privind Istoria României”*, Buc. 1964, 8, n.n.) la miazăzi de Istru, - *crobiți, trizi*, - și sub *Orgame* o cetate lângă Istru (Hecateu fr. 170,171,172)*. Ulterior Hecateu devine un informator credibil, în opinia cercetătorilor moderni, pentru Herodot

Pentru prima dată etnonimul este întâlnit la însuși „părintele istoriei” Herodot, care în contextul războiului scito-persan (514/512 a.Chr.) nu numai că pomenește despre geți, în calitate de „cei mai viteji și mai drepți dintre traci” (indicându-le și originea! - n.n.), dar și, într-un fel, „îi localizează”: „... Înainte de a ajunge la Istru birui mai întii pe geți, care se cred nemuritori” (Herodot IV, 93). Herodot îi plasează pe geți doar la sud de Dunăre, pentru el pământurile de la nord de Dunăre fiind sub dominația sciților (Herodot VI, 47-49). Incontestabil, datorăm enorm de mult „părintelui istoriei” pentru informații prețioase despre geți, dar pasajul cu localizarea acestora, cât și limita de vest a Sciției și râurilor ei, despre care vom relata ceva mai jos, preluate în continuare și de alți autori antici, până în prezent dau multă bătaie de cap cercetătorilor. În ce ne privește, ne raliem opiniei mai multor specialiști (Arnăuț 2003, 167), care atenționează că doar tradițional, din inerție, de acești autori antici se leagă primele știri despre geți, uitând că în realitate aceștia „...nu i-au cunoscut decât pe geții din Dobrogea” (*Ibidem*). Într-adevăr, Herodot

sau eventualii săi informatori, pur și simplu nu cunoșteau ținuturile de la nord de Istru. Este elocvent, în acest sens, pasajul în care se susține că „...pământurile de dincolo de Istru (de sub constelația Ursei) nu pot fi locuite din cauza frigului” (Herodot V, 10). În continuare, vorbind despre comunitățile tracilor, Herodot menționează că „tracii au mai multe nume, după regiuni, dar obiceiurile sunt cam aceleași la toți, în afară de geți... se deosebește și religia” (*credința în nemurire* - n.n.). Pasajul demonstrează că pentru perioada în care istoricul antic îi cunoaște, aceștia se individualizaseră deja, fiind distinși din masivul general tracic. Și dacă avem în vedere că obiceiurile și, mai ales, credințele religioase sunt dintre cele mai conservatoare pentru toate comunitățile umane, credem că trecuse ceva timp de la această individualizare.

Pentru situația geopolitică și etnică din regiune următorul bloc de informații provine de la Tucidide, datat în anii '30 a sec. V a.Chr., fiind vorba despre raidul lui Sytalkes împotriva dușmanilor Atenei (429 a.Chr.), în cadrul căruia sunt mobilizate popoarele care îi erau supuse: „...tracii dintre Rodope și Haemus, după aceea, pe geții peste care dai dacă treci munții Haemus și toate celelalte populații stabilite dincoace de Istru, mai ales în vecinătatea Pontului Euxin. Geții...se învecinează cu sciții, au aceleași arme și sunt toți arcași călări” (Tucidide II, 96, 1).

Ca și Herodot (sau inspirat de Herodot ?), Tucidide, de asemenea, cunoaște pe geți doar la sud de Dunărea de Jos.

În opinia lui M. Tkaciuk (Ткачук 1998, 72-73), o situație similară, inclusiv cu dominarea sciților la nord de Istru, se găsește și în pasajul VII, 3.14 din „Geografia” lui Strabon. Dar să urmărim pasajul: „Între [geți și] Marea Pontică, de la Istru până la Tyras, se întinde pustiul geților, care e în întregime șes și fără ape. Când Darius, fiul lui Histaspes, a trecut Istrul împotriva sciților...”. Dacă este să folosim principiul „purificațional”, în opinia noastră, avem aici două blocuri informaționale distincte (cel puțin cronologic): 1. plasarea geografică a pustiului geților în „epoca Strabon” și 2. evocarea campaniei lui Darius cu situația etnogeografică din regiune la perioada când aceasta s-a petrecut. Nu credem că „pustiul geților” a fost tot acest răstimp dominat de sciți, însăși Strabon nespecificând nimic referitor la populații, dar despre aceasta mai detaliat ne vom expune ceva mai jos. Pentru a nu mai reveni la Strabon, stăruim asupra a încă unui pasaj, în care autorul menționează că „...elenii i-au socotit pe geți de neam tracic. Acești geți locuiau și pe un mal și pe celălalt al Istrului...” (Strabon VII, 3, 2). Mai departe găsim o informație aproape si-

* Cu unele mici excepții, care vor fi indicate în fiecare caz aparte, autorii antici sunt citați după ediția: „Izvoare privind Istoria României” I (București 1964).

milară: „...Geții sunt cei care se întind spre Pont și spre răsărit...” (Strabon VI, 3.12).

Este interesantă, deși dificil de încadrat în timp și spațiu, mențiunea despre o populație traco-scitică în regiune: „... sciții cei amestecați cu tracii...” (Apollonios din Rodos, - *Argonauticele*, IV,320), regiune pe care arheologic profesorul I. Niculiță o localizează între Nistrul Inferior și Bugul de Sud (Никулицэ 1977, 7), dar care, reieșind din nivelul actual de cercetare, poate fi localizată și în alte zone, inclusiv la Dunărea de Jos, fiind valabilă și supoziția precedentă.

Pentru anii 50-40 ai sec. IV a.Chr., în legătură cu anumite conflicte militare locale între sciții lui Atheas și Filip II al Macedoniei, de asemenea pe malul drept al Dunării, sunt semnați „istrieni” și anonimul „rex histrium”, pe care autorii selecției și traducerii culegerii de izvoare (București 1964), ca de fapt și V. Pârvan (1926, 56-65), îi desemnează ca geți „din zona Istriei”. Aproximativ în aceeași perioadă are loc și conflictul lui Atheas cu tribalii, în care sciții sunt învinși, bătrânul rege murind în luptă (Frontinus II, 4.20; Polyanos, IV, 12,3; VII, 44.1). În cadrul acestor conflagrații sciții de nenumărate ori invadează teritoriile din dreapta Istrului, fapt ce dă prilej cercetătorului M. Tkaciuk să afirme că anume acum sciții împing pe geții de pe malul stâng al fluviului pe cel drept (Strabon VII. 3.13), eveniment copios analizat în „Arheologia numelui” (Ткачук 1998, 65-72). Nu este clar, în baza izvoarelor scrise, pe care geți îi are în vedere autorul citat (de data aceasta se pare inconsecvent), aceștia și așa doar locuiau „pe malul drept al Istrului” (Ткачук 1996, 42; 1998, 72-73).

Nu mult timp după aceste evenimente, la 335 a.Chr., pentru prima dată în izvoarele scrise, geții sunt atestați clar, răspicat și univoc pe malul stâng, de nord al Istrului. Este vorba despre expediția tânărului rege al Macedoniei Alexandru, fiul lui Filip II, contra tribalilor (Arian 1, 1.4; Strabon, VII, 3.8: - *reproducerea amintirilor lui Ptolomeu Lagos, participant nemijlocit al evenimentului* - n.n.). După ce năvăli în țara tribalilor care era până la Istru și insula Peuce din Istru, - *cunoscând de asemenea și că ținutul de dincolo de fluviu se află sub puterea geților*, urmărește pe tribalii lui Syrmos care se ascund pe insulă și spre care nu se pot apropia macedonenii. Noaptea ultimii trec Istrul, pe malul stâng al căruia erau 10 mii de pedestrași și cinci mii de călăreți geți, dar, forțele fiind inegale, ultimii se retrag într-un oraș (*cetate* – n.n.), însă sunt nevoiți să-l abandoneze și să fugă în stepile pustii. Macedonenii devastează așezarea și se retrag repede în țara lor. Aici Alexandru primește daruri de la „*semințiile de acolo și de la Syrmos. Ptolomeu, fiul lui Lagos, spune că în cursul acestei expediții au sosit la Alexandru celții...*” (Strabon VII, 3.8). Ultimii, care se comportă destul de

independent și cu demnitate, de asemenea duc tratative cu Alexandru. Nu se cunoaște conținutul înțelegerii dintre ei, dar un an mai târziu Alexandru Macedon începe cunoscuta campanie din Orient, iar de la răscrucea treptelor La B1 și La B2 în Transilvania apar vestigiile celtice (Щукин 1994, 82). Nu întâmplător am evocat aici și pasajul referitor la celți, semnificația acestuia se va înțelege în abordarea „crossculturală” a etnonimelor de „geți” și „daci”, cât și schimbările culturale din zona intracarpatică a României și apariția dacilor.

Deci, începând cu a doua jumătate a sec. IV a.Chr., geții sunt semnați la nord de Dunăre, pe malul stâng al acesteia. Următorul pasaj este legat de campania lui Zopiryon, pe care Alexandru îl numește guvernator al Pontului, și care, crezând că „este rușinos să stea degeaba”, adună 30 de mii de ostași și pornește cu război împotriva sciților (Trogus Pompeius XII, 2.16) sau a geților (Curtus Rufus X, 1.43.). Indiferent de direcție și intenție, „aventura” eșuează, Zopirion fiind omorât cu întreaga sa armată, sau conform altor opinii, pier cu toții în „pustiul getic”.

Mai numeroase și mai ample sunt izvoarele scrise cu privire la războiul dintre diadohul din Macedonia, Lisimah, unul dintre succesorii lui Alexandru cel Mare, și regatul geților lui Dromichaites, în primul deceniu al sec. III a.Chr., undeva în anii 292/291 a.Chr. Evenimentele petrecându-se în teritoriul deja cunoscutului „pustiul getic”, la nord de Dunăre, oastea macedoneană este învinsă, Lisimah cu fiul său fiind făcuți prizonieri (Strabon, VII, 3, 8; VII, 3, 14; Diodor XXI.11; XXI,12, 1-6; Trogus Pompeius, XVI, 1.19; Plutarh, *Demetrios* 39, 52; Polyanos VII, 25; Pausania, I, 9, 7; Polibiu *fr.* 102). Ulterior aceștia sunt eliberați, Dromichaites recăpătându-și pământurile de dincolo de Istru și câteva cetăți. Este cazul să ne oprim ceva mai mult asupra localizării evenimentelor, deoarece, ca și în cazul lui Darius al perșilor, nu există un consens în ce privește localizarea regiunii ambelor conflicte.

În istoriografia română, începând cu V. Pârvan, tradițional zona respectivă se localiza în Câmpia Română (Bărăgan), undeva în împrejurimile Zimnicei (Pârvan 1926, 46; Moscalu 1983, 205). De această zonă este legată și expansiunea lui Alexandru cel Mare peste Dunăre, dar ne pare mai verosimilă supoziția conform căreia ambele evenimente s-au derulat în partea de sud a stepei Bugeacului, lângă localitatea Cartal (Orlovca), unde există de fapt unica trecere la Dunărea de Jos (Брюяко, Ярошевич 2001, 19 și urm.), iar la distanța de „aproximativ o parasangă” se aflau două importante cetăți getice (Ткачук 1999, 289; Брюяко 2005, 221; Брюяко, Кожокару 1990, 142).

Abordări istoriografice. După cum reiese din expunerea succintă a izvoarelor scrise, despre arealul de

locuire a geților (de habitat, nu și de origine) dispunem de două blocuri de informații distincte: atestarea acestora la sud (malul drept) și la nord (malul stâng) de Dunăre. Dispunem și de informații după care geții populau ambele maluri ale fluviului. Situația nu putea să nu influențeze ulterior, în epocile moderne și contemporane, studiile științifice asupra problemei, cercetătorii optând sau în favoarea teoriei despre originea locală a culturii (autohtonisti), sau demonstrând caracterul alohton al culturii, formarea ei petrecându-se în altă parte (migraționiști). Ambele curente, ca de fapt și apariția primelor lucrări în care este abordată tematica getică în general (accidental și nesistematic), apar încă în sec. XIX. Este vorba despre elaborări semnate de cercetători străini dedicate, de fapt, populațiilor antice din vestul și centrul Europei, dar în care se abordează tangențial și probleme de istorie, geografie, etnografie și lingvistică a geto-dacilor. Anume atunci se pun bazele teoriilor balcanică (migraționistă) și carpatică (autohtonistă) privind originea geților, implicit și arealul de constituire a acestora, teorii care ulterior, dar și în prezent, au adepți și oponenți.

Pioneratul în elaborarea și promovarea teoriei balcanice revine lui Kaspar Zeuss, care susținea că doar în perioada de după Herodot începe expansiunea geților la nord de Dunăre (Zeuss 1837, 278). Mult mai categoric se exprimă un alt apologet al acestei teorii, K. Müllenhoff, care nu numai că plasează pe geți, pentru întreg parcursul istoriei lor în regiunea de la sud de Dunăre, dar și susține dispariția lor definitivă către anul 73 a.Chr. (Müllenhoff H.III, 138-140; 159-162). Opinia, oarecum modificată, găsește adepți în istoriografia română de epocă (Xenopol 1888, 58; Andrieșescu 1912, 118-119), teoria originii sud-dunărene a culturii getice fiind viabilă și susținută larg pe întreg parcursul sec. XX, promovată și în sec. XXI (Ткачук 1999, 274-304; Бруйко 2005; idem 2003-2004, 245-254; Левинский 2003-2004, 255-164; Levinschi 2005, 63-70; idem 2008, 233-238).

Aproximativ concomitent apar și lucrări care promovează caracterul dualist al originii culturii getice, E. Rösler susținând că în sec. IV a.Chr., dar posibil că și mai devreme, geții populau pământurile de la nord de Dunăre, aceștia fiind identici cu geții de la sud de fluviu (Rösler 1863, 140).

Către sfârșitul sec. XIX este fundamentată și teoria despre originea locală, carpatică a geților. Istoricul și lingvistul W. Tomaschek, într-un studiu monumental privind istoria triburilor tracice, pentru prima dată se referă la vatra carpatică în calitate de leagăn al civilizației getice. Anume de aici ei se răspândesc în valuri, inclusiv spre sud de Dunăre, autorul identificându-i pe geți cu tracii de sud (Tomaschek 1883-1884, 111.128.130-131).

În continuare, dar și în prezent, teoria autohtonistă privind geneza geților, evoluția locală a acestora pe fundalul culturilor hallstattiene precedente, nemijlocit a celor hallstattiene târzii, este dintre cele mai plauzibile, având cei mai numeroși adepți, deși nu mai este vorba despre Carpați în calitate de focar de civilizație getică, zonele fiind oarecum altele, după cum se va vedea în continuare.

În studiul său „Despre romantismul în istorie” (1934) I. Nestor, pe bună dreptate, constata că adevărata istorie ca știință (și implicit arheologia) în spațiul românesc începe odată cu apariția în 1926 a monumentalei opere a lui Vasile Pârvan „Getica. O protoistorie a Daciei”, până atunci studiile în domeniu fiind scrise „cu inima și nu cu rațiunea” (Nestor 1934). Ulterior a fost publicat și cursul de lecții susținut de ilustrul cercetător în martie 1926 la Cambridge, în calitate de oaspete al instituției universitare „St. John’s College”, intitulat „Dacia. Civilizațiile antice din țările Carpato-Danubiene”, lucrare tradusă din manuscrisul original în franceză de către R. Vulpe și care a cunoscut patru ediții (Pârvan 1967).

Este pentru prima dată când cele mai diverse aspecte ale istoriei civilizației geto-dacice au o abordare profund argumentată și de ansamblu, majoritatea ideilor expuse de savant fiind viabile și în prezent, în mai multe cazuri fiind necesare doar precizările aduse de investigațiile ulterioare decedului său mai mult decât prematur.

Este deosebit de importantă în acest sens desemnarea arealului de constituire a culturii geto-dacice și apartenența lor etnică, deși pentru ultima chestiune, reamintim că încă de la Herodot, cunoaștem pe geți ca „...cei mai vitegi și mai drepți dintre traci” (Herodot VI, 93).

Încă în primele studii cu tematică getică V. Pârvan preia opinia lui W. Tomaschek despre masivul carpatic în calitate de focar al civilizației respective (Pârvan 1926, 7), idee dezvoltată, aprofundată și serios argumentată ulterior (idem 1926a, 41-42). În opinia autorului, tracii de nord, respectiv geto-dacii, sub aspect cultural, etnic și lingvistic prezintă, un tot întreg, menționând totodată în baza izvoarelor scrise și lingvistice, deosebiri ale acestora în raport cu tracii meridionali Mai mult decât atât, în opinia sa, tracii de la sudul Dunării constituie o ramificație a celor din nord (*Ibidem*, 730), idee aprofundată de către lingvistul bulgar VI. Gergiev. Autorul indică în calitate de rădăcini ale culturii getice pe cele locale, începând cu bronzul târziu din zona Tisa-Nistru-Dunăre. Pentru sec. V a.Chr., nivelul de cercetare nu permite autorului de a se referi sigur la situația din nordul Moldovei și Bucovina, unde pentru perioada romană documentarea este mai clară, deși spre vest de Nistru triburile getice erau încă până la Herodot (Pârvan 1926, 40-41). Studiile ulterioare, cu precizările de rigoare, au confirmat, în general, această ultimă supoziție.

Referitor la originea și arealul inițial al culturii, cu toate aporturile evidente, problema nu are o rezolvare definitivă, respectiv nu există o opinie unanim acceptată de specialiști nici în prezent, continuând să coexiste cele două puncte de vedere opuse, nominalizate mai sus.

Nu mai puțin important, în legătură cu arealul constituirii culturii getice, este și evidențierea rolului purtătorilor culturilor limitrofe (sciți, iliri, celți etc., *vezi*: Pârvan 1967) în constituirea noii culturi, deși cum s-a mai menționat și cu alte ocazii, V. Pârvan supraapreciază rolul elementului celtic în însăși „latènizarea” culturii în discuție. Se ajunge la afirmarea că „aceasta a fost adevărat ferment transformator al civilizației dacico-getice” (idem 1926, 2). În opinia sa, anume de la celți sunt preluate roata olarului, moneda, meșteșugurile artistice etc. (*Ibidem*, 562, 596-606, 713, 715-716), supoziții neconfirmate ulterior, deși, după cum ne vom expune ceva mai jos, rolul influențelor culturale externe în constituirea noii culturi este unanim acceptat.

Marea majoritate a studiilor în care se postulează și se promovează insistent ideea despre caracterul advenit (migraționist) al culturii getice datează practic din ultimii 15 ani, deși originile concepției sunt oarecum mai vechi, dar nu așa de combative. Dintre ultimele amintim studiul cu privire la granița etnică dintre geți și vecinii lor estici, sciții, care până în sec. VI a.Chr. - sec. V-IV a.Chr. nu puteau fi mai la vest decât pe Prut și Dunăre (deși puteau fi și pe Nistru), și doar ulterior, în sec. IV-III a.Chr. râul de frontieră devine Nistrul (Мелюкова 1969, 79). Într-un studiu ulterior, cu privire la hotarul etnic dintre sciți și geți, etnii diferite și cu origini diferite, pentru sec. VI-V a.Chr., autorul îl consideră pe Dunărea de Jos, Prut și la nord - zona limitrofă dintre silvostepă și stepă, iar începând cu mijlocul sec. IV a.Chr. sunt semnalate anumite schimbări, când în anumite zone ale interfluviului Nistru-Dunăre, propice sedentarismului (partea dreaptă a Nistrului Inferior și a limanului acestuia), apar situri getice, deși în stepă, până la mijlocul sec. III a.Chr., continua penetrația hoardelor scitice (Мелюкова 1984, 230). În sfârșit, într-un ultim studiu, abordând problema sciților în Dobrogea, A. Meljukova se exprimă categoric în favoarea opiniei cu privire la „Istru în calitate de frontieră dintre geți și sciți”. Se infirmă categoric posibilitatea includerii Dobrogei în arealul culturii scitice („Sciția Veche” a lui Herodot) pentru sec. VI - prima jumătate a sec. V a.Chr. Ideea a fost postulată anterior de unii specialiști (Марченко 1993, 43-48; Марченко, Вахтина 1996, 51-52; 1997, 179-187), în același sens înscriindu-se și afirmația lui G. Simion despre urmările catastrofale pentru populația băștinașă a raidurilor sciților în Dobrogea, ultimii fiind asimilați în mediul

local (Мелюкова 2001, 30-31). Problema frontierei etnice dintre geți și sciți a mai fost abordată și cu alte ocazii, mai ales cu referire la regiunea Dunării de Jos. S. Andruch, de asemenea, nu este de acord că „Sciția Veche” a lui Herodot se poate de localizat la sud de Dunăre (Dobrogea), ci doar la est de fluviu. Mai mult decât atât, citându-l pe Herodot, cercetătorul menționează că, fiind două etnii vecine, pentru sf. sec. VI a.Chr., marea majoritate a masivului scitic se localiza la est de Nistru și doar după conflictul scito-persan primii intensifică acțiunile lor (migrații sezoniere, sporadice) la Dunărea de Jos, inclusiv cunoscutele raiduri în Tracia (Андрух 1995, 11-12). Dar ceva mai jos S. Andruch face o concluzie interesantă: „...nici în sec. V, nici în IV a.Chr. nu se poate de vorbit despre localizarea anumitor triburi tracice în stepa Bugeacului... și la începutul și la sf. sec. V a.Chr. Dunărea este limita de graniță între două lumi barbare” și doar începând cu sec. III a.Chr. triburile tracice se strămută spre est, odată cu căderea potențialului Sciției (*Ibidem*, 14-21). E. Redina, analizând monumentele de la Dunărea de Jos, în calitate de componentă a regiunii cultural-istorice a masivului Nistru-Dunăre, începând cu sec. VI a.Chr. desemnează această zonă ca parte a Sciției Mari, cu populație scitică permanentă. Dacă pentru perioada sec. VI-V a.Chr. autorul recunoaște numărul neînsemnat de populație nomadă, din sec. V a.Chr., după victoria asupra perșilor lui Darius „...numărul monumentelor scitice crește permanent, ceea ce nu putem susține despre cele tracice” (Редина 2000, 243). În ce ne privește, credem că numărul în creștere al descoperirilor scitice este mai mult o consecință a politicii investigațiilor arheologice de salvare la moment, când se cercetau în masă asemenea monumente, ulterior demonstrându-se și prezența masivă a tracogetilor în regiune (Niculiță, Arnăuț, Zancoci, Simion 2004, 285-302, harta 2,5). Nu putem, însă, să nu avem în vedere că majoritatea acestora, care nu sunt atât de numeroase, se află în imediata apropiere a fluviului sau în zona marilor lacuri din regiune.

O altă opinie are M. Șćukin, care susține că în timpul formării regatului său, în direcția de nord a Dunării Dromichaites a cotoplit pământuri scitice (Щукин 1994, 82). Și afirmația este făcută pentru epoca respectivă! Ceva mai jos, pentru cititorul poate neatent, același autor, din nou, printre altele, constată că „... cetățile getice au apărut în Moldova pe pământuri scitice” (*Ibidem*, 84). În susținerea afirmației se fac trimiteri, dar fără indicarea paginilor la cunoscutele studii ale lui I. Niculiță (1977), A. Meljukova (1969) și T. Zlatkovskaja, L. Polevoj (1969), dar în care nu am găsit măcar o aluzie la respectiva supoziție. S. Andruch, de asemenea, menționează că „teritorial, infiltrația etnosurilor scitice și tracice erau posibile doar în partea inferioară

a Dunării, Nistrului și a Bugului și la limita de silvostepă a Moldovei, unde a fost documentată prezența reală a elementului tracic. Spațiul de stepă a interfluviului Nistru-Prut până la apariția sciților rămânea nepopulat...” (Андрух 1995, 52). Dar acestea sunt doar preludivii, pentru că urmează o serie de studii ample, inclusiv lucrări monografice, în care ideea se vehiculează cu insistență și se „argumentează” copios în fel și chip.

În calitate de punct de plecare, este un succint studiu asupra monumentelor din Basarabia din sec. VII-I a.Chr. (Бруяко, Ткачук 1994, 27-31). Pentru perioada enunțată autorii desemnează drept participanți la procesele etnoculturale din regiune trei elemente de bază: sciții, orizontul Pîrjolteni-Dănceni-Olănești, cultura getică și grecii din orașele antice de pe litoralul nord-vest pontic (Бруяко, Ткачук 1994, 27-29). Complexele scitice, cărora le precede cultura Basarabi-Șoldănești, apar în zonă începând cu mijlocul - a doua jumătate a sec. VII a.Chr. (*Ibidem*; Левицкий, Демченко 1995, 41-53). Orizontul cultural ulterior este interpretat drept sincretic, geto-scitic și este datat la sfârșitul sec. VI - V a.Chr. (Бруяко, Ткачук 1994, 28). Cultura getică este încadrată cronologic de la începutul sec. IV - primul sfert /mijlocul sec. III a.Chr., iar pentru teritoriul dintre Prut și Carpați, posibil, până la sfârșitul sec. III a.Chr. (*Ibidem*). Orașele grecești apar aici începând cu mijlocul sec. VII a.Chr. Reconstituind procesele etnoculturale dintre elementele nominalizate, autorii susțin că odată cu pătrunderea sciților în regiune, aceștia domină, ei cauzând probabil încetarea vestigiilor Basarabi-Șoldănești; însăși contactele dintre ele au avut un caracter indirect, fiecare păstrându-și individualitatea. Începând cu a doua jumătate a sec. VI a.Chr., relațiile dintre sciți și greci, ca de fapt și traci, se intensifică. Vizavi de ultimii, autorii constată preluarea de către contextul cultural scitic a mai multor elemente tracice, proces finalizat cu apariția orizontului Pîrjolteni-Dănceni-Olănești. Spre sfârșitul sec. VI a.Chr., în opinia autorilor, echilibrul geto-scitic se destramă, iar odată cu expansiunea odrisilor la Dunărea de Jos, o parte a geților din Dobrogea sunt împinși înspre nord și ulterior ocupă zona de silvostepă a Basarabiei și Moldovei, tot atunci fiind edificate și cetățile getice timpurii în partea de est și sud-est a arealului (Бруяко, Ткачук 1994, 30). Am stăruit poate prea mult asupra acestor opinii, deoarece ulterior ele sunt larg vehiculate de exponenții lor, scopul de bază fiind demonstrarea caracterului alogen al culturii getice în zonă, pe pământuri pretins scitice, cum citam ceva mai sus un alt autor (Щукин 1994, 82.84).

Ulterior, autorii nominalizați semnează deja separat un șir de studii, unele de amploare și chiar monografice, doar scopul rămânând același, aprofundarea ideii despre rupturile cronologice, prezența sciților în cali-

tate de stăpâni ai zonei, caracterul advenit al culturii getice pentru o scurtă perioadă de timp etc.

În același an apare un amplu studiu având ca subiect manifestările culturale din sec. V-I a.Chr. în teritoriul Carpato-Nistrean (Tkaciuk 1994, 215-256), în care, analizându-se orizontul Pîrjolteni-Dănceni-Olănești, autorul, în opinia noastră, corect susține că acestea nu prezintă încă cultura getică timpurie, ci o comunitate complexă cu apartenență etnică încă nedefinită (*Ibidem*, 226), pestriță în aspect cultural, cum am mai atenționat și noi cu alte ocazii (Haheu 2007, 155-160). În continuare autorul conchide că „prin prisma acestor monumente nu se întrevede conturul acelei vetre puternice de culturogeneză care ar fi fost capabilă să constituie începutul culturii getice din sec. IV-III a.Chr.” (Tkaciuk 1994, 215-256; Ткачук 1999, 274-304). Pe de altă parte, în cadrul acestor vestigii, autorul evidențiază certe elemente getice (rit funerar, ceramică etc.), fapt care indică că în această perioadă (sec. VI-V a.Chr.) cultura getică exista deja undeva, într-o formă definită (*Ibidem*).

După cum am arătat, M. Tkaciuk utilizează în procesul analizei metode performante de lucru, inclusiv cea „purificațională”, dar observăm de la un studiu la altul că pentru cultura getică rămâne tot mai puțin timp și spațiu, ca în sfârșit, autorul să fie nevoit să intituleze ultimul său articol „Getica pe care noi am pierdut-o”, în calitate de antologie a rupturilor cronologice (Ткачук 1999, 274-304). Din start autorul expune scopul său: argumentarea neadevăratei și nefondatei concepții autohtoniste dominante în dezvoltarea culturală în Moldova.

Între aceste două studii de bază, în promovarea ideii respective, cercetătorul citat mai semnează unul (Ткачук 1996, 42-63), în care, pornind de la izvoarele scrise, constată că geții nu sunt pomeniți pe pământurile Carpato-Dunărene până în anii '30 ai sec. IV a.Chr. Între 430-335 a.Chr. geții nu sunt menționați în izvoarele scrise pe nici un mal al Dunării, fapt ce naște un hiatus cronologic în cultura acestora (*Ibidem*, 43). Autorul nu crede că geții nu există, în general, dar susține că activitatea istorică a altor popoare învecinate „au întunecat realitățile acestora”. În continuare, în baza surselor arheologice (vestigiiile de la Porțile de Fier, Letnița, Peretu, Coțofenești, Agighiol), autorul susține că în toată această perioadă geții s-au aflat „în umbra tribalilor”, puterea politică a cărora se extinde până la gurile Dunării de Jos, lărgindu-se substanțial limitele propriului regat. Anume împotriva lor este îndreptată expediția lui Alexandru cel Mare.

I. Brujako dezvoltă ideile sale într-un studiu nu prea mare (2003-2004, 245-254), dar și într-o lucrare monografică (2005). Pornind de la aceea că izvoarele scrise și arheologice desemnează univoc în calitate de

populație principală a pământurilor Carpato-Nistrene pe traci, care nu provoacă dubii, autorul rezumă că doar la nivel de constatare există o unitate de opinii între specialiști, în rest toate problemele legate de aceștia - ritmica genetică a masivului cultural: evoluție-continuitate; evoluție discretă; cronologia proceselor - sunt discutabile, neexistând un consens de opinii. Autorul distinge trei concepții în știința tracologică contemporană: două diametral opuse și a treia de compromis, în calitate de sinteză a primelor două (Бруяко 2003-2004, 245). Le vom invoca aici, succint, fiind destul de elocvente în lămurirea propriei opinii a autorului respectiv.

1. Adepții continuității lineare, pentru care culturile Hallstattului tracice (sfârșitul sec. XII/ începutul sec. IX – sec. VII a.Chr.) perpetuează lin și organic în vestigiile getice timpurii (sec. VI-V a.Chr) și clasice (IV-III a.Chr). O atare situație, în opinia autorului exclude însăși procesul de culturogeneză, fără influențe etc.

2. După alți cercetători, tradiția antică scrisă a expus foarte clar când și unde au trăit geții, care sunt traci de nord, dar îi datează nu mai devreme de sec. VI a.Chr. În așa fel, între culturile hallstattiene târzii și geții timpurii apare un hiatus cronologic de mai mult de un secol. Cu atât mai mult, apar probleme cu însăși culturile clasice tracice: Cozia, Saharna, Babadag și, mai ales, Basarabi (*predecesorii direcți și înrudiți ai traco-geților* - n.n.), pentru care se invocă ca la însăși monumentul eponim de tradiție tracică este doar ceramica (Dumitrescu 1968, 258-259), însăși apariția sitului fiind cauzată de un nou val de populație ilirică la începutul sec. VII a.Chr. Autorul conchide (*pentru adepții celei de-a doua concepții?* - n.n.), că pentru a doua jumătate a sec. VII - prima jumătate a sec. VI a.Chr. monumentele tracice lipsesc în Moldova, Transilvania și Câmpia Română, ele fiind concentrate doar în nord-estul Dobrogei (Бруяко 2003-2004, 249). Dar, ne întrebăm de când oare ceramica de această factură a încetat să reprezinte cel mai veridic document de atribuire culturală (etnică), mai ales în condițiile când, menționam și cu altă ocazie, piesele metalice nu au o valoare în atribuirea etnică (Haheu 2006, 90-103), ele fiind invocate doar în determinări cronologice și de periodizare.

3. Această opinie, desemnată „de compromis”, în înțelegerea lui I. Brujako, constă în evidențierea în culturile de la limita rupturilor cultural-cronologice a unor tradiții tracice ascunse, dar păstrate. Și abia acum, nu înțelegem de ce atâta mister, autorul expune propriul credo: traiectoria culturogenezei tracice nu este nicidcum liniară și neîntreruptă, având mai multe rupturi cronologice, evidențiate în mai multe segmente, dar pe noi ne interesează doar primul: Hallstatt - geți. Însuși autorul nu absolutizează aceste rupturi („zone critice”)

ca de nepătruns, de netrecut, între ele fiind posibile niște vagi legături în formă de hașurări sau puncte întrerupte, pentru care există (*sau se propun* - n.n.) forme ascunse de culturogeneză, dificil de lămurit, tot așa cum și pentru „găurile negre” din cosmos. Rupturile sunt depășite printr-un salt, desemnat drept transformare spontană, nemotivată (Бруяко 2003-2004, 251).

Pentru perioada rupturii Hallstatt - geți autorul studiului în discuție se afiliază adepților celei de-a doua concepții (*a fost oare nevoie de inventat și a treia concepție?* - n.n.) și o declară „fază negativă de pulsație”, când arealul tracice se minimalizează subit. Unde dispar purtătorii culturii, I. Brujako nu știe, dar propune de a preciza cronologic ce a rămas și de aruncat o privire prin regiunile limitrofe, poate îi găsim undeva, în medii străine. În continuare, autorul presupune că impulsurile ce au supraviețuit, ulterior, în calitate de tradiție precedentă (situl de la Seliște ca parte al culturii Șoldănești, faza târzie) preced cultura nou-născută: orizontul Dănceni cu un spectru de tradiții arhaice (Ткачук 1999, 284). Pentru restul populației culturii precedente dintre Prut și Nistru, autorul susține că la mijlocul sec. VII a.Chr. aceștia se strămută la Bugul Inferior, creând o diasporă în vatra colonizării de aici. Prima ruptură este depășită, deși nu prea confortabil și degajat, cum cred adepții primei concepții (Бруяко 2003-2004, 252). Interesantă, intrigantă, dar fără prea multă logică, această a treia concepție în clasificarea lui I. Brujako. Este a doua concepție, ce reprezintă un tribut hiatusurilor cronologice cu lipsa populației locale (*pe care nu o susține până la capăt nici enunțatorul* - n.n.), doar voalată și stilizată.

Dacă în ceea ce privește populația rămasă lucrurile sunt mai clare, ne întrebăm care a fost cauza că arealul purtătorilor culturii tracice s-a micșorat brusc și motivarea strămutării acestora? Răspunsul îl găsim într-o altă lucrare a autorului nominalizat, dar pentru moment ne permitem o mică digresiune. O să începem cu un citat, care aparține doctorului în științe fizico-matematice A. Belkin: „*Dispariția civilizațiilor nu înseamnă obligatoriu moarte, - acesta este, pur și simplu o altă formă de viață. În rezultatul eforturilor oamenii sunt capabili să treacă de la o civilizație la alta, pe care o concep mai perfectă și numesc aceasta progres. Pot să nu creeze nimic nou, și este distrugere. În al treilea caz, distrugând inima esenței unei civilizații, în baza pilonului ei material, în aceleași limite ei încep o nouă viață: aleg noi idoli, trasează noi legi. Procesul nu este obligatoriu violent, însoțit de catastrofe și cataclisme, oamenii rămânând aceeași. Viața continuă, dar civilizația - nu*” (sublinierea noastră) (Белкин 2003, 133). Și dacă purtătorii aspectului Șoldănești sunt strămutați (*de I. Brujako* - n.n.) la Bugul Inferior, implicit apare o

altă întrebare: care a fost soarta semenilor acestora din aspectul Basarabi?

În ultimul timp, tot mai insistent se afiliază adepților caracterului alogen al culturii getice, existenței hiatusului cronologic în evoluția culturală de la mijlocul mileniului I a.Chr. pentru arealul în discuție și a prezenței sciților ca stăpâni ai acestor pământuri și A. Levinschi, cercetătorul sitului fortificat de la Saharna „La Revechin” (Levinschi 2005, 63-70; idem 2008, 233-238; Левинский 2003-2004, 255-264). Abordând problema originii culturii getice, autorul, pe bună dreptate, menționează importanța corelării datelor izvoarelor scrise cu descoperirile arheologice, doar așa fiind posibil de stabilit veridic arealul locuirii acestora. Drept argument de bază este folosit pasajul 4.96 al lui Herodot despre cunoscuta campanie a perșilor contra sciților, în cadrul căreia „înainte de a ajunge la Istru biruiră pe geți”. Herodot nu cunoaște situația din partea stângă a fluviului. Pornind de la această afirmație, A. Levinschi nu numai că neagă posibilitatea existenței culturii getice în partea de sud a zonei Nistrului de Mijloc mai devreme de sfârșitul sec. VI a.Chr., dar, fiind fidel concepției despre formarea culturii getice timpurii în partea de sud a Dobrogei (orizonturile respective ale necropolelor Ravna, Dobrina etc.), idee inspirată din unele studii ale lui M. Tkaciuk (Tkaciuc 1994, 215-256; Tkachuk 1999, 274-304), insistă asupra opiniei despre caracterul advenit al acesteia, cel puțin pentru silvostepa dintre Prut și Nistru, către sfârșitul sec. VI a.Chr., mai precis, în urma retragerii peste Dunăre a armatei lui Darius urmărite de sciți, când perșii ard podurile plutitoare și geții, care au fost impuși să lupte de partea perșilor, și care nu reușesc să treacă peste râu, se retrag în pădurile din silvostepă, unde în locuri dosite, deoarece sciții ostili „...stăpâneau sau controlau aceste teritorii”, întemeiază așezări fortificate și nefortificate (Levinschi 2005, 68-69; Левинский 2005, 262-263). Foarte insistent, mai ales în baza sitului Saharna „La Revechin”, microzona Saharna Mare, pe care noi nu demult am desemnat-o drept posibil focar de apariție a culturii traco-getice (=getică timpurie) (Kaşuba, Haheu, Levițki 2000), autorul stăruie asupra supoziției despre migrarea geților în regiune, aceștia având deja o cultură materială bine conturată și arheologic, - un complex ceramic bine definit și individualizat, fără influențe estice (inclusiv vest-podoliene), cu analogii sigure în vestigiile hallstattiene târzii de la Dunărea de Jos și sudul Dobrogei, dateate în a doua jumătate a sec. VI - începutul sec. V a.Chr.

Într-unul din ultimele sale studii Al. Levinschi, în baza necropolei de la Dănceni, în care autorul distinge două orizonturi cultural-cronologice succesive și distincte: inhumății scitice (perioada mijlocie), încadrate în mijlocul - limita superioară a sec. VI a.Chr.,

și incinerății getice, sfârșitul sec.V - începutul sec. IV a.Chr. (Levinschi 2008, 233-238). Studiul în discuție a fost realizat, după spusele autorului, doar în baza unor informații sumare și disparate (Лапушнян 1979, *passim*) și a rapoartelor de săpătură disponibile, destul de incomplete, dar surprinzător „de suficiente” pentru o publicație științifică, cu extinse concluzii logice. Este important de a sublinia că autorul nu recunoaște existența aceluși orizont cultural sincretic traco-scitic (scito-tracic) propus încă în 1994 de către I. Brujako și M. Tkaciuk (Бруяко, Ткачук 1994, 27-31), argumentat și aprofundat ulterior separat (Бруяко 2005, 158-160; Ткачук 1999, 274-304), exprimându-se ferm că după sfârșitul culturii Basarabi-Șoldănești (mijlocul sec. VII a.Chr.), aceste pământuri erau stăpânite de către sciți, - orizontul vestigiilor „de oșteni”, în opinia lui Al. Levinschi: „scos în evidență de I. Brujako”, deși noțiunile de „călăreți din est” (Vulpe 1970, 202-203) și „luptători călări din est” (Simion 1989, 213-227) erau mai adecvate și utilizate în literatură ceva mai devreme.

Dar abordând de mai multe ori cazurile „rupturilor cronologice”, pentru epocă, însuși fondatorul teoriei migraționiste din zilele noastre, M. Šćukin recunoaște că „probabil cea mai mare concentrare de evenimente avea loc în acele momente, pe care arheologii le fixează drept rupturi, hiatusuri în dezvoltarea culturilor arheologice... Permanent sunt prezente și se intercalează două componente (forțe) – de inovații și de continuitate, tradiționale. În același timp, dispariția totală a populației precedente era foarte posibilă, dar reprezenta un caz ieșit din comun și foarte rar, care se petrecea fără pătrunderea unui sau altui număr de nou-veniți” (Щукин 1994, 13). Evoluția, inclusiv cea istorico-arheologică, este un proces. Or, în vid procesele nu sunt posibile. Pentru autor(-i), adepți ai teoriei migraționiste, procesul respectiv este un „dialog crosscultural” și este arhicunoscută diferența dintre dialog și monolog. Autorii nominalizează corect actorii (eroii) prezenți pe arena evenimentelor, deloc simple pentru zonă și epocă. Vizavi de procese, aducem o modalitate de interpretare a acestora, binecunoscută autorilor: „și procesele lente, și procesele explozive în structuri sincrone de lucru îndeplinesc funcții la fel de importante: unele asigură inovațiile, altele - tradiția, continuitatea. Ele reprezintă două fațete ale unui mecanism unitar, ale structurii sale sincronice. Agresivitatea uneia dintre ele nu înăbușă, ci stimulează dezvoltarea celeilalte” (Лютман 1992, 26). Cu altă ocazie, dar în același context, desemnam procesele lente de evoluție etnoculturală drept latente, de rând cu care prezentăm și situații asemănătoare exploziilor (Haheu 2003, 220-230; idem 2005, 95; idem 2006, 90-103; idem 2007, 155-160). În calitate de ultima, se avea în vedere transformarea culturală, de cele mai

deseori, intensificată de anumiți factori (externi etc.) (*Ibidem*). Procesul este mișcare și mișcarea înainte are loc pe două căi: neîntreruptă - previzibilă, și imprevizibilă, realizată prin explozie (Лотман 1992, 17).

Punctul de vedere al istoricului constituie un proces de transformare retrospectivă secundară. Istoricul privește evenimentul printr-o prismă îndreptată din prezent în trecut. Această privire, prin însăși natura sa, transformă obiectul descrierii: evenimentul revine de la cercetător reorganizat secundar (Лотман 1992, 33).

Limitele arealului masivului cultural getic au fost desemnate cu o mai bine de jumătate de secol în urmă de către T. Zlatkovskaja, într-un studiu despre istoria politică a geților, în care, invocându-l pe Strabon, îi plasează pe geți la nord-vest și est de la locul de curbură a Dunării spre sud, lângă Budapesta, de-a lungul pădurii Hercinice până la poalele Carpaților, iar la nord-est până la Tyras (Златковская 1955, 75).

În ce ne privește, în ultimul deceniu ne-am expus opinia vizavi de originea traco-geților, inclusiv cu privire la arealul constituirii culturii lor (Haheu 2003, 220-230; idem 2005, 92-97; idem 2007, 155-160; Каşуба, Хахеу, Левицкий 1999, 120-127; idem 2003, 118-223; Каşуба, Haheu, Levički 2000). Problema a fost abordată în baza materialelor din săpăturile mai vechi, din anii '50, dar și cele întreprinse în zonă de autori în anii '80 ai secolului trecut. Inițial, aceste vestigii erau datate tradițional (după izvoarele scrise, ceramica grecească etc.), în general în sec. IV-III a.Chr. (Смирнов 1946, 18-20; idem 1949a, 93-95; Мелюкова 1979; Златковская 1965, 220-225; Златковская, Полевой 1969, 35-60; Никулицэ 1977; idem 1987). Cunoscând faptul că ceramica locală modelată cu mâna este, în general, amorfă, pe parcursul unor perioade mai îndelungate ale ambelor epoci ale fierului (Pârvan 1926; Moscalu 1983, 58-61), am încercat precizarea cronologiei acestor vestigii, despre care A. Vulpe menționa că starea de lucruri este cauzată „... nu atât de lipsa materialelor..., cât de nepuțința de a le organiza cronologic”, totodată propunând de a se dezice de la etichetările etnice ale monumentelor (Vulpe 1970, 182-213). Starea de lucruri legată de cronologie era gravă, deoarece crea un decalaj (hiatus) între cele două culturi succesive și înrudite: Basarabi-Șoldănești (dispariție - mijlocul sec. VII a.Chr.) și getică (aparitie - sf. sec. VI a.Chr.). Hiatusul și respectiv lipsa culturii getice în regiune a dat prilej unor cercetători să susțină că în perioada respectivă zona era populată de sciți (Бруяко, Ткачук 1994, 27-30; Ткациук 1994, 215-256; idem 1996, 42-63; Ткачук 1999, 274-304; Бруяко 2005, *passim*; idem 200, 245-254; Levinshii 2005, 63-70; Левинский, 255-264). Cu altă ocazie, afirmația respectivă a favorizat enunțarea supoziției, expuse de către A. Meljukova, despre granița etnică dintre geți și sciți, care pentru perioada de până în sec. IV a.Chr. era

fixată pe Prut și în continuare pe cursul Dunării de Jos (Мелюкова 1969, 61-80; eadem 1984, eadem 2001, 20-32), pentru sec. VI-V a.Chr. în zona Platoului Moldovenesc, inclusiv partea Republicii Moldova, autorul necunoscând monumente (Мелюкова 1979, 103), idee preluată și dezvoltată ulterior de către alți cercetători (Редина 2000, 243-250; Андрух 1995, *passim*). Toate acestea, în opinia noastră, constituie o consecință a datării neadecvate a vestigiilor de epocă. Cu izvoarele scrise, lucrurile nu mai pot fi revizuite esențial. Ele sunt așa cum sunt și ne întrebăm, ce s-ar fi întâmplat, dacă nu avea loc conflictul scito-persan, și Herodot nu pomenea de geți în acel context?

Noutatea, în abordarea ce ne aparține, constă în evidențierea unor cronoindicatori mai deosebiți: vestigii scitice arhaice, în ultimii ani redatate în direcția „îmbătrânirii” lor cu aproximativ un secol (Полин 1987, 17-36; Медведская 1992, 86-107). Referitor la „cronologia de contact” cu lumea egeică, Al. Vulpe susține că s-a ajuns la o ridicare cu aproape un secol a datării anumitor descoperiri arheologice, a doua jumătate a sec. VII a.Chr. consemnând pentru autor „începutul unei noi etape, cea a Hallstatt-ului târziu”, marcată de două momente: apariția coloniilor grecești pe litoralul Mării Negre și ascensiunea puterii scitice în ținuturile nord-ponctice (Vulpe 2001, 467). Pentru zonă este importantă atestarea ceramicii de proveniență estică (tipul Podolian de Vest), inclusiv în complexe închise: Hlijeni II „La Șanț”, Solonceni „Hlinaia” (Kaşuba, Haheu, Levički 2000, 116), datate și ele sigur prin importuri grecești la mijlocul - sfârșitul sec. VII a.Chr. (Ганина 1984, 68.74.77; Петренко 1989, 73).

Vorbind despre importante schimbări în componența culturii materiale din spațiul carpato-dunărean, Al. Vulpe le leagă de pătrunderea „unei populații de călăreți din est” (ecvestre - *Ignat 2006*) la începutul sec. VI a.Chr. (Vulpe 1970, 203). Această lovitură puternică destabilizatoare a afectat nu numai Câmpia Dunării și cursul superior a Mureșului (Vasiliev 1980), dar și silvostepa Moldovei, având loc ceva mai devreme, la mijlocul - sfârșitul sec. VII a.Chr. (Левицкий, Демченко 1995, 41-51). Un timp ca aceștia (*sciții* - n.n.) să fi coexistat cu purtătorii culturii Basarabi-Șoldănești - mormintele 3 și 31 de la Seliște (Лапушнян 1972, 88-101, рис. 2, 4.6; 3,7.8.12; idem 1973, 101-106, рис. 5; 6,1.2-4,6; Рафалович, Лапушнян 1974, 116-120). O a treia parte contractantă, participantă la procesul unor îndelungate și complexe procese de interacțiune din regiune, o reprezintă populația din silvostepa spațiului dintre Bugul de Jos și partea stângă a Nistrului Mijlociu, ultima fiind supusă influențelor scitice încă la începutul - prima jumătate a sec. VII a.Chr. (Smirnova 1993, 101-118).

În înțelegerea noastră, anume în rezultatul contactelor și relațiilor reciproce dintre aceste trei componente, are loc acea faimoasă transformare culturală, ce are drept rezultat apariția culturii traco-getice (=getică timpurie), în zona de sud a Nistrului Mijlociu, în a doua jumătate a sec. VII a. Chr. (Kașuba, Haheu, Levițki 2000, 102). Este important pentru noi faptul că supoziția respectivă a fost confirmată de investigațiile de aproape un deceniu ale expediției USM în microzona Saharna, de curând apărând și prezentarea monografică a rezultatelor. Pentru mijlocul sec. VIII - sec. VII a.Chr. este atestat un important orizont Basarabi-Șoldănești, după care prin sec. VII a.Chr. apar aici primele cetăți getice (Niculiță, Zanoci, Arnăut 2009, 168). Aceeași perioadă pentru debutul culturii traco-getice a fost intuită și propusă aproape 30 de ani în urmă de către Al. Vulpe (1970, 182-213), opinie fundamentată de curând, de către autor, într-o ediție academică solidă (Vulpe 2001).

În așa fel, nediminuind alte posibilități de apariție a culturii traco-getice la compartimentul „areal”, în stadiul actual al cercetării și susținem întru totul, în primul rând, regiunea Dunării de Jos (Dobrogea română și partea de nord-est a Bulgariei), tradițional recunoscute ca teritorii în care s-a realizat geneza celor mai îndepărtați strămoși ai neamului nostru, fiind unul din focarele active ale apariției culturii respective (Berciu 1966; Berciu, Pippidi 1965; Simion 1976, 143-163; idem 1989, 213-223). În afară de vestigiile cunoscute de mai demult, în ultimii ani aici au fost cercetate două importante necropole: Isaceea (Vasiliiu, Topoleanu 1989, 276) și Giurgiulești (Levițki, Haheu 1999, 121-133), foarte asemănătoare între ele după ritul și ritualul funerar, care credem că vor arun-

ca o anumită lumină la compartimentul genezei traco-getilor la Dunărea de Jos.

În opinia noastră, un alt focar, se pare, a fost în partea de nord a Moldovei, procesele petrecându-se pe fondul masivului Podolo-Moldav (Ignat 1976, 99-108; idem 2000, 317-330; 2006; Levițki 1998, 28-59), dintre descoperirile ulterioare, deja getice, amintind necropola de la Strahotin (Șadurschi 1992, 173-185), cât și unele mai timpurii: Cozmești (Marin 1987-1989, 33-43), Valea Viei, Buzău (Buzdugan 1992, 35-38), Recea (idem 1968, 73-76), Slobozia (idem 1968a, 77-94) și dintre cele mai importante - Curteni-Vaslui (Iconomu 1978-1979, 177-236) și Curteni-Dealul Viei și Dealul Pietrăriei (idem 1981-1982, 127-152).

De curând, am enunțat opinia despre zona de sud a Nistrului de Mijloc în calitate de un posibil focar de constituire a culturii traco-getice (Kașuba, Хахей, Левицкий 1999, 121-127; Kașuba, Haheu, Levițki 2000; Kașuba, Хахей, Левицкий 2001-2002, 118-223). La acesta, foarte probabil, se adaugă și zona centrală a Moldovei istorice, fără a intra aici în discuții speciale despre vestigiile de tipul Trestiana (Popușoi 1969, 87-92; eadem 1980, 130-132), care credem că necesită o atenție aparte. Despre posibilitatea existenței mai multor centre de formare a culturii traco-getice au mai fost făcute presupuneri (Vulpe 1970, 182-213; idem 2001; Arnăut 2003).

Îndelungatul și, fără îndoială, complicatul proces de apariție și dezvoltare a traco-getilor a avut un caracter eterogen, în mai multe zone etnoculturale, probabil cu intensități diferite, dar cu siguranță nu fără participarea altor componente culturale din teritoriile limitrofe: sciți, iliri, greci și ulterior celți.

Bibliografie

- Alexandrescu 1976: P. Alexandrescu, Pour une chronologie des VIe-IVe siècles. TD I, 1976, 117-126.
 Andrieșescu 1912: I. Andrieșescu, Contribuții la Dacia înainte de romani (Iași 1912).
 Arnăut 2003: T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a.Chr. în spațiul de la răsărit de Carpați (Chișinău 2003).
 Berciu 1966: D. Berciu, Zorile istoriei în Carpați și la Dunăre (București 1966).
 Berciu, Pippidi 1965: D. Berciu, D. Pippidi, Din istoria Dobrogei (I) (București 1965).
 Bobi 1999: V. Bobi, Civilizația geto-dacilor de la curbura Carpaților (sec. VI a.Chr. - II p.Chr.) (București 1999).
 Buzdugan 1968: C. Buzdugan, Mormântul hallstattian descoperit la Recea. Carpica I, 1968, 73-76.
 Buzdugan 1968a: C. Buzdugan, Necropola getică de la Slobozia. Carpica I, 77-94.
 Buzdugan 1980: C. Buzdugan, Riturile funerare ale comunităților hallstattiene târzii din Moldova. Acta MM, II, 1980, 51-60.
 Buzdugan 1992: C. Buzdugan, Cercetările arheologice de la Valea Viei (jud. Buzău). CA IX, 35-38.
 Dumitrescu 1968: Vl. Dumitrescu, La nécropole tumulaire du première âge du fer de Basarabi (dep. de Dolj, Oltenie). Dacia T. XII, 1968, 177-260.
 Dušek 1964: M. Dušek, Regiunile Carpato-Dunărene și sudul Slovaciei în etapa hallstattiană târzie. AM II-III, 1964, 273-298.
 Florescu 1971: A. Florescu, Unele considerațiuni asupra cetăților traco-getice (hallstattiene) din mileniul I î.e.n. CI, 1, 1971, 103-118.
 Florescu, Florescu 2005: A. Florescu, M. Florescu, Cetățile traco-getice din secolele VI-III a.Chr. de la Stănțești (jud. Botoșani) (Târgoviște 2005).
 FHDR I: Fontes Historiae Daco-Romanae, vol. I (București 1964).
 Haheu 2003: V. Haheu, Manifestările culturale la est de Carpați în perioada hallstattiană târzie. In: Interferențe cultural-crono-

- logice în spațiul nord-pontic (Chișinău 2003), 220-230.
- Haheu 2005: V. Haheu, Puncte de vedere cu privire la originea culturii getice. RA, vol. 1, nr. 1, 2005, 92-97.
- Haheu 2006: V. Haheu, Originea culturii getice- repere istoriografice. RA, vol. II, nr. 1-2, 2006, 90-103.
- Haheu 2007: V. Haheu, Sinergetica și Getica. RA S.N. volumul III, nr. 1-2, 2007, 155-160.
- Iconomu 1978-1979: C. Iconomu, Cercetările arheologice din locuirea hallstattiană târzie de la Curteni-Vaslui. CI S.N. IX-X, 1978-1979, 177-236.
- Iconomu 1981-1982: C. Iconomu, Cercetările arheologice de la Curteni- Dealul Viei și Dealul Pietrăriei (jud. Vaslui). CI S.N., 1981-1982, 127-152.
- Ignat 1976: M. Ignat, Découvertes du Hallstatt thrace dans le département de Suceava. Thraco-Dacica I, 1976, 99-108.
- Ignat 2000: M. Ignat, Un nouveau groupe culturel du Hallstatt tardif sur le territoire de la Roumanie. SAA 7, 317-330.
- Ignat 2006: M. Ignat, Necropolele tumulare din zona Rădăuți în cadrul lumii traco-getice (sec. VII-V a.Chr.) (Târgoviște 2006).
- László 1989: A. László, La civilisation de Hallstatt (Liège 1989).
- Levinschi 2005: A. Levinschi, Considerații asupra începuturilor de locuire a geților în silvostepa Moldovei (sec. VI î.e.n.). Tyragetia XIV, 2005, 63-70.
- Levinschi 2008: A. Levinschi, Considerații asupra necropolei getice de la Dănceni. Tyragetia II (XVII), nr.1, 2008, 233-238.
- Levițki 1998: O. Levițki, Considerații asupra monumentelor funerare din perioada hallstattiană târzie de pe teritoriul Moldovei. RA 2, 1998, 28-59.
- Levițki, Haheu 1999: O. Levițki, V. Haheu, Necropola hallstattiană târzie de la Giurgiulești. Studia in honorem Ion Niculiță (Chișinău 1999), 121-133.
- Marin 1987-1989: T. Marin, Așezarea geto-dacică de la Cozmești, jud. Vaslui. Acta MM IX-XI, 1987-1989, 33-43.
- Marinescu-Bâlcu ș.a. 2000: S. Marinescu-Bâlcu, E. Rența, Gh. Matei, Les recherches archéologiques de sauvetage de Ciulnitza, le département de Ialomitza (1994-1997). Le tumulus I. În: Actes du IIIe Colloque International d' Archéologie Funéraire (Tulcea 1997), 149-165.
- Mitrea, Preda 1959: I. Mitrea, C. Preda, Săpăturile de salvare de la Alexandria. MCA V, 1959, 175-181.
- Morintz 1957: S. Morintz, Săpăturile de la Bârsești. MCA III, 1957, 219-225.
- Morintz 1959: S. Morintz, Săpăturile de la Bârsești. MCA V, 1959, 355-361.
- Morintz 1959a: S. Morintz, Săpăturile de la Bârsești. MCA VI, 1959, 231-236.
- Morintz 1961: S. Morintz, Săpăturile de la Bârsești. MCA VII, 1961, 201-208.
- Moscalu 1983: E. Moscalu, Ceramica traco-getică (București 1983).
- Mühlenhoff : K. Mühlenhoff, Deutsche Altertumskunde, H.III.
- Kašuba, Haheu, Levițki: 2000, M. Kašuba, V. Haheu, O. Levițki, Vestigiile traco-getice pe Nistrul Mijlociu (București 2000).
- Niculiță 1992: I. Niculiță, Tracii de Nord în prima jumătate a mileniului î.e.n. În: Probleme actuale ale istoriei naționale și universale (Chișinău 1992), 8-17.
- Niculiță 1992a: I. Niculiță, Tracii de Nord în mileniul I a.Chr. – prima jumătate a mileniului I p.Chr. In: Istoria Moldovei din cele mai vechi timpuri până în epoca modernă (Chișinău 1992), 27-51.
- Niculiță 1996: I. Niculiță, The Thracian World at the Crossroads of Civilisations. The 7th International Congress of Thracology, Report and Summaries, 1996, 46-71.
- Niculiță 2000: I. Niculiță, Situația etno-demografică în stepele Bugeacului în mileniul I a.Chr. – prima jumătate a mileniului I p.Chr. In: Romanitate și românităte la Nord de Balcani (Chișinău 2000), 17-19.
- Niculiță 2003: I. Niculiță, Contribuții la originea tracilor. RIM 2, 2003, 5-12.
- Niculiță, Teodor, Zanoci 2002: I. Niculiță, S. Teodor, A. Zanoci, Butuceni. Monografie arheologică (București 2002).
- Niculiță, Arnăuț, Zanoci, Simion 2004: I. Niculiță, T. Arnăuț, A. Zanoci, S. Gavrilă, Stepele Bugeacului în mileniile II-I a.Chr. In: Thracians and circumpontic world I (Chișinău 2004), 285-322.
- Niculiță, Zanoci, Arnăuț 2009: I. Niculiță, A. Zanoci, T. Arnăuț, Habitatul din mileniul I a.Chr din regiunea Nistrului Mijlociu. Siturile din zona Saharna (Chișinău 2009).
- Palincaș 2006: N. Palincaș, Despre conceptul de cultură arheologică și despre gândirea normativă. Pentru o dezbatere în arheologia românească de astăzi. SCIVA t. 57, nr. 1-4, 159-185.
- Pârvan 1926: V. Pârvan, La Dacie a l'époque celtique. Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et Belles Lettres (Paris 1926).
- Pârvan 1926a: V. Pârvan, Getica. O protoistorie a Daciei (București 1926).
- Pârvan 1967: V. Pârvan, Dacia. Civilizațiile antice din țările Carpat-Danubiene (București 1967).
- Petrescu-Dîmbovița 1980: M. Petrescu-Dîmbovița, Premisele civilizației geto-dacice. AM IX, 1980, 63-67.
- Popușoi 1969: E. Popușoi, Un mormânt hallstattian descoperit la Trestiana-Bârlad. Carpica II, 1969, 87-92.
- Popușoi 1980: E. Popușoi, Săpăturile arheologice de la Trestiana, com. Grivița, jud. Vaslui. CI S.N. XI, 1980, 130-132.
- Rață 1966: S. Rață, Cazanul scitic de bronz din sec. VI-V î.e.n.de la Iacobeni-Dângeni (r. Săveni, Suceava). AM IV, 1966, 351-353.
- Rösler 1863: E. Rösler, Die Geten und ihre Nachbarn (Wiener 1863).
- Sîrbu 1986: V. Sîrbu, Probleme de arheologie și istorie ale Câmpiei Române privite în contextul estului României (secolele VI-IV î.e.n.). Istros IV, 1986, 13-24.

- Simion 1976: G. Simion, Les Getes de la Dobruđja septentrionale en VII – I-er si cles a.n. . TD I, 1976, 143-163.
- Simion 1989: G. Simion, Geneza civiliza iei geto-dace (sec. VII-V î.e.n.).  n: Symp Thrac, nr. 7. Al XII-lea Simpozion Na ional de Tracologie, septembrie 1989 (Tulcea 1989).
-  adurschi 1992: P.  adurschi, Necropola getic  de la Strahotin-D ngeni, jud. Boto ani. MCA XVII, 1992, 173-185.
- Smirnova 1993: G. Smirnova, Zur Frage der thrakischen und illyrischen Komponenten in der Fruhhallstattkultur des Vorkarpatenraums. TD XIV, 1993, 101-118.
- Teodor 1999: S. Teodor, Regiunile est-carpatiche ale Rom-niei  n secolele V-II î.de Hr. (Bucure ti 1999).
- Tkaciuk 1994: M. Tkaciuk, Manifest ri culturale din sec. V-I a.Chr. TD XV, nr.1-2, 1994, 215-256.
- Tomaschek 1893-1894: W. Tomaschek, Die Alten Thraker, eine ethnologische Untersuchung. Sitruungsberichte der philosophisch- historische Classe der Akademie von Wien. CXXVIII 1893, 1-130; CXXX 1, 1894; CXXX 2, 1894, 1-70.
- Ton eva 1980: G. Ton eva, Chronologie du Hallstatt ancien dans la Bulgarie de Nord-Est. Studia Thracica 5 (Sofia 1980).
- Vasiliev 1980: V. Vasiliev, Sci ii agat r i pe teritoriul Rom niei (Cluj-Napoca 1980).
- Vasiliiu, Topoleanu 1989: I. Vasiliiu, Fl.Topoleanu, Necropola de la Isaccea (sec.VI-V î.e.n.). In: Symp Thrac 7, 1989, 276-277.
- Vulpe 1967: A.Vulpe, Necropola hallstattian  de la Ferigile (Bucure ti 1967).
- Vulpe 1970: A. Vulpe, Cercet ri arheologice  i interpret ri istorice privind sec. VII-V a.Chr. MemAntiq. II, 1970, 115-214.
- Vulpe 1979: A. Vulpe, Cu privire la cronologia grupului cultural Ferigile. Danubius VIII-IX, 1979, 93-113.
- Vulpe 1980: A.Vulpe, Geto-dacii ca unitate etno-istoric   n lumea trac . SCIVA 1, tomul 31, 1980, 5-11.
- Vulpe 1983: A. Vulpe, Pe marginea a trei c r i despre traci  i sci i. Istros II-III, 1983, 115-144.
- Vulpe 1986: A. Vulpe, Limita de vest a Sci iei la Herodot. Studii clasice XXIV, 1986, 332-43.
- Vulpe 2001: A. Vulpe, Dacia  nainte de romani. In: Istoria Rom nilor, vol. I. Mo tenirea timpurilor  ndep rtate (Bucure ti 2001).
- Xenopol 1888: Al. Xenopol, Istoria Rom nilor, vol.I (Bucure ti 1888).
- Zeuss 1837: K. Zeuss, Die deutschen und ihre Nachbarst mme. 1837, s. 278.
- Андрух 1995: С. Андрух, Нижнедунайская Скифия в VI– начале I в. до н.э. (Запорожье 1995).
- Белкин 2003: С. Белкин, Корректор жизни (Москва 2003).
- Бруяко 2005, И. Бруяко, Ранние кочевники в Европе X-V вв. до Р.Х. (Кишинев 2005).
- Бруяко 2003-2004: И. Бруяко, Исторические судьбы фракийцев Карпато-Днестровских земель. Stratum plus 3, 2003-2004, , 245-254.
- Бруяко, Кожокару 1990: И.В. Бруяко, В.М. Кожокару, Новый фракийский памятник на Нижнем Дунае и некоторые вопросы политической истории региона в I тысячелетие до н.э. АИМУМ, 132-142.
- Бруяко, Ткачук 1994: И. Бруяко, М. Ткачук, Бесарабия VII-I вв. до н.э. Цикл кросскультурных диалогов. В сб. Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. (Запорожье 1994).
- Бруяко, Ярошевич 2001: И.В. Бруяко, Ю. И. Ярошевич, Городище у с. Новосельское на нижнем Дунае (Измаил 2001).
- Ганіна 1984: О. Ганіна, Поселення ранньоскіфскої доби поблизу с. Залісся. Археологія 47, 1984.
- Златковская 1955: Т. Златковская, Племенной союз гетов I в. до н.э. ВДИ 2 (52) (Москва 1955).
- Златковская 1965: Т. Златковская, Городище Матеуцы. МИА СССР 130 (Москва 1965), 220-225.
- Златковская, Полевой 1969: Т. Златковская, Л. Полевой, Городища Прутско-Днестровского междуречья IV-III вв. и вопросы политической истории гетов. МИА СССР 150 (Москва 1969), 35-60.
- Кашуба 2000: М. Кашуба, Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом. Stratum plus 3, 2000, 241- 488.
- Кашуба, Хахеу, Левицкий 1999, М. Кашуба, В. Хахеу, О. Левицкий, Та самая Гетика... или четвертая? В сб.: Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (Запорожье 1999), 120-127.
- Кашуба, Хахеу, Левицкий 2003: М. Кашуба, В. Хахеу, О. Левицкий, Фрако-гетские древности в южной лесостепи Среднего Днестра (культурно-хронологическая систематизация материалов раскопок второй половины XX века). Stratum plus 3, 2003, 118-223.
- Лапушнян 1972: В. Лапушнян, Раскопки памятников фракийского гальштата в Молдавии. В сб.: АИМ в 1968-1969 гг. (Кишинев 1972), 88-104.
- Лапушнян 1973: В. Лапушнян, Исследование могильника у с. Селиште. В сб.: АИМ в 1970-1971 гг. (Кишинев 1973), 100-113.
- Лапушнян 1979: В. Лапушнян, Ранние фракийцы X-начала IV в. до н.э. лесостепной Молдавии. (Кишинев 1979).
- Лапушнян, Никулиц , Романовская 1974: В.Лапушнян, И.Никулиц , М.Романовская, Памятники раннежелезного века. АКМ вып. 4 (Кишинев 1974).
- Левинский : А. Левинский, Два подхода к решению вопроса о появлении гетов в Молдавской Лесостепи (VI в. до н.э.). Stratum plus 3, 2003-2004, 255-264.
- Левицкий, Демченко 1995: О. Левицкий, Т.Демченко, Памятники скифской архаики на территории Молдавии.в сб.:ДСПК V (Запорожье1995).
- Лотман1992: Ю.М. Лотман, Культура и взрыв (Москва 1992).
- Марченко 1988: К. Марченко, Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII - первой половине I в. до н.э. (по материалам лепной керамики) (Ленинград 1988).

- Марченко 1980: К. Марченко, О восточной границе расселения фракийцев в Северном Причерноморье архаического времени (археологический аспект вопроса). Actes de Symposium International Thracia Pontica IV. 6-12 October 1980, Sotopol, 209-212.
- Марченко 1993: К. Марченко, К вопросу о протекторате скифов в Северо-Западном Причерноморье в. во н.э. ПАВ 7, 1993, 43-48.
- Марченко, Вахтина 1996: К. Марченко, М. Вахтина, Скифы в Северной Добрудже и этнополитическая ситуация в степях Северного Причерноморья в VII-VI вв. до н.э. ТДК «Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века» Ростов-на-Дону 1996.
- Марченко, Вахтина 1997: К. Марченко, М. Вахтина, «Древняя Скифия» и Северо-Западное Причерноморье. Hyperboeus 1997, V.3, Fasc.1, 179-185.
- Медведская 1992: И. Медведская, Периодизация скифской архаики и Древний Восток. РА 3, 1992, 86-107.
- Мелюкова 1955: А. Мелюкова, Итоги изучения памятников скифского времени в Молдавии в 1952-1953 гг. Известия Молдавского филиала АН СССР 5 (25), 1955, 51-71.
- Мелюкова 1958: А. Мелюкова, Памятники скифского времени Лесостепного Среднего Поднестровья. МИА СССР 64, 1958, 8-110.
- Мелюкова 1969: А. Мелюкова, К вопросу о границе между скифами и гетами. МИА СССР 150, 1969, 1-80.
- Мелюкова 1979: А. Мелюкова, Скифия и фракийский мир (Москва 1979).
- Мелюкова 1984: А. Мелюкова, Археологические данные о фракийцах на территории СССР в тысячелетии до н.э. В сб.: Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. (Москва 1984), 224-234.
- Мелюкова 2001: А. Мелюкова, Новые данные о скифах в Добрудже (к вопросу о «Старой Скифии» Геродота). РА 4, 2001, 20-32.
- Никулицэ 1980: И. Никулицэ, Северные фракийцы по письменным и археологическим источникам. В сб.: Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Проблемы античной истории и классической филологии» (Харьков 1980), 48-49.
- Никулицэ 1977: И. Никулицэ, Геты IV-III вв. до н.э. в Днестровско-Карпатских землях (Кишинев 1977).
- Никулицэ 1987: И. Никулицэ, Северные фракийцы в VI- I вв. до н.э. (Кишинев 1987).
- Никулицэ 2002: И. Никулицэ, Фракийцы и скифы в Северо-Западном Причерноморье. În: Proceedings of the eighth International Congress of Thracology „Thrace and the Aegean”, Sofia- Yambol, 25-29 September 2000, vol. I (Sofia 2002), 239-299 .
- Петренко 1989: Б. Петренко, Локальные группы скифообразной культуры Лесостепной культуры Восточной Европы. В сб.: Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время (Москва 1989), 67-80.
- Полин 1987: С. Полин, Хронология ранньоскіфских пам'яток. Археологія 59, 1987.
- Рафалович, Лапушнян 1974: И. Рафалович, В. Лапушнян, Работы Реутской Археологической экспедиции. В сб.: АИМ (1972 г.) (Кишинев 1974), 110-147.
- Редина 2000: Е. Редина, Нижний Дунай в системе культурных контактов скифов и фракийцев. В сб. Археология та етнологія Східної Європи. Матеріали и дослідження (Одесса 2000), 243-253.
- Смирнов 1946: Г.Д. Смирнов, Отчет об археологических исследованиях в Молдавии за 1946 год. Arhiva națională a RM. F.R. – 3330, registru I, dosar personal.
- Смирнов 1949: Г.Д. Смирнов, Итоги археологических исследований в 1946 году.: в сб.: Уч. Записки ИИЯЛ II (Кишинев 1949).
- Смирнова 2004: Г. Смирнова Состояние изучения Западно-Подольской группы памятников раннескифского времени в Лесостепной Скифии в конце XX века. In: Kimmerowie. Scytowie. Sarmaci (Kraków 2004), 409-429.
- Ткачук 1998: М. Ткачук, Гетика: археология имени. РА 2, 1998, 60-86.
- Ткачук 1999: М. Ткачук, Гетика которую мы потеряли (из антологии хронологических разрывов). Stratum plus 3, 1999, 274-304.
- Тончева 1979: Г. Тончева, О фракийцах нынешних Украины, Молдовы, Добруджи и Северо-Восточной Болгарии в XI-VI вв. до н.э. Studia Thracica 1, Фрако-скифские культурные связи (София 1975), 28-53.
- Щукин 1994: М.Б. Щукин, На рубеже эр (Санкт Петербург 1994).

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

NOI CONTRIBUȚII LA CUNOAȘTEREA PALEOLITICULUI ÎN ZONA ORHEIULUI VECHI

Ilie BORZIAC, Vitalie BURLACU, Chișinău

Până în anul 2008 în zona inclusă în aria complexului istorico-natural Orheiul Vechi erau cunoscute doar o stațiune și câteva puncte cu materiale datând din paleoliticul superior. Materiale mai numeroase au fost culese din cuprinsul stațiunii Scoc, fără a fi cercetat prin săpături nivelul paleolitic de locuire. În 2008 la cunoscuta așezare getică și medievală Trebujeni-Gura Ivancei au fost efectuate două sondaje adânci, în rezultatul cărora au fost depistate trei niveluri noi de locuire preistorică. Unul dintre ele este atribuit culturii ceramicii bandlineare, iar altele două - paleoliticului superior. Cel superior este, în prealabil, încadrat în complexul tehnologic gravetian, iar cel inferior este atribuit complexului tehnologic aurignacian.

Новые данные о верхнем палеолите в зоне природно-исторического комплекса Старый Орхей. До 2008 года на территории заповедного комплекса Старый Орхей была известна одна стоянка и несколько бедных в материалах местонахождений позднего палеолита. Большие материалы было собрано на стоянке Скоч, однако на ней раскопчных работ не проводилось. В 2008 году на известном поселении со средневековым и гетским культурными слоями были заложены два глубоких шурфа, вследствие чего были выявлены три новых культурных слоя, относимых к неолитической культуре линейно-ленточной керамики (1) и к верхнему палеолиту. Верхний позднепалеолитический слой предварительно отнесен к граветту, а нижний - к ориньяку. Результаты этих ограниченных исследований посвящена настоящая публикация.

New data about the Late palaeolithuc in a zone of a natural-historical complex Orheiul Vechi. Till 2008 in territory a complex Orheiul Vechi one campment (site) and some poor sites in materials of a late paleolithic was known. More materials it has been collected on site Skoc, however on it developededs works it was not spent. In 2008 on known settlement c medieval and getic cultural layers had been incorporated two deep sondajs owing to what have been revealed 3 new cultural layers-to neolithic to culture of linearly-tape ceramics (1) and by the top paleolithic. Top Late the layer is preliminary carried to gravettian and bottom - to aurignacian. The present publication is devoted to results of these limited researches.

Key words: Moldova, Orheiul Vechi, palaeolithic, gravettian, aurignacian, scarper, burin, artefact.

Aspecte generale

În valea Răutului mai intens sunt cercetate din punct de vedere arheologic două zone: prima, din preajma orașului Florești, unde cercetări de teren, inclusiv săpături, a efectuat V. Marchevici¹, și a doua - de la *Orheiul Vechi*, în care, grație periegezelor lui Gh. Smirnov, Gh. Cebotarenco, L. Polevoi, investigațiilor sistematice ale aceluiași Gh. Smirnov, echipelor conduse de P. Bârnea, I. Niculiță, I. Hâncu și Gh. Postică, sunt evidențiate remarcabile vestigii ale patrimoniului

național. Datorită cercetărilor din zona *Orheiului Vechi*, importanței siturilor arheologice din zonă pentru istoria și cultura națională și europeană, datorită reliefului unic în care sunt plasate aceste situri, varietății de specii floristice din zonă, peisajului pitoresc și nerepetat, mostrelor de arhitectură rurală specifică pentru zona centrală a Basarabiei, aici s-a creat complexul istorico-natural cu denumirea *Orheiul Vechi*.

În prezent, monumentele istorice, etnografice, arheologice și naturale din cadrul Complexului istorico-

¹ Ca urmare a extinselor periegeze, efectuate de către V. Marchevici în valea Răutului, în împrejurimile orașului Florești a fost posibilă descoperirea și valorificarea preliminară a peste 200 de situri arheologice din diferite epoci, parțial incluse în seria de Hărți arheologice, publicate de Institutul de Istorie al Academiei de Științe a Moldovei. Însă doar siturile paleolitice și mezolitice în număr de peste 50 au fost publicate mai detaliat (Керпачу 1969), pe când cele din alte epoci (în afară de cele neo-eneolitice, publicate în harta respectivă de către V. Marchevici), rămân încă nepublicate și neverificate.

natural *Orheiul Vechi*, în vederea includerii lui în lista monumentelor ocrotite de UNESCO, au fost revizuite, pentru cele mai importante dintre ele fiind întocmite dosare nominale cu datele specifice determinatoare și necesare pentru astfel de evidențe. Pentru prima dată în Moldova au fost perfectate și completate dosare cu date și informații despre monumentele naturii, inclusiv despre sursele de apă - fântâni, izvoare, au fost determinate și evidențiate speciile rare de plante și animale de aici. Au fost revăzute și monumentele arheologice cunoscute, determinate ariile lor de răspândire, precizate denumirea și localizarea, deoarece pe parcursul anilor în masivul informativ despre ele s-au strecurat repetări, dublări, inexactități și greșeli evidente. Acest volum imens de lucru a fost efectuat de către o echipă mixtă de specialiști, condusă de doctorul habilitat în istorie, arheologul Gh. Postică, din care au făcut parte arheologii S. Musteață, O. Munteanu, L. Bacumenco, arhitectul S. Ciocanu, geografii N. Boboc, L. Chirică, zoologul A. Munteanu ș.a. La aceste lucrări au participat studenți de la Universitatea Liberă Internațională din Moldova și Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă”. În cadrul acestei campanii de verificare și sistematizare a monumentelor arheologice unul din autorii acestor rânduri (I. Borzic) în 2004 și 2008 a verificat posibilitatea existenței în microzona *Orheiului Vechi* a stațiunilor preistorice din epoca paleolitică. Anterior aici erau cunoscute doar câteva puncte cu materiale din paleoliticul superior (Керпачу 1973), dar stațiuni stratificate nu erau cunoscute. În punctul *Scoc* N. Telnov a descoperit silexuri prelucrate de om cu cca 28-29 de mii ani a.Chr., fapt care a dat posibilitate de a identifica în locul amintit a unei stațiuni preistorice din epoca paleoliticului superior (Borzic, Telnov 2003). Dar nivelul ei de locuire este deranjat și valoarea informativă a vestigiilor paleolitice culese aici este relativ redusă.

În 2008 au fost efectuate două sondaje adânci la extremitatea de est a promontoriului Peștere de la *Orheiul Vechi*, unde anterior Gh. Smirnov a semnalat prezența unor silexuri prelucrate de omul preistoric, dar nivel de locuire din această perioadă n-a fost depistat. Un alt obiectiv de cercetare a servit o porțiune a terasei a doua a Răutului, situată la confluența cu el a râulețului Ivancea. Aici anterior, prin sondajele operate de către Gh. Smirnov, Gh. Postică și S. Musteață, au fost depistate două niveluri de locuire, atribuite geților (sec. VI-V a.Chr.) și evului mediu timpuriu (sec. VIII-IX p.Chr.). Sondajele anterioare au fost săpate doar până la limita

de jos a nivelului de cernoziom, care are o grosime de cca 1 m, conținând vestigiile arheologice cu o vârstă mai recentă (8-7 mii ani a.Chr.).

Cercetările din așezarea pluristratificată Trebujeni-Gura Ivancei

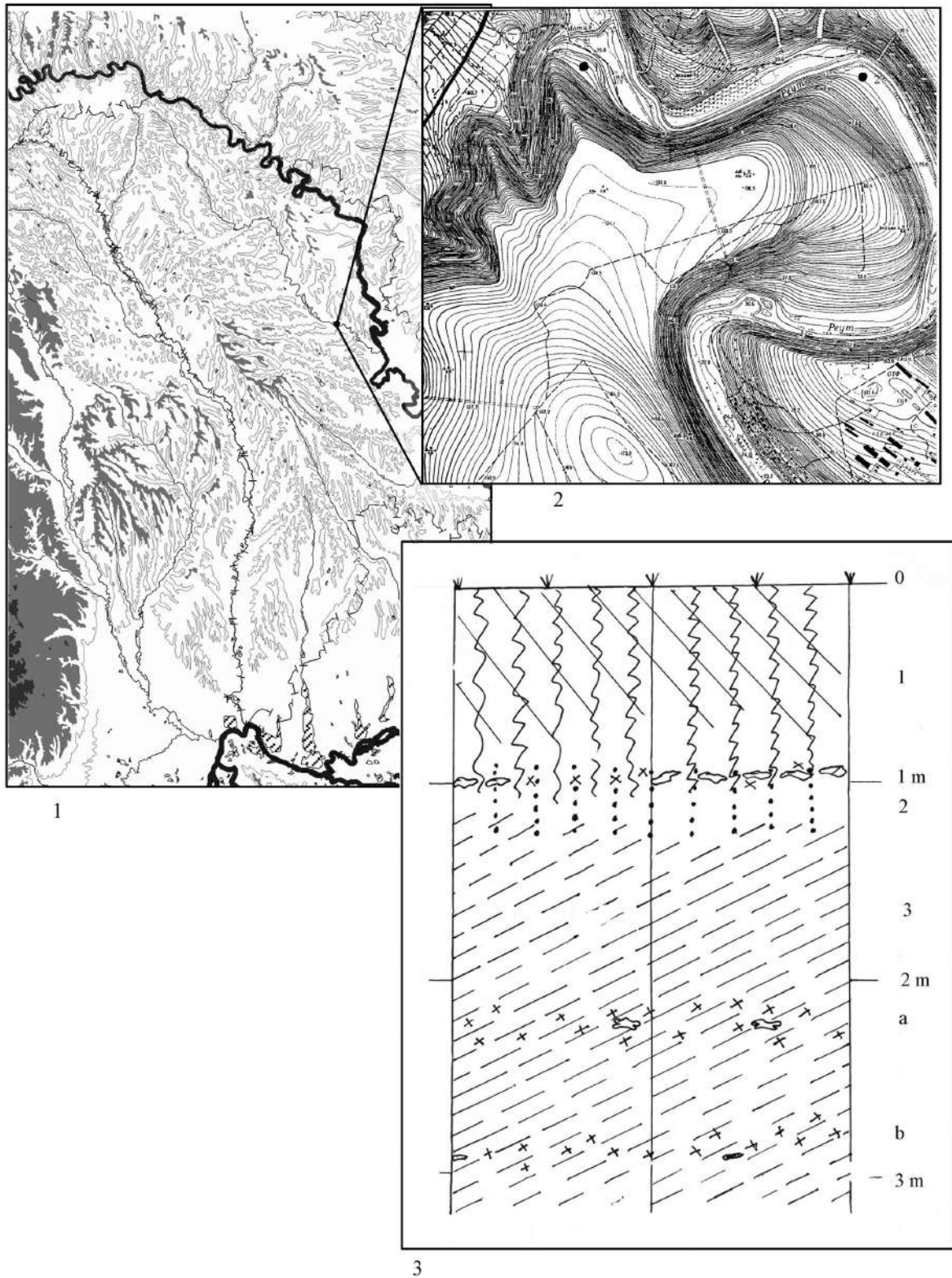
Așezarea Trebujeni-Gura Ivancei este situată în zona Răutului Inferior, la circa 2 km în amonte de periferia de nord a satului Trebujeni, raionul Orhei, pe o terasă a malului drept al râului, în dreapta ieșirii din defileul stâncos al albiei râulețului, convențional numit Ivancea². Coordonatele geografice ale punctului de amplasare a așezării - 47° 20' 01.77" lat. N. și 28° 56' 59.44" long. E. În această zonă valea Răutului este relativ îngustă, cu malurile stâncoase, semiabrupte, în prezent împădurite. La confluența văii Ivancei cu valea Răutului este formată o terasă cu suprafața relativ plană, latura dinspre Răut și râuleț au o înclinare de cca 45°, iar cea de sud este mai domoală. Fragmentul de terasă are suprafața de circa 80x150 m. Înălțimea terasei de la oglinda apei Răutului variază între 12 și 16 m. Conform estimărilor geologului V. Verina, această înălțime este specifică pentru terasa a doua a Răutului, soclul căreia, în zona răspândirii în relief a recifelor calcaroase sarmațiene, corespunde cu nivelul de cca 2-3 m mai jos de nivelul actual al oglinzii apei râului (Верина 1970). Această formațiune geomorfologică este calificată de noi ca un segment al terasei a doua a Răutului (fig. 1). Pe malul înalt de bază, ce domină dinspre vest valea Răutului, este plasată cunoscuta fortificație getică Potîrca, studiată de către I. Niculiță (Niculiță 1999, 33-35).

Pe axa sud-nord a acestei terase, la circa 35-40 m de la latura ei de est, au fost executate două sondaje cu suprafețele de 2x1 m, la distanță de cca 40 m unul de altul. Sondajele, cu adâncimea de 3,20 m, au identificat succesiunea straturilor de depuneri de pe terasă. În ambele sondaje succesiunea orizonturilor litologice de depuneri este identică, fiind diferită doar grosimea lor, de aceea prezentăm doar **stratigrafia** peretelui de vest al sondajului 1 din stațiunea Trebujeni-Gura Ivancei din anul 2008³ (de sus în jos, fig. 1, 3):

1. Nivel de cernoziom, constituit din sol negru cu urme de prelucrare agricolă până la adâncimea de 0,35 m. Conține numeroase fragmente de ceramică lucrate manual, specifice pentru cultura traco-geților, unele pietre mici de calcar, fragmente mărunte de lut ars și rare oase de animale. Grosimea - 0,7-0,9 m;

² În partea superioară a văii acestui râuleț, anterior au efectuat periegeze I. Borzic și I. Sapožnikov. Rezultatele periegezelor lui I. Sapožnikov au fost deja reflectate în unele publicații (Сапожников 1990, 71-78).

³ La lucrări au participat studenți ai Universității Pedagogice de Stat „Ion Creangă” sub conducerea dr.conf. S. Musteață și ai Universității Libere Internaționale, printre care considerăm necesar de a-i menționa pe A. Babii, V. Grama, D. Șura, D. Guzun.

Fig. 1. Planul amplasării stațiunilor paleolitice Scoc și Trebujeni-Gura Ivancei (1); condițiile topografice de amplasare a așezării Scoc și Trebujeni-Gura Ivancei (2); desenul stratigrafic al depunerilor de pe locul stațiunii Trebujeni-Gura Ivancei (3); legenda: 1 - nivelul de cernoziom cu resturile culturii geților; 2 - orizont de tranziție de la cuaternar la holocen cu resturile culturii ceramicii bandliari; 3 - nivel de argile gălbui-deschise cu resturile a două niveluri de locuire din paleoliticul superior (a și b).

2. Sol de culoare cenușie (de tranziție de la pleistocen la holocen), cu resturi de cenușă, galerii de rozătoare și pietre mărunte de calcar. În el au fost depistate piese din silex, oase de animale, rare fragmente de ceramică grosieră și fină, atribuite de noi culturii neolitice bandliniare. Grosimea - 0,5-0,6 m.
3. Nivel de argilă galbui-deschisă, compactă, cu galerii de rozătoare, cu puține pietre mici de calcar. În partea de jos, la adâncimea de 2,50-2,70 m de la suprafață, au fost depistate piese din silex, fragmente de oase fosile de animale, atribuite paleoliticului superior. Grosimea - 0,5-0,7 m.
4. Nivel de argilă, mai puțin compacte, cu ingrediente consistente din nisip fin cuarțitic, de culoare galbui-deschisă. La adâncimea de 2,90-3,10 m au fost depistate piese din silex, fragmente de oase puternic fosilizate, atribuite de noi paleoliticului superior. În sondajul 2 a fost depistată o galetă mare din gresie devonică și o concentrație de sol cenușiu (posibil urmele unei vetre de foc?).

În secțiunea cercetată consecutivitatea stratigrafică a nivelurilor geologice de depuneri este caracteristică pentru zonele subaerale din spațiul Carpat-Nistrean (Haesaerts ș.a. 2007, 31-51; Borzic ș.a. 2005). Nivelul de cernoziom, datorită spălărilor de pe platou și panta de vest a văii, a obținut aici o evoluare mai consistentă decât pe platou. Nivelul de cernoziom trece lent în nivelul argilelor cuaternare, ocupând un interval vertical de cca 0,35-0,40 m. Nivelul superior de cuvertură al argilelor cuaternare pe verticală ocupă tot segmentul ulterior al secvenței, dar din punct de vedere structural în conținutul diferitor ingrediente se observă unele definenții. În partea de sus, până la adâncimea de cca 1,70-2,10 m, în el se întâlnesc fragmente mărunte de calcar, care denotă procesul de spălare de pe pantă din etapa tardiglaciară. În intervalul de la 2,10-2,20 m și până la cca 2,80-2,90 m în stratigrafie sunt prezente argilele gălbui-deschise, compacte, care caracterizează o etapă de stabilitate a procesului natural, ce poate fi atribuită ipotetic perioadei de vârf al pleniglacialului superior. De la cca 2,90 m argilele conțin un component mai evident de nisip fin cuarțitic și, în general, devin mai afânate, mai puțin compacte. Segmentul stratigrafic cercetat nu conține mărturii de inundație, fapt ce ne convinge că suprafața terasei pe acest parcurs era în afara acțiunii apelor Răutului și era favorabilă pentru ocuparea ei de către om.

Materialele arheologice depistate în sondaje documentează patru etape cultural-arheologice. **Prima** dintre ele este cea getică reprezentată prin vestigii ceramice, fragmente mici de lut ars și rare oase de mamifere. Ceramica din ambele sondaje (cca 120 de fragmente),

este în stare bună de conservare. În majoritate prezintă fragmente de vase lucrate cu mâna, din categoria celei grosiere. Unele fragmente au ornament reliefat, specific pentru ceramica getică. Au fost depistate și câteva fragmente de amfore grecești. Posibil, așezarea getică de aici este sincronă ori puțin anterioară cetății Potîrca, cu care era, posibil, nemijlocit legată. Materialele getice se întâlneau la suprafața solului și până la cca 0,80-0,90 m adâncime în sondaje.

A doua etapă este documentată prin 11 fragmente de ceramică grosieră cu resturi vegetale în textură și trei fragmente de ceramică mai fină de culoare cenușiu-verzuie, cu ornament din linii și gropițe, caracteristic pentru cultura neolitică cu ceramică bandliniară. Împreună cu ceramica au fost depistate și 16 silexuri de culoare neagră, printre care un nucleu, 13 așchii și două gratoare scurte din lame. Au fost depistate și unele oase de animale. Aceste materiale documentează, posibil, un nivel de locuire neolitică, necunoscut anterior în această așezare, pe care, în baza ceramicii caracteristice, îl atribuim neoliticului tardiv, mai exact culturii ceramicii bandliniare⁴. Materialele atribuite neoliticului se întâlneau preponderent în orizontul de bază al stratului de cernoziom și în partea superioară a celui de tranziție de la cuaternar la holocen.

Alte două culturi arheologice identificate pe acest loc, de asemenea pentru prima dată, sunt reprezentate de materiale atribuite paleoliticului.

Nivelul superior de vârstă paleolitică a fost depistat la adâncimea de cca 2,50-2,70 m, fiind documentat, ca și următorul, în ambele sondaje, într-un interval de cca 0,20-0,30 m. La adâncimea indicată, în ambele sondaje au fost depistate silexuri de culoare cenușie, ușor patinate, unele fragmente de oase de animale, fapt ce ne oferă posibilitatea să atestăm un nivel paleolitic de locuire. Resturile faunistice sunt păstrate insuficient și printre ele a fost identificat un molar de *Bison priscus* și altul de *Equus equus sp.*

Piesele litice din ambele sondaje sunt în număr de 57, dintre care trei nuclee, patru bucăți de nuclee, 10 bucăți de silex, 12 lame, patru lamele, 11 așchii și deșeuri și cinci piese cu prelucrare secundară, precum și 22 de piese mărunte, provenite în urma decorticării și finisării uneltelor.

Nucleele sunt reprezentate de două piese cvasiprismatice cu fronturi de percuție parțiale (unul bitalonar) și de unul aplatizat cu desprinderi unipolare unilaterale. Nucleele au dimensiuni medii. Bucățile de nuclee reprezintă fragmente de nuclee cvasiprismatice. Lamele sunt reprezentate de două piese întregi și de fragmente. Lamelele sunt fragmentate.

Uneltele de muncă sunt reprezentate de două gratoare simple din lame, un burin diedru, un burin de unghi și

⁴ Mulțumim și pe această cale dnei dr. O. Larina, care a confirmat apartenența ceramicii la cultura neolitică cu ceramică bandliniară.

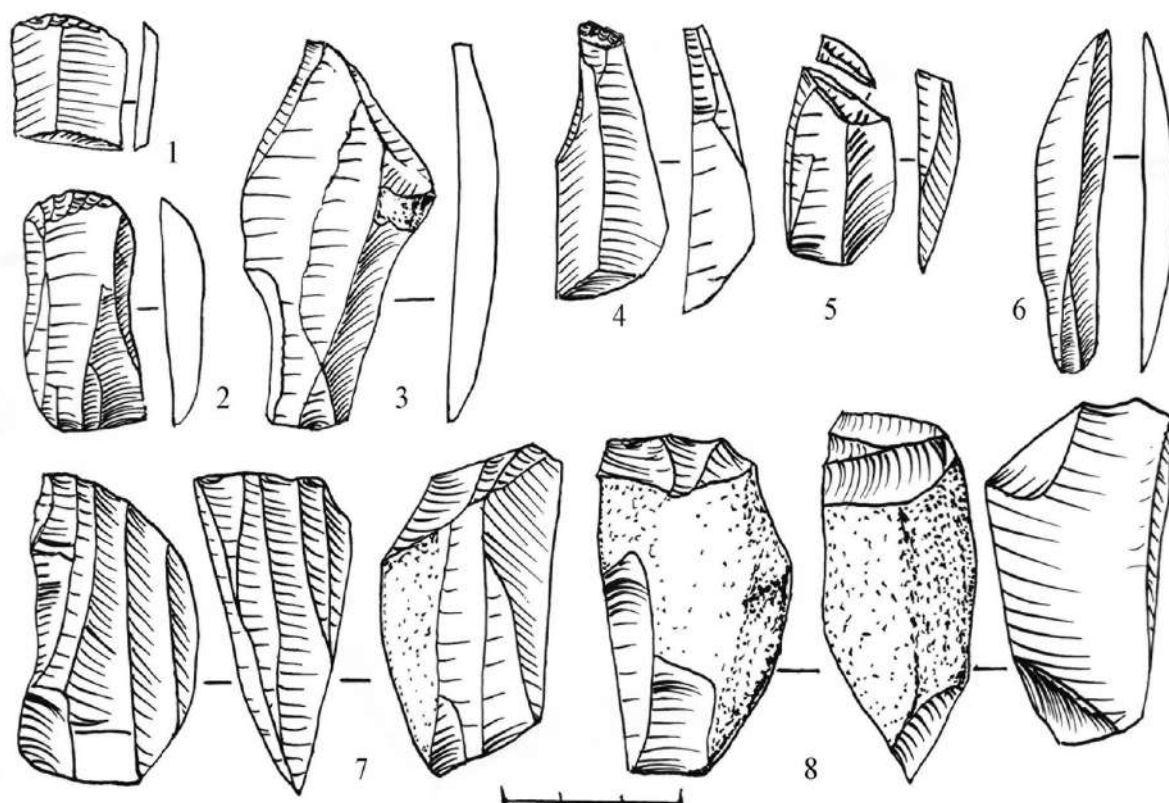

Fig. 2. Piese litice din nivelul superior din paleolitic. 1,2 - gratoare; 3,4,5 - burine; 6 - lamă; 7,8 - nuclee.

altul pe trunchiere dreaptă retușată. Piesele sunt de proporții medii, și după tipuri și modul de prelucrare secundară pot fi atribuite (în prealabil) gravetianului (fig. 2).

Nivelul inferior a fost depistat la adâncimea de cca 2,90-3,10 m în nivelul de argile de culoare galbui-deschisă, cu ingrediente de nisip fin cuarțitic. În intervalul de cca 0,20-0,30 m pe verticală în ambele sondaje au fost depistate 211 piese din silex, două piese din marnă și gresie și 16 fragmente de oase fosile de animale. La adâncimea de 2,83-2,98 m în sondajul 2 a fost depistată o aglomerație de cenușă, care poate fi interpretată ca resturile unei vetre de foc. În cuprinsul aglomerației au fost depistate cinci piese litice cu urme de arsură.

Fragmentele de oase de animale în majoritatea lor sunt indeterminabile. Datorită prezenței unui fragment de fildeș, poate fi presupusă existența în stațiune a resturilor scheletice ale mamutului. De asemenea, fragmentele de oase tubulare permit identificarea prezenței erbivorelor mari, posibil a calului și bizonului. Menționăm că resturile faunistice sunt acoperite cu crustă de calcar și au un insuficient grad de conservare.

Materia primă. Piesele litice sunt lucrate din silex de culoare cenușie, provenit din bolovani acoperiți cu cortex. Bolovani de silex aveau dimensiunile de

cca 10-15 cm în diametru și din această cauză industria depistată în acest nivel de locuire are dimensiuni medii. Deci, dimensiunile unităților de materie primă au determinat parametrii industriei litice din stațiune. Cercetările noastre în dezvelirile cretaceului din acest segment al văii Răutului ne-au dat posibilitate să constatăm că în structură, ele, deși destul de rar, conțin bolovani și bucăți din silex, aidoma celor depistate în nivelele de locuire paleolitice din stațiune. Considerăm că silexul utilizat ca materie primă în stațiune are o origine locală. Astfel se prezintă și materia primă din stațiunea *Scoc*, situată în vecinătatea celei descrise de noi (Borziac, Telnov 2003). Mai menționăm, că printre silexuri este reprezentată o varietate de calitate mai inferioară, care se așchiază mai dificil și care de asemenea se întâlnește în industria stațiunii *Scoc*, precum și în industriile altor stațiuni aurignaciene timpurii din bazinul Nistrului Mijlociu, așa ca Climăuți I și II (Borziac, Chirica, David 2007, 18-19).

Artefactele, conform particularităților tehnico-morfologice, pot fi divizate în următoarele categorii:

1. Bolovani din silex fără		
urme de prelucrare	4	1,89 %

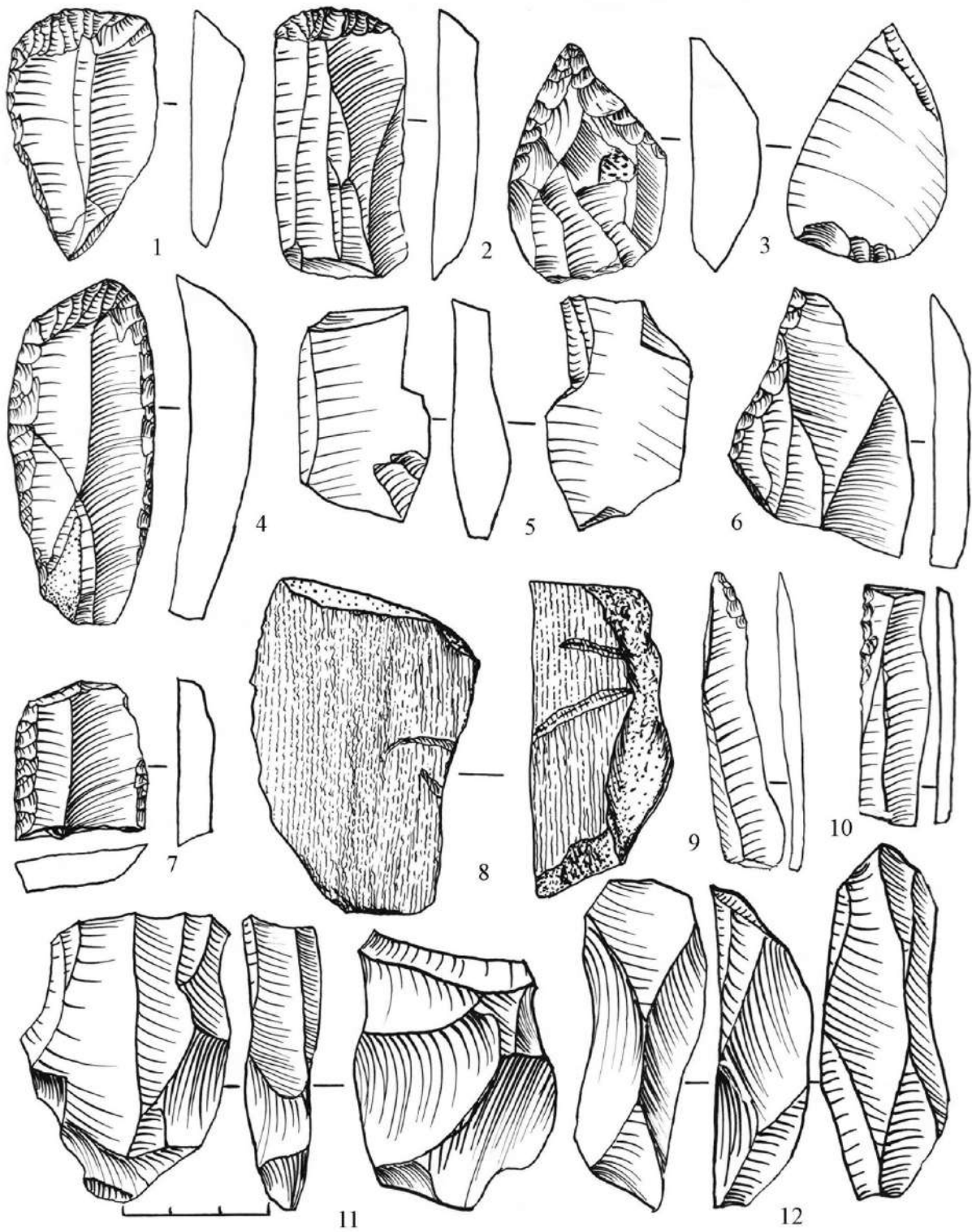

Fig. 3. Piese litice din nivelul inferior paleolitic. 1,2,4,7 - gratoare; 3 - vârf-burin; 5 - burin; 6 - racloar; 8 - fragment de plachetă din marnă cu urme de șlefuire; 9,10 - lame cu retușe de utilizare; 11-12 - nuclee.

2. Nuclee	8	3,79 %
3. Bucăți din nuclee	6	2,84 %
4. Lame întregi și fragmentate	18	8,53 %
5. Lamele	2	0,94 %
6. Așchii	121	57,34 %
7. Deșeuri	42	19,90 %
8. Unelte de muncă	9	4,26 %
Total piese din silex	211	100 %

Nucleele sunt relativ epuizate și reprezintă forme cvasiprismatice. Dintre acestea, șase piese au dimensiuni medii (5-6 cm în înălțime) și sunt practic epuizate prin așchiere. Mai reprezentative sunt două nuclee. Unul dintre ele este plat, bilateral, cu desprinderi cvasiparalele pe o suprafață și radiale pe alta. Nucleul a fost așchiat și pe o latură astfel, că se crează impresia transformării lui în burin diedru masiv (fig. 3,11). Al doilea nucleu este bipolar cu taloanele înclinate într-un sens și cu așchiere de pe muchia mai lungă (fig. 3,12).

Bucățile din nuclee au fost obținute în urma spargerii nucleelor cvasiprismatice în procesul debitajului ori din cauza descvamației la schimbările bruște ale temperaturii.

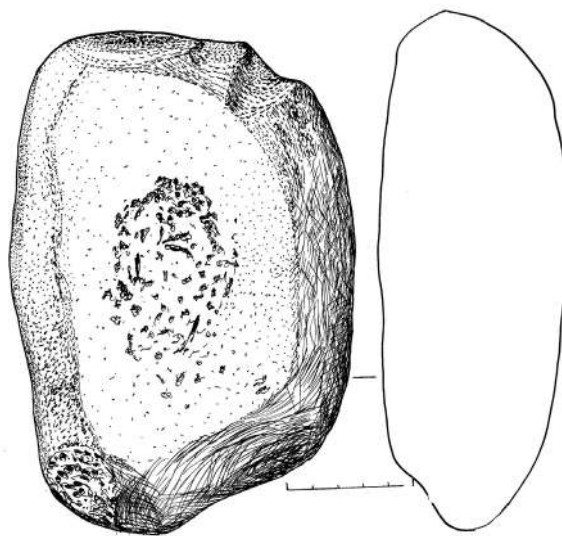
Printre lame doar patru piese sunt întregi. Sunt reprezentate în majoritate de fragmente scurte. Două dintre ele au urme de prelucrare secundară.

Așchiile și deșeurile sunt de dimensiuni medii și mici. Printre ele sunt piese acoperite parțial cu cortex, precum și șase piese care au urme de ardere.

Uneltele tipice și atipice sunt reprezentate de nouă piese. Printre ele sunt patru gratoare, un raclor, un vârful, două burine și două lame retușate.

Printre gratoare sunt trei piese întregi și un fragment. Trei gratoare întregi sunt confecționate din lame, au lamele prelucrate cu retușe cvasiparalele și sunt de înălțime medie. La unul dintre ele lama este ușor asimetrică și laturile sunt prelucrate prin retușare semiabruptă, „aurignaciană” (fig. 3,1.2.4). Gratoarul frânt (fig. 3,7) de asemenea are o latură retușată semiabrupt. Vârful este confecționat dintr-o așchie triunghiulară. Laturile sunt prelucrate cu retușe semiabrupte ce trec de pe marginea piesei pe avers. Din partea dorsală piesa are o desprindere burinantă, coborâtă de pe vârful. Partea dorsală, la bază, este ușor aplatizată prin retușare. Deci piesa este o unealtă mixtă. Raclorul poate fi calificat tipologic ca simplu, drept. Este confecționat dintr-o așchie cvasitriunghiulară și are lama retușată semiabrupt (fig. 3,6). Burinul este confecționat dintr-o așchie frântă. De pe frântură, pe o latură, sunt aplicate două desprinderi burinante, astfel că piesa poate fi considerată ca burin diedru de unghi (fig. 3,5) (lamele fig. 3,9.10).

În colecția nivelului inferior sunt și două piese din alte varietăți de roci. Una dintre ele reprezintă un fragment de plachetă din marnă, care poartă pe o suprafață

Fig. 4. Galetă din gresie cu urme de utilizare în calitate de nicovală.

și pe o latură urme de șlefuire. Piesa mai are și urme de arsură. A fost depistată în solul ars din presupusa vatră de foc (fig. 3,8)

A doua piesă poate fi considerată ca unealtă de muncă auxiliară. Reprezintă o galetă masivă (cu greutatea de 2,6 kg), de formă ovală neregulată. Este din gresie maronie devoniană, cu două suprafețe relativ plate. Pe aceste suprafețe, în zonele centrale se observă deteriorări sub forma de gropițe, adâncituri, zgârâieturi scurte liniare. Posibil că galeta a servit ca nicovală în operațiile de așchiere a silexului (fig. 4). O parte a galetii (partea de jos), în momentul depistării, era intens acoperită de o crustă de calcar. Nu este exclus că această piesă fixează în stratigrafie nivelul de călcare din timpul existenței stațiunii paleolitice de pe acest loc.

Concluzii

Astfel, cercetarea suplimentară prin sondaje adânci a așezării *Trebujeni-Gura Ivancei* a permis identificarea a trei niveluri noi de locuire preistorică.

Nivelul neolitic al culturii ceramicii bandliniare este relativ modest în vestigii, dar este importantă prezența lui în zona complexului *Orheiul Vechi*, căci întregeste cunoștințele noastre despre continuitatea vieții umane în zona dată.

Nivelurile paleolitice de locuire sunt primele din zona *Orheiului Vechi*, care au o stratigrafie certă și devin în perspectivă obiective arheologice demne de a fi studiate prin săpături mai ample. Definim aici cu certitudine un nivel aurignacian, posibil legat de stațiunea *Scoc*, de asemenea încadrat în aurignacian (*Borziac*,

Chirica, Văleanu 2006, 129). Nu este exclusă că în ambele stațiuni a locuit una și aceeași comunitate aurignaciană din faza inițială a paleoliticului superior. Vom mai menționa că nivelul inferior este relativ bogat în piese litice (peste 70 de piese de pe o suprafață de 1m.p.), fapt care presupune obținerea unor colecții numeroase de materiale arheologice. De asemenea este importantă prezența faunei, care ridică esențial însemnătatea științifică a sitului, dar și permite obținerea unor date exacte, fapt important pentru datarea și încadrarea culturală a sitului. Aceste niveluri de locuire documentează existența omului preistoric în această zonă a cursului Răutului cu peste 20 de mii de ani a.Chr. Pe viitor, acest sit pluristratificat, împreună cu cetățuia Potîrca, pot deveni unul din obiectivele turistice din cadrul complexului natural-istoric *Orheiul Vechi*.

fică a sitului, dar și permite obținerea unor date exacte, fapt important pentru datarea și încadrarea culturală a sitului. Aceste niveluri de locuire documentează existența omului preistoric în această zonă a cursului Răutului cu peste 20 de mii de ani a.Chr. Pe viitor, acest sit pluristratificat, împreună cu cetățuia Potîrca, pot deveni unul din obiectivele turistice din cadrul complexului natural-istoric *Orheiul Vechi*.

Bibliografie

- Borzic, Telnov 2003: I. Borzic, N. Telnov, Stațiunea paleolitică Scoc din valea Răutului. *Tyragetia X*, 2003, 11-23.
- Borzic ș.a. 2005: I. Borzic, P. Haesaerts, V. Chirica, Cadrul cronostatigrafic al Paleoliticului superior cuprins între Carpații Orientali și Nistru. *RA vol.1*, nr. 2, 2005, 5-38.
- Borzic, Chirica, Văleanu 2006: I. Borzic, V. Chirica, C-M. Văleanu, Culture et sociétés pendant le Paléolithique supérieur à travers l'espace Carpato-Dniestréen (Iași 2006).
- Borzic, Chirica, David 2007: I. Borzic, V. Chirica, A. David, L'Aurignacien moyen et tardif de l'espace Carpatique-Dniestréen. *Le gisement Climăuți II (Iași 2007)*.
- Haesaerts et al. 2007: P. Haesaerts, I. Borzic, V. Chirica, F. Damblon, L. Koulakovska, Cadre stratigraphique et chronologique du Gravettien en Europe Centrale. *PALEO Revue d'archéologie préhistorique*, nr.19 (Paris 2007), 31-51.
- Niculiță 1999: I. Niculiță, Cercetarea arheologică a cetății traco-getice Trebujeni-Potîrca din preajma Orheiului Vechi în anii 1996-1998 *Orheiul Vechi. Buletin Istorico-Arheologic (Chișinău 1999)*, 33-35.
- Верина 1970: В.Н. Верина, Особенности природных условий отдельных участков бассейна Реута. *Охрана природы Молдавии*, вып.8 (Кишинев 1970), 37-53.
- Кетрару 1973: Н.А. Кетрару, Памятники эпох палеолита и мезолита. *АКМ*, вып. 1 (Кишинев 1973).
- Сапожников 1990: И.В. Сапожников, Лапушна - новый позднелеолитический памятник в бассейне р. Реут. *Археологические исследования Молодых ученых Молдавии (Кишинев 1990)*, 71- 75.

Ilie Borzic, doctor habilitat în istorie, *Universitatea Liberă Internațională din Moldova, MD-2012, Chișinău, str. Vlaicu Pârcalab 52, Facultatea de istorie, E-mail: ilieborzic@yahoo.com; paleostard@mail.ru*

Vitalie Burlacu, cercetător științific stagiar, *Institutul Patrimoniului cultural al AȘM, MD-2001, Chișinău, bul. Ștefan cel Mare, 1. E-mail: burlacu_vitale@mail.ru*

КИНЖАЛ «КИММЕРИЙСКОГО ТИПА» ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ С. СЕВЕРИНОВКА

Сергей АГУЛЬНИКОВ, Светлана ИВАНОВА, Кишинэу/Одесса

Un pumnal de tip "cimmerian" din împrejurările satului Severinovka. In anul 2009 în împrejurimile satului Severinovka, r-nul Ivanovka, reg. Odesa, Ucraina, a fost descoperit un pumnal de bronz cu nervură mediană marcată în partea inferioară a mânerului de un inel-gardă. Lungimea piesei este de 20 cm, iar lățimea maximă a lamei de 3,6 cm. Pumnalul de la Severinovka își gasește analogii apropiate în atelierile de la Kardashinka, Golourov, Novo-Kievka și Krasnyj Majak, precum și în complexele tumulare de la Kairy, Limanskoe și Berezki. Sunt cunoscute și descoperiri întâmplătoare, spre exemplu la Gojan, Corjevo, și în depozitele de la Socoleni și Mândrești. In zona dintre Prut și Carpați piese similare au fost semnalate în depozitele de la Băleni, Duda și Rogojeni. Mai la sud, în zona Dunării de Jos și Dobrogea, pumnale de acest tip au fost atestate la Sabangia, Beidaud și Grădiștea-Coslogeni. Cronologic, descoperirile de acest tip se datează în perioada BrD-HaA1 (sec. XIII-XII î.e.n.).

В 2009 г. в окрестностях с. Севериновка Ивановского р-на Одесской области Украины был найден бронзовый кинжал с листовидным лезвием с нервюрой и кольцевым упором. Общая длина изделия 20 см. Аналогии изделию имеются в материалах литейных мастерских Северного и Северо-Западного Причерноморья, в том числе Голоуров, Малые Копани, Кардашинка, Ново-Киевка, Ново-Александровка. Несколько кинжалов с кольцевым упором было найдено в подкурганых комплексах белозерского времени-Кауры, Лиманское (Зальц), Терновка. Отдельные находки подобных кинжалов, а также присутствие их в составе кладов отмечаются в Пруто-Днестровском междуречье - Березки, Гоян, Коржево, Соколень, Мындреишь. В Запрутской Молдове они найдены в Вынэторь, Бэлень, Дуда, Рогожень. На Нижнем Дунае и в Добрудже находки подобных кинжалов выявлены в Грэдиштя-Кослоджень, Сабанжия, Бейдауд. Датировка кинжалов «киммерийского» или же позднего Красномаяцкого типа BrD-HaA1 (XIII-XII вв. до н.э.)

A dagger of "Cimmerian" type from the Severinovka Village area. In 2009, a bronze dagger with a ring-shaped handle grip and leaf-blade was found in the outskirts of the village Severinovka Ivanovka district of Odessa region of Ukraine Republic. The total length of the artifact amounts to 20 cm. Analogies of the dagger from Severinovka are recorded in the archaeological material of foundries from North and North-Vest Pontic Area, such as Malye Kopani, Kardashinka, Golourov, Krasnyi Mayak. This tip of the bronze dagger is also represented some isolated findings and buried treasures from Prut-Dniester interfluvium, like Berezki, Gojan, Korjeva, Socoleni. The analogues finds from Western Moldova are yielded by Vânători, Băleni, Duda, and Rogojeni. While the similar finds from Lower Danube Area and Dobrogea are recorded from Grădiștea - Coslodgeni, Sabangia, and Beidaud. The dating of "Cimmerian", or Late Krasnyj Majak type of dagger corresponds to BrD-HaA (XIII-XII centuries B.C.)

Key words: Severinovka, bronze dagger, "Cimmerian" type, dating.

В конце 2009 года в Отдел Археологии Северо-Западного Причерноморья г. Одесса, филиал НАНУ, поступила информация о находке бронзового предмета в окрестностях с. Севериновка, Ивановского р-на Одесской обл. Украины. Бронзовый предмет (кинжал) был найден к северу от села на краю котлована песчаного карьера (рис. 1), на глубине 5-10 см. Кинжал удалось осмотреть, замерить, зарисовать и сфотографировать (изделие хранится в частной коллекции).

Кинжал имел лезвие листовидной формы с выполненной посередине вертикальной нервюрой,

доходящей до кольцевого упора округлой формы. Черенок продолговатый, округлый в сечении, несколько расширяющийся в основании у кольцевого упора (рис. 2).

Размеры изделия:

Общая длина – 200 мм

Длина лезвия – 145 мм

Ширина лезвия (макс.) – 36 мм

Толщина лезвия – 5 мм

Длина черенка (до кольцевого упора) – 51 мм

Диаметр кольцевого упора – 25 мм

Толщина черенка у кольцевого упора – 8,5 мм

Толщина черешка в окончании – 0,8 мм

Черенок округлой в сечении формы
диаметром – 8-10 мм.

Кинжал с листовидным лезвием, округлым в сечении черенком и кольцевым упором относится к серии т.н. «киммерийских». Находки подобного рода изделий получили достаточно широкое распространение на территории Северо-Западного Причерноморья и Пруто-Днестровского междуречья (рис. 3). Аналогии кинжалов данного типа были известны в первую очередь на территории Северного Причерноморья (Лесков 1967, 143-168). Экземпляры ножей с кольцевым упором имелись в составе кладов и литейных форм найденных у с. Лобойковка, Мазепинцы, Кабаков Хутор, Деревянное, Малые Копани, Голоуров, о. Дубовый в Нижнем Поднепровье (Тереножкин 1961, 134, рис. 8). В одном случае кинжал с кольцевым упором и листовидным лезвием, заточенным с обеих сторон и заточенным острием был найден в основном погребении белозерской культуры 4/1 у с. Каиры на Нижнем Днепре (Агульников, Шилов 1990, 67-70, рис. 1,5). В Буго-Днестровском междуречье подобные формы происходят из материалов Новоалександровской мастерской (Добровольский 1950, 163-170), Красномаяцкого клада (Кривцова - Гракова 1955, 136, рис. 30; Черняков 1965, 118, рис. 14,1-4). Находки тальковых литейных форм, а том числе и для кинжалов с кольцевым упором на поселениях Кардашинка (Кривцова- Гракова 1955, 136, рис. 33), Новокиевка (Гершкович и др. 1987, 113, рис. 3,5-6; 8,2) свидетельствуют о широком распространении подобного типа бронзовых изделий в Северном Причерноморье. В низовьях Буга кинжалы подобного типа были найдены на поселениях Дикий Сад, Афанасьевка и в ряде др. пунктов (Черняков 1985, 114, рис. 8). Находка кинжала с кольцевым упором и листовидным клинком с нервурой отмечена в погребении белозерской культуры, в кургане 4/3 у с. Лиманское (Зальц), Раздельнянского р-на Одесской обл. Украины в Нижнем Поднепровье (Иванова, Ветчинникова 1995, 177, рис. 2,2; Иванова, Ветчинникова, Петренко 2004, 18, рис. 8). При этом кинжал сопровождался находками янтарных бус и бронзовой обкладки от деревянного сосуда. По ряду признаков данное захоронение относится к раннему белозерскому периоду (Агульников 2002, 176-182; 2005, 89). Экземпляр кинжала, имеющего кольцевой упор, листовидное, заостренное книзу лезвие и четырехгранную в сечении черешковую рукоятку найден на правом берегу Днестровского лимана у с. Салганы, Белгород-Днестровского р-на Одесской области (Бруяко, Тошев 2002, 590, рис. 3,2)

С территории Пруто-Днестровского междуречья на данный момент происходит 7 кинжалов подобного типа. Ближайшей аналогией является кинжал найденный в разрушенном кургане близ с. Березки, р-н Анений-Ной, Молдова, при этом форма и размеры изделия практически совпадают с формой и размерами кинжала из Севериновки (Дергачев 1975, 19, рис. 2,13). Следующее изделие подобного типа имелось в составе клада из Соколень, р-н Анений-Ной, Молдова (Дергачев 1975, 19-20, рис. 7,1). Кинжал с кольцевым упором на рукоятке был найден при строительных работах у с. Коржево, р-на Криулень, а также близкий по форме экземпляр, но с отломанным в древности лезвием, имелся в составе клада из Мындрешть, р-н Теленешть, Молдова (Дергачев 1975, 28, рис. 9,14). На левобережье Днестра, у с. Гоян, р-н Дубэссарь, был найден еще один кинжал данного типа, но несколько меньших размеров (Дергачев 1975, 28, рис. 9,18). Также с левобережья Нижнего Днестра происходит кинжал найденный в Терновке, р-н Слобозия (Dergacev 2002, 125, taf. 44B), который несколько отличается от предыдущей серии заостренным лезвием. (Dergacev 2002, 128). Пропорции кинжала из Севериновки, согласно типологии В. А. Дергачева, позволяют отнести его к первому варианту - кинжалы сравнительно крупных размеров (общая длина 19-23 см) с кольцевым упором и листовидным клинком, наибольшая ширина лезвия, у которых находится в средней части (Березки, Гоян, Терновка). В дальнейших работах по изучению бронзовых изделий региона, автор определяет большую серию подобных изделий как ножи-кинжалы Лобойковского типа, с различными вариантами: Малые Копани, Ново-Александровка, Красный Маяк, к которому, в свою очередь, типологически близки ножи из клада Соколень и индивидуальная находка из Коржева (Dergacev 2002, 128). В свою очередь, вариант Ново-Александровка соответствует типам Н-36 и Н-37 (Черных 1976, 239, рис. 2-5, 7, 8, 11-13, 17). Согласно разработкам Е.Н.Черных эта серия относится к позднему сабастиновскому и раннему белозерскому периодам финальной бронзы кинжалы с кольцевым упором и листовидным лезвием относятся к позднему Красномаяцкому типу (Черных 1976, 236, Табл. XXXIII). К этим же типам относятся и ножи варианта Васильевка, отличающиеся несколько вытянутым длинным клинком, к которым следует отнести кинжал из Терновки (Dergacev 2002, 128), и, видимо, из погр 4/1 у с. Каиры на Нижнем Днепре.

Но в целом это достаточно крупная серия ножей Лобойковского или позднего Красномаяцкого типа, которая, в свою очередь, разделяется на варианты

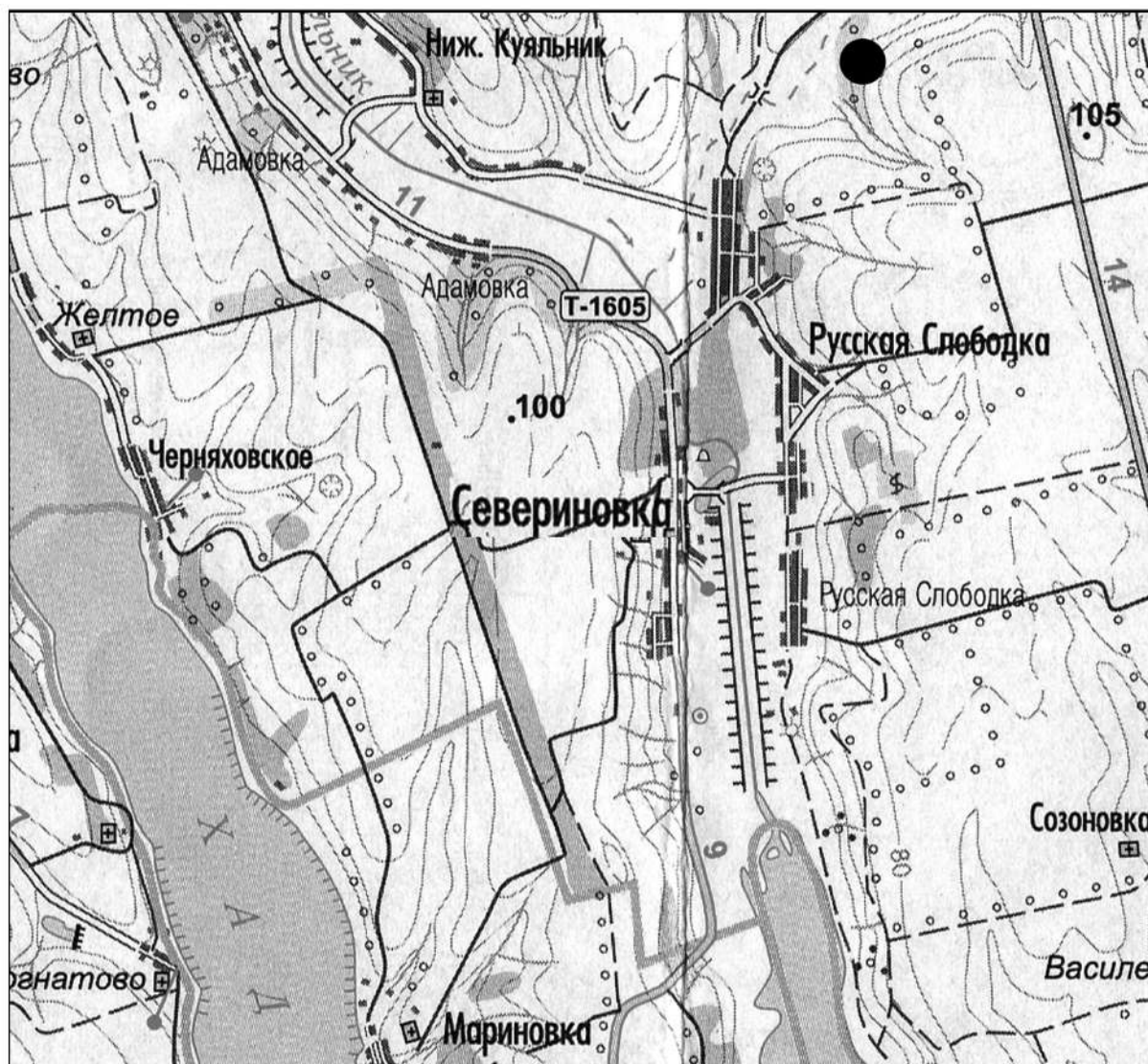

Рис. 1. Ситуационный план места находки кинжала в окрестностях с. Севериновка.

- Малые Копани (Н-36), Васильевка (Н-37) (Derghachev 2002, 128).

Остановимся на территории распространения кинжалов с кольцевым упором и листовидным лезвием в Северном и Северо-Западном Причерноморье (рис. 3). Судя по карте основных находок этой серии изделий и литейных форм, наибольшая их концентрация отмечается на Нижнем Днепре - Малые Копани, Новокиевка, Каиры, Завадовка, Ново-Александровка в прибрежной зоне Буго-Днестровского междуречья, Дикий Сад, Афанасьевка, Севериновка, и в Нижнем Поднестровье - Салганы, Зальц, Терновка, Красный Маяк, Коржево, Гоян, Соколень, Березки. В определенной степени, к этой зоне примыкают пункты, находящиеся в лесостепи Пруто-Днестровского междуречья - Мын-

дрешть (Дергачев 1975, 28), Бэлэнешть (Sava 2009, 35-36), Кобыльня (Левицкий 1990, 100-104), Хлинжень (Uşurelu, Nicic 2003). В Запрутской Молдове и Северо-Восточной Добрудже Румынии отмечен целый ряд находок кинжалов аналогичных форм. Кинжалы из Вынэторь (Dumitroaia 1986, 18-19, fig. 7,1), Дуда (Petrescu-Dîmbovița 1964, 256), Бэлень, (Dragomir 1967, 89, fig. 1, 9-10; Petrescu-Dîmbovița 1977, 312, fig. 3,12) и Рогожень (Florescu 1991, 112, 283, fig. 111A,11) морфологически сходны с выделяемым В.А. Дергачевым I-м вариантом. Находки из Нижнего Подунавья - Кослодженъ (Neagu, Nanu 1986, 99-127, fig. 17, 22) Сабанжия, Бейдауд (Jugănaru 1997, 353-357, fig. 1; Simion 2003, 63-78, pl. 6; fig. 1-5) также соответствуют первому варианту. Но в отличие от изделий преобладающих на тер-

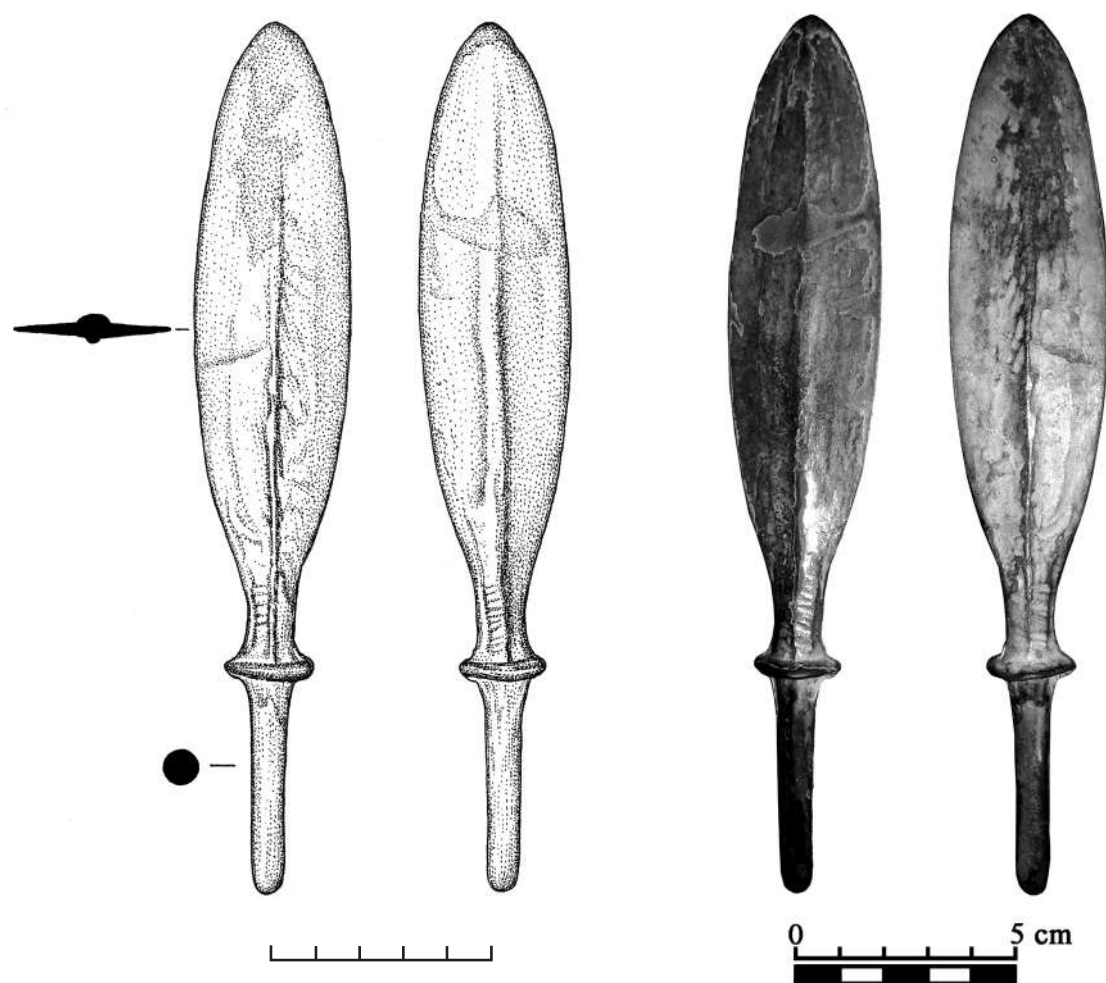
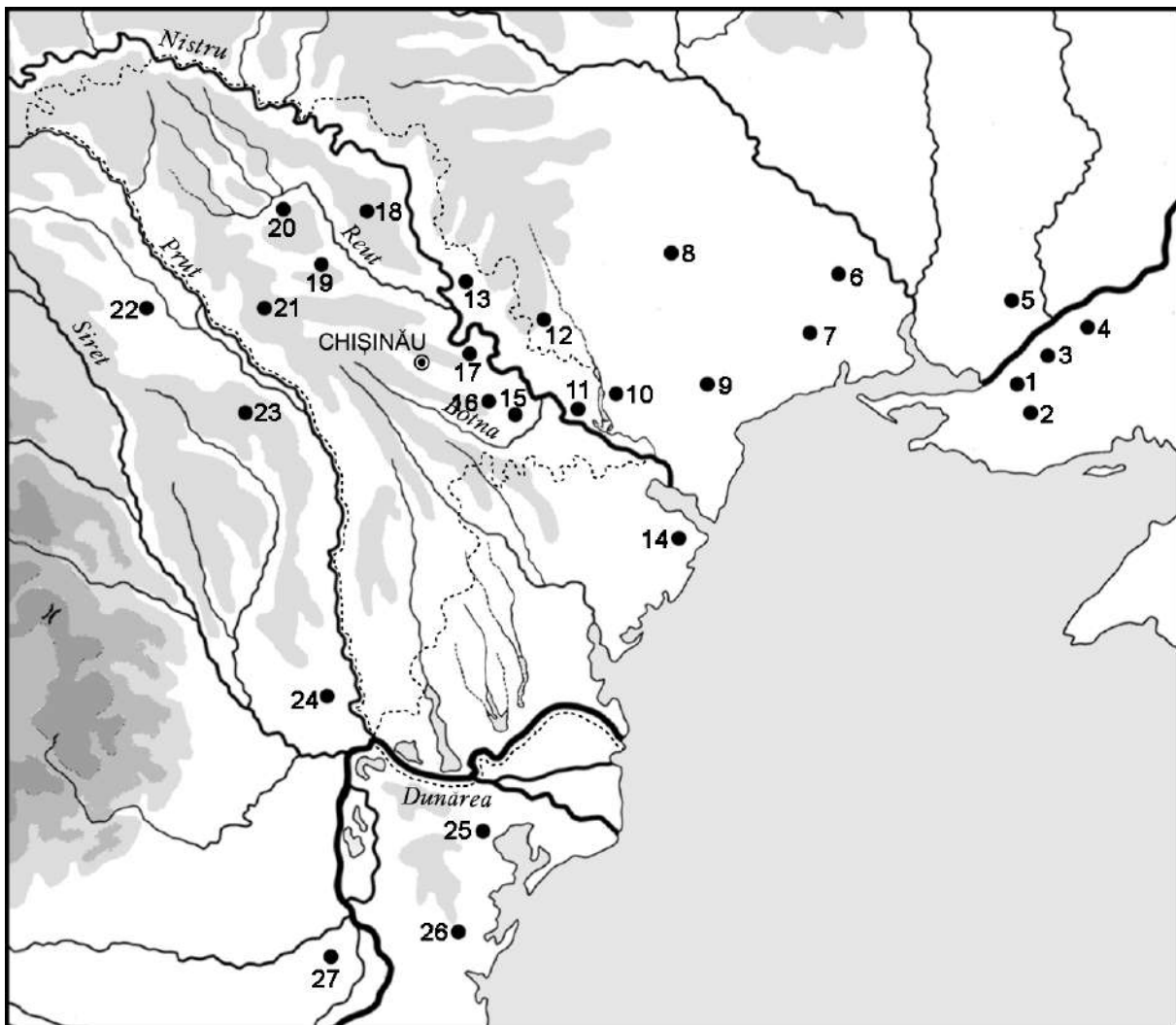

Рис. 2. Кинжал из окрестностей с. Севериновка.

ритории Пруто-Днестровского междуречья у них отмечается максимальное расширение клинка в верхней части лезвия и резкое сужение к острию. К этому же варианту, скорее всего, следует отнести и кинжал из с. Салганы в Нижнем Поднестровье (Бруяко, Тощев 2002, 590, рис. 3,2). В дальнейшем предполагается выделить данную категорию изделий в отдельный Нижнедунайский тип. Рассматривая ареал распространения ряда бронзовых изделий в Северо-Западном Причерноморье, следует согласиться с мнением исследователей, что кроме широко известных мастерских литейщиков из Нижнего Поднепровья в будущем следует ожидать открытия Нижнедунайского, Приднестровского и ряда других родственных очагов металлообработки (Островерхов 2002, 419). Возросший спрос на бронзовые изделия стимулировал развитие северопонтийского металлопроизводства. В эпоху поздней бронзы кузнечно-литейные мастерские появля-

ются в самых отдаленных уголках северопричерноморских степей и на многих поселениях (Бочкарев 2006, 54)

В целом серия кинжалов с кольцевым упором на рукоятке и листовидным лезвием из Северо-Западного Причерноморья имеет достаточно стандартные пропорции и размеры: Их общая длина, в основном, варьирует от 20 до 23 см (исключение составляет кинжал из Грэдиштя-Кослоджень, его общая длина 27,5 см), ширина в пределах от 3 до 3,5 см, что, вероятно, обусловлено их функциональным предназначением. Как правило, ножи и ножи-кинжалы представляют наиболее распространенную категорию находок периода поздней бронзы Циркумпонтийской зоны. По количеству находок они уступают лишь серпам и кельтам. Как отмечалось исследователями, по сравнению с серпами и кельтами, они гораздо реже встречаются в составе кладов, а чаще среди случайных

Рис. 3. Карта основных находок кинжалов «киммерийского» типа на территории Северо-Западного Причерноморья. 1. Малые Копани, 2. Новокиевка, 3. Каиры, 4. Кардашинка, 5. Ново-Александровка, 6. Афанасьевка, 7. Калуга, 8. Пужайково, 9. Севериновка, 10. Лиманское (Зальц), 11. Терновка, 12. Красный Маяк, 13. Гоян, 14. Салганы, 15. Березки, 16. Соколень, 17. Коржева, 18. Кобыльня, 19. Мындрешть, 20. Хлинжень, 21. Бэлэнешть, 22. Вынэторь, 23. Бэлень, 24. Рогожень, 25. Сабанжия, 26. Бейдауд, 27. Кослодженъ.

находок, иногда, на поселениях (Шарафутдинова 1986, 103). Ритуальное захоронение одиночных металлических предметов, о чем свидетельствуют изолированные находки кинжалов (Афанасьевка, Севериновка, Салганы, Коржево), позволяет предположить, что данная категория бронзовых изделий обладала определенным магическим и культовым значением. Для территории Пруто-Днестровского междуречья исключение составляют лишь Соколенский и Мындрештский клады, где кинжалы были найдены вместе с рядом других металлических предметов, хотя, в принципе и сами эти клады можно рассматривать как результат

применения ритуального захоронения предмета с целью принести жертву определенным божествам. В свою очередь, находки кинжалов в захоронениях (Каиры, Зальц, Терновка) предполагают свойства данной категории оружия как определенных инсигний власти. Здесь следует добавить, что практически все отмеченные случаи находок кинжалов в погребальных комплексах относятся к основным курганным захоронениям белозерской культуры, датирующимся XII-XI вв. до н.э. В этот список не включен кинжал из с. Березки, так как нам неизвестны условия находки данного изделия в разрушенном кургане.

Учитывая условия ряда находок кинжалов «киммерийского типа» совместно с керамическим инвентарем позднесабатиновского-раннебелозерского времени и, не в последнюю очередь, согласно сопровождающим их бронзовым предметам (кельты, долота) в составе кладов (Мындрешть, Соколень) данная категория оружия преимущественно датируется периодом BгD-НаА1, соответственно концом XIII - XII вв. до н.э. (Dergacev 2002, 128), хотя не исключается и более поздний период их бытования. Что, к примеру, подтверждается находкой кинжала в погр. 4/1 у с. Каиры на Нижнем Днестре, в комплексе с позднебелозерским керамическим инвентарем - лощеными корчагой, чашей и кубком (Агульников, Шилов 1990, 67-71, рис. 1,3,4,7). Территория распространения этого типа бронзовых изделий от Поволжья до Балкан (Дергачев 1975, 54-56; Бочкарев, Лесков 1978, 23-26; Черняков 1985, 113) позволяет отнести кинжалы

с кольцевым упором и листовидным клинком с нервюрой к одной из наиболее популярных форм изделий позднего бронзового века причерноморских степей в XIV-XIII в.в. до н.э. (Klochko 1993, 51-56). Время бытования кинжалов «киммерийского типа» в Северо-Западном Причерноморье определяется сабатиновским – позднесабатиновским – раннебелозерским периодами, соответственно финальным временем существования памятников культуры Ноа - начальной фазой культуры Кишинэу-Корлэтеня в лесостепной зоне Пруто-Днестровского междуречья. А также поздней фазой культуры Кослодженя-ранним периодом культуры Сихлеану-Пребабадаг для Нижнего Подунавья. Находка кинжала с кольцевым упором и листовидным лезвием с нервюрой, из окрестностей с. Севериновка позволит, в определенной степени, дополнить круг древностей позднего бронзового века Северо-Западного Причерноморья.

Библиография

- Агульников 2002: С.М. Агульников, Погребальные комплексы позднесабатиновского-раннебелозерского времени в Пруто-Днестровском междуречье. В сб.: Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (Тирасполь 2002) 176-182.
- Агульников 2005: С.М. Агульников, Хронология и периодизация памятников белозерской культуры в Пруто-Днестровском междуречье. RA, vol. 1, nr. 1, 2005, 77- 92.
- Агульников, Шилов 1990: С.М. Агульников, Ю.А. Шилов, Курган белозерской культуры у с. Каиры. В сб.: ДСПК, вып. 1 (Запорожье 1990), 67-70.
- Бочкарев 2006: В. С. Бочкарев, Северопонтийское металлопроизводство эпохи поздней бронзы, Производственные центры (С. Петербург 2006), 53-65.
- Бочкарев, Лесков 1978: В. С. Бочкарев, А. М. Лесков, О хронологическом соотношении памятников эпохи бронзы Северного Причерноморья с Подоньем, Поволжьем и Северным Кавказом. В сб.: Древние культуры Поволжья и Приуралья, т. 221 (Куйбышев 1978), 23-26.
- Бруяко, Тощев 2002: И. В. Бруяко, Г. Н. Тощев, Материалы к археологической карте побережья Днестровского лимана (эпоха бронзы). Stratum plus 2, 2001- 2002, 587-591.
- Гершкович и др. 1987: Я.П. Гершкович, В. И. Клочко, Г.Л. Евдокимов, Новокиевская литейная мастерская и проблемы хронологии сабатиновских памятников Поднепровья. СА № 2, 1980, 101-114.
- Дергачев 1975: В.А. Дергачев, Бронзовые предметы XIII-VII вв. до н.э. из Днестровско-Прутского междуречья (Кишинев 1975).
- Добровольский 1950: А.В. Добровольский, Талькові ливарні матриці бронзової доби з Херсонщини. Археологія, 1950, т. 4 (Киев 1950), 163-170.
- Иванова, Ветчинникова 1993: С.В. Иванова, Н.Е. Ветчинникова, Раскопки у с. Лиманское, Раздельнянского района Одесской области. В сб.: Древности Северного Причерноморья и Крыма, вып. IV (Запорожье 1993), 176-183.
- Иванова, Ветчинникова, Петренко 2005: С.В. Иванова, Н.Е. Ветчинникова, В.Г. Петренко, Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра (Одесса 2005).
- Кривцова-Гракова 1955: О.А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА 46 (Москва 1955).
- Левицкий 1990: О.Г. Левицкий, Литейная форма с поселения культуры Ноа у ст. Кобыльня. В сб.: Археологические исследования молодых ученых Молдавии (Кишинев 1990), 100-104.
- Лесков 1967: А.М. Лесков, О Северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы. В сб.: Памятники эпохи бронзы Юга европейской части СССР (Киев 1967) 143-168.
- Островерхов 2002: А.С. Островерхов, Древнейшее археологическое стекло Восточной Европы (конец IV тыс. до н. э. - первая половина VII в. до н.э.) Stratum plus 2, 2002, 386 - 431.
- Тереножкин 1961: А.И. Тереножкин, Предскифский период на Днепро-Правобережье (Киев 1961).
- Шарафутдинова и др. 1986: С.С. Березанская, В.В. Отрошенко, Н.Н. Чердниченко, И.Н. Шарафутдинова, Культуры эпохи бронзы на территории Украины (Киев 1986).

- Черных 1976: Е.Н. Черных, Древнейшая металлообработка на Юго-Западе СССР (Москва 1976).
- Черняков 1965: И.Т. Черняков, Красномаяцкий клад литейщика. КСОГАМ за 1963 г. (Одесса 1965), 87-123.
- Черняков 1985: И.Т. Черняков, Северо-Западное Причерноморье во второй половине I тыс. до н.э. (Киев 1985).
- Dergacev 2002: Die äneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. PBF, Ab. XX. Band 9 (Stuttgart 2002).
- Dragomir 1967: I.T. Dragomir, Un nou depozit de obiecte de bronz descoperit la Băleni in sudul Moldovei. Danubius I, 1967, 89-98.
- Dumitroaia 1986: Gh. Dumitroaia, Sondajul arheologic de la Vânători-Neamț, MA XII-XIV, 1986, 15-20.
- Florescu 1991: A. Florescu, Repertoriul culturii Noua-Coslogeni din România, așezări și necropole. In: Cultură și civilizație la Dunărea de Jos, vol. IX (Călărași 1991).
- Klochko 1993: V. Klochko, Weapons of tribes of the Northern Pontic zone in the 16th-10 centuries B.C. Baltic-pontic studies, vol. 1 (Poznan 1993).
- Neagu, Nanu 1986: M. Neagu, D.B. Nanu, Considerații preliminare asupra așezării eponime de la Grădiștea-Coslogeni. In: Cultură și civilizație la Dunărea de Jos, vol. II (Călărași 1986) 99-109.
- Petrescu-Dîmbovița 1966: M. Petrescu-Dîmbovița, depozitul de obiecte de bronz de la Duda (raionul Huși, regiunea Iași). AM IV, 1966, 346-359.
- Petrescu-Dîmbovița 1977: M. Petrescu-Dîmbovița, Depozitele de bronzuri în România (București 1977).
- Sava 2009, E. Sava, Neue Funde der bronzemetallurgie aus komplexen der Noua-Sabatinovka-Kultur in Prut-Dniester Gebiet. In: Internationale Fachtagung von Humboldtiarnen für Humboldtiarner. HumboldtKolleg in Chișinău, Republik Moldova (Chișinău 4-6 oktober 2009), 35-36.
- Simion 2003: G. Simion, Cultures et groupes cultures dans la region du Bas Danube a la fin du bronze recent. In: Culturile antice în zona Gurilor Dunării I (Cluj-Napoca 2003), 63-78.

Сергей Агульников, Центр Археологии, Институт Культурного Наследия Академии Наук Молдовы, бул. Штефан чел Маре 1. МД-2001, Кишинэу, Республика Молдова.

E-mail: agulnikov-budjac@mail.ru

Светлана Иванова, к.и.н. Отдел Археологии Северо-Западного Причерноморья НАНУ, ул. Пушкинская 37, Одесса, Республика Украина. 65011. E-mail: svivanova 1956 @ gmail.com

OBSERVAȚII PRIVIND AȘEZĂRILE DE TIP POIENEȘTI-LUCAȘEUCA

Vasile IARMULSCHI, Chișinău

În articol autorul prezintă observații generale privind așezările culturii Poienești-Lucașeuca. Până în prezent în silvostepa est-carpatică au fost descoperite 184 așezări de tip Poienești-Lucașeuca. În 28 de situri (15,21%) au fost realizate săpături sistematice, în alte 29 (15,76%) s-au efectuat sondaje, iar 127 (69,021%) sunt cunoscute doar prin cercetări de suprafață. În așezările cercetate prin săpături sau sondaje s-au descoperit 116 locuințe, dintre care 64 (55,18%) sunt de suprafață, iar 52 (44,72%) – adâncite. Pe lângă locuințe, în cuprinsul așezărilor au fost descoperite un șir întreg de alte complexe arheologice: ateliere, dependințe, instalații de foc situate în afara locuințelor, gropi menajere, complexe de cult etc.

Заметки о поселениях типа Поенеишь-Лукашеука. В настоящей статье автор представляет общие сведения, касающиеся поселений культуры Поенеишь-Лукашеука. В лесостепи, к востоку от Карпат, было выявлено 184 поселений типа Поенеишь-Лукашеука. Только в 28 (15,21%) из них были проведены археологические раскопки, в 29 (15,76%) сделаны шурфовки, а 127 (69,021%) поселений знакомы только по разведкам. В исследуемых путем раскопок или шурфов поселениях было выявлено 116 жилищ, 64 (55,18%) из них были наземными и 52 (44,72%) углубленными. Помимо жилищ, на площади поселений был выявлен целый ряд других археологических комплексов: мастерские, очаги и печи находящиеся вне жилищ, бытовые ямы, культовые комплексы и др.

Notes on settlements of Poienesti-Lucaseuca type. The general observations on settlements of Poienesti-Lucaseuca type are discussed in the present article. 184 settlements of Poienesti-Lucaseuca type are recorded in the forest-steppe area East from Carpathian Mountains. Only 28 sites (15.21%) of the total number of settlements were excavated; 29 monuments (15.76%) were exposed to archaeological sounding; while 127 monuments (69.021%) are known from archaeological prospecting only. The explored settlements has yielded 116 housings, 64 (55.18%) of which are represented by the above-ground type, while 52 (44.72%) are dugouts. Beside housings, excavations have revealed a series of archaeological complexes with various assignments: workshops, fireplaces and furnaces outside of dwellings, household pits, religious complexes, etc.

Key words: forest-steppe area East from Carpathian Mountains, Late Latène Age, Poienești-Lucașeuca Culture, settlements.

La sfârșitul sec. III a. Chr. în silvostepa carpato-nistreană, în rezultatul migrației triburilor bastarne, s-a constituit cultura Poienești-Lucașeuca (în continuare P.-L.). Conform izvoarelor antice scrise, în această perioadă de timp o bună parte din teritoriul Europei era cuprins de mari migrații ale triburilor barbare, care se deplasau de pe litoralul Mării Baltice spre N-V Pontului Euxin. Aceste triburi erau cunoscute ca bastarni, peucini, sciri și galați. Relatările autorilor antici sunt confirmate de izvoarele arheologice. La finele sec. al III-lea a. Chr., se constituie culturi latenezate (Oksyw, Przeworsk, P.-L. și Zarubinec) ce se întind de pe coasta Mării Baltice până la Dunăre. Toate împreună formează așa numita „lumea a treia” a triburilor barbare din Europa (Щукин 1994, 18-21).

Cercetătorii ce s-au preocupat de studierea culturii Poienești-Lucașeuca au remarcat specificul ei, constatănd că ea reprezintă un aspect cultural diferit în contextul culturilor latenezate (Babeș 1993, 158; Пачкова 2006, 339). Cu toate că această cultură are o „istorie” de mai bine de jumătate de secol (Vulpe 1953, 203-506; Федоров 1960, 8-30; Романовская 1965, 37-42; Теодор 1973, 37-43; Babeș 1993; Munteanu 2004, 141-153) problemele esențiale pe care le ridică anticitățile de tip Poienești-Lucașeuca precum originea, apartenența etno-culturală și cronologia, trezesc și astăzi discuții în contradictoriu (Babeș 1993, 146-162; Ткачук 1999, 293-299; Munteanu 2004, 141-153)¹.

Cercetările arheologice, din ultimele decenii, atât săpăturile de amploare cât și recunoașterile de suprafa-

¹ În această privință ținem să amintim că în literatura de specialitate s-au conturat trei teorii privind originea și apartenența etno-culturală a anticităților de tip Poienești-Lucașeuca. Conform adeptilor primei teorii – R. Vulpe (Vulpe 1953, 203-506),

ță, au permis acumularea unui bogat material arheologic, care a stat la baza abordării unor probleme complexe privind regiunile centrale și de nord dintre Carpați și Nistru în ultimele secole ale erei păgâne.

Până în prezent în silvostepa carpato-nistreană s-au identificat 184 de puncte arheologice (așezări)², dintre care numai 28 (15,21%) au fost investigate prin săpături sistematice, în 29 (15,76%) au fost efectuate sondaje, iar 127 (69,021%) sunt cunoscute doar prin cercetări de suprafață.

Pentru silvostepa est-carpatică din sec. II-I a. Chr. sunt caracteristice doar așezări deschise, inclusiv șase(?) cazuri când acestea erau amplasate în perimetrul fortificațiilor din perioada precedentă – Arșura (Teodor 1973, 53-57), Mășcăuți (Романовская 1963, 28-29), Moșna (Florescu, Melinte 1968, 129-134), Potârca (Niculiță, Matveev, Potângă 1999, 299.300.305), Rudi (Романовская 1973, 415-416) și Victoria(?) (Păunescu, Șadurschi, Chirica 1976, 56). Consemnăm faptul că doar în așezările de la Moșna (Florescu, Melinte 1968, 130-132) și Rudi (Романовская 1973, 415-416) au fost surprinse complexe arheologice, în celelalte patru cazuri s-a descoperit doar ceramică de tip P.-L.

Din punct de vedere topografic, așezările sunt amplasate de obicei fie pe panta lină a unor văi ce coboară spre sursele de apă – 58 (31,5%), fie pe locuri cu relief dominant – 33 (17,93%). Totodată, există cazuri când siturile de habitat erau situate pe prima terasa a râurilor mari – 15 (8,15%).

Destul de complicată pare a fi problema dimensiunilor acestei categorii de situri. Aceasta se datorează faptului că date relevante privind suprafața așezărilor pot fi obținute doar prin cercetarea lor completă și nu prin sondaje sau periegeze, care furnizează informații limitate. Din câte cunoaștem, până în prezent nicio așezare nu a fost cercetată în întregime, astfel încât

informațiile privind dimensiunile siturilor de habitat sunt destul de restrânse. Oricum, din datele avute la dispoziție, am constatat că suprafața lor poate varia de la 1-2 ha – Brănești (Федоров 1960, 15; Романовская 1964, 37), Ghelăiești (Babeș 1993, 22). până la 8-10 ha – Ulmu (Romanovskaja 1987, 207) și Lunca Ciurei (Teodor 1969, 34).

Locuințele. Până acum, în cele 28 de așezări cercetate prin săpături metodice au fost identificate aproximativ 116 locuințe³ din sec. II-I a. Chr. Cele mai multe complexe de acest gen au fost investigate în așezările de la Botoșana – 29 (Teodor 1969, 33-42; 1980, 183-196), Lozna „Hlibicioc” – 19 (Teodor, Șadurschi 1980, 225-235; Teodor 1992, 46-52), Goroșovo – 9 (Пачкова 1983, 6-24), Lunca Ciurei – 9 (Teodor 1987, 69-85) și Lucașeuca II – 7 (Федоров 1960, 240-246).

În rezultatul săpăturilor arheologice s-a stabilit că pentru perioada dată sunt caracteristice două tipuri de locuințe: de suprafață și adâncite⁴. De regulă, în aceeași așezare coexistau ambele tipuri de locuință. Sunt însă cazuri când într-o așezare s-au dezvelit doar complexe locative de un singur tip. Astfel, în așezările de la Borosești (Babeș 1993, 183), Cucorâni (Teodor 1975, 130-131) și Kruglik (Тимошук, Винокур 1962, 73-74; Пачкова 1977, 24-26; 1978, 58) s-au cercetat doar locuințe de suprafață, iar la Goroșovo (Пачкова 1983, 6-24), Orheiul Vechi (Ткачук 1991, 47; Postică, Munteanu 1999, 458-460; Munteanu 2005, 57-59) Sokol (Вакуленко, Пачкова 1979, 5-7) etc. numai complexe locative adâncite.

Locuințele de suprafață. Au fost descoperite 64 complexe de acest fel, ceea ce constituie 55,18 % din totalul celor cunoscute. Aceste construcții constau dintr-un schelet de pari de lemn, peste care se aplica o lipitură de lut în amestec cu paie ori alte materiale perisabile. De obicei, resturile unei astfel de locuințe repre-

R. Hachmann (Hachmann 1960, 117-124), M. Babeș (Babeș 1993, 157-161), M. Ščukin (Шукин 1994, 113-116) etc., cultura Poienești-Lucașeuca reprezintă în exclusivitate rezultatul pătrunderii unor populații din nordul și centrul Europei. Reprezentanții celei de a doua teorii – G. Fedorov (Федоров 1960, 8-30), S. Teodor (Teodor 1980, 218-224), I. Niculiță (Никулицэ 1987, 208), schimbând accentul cercetărilor, au căutat să aducă argumente în favoarea autohtonismului purtătorilor noii culturi. Aceasta din urmă este considerată ca o evoluție firească a celei getice (sec. V-III a. Chr.), care într-o mică măsură a fost afectată de pătrunderea triburilor din centrul și nordul Europei. În sfârșit, o poziție oarecum deosebită au ocupat-o reprezentanții ultimei teorii – S. Pačkova (Пачкова 2006, 338-339) și O. Munteanu (Munteanu 2004, 151-153). Ei consideră că antichitățile de tip Poienești-Lucașeuca reprezintă un sincretism cultural dintre tradiția locală și cea a noi-veniților.

² Subliniem că vestigiile atribuite triburilor bastarne au fost identificate și în afara arealului de bază a culturii P.-L. Amintim în acest sens așezările de la Morești, jud. Mureș (Horedt 1979, 35-52), Satu-Nou, jud. Constanța (Irimia, Conovici 1989, 121-122. 124, fig. 24; Conovici 1992, 3-12), Șeușa, jud. Alba (Ferencz, Ciută, 2005, 239-254) și Novoselskoe II, r. Reni (Бруяко, Ярошевич 2001, 68; Бруяко 2005-2009, 346-349).

³ Notăm că această statistică este doar aproximativă, deoarece rămân inedite rezultatele cercetărilor efectuate în mai multe așezări de tip P.-L.

⁴ Considerăm că toate locuințele care au podeaua adâncită mai puțin de 0,5 m de la nivelul antic de călcare reprezintă tipul de locuințe de suprafață. Construcțiile care au podeaua mai adâncă de 0,5 m formează categoria locuințelor adâncite.

zintă aglomerări de bucăți de lut ars, unele dintre ele cu amprente de bărne și nuiete, ceramică și oase, care de cele mai multe ori reflectă conturul locuințelor.

Forma locuințelor de suprafață este mai dificil de reconstituit. Ele au avut, probabil, formă dreptunghiulară – L2 de la Dolheștii Mari (Andronic 1994, 235) (fig. 1, 1), L3 de la Lucașeuca II (Федоров 1960, 244-245) (fig. 1,2). După dimensiuni, aceste complexe locative pot fi împărțite în trei categorii: mici, medii și mari. În prima categorie am inclus locuințele care au o suprafață de 4-10 m.p. - L10 de la Cucorâni (Teodor 1975, 130) (fig. 1,3), L12 de la Botoșana (Teodor 1980, 196) (fig. 1,4). Ținem să menționăm că locuințe cu o astfel de suprafață sunt atestate într-un număr redus. Majoritatea locuințelor de suprafață se înscriu în categoria celor medii. Ele au o suprafață ce variază de la 12 m.p. - L8 de la Botoșana (Eadem 1980, 193) (fig. 1,5) - până la 24 m.p. - L3 de la Lucașeuca II (Федоров 1960, 244-245) (fig. 1, 2). Complexe locative de suprafață cu dimensiuni mai mari sunt atestate mai rar. Aria acestor complexe oscilează de la 25 m.p. - L2 de la Lunca Ciurei (Teodor 1987, 69) (fig. 1,6) - până la 48 m.p. - L3 de la Kruglik (Пачкова 1977, 24-25) (fig. 1, 7). Amenajarea încăperilor este relativ unitară, în majoritatea cazurilor fiind vorba de spații cu o singură încăpere. Până în prezent se cunoaște doar o singură locuință de suprafață care avea două încăperi – L2 de la Kruglik (Тимошук, Винокур 1962, 73-74) (fig. 1, 8).

Locuințele adâncite Au fost descoperite 52 locuințe de acest fel, ceea ce reprezintă 44,82% din totalul celor puse în circuitul științific. Consemnăm că majoritatea complexelor locative adâncite se înscriu în categoria așa-numitelor semibordeie. Podeaua acestora, de regulă, nu depășește adâncimea de 1 m de la nivelul antic de călcare – L2 de la Lucașeuca II (Федоров 1960, 241) (fig. 2, 7), semibordeiul 6 de la Goroșovo (Пачкова 1983, 9) (fig. 2, 2). Sunt însă și excepții. Astfel, majoritatea locuințelor adâncite de la Orheiul Vechi au fost săpate în sol cu mai mult de 1 m în raport cu nivelul antic (Munteanu 2005, 59).

Fiind adâncite cel mult cu 1 m față de nivelul actual de călcare a solului, locuințele adâncite descoperite în așezările de tip P.-L., după câte se pare, aveau pereții construiți, ca și complexele de locuire de suprafață, dintr-un schelet lemnos, uns cu un strat de lipitură de lut.

Din observațiile făcute până acum s-a constatat că locuințele adâncite în sol, din punct de vedere al planului, puteau avea o varietate mai mare de forme: dreptunghiulare cu colțurile bine conturate – L1 de la Lunca Ciurei (Teodor 1987, 69) (fig. 2, 8), patrulateră cu marginile rotunjite – L1 de la Lucașeuca II (Федоров 1960, 242) (fig. 2, 4), compl. 4 de la Orheiul Vechi (Postică, Munteanu 1999, 459, fig. 3) și ovale – semibordeiul 1

de la Goroșovo (Пачкова 1983,6) (fig. 2, 1), L2 de la Lucașeuca II (Федоров 1960, 240) (fig. 2,7).

Dimensiunile acestor locuințe, de regulă, nu erau mari, variind de la 12 la 24 m.p. Menționăm că se întâlnesc și cazuri excepționale. Astfel, semibordeiul 1 de la Botoșana avea aria de 9 m² (Teodor 1980, 183) (fig. 2,6), iar loc. A de la Ghelăiești avea dimensiunile de 2,5x3 m (Babeș 1993, 22).

Complexele de locuire, indiferent de tipul lor, de obicei, erau construite cu fața spre sud, sud-vest, sud-est, mai rar, spre vest. Această orientare se făcea cu scopul de a apăra intrarea în casă de vânturile reci, a căror direcție predominantă este dinspre nord sau est. În favoarea acestei ipoteze pledează unele observații de ordin arheologic. Astfel, în partea de sud-vest a locuinței nr. 3 de la Rudi, s-au observat urmele a două gropițe de par (Романовская 1972, 10) (fig. 2,5). După toate probabilitățile, aici era o construcție de tip șopron, acoperișul căreia se sprijinea pe acești pari. În mai multe locuințe au fost sesizate urmele unor trepte, care probabil reprezentau direcția de intrare. De regulă, acestea erau situate la extremitățile sudice ale locuințelor – complexul 53 de la Orheiul Vechi (Ткачук 1991, 47) (fig. 2,3), semibordeiul 1 de la Goroșovo (Пачкова 1983,6) (fig. 2,1)

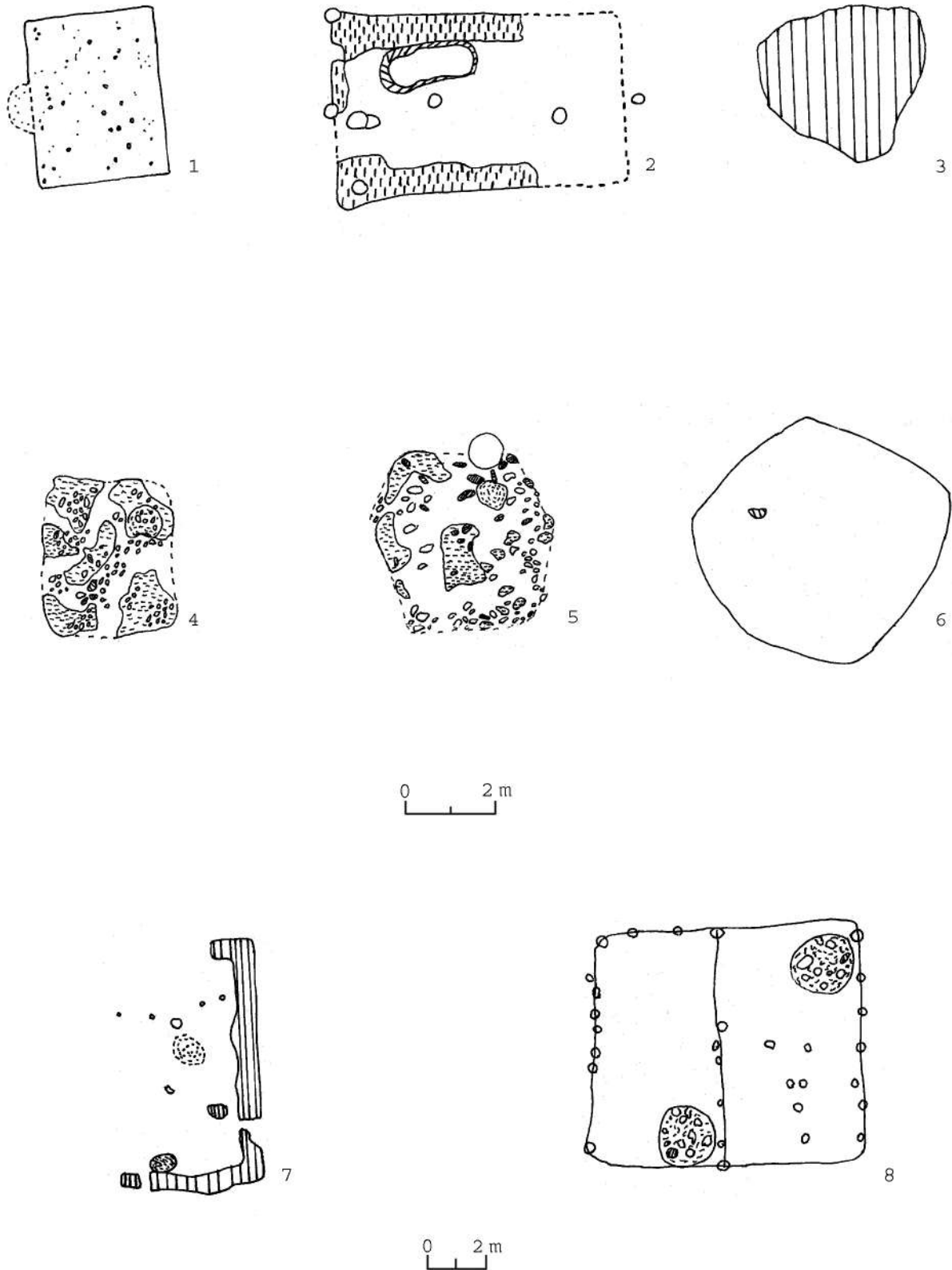
Podeaua locuințelor, de obicei, nu era amenajată special, fiind realizată din lut bătătorit. În unele cazuri însă, podeaua era lucrată într-un mod îngrijit și păstra urmele unei lipituri de lut. Astfel, în L3 de la Kruglik podeaua reprezenta un strat de lipitură de lut cu grosimea de 4-5 cm, care probabil s-a format în urma unor aplicări repetate (Пачкова 1977, 27) (fig. 1,7)

Cât privește acoperișul complexelor locative, după toate probabilitățile, acesta era în două ori patru ape. Se sprijinea pe parii înfiți din interiorul locuinței și era construit din stuf, paie, crengi sau poate alte materiale perisabile.

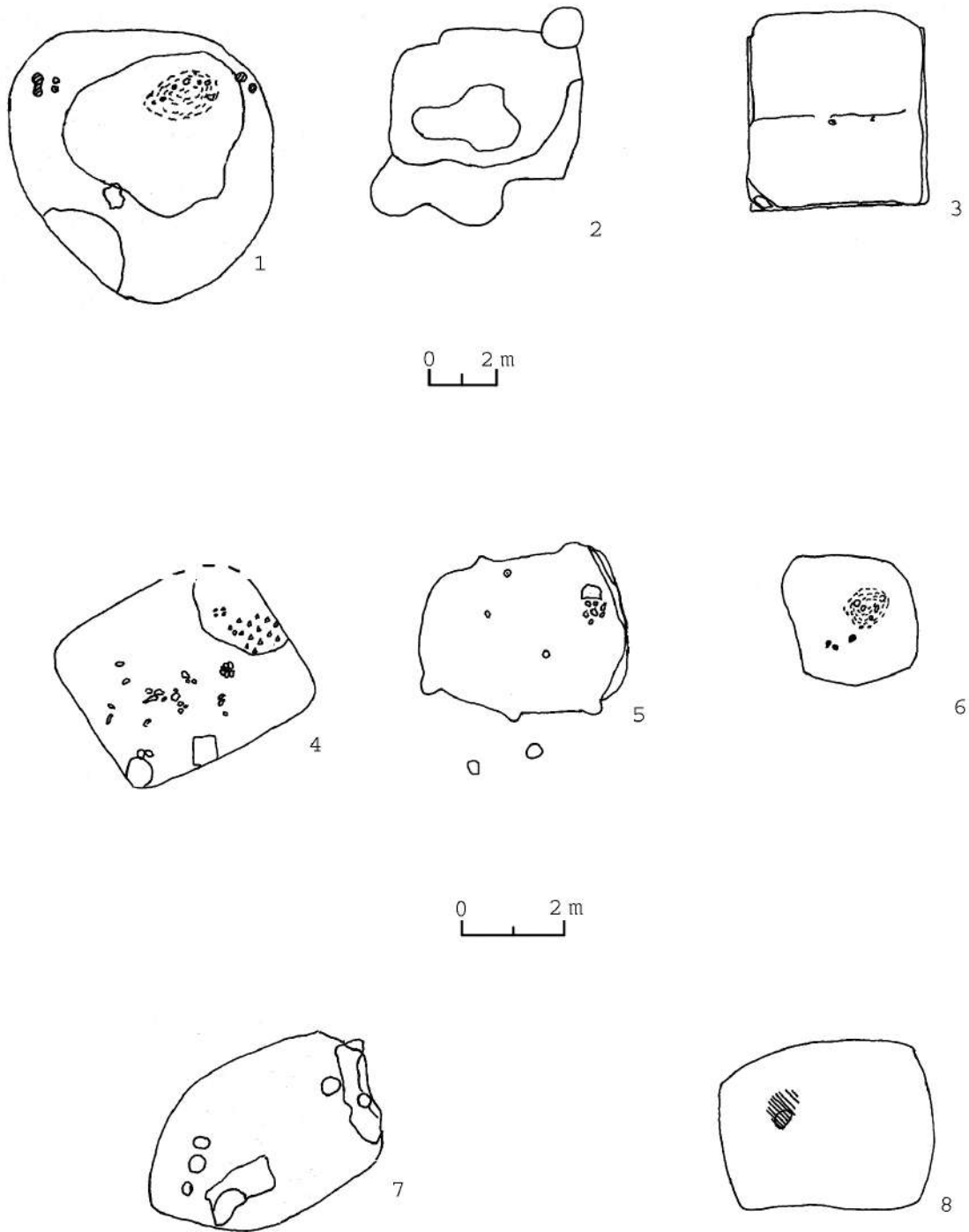
Instalații de foc. În prezentarea locuințelor inevitabil trebuie de amintit despre existența unor astfel de instalații, care, după cum s-a putut constata, sunt atestate în toate așezările cercetate prin săpături ori sondaje, prezentându-se sub forme de *vetre* și *cupatoare*. Foarte probabil, aceste complexe să fi avut un rol dublu: de încălzire și de preparare a hranei.

De regulă, locuințele dispuneau de câte o singură vatră, care, cu mici excepții, era situată în partea de nord-est sau est a încăperilor – semibordeiul 15 de la Botoșana (Teodor 1980, 190) (fig. 3, 1). Consemnăm faptul că au fost semnalate cazuri când locuințele dispuneau de două vetre – L1 și L2 de la Kruglik (Тимошук, Винокур 1962, 73-74) (fig. 1,8; 3,2). Din punct de vedere al materialului utilizat pentru amenajarea lor, distingem două categorii de vetre:

a. Vetre care au la baza lor material litic. De regulă, ele se prezintă sub forma unor concentrări de pietre arse

Fig. 1. 1 - L2 de la Dolheștii Mari; 2 - L3 de la Lucașeuca II; 3 - L10 de la Cucorăni; 4-5 - L12 și L8 de la Botoșana; 6 - L2 de la Lunca-Ciurei; 7-8 - L3 și L2 de la Kruglik.

Fig. 2. 1,2 - semibordeiele 1 și 6 de la Goroșovo; 3 - compl. 53 de la Orheiul Vechi; 4-7 - L1 și L2 de la Lucașeuca II; 5-L3 de la Rudi; 6 - semibordeiul 1 de la Botoșana; 8 - L1 de la Lunca Ciurei.

de dimensiuni mici, care acoperă o suprafață de circa 1 m.p. - semibordeiul 1 de la Botoșana (Teodor 1980, 183) (fig. 2,6), L1 de la Kruglik (Тимошук, Винокур 1962, 73-74) (fig. 3,2).

b. Vetre ce nu au în componența lor material litic și sunt amplasate direct pe podeaua locuinței – L6 de la Botoșana (Teodor 1980, 193) (fig. 3,3).

O altă amenajare folosită atât la încălzit cât și la prepararea hranei a fost cuptorul – L1 de la Lucașeuca II (Федоров 1960, 241) (fig. 2,4), semibordeiul 8 de la Goroșovo (Пачкова 1983, 22) (fig. 3,4). Acestea din urmă, în funcție de materialul folosit pentru ridicarea lor, pot fi împărțite de două tipuri:

a. Cuptoare construite din pietre. Astfel de cuptoare au fost semnalate în mai multe așezări din această perioadă – L3 de la Kruglik (Пачкова 1977, 59) (fig. 1,7), L6 de la Lucașeuca II (Федоров 1960, 246).

b. Cuptoare realizate din lut și materiale vegetale – L2 și L3 de la Lucașeuca II (Федоров 1960, 241.244) (fig. 1,2; 2,4).

Ateliere(?). În cadrul unor așezări au fost descoperite, ce-i drept puține la număr, complexe care ar putea sugera existența unor ateliere meșteșugărești. Astfel, în așezarea de la Brănești a fost cercetat un complex ce ține de producția ceramicii. În această ordine de idei, menționăm faptul că deși recipientele din lut reprezintă cel mai des întâlnit material arheologic, nelipsit nici dintr-un sit, până în prezent acest complex este unic.

Atelierul de la Brănești⁵ prezenta o construcție de suprafață de forma dreptunghiulară cu dimensiunile de 4x4,2 m (Романовская 1962, 37) (fig. 3,5). În interiorul ei, la adâncimea de 0,3-0,4 m, a fost descoperit un complex, care în partea superioară reprezenta concentrări de lipitură din lut cu amprente de nuiele, suprafața lui fiind puternic zgurificată. Partea adâncită în sol prezenta o groapă, ovală în plan, cu dimensiunile de 1,3x1,1 m. Pereții complexului erau verticali, astfel încât în secțiune groapa avea formă rectangulară. Fundul cuptorului, situat la adâncimea de 0,8 m, era aproape orizontal și avea diametrul de circa 1,35 m. În interiorul complexului s-au descoperit zece vase puternic zgurificate și deformate. După câte se pare, producătorul nu a reușit să mențină temperatura necesară pentru arderea ceramicii, astfel încât recipientele de lut au devenit inutilizabile, din care motiv nici nu au fost scoase din cuptor (Романовская 1962, 37-42).

O altă activitate economică practică de purtătorii culturii P.-L. era prelucrarea metalelor. Urme ale acestei îndeletniciri au fost atestate în așezările de la Ulmu (Romanovskaja 1987, 209-210) și Borniș (Teodor 1984, 126-127; Teodor 1999, 32.56) unde au fost descoperite complexe destinate acestui meșteșug.

Atelierul descoperit la Ulmu reprezintă o construcție adâncită în sol, de formă dreptunghiulară, cu dimensiunile de 3,4x3,5 m (fig. 3,6). În partea de est a construcției s-a surprins o treaptă, ridicată cu circa 0,5 m deasupra podelei. Pe acest prag s-au indentificat urmele gropii unui cuptor. Ea era ovală în plan și se adâncea în sol cu 0,45 m. Podina era orizontală și puternic arsă, diametrul ei fiind de 0,74 m. Bolta cuptorului nu s-a pastrat. În interiorul construcției s-a găsit un tub de suflat, confecționat din lut, două cuțite fragmentare din fier și bucăți de zgură de fier (Romanovskaja 1987, 209-210).⁶

Complexul semnalat la Borniș prezenta o construcție adâncită, în interiorul căreia, în peretele nord-vestic, au fost descoperit urmele unui cuptor (fig. 3,9). Acesta a fost săpat în rocă și avea bolta păstrată pe o porțiune de circa 0,25 m înălțime. Gura cuptorului era flancată de două pietroaie care îl închideau perfect. Pe vatra sa, care a fost puternic arsă, s-a găsit zgură, pietre arse, cenușă și fragmente de lut ars provenite de la bolta prăbușită (Teodor 1984, 126-127; 1999, 32). După toate caracteristicile, aceste cuptoare de redus minereul feros ar face parte din grupa de cuptoare adâncite de tip „Slany” sau „celto-germanic” (Pleiner 1965, 24-25).

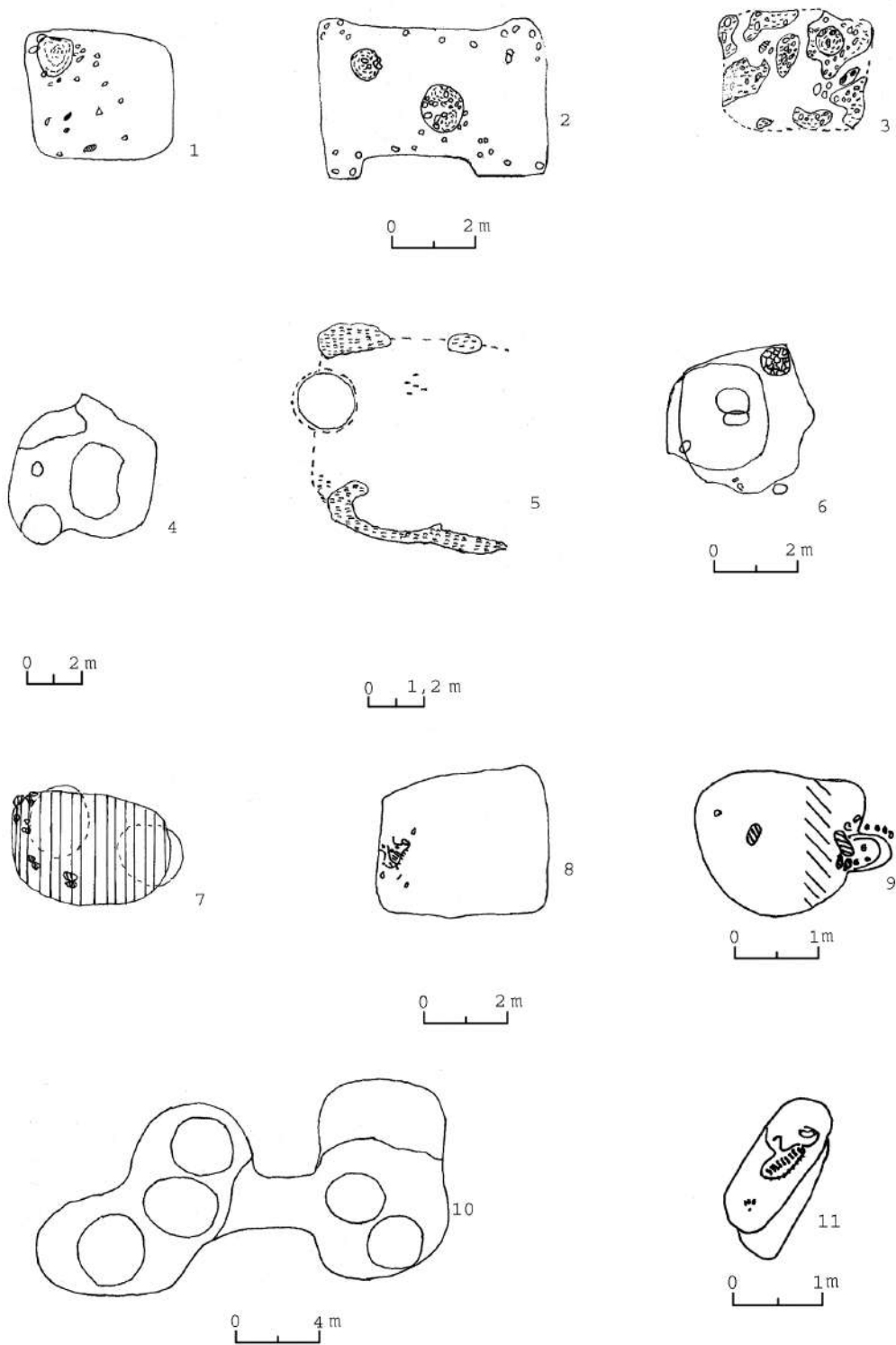
Prezența acestor ateliere de metalurgie atestă incontestabil nivelul relativ înalt de dezvoltare economică la care au ajuns purtătorii culturii P.-L.

Anexe gospodărești. În cuprinsul așezărilor din secolele II-I a.Chr. existau și diferite anexele gospodărești, reprezentate prin dependințe, instalații de foc în aer liber și gropi.

Dependințe. Dependințele reprezintă construcțiile gospodărești, care de cele mai multe ori sunt asemănătoare ca formă și dimensiuni cu complexe de locuire. Probabil, din această cauză unele dintre ele sunt definite drept „locuințe”. Un exemplu concludent în acest sens ar fi „locuința” 11 și 13 de la Cucorâni, care au suprafața de doar 2 m.p. (Teodor 1975, 131) (fig. 3, 7). Noi nu subscriem părerii autoarei săpăturilor, opinând că construcții cu o astfel de arie nu puteau fi locuibile.

⁵ Notăm faptul că atelierele(?) descoperite la Borniș, Brănești și Ulmu nu au fost incluse în statistica noastră privind numărul locuințelor cercetate în așezările din sec. II-I a.Chr. Deși aceste complexe au o arie de cca 8 m.p. este greu de spus dacă aceste construcții au fost locuibile. Totodată, semnalăm faptul că unii cercetători consideră că unele din aceste amenajări ar reprezenta locuințe-ateliere (Babeș 1994, 207)

⁶ Subliniem faptul că deși analiza chimică a zgurii de fier a arătat și prezența aramei (Romanovskaja 1987, 215), considerăm că nu poate fi vorba despre un atelier de prelucrare a bronzului. Judecând după obiectele descoperite aici, în primul rând, avem în vedere tubul de suflat, confecționat din lut, credem că cuptorul descoperit în acest complex era utilizat pentru reducerea minereului de fier.

Fig. 3. 1, 3 - semibordeiul 15 și L6 de la Botoșana; 2 - L1 de la Kruglik; 4 - semibordeiul 8 de la Goroșovo; 5 - atelierul de la Brănești; 6 - atelierul de la Ulmu; 7-“L”11 de la Cucorăni; 8 - L7 de la Lunca Ciurei; 9 - atelierul de la Borniș; 10 - complexul 1 de la Orheiul Vechi; 11 - groapa cu depunere de câine de la Ulmu.

Considerăm că aceste complexe reprezintă dependențe, a căror funcționalitate exactă ne scapă.

Probabil, majoritatea dependențelor erau construcții de suprafață, din care cauză a fost surprins arheologic un număr mic al acestora. Dimensiunile lor variau între 2 și 12 m.⁷ Totodată, ținem să precizăm că au fost semnalate dependențe săpate în sol care depășeau această arie. Astfel, complexul 1 din cadrul așezării de la Orheiul Vechi, reprezenta o construcție adâncită în sol. Ea avea forma neregulată în plan, fiind compusă din două încăperi, care erau legate între ele printr-un spațiu ce avea lățimea de aproximativ 1,2 m. Camerele aveau o formă ce se apropia de un patrulater cu laturile rotunjite, fiecare având o suprafață de circa 12 m.p. La nivelul podelei complexului au fost surprinse 5 gropi (câte 2 și respectiv 3). Gropile erau circulare în plan, diametrul lor variind de la 1,1 la 1,8 m. Adâncimea lor era cuprinsă între 1,1-1,35 m. (Ткачук 1991, 45) (fig. 3,10). După câte se pare, menirea acestei dependențe era depozitarea bunurilor gospodărești, care de altfel este sugerată de existența gropilor în cadrul acestei construcții.

În literatura de specialitate este încetățenită ideea că una dintre particularitățile de bază ale acestor complexe este lipsa în interiorul lor a instalațiilor de încălzit. După cum se știe însă, pentru perioadă dată de timp sunt cunoscute vetre portabile. Prin urmare, absența instalațiilor de foc nu reprezintă un indiciu relevant în departajarea complexelor de locuire de anexele gospodărești. Mai mult ca atât, cercetările etnografice au arătat că multe dintre aceste amenajări, în care lipsesc instalații de încălzire, puteau fi utilizate ca adăpost temporar până la construirea locuinței proprii zise, sau că erau locuite numai pe timp de vară (Vuia 1973, 133-137).

Cât privește menirea acestor construcții, considerăm că ele mai degrabă aveau o funcționalitate economică decât locativă.

Instalații de foc descoperite în afara locuințelor. Printre alte construcții întâlnite în așezările acestei perioade remarcăm urme ale locurilor cu vetre în afara complexelor de locuire. Aceste complexe sunt practic nelipsite nici dintr-o așezare, astfel încât le putem considera un element caracteristic al siturilor de habitat. De regulă, aceste complexe au fost semnalate în apropierea locuințelor. Spre exemplu, în așezarea de la Rudi instalații de foc au fost descoperite lângă L3 și L5 (Романовская 1972, 10,15-16). La Botoșana vetre în aer liber au fost identificate în preajma semibordeielor 13 și 15 și a L11. Acestea s-au păstrat relativ bine, constând dintr-o lentilă de pământ ars cu resturi de arsură în jur (Teodor 1980, 189, fig. 9).

O situație oarecum deosebită a putut fi observată la Goroșovo. Aici au fost cercetate șase vetre exterioare, însă doar una dintre ele (nr. 6) era situată în apropierea unei locuințe, celelalte fiind descoperite în preajma gropilor menajere (Пачкова 1983, 26-28).

În așezarea de la Lucașeuca II, pe lângă vetre în aer liber, au fost depistate urmele unor cuptoare. Complexele erau adâncite în sol cu 0,15-0,2 m și aveau formă dreptunghiulară cu colțurile rotunjite. Cât privește tehnica de construcție, consemnăm faptul că ele erau amenajate din lut în amestec cu material perisabil (Федоров 1960, 18).

Prezența acestor instalații de foc în nemijlocita apropiere a complexelor de locuire, pare să indice faptul că ele erau prevăzute pentru gătitul în aer liber. Este posibil ca atât vetrele, cât și cuptoarele semnalate în afara locuințelor să fi fost prevăzute cu construcții din lemn, ale căror urme nu s-au mai păstrat.

Gropi. O particularitate comună pentru toate așezările din sec. II-I a.Chr. este prezența gropilor cu funcționalitate diferită. Acestea au fost săpate în stratul steril, adâncindu-se în pământ până la 2 m față de nivelul antic de călcare. Majoritatea gropilor au în plan formă circulară sau ovală. Ambele forme sunt întâlnite în aceleași situri arheologice, în nemijlocita apropiere de complexe de locuire. Ce-i drept, la Sokol aproape toate gropile au formă circulară (Вакуленко, Пачкова 1979, 7-8), pe când în așezarea de la Goroșovo predomină cele ovale (Пачкова 1983, 24-26).

Analizând formele gropilor, distingem trei variante ale acestora

a. Gropi de formă cilindrică – groapa 2 de la Ulmu (Romanovskaja 1987, 223).

b. Gropi de formă tronconică, cu pereții oblici, îngustați spre fund – groapa 5 de la Sokol (Вакуленко, Пачкова 1979, 7-8)

c. Gropi care au în partea de jos, spre fund câte o nișă – groapa nr. 9a de la Sokol (Вакуленко, Пачкова 1979, 8)

Fundul acestor amenajări, de regulă, era orizontal, uneori putea fi puțin înclinat, mărind adâncimea gropilor pe anumite porțiuni. Extrem de rar sunt cunoscute cazuri când ele aveau fundul concav, ca în cazul gropii 3 de la Brănești (Романовская 1962, 42) sau aveau o treaptă – groapa din L8 de la Sokol (Вакуленко, Пачкова 1979,7). Unele gropi, pentru o mai bună păstrare a produselor depozitate, aveau pereții și fundul arși sau lutuiți. Uneori pe fundul și pereții gropilor se aplica o lipitură de lut ars. Sunt cazuri când fundul lor este acoperit cu un strat de lespezi sau cu fragmente de vase.

⁷ Considerăm că complexul 2 de la Orheiul Vechi, care are o suprafață estimativă de cca 120 m.p. (Postică, Munteanu 1999, 458.475, fig. 3), la fel ar reprezenta o dependență. Funcționalitatea exactă a acestei construcții este mai dificil de stabilit.

Până în prezent nu avem nici un indiciu arheologic privind modul de acoperire a gropilor. Luând în considerație informațiile transmise de Tacitus (Tacitus, *De origine et situ Germanorum*, XVI,3), care relatează că pentru a le feri de ger și a nu fi observate de dușmanii care îi atacau, germanii acopereau gropile de provizii cu gunoi, considerăm că în același mod procedau și purtătorii culturii P-L. În ceea ce privește destinația acestor complexe, presupunem că majoritatea gropilor au fost utilizate inițial pentru păstrarea rezervelor de alimente. După deteriorare, unele dintre ele au fost folosite pentru depozitarea resturilor menajere. Dovadă în acest sens servesc fragmentele de vase și de obiecte și oasele de animale descoperite în ele.

Complexe de cult(?). În cuprinsul unor așezări au fost descoperite construcții a căror funcționalitate pare să fi avut una cu caracter de cult. Un astfel de complex a fost cercetat în așezarea de la Orheiul Vechi. Amenajarea reprezenta o groapă care avea în plan formă circulară, iar în secțiune forma ei se apropia de un hexagon. Diametrul gurii era de 1,4x1,5 m, iar al fundului – 1,5 x1,6 m. Adâncimea gropii era de 3 m de la suprafața actuală a solului. În partea superioară, până la adâncimea de 2 m, groapa era umplută cu sol negru fără impurități, iar mai jos urmau straturi succesive de lut și cenușă în asociere cu cărbune. În solul de umplutură s-a găsit o cutie de gresie, o fusaiolă, un lustruitor, fragmente de vase, bucăți de zgură de lut și oase de animale. Fundul gropii era acoperit cu un strat gros de cenușă, pe care se afla o coroană de cerb (Postică, Munteanu 1999, 460, fig. 3; Munteanu 2005, 61). Având în vedere umplutura complexului, dar mai ales perechea de coarne de cerb, animal care, de altfel, este simbolul fecundității (Chevalier, Cheerbrandt 1995, 290-294), al ritmului creșterii și al renașterii, ne aliniem opiniei exprimate de autorul descoperirii că acest complex ar fi avut caracteristici rituale (Munteanu 2005, 61).

După toate probabilitățile, aceeași menire a avut-o și unul dintre complexe descoperite la Ghelăiești. În solul din umplutura a gropii „B” s-au descoperit bucăți de vatră, pietre arse, chirpici de lut, multe fragmente provenite de la „căței de vatră”, o amforă fragmentară și oase de câine calcinate (Babeș 1993, 24).

Caracter sacru este posibil să fi avut și amenajările cu depuneri de schelete de câini. Astfel, la nord de L1 de la Ulmu a fost descoperită o groapă, în cuprinsul căreia a fost găsit un schelet de câine. El era așezat pe partea dreaptă, cu capul spre nord-est, lungimea lui fiind de 0,65 m. Sub scheletul animalului era un strat de cernoziom, în care s-au găsit mai multe fragmente de vase (Romanovskaja 1987, 215) (fig. 3,11).

Subliniem că înhumarea rituală a câinilor a fost semnalată nu numai în gropi special amenajate, ci și în locuințe. Astfel, în apropierea peretelui sudic al L7

de la Lunca Ciurei a fost descoperit un schelet de câine în poziție chircită, culcat pe dreapta (Teodor 1987, 84) (fig. 3, 8). Ținem să precizăm că depunerea rituală a câinilor nu este ceva specific numai purtătorilor culturii P-L., acest obicei fiind frecvent întâlnit în *oppidum*-urile celtice de la Vertault, Ribemont-sur Ancre (Meniel 1992, 81-88.101-102) etc., cât și în așezările dacice de la Brănești și Independența (Sirbu 1993, 102.104).

***

Rezumând cele prezentate mai sus, constatăm că în cursul sec. II-I a.Chr., în cadrul comunităților sedentare, s-au produs o serie de transformări vizibile. Astfel, dacă în perioada precedentă (sec. V-III a.Chr.) întreaga silvostepă est-carpatică era acoperită cu o rețea de cetăți și de un număr impresionant de așezări deschise ce gravitau în jurul acestora (Arnăuț 2003, 317, fig. 1), atunci începând cu sfârșitul sec. III a.Chr. așezările fortificate își încetează existența, iar numărul stațiunilor deschise se micșorează substanțial, ceea ce indiscutabil sugerează ideea unei scăderi a populației.

Cât privește planificarea internă a așezărilor, trebuie să menționăm faptul că atât timp cât nicio stațiune nu a fost cercetată în întregime nu dispunem de dovezi certe despre organizarea lor. Notăm, însă, faptul că în spațiile dintre locuințe s-au descoperit o serie de anexe ale acestora – dependințe, instalații de foc deschise și un număr mare de gropi menajere și de păstrat provizii etc. Gruparea anexelor gospodărești în apropierea complexelor de locuire pare să sugereze existența formei de organizare familială a comunităților sătești, familia având drept de proprietate asupra vetrelor de casă dar și a zonei din apropiere.

Locuințele descoperite în așezările din sec. II-I a.Chr. au similitudini atât cu cele cunoscute în perioada precedentă (sec. V-III a. Chr.), cât și cu complexe de locuire din culturile sincrone din nordul și centrul Europei, Jastorf și Przeworsk. Astfel, pentru toate aceste grupuri culturale erau caracteristice două tipuri de locuințe – adâncite și de suprafață. Totodată, subliniem faptul că până în prezent în silvostepa est-carpatică nu a fost cercetată nicio locuință lungă cu mai multe încăperi și cu baza construită din piatră, complexe de locuire caracteristice culturii Jastorf (Пачкова 2006, 227). În majoritatea locuințelor era prezent un anumit tip de instalații pentru foc și preparare hranei: vatra și cuptorul. Uneori în locuințe se întâlnesc ambele tipuri de instalații.

Printre amenajările importante descoperite în această categorie de situri figurează complexe meșteșugărești. Datele obținute în urma cercetării acestor complexe, corelate cu rezultatele analizelor petrografice și metalografice, dovedesc că modelarea și arderea

marii majorități a ceramicii, ca și prelucrarea metalelor se realizau în cadrul acestor așezări.

Acesta este tabloul general al așezărilor culturii P-L.

Indiscutabil, intensificarea cercetărilor va aduce noi informații privind realitățile istorico-arheologice din Moldova centrală și de nord în ultimele secole ale erei păgâne.

Bibliografie

- Arnăuț 2003: T. Arnăuț, Vestigii ale sec VII-III a.Chr. în spațiul de la răsărit de Carpați (Chișinău 2003).
- Andronic 1994: M. Andronic, Așezarea din sec. II-I î.H. de la Dolheștii Mari-Suceava, MA XIX, 1994, 235-242.
- Babeș 1993: M. Babeș, Die Poienești-Lucașevka-Kultur. Ein Beitrag zur kulturgeschichte in Raum ostlich der Karpaten in der letzten Jahrhunderten vor Christi Geburt (Bonn 1993).
- Babeș 1994: M. Babeș, Brănești. EAIVR, vol. I, 1994, 207.
- Chevalier, Cheerbrandt 1995: J. Chevalier, A. Cheerbrandt, Dicționar de simboluri, vol I, (București 1995), 290-294.
- Conovici 1992: N. Conovici, Începuturile culturii Poienești-Lucașeuca și prezența bastarnilor în Dobrogea. SCIV(A), t. 43, nr. 1, 1992, 3-15.
- Ferencz, Ciută 2005: I.V. Ferencz, M.M. Ciută, Considerații pe marginea unor materiale descoperite la Șeușa (com. Ciugud, jud. Alba). Istros XII, 239-254.
- Florescu, Melinte 1968: A. Florescu, Gh. Melinte, Cetatea traco-getică din a doua jumătate a mileniului I î.e.n. de la Moșna. SCIV, t. 19, nr. 1, 1968, 129-134.
- Hachmann 1960: R. Hachmann, Die Chronologie de Jüngerer vorrömischen Eisenzeit. Studien zum Stand der Forschung im nördlichen Mitteleuropa und Skandinavien. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 1960, 1-216.
- Hânceanu 2006: D.G. Hânceanu, Primele rezultate din săpăturile arheologice de la Roșiori-Dulcești. AM XXIX, 2006, 159-165.
- Horedt 1979: K. Horedt, Morești. Grabungen in einer vor-und frühgeschichtlichen Siedlung in Siebenbürgen (București 1979).
- Irimia, Conovici 1989: M. Irimia, N. Conovici, Așezarea fortificată e la Satu-Nou-„Valea lui Voicu” (com. Oltina, jud. Constanța). TD X, 1989, 115-153.
- Meniel 1992: P. Meniel, Les sacrifices d’animaux chez les Gaulois (Paris 1992).
- Munteanu 2004: O. Munteanu, Lanțul slăbiciunilor sau unde au dispărut geții. In: Studio in Honorem Gheorghe Postică (Chișinău 2004), 141-152.
- Munteanu 2005: O. Munteanu, Tipologia și particularitățile complexelor Poienești-Lucașeuca la Orheiul Vechi. Tyragetia XIV, 2005, 56-62.
- Niculiță, Matveev, Potângă 1999: I. Niculiță, S. Matveev, E. Potângă, Cetatea traco-getică Potârca. CANT III, 1999, 279-346.
- Păunescu, Șadurschi, Chirica 1976: Al. Păunescu, P. Șadurschi, V. Chirica, Repertoriul arheologic al județului Botoșani (București 1976).
- Pleiner 1965: R. Pleiner, Die Eisenverhüttung in der „Germania Magna” zur römischen Kaiserzeit. Ber. RGK 45, 11-86.
- Postică, Munteanu 1999: Gh. Postică, O. Munteanu, Așezarea de tip Poienești-Lucașeuca la Orheiul Vechi. CANT III, 1999, 457-494.
- Romanovskaja 1987: M. Romanovskaja, Așezarea de la Ulmi. Săpăturile din anul 1960. AM XI, 1987, 207-226.
- Sîrbu 1993: V. Sîrbu, Credințe și practici funerare, religioase și magice în lumea geto-dacilor (Galați 1993).
- Teodor 1969: S. Teodor, Unele date cu privire la cultura geto-dacică din nordul Moldovei în lumina săpăturilor de la Botoșana. SCIV, t. 20, nr. 1, 1969, 33-42.
- Teodor 1973: S. Teodor, Cetatea traco-getică de la Arsura, jud. Vaslui. MCA X, 1973, 53-60.
- Teodor 1975: S. Teodor, Săpăturile de la Cucorăni. AM VIII, 1975, 121-145.
- Teodor 1980: S. Teodor, Așezarea din epoca Latène de la Botoșana. SCIV(A), t. 31, nr. 2, 1980, 181-227.
- Teodor 1984: S. Teodor, Descoperiri din epoca Latène în zona Neamțului. TD V, 1984, 123-137.
- Teodor 1987: S. Teodor, Cercetările arheologice de la Ciurea, jud. Iași. AM XI, 1987, 65-102.
- Teodor 1992: S. Teodor, Cercetările arheologice de la Lozna-Hlibicioc, jud. Botoșani. AM XV, 1992, 46-69.
- Teodor 1999: S. Teodor, Regiunile est-carpătice ale României în sec. V-II î.d.Hr. (București 1999).
- Teodor, Șadurschi 1980: S. Teodor, P. Șadurschi, Așezarea din cea de a doua epocă de la Lozna, jud., Botoșani. MCA XIV, 1980, 225-237.
- Vuia 1973: R. Vuia, Locuința. Etnografia văii Bistriței (Piatra Neamț 1973).
- Vulpe 1953: R. Vulpe, Săpăturile de la Poienești din 1949. MCA I, 1953, 203-506.
- Бруяко 2009: И.В. Бруяко, От Скифии к Сарматии: Десять лет спустя. Stratum 3, 2009, 329-370.
- Бруяко, Ярошевич 2001: И.В. Бруяко, Ю.И. Ярошевич, Городище у с. Новосельское на Нижнем Дунае (Одесса 2001).
- Вакуленко, Пачкова 1979: Л. В. Вакуленко, С. П. Пачкова, О культурной принадлежности поселения позднелатенского времени у с. Сокол. В сб.: Славяне и Русь (Киев 1979), 5-21.
- Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: В.Л. Лапушнян, И.Т. Никулицэ, М.А. Романовская, Памятники раннего железного века, АКМ 4 (Кишинев 1974).
- Никулицэ 1987: И.Т. Никулицэ, Северные фракийцы в VI-I в. до н.э. (Кишинев 1987).
- Пачкова 1977: С. П. Пачкова, Поселение по близу села Круглик на Буковине. Археология 23, 1977, 24-34.

- Пачкова 1983: С.П. Пачкова, Археологические исследования многослойного поселения у с. Горошова Тернопольской области. В сб.: Археологические памятники Среднего Поднепровья (Киев 1983), 4-55.
- Пачкова 2006: С.П. Пачкова, Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы (Киев 2006).
- Романовская 1962: М.А. Романовская, Селище Лукашевка II. СА 3, 1962, 293-298.
- Романовская 1963: М.А. Романовская, Позднегетские поселения Молдавии. КСОГАМ, 1963, 26-32.
- Романовская 1965: М.А. Романовская, Раскопки в Бранештах в 1962 году. КСИА 102, 1965, 37-42.
- Романовская 1972: М.А. Романовская, Отчет о раскопках, проведенных на городище Рудь в 1972 году, manuscris în arhiva MNAIM, nr. 88 „A”.
- Романовская 1973: М.А. Романовская, О работе гетского отряда. АО 1972 года, 1973, 415-416.
- Тимошук, Винокур 1962: Б.А. Тимошук, И.С. Винокур, Памятники эпохи полей погребений на Буковине. КСИА 90, 1962 73-76.
- Ткачук 1991: М.Е. Ткачук, Новые данные к исследованию памятников типа Поянешть-Лукашевка по материалам Старого Орхее. В сб.: Археологические исследования в Старом Орхее (Кишинев 1991), 44-53.
- Ткачук 1999: М. Е Ткачук, Гетика, которую мы потеряли.(из антологии хронологических разрывов). Stratum plus 3, 1999, 274-304.
- Федоров 1960: Г.Б. Федоров, Население Пруто-Днепровского междуречья в I т. н.э, МИА 89 (Москва 1960).
- Щукин 1994: М. Б Щукин, На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. - I в. н.э в Восточной и Центральной Европе (Санкт Петербург 1994).

Vasile Iarmulschi, cercetător științific stagiar, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, Academia de Științe a Moldovei, bd. Ștefan cel Mare 1, Chișinău, Republica Moldova; e-mail: vasile_iarmulschi@yahoo.com.

MORMINTE CU SCHELETE DE CAI LA POPULAȚIILE TURANICE TÂRZII DIN SPAȚIUL CARPATO-NISTREAN

Ion URSU, Chișinău

În articolul de față este studiat un aspect al ritualului funerar practicat de populațiile turanice târzii din spațiul carpato-nistrean, și anume cel privind depunerea de cai în morminte. Sunt analizate din punct de vedere tipologic, cronologic și etno-cultural șapte morminte ce conțin schelete întregi de cai, din totalul de peste 90 de complexe cu oase de cabalină descoperite în acest areal. După toate probabilitățile, acest tip de complexe apare aici în sec. XII. În privința apartenenței etnice, mormintele în discuție sunt atribuite cumanilor, însă pe parcurs obiceiul funerar respectiv este preluat de populațiile turanice ale uzilor și pecenegilor.

Позднекочевнические погребения со скелетами лошадей из Карпато-Днестровского региона. В статье рассматривается один из компонентов погребального обряда поздних кочевников Карпато-Поднестровья. С точки зрения типологии, хронологии и этнической принадлежности анализируются семь погребений, содержащих целые скелеты лошадей, из общего количества 90 захоронений с костными остатками лошадей, известных в данном регионе. По всей видимости, настоящий тип захоронений появляется в XII в. В отношении этнической принадлежности, рассматриваемые захоронения характерны для половцев, и со временем обычай был заимствован другими кочевниками – торками и печенегами.

Burials with complete horse skeletons of late nomads from Carpathian-Dniester Area. The article concerns one of the interesting components of the burial ceremony of late nomads from Carpathian-Dniester Area. Seven burials with horse skeletons out of 90 known burials of this type from the studied area are analyzed from the typological, chronological, and ethnical point of view. Apparently, this type of burials appears in XII century. Regarding the ethnicity, the burials under study are typical for Cumans. Later, this burial tradition was borrowed by other nomad people, such as Pechenegs and Oguzes.

Key words: Carpathian-Dniester Area, late nomads, burials, horse skeletons, Pechenegs, Oguzes, Cumans.

Antichitățile funerare reprezintă unicele surse arheologice concludente care se referă la populațiile nomade turanice. Stilul de viață ce prevedea mișcarea permanentă pe arii extinse nu a permis întemeierea unor așezări stabile, urmele cărora s-ar fi păstrat până astăzi.

Începând cu sfârșitul sec. XIX și până în prezent, cercetările arheologice au dus la descoperirea în spațiul carpato-nistrean a aproximativ 580 de morminte ale turanicilor din sec. X-XIV. Dintre acestea, în peste 90 de morminte, alături de defunct, se aflau oase de cal. Depunerea calului în mormintele nomazilor este o practică funerară des întâlnită atât la turanicii târzii, cât și la alte populații nomade de origine răsăriteană (bulgari, unguri ș.a.). Aceasta este o reflectare a vieții economice, în care calul reprezintă un element indispensabil pentru modul de viață respectiv, și a celei spirituale, calul urmând să transporte decedatul în "lumea de dincolo".

Conform datelor de care dispunem în prezent, din totalul complexelor funerare cu resturi osteologice de

cabalină, doar șapte conțineau schelete întregi, în celelalte constatându-se ritualul depunerii craniului și extremitățile picioarelor, deci părți necomestibile, carnea fiind consumată la înmormântare.

În rândurile de mai jos ne propunem să descriem și să analizăm mormintele cu schelete de cai depuse întregi lângă defunct. Materialul prezentat și discutat este preluat din publicațiile a mai multor cercetători. Astfel, cu excepția mormântului de la Trapovka, nu avem siguranța deplină că celelalte complexe conțineau scheletele întregi sau erau distruse, incertitudinea datorându-se descrierii lor incomplete și a lipsei ilustrației corespunzătoare.

Mirnopol'e (=Fridensfeld), r. Sarata, reg. Odesa, Ucraina

Tumulul III, mormânt. Scheletul se afla întins pe spate, orientat cu capul spre V. Scheletul de cal era îngropat alături de defunct. Inventar:

1. Zăbală de fier lucrată dintr-o singură tijă, cu inele laterale mobile (fig. 2,6.7); 2-3. Scări de șa din

fier în stare fragmentară (fig. 2,10.12.13); 4. Amnar din fier cu capetele răsucite (fig. 2,5); 5. Cuțit din fier cu mânerul în formă de peduncul (fig. 2,11); 6. Vârfuri de săgeți din fier (fig. 2,2-4); 7. Plăci de os de la tolbă (?) (fig. 2,9); 8. Cataramă liriformă de bronz; 9-10. Două verigi simple din aur; 11. Brățară torsionată de bronz (fig. 2,1); 12. Resturi dintr-o țesătură cu fir aurit (fig. 2,8) (Фёдоров-Давыдов 1966, 263; Spinei 1985, 112, fig. 28,1-13).

Moscu, or. Târgu Bujor, jud. Galați,

România

Punctul "Dealul lui Fulger", mormânt descoperit întâmplător. Alături de scheletul uman se afla un schelet de cal. Alte elemente de rit și ritual nu se cunosc. Inventar:

1. Zăbală de fier compusă din două bare (fig. 3,2); 2. Fragment de sabie din fier; 3. Coif din fier placat cu argint (fig. 3,1); 4. Fragment de zale din fier; 5. Bară din bronz cu destinație neclară (Petrescu-Dîmbovița 1940, 10,11; Spinei 1985, 114).

Novokamenka, r. Izmail, reg. Odesa,

Ucraina

Tumulul 2, mormântul 2. Complexul funerar se afla în centrul tumulului. Scheletul a fost găsit întins pe spate cu capul la V, la adâncimea de 0,5 m. Scheletul de cal, cu craniul orientat tot spre V, a fost îngropat în aceeași groapă, în stânga defunctului. Inventar:

1. Fragmente de piese din fier (Добролюбский 1982, 39; Spinei 1985, 114).

Mormântul este prezentat de către A. Dobrolyubskij ca două complexe diferite (M1/T2 și M2/T2) (Добролюбский 1986, 97.98), făcând trimitere la două surse în care era descris unul și același mormânt (M2/T2) (Добролюбский, Дзиговский 1981, 140; Добролюбский 1982, 39), din care cauză în unele repertorii la Novokamenka apar două morminte în loc de unul (Postică 2008, 455).

Sarata, reg. Odesa, Ucraina

Tumulul 4, mormântul 18. A fost descoperit în zona de SV a tumulului. Scheletul uman zăcea întins pe spate, la adâncimea de 0,65 m, cu capul orientat spre V, având brațele pe lângă corp, ușor îndoite din cot, cu palmele sprijinite pe femure. Scheletul deranjat al unui cal, cu botul spre V, era deșus pe un prag, în stânga defunctului.

Groapa în care se afla scheletul uman era acoperită cu cinci pietre rectangular-alungite din calcar, de dimensiuni mari, iar pe fund se afla putregai din lemn de la scânduri. Alt inventar nu a fost descris (Добролюбский, Дзиговский, 1981, 141; Spinei 1985, 116).

Sarata, reg. Odesa, Ucraina

Tumulul 5, mormântul A. Complexul a fost găsit în partea centrală a movilei, la adâncimea de 0,5 m. Scheletul zăcea întins pe spate cu ca-

pul orientat spre E. Scheletul de cal era așezat în partea de N a mormântului, în dreapta celui uman, fiind orientat cu botul spre V. Mormântul a fost căptușit cu lemn. Inventar:

1. Cuțit de fier, găsit în dreapta cutiei toracice a defunctului; 2-3. Inele din fier; 4. Obiect mic din bronz; 5. Nit mic din bronz, probabil de la curea. Toate aceste piese au fost găsite între cele două schelete (Добролюбский, Дзиговский, 1981, 141; Spinei 1985, 116).

Todireni, jud. Botoșani, România

Mormântul A, descoperire întâmplătoare. Scheletul se afla întins pe spate la adâncimea de 2,6 m, groapa mormântului având lungimea de 2,6 m, iar lățimea de 2,35 m. De o parte și de alta a defunctului se aflau două schelete de cai (răvășite). Fără obiecte de inventar (Spinei 1974, 405; idem 1985, 117).

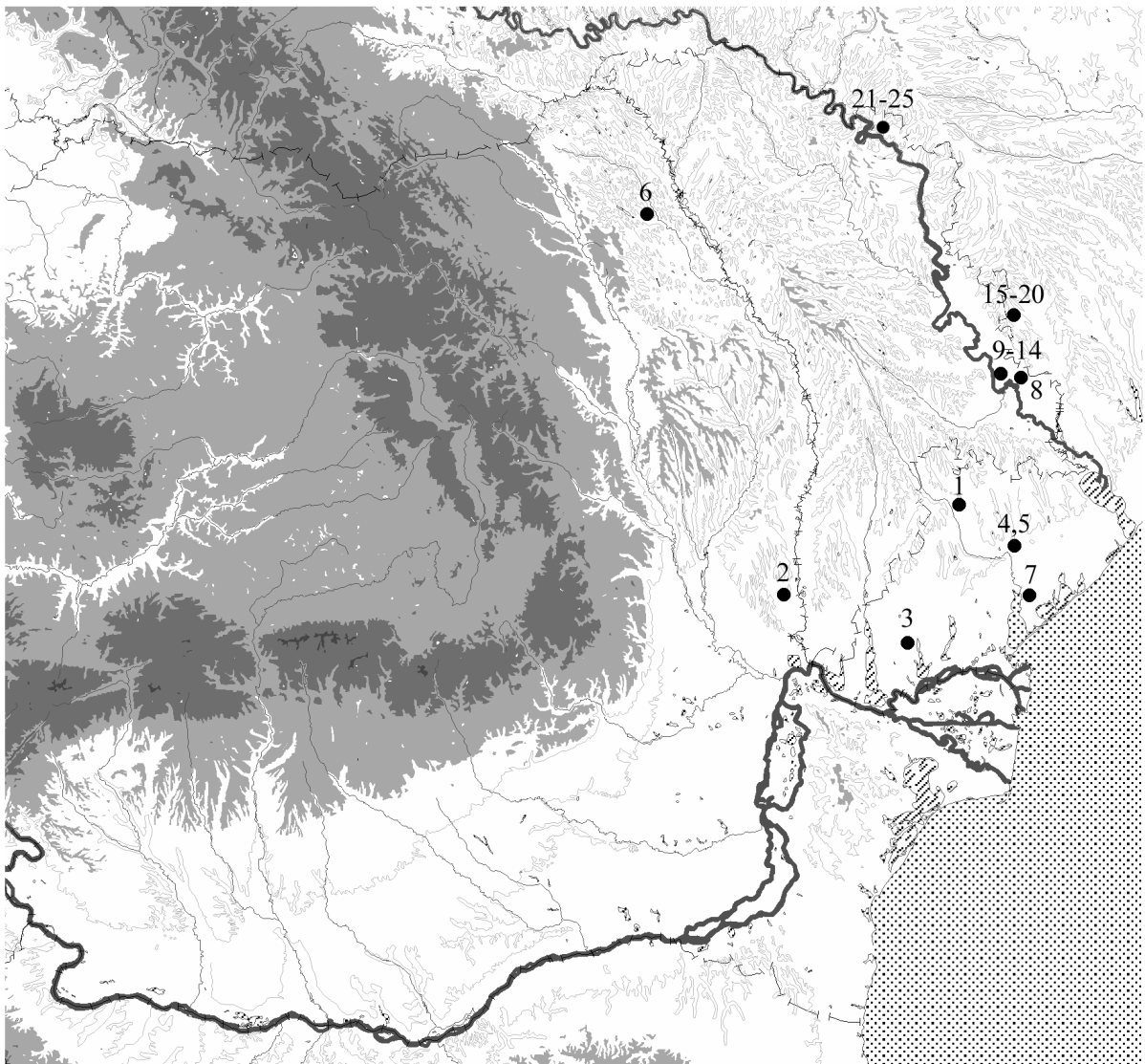
Траповка, r. Татарбунар, reg. Odesa, Ucraina

Tumulul 10, mormântul 9 (fig. 4). A fost descoperit la distanța de 9-10 m de reper, în jumătatea vestica a tumulului, la adâncimea de 1 m. Groapa dreptunghiulară cu orientarea V-E (2,3×1,35 m) avea adâncimea de 1,2 m. În lungul peretelui sudic se afla scheletul unui bărbat matur, în decubit dorsal, cu capul întors spre stânga. Scheletul de cal, ca și cel uman, avea capul spre V, fiind așezat în stânga defunctului. Sub oasele umane s-au înregistrat urme de la un așternut format din scânduri cu lungimea de 50 cm, și lățimea de 3-4 cm (fig. 4,1). Inventar:

1. Fragmentul unei săbii de fier, găsit în partea stângă a bazinului; 2-3. Două vârfuri de săgeți romboidale din fier (fig. 4,2); 4. Garnitură de brâu cuprinzând o cataramă liriformă cu placă ornamentată, 32 de aplici care erau prinse cu câte trei nituri de curea și o aplică de la capăt ce servea la încheierea brâului prin prinderea de cataramă. Cu excepția unei aplici din fier, toate celelalte erau din bilon. Aplicile aveau formă de inimă, treisprezece din ele fiind prevăzute cu o prelungire în formă de picătură în partea inferioară, aplica de la capăt fiind mult alungită. Aplicile din bilon au fost probabil turnate în forme de lut. Aplica din fier avea două nituri de prindere, cele din bilon câte trei, iar aplica de la capăt cinci nituri, acoperite cu o plăcuță din cupru. Dimensiunile aplicelor sunt de 3×3-3,2 cm, a capătului de curea de 2,7-3×8,5 cm și a cataramii de 2,6×5 cm. Toate piesele au fost descoperite mai jos de cutia toracică, pe abdomen (fig. 4,3). (Добролюбский, Субботин, 1982, 168-173; Spinei 1985, 118; Субботин, Островерхов, Дзиговский 1995, 4-69).

****

Înmormântările cu schelet întreg de cal sunt cunoscute la populațiile turcice din Asia Centrală și zonele învecinate, unde au fost descoperite peste 300 de astfel de complexe. Acest număr denotă faptul că ritualul

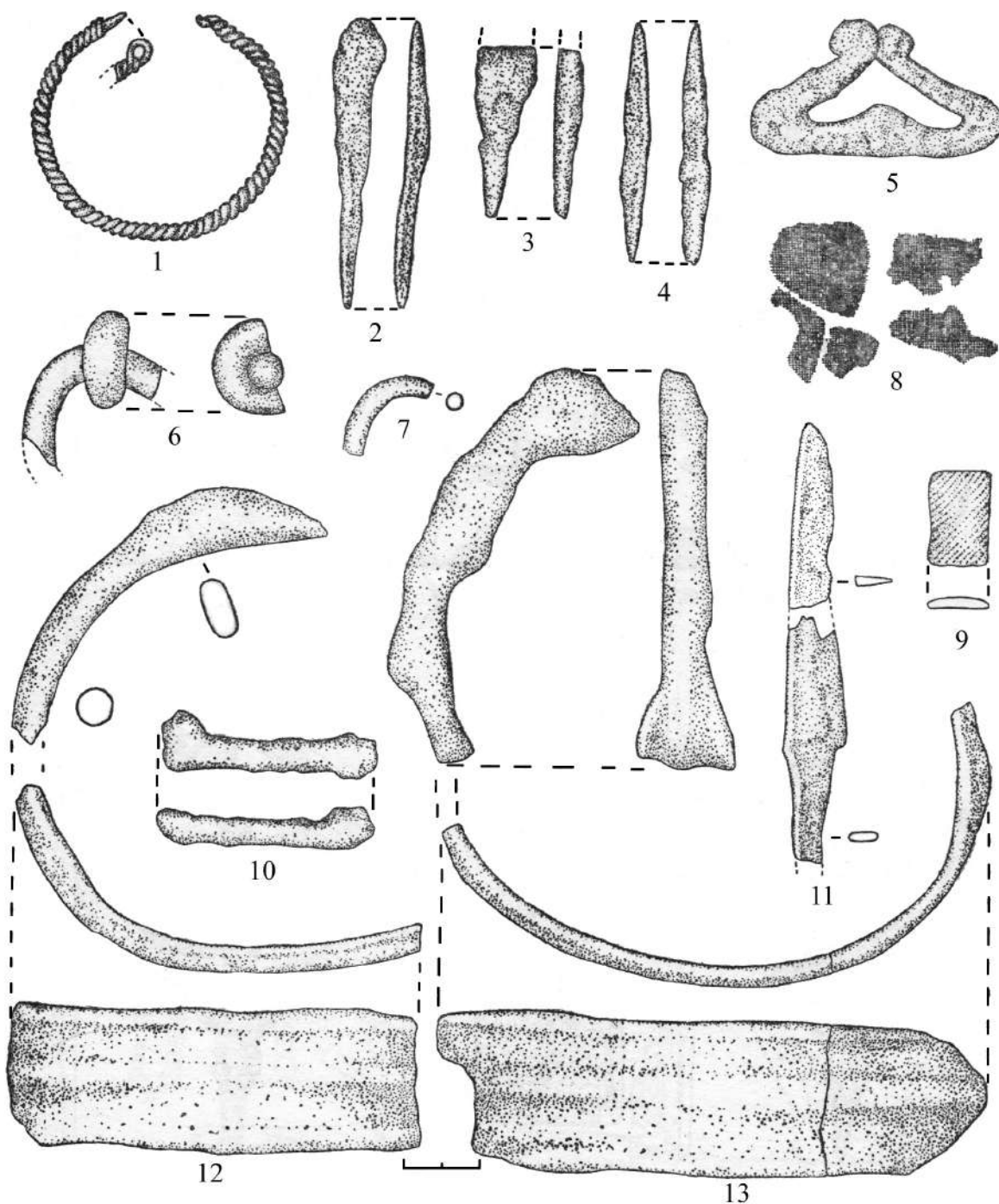
Fig. 1. Amplasarea mormintelor cu schelete de cai. 1. Mirnopol'e (=Fridensfeld); 2. Moscu; 3. Novokamenka; 4,5. Sarata; 6. Todireni; 7. Trapovka; 8. Sucleia; 9-14. Parcani; 15-20. Ploscoe; 21-25. Camenca.

depunerii calului întreg este predominant în regiunile menționate, fiind încadrate cronologic în sec. VI-X. În zona Altaiului au fost descoperite morminte cu schelete de cai ce datează din perioada scitică și cea sarmato-hunică (Овчинникова 1984, 5, Нестеров 1990, 67).

În procesul studierii practicilor funerare la turanicii din stepele nord-pontice, obiceiul depunerii de cabaline în morminte a cunoscut interpretări diferite. Inițial se considera de către unii specialiști, ca Gorodcov, că în cadrul aceluiași ritual, practica depunerii scheletului întreg a apărut mai devreme, iar depunerea doar a unor părți din acesta se datorează evoluției regresive a obiceiului din cauza sărăcirii populației (*apud* Добролюбский 1986, 16). Opinia respectivă a fost

combătută, demonstrându-se că mormintele cu schelete de cai apar mai târziu decât cele cu părți din schelet, iar faptul nu se datorează unei evoluții în cadrul unuia și aceluiași ritual, ci sunt două obiceiuri diferite. Pe această bază s-au făcut încercări de atribuire etnică a populațiilor purtătoare a celor două ritualuri distincte. Mormintele cu schelete de cai au fost considerate ca aparținând uzilor (Зяблин 1955, 83-96), iar mai târziu au fost atribuite cumanilor (Плетнёва 1958, 173; Фёдоров-Давыдов 1966, 142.145), opinie împărtășită astăzi de majoritatea specialiștilor în domeniu.

Mormintele cu schelete de cai descoperite în stepele est-europene sunt foarte diferite, G.A. Fedorov-Davydov împărțindu-le în 22 de tipuri: BXII-BXXIV,

Fig. 2. Inventarul mormântului de la Mîrnopol'e (=Fridensfeld). 1. Bară din bronz; 2-4. Vârfuri de săgeți; 5. Amnar; 6, 7. Fragmente de zăbală; 8. Țesătură aurită; 9. Placă de os; 10. Fragmente de fier; 11. Cuțit; 12, 13. Fragmente de scări de șa (după Spinei 1985).

BXXXVI; GVII-GX; EIII-EV, care se datează diferit. Potrivit acestui autor, ele apar odată cu pătrunderea cumanilor dinspre E în sec. XI și se răspândesc în întreaga stepă în perioada a doua (sec. XII) (Федоров-Давыдов 1966, 142.145). Pe parcurs, complexele cunosc unele modificări, în cea de-a treia perioadă (sfârșitul sec. XII-

începutul sec. XIII) apărând elemente noi ca rezultat al influenței ritualului funerar al pecenegilor (orientarea V-E, noi piese de inventar, modificări în arhitectura gropii sepulcrale ș.a.). Această evoluție a putut fi bine urmărită pe baza studierii complexelor turanice târzii din bazinul râului Ros, atribuite *tichiilor negre*,

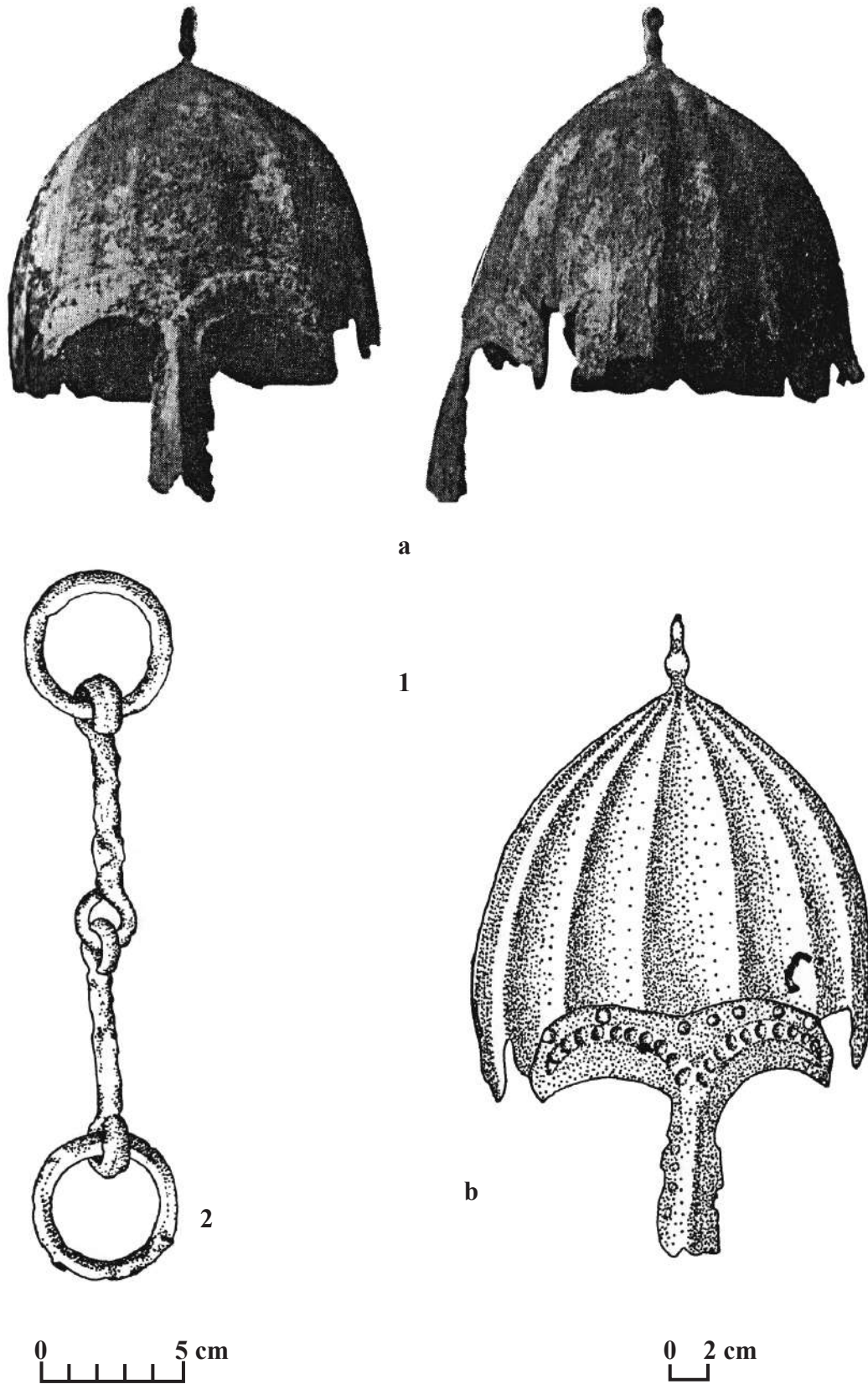
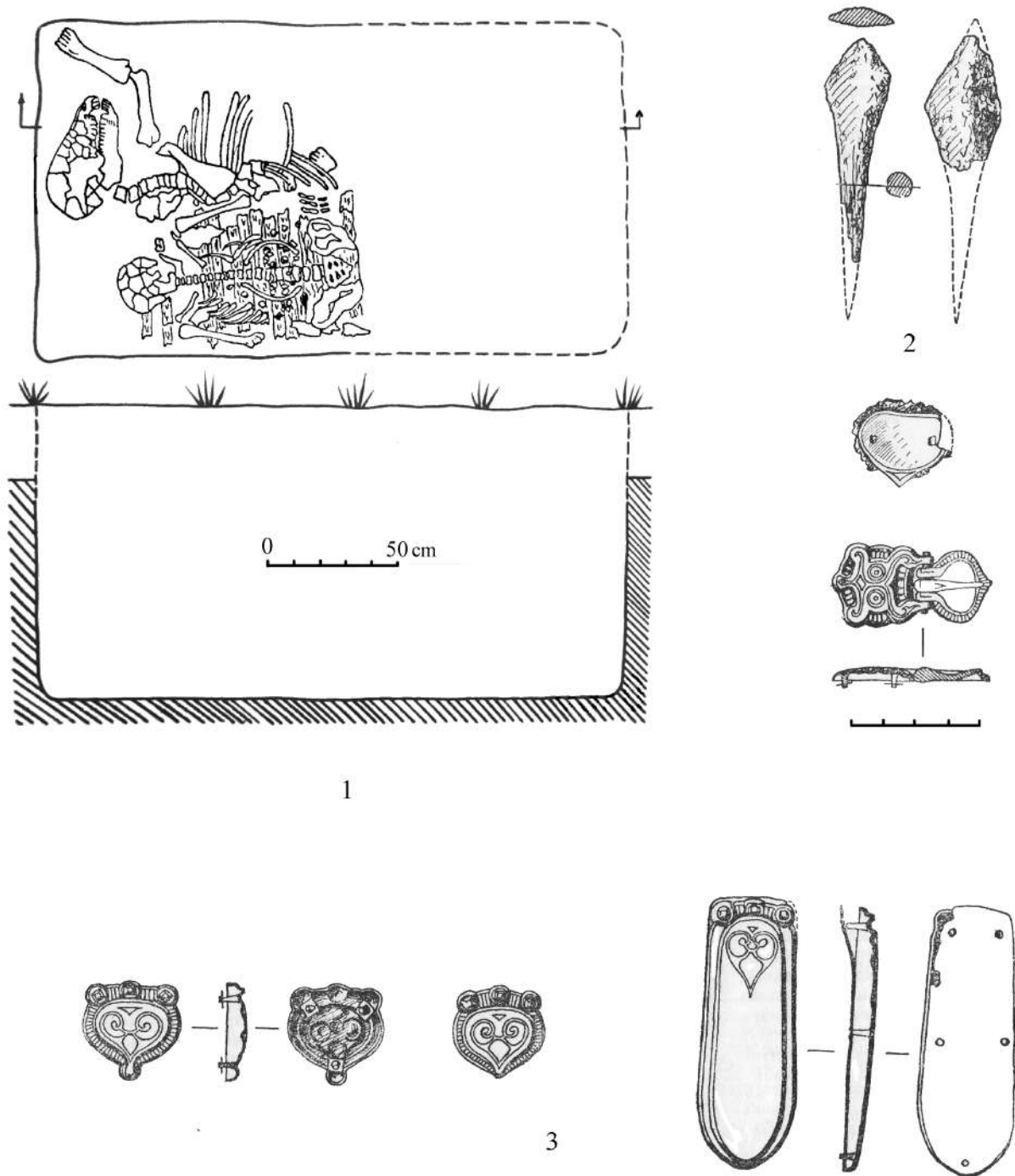

Fig. 3. Inventarul mormântului de la Moscu. 1. Coif din fier placat cu argint; 2. Zăbală din fier din două bare (după Spinei 1985).

Fig. 4. Complexul funerar de la Trapovka. 1. Scheletele și groapa mormântului; 2. Vârfuri de săgeți. 3. Componente de la garnitura de curea (după Dobroljupskij, Subbotin 1982).

unde apare scheletul întreg (caracteristic cumanilor) și orientarea vestică (atribut al pecenegilor) (Пленёва 1978, 173). Spațiul vast de răspândire și diversitatea etnică a triburilor au făcut ca unele tipuri de morminte să fie predominante în anumite zone ale stepei. În cea de-a patra perioadă (a doua jumătate a sec. XIII - sec.

XIV), tipul de mormânt caracteristic pentru regiunea râului Ros cunoaște o scădere numerică în detrimentul creșterii numărului acestora în zona Volgăi și a Nistrului, situație provocată de mișcările de populații operate de autoritățile Hoardei de Aur. Sub dominația noilor stăpâni ai stepei procesul de contopire a etniilor

și respectiv a ritualurilor funerare practicate de acestea duce la apariția a noi tipuri de morminte cu schelete de cai (Федоров-Давыдов 1966, 150-153).

Astfel, mormântul de la Mirnopol'e se încadrează în tipul BVII (după clasificarea lui Fedorov-Davydov), care este caracteristic pentru cea de-a doua perioadă (sec. XII), apărând ca rezultat al pătrunderii cumanilor spre vest, în regiunile unde morminte cu schelete de cai nu existau (Федоров-Давыдов 1966, 145). Asemenea morminte sunt cunoscute și la *tichiile negre* de pe Ros, fiind incluse de către S.A. Pletneva în a patra grupă tipologică și în prima, a doua și a treia grupă cronologică ce corespunde întregului sec. XII (Плетнёва 1978, 12-14.18.19). Zăbala dintr-o singură vergea este considerată ca fiind caracteristică pecenegilor, însă datarea acestui tip este diferită, sfârșitul sec. XI-XII (Федоров-Давыдов 1966, 20; Плетнёва 1978, 15), înainte de sfârșitul sec. XI (Spinei 1985, 122), întâlnindu-se mai rar și în așezări de agricultori din sec. X-XI, cum ar fi cea de la Simila, jud. Vaslui (Spinei 1994, 176, fig. 6.2). Scările de șa fac parte din tipul DII, care intră în uz la începutul sec. XII (Федоров-Давыдов 1966, 12.16). Amnarul aparține tipului BII, după clasificarea lui Fedorov-Davydov, fiind datat pe baza analogiilor găsite la Novgorod în sec. X-începutul sec. XII (Федоров-Давыдов 1966, 84). Acest tip este foarte răspândit, cunoscându-se un număr de peste 54 de exemplare, dintre care mai mult de șase au fost descoperite în necropolele plane. În număr mare au existat și în sec. XIII-XIV (Евлевский, Потемкина 2000, 183-184, рис. 1,1-8). Cuțitele din fier cu mânerul peduncular și lama curbată fac parte din tipul I, răspândit pe întreaga perioadă a sec. X-XIV (Федоров-Давыдов 1966, 66.85). Un număr mare de asemenea piese au fost descoperite în așezările și necropolele populațiilor sedentare (Федоров и др. 1984, 45-46). Cuțitele, de obicei, nimereau în morminte fie ca obiect personal al defunctului, fie ca piesă depusă ritual alături de ofranda alimentară, la fel cum a fost constatat și în alte medii culturale (Vornic 2006, 178). Catarama liriformă se încadrează în tipul BI, piese de acest fel fiind descoperite atât în stepa est-europeană cât și în Asia Mijlocie. La Novgorod s-au descoperit asemenea exemplare în stratul de cultură databil în sec. XI și începutul celui următor, iar în orașul hazar Serkel - în complexele din sec. X-XI (Федоров-Давыдов 1966, 44). Tipul este cunoscut și în zona râului Ros printre vestigiile arheologice ale *tichiilor negre* (Плетнёва 1978, рис. 2,6, Таб. 1.4). Potrivit lui R. Harhoiu, cataramele liriforme descoperite pe teritoriul României, Ungariei și Slovaciei ar aparține numai maghiarilor, fiind datate în sec. X (Harhoiu 1972, 417-425). De o altă părere sunt V. Spinei și I. Ioniță, care consideră că acest tip se întâlnește atât la populațiile turcice și ugro-finice,

cât și la acelea slave și baltice, datându-le în sec. X-XI (Ioniță, Spinei 1972, 309.312). Brățările din fire torsionate din bronz se găsesc în număr mare pe un areal extins la populațiile sedentare și foarte rar la migratori. În spațiul ce ne interesează brățările de bronz sunt date în sec. X-XIII (Oța 2006, 252). Analogii cunoaștem la Răducăneni (Spinei 1985, 212, fig. 40,8), Brănești (Федоров и др. 1984, 49, рис. 8, П 40,2), Alba Iulia (Horedt 1966, 52). Brățara de la Mirnopol'e se include în tipul IVb, conform clasificării lui Oța, datat cu mare probabilitate în sec. XI (Oța 2006, 262, Pl. III, 39). Vârfurile de săgeți cu un grad înalt de corodare, precum și alte piese informe, nu pot furniza prea multă informație. Verigile de aur, precum și resturile dintr-o țesătură cu fire de aur plasează mormântul în categoria celor bogate.

Materialul analizat mai sus se încadrează în linii mari în sec. X-XII, însă prezența scheletului de cal permite restrângerea datării în sec. XII, perioadă ce coincide cu începutul dominației cumane. Din punct de vedere etnic, este dificilă încercarea unei atribuiri. După cum am menționat mai sus, mormintele de acest tip au apărut în urma contactelor dintre pecenegi și uzi, pe de o parte, și cumani pe de alta.

În ceea ce privește mormântul de la Moscu, descrierea incompletă face imposibilă încadrarea lui tipologică. O parte din inventar nu s-a păstrat, recuperându-se doar coiful și zăbala. Coiful are formă sferoconică, apărătoare de nas romboidală și este placat cu argint. După părerea lui V. Spinei, coifurile de acest tip sunt mai puțin caracteristice turanicilor, ele fiind de proveniență scandinavă, lucrate de meșteri ruși și datate în sec. XII-XIII. Ținându-se cont de această datare, mormântul a fost atribuit unui cuman (Spinei 1974, 409, fig. 5,6). Într-un studiu mai recent consacrat coifurilor din perioada Hoardei de Aur, exemplarul de la Moscu este datat începând cu anii 30 ai sec. XIII, fiind atribuit de asemenea cumanilor (Горелик 2003, 27, рис. 2,2). În spațiul carpato-nistrean, se cunoaște un alt coif descoperit la Ostra, care este datat în perioada de stăpânire tătară (Spinei 1994, 237, fig. 27,3). Zăbalele din două bare cu inele mobile la capete fac parte din tipul GI după Fedorov-Davydov și au o largă răspândire atât în stepă, cât și în alte regiuni, existând pe parcursul întregii perioade a sec. X-XIV (Федоров-Давыдов 1966, 18, 20, рис. 2,1).

Mormântul de la Trapovka face parte din tipul BVIII, datat destul de larg în sec. XII-XIV, perioadă care coincide cu etapele a doua-a și a patra. Acest tip este considerat ca aparținând pecenego-uzilor, însă cu evidente influențe cumane. Una din modificări constă în plasarea în morminte a scheletului de cal, înlocuind obiceiul depunerii craniului și a extremităților picioarelor (Федоров-Давыдов 1966, 125, 142-152). În

articolul consacrat acestui mormânt (Добролюбский, Субботин 1982, 168-173), ca rezultat al analizei materialului, autorii au ajuns la concluzia că mormântul ar fi aparținut unui nomad din uniunea *tichiilor negre*. După cum se știe această comuniune era alcătuită din triburi pecenege și uze, care, sub presiunea cumanilor, la începutul sec. XII s-au deplasat în regiunea râului Ros, spre granițele statului rus, stabilind relații de vasalitate cu acesta (Плетнева 1978). Antichitățile nomazilor din zona sus menționată sunt datate în sec. XII-XIII. După ocuparea sterpelor nord-pontice de către mongoli, procesul de strămutare a populațiilor în cadrul imperiului a cuprins și regiunea bazinului râului Ros. Astfel, populații aparținând *tichiilor negre* au fost strămutate în zona Nistrului și a Volgăi (Добролюбский, Субботин 1982, 173). Ca rezultat, la cumpăna sec. XIII-XIV, în teritoriul carpto-nistrean apare un nou tip de morminte, datorită venirii *tichiilor negre* în zonă.

Ca tipologie, mormântul 2 din tumulul 2 de la Novokamenka este identic cu cel de la Trapovka, iar prin analogie poate fi datat la fel și atribuit *tichiilor negre* (Добролюбский 1982, 39).

Mormântul 18 din tumulul 4, de la Sarata este inclus greșit de către Dobroljubskij în tipul BXIII (Добролюбский 1986, 97). Autorului îi scapă unele detalii cu privire la arhitectura gropii sepulcrale și anume prezența acoperământului din piatră și poziția calului pe o treaptă și nu la același nivel cu defunctul. Aceste componente ale complexului permit încadrarea sa în tipul BIV, și sunt cunoscute încă din etapa a doua cronologică, însă predomină în cea de a treia. Mormintele de acest fel, ca și cele analizate mai sus, apar ca rezultat al pătrunderii elementelor de ritual cuman. Acest tip de morminte este des întâlnit printre antichitățile triburilor de pe cursul râului Rosi și nu excludem posibilitatea ca mormântul 18 de la Sarata să aparțină acestora.

Cel de-al doilea mormânt de la Sărata, după poziția scheletelor, face parte din tipul GVIII, încadrat în cea de-a patra etapă cronologică (a doua jumătate a sec. XIII-XIV) (Добролюбский 1986, таб. 7). Acest mormânt este singurul cunoscut deocamdată în spațiul studiat, un complex fiind semnalat și în regiunea râului Ros. Inventarul sărac (doar un cuțit), din păcate nu poate oferi informații suficiente pentru datarea acestuia. Se cunoaște că acest tip de mormânt apare din sec. XII și este caracteristic cumanilor atât prin prezența scheletului, cât și prin orientarea defunctului cu capul spre est. Așadar, am putea atribui acest mormânt unui călăreț cuman.

Descrierea sumară a mormântului de la Todireni face dificilă analiza acestuia. Prezența scheletelor de cai permite totuși datarea largă a complexului în sec.

XII-XIV, atribuirea etnică însă este practic imposibilă.

Mormintele cercetate de noi nu fac excepție de la obiceiul amplasării complexelor funerare ale nomazilor în apropierea unor bazine acvatice. Cu excepția mormântului de la Todireni, toate celelalte se află în zona de stepă și nu depășesc spre nord Valul lui Traian de Jos. Mormintele de la Moscu și Todireni reprezintă punctele cele mai vestice, cel din urmă fiind și cel mai nordic, ambele complexe au fost amplasate în apropierea Prutului sau a afluenților acestuia. Mai la vest, în Câmpia Română situația este diferită; din cele 21 de morminte cu resturi osteologice de cabalină cunoscute până în prezent, nici unul nu conținea schelete întregi de cai (Ioniță 2005, 55). O situație total diferită se constată în stânga Nistrului, doar în regiunea Tiraspol (satele Parcani, Sucleia și Velikoploskoe) și în preajma localității Camenca fiind cunoscută o concentrare de 18 morminte cu schelete de cai (Фёдоров-Давыдов 1966, 262; Плетнева 1978, 42-44). Astfel, se observă clar scăderea numerică a complexelor în regiunile extracarpatiche: 18 în stânga Nistrului, șapte în spațiul carpto-nistrean și nici unul în teritoriul dintre Dunăre și Carpați (fig. 1).

Potrivit opiniei cercetătoarei S.A. Pletneva, urmele populațiilor turanice pot fi surprinse arheologic doar în a doua etapă de migrare, caracterizată prin apariția uniunilor de triburi, stabilirea și împărțirea zonelor de pășunat, întemeierea unor așezări temporare pentru iernat în apropiere de lacurile fluviale și marine (Плетнева 1982, 36-73, 145). Astfel, cu toate că primii cumani, conform izvoarelor scrise, apar la vest de Nistru în a doua jumătate a sec. XI, vestigiile aparținând lor pot fi datate începând cu sec. XII. Dintre mormintele analizate, cel mai timpuriu, este cel de la Mirnopol'e datat în sec. XII, fiind urmat de cele de la Moscu, Trapovka, Novokamenka, mormântul A tumulul 5 de la Sarata din a doua jumătate a sec. XIII- prima jumătate a sec. XIV, iar mormântul 18 tumulul 4 de la Sarata și cel de la Todireni fiind datate mai larg în sec. XII- prima jumătate a sec. XIV. După cum vedem, majoritatea complexelor datează din perioada Hoardei de Aur și apar în această zonă ca rezultat al politicii mongolilor de strămutare a unor populații dintr-o zonă în alta. În situația dată doar un mormânt sigur (Mirnopol'e) și două incerte (Todireni și mormântul A de la Sarata) pot fi datate în perioada de dominație cumană. În zona din stânga Nistrului, dintre cele 18 morminte, 11 datează din perioada de dominație a cumanilor și șapte de după venirea tătaro-mongolilor (Добролюбский 1986, 82-103, таб. 4-7).

Stabilirea cronologiei mormintelor, din păcate, nu permite și atribuirea sigură a etniei celor înhu-

mați. Existența diferitor populații pe un teritoriu compact într-o perioadă relativ lungă a dus la o influențare reciprocă a practicilor funerare și la apariția unor obiceiuri noi, dar păstrându-se și cele vechi. Cu toate că mormintele cu schelete de cai sunt o caracteristică cumană, doar mormântul A de la Sarata poate fi atribuit acestora. Așezarea defunctului cu capul la est, însoțit de scheletul de cal permite acest lucru. Mormântul de la Mirnopol'e cu toate că datează din perioada cumană, nu poate aparține unui cuman, atât inventarul, cât și orientarea vestică a defunctului pledând pentru atribuirea acestuia pecenegilor. Complexele funerare de la Trapovka, Novokamenka și mormântul 18 de la Sarata, după cum am arătat mai sus, au fost atribuite triburilor din uniunea *tichilor negre* venite de pe Ros, acestea având un ritual distinct, deosebit de cel al pecenegilor și al cumanilor. Inventarul mormântului de la Moscu ar

permite atribuirea complexului unui călăreț cuman, însă lipsa altor informații cu referire la ritual ne face să fim mai rezervați.

În opinia noastră, situația se prezintă destul de curios. Deși au dominat politic această regiune o anumită perioadă, cumanii nu s-au impus numeric, populația alcătuită din pecenegi și uzi continuând să rămână majoritară. Acest fapt este demonstrat de descoperirile arheologice, din peste 90 de morminte cu oase de cal doar șapte au scheletele întregi, iar dintre acestea foarte puține pot fi atribuite cumanilor. Nu este exclus faptul că din totalul de complexe funerare ale turanicilor din sec. X-XIV descoperite în spațiul carpați-nistean, o parte să fi aparținut triburilor cumane, dar lipsa elementelor clare de ritual caracteristice lor, demonstrează topirea practicilor funerare ale acestora sub influența pecenego-uzilor a căror obicei funerar continua să fie mult mai viabil, existând până în sec. XIV.

Bibliografie

- Harhoiu 1972: R. Harhoiu, O catarmă în formă de liră descoperită la Târgșor. SCIV, t. 23, nr. 3, 1972, 417-425.
- Horedt 1966: K. Horedt, Die Ansiedlung von Blandiana, Rayon Orăștie, am Ausgang des ersten Jfhrhundert u. Z. Dacia N.S. 10, 1966, 261-289.
- Ioniță 2005: A. Ioniță, Spațiul dintre Carpații meridionali și Dunărea Inferioară în secolele XI-XIII (București 2005).
- Ioniță, Spinei 1972: I. Ioniță, V. Spinei, Așezarea prefeudală tîrzie de la Băiceni-Siliște. AM, VII, 1972, 307-330.
- Oța 2006: S. Oța, Câteva observații privind brățărilor executate din sârmă de bronz (secolele X-XIII). CA, XIII, 2006, 251-274.
- Petrescu-Dîmbovița 1940: M. Petrescu-Dîmbovița, Călătorie de cercetare arheologică în județul Covurlui. În: Orizonturi III, 5-9, 1940, 10-11.
- Postică 2008: Gh. Postică, Civilizația medievală timpurie din spațiul pruto-nistean (Chișinău 2008).
- Spinei 1974: V. Spinei, Antichitățile nomazilor turanici din Moldova în primul sfert al mileniului al II-lea, SCIV, t. 25, nr. 3, 1974, 389-415.
- Spinei 1985: V. Spinei, Realități etnice și politice în Moldova meridională în secolele X-XIII, românii și turanicii (Iași 1985).
- Spinei 1994: V. Spinei, Moldova în secolele XI-XIV (Chișinău 1994).
- Spinei 1996: V. Spinei, Ultimele valuri migratoare de la nordul Mării Negre și al Dunării de Jos (Iași 1996).
- Spinei 1999: V. Spinei, Marile migrații din estul și sud-estul Europei în secolele IX-XIII (Iași 1999).
- Vornic 2006: V. Vornic, Așezarea și necropola de tip Sântana de Mureș-Černjachov de la Budești (Chișinău 2006).
- Горелик 2003: М.В. Горелик, Шлемы и фальшьоны: два аспекта взаимовлияния монгольского и европейского оружейного дела. В сб.: Степи Европы в эпоху средневековья, т 3, (Донецк 2003), 231-243.
- Добролюбовский 1982: А.О. Добролюбовский, Этнический состав кочевого населения Северо-Западного Причерноморья в Золотоордынское время. В сб.: Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье (Киев 1982), 28-39.
- Добролюбовский 1986: А.О. Добролюбовский, Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья (Киев 1986).
- Добролюбовский, Дзиговский 1981: А.С. Добролюбовский, А.Н. Дзиговский, Памятники кочевников IX-XIV вв. на западе причерноморских степей. В сб.: Памятники древних культур северо-западного Причерноморья (Киев 1981), 134-145.
- Добролюбовский, Субботин 1982: А.О. Добролюбовский, Л.В. Субботин, Погребение средневекового кочевника у села Траповка. В сб.: Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье (Киев 1982), 168-173.
- Евглевский, Потемкина 2000: А.В. Евглевский, Т.М. Потемкина, Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы. В сб.: Степи Европы в эпоху средневековья, т 1 (Донецк 2000), 181-208.
- Зяблин 1967: Л.П. Зяблин, О «Татарских» курганах. СФ, N.22, История Византии, т 2 (Москва 1967).
- Нестеров 1990: С.П. Нестеров, Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья (Москва 1990).

- Овчинникова 1984: Б.Б. Овчинникова, Тюрки-тугю на Саяно-Алтайском нагорье в VI-X вв. (По материалам погребений человека с конём) Автореф. дис. канд. ист. наук (Москва 1984).
- Плетнёва 1958: С.А. Плетнёва, Печенеги, тюрки, и половцы в южно-русских степях. МИА 62, 1958, 151-125.
- Плетнёва 1967: С.А. Плетнёва, От кочевники к городам (Москва 1967).
- Плетнёва 1974: С.А. Плетнёва, Половецкие каменные изваяния. САИ, вып. Е4-2 (Москва 1974).
- Плетнёва 1975: С.А. Плетнёва, Половецкая земля. В сб.: Древнерусские княжества X – XIII вв. (Москва 1975).
- Плетнёва 1981: С.А. Плетнёва, Степи Евразии в эпоху средневековья (Москва 1981).
- Плетнёва 1982: С.А. Плетнёва, Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей (Москва 1982).
- Плетнёва 1990: С.А. Плетнёва, Половцы (Москва 1990).
- Плетнёва 2003: С.А. Плетнёва, Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV-XVIII века) (Воронеж 2003).
- Субботин и др. 1995: Л.В. Субботин, А.С. Островерхов, А.Н. Дзиговский, Курганы восточного побережья озера Сасык. В сб.: Археологические древности Буджака (Одесса 1995), 4-69.
- Федоров и др. 1984: Г.Б. Федоров, Г.Ф. Чеботаренко, М.С. Великанова, Бранештский могильник X-XI вв. (Кишинев 1984).
- Фёдоров-Давыдов 1966: Г.А. Фёдоров-Давыдов, Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов (Москва 1966).

Ion Ursu, cercetător științific stagiar, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, Academia de Științe a Moldovei, bd. Ștefan cel Mare 1, Chișinău, Republica Moldova

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE– МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEY

A SHORT REPORT ON NEW OSTEOLOGICAL AND TAFONOMICAL RECORDS FROM THE GETIC MONUMENT STOLNICENI

Roman CROITOR, Theodor ARNĂUT, Chişinău

Scurte considerații despre datele osteologice și tafonomice noi din situl getic de la Stolniceni. Prin demersul întreprins de autori s-a făcut încercarea de a pune în discuție noi vestigii osteologice descoperite în cadrul săpăturilor arheologice practicate în tumulului al III-lea de la Stolniceni. Analizele efectuate asupra acestei categorii de descoperiri fac dovada prezenței oaselor umane și ale celor de animale. Cele provenite de la scheletele umane au aparținut defuncțiilor depuși în mantaua tumulului. S-au putut distinge oasele unui infans, ale unui adolescent și ale unui matur cu vârsta cuprinsă între 35-40 ani. De asemenea materialul osteologic pune în evidență binecunoscutele specii de animale domestice de vite cornute mari și mici, de porc domestic, de cabalină și de câine. Totodată, autorii au atras o mare atenție modificărilor suportate de oase în rezultatul inhumării indivizilor.

Краткое сообщение о новых археозоологических и тафономических находках из гетского памятника у села Столничены. Osteологический материал из третьего кургана, раскопанного в гетском памятнике у Столничен включает останки ребёнка, подростка и взрослого мужчины лет 35-40. Останки людей найдены в комплексе с костями домашних животных: крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, домашняя свинья, лошадь и собака. В работе уделяется внимание модификациям костного материала в процессе ингумации.

The osteological material unearthed from the third tumulus of the Getic monument near Stolniceni Village includes remains of a child, a teenager and an adult 35-40 years old man. The human remains are found in association with bones of domestic animals: cattle, small livestock, domestic pig, horse, and dog. The paper describes the modifications of osteological material during the inhumation process.

Key words: osteological material, Stolniceni Village, Getic monument, bones, animals.

The fortified Getic monument Stolniceni is situated at the southern edge of Codru Hills Massive and represents a rich Getic monument dated back to V-III century BC (Sârbu, Arnăut 1995; Arnăut, Ursu-Naniu 2004). The present short report describes osteological material unearthed from the third tumulus of the Stolniceni settlement during the 2007 archaeological campaign carried out by the Moldova State University.

Human remains. The human remains are very fragmented and belong to three individuals of various ages. A right femur 'Stolniceni-2007-6' with unfused epiphyses and a temporal bone 'Stolniceni-2007-10' belong to a child. A left frontal bone 'Stolniceni-2007-7' with well-expressed supraorbital torus belongs to a mature man. Apparently, the obliteration of fronto-parietal suture is missing, therefore, according to chronology of cranial suture obliteration established by Vallois and Cornwall (quoted by Schmid, 1972: 74, fig.13), the age of man at the moment of death rather did not exceed 50 years.

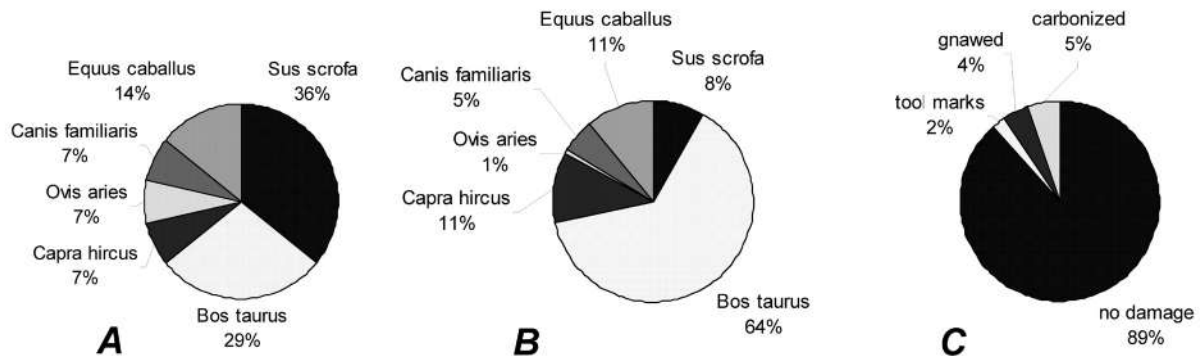
A right fragment of lower mandible 'Stolniceni-2007-12' with M_2 and M_3 belong to an adult individual. The molar crowns show an advanced degree of wear. The cusps of M_3 are worn exposing dentin. The enamel is almost completely worn out from the chewing surface of M_2 , leaving only an enamel isle in the middle. The wear stage of the second molar suggest the individual's age 35-40 years according to Gerasimov's scheme (quoted by Зубов, 1990). The height of mandible under M_2 amounts to 25.8 mm; the thickness of mandible under M_2 amounts to 10.5 mm. The medio-distal and lingvo-buccal measurements of M_2 crown amount to 10.6 and 10.4 mm respectively; the same measurements for M_3 are 11.4 and 10.1 mm.

An isolated first right lower molar M_1 'Stolniceni-2007-40' belong to a much younger individual. The cusps of molar are slightly polished and indicate the age 14 years or slightly older. The medio-distal measurement of M_1 amounts to 11.7 mm, the lingvo-buccal measurement amounts to 10.6 mm.

Animal remains. The majority of osteological material belongs to livestock (*Bos taurus*) (fig. 1). Heavily fragmented bones represent almost all parts of body (postcranial skeleton, lower mandibles, isolated upper and lower cheek teeth, fragments of maxilla, a praemaxillar bone) of three individuals. The age of youngest individual may be deduced from the initial stage of the isolated M_2 'Stolniceni-2007-43' indicating that the age of animal approximately was 2-3 years. The second individual was mature with completely developed dentition, and the third one had an advanced age with cheek molars quite worn but still functioning. Some of bones show the traces of cutting tools. The distal fragment of metacarpal bone 'Stolniceni-2007-44' has five

oblique cuttings on its plantar side. A fragment of astragalus 'Stolniceni-2007-21' is strongly carbonized. Large fragments of bones (humerus 'Stolniceni-2007-51', scapula 'Stolniceni-2007-39', ilium 'Stolniceni-2007-47') are gnawed by a medium-sized carnivore (apparently, dogs). The flatten parts of scapula and ilium show a specific pattern of damage characteristic of carnivore gnawing. The measurements of cattle remains are quoted in the table 2.

Domestic pig (*Sus domesticus*) is the second important species of the thanatocenosis (fig. 1). The postcranial remains are poorly preserved and the majority of determinable remains are represented by isolated teeth and mandible fragments. The best preserved specimen

Fig. 1. Systematical composition (A, individuals; B, bone elements) and bone modification structure (C) of the archaeozoological material from the third tumulus of Stolniceni settlement.

is a lower mandible 'Stolniceni-2007-1' lacking its posterior part, incisors, and canines (fig. 2). The numerous pits and scratches on the broken side of the mandible indicate a carnivore (dog?) activity. Four individuals are mature with fully developed dentition. The size of pig breed found in Stolniceni is comparatively small according to the size of third lower molar compared to *Sus domesticus* from the British Neolithic site Durrington Walls and Scythian archaeological monuments of Eastern Europe (fig. 3). The measurements of Stolniceni material fit perfectly to the data from monuments of Czerniahov culture. The fragment of right hemimandible 'Stolniceni-2007-2' belongs to a juvenile individual. The specimen holds a complete series of deciduous teeth with advanced degree of wearing and a fully erupted M_1 . The stage of dentition development suggests that the juvenile individual was slaughtered at 7-12 months. The length of deciduous tooth row amounts to 36.7 mm; the length of M_1 amounts to 17.6 mm; and the breadth of M_1 is 11.3 mm.

The small livestock is represented by one left lower third molar 'Stolniceni-2007-32' on the advanced wearing degree of sheep (*Ovis aries*), and a series of dental and postcranial fragments belonging to a young adult individual of goat (*Capra hircus*). Among the best preserved goat remains are the right metatarsal bone 'Stolniceni-2007-31' (length – 124.6 mm, proximal breadth – 20.8 mm, proximal depth – 21.5 mm, distal breadth – 23.0 mm, distal depth – 15.1 mm), and right calcaneus 'Stolniceni-2007-32' (maximal length – 77.6 mm, maximal antero-posterior measurement – 29.0 mm, maximal latero-medial measurement – 20.0 mm).

The remains of domestic horse (*Equus caballus*) are less numerous. The osteological remains belong to two individuals. Two isolated lower molars (M_1 and M_2) indicate a presence of a rather aged individual. The height of talus amounts to 58.5 mm, the breadth of distal articulation surface amounts to 55.0 mm; the distal breadth of tibia amounts to 74.3 mm, the distal depth of tibia amounts to 45.2 mm. Several fragments of horse re-

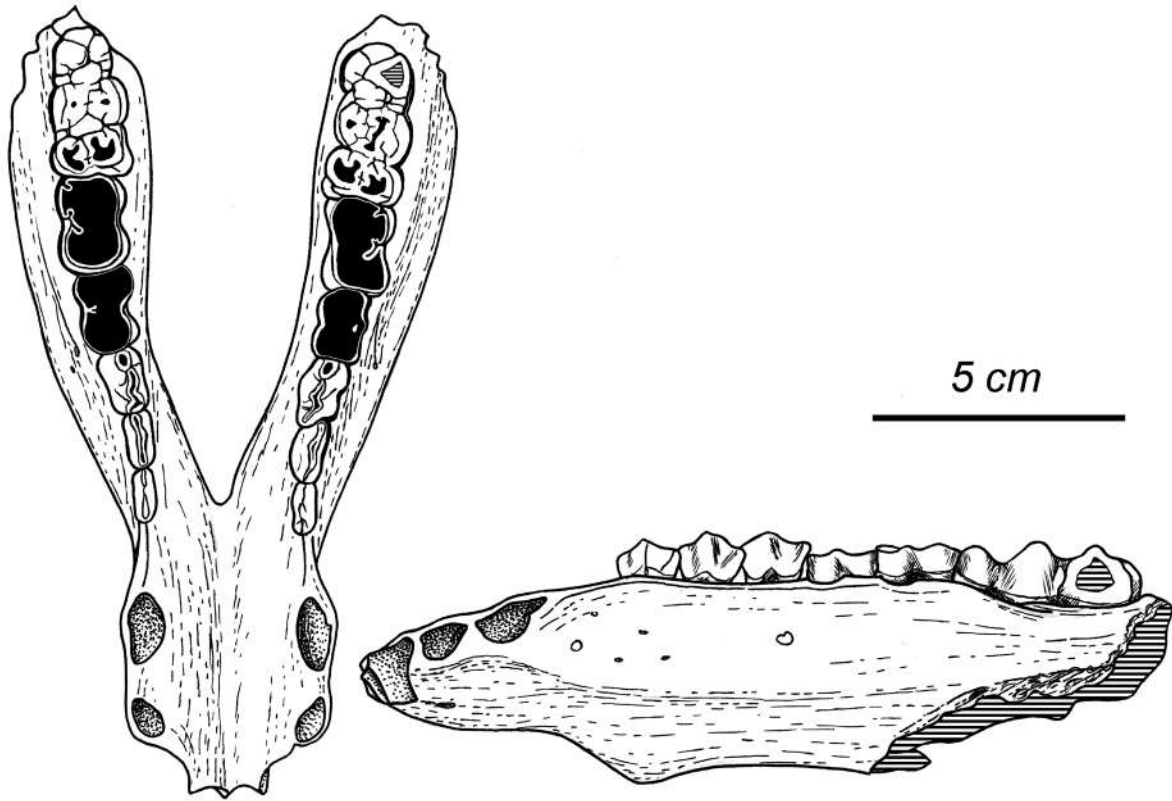

Fig. 2. Lower mandible of the domestic pig (*Sus domesticus*) from the third tumulus of Stolniceni settlement. Note the tooth marks and gnawing damages on the posterior part of the mandible.

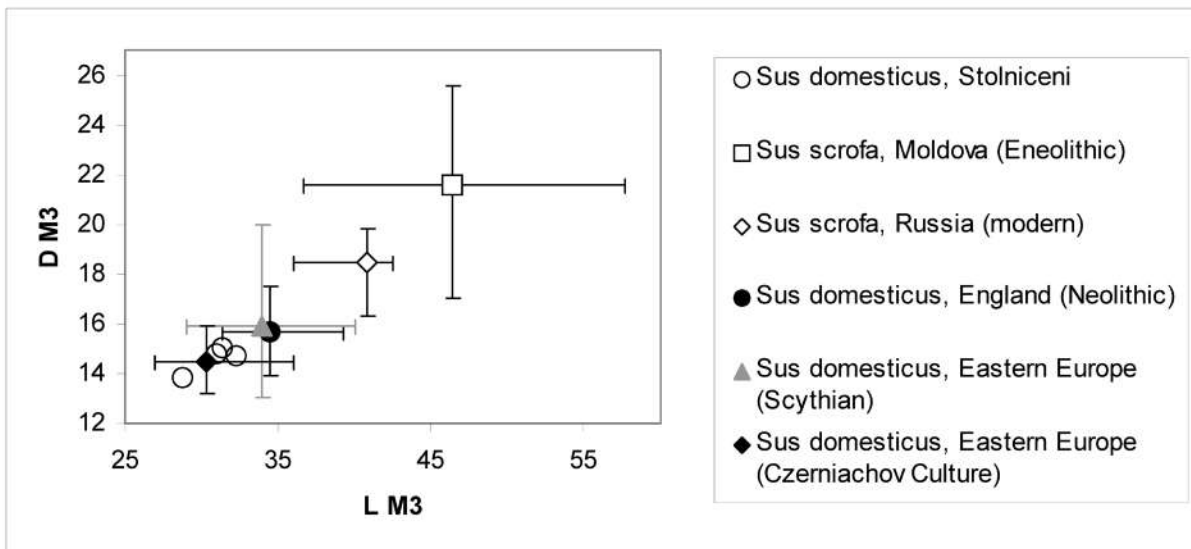

Fig. 3. Size of lower third molars (M3) of domestic pig from Stolniceni compared to wild boar and domestic stocks from various archaeological cultures. L m3, length of tooth crown; D m3, breadth of tooth crown. The data on Durrington walls material are adapted from Albarella & Payne (2005), Scythian and Czerniachov culture data are from Tzalkin (1966), data on Eneolithic wild boar are from Давид, Чемыртан (1980), and data on modern wild boar of Russia are from Titov (2000).

mains are carbonized: a temporal fragment 'Stolniceni-2007-19', a fragment of upper cheek tooth 'Stolniceni-2007-35', and a fragment of talus 'Stolniceni-2007-20'.

Few bone fragments belong to a rather small-sized dog (*Canis familiaris*). The best preserved pieces are the left hemimandible lacking teeth (distance between posterior edge of M_3 alveole and posterior edge of processus articularis amounts to 39.4 mm), and ulna 'Stolniceni-2007-52' with destroyed processus olecranius. The character of damage of the ulna suggests that the proximal part of bone was exposed on the destructive atmospheric influence.

Taphonomic observations. Tool marks, dog tooth marks, and carbonization are recorded in the osteologi-

cal material from the third tumulus of the Stolniceni settlement; however, those bone modifications are not numerous. The tool marks are found only on cattle remains and two unidentified fragments. The determined carbonized bones mostly belong to horse and perhaps are related to a specific ritual practice. The gnawed and tooth-marked bones belong mostly to cattle, goat and pig. No tooth marks are found on human, horse, and dog remains. The taphonomical situation and the systematical composition of the osteological material from the third tumulus of Stolniceni settlement is similar to the sample described in our previous work (Арнăуț et al., 2007). The complete absence of any remains of wild animals in the studied sample is noteworthy.

Table 1. Systematical composition and modification structure of the osteological material from the third tumulus of Stolniceni settlement.

Species	Individuals	Number of skeletal elements				
		No damage	Tool marks	Gnawed	Carbonized	Total number
<i>Homo sapiens</i>	3	28				28
<i>Sus domesticus</i>	5	7		4		11
<i>Bos taurus</i>	4	72	8	4	1	85
<i>Capra hircus</i>	1	13		2		15
<i>Ovis aries</i>	1	1				1
<i>Canis familiaris</i>	1	7				7
<i>Equus caballus</i>	2	11		1	3	15
Indeterminable		221	2	4	18	245
Total number	17	359	10	16	22	407

Table 2. Measurements of cattle postcranial bones from the third tumulus of Stolniceni settlement: isolated right P_4 'Stolniceni-2007-49'; right mandible fragment with P_4 and M_2 'Stolniceni-2007-45'; left isolated M_2 'Stolniceni-2007-43'; anterior part of lower mandible 'Stolniceni-2007-38'; proximal fragment of radius 'Stolniceni-2007-48'; distal fragment of metacarpus 'Stolniceni-2007-44'; distal fragment of tibia 'Stolniceni-2007-55'; proximal fragment of metatarsus 'Stolniceni-2007-46'; talus 'Stolniceni-2007-40'; calcaneus 'Stolniceni-2007-42'.

Measurement	mm	Measurement	mm
P_4 length	23.0; 20.7	Radius prox. DAP	30.1
P_4 breadth	12.2; 11.6	Metacarpus distal DLM	49.7
M_2 length	29.0	Metacarpus distal DAP	27.0
M_2 breadth	15.3	Tibia distal DLM	48.3
M_2 height	50.1	Tibia distal DAP	36.0
Diastema length (sin)	110.0	Metatarsus proximal DLM	49.1
Diastema length (dx)	92.0	Metatarsus proximal DAP	46.6
Diastema height (sin)	27.0	Talus length	58.9
Diastema height (dx)	29.1	Talus distal breadth	39.0
Symphysis length	62.3	Talus distal depth	29.2
Symphysis height	30.0	Calcaneus length	113.3
Anterior alveolae breadth	62.0	Calcaneus maximal breadth	35.0
Radius prox. DLM	56.2	Calcaneus maximal depth	47.0

Table 3. Measurements of complete lower mandible of domestic pig from the third tumulus of Stolniceni settlement.

‘Stolniceni-2007-1’	Left side	Right side
Length of P ₂ -M ₃	98.1	98.6
Length of P ₂ -P ₄	36.9	36.3
Length of M ₁ -M ₃	62.3	64.0
Length of diastema (P ₂ -C)	16.7	19.4
Height under M ₁	38.0	36.6
Thickness under M ₁	21.1	20.5
Breadth of incisive row	40.1	
Length of symphysis	60.9	
Mandible length in front of P ₂	56.4	

Table 4. Measurements of third lower molar of domestic pig from the third tumulus of Stolniceni settlement.

Specimen ID	Length, mm	Breadth, mm
‘Stolniceni-2007-1’ left	31.4	15.0
‘Stolniceni-2007-1’ right	32.2	14.7
‘Stolniceni-2007-3’ left	28.8	13.8
‘Stolniceni-2007-4’ right	31.0	14.8

Bibliography

- Albarella, Payne 2005: U. Albarella, S. Payne, Neolithic pigs from Durrington Walls, Wiltshire, England: a biometrical database. *Journal of Archaeological Science* 32, 2005, 589–599.
- Arnăuț, Ursu-Naniu 2004: T. Arnăuț, R. Ursu-Naniu, L’encenite fortifiate de Stolniceni. In: *Congresul al IX-lea Internațional de Tracologie: Tracii și lumea circumponțică (Chișinău – Vadul-lui-Vodă 2004)*, 85-87.
- Sârbu, Arnăuț 1995: V. Sârbu, T. Arnăuț, Incinta fortificată de la Stolniceni. In: *Cercetări arheologice în aria nord-tracă I (București 1995)*, 378-400.
- Schmid 1972: E. Schmid, *Atlas of Animal Bones* (Amsterdam-London-New York, 1972).
- Titov 2000: V.V. Titov, *Sus* (Suidae, Mammalia) from the Upper Pliocene of the Northeastern Part of the Azov Region. *Paleontological Journal*, 34 (2), 2000, 203-210.
- Арнэут и др., 2007: Т. Арнэут, Р. Кройтор, С. Попович, Р. Урсу-Наниу, *Остеологический материал из раскопов гетского городища Столничень (предварительные тафономические наблюдения)*. RA, vol. 3, nr. 1-2, 2007, 361-369.
- Давид, Чемиртан 1980: А. И. Давид, Г. Д. Чемиртан, *Распространение и численность дикой свиньи (Sus scropha ferus L.) в Антропогене Молдавии*. В кн.: К. Н. Негадаев-Никонов (отв. ред.), *Четвертичные и неогеновые фауны и флоры Молдавской ССР (Chișinău, 1980)*, 40-49.
- Зубов 1990: А. А. Зубов, *Зубы*. В кн.: Б. А. Никитюк, В. П. Чтецов (ред.), *Морфология человека (Moscow, 1990)*, 177-192.
- Цалкин 1966: В. И. Цалкин, *Древнее животноводство племён Восточной Европы и Средней Азии (Москва, 1966)*.

Roman Croitor, Doctor of biology, Center for Archaeology, Institute of Cultural Heritage, Academy of Sciences of Moldova, Stefan cel Mare Str. 1, MD-2001, Kishinau, Republic of Moldova; romancroitor@europe.com

Tudor Arnaut, Doctor of history, Chair of Anthropology and History of Romanians, Faculty of History, Moldavian State University, Mateevici Str. 60, MD-2012, Kishinau, Republic of Moldova.

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CĂRȚI – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Konnie L. Wescott and R. Joe Brandon (ed.), *Practical Applications of GIS for Archaeologists. A Predictive Modeling Toolkit*, Taylor&Francis, 2005, 187 pag., eBook, ISBN 0-203-26953-5.

Volumul de față este consacrat problemei utilizării tehnicilor caracteristice *Sistemelor Informatică Geografică (GIS)* în elaborarea modelelor predictive, una dintre cele mai răspândite aplicații ale acestei tehnologii în cercetarea arheologică fiind predicția localizării siturilor arheologice. Apărut în anul 2005 sub egida prestigioasei edituri Taylor&Francis, volumul cuprinde nouă lucrări, semnate de către cercetători cu nume de referință pe plan internațional în domeniul implementării GIS-ului în arheologie, în special prin adaptarea și explorarea implicațiilor teoretice și practice ale acestor sisteme în modelarea predictivă.

Primele șapte lucrări reprezintă contribuțiile autorilor la elaborarea unor modele predictive prin aplicarea acestora la diverse studii de caz, în timp ce ultimele două redau rezultatele analizei unor implicații teoretice ale utilizării GIS-ului în modelare, sugerându-se necesitatea evaluării critice a acestor modele.

În introducere, Konnie L. Wescott face o trecere în revistă a principalelor idei care se desprind din cele opt studii inserate în volum, relevând faptul că *Sistemele Informatică Geografică* oferă arheologilor o metodă de lucru, probabil cea mai importantă după introducerea datării cu C14. Totodată, autoarea ne arată faptul că aceste aplicații în arheologie au provocat de-a lungul timpului controverse de natură teoretică și metodologică și continuă să prezinte un mare interes, mai ales acum, când prelucrarea computerizată a datelor a devenit accesibilă unui număr mare de utilizatori.

Lucrarea *A Predictive Model of Archaeological Site Location in the Eastern Prairie Peninsula*, semnată de Robert E. Warren și David L. Asch, deschide seria studiilor privind modelarea predictivă. Autorii, după o scurtă introducere în această problematică, ne prezintă metodele folosite și rezultatele obținute în cercetările lor întreprinse în regiunea Montgomery, situată în partea centrală a statului Illinois. Ei arată că modelul elaborat se bazează pe o analiză de regresie logică a datelor obținute ca rezultat al utilizării măsurătorilor calitative și cantitative ale componentelor mediului natural ca variabile independente, obținând astfel o acuratețe a modelului de circa 70-73%.

Richard B. Duncan și Kristen A. Beckman, în lucrarea intitulată *The Application of GIS Predictive Site*

Location Model within Pennsylvania and West Virginia, prezintă rezultatele utilizării tehnicilor GIS pentru elaborarea unui model care estimează probabilitatea existenței unor vestigii arheologice sau a unor situri din patru areale din Pennsylvania și West Virginia. Observăm faptul că modelul lor, oarecum asemănător celui prezentat mai sus de Robert E. Warren și David L. Asch, prin folosirea acestuia în domeniul managementului resurselor culturale, capătă o nouă dimensiune. Autorii introduc în discuție sintagma „factor de perturbare” care ia în considerare prezervarea sitului, dincolo de prezența sau absența acestuia. Ei evidențiază și neajunsurile modelului elaborat, subliniind faptul că anumiți factori nu pot fi introduși în modelare (de exemplu, factorii socio-politici); astfel, chiar dacă rezultatele indică un areal care are o mare „atractivitate” pentru locuire, aceasta nu înseamnă neapărat faptul că probabilitatea descoperirii unui sit în acel areal este de 100%.

Konnie L. Wescott și James A. Kuiper își concentrează, de asemenea, atenția asupra cercetărilor în domeniul gestionării resurselor culturale. În studiul lor, *Using a GIS to Model Prehistoric Site Distributions in the Upper Chesapeake Bay*, ei analizează, în mod special, susceptibilitatea siturilor de a fi afectate de o anumită acțiune și, mai puțin, probabilitatea existenței acestora. Autorii dezvoltă un model de predicție care atrage atenția asupra frecvențelor de combinații unice ale variabilelor într-o zonă puțin cercetată și în care ar fi dificilă o investigație fără implicarea unor costuri și riscuri suplimentare. Potrivit autorilor, modelul lor are la bază datele obținute dintr-o zonă geografică mai mare, fără a urmări în mod special localizarea siturilor, fiind astfel diferit de modelul de regresie elaborat de autorii textelor anterioare.

Lucrarea lui Luke Dalla Bona, *Protecting Cultural Resources through Forest Management Planning in Ontario Using Archaeological Predictive Modeling*, este ultima din seria celor care tratează, în paginile acestui volum, anumite aspecte privind modelarea predictivă. Autorul abordează aceeași temă, cea a managementului resurselor, folosind ca studiu de caz zona forestieră din Ontario, Canada, zonă care cuprinde 45 de milioane de hectare. Acesta prezintă în detaliu o serie de modele de predicție a localizării siturilor ar-

heologice, modele care trebuie luate în considerare în viitoarele planuri de amenajare ale pădurilor.

În următoarele două lucrări, *Considerations of Scale in Modeling Settlement Patterns Using GIS: An Iroquois Example* de Kathleen M. Sydoriak Allen și *Construction of Digital Elevation Models for Archaeological Applications* de Jon B. Hageman și David A. Bennett, sunt abordate două aspecte importante care trebuie avute în vedere la elaborarea unui model de predicție și anume, problema scării de analiză și reprezentare a datelor și alegerea unui model digital al elevațiilor (*DEM*) adecvat scopului cercetării.

Kathleen M. Sydoriak Allen compară din punct de vedere al scării de analiză și a rezoluției datelor, mai multe studii realizate în regiunea estică a Marilor Lacuri din America de Nord. Autoarea consideră că utilizarea datelor la cea mai detaliată scară posibilă, oferă cea mai mare flexibilitate în investigarea problemelor care apar la diferite nivele ale analizei.

Jon B. Hageman și David A. Bennett pun în discuție un alt aspect important, și anume, problema interpolării datelor, care devine din ce în ce mai frecventă și în arheologie datorită reprezentării și manipulării datelor topografice. Potrivit autorilor, utilizarea neavizată a algoritmilor de interpolare poate duce la reprezentări ne-realiste a spațiului sau la elaborarea unui model digital al elevațiilor eronat, ceea ce determină obținerea unui model predictiv ineficient. Ei descriu patru metode de interpolare și prezintă un studiu de caz, în care arată cum poate fi elaborat un model al elevațiilor adecvat pentru teritoriul studiat.

Ultimele două studii se referă la unele dintre implicațiile teoretice ale *GIS*-ului și modelelor predictive în cercetarea arheologică. Autorii lasă să se înțeleagă nevoia de a fi abordate în mod critic aceste tehnici. Astfel, James I. Ebert în studiul său, *The State of the Art in „Inductive” Predictive Modeling: Seven Big*

Mistakes (and Lots of Smaller Ones), remarcă faptul că modelele predictive analizează „trecutul” folosind date contemporane. El afirmă că modelarea predictivă nu poate constitui o tehnică efectivă până nu sunt stabilite cauzele care „au condus” populațiile preistorice în anumite perioade spre anumite locuri, fapt ce necesită o gândire mult mai complexă. Autorul atrage atenția asupra greșelilor, pe care le consideră comune arheologilor care se ocupă de modelarea predictivă „inductivă”. James I. Ebert ajunge la concluzia, potrivit căreia acest tip de modelare, folosit pe larg în ultima vreme, constă îndeosebi în determinarea unor corelații între localizarea siturilor arheologice și anumite variabile ale mediului înconjurător, extrase de pe hărți, fără a fi luate în considerare teoriile sau explicațiile antropologice.

Volumul se încheie cu lucrarea *GIS Applications in Archaeology: Method in Search of Theory*, în care Tim Church, R. Joe Brandon și Galen R. Burgett arată faptul că arheologii, înainte de a aborda tehnicile *GIS*, trebuie să stabilească cu multă atenție care este scopul final al cercetării lor. Astfel, dacă scopul lor este doar modelarea automată și analiza statistică a datelor, atunci aceste tehnici se pot dovedi foarte utile sau, dimpotrivă, în cazul în care își propun să elaboreze ipoteze testabile care să le servească la dezvoltarea unor teorii convingătoare, arheologii trebuie să abordeze și alte aspecte caracteristice altor discipline pentru a avea o perspectivă mult mai cuprinzătoare asupra spațiului.

În concluzie, volumul reprezintă o importantă contribuție la ilustrarea avantajelor utilizării tehnicilor specifice *Sistemelor Informatice Geografice (GIS)* în cercetarea arheologică, precum și anumite limite ale acestor tehnici din punctul de vedere al perspectivei teoretice, fiind, astfel, foarte util arheologilor, în special, aceluia care își propun să abordeze modelarea predictivă ca metodă de cercetare.

Radu PÎRNĂU (Iași)

Antichitatea târzie în bazinul Prutului: catalog, coordonat de Ion Ioniță, Mircea Mamalaucă și Vlad Vornic, Bârlad, Editura Sfera, 2009, XX+131 p., ISBN 978-606-8056-50-0.

Catalogul de față reprezintă o finalizare reușită a proiectului transfrontalier *Antichitatea târzie în bazinul Prutului*, inițiat de către Muzeul „Vasile Pârvan” din Bârlad în cadrul Programului Phare, prin străduința meritorie a domnului director Mircea Mamalaucă, secundat cu multă dăruire de doamna Eugenia Popușoi, și realizat în colaborare cu recunoscuți cercetători și muzeografi de la importante instituții muzeale și de cercetare din România și Republica Moldova, precum Ion Ioniță (Institutul de Arheologie Iași), Eugen Sava și Valeriu Bubulici (Muzeul de Arheologie și Istorie a Moldovei din Chișinău), Vlad Vornic și Larisa Ciobanu (Institutul Patrimoniului Cultural din Chișinău), Octavian Liviu Șovan și Maria Diaconescu (Muzeul Județean Botoșani), precum și Cotinel Munteanu, Stela Țau, Mircea Nicu și Paul Ciubotaru (Muzeul Mixt Tecuci).

Elaborarea și publicarea catalogului, consacrat istoriei antichității târzii din bazinul râului Prut, a fost precedată de numeroase activități comune, cum ar fi sesiunea de comunicări desfășurată la muzeul bârlădean și campania de săpături arheologice în necropola din punctul *Izlaz* (s. Polocin, com. Pogonești, jud. Vaslui), datată în secolul IV d.Hr., la care au participat arheologi din România și Republica Moldova, precum și expoziția itinerantă, în cadrul căreia au fost prezentate vestigii arheologice păstrate în colecțiile muzeelor din Bârlad, Botoșani, Chișinău și Tecuci.

Din rândurile *Argumentului* (cu o variantă și în limba engleză), semnat de Mircea Mamalaucă, aflăm că atenția echipei de cercetare a fost îndreptată, în general, asupra perioadei secolelor II-V d.Hr., epocă istorică, în care „pe o mare arie teritorială, în speță zona Europei mediteraneene, au loc prefaceri profunde generate, pe de o parte, de puternica criză economică, socială, politică și, nu în ultimul rând, morală care a lovit Imperiul Roman, criză care va aduce acest imperiu în pragul prăbușirii, iar pe de altă parte de populații venite din diverse părți ale Europei și Asiei, mișcări care vor amplifica criza imperiului”. În continuare se arată faptul că membrii echipei de cercetare s-au rezumat, în special, la reconstituirea realităților din „spațiul extra-roman, îndeosebi răsăritean al Europei”, acordând „o atenție și un rol aparte manifestărilor cultural-religioase generate de prefacerile din sânul comunităților” din bazinul râului Prut (p. VII). În acest sens, sunt prezentate „elementele

care ilustrează civilizația dacilor liberi din zonă, dar și pătrunderea elementelor sarmatice pe parcursul secolului II d.Hr.”, continuând cu vestigiile culturii materiale și spirituale a locuitorilor din zona bazinului Prutului în secolul IV d.Hr. și începutul celui următor.

Sub titlul *Antichitatea târzie în bazinul Prutului. Un proiect transfrontalier*, profesorul Ion Ioniță ne dezvăluie importanța conceperii și beneficiile realizării unui asemenea proiect pentru îmbunătățirea colaborării dintre cercetătorii aflați de o parte și de cealaltă a frontierei Uniunii Europene, dar cu preocupări comune orientate spre valorificarea și popularizarea vestigiilor arheologice aparținând populațiilor din teritoriile din dreapta și din stânga râului Prut, dacii liberi și sarmații, populații peste care la sfârșitul secolului III și la începutul celui următor s-au așezat goții. Totodată, Domnia Sa ne arată faptul că o parte din descoperirile făcute în bazinul Prutului (Bârlad - Valea Seacă, Mihălășeni, Dănceni) au „o valoare istorică de excepție pentru cunoașterea și înțelegerea proceselor demografice din vremea migrației goților pe o mare parte a Europei” (p. XIII).

În paginile *Catalogului descoperirilor* sunt prezentate 670 de obiecte, multe inedite, recuperate fie prin săpături de salvare, fie prin săpături arheologice sistematice, din cuprinsul a 36 de așezări și necropole de pe ambele maluri ale Prutului, acestea fiind ilustrate în cele trei părți ale catalogului în funcție de apartenența lor etno-culturală. Prezentarea obiectelor în cadrul complexelor este precedată de fișele care cuprind date utile privind anul și contextul descoperirii sitului arheologic, autorul săpăturilor, cronologia sitului și locul de păstrare a pieselor recuperate. Fiecare obiect inserat în catalog este însoțit de o descriere succintă, numărul de inventar și bibliografie.

Prima parte a catalogului, *Descoperiri aparținând dacilor liberi* (poziția 1-17), cuprinde vestigii arheologice recuperate din județul Vaslui, care ne-au fost prezentate de Mircea Mamalaucă, cum ar fi vasele de lut și fibula de fier „cu picior înfășurat și spirala resortului dintr-o singură bucată” descoperită la Siliștea (com. Iana), așezare datată în secolul III d.Hr., și cele recoltate din mormintele de incinerare de la Bârlad – Prodana, precum brățara de bronz „cu capete înfășurate”, fibulele de bronz de tipul celor „cu piciorul înfășurat, spirala resortului destul de lungă și armată

la capete cu butoni” sau cea „de formă circulară, cu capetele teșite și spinul din sârmă de bronz” (p. 1-3).

Descrierea pieselor din stânga Prutului se datorează colegului Vlad Vornic, care scoate în evidență dintre vestigiile aparținând dacilor liberi câteva vase de lut (castron, cană, amforă etc.) descoperite în așezarea datată în secolele II-III d.Hr., situată în punctul *Sub Dealul Babei*, la marginea de sud-est a satului Pruteni (r. Fălești). Aici au fost dezvelite, ca rezultat al săpăturilor arheologice din anii 2001, 2003 și 2008, patru cuptoare de olărie cu reverberație și alte complexe cu destinație diferită.

Cea de-a doua parte a catalogului, *Descoperiri sarmatice* (poziția 18-34), începe cu prezentarea obiectelor găsite în „mormântul tumular sarmatic de tip catacombă” de la Cazaclia (r. Taraclia) și cele din mormântul de la Olănești (r. Ștefan Vodă). Dintre acestea, au fost selectate pentru catalog, ca fiind cele mai reprezentative, câteva piese, cum ar fi un pumnal de fier „cu două tășuri, gardă dreaptă și inel la capătul mânerului”; două fălere discoidale de fier, un castron de bronz de formă emisferică cu o „inscripție latină realizată cu poansonul”; o amforă romană „din pastă maronie-alburie”, un vas de lut care reprezintă un „berbec în poziție șezândă pe un soclu prismatic”, un polonic-strecurătoare, o cană și un castron, toate de bronz.

În continuare, Mircea Mamalaucă și Eugenia Popușoi se ocupă de descoperirile sarmatice din zona Bârladului. Ei ne prezintă vestigiile atribuite sarmaților descoperite în complexele funerare de la Unțești (com. Bogdănești), Ciocani (com. Perieni), Pogana, Peicani (com. Găgești), Băcani. Dintre acestea se remarcă diferitele tipuri de vase de lut și, mai ales, fibula de bronz „cu piciorul terminat printr-un buton” datată în secolul III d.Hr., descoperită cu prilejul unor lucrări de construcție în zona sudică a orașului Bârlad.

Partea a treia a catalogului, *Descoperiri aparținând culturii Sântana de Mureș – Černjachov* (nr. 35-670), este cea mai consistentă, aici fiind prezentate 636 de obiecte descoperite în douăzeci și cinci de așezări și necropole din dreapta și din stânga Prutului, vestigii care ilustrează viața economică, politică, culturală și spirituală a locuitorilor din acest spațiu. Astfel, obiectele găsite în cele 338 de morminte de la Dănceni (r. Ialoveni), pe malul drept al Ișnovățului, cum ar fi vasele de lut și sticlă, fibulele și pandantivele de diferite tipuri, colierele, verigile de tâmplă, inelele, cataramele, piepteni, fusaiolele ș.a. (pozițiile 35-78), ne ajută să înțelegem mai bine atât obiceiurile funerare ale comunităților din această zonă, cât și unele aspecte ale vieții cotidiene, nivelul de trai, preferințele locu-

itorilor în materie de accesorii vestimentare, obiecte de toaletă și poboabă etc. Dintre piesele provenite din tezaurul de la Grușevica (reg. Cernăuți), așezare situată în valea Nistrului Mijlociu, sunt înfățișate în paginile catalogului următoarele: moneda de aur din vremea împăratului Aurelian, perforată, cu verigă de suspensie, utilizată ca pandantiv (poziția 79); un alt pandantiv de aur în formă de căldărușă, decorată cu granule (poziția 80) și un al treilea pandantiv din aur, semilunar, cu ornament în tehnica filigranului (poziția 81). De asemenea, Vlad Vornic ne prezintă o serie de descoperiri dintre cele mai reprezentative (vase de lut și de sticlă, monede de argint, fibule, catarama, piepteni, mărgelă, pandantive, fusaiole, ace, cuțite și alte unelte de uz casnic), găsite în așezarea și necropola de la Budești (mun. Chișinău) cu 370 de morminte cercetate (pozițiile 477-515), pe acelea din necropolele de la Brăviceni (r. Orhei) cu 181 de morminte (pozițiile 450-463) și Slobozia-Chișcăreni (r. Sângerei) (pozițiile 464-476), unde au fost dezvelite 45 de morminte de înhumăție. Între alte vestigii importante descoperite în spațiul de la est de Prut, amintim o fibulă de argint „cu elemente de aur de tip *monströse*”, găsită în anul 1976 la Hansca (r. Ialoveni), așezare de pe malul unui afluent al râului Botna; recipientele din lut, foarfecele și penseta de bronz, pieptenele de os ș.a. găsite în mormintele necropolei birituale de la Mălăiești (r. Rîșcani); fibulele din așezarea de la Delacău (r. Anenii Noi); accesorii descoperite în necropola de la Cealnic (r. Taraclia), diferitele tipuri de vase de lut și sticlă din așezările de la Ecaterinovca (r. Cimișlia), Pașcani (r. Criuleni?), Petrești (r. Ungheni), Bursuceni (r. Sîngerei) și Ciocîlteni (r. Orhei); fibulele dintr-un mormânt de la Nicolaevca (r. Florești) ș.a.

Între cele mai importante descoperiri din spațiul de la vest de Prut aparținând culturii Sântana de Mureș – Černjachov, care își au un loc important în acest catalog, menționăm aici pe acelea de la Mihălășeni (jud. Botoșani), Bârlad – Valea Seacă, Polocin (jud. Vaslui), Barcea (jud. Galați) ș.a. Astfel, Maria Diaconescu, alături de cunoscutul arheolog Octavian Liviu Șovan, autorul amplelor săpături arheologice din așezarea și necropola de la Mihălășeni, ne prezintă circa 120 de piese (pozițiile 83-204), provenite din cele 520 de morminte cercetate în anii 1983-1988, precum obiecte de uz casnic, recipiente de lut și sticlă, arme, accesorii vestimentare, obiecte de toaletă și de podoabă, amulete ș.a.

Un loc aparte în catalogul expoziției îl ocupă vestigiile provenite din așezarea de la Bârlad – Valea Seacă, unde a fost identificat un adevărat centru de producție cu 32 de ateliere pentru prelucrarea osului și a cornului

de cerb, destinate confecționării mai ales a pieptenilor. Totodată, parte din inventarul foarte bogat și variat (accesorii vestimentare, obiecte de toaletă și de podoabă, numeroase recipiente de lut) recuperat din cele 547 de morminte din necropola așezării de la Bârlad – Valea Seacă se regăsește în paginile catalogului (pozițiile 246-379), piesele fiind prezentate de Mircea Mama-laucă și Eugenia Popușoi. Aceiași distinși autori semnează și descrierea obiectelor provenite din necropola descoperită în vatra satului Bogdănești (jud. Vaslui). În cele 150 de morminte cercetate prin săpături de Vasile Palade în anii 1967-1972 au fost găsite numeroase recipiente de lut și sticlă, fusaiole, piepteni, coliere, fibule, cataramă, medalioane de argint ș.a. (pozițiile 205-220). De asemenea, ne atrage atenția și descoperirile din necropola birituală de la Polocin (jud. Vaslui) (pozițiile 382-449). În cele 76 de morminte, dezvelite de-a lungul a cinci campanii arheologice, coordonate de către Mircea Mamalaucă, au fost descoperite mai multe fibule, cataramă, amulete, mărgelă, piepteni, numeroase recipiente de lut și sticlă, fusaiole ș.a.

Descrierea importantelor vestigii descoperite la Valea Mărului, Tecuci, dar, mai ales, a obiectelor

găsite în cele 167 de morminte din necropola birituală de la Barcea (jud. Galați) aparține echipei formate din Stela Țau, Mircea Nicu și Paul Ciubotaru, care ne prezintă o parte din bogatul inventar, însumând un număr de peste 1000 de piese, între care vase de lut și sticlă, obiecte de podoabă, accesorii vestimentare, arme ș.a.

Se cuvine să menționăm faptul că o parte dintre vestigiile prezentate între copertile catalogului sunt amplasate în afara bazinului râului Prut, cum ar fi cele descoperite la Cazaclia, Dănceni, Delacău, Budești ș.a.; alăturarea lor însă nu face decât să îmbogățească mozaicul de date referitoare la istoria comunităților din bazinul Prutului, contribuind la întregirea cu succes a tabloului culturii materiale și spirituale a populației din spațiul de la est de Carpați în perioada secolelor II-V d.Hr.

În concluzie, catalogul de expoziție constituie un instrument de lucru temeinic și binevenit pentru cercetătorii preocupați de epoca Antichității târzii, dar și o sursă utilă de cunoaștere pentru publicul larg din România și Republica Moldova.

Ludmila BACUMENCO-PÎRNĂU (*Chișinău*)

Т.А. Щербакова, Е.Ф. Таши, Н.П. Тельнов, *Кочевнические древности Нижнего Поднепровья (по материалам раскопок кургана у г. Слободзея)* [Antichități nomade de pe Nistrul Inferior (pe baza materialelor din tumulul de lângă or. Slobozia)] Biblioteca de arheologie IV, Chișinău, 2008, 138 p., ISBN 978-9975-66-105-8

În anul 2008, sub egida Centrului de Arheologie din cadrul Institutului Patrimoniului Cultural al AȘM, în seria „Biblioteca Arheologică”, a apărut, sub numărul IV, o nouă lucrare - *Кочевнические древности Нижнего Поднепровья (по материалам раскопок кургана у г. Слободзея)*. Studiul este realizat de către o echipă de arheologi din Republica Moldova: T.A. Ščerbakova, E.F. Tašči și N.P. Telnov, și cuprinde rezultatele investigațiilor arheologice din cadrul unui tumul aflat pe malul stâng al cursului inferior al Nistrului, din preajma orașului Slobozia.

Lucrarea cuprinde cinci capitole, care, pornind de la istoricul cercetărilor, prezintă în ordine cronologică descoperirile arheologice din tumulul de la Slobozia. Totodată, studiul este însoțit de o introducere, încheiere, bibliografie, câte un scurt rezumat în română și engleză, 23 de planșe și 3 tabele.

În introducere autorii menționează condițiile geografice prielnice pentru modul de viață nomad ce au facilitat așezarea în lunca Nistrului a diverselor grupuri de nomazi din eneolitic și până în epoca medievală târzie. Printre vestigiile arheologice din această regiune se înscrie și tumulul de lângă Slobozia cercetat în anul 1994, care s-a dovedit a fi alcătuit din câteva orizonturi cultural-cronologice depuse succesiv: eneolitic, epoca bronzului și evul mediu timpuriu. Autorii din start apreciază cronologia ultimului și celui mai numeros grup de descoperiri ca fiind parte a grupului cultural balcano-dunărean, variantă a culturii Saltovo-Majack, și datat la finele sec. VIII – începutul sec. IX (p. 4-5). Fără îndoială, complexul este o descoperire destul de importantă pentru cunoașterea trecutului regiunilor cuprinse între hotarele Chazariei și hanatului bulgar, însă încadrarea acestuia în arealul culturii balcano-dunărene rămâne a fi discutabilă, cu atât mai mult cu cât și autorii confirmă că este încă dificil de evidențiat particularitățile acestei culturi în regiunile cercetate (p. 5).

Primul capitol al lucrării este dedicat istoricului cercetării vestigiilor tumulare de pe malul stâng al Nistrului de Jos. Astfel, autorii trec în revistă cele mai cunoscute investigații arheologice din regiune începând cu sfârșitul sec. XVIII și ajungând până la finele sec. XX, dar fără a dezbate subiecte legate de valorificarea descoperirilor, interpretarea lor istorică și culturală.

Capitolul II este unul descriptiv, deoarece prezintă datele generale ale vestigiilor din tumulul de la Slobozia (p. 13-46), combinând în partea întâi descrierea condițiilor geoclimaterice și topografice ale locului descoperirii cu informația privind semnalarea de către localnici a unor vestigii arheologice încă din sec. XIX. În partea a doua a capitolului autorii descriu detaliile celor 43 de înmormântări și inventarul acestora. În partea finală a capitolului, într-o formă succintă, se prezintă stratigrafia și cronologia relativă a descoperirilor, fiind evidențiate cele trei perioade cronologice: eneolitic, epoca bronzului și evul mediu timpuriu. Din epoca bronzului s-au atestat vestigiile ce fac parte din două complexe culturale: Jamnaja (mormintele 21, 25, 26, 43) și ceramicii ornamentate cu mai multe brăie (mormintele 6, 11, 22, 32, 33, 34, 42). Din totalul de 43 de complexe funerare, 26 sunt din perioada evului mediu timpuriu, iar cinci nu au putut fi încadrate cronologic și cultural din cauza stării proaste de conservare și/sau a lipsei inventarului.

Capitolul III al lucrării este dedicat analizei cultural-cronologice a grupului de înmormântări din preistorie (p. 47-52). Mormântul nr. 28, deși a fost deranjat, este încadrat de către autori, pe baza analogiilor pieselor de inventar, în epoca eneolitică. Din cauza inventarului modest, autorii au prezentat într-o formă rezumativă descoperirile încadrate în culturile Jamnaja și a ceramicii ornamentate cu mai multe brăie (p. 51-52).

Capitolul IV este consacrat descoperirilor funerare medievale timpurii (p. 53-76). Din cele 26 de înmormântări medievale timpurii în 15 cazuri, din cauza structurii solului, nu a fost posibil de evidențiat urmele construcțiilor funerare, iar două constituie cenotafe. Din 24 de înmormântări, 23 sunt orientate spre vest și doar una spre sud, cu unele devieri sezoniere, situație caracteristică pentru populațiile nomade din stepele de nord ale Mării Negre. Partea a doua a capitolului IV este dedicată analizei și încadrării tipologice a inventarului funerar descoperit în 14 din cele 26 de morminte medievale timpurii. Astfel, din această categorie de descoperiri fac parte cercei, mărgelile de sticlă, o brățară de bronz, o amuletă din os, un astragal, vârfuri de săgeți, fragmente de arc, o cataramă și o garnitură de curea, o zăbală, scărițe de șa, cuțițe, amnare și cera-

mică. Majoritatea obiectelor descoperite în inventarul mormintelor sunt caracteristice comunităților nomade și pe baza analogiilor au fost încadrate în perioada cuprinsă între a doua jumătate a sec. VIII – mijlocul sec. IX. Autorii atrag atenția la faptul că o bună parte din morminte (21) au fost deranjate încă în evul mediu timpuriu, ceea ce îi face să presupună că fenomenul a făcut parte din ritualul funerar (p. 71). Din punct de vedere cultural și etnic, autorii atribuie descoperirile din tumulul de la Slobozia unei variante a culturii bulgare, parte componentă a arealului Saltovo-Majack.

Ultimul capitol al lucrării este dedicat aprecierilor istorice ale realităților arheologice din zona Nistrului Inferior de la finele sec. VIII – prima jumătate a sec. IX. Deși autorii remarcă modestia surselor scrise referitoare la sec. VIII-IX, ei încearcă să treacă în revistă principalele mențiuni ale autorilor bizantini, arabi și europeni, concluzionând că nici una din acestea nu se referă direct la situația din regiunile carpato-dunărene din sec. VIII-IX. Afirmăția autorilor, precum că sursele numismatice, care determină căile și direcțiile comerciale, sunt mai limitate decât izvoarele scrise, poate fi ușor combătută, deoarece nu întotdeauna pe baza descoperirilor monetare putem vorbi despre realitățile și contactele economice dintre lumea barbară, Bizanț, statele vest europene și cele islamice. Ținând cont de contextul arheologic al descoperirilor din complexul de la Slobozia, autorii consideră pe bună dreptate că purtătorii acestor bunuri au dus un mod de viață nomad și războinic, însă o încadrare etnică sigură a lor este pentru moment dificil de făcut.

În încheiere autorii trec în revistă principalele aspecte de ordin statistic și cultural al descoperirilor din tumulul de la Slobozia, accentuând probabilitatea apartenenței mormintelor din perioada medievală timpurie unor comunități protobulgare, caracteristice pentru arealul răspândirii culturii Saltovo-Majack, de la finele sec. VIII – prima jumătate a sec. IX.

Partea grafică a cărții este realizată reușit și respectă cerințele tehnice și calitative ale unui studiu arheologic. Autorii prezintă o hartă generală, unde se arată amplasarea geografică a localității Slobozia (fig. 1), și una topografică, care cuprinde satele Slobozia, Ciobruciu și Krasnoe și amplasarea tumulului de la marginea de sud-vest a localității Slobozia (fig. 2), în ambele cazuri lipsind scara hărților. Următoarele planșe includ planul general și profilul tumulului, mormintele și obiectele descoperite (fig. 3-16). Planșele 16-20 prezintă planul tumulului la diferite etape cultural-cronologice – eneolitic, cultura Jamnaja, cultura ceramicii ornamentate cu mai multe brăie și perioada migrațiilor. Ultima planșă cuprinde o hartă, prin care se propune o reconstrucție a situației istorice din stepele de nord ale Mării Negre și regiunile limitrofe în sec. VIII-IX.

Deși hotarele culturilor arheologice sau ale unor formațiuni politice sunt greu de restabilit cu exactitate, autorii încearcă să delimiteze granițele Kaganatului chazar și ale domeniului kaganului, arealul variantelor bulgare, alane și chazare ale culturii Saltovo-Majack. Totodată, autorii prezintă pe această hartă cele două Bulgarii, din regiunea Volgăi și a Dunării, și zonele locuite la acea vreme de către pecenegi și uzi.

În partea finală a lucrării sunt prezentate rezultatele analizelor arheozoologice ale resturilor faunistice din tumulul de la Slobozia, realizate de către G.D. Cemărtan (p. 133). Astfel, se constată că în mormintele nr. 37 și 38 s-au descoperit craniile și părți inferioare de picioare de cai. Analizele arheozoologice demonstrează prezența a două rase de cai: de statură mică – folosiți pentru călărie, și medie – folosiți atât pentru călărie, cât și pentru activitățile agricole. Din mormântul nr. 18 provin resturi osteologice de la cabaline care au aparținut la două rase, una asemănătoare cu cea germană și alta cu cea de Vladimir, care era utilizată, după toate probabilitățile, în activitățile de tracțiune. Cea de-a treia specie se atribuie cailor scitici, tipici pentru stepele de nord ale Mării Negre, utilizați pentru călărie. Astfel, analiza și prezentarea datelor arheozoologice constituie un moment foarte important atât pentru aprecierea culturală a descoperirilor, cât și pentru o mai bună cunoaștere a particularităților habitatului din epoca analizată.

Tabelul I (p. 134-135) prezintă o sinteză a datelor referitoare la cele 43 de morminte din tumulul de la Slobozia – apartenența culturală, sectorul tumulului, forma și orientarea gropii, poziția și orientarea defunctului, inventarul funerar, prezența altor materiale și comentarii pe marginea stării sau tipologiei mormântului. Tabelul II (p. 136) include poziția defuncților din mormintele încadrate în perioada medieval-timpurie. Astfel, realizarea acestor tabele constituie un efort important în evidențierea și analiza particularităților ritualului și inventarului funerar, ceea ce în final ne permite să judecăm despre apartenența culturală și cronologică a descoperirilor. Deși calitatea grafică lasă de dorit, tabelul III evidențiază anumite categorii de piese arheologice care constituie indicatori cronologici caracteristici perioadei medievale timpurii (finele sec. VIII - sec. X).

Trecând peste șirul de observații expuse mai sus și peste faptul că analiza se bazează doar pe studii publicate în statele est-europene, putem susține că lucrarea dată este o contribuție importantă la cunoașterea diverselor epoci istorice și poate fi un exemplu pentru arheologii din Republica Moldova, care, din varii motive, rețin publicarea rezultatelor investigațiilor arheologice, limitând astfel accesul publicului interesat la aceste descoperiri.

Sergiu MUSTEAȚĂ (*Chișinău*)

Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии: Памяти Татьяны Чуковой [Iconografia creștină a Orientului și Occidentului în cultura materială a Rusiei Veche și a Bizanțului: In memoriam Tatiana Čukova], Sankt-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006, 344 p., ISBN 5-85803-322-9.

De mai multe decenii încoace, istoricii își pun întrebări despre funcțiile ideologice și puterea imaginilor din trecut, cultura medievală fiind calificată drept o „cultură a imaginilor”. Repertoriul iconografic al acestei culturi a fost puternic influențat de religia creștină și lumea ortodoxă, mai mult decât cea apuseană, s-a înconjurat cu imagini și simboluri, creând, într-un mod bogat și complex, „aspectul vizibil al Bisericii”. Aceste imagini și simboluri răspândite în aria de cultură ortodoxă au suscitât în permanență interesul istoricilor pentru descoperirea conexiunilor unei „istorii a imaginilor”. Pe acest palier se situează și studierea iconografiei creștine din Rusia în secolele XII-XV, domeniu în care a excelat Tatiana Alexandrovna Čukova (8 februarie 1954 - 20 aprilie 2005), regretata cercetătoare de la Institutul de Istorie și Cultură Materială din cadrul Academiei de Științe din Rusia (Filiala din Sankt-Petersburg), în memoria căreia a fost elaborat volumul de față.

Structura volumului repetă o schemă obișnuită pentru un proiect de acest gen: un medalion comemorativ, lista lucrărilor publicate de către cercetătoarea evocată și compartimentul cu studii și articole. Cele zece lucrări inserate în volum se axează în jurul unei teme mari – iconografia creștină, de la sigilografie la arhitectura liturgică, de la Răsărit la Apus -, temă de cercetare, considerată de către T.A. Čukova deosebit de importantă. Titlurile lucrărilor și explicațiile planșelor, traduse în limbile engleză și franceză, precum și rezumatul dezvoltat în limba engleză, fac textele accesibile pentru un cerc mai larg de cercetători. Totodată, remarcăm o ilustrație bogată și clară, amplasată la sfârșitul fiecărui text în parte.

În medalionul semnat de M. Mazurenko și A. Musin, scris în cheie laudativă, este redată istoria familiei Čukov și periplele acesteia. De asemenea, este descris traseul de afirmare profesională a Tatiane A. Čukova, scoțându-se în evidență pasiunea și rigoarea cercetătoarei în studierea iconografiei sigiliilor, a artelor „minore” și a mobilierului liturgic din Rusia în perioada secolelor XII-XV. Potrivit autorilor acestui medalion, interesul pentru istoria organizării liturgice a Bisericii rusești a determinat-o pe T.A. Čukova să urmărească

elucidarea problemei originii și a evoluției iconostasului rusc, bogat în icoane încă de la începuturile sale, înainte de epoca moscovită, folosind icoanele drept sursă esențială în analiza acestui fenomen. Corelarea reprezentărilor sfragistice cu cele de pe icoanele venerate în mediul ortodox, i-au permis relevarea unor tendințe noi, fenomene și priorități ale vieții artistice din Rusia kieveană. Ea a îmbinat metoda iconografică și procedul arheologic de datare, combinație care a dat rezultate, mai ales, în studierea obiectelor de cult cu reprezentări iconografice descoperite ca rezultat al săpăturilor arheologice, recuperând pentru știință, în acest fel, metoda iconografică. De aceea, ea este considerată drept o demnă continuatoare a marelui bizantinolog rus N.P. Kondakov, care a folosit în cercetările sale atât datele sigilografice, cât și vestigiile artei decorative. T.A. Čukova a contribuit la perfecționarea metodei de utilizare a informațiilor sigilografice în studierea aspectului iconografic al culturii creștine, mai ales că până nu demult sigiliile erau folosite doar ca sursă pentru reconstituirea istoriei politice a epocii medievale. Ea se remarcă prin eforturile sale de a elucida numeroasele aspecte ale vieții spirituale a Rusiei kievene, precum onomastica creștină princiară, cunoscută din sursele scrise doar în varianta slavonă, și preferințele aghiologice ale populației, care reflectă mentalitatea epocii.

Seria textelor cuprinse în acest volum începe cu lucrarea rămasă în manuscris a Tatiane A. Čukova, *Ikonografija Christa, Božiej Materi i svjatyh na drevnerusskich metalličeskich aktovyh pečatjach X-XV vv.* (p. 28-77), consacrată iconografiei lui Iisus Hristos, a Maicii Domnului și a sfinților militari în sigilografia rusă din perioada secolelor X-XV. Pentru elucidarea temei propuse, T.A. Čukova se apleacă asupra studierii amprentelor sigilare de pe actele de cancelarie rusești din secolele X-XV, adunate în *corpus*-ul editat în trei volume de către V.L. Janin și P.G. Gaidukov, precum și a sigiliilor metalice (circa 550) păstrate în colecțiile muzeelor din Rusia. Ca rezultat al minuțioasei analize a datelor sfragistice, cercetătoarea constată faptul că sigiliile rusești cu figura lui Iisus Hristos, pe tron sau bust, reprezintă diferite in-

stituții ale puterii laice și clericale din Rusia, în timp ce în Bizanț imaginea Mântuitorului se găsește doar pe sigiliile imperiale. Tipologia reprezentărilor mariologice scoate în evidență câteva tipuri iconografice, cum ar fi Maica Domnului Oranta, Maica Domnului Blachernitissa, Maica Domnului Agiossortissa, Maica Domnului pe tron și Maica Domnului cu crucea muceniciei, dintre care cel mai răspândit este tipul *Blachernitissa*, care provine de la icoana făcătoare de minuni a Maicii Domnului din biserica Vlaherne (Blachernae) din Constantinopol. T.A. Čukova explică frecvența acestui tip iconografic pe sigiliile rusești, aparținând mitropoliților kievieni și, apoi, episcopilor novgorodeni, prin intenția marilor ierarhi ai Bisericii de a răspândi dogma Întrupării Domnului, aflată în atenția teologilor bizantini din secolele XI-XII, și care este ilustrată de această icoană. Autoarea lucrării arată că venerarea icoanei Maicii Domnului Blachernitissa sau a „Semnului” (= Znamenie) din Novgorod, făcătoare de minuni, capătă o largă răspândire în secolul XIV, perioadă în care se constituie cultul Maicii Domnului Blachernitissa și este consolidat canonic la catedrala Sofia; legenda despre minunea icoanei Maicii Domnului Blachernitissa capătă o formă scrisă, chiar dacă, observă cercetătoarea, mențiunile referitoare la venerarea icoanei din Novgorod au fost consemnate mai înainte în cronicile rusești din secolele XII-XIII. Potrivit T.A. Čukova, reprezentarea Maicii Domnului Oranta apare pentru prima dată în anii 60 ai secolului XII pe sigiliul lui Leontie, episcop al Rostovului, iar începând cu anii 90 ai aceluiași secol era înfățișată și pe sigiliile novgorodene. Reprezentarea Maicii Domnului Agiossortissa este atestată pe două sigilii novgorodene date în secolul XV. Analizând cronologia amprentelor sigilare păstrate pe documentele novgorodene, stabilită de editorii V.L. Janin și P.G. Gaidukov (1970), cercetătoarea ajunge la concluzia potrivit căreia anume secolul XII poate fi considerat ca fiind cea mai benefică perioadă pentru constituirea tipurilor iconografice cu Maica Domnului. Totodată, ea evidențiază faptul că există o diferență între temele iconografice de pe sigilii și cele care apar pe vestigiile artelor aplicate. Astfel, în domeniul artelor „minore” întâlnim și alte ipostaze ale Maicii Domnului, cum ar fi *Hodigitria*, tip iconografic frecvent în sigilografia bizantină, dar necunoscut în cea rusă. Autoarea remarcă faptul că reprezentarea Maicii Domnului nu apare pe sigiliile knezilor kieveni, spre deosebire de Bizanț, unde Maica Domnului era redată atât pe sigiliile imperiale, cât și pe cele ale demnitarilor și ale ierarhilor bizantini. În continuare, autoarea prezintă numeroase considerații tipologice și cronologice referitoare la iconografia Maicii Domnului pe sigiliile rusești, ur-

mărind particularitățile de reprezentare a poziției brațelor, faldurilor veșmintelor, a nimbului, a modului de redare a Pruncului, monogramelor etc.

O categorie de sigilii, asupra cărora atrage atenția autoarea sunt cele cu reprezentări care ilustrează fie subiecte veterotestamentare (Sfânta Treime), fie sărbători evanghelice, cum ar fi cele hristice (Botezul Domnului și Schimbarea la Față), cele legate de Maica Domnului (Buna Vestire și Adormirea) și Paștele. Dintre cele cinci teme evanghelice, mai răspândită pare a fi cea a Bunei Vestiri. Potrivit surselor scrise și a vestigiilor picturii religioase bizantine, în arta creștină a Răsăritului se constituie un cerc mai larg de reprezentări ale subiectelor evanghelice, cele maienerate fiind Buna Vestire, Nașterea Domnului, Întâmpinarea Domnului, Botezul Domnului, Schimbarea la Față, Învierea lui Lazăr, Intrarea Domnului în Ierusalim, Răstignirea, Coborârea la Iad, Înălțarea, Pogorârea Sfântului Duh și Adormirea. Dintre acestea, pe sigiliile rusești lipsesc scenele cu Nașterea Domnului, Întâmpinarea Domnului, Învierea lui Lazăr, Intrarea Domnului în Ierusalim, Înălțarea, Pogorârea Sfântului Duh și Răstignirea. Autoarea prezintă pe larg tipologia și cronologia reprezentărilor cu Buna Vestire, ca fiind cea mai răspândită temă mariologică în arta creștină răsăriteană, în egală măsură, ca și în sigilografia bizantină.

Potrivit autoarei, sigiliile cu reprezentări ale sfinților militari, turnate în circa 300 de tipare în perioada secolelor XI-XV, aparțin majoritatea (70 %) epocii premongole a istoriei Rusiei, constituind una dintre cele mai reprezentative categorii ale vestigiilor sfragisticii vechi rusești. Cercul sfinților militari, redați pe aceste sigilii, este destul de larg: Agatonic, Alexandru, Andrei Stratilat, Boris și Gleb, Gheorghe, Dimitrie, Ignatie, Mercurie, Nichita, Procopie, Teodor Stratilat și Teodor Tiron; spre deosebire de sigiliile bizantine, pe care nu găsim reprezentări cu sfinții Agatonic, Alexandru, Andrei Stratilat, Ignatie, Procopie și Boris și Gleb. În sigilografia bizantină, cea mai răspândită dintre reprezentările cu sfinți militari este figura Sfântului Gheorghe, în timp ce în sigilografia rusă predomină reprezentarea Sfântului Teodor, depășind de două ori numărul sigiliilor pe care erau înfățișați sfinții Gheorghe și Dimitrie.

În paginile acestui studiu, autoarea ne face cunoscute rezultatele analizei tipologice a reprezentărilor sfinților militari și a evoluției tipurilor iconografice, în funcție de poziția sfințelor personaje și a armelor purtate. În acest context, ea ne atrage atenția asupra faptului că tipul iconografic cu reprezentarea Sfântului Dimitrie pe tron cu spada în mână apare pe sigiliile rusești în secolul XII, iar cel cu sfinții militari

ecveștri, înarmați cu sulițe sau spade se constituie la începutul secolului XIII.

În lucrarea *Obraz Sv. Prokopija na pečatjach* (p. 78-89), V.S. Šandrovskaja prezintă iconografia Sfântului Procopie din perspectiva conexiunilor sigilografiei bizantine cu cea rusă, exprimând ideea, potrivit căreia modelul sigilografic bizantin poate fi urmărit după amprente de sigilare păstrate pe actele diplomatice rusești din secolele XI-XIII. Prin urmare, ea își propune compararea tipurilor de sigilii, analiza iconografiei reprezentărilor și a compozițiilor, a formelor și elementelor separate.

Înainte de toate, V.S. Šandrovskaja ne redă viața Sfântului Procopie, răspândirea cultului în Imperiul bizantin, arătând cele patru biserici din Constantinopol care purtau hramul acestuia. Potrivit autoarei, reprezentarea Sfântului Procopie se întâlnește rar în sigilografia bizantină, fiind arătat ca mucenic sau, mai frecvent, ca militar. Cei ce comandau sigilii cu reprezentarea sfântului erau fie persoane civile, fie militari, fie reprezentanți ai clerului bizantin. Articolul V.S. Šandrovskaja se recomandă atât prin perspectiva nouă pe care o abordează, cât și prin informația inedită. Astfel, cei interesați vor descoperi date legate de unsprezece sigilii bizantine din secolele XI-XIII, majoritatea inedite, păstrate în colecțiile Ermitajului din Sankt-Peterburg și ale Institutului Rus de Arheologie din Constantinopol. Autoarea remarcă faptul că în sigilografia bizantină întâlnim figura Sfântului Procopie bust, în timp ce în cea rusă sfântul era reprezentat în picioare, ca militar. Între exemplele prezentate găsim sigiliul lui Jaropolk Jaroslavič (1197), pe aversul căruia era gravat Arhanghelul Gavriil în picioare, cu sceptorul în mâna dreaptă și cu globul în stânga, iar pe revers găsim figura Sfântului Procopie cu sulița în dreapta și cu scutul în stânga. De asemenea, sigiliul atribuit lui Rostislav Jaroslavič (1174) poartă pe avers imaginea Sfântului Ioan Prodromul în picioare, iar pe revers cea a Sfântului Procopie în picioare, cu sulița și scutul. Cele două sigilii aparțin, fără îndoială, grupului cu trăsături specifice epocii premongole, care au reprezentări ale sfinților pe ambele fețe, acestea fiind cele mai numeroase în șirul sigiliilor rusești din secolele XI-XII. Unele trimit la sigilografia bizantină, având pe avers pe Sfântul Procopie în picioare, îmbrăcat în armură, cu sulița și scutul, iar pe revers crucea, flancată de inscripția **IC XC**.

Lucrarea cercetătoarei E.V. Stepanova, *Drevnerusskie anonimnye pečati XII-XIII vv. i ich vizantijskie prototipy* (p. 90-107), se referă la sigiliile rusești anepigrafe din secolele XII-XIII și modelele lor bizantine. Autoarea afirmă faptul că cea mai numeroasă categorie de sigilii rusești din plumb (circa 560 de

exemplare) provin din epoca premongolă și au înfățișate sfinți pe ambele fețe. Modelul sigiliilor, numite „anonime”, a fost adus din Bizanț, fiind răspândit, mai ales, în secolul XI. Majoritatea lor (73%-92 %) au fost descoperite în Novgorod, atribuite atelierelor locale. De asemenea, sigilii asemănătoare, care au aparținut cnezilor ruși, au fost descoperite în orașele Kiev, Smolensk, Polotsk, Cernigov, Perejaslavl'. În legătură cu acest tip de sigilii, N.P. Lichačev consideră că ele au înfățișat pe sfântul protector al kneazului pe o față, iar pe cealaltă pe sfântul protector al tatălui său. Dimpotrivă, E.V. Stepanova, studiind sigilografia bizantină, constată faptul că sigiliile anepigrafe aveau gravate pe una din fețe pe Maica Domnului Nikopeia, Agiosoritissa, Oranta sau Episkepsis, ultimele două tipuri fiind cunoscute și în Rusia începând cu secolele XI-XIII. Autoarea caută răspuns la problema pătrunderii sigiliilor anepigrafe în spațiul rus și cauza preferinței acestui tip, în timp ce în această perioadă aproape că nu mai erau folosite în Bizanț. Ea ajunge la concluzia că acestea erau aduse de pelerinii ruși drept amintire despre locurile sfinte din Constantinopol începând cu secolul XI, ca, mai târziu, să fie imitate în sigilografia rusă. Drept mărturie sunt cele două sigilii, unul de proveniență bizantină și celălalt rusesc cu reprezentările Maicii Domnului Oranta și a Sfântului Teoctist, descoperite, primul pe suprafața orașului Černigov, al doilea în regiunea Černigov. Autoarea leagă constituirea tipului iconografic al sigiliilor cneziale de schimbările din viața politică a Rusiei de la sfârșitul secolului XI.

Studiul lui S.V. Tomsinskij, *Pečat' s izobraženiem Sv. Fedora iz Ugliča i nekotorye soobraženija o semantike kompozitsii drevnerusskich pečatej s izobraženijami svjatyh i kresta* (p. 98-107) se referă la iconografia Sfântului Teodor, având drept punct de plecare în demersul său un sigiliu de plumb cu reprezentarea sfântului, datat în secolul XII. Acesta a fost descoperit în anul 2002 cu ocazia săpăturilor arheologice din orașul medieval Uglič, mai exact, la sud de biserica Sfântul Dimitrie, pe suprafața fostei curți princiare, care ocupase până la sfârșitul secolului XVI părțile de nord și vest a terasei formate de râul Volga și pârâul Kamennyj. După o prezentare a situației politice și culturale din regiune, autorul ne arată faptul că sigiliul recuperat aparține unui tip iconografic cunoscut în sigilografia rusă, având pe avers redat bustul Sfântului Teodor în armură cu crucea mână, iar pe revers fiind redat simbolul crucii treflate. El relevă faptul că opiniile cercetătorilor referitoare la tipologia sigiliilor sunt împărțite: sigiliile cu reprezentarea Sfântului Teodor fie aparțin familiei princiare (N.P. Lichačev, 1928), fie altor personaje importante din Novgorod,

cum ar fi episcopul (V.L. Janin, 1970) sau posadnicul Sudilo Ivankovič (B.D. Erševskij, 1979, 1982, 1990), fie aparțin kneazului Mstislav Izjaslavič (1057-1067) (V.L. Janin, 1998). El observă faptul că în arta sacrală a orașului Novgorod semnul crucii treflate apare în secolul XI. După o analiză critică a opiniilor împărtășite în istoriografia rusă, el anunță că nu riscă încă să stabilească o anumită legătură între sigiliul descoperit la Uglič și posibilele personaje, eventuale deținătoare de sigilii cu reprezentarea Sfântului Teodor și a crucii. El constată faptul că toate sigiliile, indiferent de comanditar redau același model iconografic, adică una dintre reprezentările Sfântului Teodor, fiindu-i cu neputință să stabilească cărui dintre cei doi sfinți omonimi venerați în Rusia îi aparține reprezentarea, Stratilat sau Tiron, întrucât singurul atribut în ambele cazuri este crucea de mucenic, iar tipurile iconografice ale sfinților sunt foarte asemănătoare și în miniatură nu ies la iveală detaliile care pot face diferența între cei doi sfinți. S.V. Tomsinskij lasă să se înțeleagă faptul că toate sigiliile cu Sfântul Teodor pot fi atribuite unei singure persoane, diversitatea tiparelor fiind explicabilă prin folosirea lor frecventă, respectiv, înnoirea lor de către meșteri. Autorul ia în considerare răspândirea numelui *Teodor* la principii ruși și faptul că aceștia nu aveau un singur sigiliu. Este tentat să atribuie seria sigiliilor cu Sfântul Teodor lui Mstislav Vladimirovič, cu numele de botez *Teodor*, kneaz care a cărmuit Novgorodul o perioadă lungă de timp.

Volumul prezentat cuprinde și alte contribuții la studierea iconografiei Răsăritului ortodox. Menționăm aici lucrarea *Vizantijskie evlogii Sv. Nikolaja* (p. 108-120), semnată de către V.N. Zalesskaja, în care autoarea ne prezintă rezultatele cercetării problemei circulației obiectelor de binecuvântare cu imaginea Sfântului Nicolae, purtate de către pelerini. Un alt

text, *Istoki ikonografii drevnerusskich enkolpionov* (p. 121-162), consacrat problemei apariției iconografiei encolpioanelor rusești, îl datorăm cercetătoarei A.A. Peskova. Studiul lui A.E. Musin, *Archeologija „ličnogo blagočestija” v christianskoj traditsii Vostoka i Zapada* (p. 163-222) se referă la iconografia obiectelor de „devoțiune personală” în tradiția creștină a Orientului și Occidentului. Cercetătorul A.A. Lipatov, prin lucrarea sa *Obrazy vizantijskoj architektury v zapadnoevropejskoj istoriografii* (p. 223-261) are meritul de a ne aduce la cunoștință opiniile cercetătorilor occidentali referitoare la modelele și creatorii arhitecturii bizantine, aspectul liturgic în istoria bisericilor bizantine, imaginea arhitecturii bizantine în contextul construcțiilor din perioada evului mediu ș.a. Lucrarea lui A.M. Gordin, *K rekonstruktsii ikonografičeskogo sostava i utočneniju daty rospisi tserkvi Svv. Borisa i Gleba v Kidekše* (p. 262-290), este o pledoarie pentru reconstituirea compoziției iconografice și clarificarea cronologiei picturii bisericii cu hramul Sfinților Boris și Gleb din Kidekša, localitate de lângă Suzdal. Ultima lucrare din acest volum, *Svjaščennye vloženija drevnerusskich enkolpionov v kontekste liturgičeskoj praktiki: vozmožnosti kompleksnogo analiza* (p. 291-308) este semnată de cunoscuți cercetători ai artei creștine medievale, precum A.A. Lipatov, E.Ju. Mednikova, A.E. Musin și A.A. Peskova, și reprezintă o abordare pluridisciplinară a problemei venerării sfințelor obiecte în contextul practicii liturgice din Rusia în secolele X-XIV.

În concluzie, conținutul substanțial și dens al volumului, închinat memoriei Tatiane A. Čukova, reprezintă un ales și binemeritat omagiu adus de cei mai buni cercetători din Sankt-Petersburg acestei personalități proeminente din viața academică a Rusiei contemporane.

Ludmila BACUMENCO-PÎRNĂU (*Chișinău*)

Харьковский историко-археологический ежегодник. ДРЕВНОСТИ 2006-2008
[Anuarul istorico-arheologic din Harkov. ANTICHITĂȚI 2006-2008]
Harkov, 2008, 304 p. ISBN 978-966-8603-358.

În ultimele decenii în Ucraina se observă o intensificare a cercetării științifice, în special în unele regiuni ale țării. Alături de instituțiile de profil din Kiev, de o importanță crescândă sunt universitățile și centrele muzeale din astfel de orașe cum ar fi Lviv, Odesa, Zaporoz'ie, Doneck, Harkov ș.a. Rezultatele muncii specialiștilor din aceste instituții sunt valorificate prin editarea a numeroase lucrări de o bună ținută științifică. Din astfel de publicații face parte și Anuarul Universității Naționale „B.H. Karazin” din Harkov și al Asociației regionale de Istorie și Arheologie din același oraș, ce apare începând cu anul 1994.

Revista conține 27 de articole care se referă la diferite probleme de istorie și arheologie, precum și la unele aspecte legate de viața științifică. Materialele sunt publicate în limba rusă, cu excepția a trei articole scrise în ucraineană. Fiecare studiu conține și un rezumat în limba engleză, informația fiind astfel accesibilă și specialiștilor nevorbitori de limbă rusă. Majoritatea articolelor sunt însoțite de un bogat material ilustrativ, reprezentat prin planșe, figuri, grafice și/sau hărți. Lucrările sunt grupate în șase compartimente ce respectă structura logică caracteristică acestui tip de publicații.

Primul compartiment, intitulat Studii, conține 13 lucrări de sinteză, în care sunt tratate probleme importante ale arheologiei și istoriei din spațiul nord-pontic, una dintre ele atrăgându-ne atenția în mod special. Este vorba de studiul cercetătorului S.I. Berestnev intitulat *Tumulul: mormânt sau sanctuar?* (*Курган: могила или святилище?*, p. 8-20). Problema principală, după cum ne sugerează și titlul, este cea a semnificației și a rolului movilelor ridicate deasupra mormintelor. Pentru început, autorul face un scurt istoric al problemei unde prezintă principalele opinii exprimate în istoriografie, după care tumulii ar fi simple movile în care sunt îngropați defuncții, având numai rolul de construcții funerare. S.I. Berestnev încearcă să ofere o nouă interpretare, considerând că tumulii au fost ridicați în scopul utilizării lor ca sanctuare. Aceste locuri de cult, crede el, au avut o mult mai mare însem-

nătate în viața cultural-spirituală și confesională a comunităților ce le-au construit. În susținerea propriei concepții, autorul aduce mai multe argumente, bazându-se pe diverse izvoare. Dintre sursele scrise, face trimitere la textele vedice, mitologia egipteană și cea orientală, potrivit cărora movilele ar semnifica „muntele sacru”, având același rol ca și piramidele și ziguratele, cel de punte, de zonă de trecere de la profan la sacru, din lumea pământeană în „lumea de dincolo”. Pe baza materialului arheologic, Berestnev analizează arhitectura tumulilor amenajați în epoca eneoliticului și cea a bronzului. Construcția complexă și diversă, șanțurile din jurul movilelor, gropile de cult și urmele de ruguri îl determină pe autor să considere tumulii ca fiind adevărate sanctuare, unde defunctul avea rolul de jertfă, și nu exclude faptul ca în unele cazuri defunctul să fi fost sacrificat în acest scop. În mormântările secundare, efectuate ulterior în mantaua tumulului, la fel nu ar fi întâmplătoare. Acestea, după părerea autorului, aveau scopul de a continua funcționalitatea sanctuarelor, menținându-le active. Defuncții depuși mai târziu aveau rolul de a înnoi sau împropăta cu noi sacrificii aceste locuri de cult. Cu toate că cercetătorul analizează tumulii nomazilor din zonele de stepă, el consideră că movilele apar și datorită influenței din partea populației sedentare de agricultori. De la purtătorii culturii cucuteniene vine cultul pământului și al fertilității, movilele reprezentând locul și procesul de concepere și renaștere. Defuncții îngropați în poziție chircită (poziția fătului) urmau să renască în „lumea de dincolo” cu scopul de a transmite mesajul celor rămași pe pământ.

După părerea noastră, faptul că tumulii aveau un rol sacru în viața populațiilor de stepă este incontestabil, însă amenajarea acestor complexe arheologice făcea parte din obiceiurile și practicile funerare legate direct de defunct și mai puțin de ceremonialul religios de ordin general. Situația este bine cunoscută la nomazii din epocile următoare; spre exemplu, populațiile cumane ridicau atât tumuli cu o arhitectură complexă pentru înhumarea defuncților, cât și sanctuare în care

aveau loc diverse manifestări de cult.

De asemenea, remarcăm articolul cercetătorului ucrainean D.S. Grečko (*Озброєння та військова справа населення сівєрськодокецького Лисостепу у кінці VI-IV ст. до н.е.*, p. 21-35), în care este studiat armamentul și arta militară la populațiile din zona de silvostepă a regiunii Donețului de Nord în sec. VI-IV î.e.n. Autorul, în baza analizei armamentului și echipamentului militar, demonstrează atât existența unor legături ale autohtonilor cu triburile din stepă cât și importanța preocupărilor vilitare în menținerea independenței și parietății față de vecini.

În studiul său (*Этнокультурный подтекст распространения фибул группы Альмгрен VII восточнее Днепра*, p. 36-47), M.V. Ljubičev discută problema apartenenței culturale a fibulelor Almgren VII, răspândite în perioada secolelor III-IV e.n. la est de Nipru. Sunt analizate 44 de fibule de bronz, dintre care două *de tip monströse Fibeln*. Autorul consideră că răspândirea pieselor de port din această categorie în regiune se datorează venirii din zona Nistrului Superior a populațiilor ce au întemeiat așezările de tipul Dem'janov-Čerepin ale culturii Černjachov. Fibulele *de tip monströse*, conform opiniei lui Ljubičev, apar în regiune odată cu așezarea aici a unor elemente germane izolate în perioada C1b-C2.

Un aspect al istoriei spațiului caucazian este tratat în articolul lui S.D. Litovčenko (*Каппадокийский кризис 90-х гг. I в. до н.э. и Великая Армения*, p. 48-58), care analizează criza cappadociană din anii 90 ai sec. I î.e.n. și efectele acesteia asupra Armeniei Mari.

A.V. Gorojko în articolul său (*О значении проповеди Церкви в жизни ранневизантийского полиса на примере деятельности Иоанна Златоуста*, p. 95-107) prezintă rolul prediciei bisericesti în viața polis-ului bizantin timpuriu prin exemplul activității lui Ioan Chrisostomos. Autorul subliniază aportul bisericii la dezvoltarea vieții culturale, spirituale, a învățământului ș.a., precum și importanța acesteia în reglarea conflictelor sociale din orașele bizantine de la sfârșitul sec. IV- începutul sec. V.

Un alt studiu important este cel al lui S.B. Soročan (*О положении и статусе Сугдеи в VI-IX вв.*, p. 108-124), în care este analizată situația și statutul Sugdeei în contextul rivalităților bizantino-hazare în Crimeea secolelor VI-IX.

În urma analizei materialului arheologic din așezarea Korobovy Chutor (reg. Harkov), datată în a doua jumătate a sec. VIII – mijlocul sec. X, V.V. Koloda reușește, în studiul său (*О проявлении этнического синкретизма в среде лесостепного салтовского*

населения, p. 125-136), să observe sincretismul etnic la purtătorii culturii Saltovo din zona de silvostepă. Astfel, autorul ajunge la concluzia precum că populația așezării era compusă din mai multe elemente etnice (turci-bulgari, vechi unguri și slavi), dominant fiind grupul alan, originar din nordul Caucazului. Acest fapt se reflectă în materialul ceramic, arhitectura locuințelor, anumite elemente de amenajare a locuințelor, sistemele de încălzire ș.a.

Studiul cercetătoarei O.I. Žironkina (*Категория археологических находок - бусы. История изучения: основные тенденции и методы*, p. 137-154) este consacrat unei singure categorii de vestigii arheologice și anume mărgelilor, în care autoarea se oprește asupra istoricului cercetării, precum și tendințelor principale și metodelor de analiză a acestor piese de podoabă.

În articolul istoricului modernist A.N. Želtobrodov (*Участие Слободских гусарских полков в русско-турецкой войне 1768-1774 гг.* p. 154-169) este studiat rolul regimentelor de husari din sloboziiile căzăcești în războiul ruso-turc din anii 1768-1774, inclusiv în luptele de la Focșani, la cucerirea Hotinului, Chilieii, cetații Giurgiu, Silistrei ș.a. Compartimentul se încheie cu articolul istoricului S.I. Liman (*История средних веков в трудах харьковских исследователей, 1804-1835 гг.*, p. 157-170), care se referă la activitatea științifică a istoricilor medievști din Harkov în anii 1804-1835.

În secțiunea Materiale și cercetări de teren sunt aduse la cunoștința specialiștilor câteva din cele mai recente investigații arheologice efectuate în regiunile Doneck, Harkov și Herson, precum și principalele rezultate obținute în rezultatul acestora. Din cele patru titluri cuprinse în acest compartiment, vom menționa articolul lui J.N. Vojko (*Новые исследования курганного могильника у с. Купьеваха*, p. 204-226), ce reflectă rezultatele săpăturilor din necropola tumulară de la Kupievacha, unde au fost săpați cinci tumuli ce conțineau mai multe morminte din secolele VI-IV î.e.n. Autorul descrie pe larg materialul arheologic, în urma analizei acestuia ajungând la unele concluzii asupra ritualului, constatându-se anumite modificări în cadrul practicilor funerare ale populațiilor scitice din stânga Niprului.

În articolul lui V.A. Nessel' (*Фигурное украшение первых веков н.э. из раскопок Портового района Херсонес*, p. 226-232) este publicat un pandantiv-amuletă de faianță egipteană din primele secole ale erei creștine, descoperit în procesul săpăturilor arheologice de la Chersones. Piesa, cu înălțimea de 23 mm și lățimea la bază de 11 mm, prezintă o femeie pe tron, autorul plasând-o în categoria obiectelor ce au ca

imagine Zeița Mamă, cu o largă răspândire în epoca elenistică și în special în cea romană în centrele antice nord-pontice.

Compartimentul *Note* este rezervat punerii în circuitul științific a unor obiecte sau colecții de piese arheologice și de artă, particulare sau descoperite întâmplător.

La rubrica *Recenzii* sunt prezentate patru lucrări, dintre care remarcăm recenzia lui V.V. Skirda la monografia arheologului V.A. Kosikov *Istoricul cercetării monumentelor arheologice din regiunea Donbas*, editată în anul 2001 la Donețk (p. 251-252).

La rubrica *Cronica științifică* sunt publicate rezumatele comunicărilor ținute în cadrul conferinței „Probleme de cercetare și protecție a patrimoniului cultural-istoric al Ucrainei-2007”, consacrată împlinirii a 150 de ani de la nașterea academicianului D.I.

Bagalej, majoritatea lucrărilor referindu-se la patrimoniul arheologic.

Volumul *Antichități 2006-2008* se încheie cu rubrica *In memoriam*, ce include comemorarea a doi arheologi: profesorul Vladimir Stanko, care a fost și inițiatorul înființării Secției de cercetări arheologice din spațiul nord-vestic al Mării Negre de la Odesa, și Andrei Kryganov, renumit arheolog medievist specializat în studierea armamentului și pieselor de harnașament ale nomazilor din sud-estul Europei.

În concluzie, volumul alcătuit din lucrări ale cercetătorilor din Alčevsk, Harkov, Odesa, Sankt Peterburg, Sevastopol și Vinica, prezintă interes pentru specialiștii din întreaga Europă, atât prin studiile ce tratează probleme fundamentale de istorie și arheologie cât și datorită prezentării unor materiale și date inedite, obținute în urma săpăturilor arheologice mai recente.

Ion URSU (*Chișinău*)

ПАМЯТИ Г. Ф. КОРОБКОВОЙ
(09. 03. 1933 – 27. 08. 2007)

Учитель!
Перед именем твоим
позволь смиренно преклонить колени...

В жизни исследователя, начинающего свой путь в науке, особенно в археологии, обязательно должен быть профессионал наставник, общение с которым позволяет как бы исподволь получить тот багаж знаний и умений, который «вдруг» становится основополагающим базисом твоих собственных разработок. Чаще всего такое заимствование чужой «интеллектуальной собственности» не осознаётся, и в какие-то моменты кажется, что всегда знала и умела...

Таким наставником в моей жизни стала Галина Фёдоровна Коробкова.

Теперь, когда боль и «недоумение» утраты стихли, пришло осознание той важной роли, которую сыграла Галина Фёдоровна в развитии и совершенствовании научных изысканий в Молдове. Её приезды в Кишинёв, вместе с Вадимом Михайловичем Массоном, предопределили в конце 80-х годов XX века судьбу многих лаборантов и младших научных сотрудников сектора археологии *Института археологии, этнографии и искусствоведения АН Молдовы*.

До их приезда в Молдову, практически все мы были задействованы в «круговой системе» новостроечных экспедиций, когда с апреля по октябрь – раскоп, а с октября по апрель – Отчёт...и «вдруг» получили возможность стажировок, аспирантуру и библиотеку Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ЛОИА). Многие из нас специализировались в Лаборатории экспериментально-трасологических исследований: С.И. Коваленко, О.В. Ларина, И.В. Мельничук, В.Я. Сорокин.

Всех вела Галина Фёдоровна. Именно вела, терпеливо и сдержано, рекомендуя и предоставляя литературу, идентифицируя материалы наших коллекций, включавших иногда и более тысячи артефактов. Проверяла тексты диссертаций до запятой...

Она была человеком неординарным, деятельным, чрезвычайно талантливым и весёлым. От неё шли волны необыкновенного оптимизма. И это

при том, что родилась она в жестокие, «приснопамятные» тридцатые годы в Ленинграде. Ребёнком, вместе с мамой и сестрой, испытала все тяготы блокадной жизни. Её отец был рабочим на заводе «Красный треугольник», мама домохозяйкой.

После окончания школы, в 1951 году, она поступила в Ленинградский Университет на кафедру археологии. Где первым её руководителем стал Пётр Иосифович Борисковский. В студенческих археологических экспедициях накапливался опыт полевых исследований.

Профессиональная деятельность, а в принципе, почти вся жизнь Галины Фёдоровны была связана с Институтом истории материальной культуры Российской Академии Наук (до 1991 г. ЛОИА). Здесь она прошла путь от лаборанта до ведущего научного сотрудника и заведующей Экспериментально-трасологической лабораторией Института.

Она стала одной из первых и талантливых учеников С.А. Семёнова. Родоначалника того уникального научного направления, в котором «артефакты заговорили». Под его руководством Галина Фёдоровна очень быстро и в совершенстве овладела трасологическим методом исследования древних индустрий, творчески развивала и дополняла его. Её квалификация всегда очень высоко оценивалась и нашими и иностранными коллегами. Фактически, современный функциональный анализ развивается на базе творчества этих двух выдающихся учёных.

Кажется, что у неё и не было «школярских» опусов. Уже в начале 60-х появляются первые, профессионально востребованные труды: «Определение функций каменных и костяных орудий с поселения Джейтун по следам работы» (1960); «Применение метода микроанализа к изучению функций каменных и костяных орудий» (1965).

После смерти учителя, она возглавила Лабораторию и руководила ею на протяжении 25 лет.

Закономерными вехами научной карьеры стали защиты двух диссертаций, каждая из которых, подготовленные в виде монографий, составляют своего рода «Катехизис» принципов изучения раннеземледельческих обществ на территории бывшего СССР.

В 1969 году была опубликована монография, защищённая в 1966 г. в качестве кандидатской диссертации: «Орудия труда и хозяйство неолитических племён Средней Азии». А уже к 1981 г. подготовлена докторская на тему: «Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР». В исследованиях поражает тот объём разноплановых источников, задействованных в разработках и доскональность их анализа.

Творческое наследие Галины Фёдоровны состоит из более 200 работ. Они остаются и останутся востребованными для следующих поколений тра-

сологов, археологов и историков. По ним видно, что круг её интересов был чрезвычайно широк – от каменного века до позднего средневековья. Так же и то, что постоянно шло совершенствование методов. Каждый новый источник творчески переосмысливался.

База данных, с которой она работала, была огромна. Включала материалы памятников почти всей древнеземледельческой ойкумены бывшего Советского Союза: от регионов Средней Азии, Кавказа до Северо-Западного Причерноморья и Молдовы. Авторитет Галины Фёдоровны, как специалиста, был непререкаем. К ней привозили коллекции из Сибири и Дальнего Востока, Прибалтики и Белоруссии, Западно-Европейских стран. Она обрабатывала материалы раннего железного века Индии. Более чем тысячи-тысячь предметов. Отказа не было никому. Хотя труд этот исключительно кропотлив и изматывающий.

Под её руководством исключительно много было сделано для совершенствования методики анализа разнотипных археологических материалов. Впервые были проведены эксперименты и началось создание лабораторной **базы эталонов орудий**. Теперь она пополняется без неё, но трудами её коллег и учеников.

Галина Фёдоровна была соратницей и женой В.М. Массона, крупнейшего археолога современности. Почти в каждой из его работ фактологическая база исследований опирается на разработки Галины Фёдоровны. В совместных начинаниях и экспедициях два уникальных учёных дополняли друг друга. Поражала и радовала доброта и нежность в их отношениях.

Галина Фёдоровна очень много сделала для воспитания целой плеяды учеников со всех концов Советского Союза и Европы. И труд этот был не напрасен. Мы сохраним её в своём сердце.

**Мне радостно было знать Галину
Фёдоровну, общаться с ней.
И бесконечно горько осознавать, что её
больше нет.**

Ольга ЛАРИНА (Кишинэу)

Памяти Марка Борисовича Щукина (14. 10. 1937 – 14. 07. 2008)

Лето 2008 года было омрачено трагическим известием, пришедшим из Санкт-Петербурга о кончине Марка Борисовича Щукина. Перестало биться сердце выдающегося русского исследователя. Даже по прошествии года в прощальном слове невозможно выразить всю полноту наполняющей нас скорби при мысли, что Марка Борисовича с нами больше нет. Пройдет время и, несомненно, близко знавшие его ученики и участники домашнего «Щукинского семинара» «Хронограф» напишут подробные воспоминания о своем учителе и наставнике, которые он, несомненно, заслужил. Человеческое обаяние, широкая эрудиция, спокойная доброжелательность и высокая порядочность сплотили вокруг Марка Борисовича многих талантливых молодых археологов, историков. Пусть не все остались в науке. Жизненные пути увели некоторых в другие области деятельности, но время, проведенное за непринужденными обсуждениями часто острых проблем отечественной археологии на его семинарах, обогатило всех участников этих не забываемых встреч.

Мне не довелось быть слушателем курса лекций профессора Марка Борисовича Щукина в Санкт-Петербургском Университете, да и посещение “семинара” пришлось, пожалуй, не на самые лучшие годы. Наше знакомство состоялось где-то в середине – второй половине 80-х годов прошлого столетия в Молдавии, куда Марк Борисович в то время часто приезжал для работы над материалами Данченского могильника и участия в археологических экспедициях. Оставив для биографов перипетии его жизненного и научного пути, хотелось бы остановиться на связях Марка Борисовича с Бессарабией, которую он всегда охотно посещал и с которой его связывали, хочется верить, не только научные интересы.

При каждой новой встрече вызывало искреннее уважение его доступность во время непринужденных бесед у костра либо за столом, хотя он тогда уже был известной в европейской археологии фигурой, автором нашумевшей книги “На рубеже эр”, по которой мы, еще молодые иссле-

дователи, познакомились с азами средневропейской хронологии. Ему было чуждо высокомерие и снобизм, присуща постоянная готовность щедро делиться своими знаниями с учениками и молодыми сотрудниками, ответить на любой, порой даже нелепый вопрос. Вспоминается случай, произошедший в Алчедарах. Было это во второй половине 80-х годов, во время полной гласности и вскрытия всех язв “проклятого прошлого”. Прогуливаясь в районе древнерусского городища, мы столкнулись с группой, как выяснилось позже, учителей, собравшихся в райцентре на какой-то семинар и привезенных в Алчедары на экскурсию. Узнав, что Марк Борисович руководитель работающей поблизости эрмитажной экспедиции, одна из экскурсанток оживилась и поинтересовалась – “а верно ли, что в Эрмитаже выставлена татуированная шкура революционного матроса”. После некоторого замешательства Марк Борисович прочел им довольно обстоятельную лекцию о пазарьской культуре, погребениях в мерзлоте, в которых сохраняются ткани и об обычаях древних людей покрывать свое тело ритуальными татуировками. Как оказалось, к глубокому разочарованию слушателей.

Цепкий ум и легкость пера снискали Марку Борисовичу заслуженную славу. Каждое знакомство с его работами, написанными в увлекательном стиле изложения, подчас сложных проблем археологии, в сочетании с хорошим знанием римской истории, создавало такую историческую реальность, в которую хотелось верить. Он оставался до конца преданным вопросам происхождения и хронологии черняховской культуры, вместе с тем круг его интересов постоянно расширялся от вопросов кельтологии до появления ранних славян. А врожденная любознательность не позволяла Марку Борисовичу замыкаться только на научной деятельности, его интересы охватывали области от архитектурных штудий Ле Корбузье до современной рок музыки.

Марку Борисовичу Шукину принадлежит особое место не только в российской исторической науке, но и в литературе – как писателю. Обладание несомненным литературным даром и владе-

ние художественным словом сделали возможным появление его научно-популярной книги "Машина времени и лопата", написанной в молдавских экспедициях и изданной в Кишиневе. В ней с высоким профессионализмом, блеском и изяществом освещена работа археолога-полевика и археолога кабинетного исследователя.

Чуждый к внешней карьере, всегда деятельный и не стареющий духом Марк Борисович до последнего времени старался выезжать в поле. Правда это была уже не Молдова. Марк Борисович горячо любил жизнь, не всегда она отвечала ему взаимностью. Но это все прошло. Все, кому посчастливилось работать с ним, с горечью осознают, что потеряли не только высочайшего уровня ученого, но и обаятельного, глубоко внутренне порядочного и чрезвычайно легкого в общении человека.

Светлая память Вам, Марк Борисович. Вы навсегда останетесь в наших сердцах.

**От имени коллег, учеников, друзей,
С. КУРЧАТОВ (Кишинэу)**

К 80-летию со дня рождения Исаака Александровича Рафаловича

В 2009 году исполнилось 80 лет со дня рождения и 30 лет со дня смерти видного молдавского археолога, кандидата исторических наук Исаака Александровича Рафаловича. И.А.Рафалович принадлежал к первому поколению молдавских археологов, которое закладывало основы всех последующих успехов нашей науки.

И.А. Рафалович родился 16 марта 1929 года в г. Балта, Одесской области. После окончания средней школы он поступил в Кишиневский государственный университет на исторический факультет. Археологией он увлекся еще в студенческие годы, когда принимал участие в работе археологических экспедиций, исследовавших различные памятники в Молдавии. После окончания университета в 1954 году он работал несколько лет учителем истории в средней школе села Новые Анены, не прекращая при этом занятий археологией. Позднее он перешел на работу в Институт истории АН МССР и со временем стал проводить самостоятельные исследования. Значительное внимание он уделял археологическим разведкам и открыл многочисленные памятники разных эпох от палеолита до молдавского средневековья. Он принимал участие в раскопках черняховских, древнерусских, золотоордынских, молдавских и других поселений и могильников, активно изучая древнее прошлое Молдавской республики.

Особый вклад И.А. Рафалович внес в изучение истории и культуры древних славян на территории Молдавии, благодаря чему он стал известен в широких кругах специалистов далеко за пределами республики. Исследования раннесредневековых поселений, таких как Реча, Хуча, Одая, Ханска, Селиште и др., работа над письменными источниками, глубокое знание историографии позволили И.А. Рафаловичу существенно продвинуть решение ключевых проблем славянской археологии Молдавии.

Уже в первых своих статьях он затрагивает проблемные вопросы славянской археологии и истории и вносит ощутимый вклад в их разрешение. В этот период он активно участвует в многочисленных научных конференциях, посвященных различным проблемам средневековой археологии, истории и этнографии. Его доклады всегда были посвящены сложным проблемам, выдвигавшиеся им положения были глубоко аргументированы.

В 1968 г. И.А. Рафалович успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Славяне VI – IX веков в Молдавии». Он автор разделов о славянской материальной культуре VI – VII вв. в книге «Очерки истории культуры Молдавии» (Кишинев 1971), культуре славян VI – IX вв. в коллективном труде «Древняя культура Молдавии» (Кишинев 1974), автор глав «Истории народного хозяйства МССР» (Кишинев 1976), охватывающих большой период с древнейших времен до начала XII в. и многих других работ. Заслуживает внимания работа И.А.Рафаловича «Молдавия и пути расселения славян в Юго-Восточной Европе» (Кишинев 1972), в которой на основании письменных и археологических источников предпринята попытка определения времени и маршрутов заселения славянами Днестровско-Прутского междуречья, определения границы между объединениями антов и склавинов и территории занимаемой тиверцами. Кроме этого

рассматриваются некоторые другие вопросы этнической истории славян VI – IX вв. в регионе.

Итогом изучения раннеславянских памятников VI – IX вв. в Молдавии и основным трудом, сделавшим широко известным имя И.А. Рафаловича, стала монография «Славяне VI – IX веков в Молдавии» (Кишинев 1972), написанная на основании археологических данных, полученных более чем за двадцатилетний период исследования славянских памятников в Днестровско-Прутском междуречье и письменных источников. История и материальная культура славян в эпоху заселения ими Днестровско-Прутского междуречья в монографии были освещены довольно многогранно. Были затронуты такие важные проблемы, как вопрос о времени первоначального проникновения славян в Днестровско-Дунайские земли, обосновывалась общая и внутренняя хронология и периодизация раннеславянской культуры в Молдавии. Раннеславянские древности хронологически членились на две группы, первая из них датировалась VI – VII вв., а вторая, VIII – IX вв. Довольно детально рассматривались типы поселений, жилых и хозяйственных сооружений. Заметное внимание в работе уделялось орудиям труда и хозяйству славян. На основании членения раннеславянских древностей на две хронологические группы, автором была разработана типология керамики для каждой из этих групп. Значительное место в работе отводилось также изучению домашнего производства и ремесел славян в изучаемый период, затрагивались вопросы идеологических представлений и общественных отношений. Работа, благодаря глубокому источниковедческому анализу и широте рассматриваемых вопросов, явилась заметным вкладом в изучение истории и материальной культуры славян VI – IX вв. в Днестровско-Прутском междуречье и не потеряла своего научного значения до наших дней.

Внимание И.А. Рафаловича привлекали также проблемы возможных контактов славянской культуры с предшествовавшей ей в Днестровско-Прутском междуречье черняховской, вопросы черняховского наследия в славянской культуре. Подходы к решению этих проблем были изложены им в ряде работ. В последние годы жизни он уделял особое внимание вопросам романизации населения нижнего Подунавья накануне славянской колонизации. Этому способствовало очевидно, и то, что в это время он начал изучать открытый им еще в 1959 г. ин-

тереснейший могильник черняховской культуры у с. Данчены. Он возглавлял раскопки могильника на протяжении четырех лет. Работы на Данченском могильнике производились в 1974 – 1976 и 1978 гг. И.А. Рафалович понимал значение этого могильника, представляющего собой один из наиболее важных и интересных археологических памятников на территории Молдавии. Он задумал написать монографию, основанную на исследованных материалах. Но выполнить задуманное до конца не успел. Жизнь его преждевременно оборвалась. Он скоропостижно скончался 9 февраля 1979 года, не дожив совсем немного до своего пятидесятилетия. Монография «Данчены. Могильник Черняховской культуры III – IV вв.н.э.» (Кишинев 1986) была издана посмертно. В монографии опубликованы материалы Данченского могильника черняховской культуры. Определены хронологические рамки могильника, выяснено его место в системе общеевропейской периодизации позднеримского времени и эпохи великого переселения народов, проанализированы все позиции датирующих вещей из погребальных комплексов. Работа содержит ценные материалы для изучения сложных процессов, происходивших на территории Днестровско-Прутского междуречья в III – IV вв.н.э. Она является значительным вкладом в археологическую науку, и долгое время будет востребована специалистами.

И.А. Рафалович был археологом с большим опытом полевых исследований. Его научные работы охватывают широкие историко-археологические и географические аспекты, характеризуют автора как талантливого исследователя. Он был подлинным ученым-энтузиастом, смысл существования которого составлял постоянный, напряженный, исследовательский труд. Преданность любимому делу сочеталась с разносторонней образованностью. И.А. Рафалович щедро делился с коллегами и учениками знаниями, наблюдениями и идеями для общего дела поисков истины в научном познании. Он был прекрасным популяризатором археологической науки.

Исаак Александрович Рафалович пользовался большим авторитетом среди своих коллег и являлся общепризнанным научным лидером молдавской археологии. Он являл собой пример беззаветного служения науке, которой он отдал всю свою короткую жизнь. Таким примером он остается и для тех, кто знал его лично, и для тех, кто пользовался и продолжает пользоваться результатами его трудов.

Н.П. ТЕЛЬНОВ (Кишинэу)

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION

AB	Analele Banatului, Muzeului Banatului, Timișoara
AM	Arheologia Moldovei, Institutul de Arheologie, Iași
AMM	Acta Moldaviae Meridionalis, Muzeul Județean de Istorie, Vaslui
AMN	Acta Musei Napocensis, Muzeul de Istorie a Transilvaniei, Cluj-Napoca
AMP	Acta Musei Porolissensis, Muzeul Județean Sălaj, Zalău
AMT	Acta Musei Tutovensensis, Muzeul „Vasile Pârvan”, Bârlad
Apulum	Apulum. Acta Musei Apulensis, Muzeul Unirii, Alba Iulia
ATS	Acta Terrae Septemcastrensis, Sibiu
AVSL NF	Archiv des Verains für Siebenbürgische Landeskunde – Neue Folge, Kronstadt-Brașov (nr. 3)/Hermannstadt–Sibiu (nr. 10)
Arhiva IAE AȘM	Arhiva Institutului de Arheologie și Etnografie al Academiei de Științe a Moldovei
Arhiva MNAIM	Arhiva Muzeului Național de Arheologie și Istorie a Moldovei, Chișinău
BAI	Bibliotheca Archaeologica Iassiensis, Institutul de Arheologie, Iași
BAM	Bibliotheca Archaeologica Moldaviae, Iași
BAR	British Archaeological Reports, Oxford
Banatica	Banatica, Muzeul Banatului Montan, Reșița
Ber. RGK	Bericht der Römisch-Germanischen Kommission, Frankfurt am Main
BCH	Bulletin de correspondance hellénique
BCMI	Buletinul Comisiunii Monumentelor Istorice, București
BTHR	Bibliotheca Thracologica, București
CAANT	Cercetări Arheologice în Aria Nord Tracă, București
CAB	Cercetări Arheologice în București, Muzeul de Istorie a municipiului București, București
CAIV	Cercetări Arheologice privind Istoria Veche a Republicii Populare Române, București
CNRS	Congress National de Recherches Scientifiques
Corviniana	Acta Musei Corvinensis, Muzeul Castelul Corvineștilor, Hunedoara
Cumidava	Cumidava, Anuarul Muzeului Județean Brașov (I-1967), Brașov
Dacia N.S.	Dacia. Recherches et découvertes archéologiques en Roumanie, București, I (1924) – XII (1948). Nouvelle Série: Revue d'archéologie et d'histoire ancienne, București
DolgCluj	Dolgozatok az Erdélyi Nemzeti Múzeum Érem – és Régiségtárából (Travaux de la Section Numismatique et Archéologique du Musée National de Transilvanie), Cluj, I-IX (1909-1919)
EAIVR	Enciclopedia arheologiei și istoriei vechi a României, București
ERAUL	Etudes et Recherches Archéologique de Université de Liège
Hierasus	Anuarul Muzeului Județean Botoșani, Botoșani
KözlCluj	Közlemények az Erdélyi Nemzeti Múzeum. Érem- és Régiségtárából, Cluj.
MA	Memoria Antiquitatis, Acta Musei Petrodavensis, Revista Muzeului de Istorie Piatra-Neamț
MBBM	Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft im Wien, Viena
MCA	Materiale și cercetări arheologice, București
Mitt. AGW	Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien
PAS	Prähistorische Archäologie in Südosteuropa
PBF	Prähistorische Bronzefunde, München/Stuttgart
PZ	Prahistorische Zeitschrift, Berlin-New York
RA	Revista Arheologică, Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural, Chișinău
RevMuz	Revista Muzeelor, București

RIM	Revista de Istorie a Moldovei, Institutul de Istorie Stat și Drept al AȘM, Chișinău
Sargetia	Sargetia. Acta Musei Devensis, Deva
SCIV(A)	Studii și Cercetări de Istorie Veche (și Arheologie), București
SympThrac	Symposia Thracologica, București
Suceava	Suceava. Anuarul Muzeului Județean; Anuarul Complexului Muzeal Bucovina, Suceava
TD	Thraco-Dacica, București
Tyragetia	Tyragetia, Muzeul Național de Arheologie și Istorie a Moldovei, Chișinău
UISPP	Union Internationale de Sciences Pre et Protohistorique
UPA	Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie, Bonn
AA	Археологический Альманах, Донецк
АДУ	Археологічні дослідження в Україні, Киев
АИМ	Археологические исследования в Молдавии, Кишинэу
АКМ	Археологическая карта Молдавии, Кишинэу
АМА	Античный мир и археология, Саратов
АО	Археологические открытия, Москва
АП	Археологічні пам'ятки УРСР, Киев
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа, Ленинград/Санкт-Петербург
ВДИ	Вестник древней истории, Москва
ДСПК	Древности степей Северного Причерноморья и Крыма, Запорожье
ЗИИМК	Записки Института истории материальной культуры, Санкт-Петербург
ЗОАО	Записки Одесского археологического общества, Одесса
ЗООИД	Записки Одесского Императорского общества истории и древностей, Одесса
ЗРАО	Записки императорского Русского археологического общества, Санкт-Петербург
ИАК	Известия императорской археологической комиссии, Санкт-Петербург
Изв. АБХЯЛИ	Известия Абхазского института языка, литературы и истории, Тбилиси
ИГАИМК	Известия Государственной Академии истории материальной культуры, Москва-Ленинград
Изв. МФ АН СССР	Известия Молдавского Филиала Академии наук СССР, Кишинэу
ИРОМК	Известия Ростовского областного музея краеведения, Ростов-на-Дону
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР, Москва
КСИИМК	Краткие сообщения института истории материальной культуры, Москва-Ленинград
МАИЭТ	Материалы по археологии и этнографии Таврии, Симферополь
МАСП	Материалы по археологии Северного Причерноморья, Одесса
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР, Москва-Ленинград
МИА Дона	Материалы и исследования по археологии Дона, Ростов-на-Дону
МИАР	Материалы и исследования по археологии России, Москва
МДАПВ	Материали і дослідження по археології Прикарпаття і Волині, Киев
НАВ	Нижеволжский археологический вестник, Волгоград
НА ІА НАНУ	Науковий архів Інституту археології НАН України, Київ
ПАВ	Петербургский археологический вестник, Санкт-Петербург
РА	Российская археология, Москва
СА	Советская археология, Москва
САИ	Свод археологических источников, Москва
СППК	Старожитності північного Причорномор'я і Криму, Запорожье
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград
ТКИЧП	Труды Комиссии по изучению четвертичного периода, Москва
ЦНАИ	Центр новостроечных археологических экспедиций, Кишинэу

INFORMAȚII ȘI CONDIȚIILE DE EDITARE A *REVISTEI ARHEOLOGICE*

Stimați colegi

Institutul Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei vă invită să prezentați materiale pentru *Revista Arheologică* – volumul VI, nr. 1-2

Considerații generale

Revista prevede publicarea lucrărilor arheologice și rezultatele cercetărilor științelor interdisciplinare în domeniu, care reflectă investigațiile din spațiul carpato-balcanic și teritoriile limitrofe, în formă de:

- lucrări de sinteză;
- discuții;
- materiale și rezultate ale cercetărilor de teren;
- lucrări muzeografice;
- studii și materiale ale științelor interdisciplinare;
- recenzii și prezentări de cărți;
- personalia;
- antologii;
- cronică cercetărilor științifice;
- sistemul de ocrotire a siturilor arheologice conform normelor internaționale.

Toate genurile de lucrări pot fi prezentate în limba română, rusă, engleză, germană sau franceză.

Lucrările de sinteză, discuțiile, materialele și rezultatele cercetărilor de teren, lucrările muzeografice, studiile și materialele științelor interdisciplinare prevăd unele cerințe speciale.

Structura acestor lucrări este următoarea:

I. Adnotare:

La începutul textului principal se va face o adnotare în limba română, și rusă, engleză, germană sau franceză. Adnotările se vor prezenta în format: *Times New Roman*; *Font size 10*; *Space 1,0*. Volumul fiecărei adnotări nu va depăși 1500 caractere, inclusiv spațiu.

II. Textul lucrării:

Volumul maxim nu va depăși 1,5 c.a., inclusiv bibliografia și ilustrațiile. Textul lucrărilor trebuie prezentat în manuscris și în format electronic: *Times New Roman*; *Font size 12*; *Space 1,5*.

III. Planșele cu materialul ilustrativ

Planșele, în format A4, se vor prezenta în formă grafică clară, cu numerotarea poziției fiecărui obiect. Planșele trebuie să fie numerotate. Materialul ilustrativ trebuie să fie însoțit de o listă a planșelor cu o legendă exhaustivă. În cazul lucrărilor în limba rusă și română legendele planșelor trebuie să fie asociate de o traducere în engleză, franceză sau germană. Planșele și lista planșelor se va prezenta și în format electronic (TIF – nu mai puțin de 600 dpi).

IV. Bibliografie

Notele bibliografice din text se prezintă în original.

Exemple de note bibliografice în text (Petrache 1999, 15, fig. 3,4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15,4-6; Петров 1999, 15, рис. 3,4-6)

Lista bibliografică se prezintă în ordine alfabetică la sfârșitul textului, conform condițiilor următoare:

Modul de citare a monografiilor:

Bader 1978: T. Bader, Epoca bronzului în nord-vestul Transilvaniei. Cultura pretracică și tracică (București 1978).

Аванесова 1991: Н.А. Аванесова, Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (Ташкент 1991).

Modul de citare a articolelor publicate în culegeri de lucrări științifice:

Metzner-Nebelsick 1998: C. Metzner-Nebelsick, Abschied von den „Thrako-Kimmeriern“? – Neue Aspekte der Interaktion zwischen karpatenländischen Kulturgruppen der späten Bronze- und frühen Eisenzeit mit der osteuropäischen Steppenkoine. In: (Hrsg. B. Hänsel und J. Machnik) Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeit (4000-500 v.Chr.) (München-Rahden/Westf. 1998), 361-422.

Дергачев 1969: В.А. Дергачев, Поселение эпохи бронзы у села Слободка-Ширеуцы. В сб: (Отв. ред. Л.Л. Полевой) Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 110-122.

Modul de citare a lucrărilor publicate în ediții periodice (reviste, jurnale etc.):

Zaharia 1990: E. Zaharia, La culture de Monteoru. La deuxième étape de développement à la lumière des fouilles de Sărata-Monteoru (dép. de Buzău). Dacia N.S. XXXIV, 1990, 23-51.

Качалова 1970: Н.К. Качалова, Ильменские курганы. Археологический Сборник 12, 1970, 7-34.

Modul de citare a rezumatelor publicate în volumele de simpozioane, conferințe și seminare științifice:

Sava 1994: E. Sava, Investigațiile istorico-arheologice în microzona Rudi-Tatărăuca Noua-Arionești, raionul Dondușeni. Cronica cercetărilor arheologice. Campania 1993. A XXVIII-a Sesiune Națională de rapoarte arheologice, Satu Mare, 12-15 mai 1994 (Satu Mare 1994), 114.

Савва 1993: Е. Савва, Позднефракийский культурно-хронологический горизонт VII-VI вв. до н. э. в Молдове (по материалам курганного могильника у с. Тринка). Първи международен симпозиум «Севтополис». «Надгробните могили Югоизточна Европа» Казанлък (България 1993), 55-56.

Modul de citare a rapoartelor științifice și actelor de arhivă:

Larina ș.a. 1996: O.V. Larina, K.P. Wechler, V.A. Dergaciov, S.I. Kovalenko, V.M. Bicbaev, Periegheze arheologice în raioanele Dondușeni, Drochia, Sîngerei în anul 1996. Arhiva MAE IAE AȘM. Nr.inv. 358 (Chișinău 1996).

Агульников 1987: С.М. Агульников, Отчет о полевых исследованиях Слободзейской новостроечной экспедиции в 1987 г. Архив МАЭ ИАЭ АН РМ. Инв. № 266 (Кишинев 1988).

V. Lista abrevierilor

VI. Date despre autor:

numele, prenumele, gradul științifico-didactic, funcția, instituția, adresa, telefon, fax, e-mail.

Recenzii, prezentări de cărți, personalii, antologii etc.

Materialele se prezintă în redacția autorului, dar trebuie să corespundă normelor stabilite (*Times New Roman; Font size 12; Space 1,5*). Volumul maxim – 0,5 c.a. (20000 caractere, inclusiv spațiu)

Termenul limită de prezentare a lucrărilor pentru volumul VI, nr. 1-2 este 31 august 2010

Manuscrisele și varianta electronică pot fi prezentate direct la redacție sau trimise prin poștă pe adresa: Colegiul de redacție *Revista Arheologică*, Institutul Patrimoniului Cultural al AȘM, bd. Ștefan cel Mare, 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova.

Informații suplimentare pot fi solicitate: tel: (037322) 27 06 02; 26 09 56(57)

E-mail: ipatrimoniul@asm.md; dergaciov@mdl.net

ИНФОРМАЦИЯ И УСЛОВИЯ ИЗДАНИЯ *АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА*

Уважаемые коллеги,

Институт культурного наследия Академии наук Молдовы приглашает Вас принять участие в издании *Археологического Журнала* – том VI, № 1-2

Основные положения:

В журнале будут опубликованы работы по археологии и междисциплинарным наукам, которые освещают результаты исследований в Карпато-Балканском регионе и соседних территорий.

Основные рубрики журнала:

- аналитические работы
- материалы и результаты полевых исследований
- музеография
- междисциплинарные исследования
- рецензии
- антологии
- персоналии
- хроника научных исследований

Все виды работ могут быть представлены на румынском, русском, английском, немецком или французском языке.

Основные требования к работам аналитического характера, материалам полевых исследований, статьям по музеографии и междисциплинарным исследованиям

Структура этих работ должна быть следующей:

I. Аннотация

Перед основным текстом должна быть аннотация на трех языках: румынском*; русском; английском, немецком или французском. Объем каждой аннотации не должен превышать 1500 символов. Аннотации представляются в формате: *Times New Roman; Font size 10; Space 1,0*.

II. Рукопись основного текста:

Текст представляется в виде рукописи и в электронном варианте в формате: *Times New Roman; Font size 12 pt; Space 1,5*. Максимальный объем рукописи 1,5 а.л., включительно иллюстрации и список литературы

III. Иллюстрации

Представляются на формате А4 в четком графическом изображении. Каждый рисунок должен быть пронумерован и сопровожден легендой. В случае работ на русском или румынском языке легенды рисунков должны быть переведены на английский, немецкий или французский язык.

Желательно представить иллюстрированный материал и в электронном виде (*TIF*, не менее 600 dpi)

IV. Библиография

Сноски на библиографию в основном тексте даются в оригинале согласно следующей форме: (Петров 1999, 15, рис.3,4-6); (Müller 1953, 123, Abb. 15,4-6).

Список использованной литературы представляется в алфавитном порядке в конце основного текста, с учетом следующих требований.

---

* Редколлегия может обеспечить перевод аннотации на румынский язык.

Примеры для монографий:

Bader 1978: T. Bader, Epoca bronzului în nord-vestul Transilvaniei. Cultura pretracică și tracică (București 1978).

Аванесова 1991: Н.А. Аванесова, Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (Ташкент 1991).

Примеры для работ, опубликованных в сборниках:

Metzner-Nebelsick 1998: C. Metzner-Nebelsick, Abschied von den „Thrako-Kimmeriern“? – Neue Aspekte der Interaktion zwischen karpatenländischen Kulturgruppen der späten Bronze- und frühen Eisenzeit mit der osteuropäischen Steppenkoine. In: B.Hänsel und J. Machnik (Hrsg.), Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeit (4000-500 v.Chr.) (München-Rahden/Westf. 1998), 361-422.

Дергачев 1969: В.А. Дергачев, Поселение эпохи бронзы у села Слободка-Ширеуцы. В сб: Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 110-122.

Примеры для работ, опубликованных в периодических изданиях:

Zaharia 1990: E. Zaharia, La culture de Monteoru. La deuxième étape de développement à la lumière des fouilles de Sărata-Monteoru (dép. de Buzău). Dacia N.S. XXXIV, 1990, 23-51.

Качалова 1970: Н.К. Качалова, Ильменские курганы. Археологический Сборник 12, 1970, 7-34.

Примеры для работ, опубликованных в материалах конференций и семинаров:

Sava 1994: E. Sava, Investigațiile istorico-arheologice în microzona Rudi-Tatărăuca Noua-Arionești, raionul Dondușeni. Cronică cercetărilor arheologice. Campania 1993. A XXVIII-a Sesiune Națională de rapoarte arheologice, Satu Mare, 12-15 mai 1994 (Satu Mare 1994), 114.

Савва 1993: Е. Савва, Позднефракийский культурно-хронологический горизонт VII-VI вв. до н. э. в Молдове (по материалам курганного могильника у с. Тринка). Първи международен симпозиум «Севтополис». «Надгробните могили Югоизточна Европа» Казанлък (България 1993), 55-56.

Примеры для научных отчетов и архивных материалов:

Larina ș.a. 1996: O.V. Larina, K.P. Wechler, V.A. Dergaciov, S.I. Kovalenko, V.M. Bicbaev, Perieghete arheologice în raioanele Dondușeni, Drochia, Sîngerei în anul 1996. Arhiva MAE IAE AȘM. Inv. nr. 358 (Chișinău 1996).

Агульников 1987: С.М. Агульников, Отчет о полевых исследованиях Слободзейской новостроечной экспедиции в 1987 г. Архив МАЭ ИАЭ АН РМ. Инв. № 266 (Кишинев 1988).

V. Список сокращений**VI. Сведения об авторе:**

ФИО, научное звание, должность, место работы, почтовый адрес, телефон, факс, e-mail

Рецензии, персоналии, антологии и пр.

Такие работы могут быть представлены в произвольной форме, однако с учетом технических требований, предусмотренных для издания журнала (*Times New Roman; Font size 12 cm; Space 1,5*). Максимальный объем рукописи 0,5 а.л. (не более 20000 символов)

Последний срок сдачи материалов в том VI, № 1-2, 31 августа 2010

Рукописи и электронный вариант на дискете могут быть высланы обычной почтой или непосредственно представлены в редакцию журнала по адресу: Редакция *Археологического Журнала*, Институт культурного наследия АНМ, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова.

Дополнительная информация может быть получена по тел. (037322) 27 06 02; 26 09 56(57)

E-mail: ipatrimoniu@asm.md; dergaciov@mdl.net

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE

Dear colleagues,

The Institute of Cultural Legacy of the Academy of Sciences of the Republic of Moldova invites you to take part in the issue of the *Archaeological Magazine* – Vol. V, Nr. 1-2

The Main Provisions

Papers on Archaeology and applied sciences, which unveil the results of the surveys in the Carpathian-Balkan region and the adjacent territories, will be published in this review.

The main rubrics of the review are as follows:

- analytical works,
- materials and results of the field surveys,
- museum articles,
- applied researches,
- reviews,
- anthologies,
- personalities,
- chronicles of researches.

All these types of papers will be presented in Romanian; Russian; English, German or French.

The editorial board of the review reserves the right to send the manuscripts for additional reading.

The main requirements for analytical papers, materials of field surveys, articles on museum matters and applied researches

Analytical papers, materials and results of field surveys, articles on museum matters and applied researches must meet the special requirements.

The structure of these papers must be as follows:

I. Annotation (summary)

An annotation in three languages: Romanian, Russian, English, German or French must precede the main text*. The volume of each annotation must not exceed 1500 symbols. The annotations must be presented in the following format: *Times New Roman; Font size 10; Space1,0*.

II. The main text

The main text must be presented in the form of a manuscript in an electronic version: *Times New Roman; Font size 10; Space1,5*. The maximal volume of a manuscript must be 1.5 author's list, including the illustrations and the list of literature (bibliography).

III. Illustrations

The illustrations must be presented in an A4 format in a graphic representation. Each illustration (figure) must bear a numeric sign and a legend. If a paper is in Russian or Romanian, the legends of the illustrations must be translated in English, German or French. It is desirable to present illustration in an electronic format (TIF).

IV. Bibliography

The references must be given in the original language in accordance with the following form (Петров 1999, 15, рис.3,4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15,4-6).

---

* The editorial board is ready to provide for the translation of the annotation in Romanian and Russian

The list of the used literature must be given in an alphabetic order at the end of the main text, but with observing the following requirements.

Samples for Monographs:

Bader 1978: T. Bader, Epoca bronzului în nord-vestul Transilvaniei. Cultura pretracică și tracică (București 1978).
Аванесова 1991: Н.А. Аванесова, Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (Ташкент 1991).

Samples for Papers, published in the reviews:

Metzner-Nebelsick 1998: C. Metzner-Nebelsick, Abschied von den „Thrako-Kimmeriern“? – Neue Aspekte der Interaktion zwischen karpatenländischen Kulturgruppen der späten Bronze- und frühen Eisenzeit mit der osteuropäischen Steppenkoine. In: B. Hänsel und J. Machnik (Hrsg.), Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeit (4000-500 v. Chr.) (München-Rahden/Westf. 1998) 361-422.

Дергачев 1969: В.А. Дергачев, Поселение эпохи бронзы у села Слободка-Ширеуцы. В сб.: Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969) 110-122.

Samples for Papers, published in the periodicals:

Zaharia 1990: E. Zaharia, La culture de Monteoru. La deuxième étape de développement à la lumière des fouilles de Sărata-Monteoru (dép. de Buzău). Dacia N.S. XXXIV, 1990, 23-51.

Качалова 1970: Н.К. Качалова, Ильменские курганы. Археологический Сборник 12, 1970, 7-34.

Samples for Papers, published in the papers of conferences and seminars:

Sava 1994: E. Sava, Investigațiile istorico-arheologice în microzona Rudi-Tătărauca Noua-Arionești, raionul Dondușeni. Cronica cercetărilor arheologice. Campania 1993. A XXVIII-a Sesiune Națională de rapoarte arheologice, Satu Mare, 12-15 mai 1994 (Satu Mare 1994), 114.

Савва 1993: Е. Савва, Позднефракийский культурно-хронологический горизонт VII-VI вв. до н. э. в Молдове (по материалам курганного могильника у с. Тринка). Първи международен симпозиум «Севтополис». «Надгробните могили Югоизточна Европа» Казанлък (България 1993), 55-56.

Samples for Scientific reports and archives:

Larina ș.a. 1996: O.V. Larina, K.P. Wechler, V.A. Dergaciov, S.I. Kovalenko, V.M. Bicbaev, Periegheze arheologice în raioanele Dondușeni, Drochia, Sîngerei în anul 1996. Arhiva MAE IAE AȘM. Inv. nr. 358 (Chișinău 1996).

Агульников 1987: С.М. Агульников, Отчет о полевых исследованиях Слободзейской новостроечной экспедиции в 1987 г. Архив МАЭ ИАЭ АН РМ. Инв. № 266 (Кишинев 1988).

V. The List of the Abbreviations

VI. The Data on the Author

Surname, first name, position, place of work, postal address, telephone, fax, e-mail

The main requirements for reviews, anthologies, reviews and other papers

Such papers can be presented in a free form, but with taking into consideration the technical requirements, accepted for the Review: *Times New Roman*; *Font size 10*; *Space 1,5*. The maximal volume must be 0,5 author's list or not more than 2000 symbols

The deadline for submitting papers vol. V, nr. 1-2 is August 31, 2010

The manuscripts and the electronic version on a diskette can be sent by post or directly to the editorship of the Review to the following address: The editorship of the *Archaeological Magazine*, Institute of Cultural Legacy of the Academy of Sciences of the Republic of Moldova, bul. Ștefan cel Mare 1, MD-2001 Chisinau, the Republic of Moldova

The additional information can be obtained on telephone: (037322) 27 06 02; 26 09 56(57)

E-mail: ipatrimoniul@asm.md; dergaciov@mdl.net

LISTA

Instituțiilor de profil de peste hotare cu care Centrul de Arheologie al IPC AȘM întreține relații de colaborare științifică și efectuează schimb de publicații

1. *Eurasien Abteilung des Deutsches Archäologisches Instituts*, Im Dol 2-6, D-14195, Berlin
2. *Institut für Prähistorische Archäologie Freien Universität Berlin*, Altensteinstraße 15, D-14195, Berlin, Deutschland
3. *Bibliothèque de Prehistoire LAMPEA–MMSH 5*, rue du Château de L’Horloge, B.P.647 13094 Aix-en-Provence Cedex 2 (France)
4. MTA Rêgészeti Intêzete Budapest, Uri u. 49, 10145
5. Археологически институт с музей, Българска та Академия на Науките (БАН), Съборна, 2 1000, София, България
6. *Institutul de Arheologie „Vasile Pârvan”*, Academia Română, Henri Coandă nr.11, București, România, 71119
7. *Institutul de Arheologie*, Academia Română – Filiala Iași, Lascăr Catargiu nr. 18, Iași, România, 700107
8. *Institutul de Arheologie și Istorie a Artelor*, Academia Română – Filiala Cluj, Constatin Daicoviciu nr. 2, Cluj Napoca, România, 400020
9. *Centrul Internațional de cercetare a culturii Cucuteni* – Muzeul de Istorie și Arheologie Piatra Neamț, Mihai Eminescu nr. 10, Piatra Neamț, România, 610029
10. *Asociația de studii pentru arheologie funerară* - Institutul de cercetări eco-muzeale, 14 noiembrie nr. 3, Tulcea, România, 38800
11. *Институт Археологии*, Российская Академия Наук, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, Россия, 117036
12. *Институт Истории Материальной Культуры*, Российская Академия Наук, Дворцовая Набережная 18, Санкт-Петербург, Россия, 191065
13. *Інститут Археології*, Національна Академія Наук України, вул. Героїв Сталинграду 12, Київ, Україна, 04210
14. *Государственный Эрмитаж*, Дворцовая Набережная 34, Санкт-Петербург, Россия, 191065
15. *Одеський Археологічний Музей*, Національна Академія Наук України, вул. Ланжеронівська 4, Одеса, Україна, 65026
16. *Кафедра археологии исторического факультета*, Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Россия, 119990
17. *Кафедра археологии исторического факультета*, Санкт-Петербургский Государственный Университет, Менделеевская Линия, 5, Санкт-Петербург, Россия, 191065
18. *Кафедра археології та музеєзнавства. Історичний факультет*, Київський Національний Університет ім. Тараса Шевченка, вул. Владимирська, 64, 01 033 Київ – 33, Україна
19. *Археологічна лабораторія*. Запорізький Національний Університет, вул. Жуковського 66, м. Запоріжжя, Україна, МСП-41, 69600
20. Археологічний науково-дослідний центр «Спадщина», Східноукраїнський Національний Університет ім. Володимира Даля, Квартал Молодіжний 20-а, Луганськ, Україна, 91034

REVISTA ARHEOLOGICĂ serie nouă, vol. V, nr. 2

Redactare: Vlad Vornic, Oleg Levițki, Nicolai Telnov, Larisa Ciobanu, Maia Kaşuba

Machetare computerizată: Viorel Popa

Bun de tipar: 10.03.2010

Formatul 60x84 1/8

Coli de tipar: 14,25. Comanda 973, Tiraj 200 ex.

Întreprinderea de Stat, Firma Editorial-Poligrafică “Tipografia Centrală”,

MD-2068, Chişinău, str. Florilor, 1

tel. 43-03-60, 49-31-46